

На Крыльях Надежды

Проза

Прохор Озорнин

© Creative Commons

Attribution Non-Commercial Share-Alike

<http://ozornin.pro>

Гарантия

Все наличествующие в данной книге произведения являются, помимо прочего, попыткой автора познать самого себя как можно глубже, чище и лучше в процессе творчества и предлагаются вам «как есть» и без каких-либо гарантий.

Мы не ответственны за любое возможное происшествие из нижеследующего списка, а также за все прочие побочные удивительные эффекты, вытекающие из них:

1. Внезапное изменение вашего мировоззрения.
2. Разрушение/преобразование всего того, к чему вы ранее были привязаны и считали единственно дорогим и подлинным.
3. Внезапное вдохновение, откровение, наслаждение, озарение или любое другое «-ение», которое является результатом ваших (и только ваших) мыслей и движений души.
4. Кратковременную неспособность произнести что-либо вразумительное сразу после окончания процесса чтения сего наследия.
5. Читателя, заливающегося истерическим смехом.
6. Читателя, непроизвольно, но в силу собственных духо-движений ставшего разумным/безумным.
7. Читателя, писающего/пикающего/поющего от счастья.
8. Внезапный крик счастья читателя.
9. Читателя, ставшего свободным от огромного количества неестественных социальных ритуалов и предрассудков, и начавшего сеять хаос в сердцах все еще поработанных системой.
10. Попытку читателя «распространить слово» о том, какой страшно-вкусной/невкусно-страшной является вся эта куча бумаг (в том числе для вашего домашнего принтера).
11. Попытку читателя определить текущую авторскую дислокацию с целью пообщаться с ним «лицом к лицу».
12. Решение читателя познать, признать и прознать самого себя через процесс собственного духо-творчества.

Оглавление

Ангельские хроники	- 10 -
<i>Амур.....</i>	<i>- 11 -</i>
<i>Ангел.....</i>	<i>- 14 -</i>
<i>Ангел-Хранитель</i>	<i>- 16 -</i>
<i>Бухгалтерия</i>	<i>- 19 -</i>
<i>Бюро.....</i>	<i>- 25 -</i>
<i>В мире животных</i>	<i>- 36 -</i>
<i>Вероятность.....</i>	<i>- 40 -</i>
<i>Вето</i>	<i>- 43 -</i>
<i>Время.....</i>	<i>- 46 -</i>
<i>Голоса</i>	<i>- 49 -</i>
<i>Дежавю</i>	<i>- 51 -</i>
<i>Диагноз</i>	<i>- 55 -</i>
<i>Жертва</i>	<i>- 59 -</i>
<i>Игрок</i>	<i>- 64 -</i>
<i>Когда Спящий проснется</i>	<i>- 66 -</i>
<i>Наблюдатель</i>	<i>- 68 -</i>
<i>Невероятность.....</i>	<i>- 72 -</i>
<i>Незавершенная история одного космического корабля</i>	<i>- 77 -</i>
<i>Нереальность.....</i>	<i>- 80 -</i>
<i>Подруги</i>	<i>- 84 -</i>
<i>Посланник на планете Земля</i>	<i>- 89 -</i>
<i>Предназначение</i>	<i>- 96 -</i>
<i>Пришествие</i>	<i>- 99 -</i>
<i>Слава</i>	<i>- 105 -</i>
<i>Сценарий</i>	<i>- 109 -</i>
<i>Творцы.....</i>	<i>- 112 -</i>
<i>Хроники Могота Призванный</i>	<i>- 114 -</i>

<i>Шалость</i>	- 136 -
Вера и химера	- 141 -
<i>Осторожно: Бог!</i>	- 142 -
<i>Ритуальность</i>	- 145 -
<i>У Бога нечеловеческая логика</i>	- 148 -
Записки полупросветленного	- 151 -
<i>Голос</i>	- 152 -
<i>Может быть, отец</i>	- 154 -
<i>Монолог с ребенком</i>	- 156 -
<i>Мы</i>	- 157 -
<i>Мысль</i>	- 159 -
<i>О принцах, которых нет</i>	- 161 -
<i>Отрицательный автопортрет</i>	- 163 -
<i>Преступление и наказание</i>	- 165 -
<i>Ребенок</i>	- 166 -
<i>Случайность</i>	- 168 -
<i>СМИ!</i>	- 170 -
<i>Страх</i>	- 172 -
<i>Теория</i>	- 176 -
<i>Точка зрения</i>	- 178 -
<i>Ты пришла слишком поздно</i>	- 181 -
<i>Хвост</i>	- 183 -
<i>Шепот</i>	- 186 -
<i>Экстремизм</i>	- 189 -
<i>Я всегда один</i>	- 191 -
<i>Я чувствую</i>	- 193 -
Л – значит люди	- 196 -
<i>Безымянный</i>	- 197 -
<i>Болезный</i>	- 199 -

<i>Впереди – жизнь</i>	- 201 -
<i>Гламур</i>	- 204 -
<i>Знак Пути</i>	- 208 -
<i>На перекрестье дорог</i>	- 214 -
<i>На пути к солнцу</i>	- 218 -
<i>Нездоровый ум</i>	- 223 -
<i>Оправдание</i>	- 226 -
<i>Подарок</i>	- 229 -
<i>Последнее слово</i>	- 237 -
<i>Предложение</i>	- 239 -
<i>Приговор</i>	- 245 -
<i>Простить</i>	- 249 -
<i>Пятеро в лодке, не считая кошки</i>	- 252 -
<i>Рожденные для жизни</i>	- 255 -
<i>Свободные как ветер</i>	- 260 -
<i>Совершенство</i>	- 265 -
<i>Тля</i>	- 276 -
<i>Тридцатый день</i>	- 278 -
<i>Четверть века за оградой</i>	- 281 -
<i>Шняжечка</i>	- 286 -
Лира и сатира	- 290 -
<i>Говорит Америка</i>	- 291 -
<i>Записки самоизолированного</i>	- 295 -
<i>Мастер</i>	- 299 -
<i>Перформанс</i>	- 304 -
<i>Ху из Ху</i>	- 308 -
Мир света	- 309 -
<i>В Новом Мире</i>	- 310 -
<i>Время героев</i>	- 319 -
<i>Государство Земли</i>	- 323 -

<i>И все болезни пройдут.....</i>	- 324 -
<i>Мечта Бога</i>	- 329 -
<i>Мир, в котором живет Бог.....</i>	- 332 -
Мир тьмы.....	- 335 -
<i>Ваш выбор, люди!</i>	- 336 -
<i>Вирус.....</i>	- 341 -
<i>За Патриарха!.....</i>	- 345 -
<i>Иммунитет</i>	- 352 -
<i>Инфекция</i>	- 360 -
<i>Когда взойдет солнце</i>	- 362 -
<i>Когда спадает пелена.....</i>	- 364 -
<i>Лицензия</i>	- 366 -
<i>Маг Наг</i>	- 377 -
<i>Мертвый город.....</i>	- 383 -
<i>Мир за горизонтом.....</i>	- 386 -
<i>Одинаковые</i>	- 390 -
<i>Они сказали «нет» своему миру</i>	- 393 -
<i>Пандемика</i>	- 398 -
<i>Пандораньюс</i>	- 404 -
<i>Приказываю – демократизировать!</i>	- 406 -
<i>Спрут</i>	- 408 -
<i>Тюрьма</i>	- 412 -
<i>Урок войны.....</i>	- 416 -
<i>Цирк.....</i>	- 420 -
<i>Ч.И.П.</i>	- 424 -
<i>Я, робот.....</i>	- 430 -
Сказы да наказы.....	- 433 -
<i>Бездомный</i>	- 434 -
<i>Ближний и Дальний</i>	- 435 -
<i>Великий Исход</i>	- 437 -

<i>ВЛОМ</i>	- 439 -
<i>Дао Программирования</i>	- 444 -
<i>Критик</i>	- 453 -
<i>Легенда о Божественном Острове</i>	- 454 -
<i>Ноша</i>	- 460 -
<i>Одиссея</i>	- 461 -
<i>Притча о небожьем праведнике</i>	- 464 -
<i>Прошлое</i>	- 467 -
<i>Рыба и Лев</i>	- 468 -
<i>С Богом</i>	- 471 -
<i>Судьба</i>	- 472 -
<i>Счастье</i>	- 475 -
<i>Тут и Там</i>	- 476 -
<i>Учитель</i>	- 478 -
<i>Чудо</i>	- 480 -
<i>Юноша и старец</i>	- 482 -
Танец времен	- 484 -
<i>В поисках мира</i>	- 485 -
<i>Воин Одина</i>	- 495 -
<i>Вперед в прошлое</i>	- 504 -
<i>История одного поединка</i>	- 508 -
<i>Память тысячелетий</i>	- 513 -
<i>План 2020</i>	- 516 -
Фантазия	- 519 -
<i>Как фэнтэзи герои будут сражаться с Древним Красным Драконом</i> ...	- 520 -
<i>Как фэнтэзи герои будут устанавливать Windows</i>	- 525 -
<i>Как фэнтэзи герои будут устраивать спор в таверне</i>	- 528 -
<i>Фантазия</i>	- 531 -
Хроники нашего века	- 540 -

<i>А на экране</i>	<i>- 541 -</i>
<i>Болезни нашего века</i>	<i>- 543 -</i>
<i>В преддверии Нового Века</i>	<i>- 550 -</i>
<i>Гнев войны</i>	<i>- 565 -</i>
<i>Копиразмъ</i>	<i>- 568 -</i>
<i>Мутанты нашего века</i>	<i>- 571 -</i>
<i>Наркотик</i>	<i>- 584 -</i>
<i>Оружие нашего века</i>	<i>- 586 -</i>
<i>П.....</i>	<i>- 595 -</i>
<i>Пронесло</i>	<i>- 597 -</i>
<i>Просветленные нашего века</i>	<i>- 599 -</i>
<i>Телевизор</i>	<i>- 608 -</i>
<i>Эволюция</i>	<i>- 610 -</i>
<i>Эксперт.....</i>	<i>- 614 -</i>
Я к вам пишу	- 616 -
<i>Благотворительность.....</i>	<i>- 617 -</i>
<i>Большинство</i>	<i>- 619 -</i>
<i>Верующий</i>	<i>- 621 -</i>
<i>Волк</i>	<i>- 623 -</i>
<i>Вы.....</i>	<i>- 627 -</i>
<i>Дизайн 2.0.....</i>	<i>- 629 -</i>
<i>Зарплата</i>	<i>- 632 -</i>
<i>Иллюзии толп</i>	<i>- 634 -</i>
<i>Когда приходит смерч</i>	<i>- 636 -</i>
<i>Крутой</i>	<i>- 642 -</i>
<i>Лжец.....</i>	<i>- 644 -</i>
<i>Любимая</i>	<i>- 646 -</i>
<i>Может быть</i>	<i>- 649 -</i>
<i>Мы, кошки.....</i>	<i>- 652 -</i>
<i>Не их же!</i>	<i>- 654 -</i>

<i>Неофициальное обращение к американцам</i>	- 656 -
<i>Неофициальное обращение к книгоиздателям</i>	- 658 -
<i>Неофициальное обращение к лжесудьям</i>	- 660 -
<i>Неофициальное обращение к политикам</i>	- 661 -
<i>Неофициальное обращение к церковникам</i>	- 663 -
<i>Несогласный</i>	- 665 -
<i>Образование</i>	- 667 -
<i>Однажды ты проснешься</i>	- 670 -
<i>Поп</i>	- 673 -
<i>Сущая мелочь</i>	- 677 -

Ангельские хроники

Амур

– Ave! Мыслепочту вчерашнюю проверял? Я там для тебя парочку новых сообщений оставлял касательно нашей парочки и временно-пространственных координат для их потенциальной встречи.

– Так точно, товарищ сержант, проверял. Только вы же знаете, что у меня еще мало опыта, боюсь промахнуться. А что бывает с людьми в случаях, когда ты промахиваешься, нам в Академии еще не успели рассказать, только общий вводный инструктаж дали по технике безопасности при работе с луком.

– Ну, это смотря как промахнуться, – с улыбкой ответил своему кадету его нынешний куратор. – Можно ведь так промахнуться, что всю жизнь потом пристрелянных жалеть будешь, а они тебя и словом или мыслью какой ласковой и не вспомнят ни единожды. Вот, к примеру, ежели ты вместо сердца попадешь им своей стрелой в голову, то уважать друг друга они будут гарантированно – а вот чтобы, как у нас говорится, пройти вместе через огонь, воду и иерихонские трубы – это навряд ли. Если попадешь в район живота, то любить они будут всенепременно – но не друг друга, а каждый свой собственный холодильник, особенно по ночам, особенно после шести часов вечера. А ежели тебя угораздит попасть, в общем, еще ниже, чем у них живот расположен – то пламя страсти в их отношениях будет такое, что живьем сгореть можно, а вот теплого огонька любви не будет никогда. А наша задача – дарить им именно любовь. Так что тренируйся на фантомах и не промахивайся, – с этими словами названный сержантом мужчина с белыми крыльями и золотистым пером на голове одобрительно похлопал своего напарника в новой данной им свыше миссии и встал рядом с ним у стрелковой бойницы крепости, с улыбкой наблюдая, как где-то внизу под ними проплывают кучеряво-розовые утренние облака.

– Спасибо за разъяснения, товарищ сержант. Обязательно учту при тренировках!

– И когда тетиву лука натягивать будешь, крылья назад отводи, чтобы натяжение сильнее получалось, а импульс Амура превышал при попадании сто духовных единиц. Если получится меньше сотни – могут мимо друг друга пройти как ни в чем не бывало, и вряд ли у них что уже после этого будет. А если больше сотни – то всегда срабатывает, опытом проверено.

– Товарищ сержант, а почему именно на автобусной остановке? Ну, вы мне в мыслепочте вчера писали. Я, конечно же, ему сегодня путь туда проложил, с коллегами договорился, время рассчитал, парочку нужных мыслей закинул, даже сон об этой встрече показал. Но вот одного я не пойму – почему там, а не в соседнем парке, он же совсем рядышком расположен, да и народу меньше, им бы удобнее общаться друг с дружкой было бы потом.

– А это, малец, уже не моя воля была – а та, что свыше. Слишком мал я еще такие задачи, как управление судьбами, решать, – рассмеялся сержант. – Мне из Отдела Контроля Судеб информацию спустили, когда на задание назначали. А там, сам знаешь, ребята серьезные работают, и все у них заранее просчитано и выверено бывает. Это вас, мальцов, всему учить надо – даже тому, как лук держать так, чтобы слезы из глаз не брызгали. Ну что, показать тебе на фантоме, как в сердце людей попадать надо, чтобы душа их потом пела от счастья?

– Так точно, товарищ сержант, продемонстрируйте!

– Ну, малец, гляди в оба! – ответил кадету опытный Ангел-куратор, снимая с пояса свой лук. – Видишь вон на том облаке созданные мной фантомы двух людей? А теперь как р-р-р-а-з! – и звонко запевшая в небе стрела аккуратно пронзила сердца сразу двух стоящих друг за другом мишеней.

– Ничего себе! – пораженно воскликнул кадет. – Два в одном! Импульс Амура в две тысячи духовных единиц!

– Учись, малец! Только так их и можно вдвоем за раз уложить! – весело хохотнул сержант.

* * *

Сегодня – если таковое понятие может быть применимо к мирам, где время идет совершенно нелинейно – в Академии было необычайно оживленно. Еще бы! Первый духовно-боевой опыт – это вам не шутки, особенно ежели на твоих крыльях висит груз ответственности за вверенную тебе парочку будущих влюбленных.

Ангелы-кадеты, которым сегодня предстоял первый настоящий боевой опыт, аккуратно парили над землей, держа в своих руках золотистого цвета луки. Луки эти вместе с выкованными для них стрелами были хорошо известным изобретением легендарного инженера Амура, вот уже много эонов как с отличием закончившего Ангельскую Военную Академию, а их самым ценным свойством была способность разить людей насмерть – в том смысле, что после прямого попадания этих стрел в людские сердца в них постепенно умирали все негативные, созданные демоническими оппонентами Ангелов, чувства, повинувшись властному зову заживо рожденной искренней любви. Собственно, именно по имени своего изобретателя многие из людей обычно и называли этих мастеров лука и стрел, хоть это и было неправильно, ведь каждый из них носил свое уникальное, дарованное свыше и трудно произносимое на привычном для людей языке имя.

Академия эта была хорошо известна в Семи Мирах. Напоминающая неприступную крепость, парящую в воздухе над застилающими небо облаками, она была домом для лучших военных инженеров и кузницей бойцов высочайшего класса – а одним из классов таких бойцов как раз и были названные так людьми Ангелы-Амуры.

– Равняйся! Смирно! По ширине крыла в воздухе рядом друг с другом над землей становись! – раздавал команды прибывшим на стрельбы кадетам пожилой, многое повидавший в битвах с демонами и лишенный ими половины крыла, полковник, шагая по созданному из светящихся камней плацу. – Для тренировочных стрельб по парам рассчитайся! К бойницам разойдись!

Полковник ходил взад и вперед от одной бойницы к другой, проверяя боеготовность своих будущих солдат и время от времени поправляя их боевую стойку, отвод крыльев, правильность выбранных целей, натяжение стрел и множество других крайне важных аспектов в жизни каждого настоящего Амура.

– Все готовы? – наконец спросил он.

– Так точно, товарищ полковник! – ангельским хором ответили ему сотни стоящих возле бойниц замка лучников.

– Огонь!

30.08.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Ангел

- Здравствуйте, люди! – улыбнулся Ангел.
- Ты вообще кто такой? – пробурчали они.
- Я – сын Бога, – ответил Ангел. – Я пришел помочь вам.
- Мы тебя не звали! – съязвили они.
- Знаю, – ответил Ангел. – Вот потому-то я и пришел.
- Потому, что не звали? – расхохотались люди.
- Нет, потому что никогда не позвали бы сами.
- Ясен пень, окончен день, – рассмеялись они. – Нам и без тебя хорошо.
- Оно и заметно, – вздохнул Ангел. – Камнями, вижу, уже запаслись, прогонять нас чтобы.
- А? – спросили из толпы.
- Камни из-за пазух выкиньте, – отвечивал Ангел. – Лучше, если на дорогу.
- Ну, знаешь, – поперхнулись люди. – Может, они нам еще пригодятся?
- В небо кидать удумали? – улыбнулся Ангел. – Про гравитацию небось забыли?
- Ничего мы не забыли! Все законы природы ведаем, ее приручая!
- Чтобы приручить, любить надобно. Мы в ответе за тех, кого приручаем.
- Шибко умный ты какой-то, звезданутый ты наш!
- А ножи зачем вам запасенные? Не себя ли резать в смуте удумали?
- Нехай нам себя резать то, окаанный? Это для врагов наших оружие предназначенное.
- Как различать друзей и врагов собираетесь, гнев коль умы ваши ослепляет часто столь?
- Уж разберемся как-нибудь без твоей помощи! Пожили, в жизни что почем ведаем.
- Что за человек стоит там среди вас с котомкой, спину его сторбившей? Почему не озаботились облегчить ношу его вы, праздно стоящие?
- Вот же недалекий! Да в том рюкзаке запас камней для тебе подобных у нас хранится, чтобы под рукой, значит, были всегда они.
- Облегчите ношу брата вашего.
- Дык мы ж в тебя метать камни те начнем, глупый!
- Попробуйте, коли иного не жаждете.
- Ату его, братцы! Бейте, не стесняясь!

* * *

– И где же исполнение желаний ваших, бросающие? Иль не вас предупреджали о гравитации невидимой?

– Больно как ужасненько! Спасите нас, невежественных, от камней в нас назад возвращающихся! Разгоняются камни те, а ноги наши в земле размягшей как в болоте увязли прочненько, и сдвинуться не можем мы более! Спасите нас, жить жаждем нестерпимо все же мы! Спасите, умоляем уж!

– Дайте руки друг дружке вы и меня за руки последние из вас возьмите здесь, из болот вылезти коль желаете. Унесу вас, поверивших, на крыльях своих. Крепко друг за друга держитесь теперь во спасение!

* * *

– Зачем ты спас нас, Ангел присланный?

– Без камней легче ли себя чувствуете?

– Не просили мы тебя об одолжениях! Дома наши разрушены, одежды наши в грязи измазаны – и не по твоей ли милости?

– Не вы ли сами в болото окунулись? Что за пазухой опять держите?

– Раз уж мы измазались в грязи той воницей, то и тебя измажем так же точненько! На нас будешь похож отныне ты, не выделялся чтобы нигде более!

– Черными от грязи своей стать не боитесь ли?

– Ату его, ребятушки! Бейте, не стесняясь!

25.12.2011

*Жанр: Диалог
Категория: Лучшее*

Ангел-Хранитель

– Да? – мой белоснежный Ангел-Хранитель повернулся ко мне и добродушно улыбнулся. – Ты звал меня?

– Я... эм... честно говоря, я не был до конца уверен, что ты меня слушаешь, – промямлил я.

– Я тебя всегда слушаю и слышу, – ответил Ангел. – А вот ты пока, к сожалению, нет.

– У тебя что, никогда не бывает, ну, скажем, обеденного перерыва? – удивился я.

– Нет, – ответил Ангел. – Мне не нужен ни сон, ни отдых. Это вы, люди, спите с широко открытыми глазами.

– То есть ты все время на работе? – догадался я.

– Ну да, – снисходительно отвечивал мой милый Ангел. – Я на службе у Бога.

– И как там у вас... ну, в целом? – не нашел ничего лучше спросить я.

– Хорошо, – ответил Ангел. – Сухо и не капает. Хотя здесь особо выбирать не приходится. Это вам, люди, очень скоро придется.

– Выбирать что? – спросил я.

– Судьбу. Жизнь или смерть. Бога или Дьявола. Свет или Тьму. Как ни назови, суть останется прежней. Ну... – и Ангел замолчал на секунду, – ты то меня, к счастью, понимаешь.

– Понимаю, – ответил я. – Жалко только, что слышу не всегда.

– Все в твоих силах и в желании, – и Ангел вновь улыбнулся. – Собственно, такая у меня работа – слышать тебя и помогать тебе прийти к Богу.

– А что тебе мешает это сделать прямо сейчас? – задал я ему очередной свой вопрос.

– В основном – он, – и Ангел показал крылом налево. – Ну и ты тоже иногда, когда глупости делаешь.

– Кто – он? – спросил я и только тут увидел стоящего рядом Бесенка. – Вот этот черненький?

– Ну, это он тебе сейчас кажется таковым, – отвечивал Ангел. – Но он очень ловко и беленьким способен притвориться аки хамелеон. Видишь, как глаза на меня вылупил? – и Ангел вновь добродушно указал свои белым крылом влево.

– Злится? – спросил я своего Ангела.

– Да, бывает, временами. У него ведь тоже работа. И тоже под суд, как и всех нас.

– В смысле, под суд? – не понял я.

- Ты не знаешь? – удивился Ангел. – Скоро произойдет ревизия мироздания и то, что вы, люди, называете Страшным Судом. Хотя я бы назвал его Справедливым, – добавил Ангел.
- А что будет после Суда? – спросил я.
- Жизнь или смерть, – ответил Ангел. – Для тебя, для меня и для него, – и он вновь указал крылом на Бесенка.
- Ты тоже можешь умереть? – удивился я. – Разве Ангелы не бессмертны?
- Для Суда – нет. Если у какого-нибудь человека, хранимого мне подобными, побеждает его Искуситель, он выживает, а Ангел и человек становятся историей. Если побеждает Хранитель – то выживает он и его подопечный, а историей становится Искуситель. Все просто. Таков Суд.
- То есть повернувшиеся ко злу люди, получается, «подставляют» и своих Ангелов? – ужаснулся я.
- Увы, да. А теперь попробуй представить, – и мой любимый Ангел пронзительно взглянул мне в глаза, – каково это – умирать бессмертному?
- И... много таких Ангелов должно погибнуть?
- По предварительным прогнозам – прилично, – и Ангел опечаленно вздохнул.
- Но... – и он вновь воодушевился, – все еще может измениться.
- Если люди будут слышать вас и свернут с темного пути? – спросил я.
- Да, – ответил Ангел. – Если все-таки смогут победить свою природу. Времени у вас осталось очень немного, – добавил он.
- Немного?
- Когда стрелки часов будут на вершине, – и Ангел замолчал на секунду, – начнутся очень интересные события.
- Мир будет меняться?
- Определенно.
- Я могу помочь людям успеть осознать, что их ждет? – с надеждой спросил я.
- Конечно. Все в твоих силах и в руках Бога. И я тебя тоже не оставлю, разумеется.
- Я так люблю тебя, мой чистый Ангел! – воскликнул тогда я в слезах.
- Я знаю, – кротко ответил он. – Иди ко мне, дай мне обнять тебя своими крыльями.
- Спасибо, Ангел, спасибо за то, что слышишь меня и заботишься обо мне! Давай не будем расставаться с тобой!

– Давай, – ласково ответил Ангел, нежно укрывая меня своими белыми крыльями. – Давай уже, наконец, всегда будем слышать друг друга...

18.10.2010

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Бухгалтерия

Артем Сергеевич был в этот знаменательный день, как это обычно принято говорить, в духе. Собственно говоря, он, этот его донельзя утомившийся пятидесятилетней жизнью дух, в настоящий момент как раз и парил над безмолвно лежащим в кровати телом, выполняя такие воздушные пируэты, которым бы позавидовали лучшие каскадеры и акробаты мира. Тело же, в свою очередь, не подавало ни малейших признаков того, что обычно и принято считать единой данной человеку жизнью. А как только не пытался привести его в чувства дух Артема Сергеевича! Дело дошло даже до оплеух и апперкотов – а все бестолку.

«Я что, умер?» – размышлял про себя кружащий над телом дух. «Тихо-мирно, никого не трогая и заранее не предупреждая, скончался себе во сне? И вот ради чего все это было, хотел бы я тогда знать? И куда мне, собственно говоря, теперь двигаться дальше то?»

Что ни говори, а не легко осознание того, что ты все еще жив при уже бездыханном теле, и не всякому Артему Сергеевичу оно под силу. Прюделав еще несколько десятков сальто и окончательно убевившись в том, что он действительно немного не в себе – по крайней мере, не в привычном для себя себе, – дух Артема Сергеевича молча сел на край кровати рядом со своим прошлым вместилищем и задумался.

«Ради чего я жил – и ради кого я умер? В чем был смысл этой, так внезапно закончившейся жизни, если вдруг выяснилось, что она была совсем даже и не единственной? Что есть жизнь – и зачем нужна смерть, в конце концов? Куда я попал – и что мне теперь делать?» – эти и множество других подобных оным вопросов витало внутри сознания бестелесного Артема Сергеевича, и отсутствие внятных ответов на них вынуждало его дух становиться все более не в духе.

От этих грустных послежизненных размышлений его оторвало чье-то легкое покашливание за спиной. От неожиданности дух Артема Сергеевича сделал очередное воздушное сальто, развернувшись в сторону источника звука. Прямо перед ним стоял красивого вида – возможно, даже такого, каким казался себе сам Артем Сергеевич каких-нибудь тридцать телесных лет тому назад – молодой человек с белоснежными крыльями за спиной.

– Гхм! – озадаченно произнес Артем Сергеевич.

– И вам доброго духа! – произнес в ответ молодой человек.

– Вы, собственно говоря, кто будете, и как вас зовут? И почему вы подкрадываетесь ко мне так незаметно?

– Можете называть меня Проводником Иного Мира, – доброжелательно ответил молодой окрыленный человек. – Меня направили за вами, чтобы помочь вам сориентироваться в этих, скажем так, непривычных для вас обстоятельствах и в дальнейшем сопроводить вас по всем нужным инстанциям.

– Да уж! Обстоятельства действительно непривычны, – согласился Артем Сергеевич. – Я умер, черт возьми! А я-то полагал, что буду жить вечно! Это совсем непривычно!

– В высшей, то есть в духовной степени, – улыбнулся Проводник. – Не каждый день нам приходится умирать, ведь правда же? Хотя некоторые из людей почему-то стали считать, что умирают уже с рождения... Ну что, вы готовы двигаться дальше?

– А куда мы, собственно говоря, направимся? – вопросительно поднял брови Артем Сергеевич. – Разве мне не нужно попрощаться с родственниками? У меня, между прочим, там жена и двое детей еще остались. Вряд ли они будут рады новостям о моей скоропостижной кончине.

– Боюсь, Артем Сергеевич, что они вас теперь уже не увидят и не услышат. Если только через сны – но это вам особое разрешение в Отделе Сновидений придется просить, а его редко кому сейчас дают из, так сказать, временно и безвременно почивших. Поэтому нам с вами все-таки придется двигаться дальше, тут уже ничего не поделаешь. Тем более, что временные рамки прохождения нужных нам с вами инстанций у нас строго ограничены. Ну что, вы готовы?

– Ну что же, если другого выхода у меня нет... – развел полупрозрачными руками дух Артема Сергеевича.

– Широчайший свободный выбор у вас был все время, пока вы жили в привычном для вас физическом мире, Артем Сергеевич. А сейчас нам с вами предстоит четко следовать установленным процедурам.

С этими словами назвавший себя проводником Ангел поднял оперенную руку, вычерчивая в воздухе спираль. Спираль эта по мере совершаемых его руками все новых и новых пассов становилась все более яркой и отчетливой пока, наконец, не превратилась в изящного вида светящийся туннель.

– Переход между мирами, – пояснил Проводник. – Некоторые видят его сами, когда покидают тело. Идемте, – продолжил он, взяв Артема Сергеевича за руку.

Две фигуры – отливающая золотистым светом фигура Ангела и серо-коричневая фигура духа Артема Сергеевича – смело шагнули в туннель. Сначала в глазах у Артема Сергеевича что-то защипало, потом засверкало, потом из них посыпались искорки, голова закружилась, и от увиденного где-то в этих туннельных лабиринтах он окончательно потерял свое сознание...

* * *

– Малохольный тебе какой-то попался. Даже Круги самостоятельно преодолеть не смог.

– Мало кто это может сейчас. Потому нас и отправляют за ними все чаще, ты же знаешь.

– А мне завтра вообще самоубийцу вести предстоит, у него срок окологранных мучений как раз к концу подошел, а духовным еще только предстоит начаться.

– Это еще что. Мне как-то раз поручили сопроводить пару, которые во имя вечной, как им оппоненты наши внушили, любви вместе в промышленный бак с серной кислотой прыгнули. Вот ты бы видел, как у них души потом выглядели, когда их срок для Перехода подошел...

– Чокнутые какие-то.

– Ну, не они первые, не они последние.

– Кажись, твой подопечный в себя, наконец-то, пришел. Сознание у него так и звенит от удивления при пробуждении, прямо отсюда чувствую.

– Да, точно. Давай, веди его к расчетчикам. Вот он удивится.

– Ну, до встречи в небе, ребята.

– До скорой.

С этими мыслями, посредством которых он общался со своими коллегами по отделу и иерархии, молодой белокрылый юноша быстрым шагом направился к лежащему на лужайке с изумрудного цвета травой Артему Сергеевичу.

– Ну вот и хорошо, что вы, наконец, очнулись, – с улыбкой ответил он сонно глядящему на происходящее духу Артема Сергеевича. – Пришлось вас усыпить где-то в середине пути, поскольку в связи с вашими земными делами маршрут, по которому был вынужден пролегать наш путь, как и обитатели этих иномировых троп, были далеко не самыми приятными, – спокойно добавил он.

– Я... что... где... ох! – только и смог выдать из себя наш герой.

– Вы сейчас находитесь в особом месте, на полях восстановления и отдыха. Однако нам уже необходимо продолжить наш путь, потому что мы с вами итак несколько выбились из положенного графика. Кстати говоря, пока вы отдыхали, я уже успел занести в отдел регистрации вернувшихся душ все необходимые материалы, включая вашу родословную, данные о ваших прижизненных делах, привычках и хобби, достоинствах и недостатках. Поэтому сейчас нам с вами, дорогой мой попутчик, предстоит проследовать к расчетчикам в бухгалтерию, ну а после этого – огромные залы ожидания будут ждать вас целый миллион земных лет. Как говорили писатели вашего мира – «за миллион лет до конца света»... или тьмы. Тут уж смотря что вам там в бухгалтерии насчитают.

– Какая еще... бухгалтерия? У вас тут что... бизнес свой, чтоли? Продажи туннельных аттракционов или душ? – спросонья буркнул Артем Сергеевич.

– О, отнюдь, – рассмеялся Попутчик, – отнюдь не продажи! Наши бухгалтеры не покупают и не продают человеческие души, не извольте беспокоиться. Они занимаются расчетом их качества, потому что только качественные души будут приниматься в расчет. Ну, а насколько качественной является ваша душа по нашим меркам, вы скоро как раз и узнаете. Мне, кстати говоря, это тоже будет интересно узнать, – вежливо улыбнулся Попутчик.

С этими словами он поднял на свои руки душу Артем Сергеевича, оттолкнулся ногами от земли и взмыл в поднебесную высь.

– Добрый день, Раэль, – улыбнулась молодая белокрылая девушка в небесно-голубом платье. – Новенький?

– Он самый, – ответил Проводник, опуская Артема Сергеевича на привычную для него почву под ногами, имевшую облик светящегося голубоватым оттенком пола. – Данные по нему отдел регистрации вам уже должен был переслать, проверьте во входящих посланиях. Вы пока его тут рассчитайте, а я в коридоре подожду, ладно?

– Конечно, – улыбнулась расчетчица, которой Раэль явно приходился по нраву. – Ты молодец, что донес его сам. Люди в последнее время что-то заметно слабеет духом начали. То ли дело, когда сам предводитель Иисус к ним спускался...

– Кстати, давно хотел поинтересоваться – а ваша программа это теперь учитывает? Ну, ослабление человеческого духа?

– Учитывает, – улыбнулась Ангелина. – Но, сам понимаешь, это же минус.

– Понимаю... – протяжно ответил Раэль. – Ну, в общем, я в коридоре там жду. Давайте, Артем Сергеевич, присаживайтесь.

– Присаживайтесь! – повторила расчетчица и придвинула к Артему Сергеевичу стул, на который тот нехотя сел. – Итак, посмотрим...

В течение примерно десяти земных минут девушка что-то старательно набирала на устройстве ввода своего визора, а потом изрекла:

– Очень жаль, Артем Сергеевич, но у вас получается отрицательный баланс – минус сто пятьдесят абсолютных единиц. А души с отрицательным балансом в абсолютных единицах мы на баланс нового мира брать, к сожалению, не планируем.

– Что значит – отрицательный? Что у вас за расчеты вообще такие? Какие еще безусловные единицы?! Дурдом какой-то! – возмутился дух Артема Сергеевича.

– Понимаете, в расчетах качества человеческих душ мы используем абсолютные единицы Света. В отличие от принятых в вашем физическом мире условных финансовых единиц, так ослепивших души многих своих приверженцев, мы используем неподвластную времени эволюционную величину. Сейчас, я покажу вам, – с этими словами девушка взяла длинный распечатанный лист и протянула Артему Сергеевичу.

– Вот, например, ваша забота о семье – она была оценена в сто сорок пять абсолютных единиц. Это средний результат, поскольку воспитанием ваших детей вы занимались очень мало, переложив эти обязанности на свою жену и посвящая большую часть своего времени строительству карьеры.

Кстати, суммарные результаты ваших трудовых подвигов получились равны пятнадцати абсолютным единицам – это совсем немного, поскольку социальная полезность вашего труда, связанная с обманом других людей, была не очень велика, да и в этой работе вы не проявляли особого трудолюбия. А за измену вашей жене – двухкратную, стоит заметить – вы получаете минус сорок семь абсолютных единиц...

– Погодите, погодите! – закричал Артем Сергеевич. – Как это – пятнадцать единиц?! Я же святой отец, верующий, в вашу веру людей обращал, к Христу приводил! Вы что, издеваться вздумали над вашими слугами?

– Погодите, погодите! – засмеялась бухгалтер. – Почему же вы называете себя святым? Святые по нашим критериям – это души, баланс которых превышает десять тысяч абсолютных единиц. А насчет верующего... понимаете, но в связи с теми событиями, которые произошли через много веков после прихода нашего Иисуса в ваш мир, и вашим отношением к нему, мы больше не используем это понятие в наших расчетах. Оно было справедливо для первых христиан, а в нынешнее время каждый встречный и поперечный готов бить себя в грудь и называть верующим – и мы уже не говорим о том, сколько душ было измучено и телесно убито за эту вашу «веру» и сколько самообманов совершалось из-за иллюзии о ее наличии. Поэтому мы больше не используем вашу лже-веру в наших расчетах, мы используем понятие «достоинство души». Вот скажите, пожалуйста, Артем Сергеевич, призывать убивать иноверцев – это как по-вашему, достойно?

– Ничего я такого не призывал! – со злостью буркнул наш не очень чтобы и герой.

– А сколько раз вы вашу веру самой лучшей называли, помните? А как тех, кого вы называли атеистами, прилюдно высмеивали на ваших проповедях, забыли? А как кичились силой своей веры и тем, что за нее иноверцев убивать готовы, вам напомнить? Что ж вы теперь нам не верите, когда мы вам о вас же рассказываем? А вот ваше пожелание пешеходу, я цитирую, – «Куда ноги несешь? Усохни уже, тварь ходячая!» – которое вы совершили ровно за день до оставления своего тела, когда неслись на BMW по улицам города и чуть не сбили его, стоило вам, к примеру, минус пять абсолютных единиц. Вот, можете ознакомиться сами. Здесь все верно посчитано.

– Почему молебны за души наших прихожан у вас в минусе, а? – продолжал злиться Артем Сергеевич, скользя глазами по выданному ему расчетному листку.

– Потому, что вы требовали от нашего Высшего Руководителя, которого вы традиционно называете Богом, чтобы он добавил определенное количество абсолютных единиц Света душам тех, которые в большинстве случаев этого совершенно не заслуживают – причем награду за подобную щедрость получить стремитесь уже вы, в виде тех самых условных финансовых единиц. То же самое касается и ваших молитв по расписанию, а не по зову души – они засчитаны вам хоть в небольшой, но минус.

– Ну, знаете! – разъярился Артем Сергеевич, – так вы хоть кого засудите! Даже святых!

– Нет, святые – сами себе лучшие судьи, еще при жизни.

– А это что там... пять с половиной тысяч абсолютных единиц?! – выкрикнул от изумления Артем Сергеевич, краем глаза увидев одну из строк в лежащем на столе расчетном бланке другой души.

– Спасение души, – с улыбкой ответила Ангелина. – Причем совершенно искреннее и действительное. Плюс пятьсот абсолютных единиц за спасение кота, которого эта женщина вылечила и выжила, распродав для этих целей часть своих собственноручно написанных картин. В две с половиной тысячи единиц было оценено ее художественное творчество, вдохновившее несколько других людей на раскрытие собственных талантов. Наши весы предельно точны, Артем Сергеевич, можете в этом даже и не сомневаться.

– Да ну вас нафиг с этими вашими весами-часами-чудесами! – в сердцах воскликнул Артем Сергеевич. – Где тут у вас расписываться надо? Вот распишусь и пойду аж миллион лет отдыхать! Заслужил!

– Пойдите! – внезапно воскликнула небесный бухгалтер. – Наша система фиксирует изменение в ваших расчетных данных. Дело в том, что... ваша жена... она узнала о том, что вы изменяли ей еще при жизни, но... прямо в этот момент там, на Земле... она простила вас и просила нас помочь вам, чем только можно. Теперь у вас стало... дайте, я посмотрю... у вас теперь ноль баллов, Артем Сергеевич. Что же... Наверное, вас можно с этим поздравить. Теперь у вас есть шанс, заслуживаете ли вы его или нет, – тихо добавила она.

* * *

– Вот же ж стерва, – думал Артем Сергеевич, ведомый под руку своим Ангелом-Проводником в залы для очень долгого ожидания Суда. – Хоть под конец жизни, а что-то достойное сделала. Не зря я ее в молодости порол, ох, не зря!

– Ноль... полный ноль, – думал Проводник, скользя глазами по расчетному листу, выданному своему подопечному.

– Святая... – с улыбкой думала Ангелина, глядя, как баланс души художницы и жены Артема Сергеевича, спасшей в этот день его душу, уверенно перешагивает за отметку в десять тысяч абсолютно безусловных единиц.

11.08.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Бюро

Этот день у Антона Павловича не задался с самого утра.

Сначала позвонил его юрист по бракоразводному процессу и с наигранно фальшивым прискорбием в голосе уведомил о том, что вторая его честно нажитая не слишком честным трудом квартира в центре Москвы никак не может быть сохранена за ним, так как является совместно нажитым с его ныне почти уже бывшей женой имуществом. Затем позвонил какой-то хлыщ из Богом забытой страховой компании и предложил «новый уникальный имущественный пакет со страхованием жилья от пожаров» – а это с учетом сгоревшей месяц назад от попадания молнии загородной дачи звучало почти как фирменное, хоть вроде как и ненарочное, издевательство. В дверях же этой самой купленной на деньги с пенсионной аферы второй московской квартиры его уже ждала его новая любовница Джессика, которая томным голосом поинтересовалась, когда же ее «папочка-пуфик» купит ей давно обещанную новую норковую шубку взамен подаренной ей прошлым ее ухажером. Да и новая любовница эта, надобно признать, была довольно паршивой овцой – но прошлая его незамужняя пассия Виктория требовала настолько основательных и капитальных финансовых вложений, что проще и дешевле было нанять себе какой-нибудь восточный гарем, нежели продолжать удовлетворение ее растущих не по дням, а по бумажникам appetitov. И ничего Антону Павловичу в этот момент не оставалось, кроме как изобразить на своем натянутом лице притворную улыбку и поехать вместе с Джессикой в новый бутик.

Что ж поделать, не задался у Антона Павловича этот прискорбный день. Он так давил в педаль газа, стараясь по пути в бутик избавиться от тысячи досадных мыслей, назойливо впивающихся в его бурлящий ум, что не заметил, как давно вышел за границу разрешенных в городской среде шестидесяти километров в час. А, может быть, просто этот последний час стал для него подобно растянувшемуся на одну маленькую персональную вечность?

Бензовоз выехал на поперечную полосу совершенно неожиданно. Хотя, не исключено, впрочем, что он, как и его подвыпивший после недавней ссоры с женой водитель Василий Иванович наряду с Антоном Павловичем и уже упомянутой нами Джессикой давно ждали своего года, дня, часа, минуты и даже секунды этой самой роковой встречи? Увы, ответ на этот непростой вопрос сокрыт от нас в далеких информационных архивах мироздания, и мы не в силах удовлетворить это возможное любопытство наших верных читателей. Как бы то ни было, но в тот момент, когда Антон Павлович и Василий Иванович синхронно вдавили по тормозам, а Джессика пронзительно закричала, невидимые им стрелки часов на мгновение остановились, как будто навечно запечатлевая в памяти мира это самое мгновение, а затем секундная их стрелка сделала свое последнее «так!» и замерла. Черный тонированный джип влетел в середину бензовоза на такой скорости, что опрокинул его на бок – а последовавший взрыв заглушил даже предсмертный крик Джессики.

Ударная волна отбросила две двигавшиеся недалеко машины и трех пешеходов, не нанеся им при этом существенных повреждений, – ведь это были еще не их год, день, час, минута и секунда. Огромный огненный гриб вспыхнул над местом трагедии – а затем все потонуло в реве бушующего пламени...

* * *

Антон Павлович открыл глаза, жадно вбирая своими легкими осенний воздух, сочившийся сейчас наряду с солнечными лучами через приоткрытое окно его спальни. Он медленно протер кулаками глаза, стремясь избавиться от недавнего кошмарного наваждения, и сел на краешек кровати. «Приснится же такое!» – еще не до конца придя в нового себя, думал он. «Аферы, разводы, любовницы, автокатастрофы какие-то... чего только наш ум не способен себе создать! Ну, ничего – главное, что все это было не по-настоящему, всего лишь сон, обычный жизненный сон...»

Так, продолжая успокаивать сам себя, Антон Павлович собирался на работу. Уже позавтракав, уже надев малиновый пиджак и сев в припаркованный у дома черный тонированный джип, уже готовый к новым трудовым честным и не очень чтобы подвигам, он внезапно поймал себя на мысли, что во дворе его многоэтажки стало как-то необычно безлюдно – ни машин, ни пешеходов, ни даже какой-нибудь бездомной собаки, которые тут, впрочем, итак практически не водились. «Выходной сегодня, чтоли?» – мелькнула запоздалая мысль в еще слегка сонном мозгу Антона Павловича. «Точно, выходной! Я же не далее как вчера наконец-то развелся со своей глупой супругой и сегодня как раз собирался отметить этот момент в баре с друзьями!» – вспомнил он. «Все из-за дурацкого сна! Совсем с ним уже из жизни выжил!» Повторно окинув взором пустующий двор своего дома и еще раз удивленно хмыкнув про себя, он ударил ногами по педалям и выехал за дворовые ворота.

Редкие пешеходы на улицах совершенно не вписывались в общую картину многолюдной столицы – они, слегка ссутулившись, передвигались по улицам неспешной походкой и, казалось, совершенно не смотрели друг на друга. Никакого ажиотажа, никакой деловой суеты и спешки, столь привычной для москвичей... казалось, что город вымер – или же массово переселился в одно непостижимое мгновение за многострадальный МКАД.

Бара на привычном для него адресе не оказалось точно так же, как не было и официанта, по традиции услужливо открывавшего перед посетителями двери. Вместо привычного слова из трех букв обновленная вывеска гласила – «Бюро», причем первые две его буквы были написаны черным, а последующие две – белым цветом, а чуть ниже значилось – «Салон всесторонних потусторонних услуг», причем в этой надписи белые и черные буквы уже шли по очереди вперемешку друг с другом. «Сумасшедший дом какой-то», – буркнул про себя Антон Павлович, неспешно припарковывая джип рядом с баром-бюро. «Чего только эти долбаные маркетолухи нынче не понапридумывают ради завлечения клиентов».

– Приветствуем вас в нашем салоне. Добро пожаловать в Бюро! – приятного вида молодой человек в странном костюме приветствовал Антона Павловича, стоило только тому перешагнуть стеклянную вращающуюся дверь сего заведения.

– Скажите, у вас сегодня все так одеты? – с издевкой в голосе спросил Антон Павлович, пристально глядя в глаза этому новоиспеченному официанту.

– Вы, должно быть, намекаете на мои крылья? – ничуть не смутившись, парировал тот. – Честно говоря, я был таким с самого своего рождения – которое, надобно отметить, случилось на несколько зон раньше вашего. И, опережая ваш следующий вопрос, – сочетание цветов в нашей афише символизирует собой Свободный Выбор – весьма полезное для обычных смертных свойство, которым мы, к сожалению, не наделены. Что еще вы хотели бы узнать о Бюро, мой бывший напарник?

– В каком смысле – напарник? – на секунду опешил Антон Павлович, глупо глядя то на официанта, то вглубь зала необычного салона.

– В самом прямом и житейском, – спокойно ответил человек с белыми крыльями за спиной. – Напарник на всю вашу имевшую место быть жизнь. Совершенно, кстати, не замечаемый вами, – казалось, с небольшой толикой просочившейся в голос грусти добавил он.

– Молодой человек, вы в своем ли уме? Я совершенно вас не зна...

– Тогда приятно снова познакомиться! – улыбнулся молодой «официант» и протянул Антону Павловичу свою светящуюся каким-то перламутровым сиянием руку. – Все наши услуги для вас сегодня – совершенно бесплатны! Проходите со мной!

– Не шутите? – строго поднял бровь Антон Павлович.

– Не имею желаний, – буднично ответил молодой человек. – Мне же еще за ваш жизненный путь вскорости отвечать придется.

– Ну и какие же здесь у вас имеются развлечения? – продолжал гнуть свою линию Антон Павлович. – У меня в этом самом месте вообще-то встреча с друзьями и возлюбленной планировалась.

– С Джессикой? Не переживайте, она здесь как раз неподалеку вас уже ожидает. Я бы даже сказал – изнемогает от нетерпения, – улыбнулся Белокрылый. – Но давайте не будем спешить и сделаем все правильно и по порядку. В рамках нашей текущей акции мы готовы бесплатно предложить вам три самых популярных в настоящее время аттракциона.

– У вас здесь что, лубочный цирк завелся? – Антон Павлович в голос рассмеялся собственной неказистой шутке.

– Нет, нет, Господь с вами! Цирк – это же земное, а у нас – иное. Потустороннее, так сказать. В настоящее время у нас проводится беспрецедентная акция – мы заранее сообщаем нашим будущим клиентам о том, что их ожидает.

– Это как? – Антон Павлович изобразил на лице искреннее удивление. – Заранее?

– Ну, видите ли, в чем дело... иногда нам позволяют такое. Мы уже проводили подобные акции... скажем, около двух тысяч лет тому назад. Тогда мы передали вам информацию об этой акции через одного замечательного человека. Как же его звали... Иоанн, кажется. И фамилия еще такая звучная у него, помнится, была – бо... Богослов, точно! А сейчас... ну, вы же сами видите, к каким странным методам нам приходится прибегать.

– Дак это что же получается – эта акция у вас практически бессрочная чтоли?

– Ну, в некотором роде вы, безусловно, правы. Просто нам необходимо время от времени напоминать о ней людям. Но – к делу! Вы ведь давно не прикасались к искусству, Антон Павлович?

– Современные картины у меня дома на стенах есть. И шкафы с книгами классиков... каких-то, – силясь вспомнить, каких же именно, отвечал Антон Павлович.

– Тогда самое время прикоснуться к ныне вечному. Добро пожаловать в Кино Воспоминаний! Сейчас я открою нам двери... – и Белокрылый молодой человек взмахнул рукой, что-то вычерчивая в воздухе. Через пару секунд прямо перед удивленной физиономией Антона Павловича образовались самые настоящие врата, отливающие таким же перламутровым оттенком, как и руки его неожиданного собеседника. – Пройдемте за мной!

– Вот ведь до чего техника дошла... – удивленно хмыкнул себе под нос Антон Павлович. – Чего только ученые-физики не понапридумывают. Это все западные санкции сказались, не иначе! – уверил он сам себя и шагнул в портал.

* * *

Комната, в которой оба они оказались, действительно напоминала таковую из какого-нибудь большого московского кинотеатра – разве что из зрителей были только он и его непонятный костюмированный коллега.

– Четвертый ряд, восьмое место, – удовлетворенно заметил Белокрылый, присаживаясь рядом с Антоном Павловичем на соседнее кресло. – Ваше место.

– А почему так близко? Давайте сядем подальше от экрана, чтобы лучше видеть все происходящее, ведь никого кроме нас здесь больше нет! – недовольно пробурчал Антон Павлович.

– К сожалению, прочие места уже зарезервированы. Это только сейчас и только вам они кажутся пустующими. На самом деле все гораздо сложнее, – ответил Белокрылый. – А это место как раз ваше, ведь именно в сорок восемь лет произошли те самые события, которые недавно «приснились» вам во сне.

– А как вы узнали про мой сон...

– Внимание на экран! – перебил его молодой человек. – Начинается ваше жизненное кино!

Большой, напоминающий своими украшенными резными краями зеркало эпохи средневековья, экран кинозала озарился перламутровым светом, демонстрируя маленькую кроватку с перегородками по сторонам, на которой мирно спал, улыбаясь во сне, ребенок.

– Ваши жизненные воспоминания, начиная с момента просыпания сознания. Вам тогда было, кажется, около полугода. В то время вы были еще совершенно невинны, Антон Павлович, – прокомментировал кадры молодой человек.

...Картины, между делом, продолжали сменять одна другую. Вот ребенок неуверенно делает свои первые шаги, спотыкаясь и падая на попу. Вот он старательно тянет себе ложку в рот, боясь не попасть и поглощая кашу «за папу и за маму». Вот он обнимает подаренного ему в детстве котенка, а глаза его лучатся искренним детским счастьем. Вон он играет на детской площадке с другими детьми в паровозики, а вот катается со снежной зимней горки. Вот пускает кораблики по отражающим в себе небо осенним лужам. Вот ложится вместе с мамой на кроватку и прижимается к ней во сне...

– Говорят, что все дети точно Ангелы, – с печалью в голосе заметил Белокрылый. – А взрослые точно бесы. Это самые чистые и сердечные ваши воспоминания за всю вашу жизнь, Антон Павлович, – продолжил он, наблюдая, как по щекам его бывшего «напарника» по жизни медленно стекает скупая мужская слеза.

...Картины же продолжали жить своей собственной жизнью, сменяя друг друга как в калейдоскопе. Вот молодой «крутой» человек по благу поступает в институт. Вот он ходит на ночные тусовки с одногруппниками. Вот родители дарят ему дорогую иномарку, и он всю использует ее для того, чтобы блистать и красоваться перед девушками легкого поведения. Вот он посещает ночные бары и стриптиз-клубы...

– Трудно сказать, где именно все начало катиться под откос, – снова начал комментировать кадры Белокрылый. – Был ли это мой личный недосмотр, неправильное воспитание родителей, ложные жизненные ценности общества или же в первую очередь ваш личный жизненный выбор, Антон Павлович? Суд знает это наверняка – а я, к прискорбию своему, нет. Мне остается только надеяться, что нам обоим будет дарован еще один шанс.

...Картины продолжали плыть и сменять друг друга, создавая неповторимое ощущение повторного присутствия на своей собственной прошлой жизни. Вот уже взрослый выпускник юридической академии становится чиновником. Вот он идет по головам других, обманывая и наживаясь на человеческой лени, глупостях, страхах, – искренне считая, что живет лишь один век. Вот он заводит любовницу – одну, вторую, третью, но никто из них не способен вернуть ему чувство радости жизни – то самое, которое жило бок о бок с ним лишь в далеком теперь уже детстве. Вот он хочет порвать с этим всем и стать отшельником – но крепко, слишком крепко для его слабой воли держат поныне его прошлые дела и связи...

– Здесь мы демонстрируем самые яркие ваши воспоминания, которые оказались запечатлены в памяти вашей души, а не мозга – и потому стали потенциально бессмертны, превратившись в своего рода дежавю. Вся прочая жизненная мишура – однообразные серые будни, скучная и нелюбимая вами работа, частые повторяющиеся ссоры с женой, приведшие к вашему с ней разводу и прочее – все это было вытеснено из ваших самых ярких воспоминаний и потому не вошло в состав этого фильма. Все это осталось в вашем личном деле в Архивах, куда мы с вами вскоре и направимся, – прокомментировал Белокрылый «официант».

...Картины уже почти летят, стремительно сменяя друг друга, будто годы жизни, проносящиеся вхолостую мимо своих владельцев, обдавая их лишь пылью жизненных дорог. Новые финансовые аферы, новые «концы в воду», новые ссоры с женой, новая любовница, Джессика. День их встречи во второй московской квартире, поездка на джипе. Бензовоз, показавшийся на перекрестке, вжатые до упора тормоза, испуганный раздирающий слух визг его новой пассии... Экран телевизора внезапно погас, и в зале загорелся свет, будто символизируя собой окончание сеанса.

– Почему... почему мое кино закончилось именно на этом кадре... на том же самом, на котором закончился и сегодняшний сон. Почему, черт тебя дери?! – Антон Павлович гневно схватил своего белокрылого собеседника за грудь и начал трясти.

– Давайте не будем употреблять собирательное название этих злобных созданий в данном месте и контексте, Антон Павлович. Может быть, что вам еще предстоит с ними встретиться несколько позже, – спокойно ответил Белокрылый юноша, ловко освобождаясь от захвата. – Давайте лучше вместе с вами проследуем в Библиотеку Судеб – или, как ее еще кратко называют некоторые из нас, – Архивы. Думаю, что ваше пребывание там сможет пролить свет на этот так терзающий вас вопрос. Идемте?

– Идем, – буркнул Антон Павлович. – А потом к друзьям и Джессике.

– Всенепременно, – подтвердил юноша. – Тем более, что они тоже уже ждут с вами встречи.

Взмах руки – и вновь перед Антоном Павловичем возник знакомый силуэт портала с ведущей куда-то внутри него светящейся дорожкой. Вон он делает шаг вглубь этой странной двери – и...

* * *

Библиотека потрясала. И если кинотеатр хоть как-то напоминал своими размерами уже привычный ему московский – то Архивы, кажется, нарушали все мыслимые земные законы физики. Их резные полки уходили куда-то в такую высокую бесконечность, что было совершенно неясно, как под массой наполнявших их книг они вообще способны были держаться. Огромные светящиеся столы из непонятного материала и передвижные лестницы явно были созданы не по человеческим размерам. Коридоры ветвились и терялись, соединяясь и расстыковываясь где-то вдалеке.

Из потолка, которого совершенно не было видно человеческим взором, лился спокойный лиловый свет. Плиточки пола мелодично позванивали, стоило только наступить на них. Где-то вдалеке слышался звук журчащих родников и пение птиц.

– Эй... тут кто-нибудь есть? Ау! – крикнул внезапно испугавшийся собственного одиночества Антон Павлович.

– Здесь мы храним историю всех когда-либо живших и поныне живущих одушевленных живых существ мироздания, – ответил как будто сам себе внезапно материализовавшийся перед Антоном Павловичем белокрылый спутник. – Мы постоянно дополняем ее, поэтому Библиотека продолжает расти, как это между нами говорится, не по дням, а по судьбам. Как видите, она совершенно не предназначена для посещения людьми, – с улыбкой добавил Белокрылый, – но нам разрешили еще ненадолго продлить нашу акцию.

– Постойте, вы хотите сказать, что я мог бы узнать здесь ответ на любой из своих вопросов? – недоуменно почесывая затылок, решил спросить Антон Павлович.

– Любой вопрос, связанный с прошлым, да. А будущее каждого одушевленного индивидуума в частности и миров в целом многовариантно и зависит от того самого Свободного Выбора, о котором я уже ранее упоминал. Только вот для вас здесь доступ в любом случае закрыт – вопросом передачи и получения информации заведуют в основном сотрудники Отдела Контроля Судеб, который располагается совсем неподалеку. Они здесь частые гости, кстати говоря.

– Каким-каким отделом?

– Контроля. Судеб. Человеческих в том числе. Что же тут сложного? Понимаете, Антон Павлович, ваша земная жизнь... как бы это яснее выразиться... не единственная в своем роде. Это в последний раз вас звали Антоном Павловичем, а до этого... а как вас звали до этого, как раз и можно узнать из одной из книг, расположенных в этой самой чудесной Библиотеке. Книге вашей судьбы, которую вы писали собственными делами. Вы что-то делали – а мы это фиксировали, и записывали, и сохраняли. Мы даже эти книги вам показали однажды через того самого Иоанна, помните? У вас должны были сохраниться земные записи о его видениях.

– А... зачем вы это записываете? Вы все-все записываете?

– Все, что имеет отношение к Свободному Выбору, да. Мы храним это для Суда, конечно же. Чтобы без обмана. А то ведь некоторые одушевленные существа в этом мироздании почему-то решили, что они смогут нас обмануть, «обвести вокруг среднего пальца», так сказать. Ну... пусть попытаются, – рассмеялся Белокрылый. – Мы этот их Свободный Выбор тоже запишем и учтем на Суде.

– А что эти сотрудники здесь делают? Они сейчас здесь?

– Скорее всего здесь, но они пребывают в рабочем крыле Библиотеки, а мы с вами сейчас находимся в гостевом. Понимаете ли, некоторые события, происходящие с вами в вашем физическом мире, – они, как бы это сказать... предопределены в мире Высшем – в том числе цепочками ваших прошлых Свободных Выборов, а иногда – волей самого Верховного. Сотрудники этого отдела тщательно следят за соответствием между судьбой и делами каждого одушевленного существа физического мира, при необходимости сверяясь с созданным им до своего рождения планом собственной новой жизни, записанным в личную книгу, и при необходимости стараются корректировать судьбы таким образом, чтобы каждая живая душа могла проявить себя наилучшим образом и раскрыть заложенный в нее потенциал. К сожалению, в случае с вашей цивилизацией галактики Млечного Пути, Антон Павлович, это редко удается сделать – называющие себя людьми существа стали слишком своевольны, причем зло-своевольны, и воспринимают попытки сотрудников этого отдела выправить их искаженные пути как цепочки жизненных неурядиц и бед.

– А можно мне... увидеть свою книгу жизнью?

– Теперь уже можно, – подтвердил Белокрылый спутник. На мгновение он приложил ладонь своей руки к груди Антона Павловича, а затем взмахнул ей в воздухе – и спустя несколько мгновений откуда-то с верхней полки одного из стеллажей на нее плавно, подобно планирующей птице, опустилась увесистая книга, автоматически раскрывшись на первой странице.

– Вибрационный код вашей души, – пояснил Антону Павловичу собеседник. – По нему легко найти нужную книгу. Итак, что вы хотели узнать?

– Вот это... что это за линии и точки здесь такие? Я даже практически не вижу в этой книге понятных мне букв.

– Это карты ваших прошлых Свободных Выборов. Понимаете, дело в том, что каждый выбор несет за собой определенные последствия и предоставляет возможность выборов новых, а все вместе они образуют карты. Точки – это моменты принятия вами решений, когда из множества вариантов выборов вы останавливаетесь на каком-либо одном из них. Цифры наверху стрелок – это вероятности, с которыми на момент принятия решения вы бы выбрали тот или иной вариант. Вот эти ромбовидные фигуры указывают на влияние связанных с ними выборов на выборы и судьбы других людей. В двухмерной плоскости все это выглядит несколько непонятным – но пространства, превышающие три измерения, я, к собственному сожалению, на текущий момент не имею возможности вам продемонстрировать, хотя и могу уверить, что в этих пространствах данные книги читаются гораздо проще и приятнее.

– Филькина грамота какая-то, и практически ничего непонятно! – фыркнул раздосадованный Антон Павлович, тщетно сясь найти в хитросплетении знаков момент, связанный с тем самым злополучным бензовозом.

– Язык, доступный лишь посвященным, – вновь улыбнулся его собеседник. – То есть в первую очередь сотрудникам Отдела Контроля Судеб.

– Пойдемте уже лучше отсюда подобру-поздорову, – желчно добавил Антон Павлович, – к моим друзьям и Джессике.

– Ну что ж, – вздохнул собеседник. – На предварительные Слушания, дак на Слушания!

* * *

– ...В зал Небесного Суда для проведения предварительных Слушаний вызывается Охрименко Антон Павлович. Адвокатом подсудимого назначается его небесный Ангел-Хранитель Мишель, обвинителем его Демон-Искуситель Захурат. Подсудимый и указанные спутники из последней его жизни прибыли, слушания прошу считать открытыми.

Эти слова донеслись до слуха Антона Павловича как раз в тот момент, когда открытый его «напарником» портал с легким мелодичным звоном перенес его в совершенно новое пространство, напоминающее ставший привычным за земную жизнь зал судебного заседания.

– Я... что... где... зачем? Что за подстава?! – недоуменно оглядываясь вокруг себя, пробормотал новотелепортированный подсудимый, еще не до конца прийдя в себя от столь поспешной смены пространства и собственной роли.

– Я тебе потом все объясню, у нас еще будет время, – подмигнул ему Белокрылый, направляясь за предназначенную для него судебную стойку белого цвета. Противоположную стойку черного цвета в другом конце зала заняло жуткого вида хвостатое существо с рогами и копытами.

– Обвинитель, что вы можете сказать относительно последней данной подсудимому жизни в галактике Млечного Пути на планете, известной в прошлом как Гайя, а ныне именуемой просто Землей?

– В-о-о-о-р-р-р, – злорадно прошипело существо, изрыгая изо рта языки темного пламени. – Ж-е-н-о-и-з-м-е-е-е-н-н-н-и-и-и-к. У-б-б-б-и-и-й-й-ц-ц-а-а-а. В-з-з-з-г-л-я-я-я-н-и-и-и-т-е-е-е...

Внезапно в центре зала материализовались образы, очень напоминающие кадры из фильма его, Антона Павловича, жизни – только на этот раз объемные. Кадр сменялся кадром, демонстрируя, как Антон Павлович берет и дает взятки, встречается с любовницами, предается спиртным напиткам – и прочая, и прочая. Это действительно были моменты его жизни – моменты, которые он всячески старался забыть, запрятать на самые глубины своей кричащей болью совести души, но которые, как сейчас только что выяснилось, были тщательно запомнены и сохранены каким-то непонятным механизмом. Заканчивалась вся эта демонстрация последним кадром с младенчески-удивленным лицом водителя бензовоза и открытым в крике замершим и как будто совершенно живым лицом Джессики.

– Вполне убедительная демонстрация, Искуситель. Налицо нарушения трех заповедей и совершение трех типов смертных – подчеркиваю, смертных! – грехов. Желает ли высказаться сторона защиты?

– Да, господин судья, желает, – с этими словами Ангел-Хранитель взмахнул крыльями, и по центру судебного зала поплыли новые картины. Картины эти демонстрировали, как маленький Антон Павлович нежно обнимает свою маму перед сном, как он делится игрушками с ребятами из своего двора, как приходит на помощь школьному другу, когда того пытаются забить до полусмерти подростки из дворовой шпаны, как они гуляют по парку вместе со своей возлюбленной и будущей женой, как они действительно любят друг друга, хотя бы первое время...

– Благодарим вас за демонстрацию, Хранитель. Предоставленные вами эпизоды свидетельствуют о том, что, несмотря на цепочку серьезных нарушений Небесного Закона, обвиняемому все же было не чуждо человеческое сострадание, чувство любви и справедливости, что делает его душу потенциально способной к Искуплению. Желает ли сторона обвинения добавить что-то еще?

– Ж-ж-ж-ж-е-е-л-а-а-а-е-е-т. У-у-у-у-б-б-и-и-и-т-т-т-ы-ы-е, – вновь прошипело существо, со звоном шелкнув по полу зала своим раздваивающимся на конце хвостом.

С этими словами в зале материализовались каждый из своего портала водитель бензовоза Василий Иванович и Джессика.

– Ты! – со злостью выкрикнула Джессика в сторону Антона Павловича, едва успев выпрыгнуть из своего портала. – Мой убийца! Да если бы я знала, что ты меня угробишь в тот день, да я бы даже за мило к тебе не подошла! И шуб мне никаких от тебя не надо! Подлец! Тварь! Убийца!

– Братан, ты чего... а? Ты зачем на красный так... гнал-то? Ты что, не видел, куда прешь? – вопрошающе-недоуменно обратился к Антону Павловичу Василий Иванович. – У меня же там дети остались малые, жена... кто ж их теперь прокормит то без меня, а? Дурак ты, братан, как есть дурак!

– Есть ли свидетели со стороны защиты?

– Да, мать подсудимого.

И вновь с мелодичным звуком открылся портал, из которого вышла мама Антона Павловича.

– Я воспитывала его... как могла, – со всхлипом и болью в голосе сказала она. – В христовых ценностях. У меня же муж пьющий, хоть и банкир. Он его и приучил... к красивой жизни... к спиртному... моего бедного сынишку. А я... как могла... в детстве... пока он чистый был... не запятнать душу...

– Есть ли что сказать подсудимому? Напоминаем, что, согласно правилам, любое его слово – доброе или злое – может быть использовано как самооправдание, так и самообвинение, в соответствии с единым Небесным Законом, установленным Верховным.

– Я... э... я не знал... не ведал, что творил... обещаю впредь так не поступать. Жить по чести и совести... и так далее. Как-то так...

– Все они так говорят, – хмыкнул кто-то из зала присяжных. – Не знал, не ведал, дайте мне, пожалуйста, еще одну жизнь...

– Просьба соблюдать в зале слушаний тишину!

– Простите, господин судья.

– ...Если сторонам обвинения и защиты больше нечего добавить, предлагается завершить первую фазу предварительных слушаний. Заседание суда объявляется закрытым.

* * *

– Ну... все могло быть и хуже, – подытожил Ангел-Хранитель, смахивая пот с крыльев. – Шанс у тебя еще есть – хоть и не особо светлый, но есть.

– И это ты называешь аттракционами? Что за подстава вообще?! Немедленно верни меня назад, разбуди из этого дурацкого сна! У меня еще жизнь есть, Джессика, жена в разводе... мне еще столько исправить надо на этой, как ее, Гайе! – Антон Павлович набросился с кулаками на своего новопривлеченного защитника.

– Эх, глупый ты мой Антон Павлович! – с печалью в голосе вздохнул Белокрылый. – Понимаешь, какая тут есть загвоздка? Нету у тебя больше никакой жизни! Умерли вы, дорогой наш Антон Павлович...

09.07.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

В мире животных

«Добрый новый день в вечности! Рад приветствовать всех оказавшихся сегодня на седьмом небе в стенах нашей обители. Добро пожаловать на ангельскую научно-практическую конференцию, посвященную вопросам эволюции сознаний и тел в сотворенных Всесоздателем проявленных мирах!» – вымолвил молодой (хотя по внешнему виду этих созданий трудно было сколько-нибудь достоверно сказать, сколько небесных эонов уже успела пережить его сотворенная всемогущим Создателем душа) вышедший на сотканную из парящих перламутровых облаков сцену ангел, продолжая между делом плавно взмахивать своими белоснежно-белыми крыльями в такт заполнившей помещение негромкой нежной музыке. Еще раз обведя лучащимся взглядом своих миндалевидных глаз всех собравшихся, число коих было столь велико, что некоторым из них даже не хватило сидячих мест в этом импровизированном небесном храме, так что они были вынуждены плавно парить на небольшой высоте, аккуратно скрестив крылья за своими спинами, он резко взмахнул своим правым крылом, призывая всех к мысленной тишине, дабы через пару иномировых секунд продолжить свою речь.

«Как должно быть известно присутствующим сегодня здесь уважаемым мэтрам, научным светочам и светоносцам в области эволюциологии, биодухологии и биоинженерии, в ходе последних наблюдений за рядом молодых новопереселенных цивилизаций были обнаружены неоспоримые доказательства реверсии того, что в нашем круге принято считать эволюцией Божественного Духа. Речь, в частности, идет о планете в галактике Млечного Пути, именуемой его нынешними обитателями не иначе как «Земля». В ходе своей последней экспедиции на данную планету под видом ее исконного обитателя наш знаменитый и уважаемый исследователь Джоан Христо лично стал свидетелем обозначенного процесса, который вне всяких сомнений заинтересует всех присутствующих сегодня в этом научно-духовном чертоге. Джоан, прошу вас, расскажите собравшимся о результатах вашей последней духовно-исследовательской экспедиции на данную планету».

До сих пор спокойно стоявший невдалеке от центрального облачного постаментов ангел аккуратно взмахнул своими крыльями и плавно спикировал рядом с ведущим. Он был хорошо известен собравшимся здесь сегодня небожителям – пожилой, хоть и бессмертный, побывавший во множестве экспедиций в проявленные миры ангел с ярко сияющим золотистым солнечным цветом символом креста на своем сердце – даром за верную службу Создателю. Вьющиеся ниспадающие на плечи волосы его давно уже покрылись серебром, лицо пересекала пара шрамов, в уголках миндалевидных голубых глаз притаились морщинки, а сам он взирал на собравшихся с легким оттенком печали в память об увиденном в иных мирах. Голос его звучал спокойно и мелодично, словно в согласованном такте с разлитой по помещению музыкой.

«Приветствую собравшихся в зале научных изыскателей!» – на время отбросив свою внешнюю грусть, с воодушевлением ответил влетевший на постамент ангел. «Как уже справедливо отметил наш общий с вами друг Раваэль, мне и сопровождавшим меня в экспедиции коллегам-исследователям действительно представилась возможность совсем недавно побывать на планете, называемой ныне «Землей». Хроники нашей совместной экспедиции уже были переданы в Архивы, и все присутствующие в этом чертоге легко смогут ознакомиться с ними в самое ближайшее время. Ну а сейчас, дабы не отнимать время даже у бессмертных, мне бы хотелось кратко засвидетельствовать перед вами те наблюдения и выводы, к которым мы пришли в ходе проведенной экспедиции в этот проявленный мир».

С этими словами Джоан вдохнул небесного эфира в грудь, сделал эффектную паузу, расправил крылья за своей спиной и, обведя собравшихся в зале своим теплым мысленным взглядом, продолжил.

«Итак, выводы. Сознание разумных обитателей этого мира действительно изменяется – но не таким образом, как было предположено нами изначально, в ходе первичных исследований и построения эволюционных прогнозов. Я и мои коллеги стали свидетелями удивительного процесса сочетания эволюции животного и инволюции человеческих сознаний. Да простятся мне эти простейшие аналогии, но называющие себя людьми обитатели этого мира все более начинают напоминать нам диких, обузданных примитивными инстинктами животных, в то время как традиционно называемые животными представители фауны выказывают все большее количество новых, характерных для наделенных душой существ.

Начну с так называемых животных. Мы с моими соратниками стали свидетелями того, как прежде враждовавшие между собой классы животных начали утрачивать эти свои многовековые враждебные инстинкты, все более сближаясь друг с другом, что особенно характерно для случаев, когда представители этих групп совместно росли и развивались.

Женские особи некоторых видов животных все чаще проявляют свои врожденные материнские инстинкты по отношению к детям других видов, включая готовность защищать их от грозящей им внешней опасности. На моих собственных глазах кошка совершила подвиг мужества, вынеся своих новорожденных котят вместе с маленьким щенком отлучившейся на время собаки прямоком из горящего дома! Этот удивительный случай я подробно описал в своей ежедневной путевой заметке, оставленной в Архивах.

Помимо этого, так называемые домашние животные начали активно приспосабливаться к созданной человеком среде своего обитания, подчас проявляя недюжинную смекалку и находчивость в вопросе использования объектов этой человеческой среды для достижения своих собственных целей. Множество серьезных и одновременно курьезных случаев подобного поведения были запечатлены нами на эфирную ленту, с содержанием которой вы все вскоре сможете ознакомиться.

Мы также стали свидетелями того, как созданное наиболее духовно одаренными представителями людей подлинное искусство – и я веду свою речь, прежде всего, о музыке – способно воздействовать на психику и поведение становящихся все более чувствительными к ней млекопитающих. Звучащая в волнах эфира музыка вызывала у них восторг или даже слезы! Разве это – не прямое свидетельство того, как не наделенные духом представители мира животных все более проявляют качества одухотворенных существ? Мы с вами стоим на грани удивительного будущего преображения этих мыслящих существ – помяните мое слово, коллеги!

А что же те, кто именуют себя людьми, единовластно владеющими разумом существами, спросите меня вы? Увы, но многочисленные свидетельства, собранные нашей исследовательской группой, только лишь подтверждают ранее замеченные вами тенденции к деградации их сознаний и духа до уровня, характерного для прежних представителей животного мира. Мы наблюдали многочисленные проявления самых примитивных животных страстей – гнева, злобы, страха, ненависти, торжествующих в их отношениях между собой повсеместно. Все более утрачивают они способность к межвидовому конструктивному взаимодействию, все чаще бездумно поддаются примитивным инстинктам – будь то желание любой ценой наполнить свой опустевший желудок или удовлетворить возникшее сексуальное влечение. Беспрецедентный масштаб развязанных ими войн как нельзя более наглядно свидетельствует о том, как далеко ушли они от понимания сути изначального плана Всесоздателя, утратив способность чувствовать и быть ведомыми данным им духовным ядром. Не без внутреннего содрогания смотрели мы на раскрывающиеся перед нашими духовными взорами картины того, как родители не только не спасают, подобно названной кошке, а лишь мучают и медленно убивают дух данных им детей. Если они не желают и не хотят защищать от повсеместно происходящего эволюционного вырождения не то, чтобы чужих, а даже своих детей – о каком приписанном ими самим себе наличии разума могли бы мы говорить? Постепенно, в ходе жизни в человеческих телах на этой планете, все более убеждались мы в том, до какой степени вырождения дошли их так называемая наука, ставшая лучшей создательницей мощнейших орудий убийства всего живого, и так называемая религия, уничтожившая ранее данные нашими собратьями-пророками учения света и красоты.

Уважаемые коллеги и братья по небесному духу! Вынужден также сообщить всем вам, что представители этой цивилизации, подобно представителям ряда погибших прошлых, некогда населявших эту планету, начали осуществлять смертельно опасные опыты с клетками живых существ в надежде исправить «ошибку» Всесоздателя, в которых большинство из них – и, в том числе, многие последователи религий – совершенно не верят, и вырастить, таким образом, поколение существ с желанными ими телесно-эмоциональными качествами. Опыты эти, если они не будут вовремя остановлены, вернут их тела в тот самый животный мир, из которого они некогда и вышли, и каковой в лице ряда своих представителей уже превзошел по качеству многих из обитающих в этом мире людей.

В своих путевых заметках мы подробно описали виды наблюдаемых нами земных опытов в области генетики и вирусологии. Прошу вас вместе с представителями отдела Контроля Судеб обратить на них самое пристальное внимание. Вполне может стать, что многих из занимающихся подобными экспериментами или навязывающих их другим придется забирать из их мира досрочно.

Вместе с тем рад сообщить, что не все из ранее прогнозируемых нами негативных инволюционных сценариев сумели реализоваться в их мире, что, в целом, оставляет некоторому числу наиболее нравственно развитых людей шанс на сохранение их духовного ядра. Также я и мои коллеги с интересом ждем новых реализуемых сценариев эволюции флоры и фауны данного мира. Благодарю вас всех за уделенное мне время и спасибо вам за внимание!»

Сделав очередной глубокий выдох и выдержав еще одну эффектную паузу, Джоан медленно, плавно паря в волнах небесного эфира, отлетел от центрального постамент, уступая место своим коллегам и уступая им священное право отвечать на множество уточняющих посыпавшихся из зала вопросов, уточнений и предложений.

Обмен мнениями и строительство дальнейших планов шли в этот небесный день еще очень долго, а когда, наконец, закончились и они – Земля встретила ангелов прекраснейшим из когда-либо сотворенных рукой Творца, чистым и невинным, лилово-розовым солнечным рассветом...

01.09.2021

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Вероятность

Молодой подающий надежды Ангел ходил по крыше девятиэтажки и считал пролетающих над ним голубей, щурясь на полуденном зимнем солнце. Несмотря на полный иммунитет к природному холоду, крылья его время от времени слегка подрагивали, а глаза то и дело суживались, точно он пытался где-то там, вдали городских улиц, разглядеть знакомое ему с рождения лицо. Не с рождения Ангела, конечно – ибо они, бессмертные, давно не ведут счет своим иномировым годам – а с рождения на Земле вверенной ему человеческой души.

Ангел действительно слегка дрожал – но не от холода, как мог бы подумать какой-нибудь случайный прохожий, ненароком взглянувший в этот момент в небо и узревший его слегка видимый в лучах солнца силуэт – а от собственного волнения. Да-да, даже ангелам было свойственно волноваться – особенно в день прохождения своего испытания, определяющего их дальнейшую небесную судьбу! Вот и пытался он хоть как-то отвлечься от этого разлившегося в его крыльях волнительного ощущения, следя между делом за пролетающими небесными птицами.

Птицы, надо отдать им должное, хорошо чувствовали присутствие своего собрата по небу, но как и люди не могли увидеть его обычным, невооруженным должным вниманием и сосредоточенностью взглядом, и потому аккуратно порхали над ним, не опускаясь слишком уж низко. Ну, а вечно спешащие по своим, разумеется, крайне важным делам люди даже и не думали поднимать головы вверх и всматриваться в небесную синеву – и потому-то наш Ангел совершенно не боялся быть ими обнаруженным. Собственно говоря, ему был по-настоящему интересен только один человек, которого он хранил и оберегал с самого ее рождения, и девушка эта должна была появиться на перекрестке двух дорог с минуты на минуту.

«Только бы ее не задержали!» – мысленно уповал на еще более высшие силы Ангел. «А то ведь пройдет мимо – и поминай как звали. И ни тебе долгожданной встречи, ни счастливых свиданий, ни дружной семьи... Как же все-таки важно порой оказаться в нужном месте и в нужное время...» – размышлял он, аккуратно словно кошка и совершенно без страха падения ходя взад и вперед по скользкому заледенелому карнизу.

Все мыслимые и замысленные приготовления уже были сделаны. Сны, советы, предчувствия, договоренности со своим коллегой, даже нужные теплые и подбадривающие душу мысли, которые он нашептывал ей время от времени... И все же крылья Ангела дрожали, и он никак не мог найти себе успокоения. И все же он не терял надежды, а любовь к своему создателю и людям жила в нем с самого момента его сотворения.

В этот день ему специально пришлось ненадолго отлучиться, чтобы успеть завершить все требуемые приготовления. Ангел очень хотел, чтобы все получилось. Вот только свободная воля людей – такая капризная штука...

И потому-то Ангел то и дело пытался еще и еще раз мысленно просчитать доступные ему для вычисления вероятности различных событий и множества их комбинаций, включая финальную вероятность встречи двух будущих возлюбленных. Как ни лети, а высшая математика – это совсем не то, что учат студенты начальных курсов.

Светящиеся в лучиках солнца снежинки все падали и падали Ангелу на его еще более белоснежные крылья, Земля продолжала свой вечный ход в космическом пространстве, а девушки все так и не было видно.

«Не случилось ли с ней чего?» – раз за разом мысленно вопрошал себя Ангел, но сердце и чувства раз за разом же говорили ему о том, что в этом плане беспокоиться не о чем.

Его напарник – Хранитель, приставленный к молодому человеку, с которым-то и должна была сегодня встретиться девушка – тоже куда-то запропастился. Точь в снег с головой канул. Вот и пойдешь найди белокрылого ангела в белом же снегу! И почему же все-таки сегодня так холодно?

Продолжая вышагивать взад и вперед по крыше дома и время от времени смахивать прилипавший к крыльям снежок, Ангел-Хранитель девушки так и не успел заметить, как в один прекрасный момент позади него в ослепительной световой вспышке материализовался его небесный напарник.

– Мороз и солнце... день... чудесный! – проговорил он, склонившись лицом вниз и все еще пытаясь отдышаться после долгого и по всей видимости очень быстрокрылого полета.

– Ну наконец-то! А то я уж думаю – на каком же небе ты запропастился? Заждался уже тебя. Всех голубей за последние полчаса пересчитал – ровно сто двадцать одна птица получилась! Ты как там – устал?

– Ты не поверишь... – все еще пытаясь отдышаться, проговорил его напарник. На седьмом небе я был, в буквальном смысле. На аудиенции... у самого Верховного.

– У Верховного? – глаза Ангела-Хранителя девушки расширились от удивления, а крылья самопроизвольно затрепетали от волнения. – Ну и ну! Нас же туда вообще практически не допускают. Только в исключительных случаях.

– Ну вот... допустили... в рамках плана. Где там... твоя пассия? Еще не появлялась?

– Еще не по...

– Вот она, внизу идет. Наконец-то! – и зоркий напарник указал крылом на один из тротуаров.

– А твой где? Сейчас же она пройдет мимо – и поминай как звали! Все приготовления – пегасу под крыло, а вероятности – в ноль.

– За углом он уже. Видишь, в-о-о-н там? Ну что, готов? Снега в крылья набрал, мысленно прокричать «стой!» приготовился? Действуем строго по команде свыше!

- По какой еще команде? Мы же только с тобой этот план и обсуждали!
- Смешной ты, все о вероятностях беспокоишься. Я же тебе только что втолковывал – на аудиенции я был, планы обсуждали. Знаешь, какая у них вероятность встретиться друг с другом сегодня, дружище?
- Какая? Неужели не встретятся после всего того, что между ними было в их прошлом рождении?
- Неизбежность, вот какая! – засмеялся Ангел-Хранитель молодого человека и ободряюще похлопал своего напарника по крылу. – Ну, на счет «три» – снегом с крыши пли!

08.02.2020

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Вето

– Господин Координатор, как бы вы охарактеризовали текущее состояние анализируемой нами цивилизации?

– Достаточно плачевное, Адмирал.

– Полагаете, они могут повторить путь их предшественников?

– Такую возможность тоже нельзя сбрасывать со счетов. Они начинают стремительно подходить к границам установленных пределов дозволенного и утрачивают то, что они сами охарактеризовали как человечность. Именно поэтому в свое время их планетарная цивилизация вместе с небольшим количеством других была изолирована в первичном материализованном пространстве.

– А историю возникновения их цивилизации они еще помнят, или уже забыли и ее?

– Их так называемые ученые и так называемые служители Бога воюют друг с другом по этому поводу до сих пор. Первые говорят о миллиардах лет жизни, вторые о семи-восьми тысячах лет. При этом первые не допускают мысли о том, что жизнь на подготовленную для этого планету могла быть принесена извне, а вторые – что под событием, которое они называют «сотворением мира», кроется точка прихода первых переселенцев из других миров.

– При этом, насколько я понимаю, они даже не могут допустить мысли о том, что существуют в космосе отнюдь не одни?

– Да, их так называемые ученые на деле стали средоточием невежества и одной из возможных причин гибели их мира. Жестокость и циничность некоторых из них лежит вне контекста понятия человечности. Многие свои изобретения они стали использовать во зло. Именно так однажды было нарушено Первое Вето.

– Вы имеете в виду те эксперименты с атомом, которые погубили одну из предшествовавших им цивилизаций на данной планете? Раздробленный мирный атом оказался не таким уж и мирным, как казалось на первый взгляд.

– Именно их. С изобретением атомного оружия контролировать и стабилизировать ситуацию стало намного сложнее. Нельзя допустить попадание контроля за ним в руки духовно и психически неуравновешенных представителей этой цивилизации. И это, надобно отметить, очень непростая работа.

– А что со Вторым Вето? Они уже научились выходить в космос, так и не научившись и даже не желая строить достойную жизнь в своем родном мире?

– Да, с помощью самых примитивных ракет, перемещающихся в первичном континууме на жидком или твердом топливе. Разумеется, им никогда не совершить таким образом хоть сколько-нибудь значительное по расстоянию перемещение в другую звездную систему.

Собственно, как раз это в значительной степени и усилило их изоляционизм, дав возможность называть себя некоторыми особо неадекватными из них единственной существующей цивилизацией во Вселенной.

– Раз не могут преодолеть подобные расстояния одни – значит, согласно их мнению, неспособны на это и все прочие?

– Именно так, согласно господствующему там мнению. Невежество крайней степени тяжести. Они не понимают структуру пространства и будут принципиально неспособны понять ее до тех пор, пока однажды не совершат духовный прорыв в своем развитии.

– Если вообще совершат. Большинство идет в прямо противоположном от него направлении и даже не осознает гибельности подобного вектора движения.

– Постоянно формируемый и поддерживаемый их злыми мыслями, чувствами и поступками энергоинформационный планетарный фон уже нашел свое внешнее материальное проявление?

– Стихийные бедствия на планете продолжают усиливаться и расти, но представители этой цивилизации в большинстве своем даже не пытаются связать эти явления между собой, словно вся жизнь для них стала бесконечной цепочкой случайных и нелепых событий и совпадений.

– Очень удобный способ откеститься от коллективной ответственности за судьбу своего планетарного дома, не так ли?

– Да, вот только совершенно не действенный и полностью бесполезный.

– Пытались ли легионеры нашего Межпланетарного Совета донести до них эту предельно важную информацию?

– Да, но порой не слишком успешно. Их в большинстве случаев просто не желают слушать.

– Считают сумасшедшими, параноиками, сектантами, блаженными не от мира сего?

– Да, но это не станет оправданием для не желавших слушать, если их мир все-таки погибнет.

– А что с нашими новыми посланниками, вышедшими из недр их собственной цивилизации – с теми, кого они назвали «дети индиго»?

– Мучают, начиная с самого рождения. Завидуют, клеветают, не верят и не желают слушать. Но надежда жива.

– Надежда всегда жива. Но столько зерен потеряно впустую!

– Вы видели, как сильно было разочаровано большинство из них тем, что так называемого «конца света» не произошло в давно ожидаемую ими дату? Как если бы это был какой-то праздник!

- Да, зато произошло нечто совершенно иное на уровне всего Мироздания, а не одной их крохотной цивилизации, возомнившей себя новорожденными богами и вершиной эволюционной цепочки.
- Начиная с этой даты все корректирующие воздействия извне на их планетарную цивилизацию были сняты?
- Да, теперь она находится, что называется, в свободном плавании. И конечная ее судьба зависит от действий и выборов очень большого числа людей.
- А что с Третьим и последним Вето на создание человеческого клона как тела без души? То самое угашение Святого Духа?
- Еще пока не нарушено, но их ученые подходят все ближе и ближе к совершению этого деяния, пытаются вырастить генно-модифицированных «сверхлюдей».
- Скорее уж сверхзверей. Вето не будет снято?
- Не будет. За день до появления человеческого клона на свет будет автоматически приведен в действие механизм сворачивания всей их цивилизации. И вот такого «конца света» не переживет уже ни один из них!
- Это был бы очень печальный и безрадостный конец для всей их как-бы цивилизации, так и не ставшей цивилизованной.
- И пусть наших посланников вновь назовут чокнутыми, сектантами, блаженными – да как угодно, но донести эту информацию до представителей их цивилизации они были обязаны. Галактика «Млечный Путь», говорите?
- Да, именно она. Родная планета этой цивилизации известна также как «Земля».

23.12.2012

*Жанр: Диалог
Категория: Избранное*

Время

Огромные песочные часы серебристого цвета, плавно парящие в центре зала, неспешно пропускали через себя крохотные песчинки, мерно покачиваясь в ходе своей неостановимой работы. Они отсчитывали оставшееся время до одного крайне важного по галактическим меркам события.

Тук. Тук. Тук.

Пройдя через горлышко часов, песчинки падали на дно и растворялись, словно бы их никогда и не было. Словно для вечности времени не существует.

Множественные проекции этих часов Высшего Мира – по одной на каждый из физических миров – отстукивали им в такт свое собственное время.

Тук. Тук. Тук.

Часы нельзя было остановить, но можно было замедлить какую-либо из их проекций.

Солнечные года физических миров сменяли года, эпохи сменяли эпохи, а часы все также шли, уменьшая число оставшихся песчинок с каждым своим мерным тактом.

Тук. Тук. Тук.

Время хранило в себе все. Но кто-то должен был хранить само время.

– Войдите, – ответил сидящий в кресле старец, оторвав свой взгляд от созерцания галактических карт и неспешно повернув голову в сторону двустороннего портала, служившего по совместительству еще и дверью в это загадочное измерение, стоило только мелодичному звонку, оповещавшему о приближении к нему новой человеческой души, разлиться в воздухе.

Спустя секунду перед старцем материализовалась голограмма формы, в которой этот новоприбывший планировал пройти свой очередной – и на этот раз решающий его судьбу – путь в физических мирах.

– Входите, – еще раз повторил Хранитель. – Хотя я и могу ожидать вас целую вечность, но запланированное время вашего рождения и связанные с ним обстоятельства вас ждать, боюсь, не планируют.

С этими словами он взмахнул рукой, вычерчивая в воздухе одному ему ведомую фигуру, и сверкающая фиолетово-голубым цветом сфера материализовалась прямо перед его взором, а из нее вышел – или, чуть правильнее будет сказать, почти что выпал на залитый легким серебристым туманом пол, новоприбывший.

– Я... что... где... ух! – только и смог вымолвить гость, стоило ему подняться с колен после такого во многих смыслах головокружительного путешествия. – Ну и телепортеры тут у вас... так и кидает из стороны в сторону. Вот, помнится, десять столетий тому назад, незадолго до моего предпоследнего рождения...

– Присаживайтесь, – прервал его старец и, взмахнув своими четырьмя крыльями, материализовал перед гостем словно из ниоткуда второе кресло. – Вы ко мне по делу или просто ворчать изволите?

– Я... в общем... из отдела... который судьбы решает, – слегка запинаясь от легкой одышки, пробормотал человек. – По направлению для исправления своих прошлых ошибок в физических мирах с высокой степенью риска. На Землю, в галактику Млечного Пути.

– Вот как? – иронично поднял бровь старец. – Что-то много вас в последнее время туда зачастило. Так и норовят родиться, – слегка улыбнулся он. – Время, говорят, особое. Ошибок, говорят, много понаделали. Жизнь, говорят, у них последняя, решающая. Решается вопрос о потенциальном будущем бессмертия их души, говорят. Ну что же, посмотрим, как вы временем этой жизни распорядитесь.

С этими словами Хранитель вновь сделал легкий пасс руками, и на них мерно опустилась светящаяся книга.

– Что ж, давайте взглянем, что вы там себе напланировали, – иронично покачав головой, ответил старец, листая страницы книги жизни своего нового гостя. – Ученым в этот раз собираетесь быть, как я погляжу? Совершать открытия в области нематериального, вести науку к духовным высотам? Что ж, весьма похвально. Вы уже двадцать третий такой желающий за последние десять земных лет. Могу вам сразу сказать, что восемнадцать из них вообще не стали учеными, нарушив свой неземной договор и разменяв себя на, как это принято там говорить, мелочи жизни. Вы, я надеюсь, так не собираетесь поступать? – и старец испытующе взглянул на своего гостя.

– Н... нет. Не... собираюсь, – слегка опешив от такого неожиданного признания, пробормотал гость. – Буду ученым, как и планировал.

– Тогда могу пожелать вам не сворачивать с вашего духовного пути под гнетом внешних обстоятельств. А они, поверьте моему опыту, у вас обязательно будут – тем более, что вы собрались именно на Землю. Расчетное время вашей жизни... шестьдесят земных лет. Планируете успеть? – и старец вновь испытующе взглянул на будущего ученого.

– Да... планирую. В более зрелом возрасте все равно пользы от меня будет немного.

– Если свернете с пути – то не исключено, что заберем вас раньше срока. Нам пользы от нереализованных душ не очень много, к огромному сожалению. Время не ждет.

– Четвертое измерение, так сказать, – улыбнулся в ответ гость.

– На самом деле седьмое, – поправил его Хранитель, – но вам бы хоть с тремя суметь справиться. О специфике работы часов помните ли? – и старец указал рукой на огромные парящие в воздухе часы, продолжавшие в этот момент мерно отстукивать свой неповторимый в вечности ритм.

– Эм... специфике?

– Время нелинейно. Даже в рамках жизни отдельной воплощенной души оно может менять свою скорость – и, в редчайших случаях, направление. Будете реализовывать взятые на себя здесь обязательства – время для вас будет замедлено, и вы сможете успеть сделать больше – возможно, намного больше, чем планировали изначально. Свернете с пути – и время понесется словно вскач, год за годом, вплоть до момента резкого окончания отведенного вам срока, о котором вы, конечно же, в тот момент уже не будете помнить.

– А как я... узнаю о том, что мне суждено сделать? Об особенностях времени? Я же в момент своего нового рождения буду вынужден все забыть о своем прошлом.

– Вам мы напомним об этом через писателя. Кому-то напоминаем через обстоятельства, кому-то через сны. Некоторым уже бесполезно что-либо напоминать.

– Вроде все ясно.

– Прекрасно. Тогда извольте примерить ваши личные часы.

С этими словами Хранитель извлек из своего светящегося одеяния небольшие наручные часы на тонком ремешке и протянул их гостю.

– Шестьдесят земных лет, как и условились, если не изменятся обстоятельства. Незадолго до окончания срока вы сможете почувствовать, как эти часы начинают звенеть и вибрировать – это значит, что ваше время подходит к концу. Не бойтесь, надевайте их на руку.

– В такие моменты чувствуешь себя бомбой с часовым механизмом, – смущенно признался гость.

– Уж лучше «взорвите», в хорошем смысле, земной мир материалистических научных идей.

– Готово, – сообщил гость, застегнув на руке ремешок часов.

– Напоминаю обстоятельства вашего рождения: бедная семья, добрая мать, жестокий отец, больной младший брат и любящая старшая сестра.

– Суметь бы еще об этом не забыть, когда тебе только один-два года, и ты только и можешь, что писать сам под себя! – хохотнул на ходу гость, шагая в открывающийся для него телепортер.

– Время пошло, – ответил Хранитель, наблюдая, как раскрывшийся в зале портал обнимает душу будущего земного жителя. – Оно никогда не переставало идти, – добавил он.

Тук. Тук. Тук. Словно ответили на его мысли часы.

Лишь над бессмертными они были не властны.

15.10.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Голоса

– К нам заходи, мы врагов победим! Всех их убьешь ты желанием одним! Вшей тех подавишь своей ты пятой! Стой, ты куда?! Возвратись же! Отстой! – кричал первый голос.

– Власть! Велась! Все будет в масть! Не даст пропасть! Желай упасть! – заливался в истошном визге второй.

– Девчонка чудная у нас, она твоя – но лишь на час! Ее ты хочешь, милый мой? Куда же ты?! Постой, постой! – кричал вдогонку третий.

– Наши бумажки лучше девчашки! Бабы те шлюхи и все оборвашки! Лучше ты золото все наше прими, совести голос тот странный уйми. Сможешь купить в мире все, что желаешь! Ты это знаешь? Ведь ты ж это знаешь?! – раскатисто гоготал четвертый.

– Бойся! Мы здесь! Мы тебя все пожрем! Нам все равно, ведь однажды умрем! Страшно тебе все ж должно бы уж стать – так, чтоб забился лицом под кровать! Что, не боишься? Да как ты посмел?! Я ж уже суток так десять не ел! – завывал раскатами грома пятый.

– Ненависть, злоба... такие дела! Милый мой раб, я тебя так ждала! Ниже спустись ты скорее ко мне – здесь так темно и приятно на дне! Ненависть, злоба – отличный клинок! Ну же, спустись, ты же так одинок! – пытался ласкать слух шестой.

– К нам! Сюда! Смотри! Скорей! Стой, куда?! Вот дуралей! – завершали они все разом так, что слились в один какой-то неопикуемый хаотический диссонанс.

– Видишь, как надрываются внизу? Они так всем кричать пытаются, пешим в том числе. Особенно пешим, если быть точнее. Голодные они, – мой белоснежный напарник по небу улыбнулся и указал рукой вниз, где далеко на земле под нами проплывали пейзажи расщелин с периодически извергающимися оттуда языками пламени.

– Тут бывают и пешие? – спросил я.

– Бывают и ползающие. Таких, как правило, очень быстро настигают и, хм, того... хрум-хрум, в общем.

– Сурово.

– Ну, дак... – напарник печально улыбнулся. – Ползать то зачем? Особенно в такое время...

– Кстати, сколько у нас с тобой времени? – парировал я.

Напарник глянул куда-то вверх на пару секунд, затем повернулся ко мне и ответил.

- Время каждого сделано так, что его всегда достаточно при должных усердиях. А у людей в целом – очень мало, – добавил он спустя некоторое время.
- А что делать с ними? – спросил я его, указывая на расстилающуюся внизу Бездну.
- С голосами? Не обращай внимания. Повеют и замолчат. Чем выше взлетишь – тем меньше будешь их слышать.
- Далеко нам с тобой еще? – вопросительно посмотрел я на своего проводника.
- В-о-о-о-н ту звезду в вышине видишь? – и ангел указал на показавшуюся на горизонте сияющую точку.
- Едва заметил, – ответил я. – Но направление движения вроде понятно.
- Вот и отлично, – и ангел улыбнулся. – Тогда вперед к небу – так сказать, на всех крыльях!
- Вперед! – ответил я и улыбнулся ему в ответ. – Вместе с тобой и с Богом!

26.09.2012

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Дежавю

Кирилла преследовал злой рок... или добрый. Выяснить это было довольно затруднительно, поскольку, когда ты уже отплыл от старых берегов, а к новым все еще не причалил, и впереди только и видно, что бескрайнее синее море жизни, а заманчиво-далеких берегов нет и в помине – то и сказать, когда, собственно, на горизонте появится что-нибудь из ряда жизненной водной глади вверх выходящее, было не очень чтобы и просто, а уж определить, к добру оно или ко злу, и тому подавно. Город как город, море как море. Холодное, правда, и город дождливый – ну дак над этим даже сам Петр был не властен... Если только тот, что святым считается – да и то не факт.

А вот что по-настоящему беспокоило Кирилла, посвящавшего, как и полагается всякому настоящему айтишнику, почти всю свою жизнь своему железному компьютерному другу, дак это значительно участвовавшие в последнее время случаи так называемого «дежавю». Странное слово, и явление не менее странное, досаждавшее Кириллу уже несколько последних месяцев точно морской айсберг, вставший на пути его корабля, большая и невидимая часть которого была, как это и водится, недоступна простому человеческому зрению, будучи скрытой толи в глубинах памяти, толи в водах судьбы.

Проявляло это чудо природы себя весьма разнообразно. То сон приснится, в котором он, одетый в диковинный черный цилиндр и фрак, идет по родным улицам Питера с какими-то до крайности необычными названиями на старославянском, точно совсем недавно данными им своевольным Петром-основателем. То носится в этих снах по каким-то подвалам, тщетно силясь найти своих недавно схваченных и увезенных оттуда товарищей. А то встанет перед каким-нибудь Аничковым мостом – и стоит как зачарованный минут десять, так что спешащие на работу люди на него даже коситься начинают, будто он и впрямь сумасшедший какой-то.

«А может, что я и взаправду с ума схожу?» – думал он временами, когда потоки реальности объективной и субъективной смешивались настолько, что отличить их друг от друга становилось уже практически невозможно. «Да нет, просто не высыпаюсь», – раз за разом успокаивал он себя.

А еще бывало, скажем, начнет на работе архитектуру нового программного модуля с коллегами и аналитиками обсуждать, заспорит, распалится, да и ляпнет что-нибудь в духе: «А катись оно все бричкой на Адмиралтейскую набережную!» А потом стоит, раскрыв на полуслове рот, и сам не знает – откуда здесь бричка, и зачем именно на Адмиралтейскую то? А на днях вообще на крышу Исаакиевского собора вылез вместе с какой-то китайской туристической группой, да как начнет «калинку-малинку» под воображаемую музыку вытанцовывать на глазах у ошалевшей публики под объективами десятков смартфонов.

И, надобно признаться, так хорошо она у него получалась, что китайцы даже заплодировали по окончании сего творческого порыва, будто это он для них специально старался. А и не старался он вовсе и вообще сроду не танцевал – ну, не в этой жизни, во всяком уж случае.

Ну вот нормально, да? Ему компьютер уже который год как заменял друзей и девушку, которой у него к его тридцати не было заметно даже на отдаленном горизонте жизни, а он на крышах по выходным вытанцовывает! Может быть, что в этот осенний питерский воздух природа незаметно подмешала что-то свое и забыла предупредить об этом синоптиков и прочих менее опытных в плане знаний о ее возможных сюрпризах жителей культурной столицы? А, может быть, что Кириллу просто надоело плыть по течению в маленьком море своей замкнутой жизни, и он решил разведать новые глубины своего творческого потенциала? Нам, к сожалению, не успели сообщить о его подлинных намерениях, и мы совершенно не уверены, что он и сам отдавал себе в них отчет.

Но дежавю, по всей видимости, все-таки отдавало – и решило отдаться Кириллу без остатка. Вот и сейчас он стоял, глядя на воспетую классиком «адмиралтейскую иглу», а перед глазами его проносились иные – и при этом точно совершенно живые – картины.

Шум бричек. Топот конских ног. Выкрикивающие что-то на улицах города газетчики, размахивающие огромными бумажными листами. Спешащая по мостовой и подгоняемая жандармом бригада рабочих. Две дамы с миниатюрными белыми кружевными зонтиками в старинных широкополых платьях, неспешно прогуливающиеся по парку вместе со своими маленькими ручными собачками. «Шутейный парк» Петергофа, выглядящий совсем иначе. Царский полк, марширующий по брусчатке на площади с фонтаном...

Точно какая-то иная жизнь, иная реальность накладывалась в сознании и мыслях Кирилла на эту, признанную всеми считающими себя адекватными людьми единственно существующей, единственно верной. Эта вторая реальность определенно имела отношение к прошлому времени, когда человечество еще не вышло в космос, но люди, как и сейчас, считали себя вершиной эволюции и последним, существующем в единственном экземпляре, эталоном разума.

А что есть разум, и где его эталон? Может быть, что наши предки из прошлого были гораздо разумнее нас, современных, мечущихся по кругу в поисках своего личного счастья, неготовых принять свою судьбу таковой, какой ее хотели бы видеть высшие силы, в которые многие из нас уже давным-давно не верят? Может быть, что это мы, подкованные по технологическим меркам сами себе современники, без зазрения совести уничтожающие друг друга, уже давно массово сошли с ума без всяких загадочных дежавю?

– С ума сойти!

– Что, простите? – переспросил резко оторванный от своих внутренних размышлений внезапно заговорившим с ним собеседником, Кирилл.

– Я говорю – с ума сойти, как красиво у вас здесь! – повторил неожиданный незнакомец. – Красивый город, говорю! – засмеялся он, обнажив пару золотистого цвета зубов.

– Красивый... – вяло повторил вслед за ним Кирилл, еще не до конца придя в привычного себе себя. – А вы сами то откуда?

– Я то? С Байкала буду. В командировке здесь. Вы цените ваш город, красивый, хоть и мокрый! Ну, бывайте! – сказал непродолжительный незнакомец и без новых лишних слов пошел дальше по одному ему ведомым делам.

– И правда красивый, – новый голос раздался над ухом начавшего было опять уходить в мыслях от мокрой реальности в уютного и теплого себя Кирилла – женский, на этот раз. Девушка лет двадцати пяти облокотилась на ограждение набережной, с интересом поглядывая то на задумчиво смотрящего вдаль Кирилла, то на проплывающие по Неве корабли.

– Мой родной, – нехотя промолвил Кирилл. – И он действительно мокрый. Вот прямо как сейчас. Укройтесь лучше зонтиком, а то даже от моросящего дождя можно промокнуть и заболеть, – с этими словами Кирилл протянул девушке свой зонт.

– Благодарю, но зонтик мне не нужен. Я люблю дождь, – улыбнулась она. – Навевает всякие разные мысли и воспоминания. Даже дежавю иногда.

– У вас тоже? – вопросительно посмотрел на нее Кирилл.

– Что тоже?

– Ну, вы сказали – дежавю. У вас они тоже бывают?

– В последнее время постоянно. Спасу от них нет! – засмеялась она. – Вот не далее, как вчера, мне приснился сон, что я гуляю под дождем и смотрю на корабли – и чтобы бы вы думали? Сегодня я действительно гуляю под дождем и смотрю на корабли.

– Удивительно прямо, как совпало!

– И не говорите, – улыбнулась девушка. – Вы местный, да?

– С самого своего рождения, которое было я уже даже не упомяну сколько лет назад, особенно с учетом всяких разных дежавю.

– А я недавно сюда переехала, из Челябинска. Здесь хоть и мокро, но воздух свежий. И творить как-то легче получается. Меня, кстати, Лиза зовут, – представилась девушка.

– «Лиза, не исчезай», – процитировал известную песню Кирилл. – А меня Кирилл. Сразу видно, что вы из сурового города к нам приехали, дождя совсем не боитесь. А что именно вы творите?

– Я такая, – улыбнулась недавняя незнакомка. – Я художница начинающая, картины рисую. Здесь у меня выставка моих работ будет скоро, вот я и приехала. Может быть, мне здесь и остаться, как думаете? – подмигнув Кириллу, добавила она.

– Ну, дождь вы уже, как я посмотрю, победили. Осталось только дежавю победить – и все у вас должно быть хорошо, – улыбаясь, ответил Кирилл. – А я как кура лапой рисую, кстати говоря. Совсем не умею рисовать.

– Ой, а я не хочу его побеждать. Мое дежавю такое интересное иногда бывает! Мне с ним даже комфортно стало. Ну, что-то вроде лучшего друга, который всегда рядом, и с которым совсем не мокро. А по поводу рисования... наверное, каждый рисует так, как умеет. Можно рисовать, скажем, делами – такие интересные картины могут получиться!

– Делами... Да, вы правы, – задумался на несколько секунд Кирилл. – Кстати, а что вы делаете в эти выходные? Синоптики обещали хорошую погоду. Хотите, погуляем вместе по Питеру? У нас есть, на что посмотреть приезжим. Сходим в Эрмитаж?

– Можно и погулять, – зарделась девушка. – В Эрмитаже я еще не успела побывать. А вот одно из моих прошлых дежавю вполне себе там уже отметилось!

* * *

Два молодых белокрылых юноши, истинный облик которых мог бы подать людям немало мыслей о том, что высшие силы все-таки существуют, и им все равно, что думают об их существовании всякие там земные скептики, иронично поглядывали друг на друга. После стольких лет их основное задание было, наконец-то, выполнено, и теперь оставалась лишь легкая корректировка курса для их подопечных.

Для осуществления встречи уже названных нами Кирилла и Лизы этим двум их невидимым кураторам из иного мира пришлось даже прибегнуть к механизму пробуждения прошлой памяти в душах, но на это было получено разрешение свыше. А память, хранимая в душах людей, как это известно любому даже самому начинающему Ангелу-Хранителю, сильнее смерти. Точно также, как и любовь.

«Забавное название для этой памяти придумали люди», – размышлял куратор Кирилла, глядя, как тот идет на встречу с Лизой, неся в правой руке букет из роз. «Дежавю... придумали же слово!»

«Ты ведь помнишь тот сон, который я показал тебе, правда?» – задал невидимый мысленный вопрос для Лизы ее белокрылый куратор. «Тот, в котором вы встретились с ним еще до вашей встречи? Расскажи ему о нем. Теперь уже можно... Теперь уже это ваша новая, самая настоящая, нарисованная вашими собственными делами реальность».

09.09.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Диагноз

– Ну-с, проходите, голубчик, присаживайтесь. С чем изволите сегодня к нам, так сказать, пожаловать-ся? – и лицо доктора в черном халате расплылось в улыбке, обнажив на краткий миг с десяток золотых зубов. – У нас ведь так всегда, коль не пожалуешься, бремя земное свое, так сказать, не облегчишь – то и не выздоровеешь. А коль пожалуешься – сразу легче становится на время какое-то, хоть потом и за человека себя не считаешь. Верно я говорю? – и доктор присел на стул, приглашая пациента сделать то же самое. – Ну, рассказывайте, что и где у вас болит, Джош.

– Я... доктор, понимаете, что-то со мной не так, – начал свое признание пациент, продолжая от волнения слегка ерзать на стуле. – Я... я стал чувствовать радость, доктор!

– Вот как? – и доктор с прищуром посмотрел на своего нового клиента, отложив в сторону ручку. – Вы же знаете, насколько губительно для здоровья вашего организма это запрещенное нами чувство? И давно это у вас началось?

– Уже несколько месяцев, доктор. Я сам себе места не нахожу! Мне стало казаться, что вся моя текущая так называемая жизнь совершенно неуместна в том смысле, что я совершенно не на своем месте. Что я способен делать что-то иное, гораздо более значимое, что-то по-настоящему стоящее...

– Ну как же это не на своем месте, голубчик? – с улыбкой ответил ему доктор, между делом холодно и изучающе скользя стального цвета глазами по лицу пациента. – У вас очень престижная должность руководителя совета директоров одного из крупнейших банков нашей страны – а это значит, что никакого материального дискомфорта вы совершенно не должны испытывать. Я ведь прав?

– Дело не в нем, доктор. К чертям этот комфорт! Мне страшно. Теперь мне с каждым днем становится все более страшно прожить не своей жизнью, понимаете?

– Так уж прямо и к чертям? – и доктор вновь обнажил с десяток золотых коронок, привстав со стула и начав неспешно ходить по кабинету. – А с чего все это у вас началось, не расскажете?

– Понимаете, шесть месяцев тому назад я... я увидел сон. Очень необычный сон. Мне такие снились только в д... де... в периоде, когда я был очень физически мал и слаб. И в этом сне я... я летал, доктор! Сначала я был огромной бабочкой с прекрасными цветастыми крыльями, которая порхала от цветка к цветку, а потом внезапно превратился в могучую синекрылую птицу, взмывающую высоко-высоко в поднебесье и камнем пикирующую вниз, а потом...

– Достаточно! – внезапно резко оборвал его доктор, высоко подняв руку. – Вы же знаете, что министерство здравоохранения категорически запретило испытывать чувства радости и восторга в связи с тем, что они приводят к необратимым последствиям в организмах наших пациентов – и тем более пытаться заразить этими чувствами других, что вы сейчас как раз и попытались сделать!

– Я... про... простите, доктор, – и Джош смущенно опустил голову. – Я не знал, что оно заразительно.

– О, еще как заразительно. Однажды, примерно две тысячи ваших лет тому назад, мы уже боролись с самой настоящей эпидемией! К счастью, в тот раз нам удалось одержать верх. И мы как мировые врачи не хотим, чтобы этот планетарный инцидент вновь повторился, понимаете?

– По... понимаю.

– Расскажите подробнее о том, о чем вы думаете и что ощущаете в последнее время.

– Временами я стал ощущать и вести себя как р... ре... как же называется это слово? – нахмурился пациент, точно сиюсь превозмочь невидимый барьер в памяти. – Ре... ребе... ребенок! Я точно вновь стал ребенком, доктор. После того злополучного сна я на короткие часы своей жизни совершенно перестал ощущать столь нормальные и привычные мне и всем моим знакомым ощущения печали, скуки и внутренней тоски.

Сначала я стал улыбаться, доктор – но... но не совсем той улыбкой, которой вы улыбаетесь сейчас, глядя на меня. Потом внутри меня стал рождаться какой-то внутренний смех – но это был не тот смех, которым сейчас смеются люди во время общественных торжеств и празднеств. Потом... потом что-то изменилось в моем зрении – и вся моя жизнь стала выглядеть для меня такой смешной и такой... нелепой. Я стал ощущать себя точно робот, день за днем выполняющий рутинные социальные задачи, но так и не способный найти время для того, чтобы... чтобы жить, доктор. Будто до этого я вовсе и не жил, понимаете? Будто до этого я точно спал – и только в том самом ужасном сне по-настоящему, взаправду проснулся.

Постепенно я перестал бояться открыть кому-то свою д... ду... черт, что же вы сделали с этим словом, совсем забыл его... душу! Я стал как р... ребенок легко сходиться с новыми людьми и без привычных мне сожалений и тоски при необходимости расставаться с ними. Я начал чувствовать, что внутри них... что внутри них есть что-то точно такое же, живое. Что эти взрослые люди – они... они дети, доктор, просто... просто это навеки замолчавшие дети, точно им насильно заклеили рот, чтобы они не кричали от восторга. Чтобы они плакали от боли и тосковали по несбывшемуся обещанному им свыше счастью...

Я перестал бояться грядущего и примирился со своим прошлым. Мне стало казаться, что причинять другим ту боль, которую постоянно испытывал я сам, как-то совершенно бесчеловечно.

А потом, в один из дней, когда я возвращался домой с работы, я... у меня было немного свободного времени, такое очень редко ныне случается, но все же... и я... в общем... стыдно в этом признаться, но я... я поднял свой взгляд на небо, доктор, и там... там было солнце! О, как ослепительно ярко оно светило всем нам! Какой радостью оно наполнило меня в тот миг... вся столь привычная мне тоска в одно мгновение растаяла под его теплыми ласкающими лучами. В тот... ужасный момент... мне захотелось закричать от восторга, потому что я вновь на краткий миг ощутил себя живым. Вы меня понимаете, доктор? Черт возьми, наверняка вы даже не представляете, что это такое – чувствовать себя живым!

Затем... затем ко мне стали приходиться разные странные мысли, доктор. Я пытался с ними бороться, старательно отбрасывал их, но они раз за разом возвращались по мою душу вновь. Я думал о том, что... что если бы люди испытывали то, что испытывал в те странные дни я, то... то они перестали бы мучить друг друга. В мире не стало бы войн. Каждый нашел бы то доброе, чем он по-настоящему хотел бы заниматься, и это принесло бы ему счастье – а вместе с этим вдохновило окружающих на поиск самих себя. Каждый пришел бы на свое место – не то, которое было навязано ему модой или рекламой, а выбранное ранее его ду... душой. Мир бы преобразился. Дети... дети часто несчастны в нашем, взрослом мире, но... но в мире детства они... они точно ангелы, доктор. В мире детства не было бы нашей неизбывной боли... Вы меня понимаете? Ни черта вы, наверное, не понимаете, доктор!

– О, не переживайте, голубчик, я все прекрасно понимаю. Синдром Детства – вот ваш диагноз, дорогой мой Джош.

– Не... не может быть! – и возбужденно шагавший по кабинету пациент с ужасом сел на стул, взгляд его остановился, а блестящие до этого глаза внезапно наполнились слезами. – Неужели все настолько серьезно?

– Все очень серьезно. Все признаки диагноза на лицо – и я бы даже сказал, на лице. Вашем живом лице, несчастный мой Джош.

– Но доктор, я же только теперь стал по-настоящему счастлив, пусть и с вашим ди... диагнозом, не оставляющим мне шансов на нормальную жизнь.

– Вот именно поэтому мы будем вынуждены принудительно направить вас на стерилизацию памяти и чувств, Джош. Мы не можем допустить, чтобы ваша болезнь поразила наш совершенно здоровый общественный организм.

– Но я... я не хочу, доктор... отпустите! Пустите! Ироды! Черти! Душеубийцы! – закричал Джош, как только внезапно вошедшие в кабинет люди в черных халатах взяли его за руки и волоком потащили прочь в неизвестном направлении.

– Все там будем... – философски заметил его собеседник, обнажив свои золотые зубы.

* * *

– Черти, говорите? – ухмыльнулся доктор, как только представители службы контроля за душами увели нового пробужденного на операцию по стиранию памяти. – А вы знаете, ведь в чем-то вы даже правы...

С этими словами он неспешно сел на стул. Хвост его от пережитого возбуждения то раздваивался на конце, то вновь сливался в одно целое, а копыта постукивали в нетерпении. Еще один пробужденный. Плохо. Статистика неумолимо свидетельствовала о том, что таких с каждым днем становится все больше – а это значит, что и бороться с ними впоследствии будет все сложнее. Нужно было что-то придумать, чтобы вернуть людям утраченное ощущение счастья, одновременно не дав найти подлинных себя. Вторую планетарную эпидемию они не переживут.

18.11.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Жертва

– Командор, вы, я надеюсь, понимаете, что были вызваны сюда не случайно? – с этими словами бессменный руководитель Братства оглядел своего подчиненного, не вторгаясь, впрочем, в его пси-поле. Он знал, что сможет прочесть все, что ему требуется, по выражению лиц, и ему сейчас были не нужны отточенные до совершенства за несколько тысяч лет боевые навыки школы псионики. – Дело будет касаться вашей последней миссии на планете Земля.

Его подопечный, командор второго ранга группы «Альфа», был хорошо известен в кругу Братства как основатель школы тактики и стратегии, а также командир с одними из наиболее высоких показателей успешности выполнения планетарных миссий в Проявленных Мирах. Но вот Земля... Земля оказалась гораздо непредсказуемее, чем им виделось до своего рождения на ней. И недавняя их миссия на ее просторах лишь стала лишним тому подтверждением.

Командор выпрямился точно по команде «смирно», глядя, как золотистого цвета глаза предводителя Братства скользят по строчкам информационного бюллетеня, подготовленного архивистами по итогам их последнего на текущий момент задания. Строчки на иномировом языке высвечивались в воздухе перед его глазами, сверкая своим серебристым оттенком в наполнявшем помещение эфире, и нежно таяли, навсегда растворяясь в нем, чтобы затем вновь остаться сокрытыми в хранилищах архивариусов.

Иномирье – так условились называть свой мир его обитатели. Здесь не работали привычные для Проявленных Миров законы физики, химии, биологии и множества иных так называемых «наук». Мир этот сам был наукой для своих обитателей. Иномирье служило своеобразным связующим узлом между всеми проявленными мирами – точкой входа и выхода из них одновременно. Множественные порталы, соединявшие Иномирье с иными мирами и представляющие собой редчайшие по своей природе разрывы ткани времени и пространства, были щедро разбросаны по его собственному пространству рукой своего создателя. Вход в один из таких порталов становился рождением в связанном с ним проявленном мире, а в ходе так называемой смерти мог быть совершен возврат через порталы-рифты назад в него же. Такой переход всегда сопровождался облачением в ту внешнюю форму-оболочку, которая была привычной для обитателей каждого из проявленных миров, и, только оставив ее, было возможно вновь вернуться в родное, обладавшее множеством измерений, Иномирье через функционирующий портал-рифт.

Когда-то, на заре освоения этого мира, когда точные местоположения этих порталов еще не были широко известны, первопроходцы часто становились невольными жертвами различного рода казусов, связанных с этими рифтами, по неосторожности переносясь – и, таким образом, рождаясь – то в одном проявленном мире, то в другом.

Время в Иномирье текло своим, особенным образом, и путешествия в иные миры, пусть даже самые длительные, занимали, как правило, не более одного иномирового года – но, несмотря на это, даже такое временное отсутствие любого из Духов могло породить множество вопросов самого разного толка у знавших его лично собратьев. Вот что бы сказала жена какого-нибудь гуманоида из системы Альфа-Центавра, если бы ее муж ушел осматривать местные окрестности и вернулся спустя целый год? У жителей Иномирья, конечно, не было привычных для проявленных миров делений на социальные группы (иначе бы не смогло родиться Братство), и жили они бесконечно дольше их обитателей, но случайное блуждание по проявленным мирам тоже, как правило, не входило в их повседневные планы. Поэтому, после точного картографирования всех найденных на текущий момент рифтов, доступ к ним был строго ограничен исключительно для членов Братства, Вольных Странников и представителей Верховного Совета. И каждое такое рождение в проявленном мире обязательно сопровождалось своей собственной Миссией.

– Касательно вашей последней Миссии на планете Земля в звездной системе галактики Млечного Пути, командор, – продолжал лидер Братства, – как вы, должно быть, помните, мы отправили вместе с вашей группой еще одну, в которую входил ваш, по земным и духовным меркам, брат. И вы должны были...

Братство родилось как ответ на то зло, под которым содрогались – подчас до самых своих оснований – некоторые из проявленных миров, и в течение нескольких тысяч иномировых лет стало широко известно не только в своем собственном Иномирье, но даже и в некоторых из проявленных миров. Кто-то называл его Братством Духа, иные – Братством Света, иные – Рыцарями Сияющего Сердца, а наиболее уважающие его почитатели – даже Ангельским Братством. Вступая в Братство, каждый Дух Иномирья брал на себя обязательства по строжайшему выполнению его кодекса и заветов, основанных на добре, чести и справедливости. Служение делу Братства принимало множество форм в соответствии с наиболее ярко выраженными у его членов проявленными способностями.

Была в нем, к примеру, школа Псионика, члены которой специализировались на телепатии – искусстве читать мысли и ощущать чувства жителей проявленных миров и, чего греха таить, также и обитателей своего собственного мира. Это был исключительно полезный навык, особенно для молодых проявленных миров – и команды, идущие на миссию в какой-либо из них, всегда, как правило, включали в себя как минимум одного псионика.

Из других наиболее широко известных в стенах Братства школ была школа Творчества, adeпты которой специализировались на мысленной визуализации идей и объектов. Подкрепленная верой мысль была основным строительным элементом Иномирья, а путем ее усиленной концентрации можно было создавать в нем не только отдельные новые предметы и наполненные ими пространства, но и в исключительных случаях даже влиять на определенные события и обстоятельства – как в Иномирье, так и в проявленных мирах.

Проявленные же миры такой роскошью, к сожалению, не обладали – но и в них адепты школы Творчества могли проявить свои дарования в доступной им форме – словесной, музыкальной, художественной и множестве иных, в зависимости от того, в каком по уровню развития цивилизации мире им предстояло родиться.

Не последнее место занимала и школа стратегии и тактики, основателем которой являлся командор. Члены этой школы специализировались в вопросах предварительного планирования, оценки возможных рисков, формировании состава групп и иных вопросах, связанных с подготовкой команд для выполнения выбранных ими миссий, а также тактическим изменениям, которые могли произойти в случае нештатных ситуаций в мире, где была задействована одна из таких групп.

Наконец, самой престижной и уважаемой школой в Братстве была школа Пророков. Сочетая в себе множество навыков – псионики, тактики и стратегии, фантазии и мыслетворчества, исцеления душ и физических форм – эти лучшие представители Братства принимали участие лишь в наиболее важных и ответственных походах в проявленные миры в случае, если тем угрожала опасность гибели из-за чрезмерно порождаемых его жителями объемов и форм зла. Были такие и в их недавней миссии на Земле.

– ...Предварительное планирование для миссии в данном проявленном мире выявило множество сложностей, с которыми впоследствии пришлось на деле столкнуться отправленной туда команде. Речь идет не только о сложностях локального характера, связанных с разбросом физических точек вхождения в пространство мира членов группы после своего ухода в рифт, но и сложностей мировоззренческого толка обитателей целевого проявленного мира...

Мысли командора плавно возвращались к событиям недавнего времени. Земля... его пятое рождение в ней. Гуманоидные обитатели, напоминающие по своим повадкам обезьян. Практически нулевые навыки псионики и мыслетворчества в среде его обитателей и одновременно с этим – крайне гипертрофированная и оторванная от духовных оснований наука, готовая стать палачом этой цивилизации. «Сложность мировоззренческого толка» – это было достаточно мягкой формулировкой для полного отсутствия прочного мировоззренческого базиса, без которого было невозможно цивилизационное строительство на долговременный по меркам Иномирья срок.

– ...Не все члены команды в полной мере отдавали себе отчет о предстоящих им вызовах. Не всем пришлось по нраву гуманоидная оболочка, в которой Дух каждого из них оказался заключен после входа в пространственно-временной разрыв... По правде сказать, ему, командору группы «Альфа», приходилось по вкусу далеко не каждая физическая форма. Наибольшую личностную симпатию в нем вызывали различные кибернетические оболочки, которыми обладали представители некоторых из механизированных цивилизаций Проявленного – но миссий в таких цивилизациях было, как правило, не очень много, в том числе в связи с тем, что часть из этих цивилизаций все-таки канули в иномировую лету еще на заре своего становления.

Кремниевые тела тоже были достаточно хороши для задач, связанных с активным противодействием вредоносным представителям галактических цивилизаций – а именно такого рода миссии обычно и старался брать на себя командор. Наиболее же удобными и практически не требующими дополнительной адаптации телами можно было считать эфирные тела жителей нескольких цивилизаций созвездия Иллюона, уже знавших о существовании Иномирья и рифтов, и способных видеть и чувствовать его представителей в среде себе подобных. Самыми же хрупкими и ненадежными командор считал именно биологические формы – то есть как раз такие, какими обладали жители той самой Земли. Было ли это личное пристрастие к технике, или же тот самый очень неоднозначный опыт жизни в теле гигантской бабочки на планете Альмарей – трудно сказать за командора. А вот про «не всем пришлось по нраву гуманоидная оболочка» – это было точно про него.

– ...Ошибки, косвенными последствиями которой стала начавшаяся на данной планете мировая война, продолжающаяся и к настоящему моменту нашего с вами, скажем так, диалога.

Да, эти обезьяны-безумцы все-таки развязали свою новую, третью по счету, мировую войну. И в этом была вина в том числе и его группы поддержки. Недопланирование. Недостарание. Недорезультат. Слишком много «недо». В день, когда взрывная волна одной из сброшенных на город бомб уничтожила его физическую оболочку, а портал Иномирья забрал его Дух назад, он не находил себе места от тоски. А сейчас... часть отправленной под его руководством команды, будучи физически уничтоженной на Земле, уже была вместе с ним в Иномирье, а часть же все еще продолжала сражаться на Земле. И он чувствовал себя совершенно разорванным – не иметь возможности помочь оставшимся и не иметь смысла помочь вернувшимся. То, что за эту неудачу его могут на длительный срок лишить чести быть частью Братства – об этом он уже даже и не беспокоился.

– ...Тем самым остановив наиболее серьезные потенциальные разрушения и дав возможность отправки дополнительной группы. В связи со сложившимися обстоятельствами мы вынуждены почтить светлую память принесшего себя в жертву через обряд Светоотдачи...

– Почтить... память? – точно вынырнув из своих воспоминаний, озадаченно взглянул на своего лидера командор.

– Брат Леллиан окончил свой путь, как вам должно быть это известно, – спокойно и холодно взглянул на него предводитель.

– Да, я в курсе, что его физическое тело было уничтожено пулей американского снайпера, но после своего возвращения в Иномирье он...

– Вы, кажется, не до конца поняли, командор, – и бесменный лидер Братства пристально взглянул ему в глаза. – Ради спасения их мира он пожертвовал собой в нашем.

11.12.2017

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Игрок

Фигура в черном как ночь одеянии, вот уже бесчисленное по меркам земных существ число лет тому назад как переставшая отражать тень и впитывать свет, со злостью ударила одетым в бардово-красные перчатки кулаком по шахматной доске, отчего все управляемые ею фигуры заходили на ней ходуном. Эта партия была проиграна. Король был повержен – можно сказать, своими собственными руками отправив свою душу на грядущий суд Создателя. А как она, эта его душа, была великолепна для целей этой игровой партии! Животная жестокость, неопишуемая беспринципность, нечеловеческое лукавство, несокрушимая жажда власти и славы – и теперь все это пошло прахом! В самое ближайшее время приближенные этого темного короля покинут его, кто-то – покидая мир смертных, а кто-то – прычась по безвестным уголкам их жалкой планетки.

В глазах Игрока, еще недавно сидевшего за этой мистической шахматной доской, полыхал черно-красный огонь. Он знал, что нарушил Закон, он знал, что его планам уже не суждено было сбыться. Земля была проиграна – но лишь на время. «За мной придут другие... и тогда мы сыграем вновь», – размышлял он, ходя взад и вперед по комнате в ожидании пришествия неизбежного Конвоя, призванного на длительное время заковать его в кандалы и поместить вплоть до момента начала всеобщего Суда туда, куда даже управляемым им фигурами смертных путь был заказан задолго до их собственного сотворения.

Игровая доска, за которой еще совсем недавно сидела эта фигура, ныне жила своей собственной жизнью. Откуда-то с ее дна и с боковых поверхностей все отчетливее начинал проступать свет, просачиваясь через небольшие разломы и трещины, число которых стремительно множилось – и окружавший черных фигур серый туман рассеивался, будто лишая своего покровительства и защиты. Одна за одной черные фигурки на ней рассыпались прахом, падая под ноги марширующим в своем победоносном марше белым фигурам. Без своего короля у них уже не было воли к жизни – не в их земном мире, во всяком случае. Совсем скоро – в мае сорок пятого года, если мерить мерками их, земных смертных существ, времени, эти светящиеся от нового прилива сил белые фигурки, еще несколько лет назад казавшиеся Игроку и его королю столь малыми, столь несущественными, столь легко сокрушаемыми, прорвут последние рубежи обороны, водрузив свой флаг над сердцем его, Игрока, города.

Фигура в черном одеянии зарычала, изрыгая языки темного пламени, и замахнулась над игровой доской в стремлении хоть напоследок смести с доски столько белых фигур, сколько еще удастся – но когти этой руки лишь бессильно ударились о невидимый барьер, окруживший в эти мгновения шахматную доску. Фигура зарычала от боли, стремительно окутывая свою раненую руку серым туманом, и отступила от доски на шаг.

«Мы придем, мы вернемся! Мы возродимся в ваших душах вновь...» – прошептала она в тот момент, когда жгучий, опаляющий, нестерпимый для нее свет, исходящий от воинов Конвоя, ворвался вслед за ними в Зал Судеб. Красная Армия в мире под названием Земля победоносно водрузила флаг над Рейхстагом.

* * *

Собравшиеся в этом просторном зале готовились решать судьбы вверенного ими самим себе человечества. Все шло во многом так, как им того и хотелось бы. Члены давно подвластных им правительств и главы крупнейших банков и транснациональных корпораций были добровольно-принудительно верны вот уже много лет, послушно исполняя отдаваемые им распоряжения, потому что прекрасно знали, что смерть – не самая страшная из их возможных судеб в наказание за неподчинение. Поощряемый и спонсируемый ими на территориях сопредельных государств терроризм играл на руку этим вершителям. Хаос был их оружием, а ключи от него надежно хранились, как им то казалось, в их собственных руках. Кризис, которым так пугали подчиненные им СМИ жителей различных государств, должен был стать перманентным, и в купели этого нового великого смятения должна была по их плану родиться единая и универсальная земная религия, призванная вовеки оправдать их, мнящих себя полубогами, право карать человеческую плоть и властвовать над человеческим разумом и духом. Она, эта новая религия, новый мировой порядок, должна была иметь прочные и проверенные временем корни – те, что возьмут свое начало в заветах отцов-основателей возрождаемой империи «истинных арийцев». Король умер – да здравствует король!

Сегодняшняя повестка дня была подчинена вопросу поиска методов уничтожения остатков сути учений истинных Пророков. На испещренных морщинами лицах их бродили усмешки, а глаза смотрели куда-то ввысь холодно и отчужденно, точно в презрении. Они были игроками в том, что называли Большой Игрой – игрой за будущее их мира.

* * *

Новый игрок, занявший место своего значительно менее опытного и потому сумевшего проиграть так блестяще начатую другими игроками партию, стоял за иномировой шахматной доской и двигал фигуры. Они, эти его пешки, мнящие себя властителями мира, как нельзя больше подходили ему для своего собственного плана, а качества их умерших заживо душ значительно облегчали процесс управления. Черные, точно сплетенные из толстой паутины нити, тянувшиеся от головы Игрока к этим фигурам на доске, то и дело шипели и натягивались, передавая через себя мысленные распоряжения и приказы. Под их воздействием фигурки послушно вздрагивали и двигались в нужном Игроку направлении. «Мы еще вернемся», – шептал новый Игрок, – «Как и обещали. Мы еще покорим этот ваш мир. Мы еще одержим победу в партии. Наши марионетки полностью подчиняются нам – в отличие от ваших, коим вы даровали свободу воли и потому перестали управлять напрямую».

Обуреваемый мыслями о вынашиваемых самим собой планах, Игрок ходил взад и вперед по залу, жадно выдыхая языки темного пламени. Он жаждал выиграть партию за этот мир людей. На кону стояла его собственная жизнь.

04.08.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Когда Спящий проснется

- Господин Координатор, когда же Спящий, наконец, проснется?
- Вы спрашиваете об этом меня, Адмирал? Я полагал, что вам лучше знать.
- Свободная воля, господин Координатор, свободная воля... Может быть, мы допустили с вами ошибку?
- Напомню, что это был наш совместный проект с вами. Ошибки нет, есть статистические погрешности и доли вероятностей...
- Сейчас вы говорите прямо как математик.
- А что еще нам с вами теперь остается делать? Мы можем только наблюдать.
- За его агонией? Ведь он умирает у нас прямо на глазах, мучительно и неостановимо.
- Он сам так выбрал. Большинство-с, знаете ли, перевешивает.
- А что с Пробужденным?
- Он еще младенец. Ему еще предстоит вырасти.
- Красивый кроха, правда?
- Безусловно.
- Я так рад за него.
- И я тоже.
- Скажите, а какие формы исцеляющих препаратов были применены к Спящему на сегодняшний момент?
- Первично – многочисленные ферменты пророческого толка, знаете ли. Две тысячи парсеков тому назад был введен сильнейший антибиотик.
- Который организм успешно вывел из себя в ходе первичного блевотного рефлекса.
- Примерно так. Я же говорю вам – он практически безнадежен.
- А как же методы шоковой терапии?
- Еще предстоят. Уже скоро.
- Больному об этом сообщали заранее?
- Еще две тысячи парсеков тому назад, когда признаки болезни были на всем лице.
- Уже и на лице?
- На него теперь страшно смотреть. Не советую.

- А что у нас с новейшими локальными антибиотиками нового типа? Ну, этими самыми, как бы сказать, возвращенцами из небытия.
- Часть уже вкалывают, некоторые еще не были изготовлены.
- Думаете, поможет?
- Такой вероятности тоже нельзя исключать.
- Вкалывать будут одновременно с началом шоковой терапии?
- Незадолго до того.
- А потом?
- Ему решать.
- Думаете, он еще способен?
- Надеюсь.
- Ну, а как поживает Пробужденный?
- Уже научился читать мысли и предвидеть будущее. Думаю, славный получится малый.
- Я тоже очень рад за него. Даже при том, что он кровный брат Спящего.
- Кстати, вы подали мне отличную идею. Как только малец подрастет и научится читать души, его можно будет отправить помочь своему, так сказать, старшему брату свернуть с его, так сказать, несправедного пути. Разумеется, мы защитим Пробужденного всеми доступными нам способами. Меньшинство, оно, знаете ли, нуждается в нашей поддержке.
- Может быть, повременим с началом шоковой терапии? Подождем, пока малец еще чуток вырастет? Пробужденный вроде как уже изъявлял желание помочь своему брату.
- Я подумаю, господин Адмирал. Я подумаю над этим...

10.10.2010

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Наблюдатель

В Зале Судеб сегодня было на удивление спокойно.

Впрочем, «сегодня» было бы недостаточно точным термином для описания движения времени в его привычной для физических миров концепции и форме. Время здесь могло двигаться совершенно нелинейно – ускоряться и замедляться, закручиваться спиралью, формируя сходные по характеру события в многообразных нижних мирах на разных интервалах реализации их эволюционной модели, в редких случаях оно могло даже полностью прекращать свое вечное движение для отдельных – и, в первую очередь, строго детерминированных миров, – если одному из Наблюдателей требовалось внести корректировки в высшую эволюционную модель такого мира. Оно не могло лишь повернуть вспять – и это единственное и самое серьезное ограничение, которое добровольно принимал на себя каждый заступающий на пост Наблюдатель вот уже в течение бесчисленного по меркам физических миров числа галактических циклов.

В Зале Судеб было спокойно.

Не в том смысле, какой вносит в него несовершенный разум представителей неограниченного множества совершенствующихся в физических мирах цивилизаций, подразумевая под этим отсутствие сложностей и тревог в рамках своей собственной кратковременной телесной жизни, – но в совершенно ином, подобающем для тех, в чьи задачи входило наблюдение и контроль за судьбами бесчисленного множества вторичных миров и населяющих их представителей.

Зал этот был необычайно огромен и существовал в нескольких измерениях одновременно. Его множественные проекции подобно отражениям в зеркалах каждое само по себе могли дать лишь очень отдаленное представление о его настоящей красоте и форме. В привычном для ряда слаборазвитых цивилизаций физических миров трехмерном пространстве он больше напоминал собой холл официальной государственной структуры с огромными уходящими вверх колоннадами, из почти недостижимого потолка которого лился золотисто-серебряного цвета свет, плавно, точно перышко, опускаясь на стены и пол, формируя в ходе своего движения образы, отражавшие по желанию и воле Наблюдателей исследуемые ими цивилизации и события, происходящие, или произошедшие, или те, что могли бы произойти с определенными вероятностями – в нижних, или физических, мирах.

Формы этих световых отражений могли быть самыми разнообразными – бороздящие просторы океанов парусные корабли, символизирующие отдельные нации какого-либо из вторичных миров и их взаимодействие друг с другом; парящие в поднебесьях птицы, отражающие собой концепции и идеи, которые владеют умами и душами людей; стремительно закручивающиеся и бурлящие вихри и смерчи, представляющие смятения и несчастья как отдельных жителей наблюдаемых миров, так и их групп в целом; бардового и сизого цвета туманы, обволакивающие отдельные фрагменты пола в этом зале и связанные с зарождением и становлением новых звездных систем и цивилизаций; сверкающие разбрызгиваемыми на свету каплями фонтаны, которые время от времени могли породить удивительных красот воздушные радуги, не без оснований служившие предвестниками счастливых событий...

Формы и образы, создаваемые этим льющим в зал светом высших сфер, были настолько разнообразны и, согласимся сразу, неповторимы, что у любого представителя даже самых высокоразвитых цивилизаций физических миров, если бы ему выпало огромное счастье наблюдать работу Наблюдателей со стороны, в буквальном смысле захватило бы его данный Создателем дух и невидимой силой приковало бы его к полу на все время наблюдения.

Пол Зала Судеб – или, в ряде случаев, отдельные его фрагменты – могли добровольно, или же повинуясь воле его работников, изменять свой рисунок и прозрачность, так что стоящий на какой-либо ячейке этого пола мог внезапно – или заранее зная об этом – обнаружить в следующий момент, к примеру, что он стоит точно на галактической карте, а под ним проплывают в своем взаимоприятном танце планеты одной из бесконечного множества звездных систем физического мира. Стоит представить себе удивление случайного наблюдателя, оказавшегося над такого рода фрагментом! Но за Наблюдателями мог наблюдать только их Верховный Координатор, а он в это самое мгновение – если понятие «мгновение» может быть хоть как-то соотносено с понятием «вечность» – находился за пределами этих высоких стен, наблюдая свое творение изнутри.

За бесчисленные эоны, более известные высокоразвитым цивилизациям как галактические циклы, струящегося как вода времени Наблюдатель видел множество восхождений и падений тех цивилизаций, за развитием которых следил. Самые разнообразные внешние формы их представителей – гуманоиды-птицы, обитающие на склонах высокогорных миров; разумные, напоминающие русалок жители океанических миров с простирающимися на тысячи миль подводными городами; большие муравьиноподобные жители промышленных цивилизаций, создавшие огромные сети подземных туннелей и контролируемые коллективным разумом своих владык; владеющие сильнейшими телепатическими способностями гуманоиды, похожие на прямоходящих осьминогов; гигантские бабочки, парящие над вздымающимися на сотни метров над поверхностью их родного мира растениями, показавшиеся бы совершенно дикими и неуместными жителю примитивных цивилизаций, – были давно привычны мысленному взору того, кто наблюдал за становлением и развитием нескольких десятков тысяч иных.

Наблюдатель не имел права вмешиваться напрямую – с этой целью в физические миры спускались, или, правильнее сказать, вступали в расположенные в иной секции зала сияющие порталы, как избранные души представителей этих цивилизаций в целях своего повторного телесного воплощения, так и иные, гораздо более совершенные силы. Наблюдатель же мог предупреждать других о необходимости вмешательства и внесения корректировок в курс развития наделенных свободной волей цивилизаций, если вероятность ее гибели из-за отклонения от эволюционного курса становилась крайне высока.

Множество из прошлых великих цивилизаций давно исчезло из физических миров, оставив свой скорбный след лишь в информационных анналах высшего мира как урок для цивилизаций будущих и учебный материал для новых Наблюдателей. Как много причин и способов похоронить себя было в арсенале неопытных цивилизаций, к каким серьезным последствиям приводили несовершенное сознание и этика их представителей!

Были среди них те, что уничтожили себя и свой родной мир в гражданских войнах. Были и те, что в ходе неконтролируемых обществом процессов гиперпотребления полностью истощили ресурсы своего родного мира и сделали его непригодным для жизни. Были те, кого погубила наука, возведенная ими в абсолют и искусственно наделенная качествами непогрешимости – будь то истребление необходимых для биосферы микроорганизмов или же попытка создания неодушевленных клонов представителей своего вида, являющаяся нарушением Третьей Заповеди Высшего Мира. Числились в списке погибших и те, кто попытался усовершенствовать свои физические формы за счет различного рода механических имплантов или насильственных генетических изменений своей популяции. Были покоренные и уничтоженные искусственно мыслящими машинами расы, не сумевшие найти и обозначить правильную границу для развиваемых ими технологий искусственного интеллекта. Были те, что, будучи замороженными открывающимися перспективами управления пространственно-временными точками для совершения межзвездных прыжков своих космических кораблей, не сумели создать стабильно действующих порталов и были поглощены искусственно созданными аналогами галактических «черных дыр». Среди безвременно почивших числились также и те, что пытались управлять четвертым и пятыми измерениями и полностью перенести в них представителей своего вида, но были в итоге поглощены созданными в ходе научных экспериментов разрывами пространственной материи. Были, наконец, те, чьи планеты в ходе межзвездных войн были подвергнуты стерилизации более технологически развитым и более агрессивным противником...

Словом, как бы ни был высок технологический уровень наблюдаемых за множество эонов цивилизаций, но гордыня, жестокость и глупость их жителей всегда шли рука об руку с печальной судьбой.

Именно поэтому несколько эонов тому назад Совет Наблюдателей принял решение о создании группы высокоразвитых миролюбивых цивилизаций, следующих строгой внутренней этике и способных помочь в своем развитии представителям иных рас в случае соответствия их духовного уровня тем техническим чудесам, которыми эти цивилизации обладали. Дать слишком многое агрессивной цивилизации было недопустимым, поскольку практически гарантированно означало либо уничтожение в ближайшей перспективе этой цивилизацией самой себя, либо попытку нанесения вреда одному из членов Межгалактической Лиги. Дать варварским по меркам Лиги цивилизациям любое из существенно превышающих ее технологический уровень открытий – значило предать путь Лиги и ее этику – и, в лучшем случае, такое действие со стороны любого из ее членов наказывалось вечным из нее исключением.

На протяжении длительного времени Наблюдатели изучали тенденции развития молодых цивилизаций и их потенциальную готовность ко встрече с представителями Лиги – ведь для примитивных цивилизаций встреча с ними означала конец привычной для них истории, разрушение множества научных и социальных теорий, переворот в сознании и понимании собственного места в мироздании, смысла жизни и смерти...

Образы в зеркальной сфере, отражавшей звездные системы, скользили и плавно сменяли друг друга. Повинуясь пассам Наблюдателя, сфера эта вращалась то в одну, то в другую сторону, позволяя рассмотреть состояние цивилизаций в смежных галактических секторах. Внимание его сегодня было приковано к одной из нескольких десятков расположенных в одном секторе примитивных цивилизаций, жители которой называли свой текущий мир «Земля». Странное название для мира, покрытого таким количеством морей и океанов.

Цивилизация эта по всем канонам межгалактической Лиги была совершенно варварской, и наибольшую опасность для ее жизни составляли попытки нарушить Третью Заповедь вместе с непрекращающимися на протяжении столетий внутренними планетными войнами. Как много попыток ее спасения было предпринято, сколько корректировочных эволюционных сценариев рассмотрено, и как много еще предстояло сделать для того, чтобы выправить ее самоубийственный курс. Был даже поднят и отложен вопрос о принудительном вмешательстве Лиги. Но не столько вопрос о судьбе этой цивилизации беспокоил сегодня Наблюдателя – за свою бессмертную жизнь он повидал множество самых разных судеб – сколько вопрос о судьбе своего Верховного Координатора, находящегося в этот момент там, в этом непримечательном для стороннего наблюдателя маленьком, но красивом мире.

Наблюдатель склонился над сферой, просчитывая и выверяя сценарии и корректировки. О том, как труден путь эволюции сознания, он знал не понаслышке.

23.08.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Невероятность

В наполненном небесно-лиловым мерцанием просторном зале со взмывающими в недоступную взгляду обычного смертного высь колоннами на причудливом, точно колышущееся зеркало в резной деревянной оправе экране мерцали, плавно сменяя друг друга, наполненные энергией вездесущего эфира образы. Взгляду для двух находящихся в этот момент перед ним наблюдателей было отчетливо видно, как мужчина-землянин, изображенный в этом иномировом зеркале, в подхваченном солдатами боевом порыве грудью закрывал собой в этот момент несущее смерть вражеское оружие, даруя тем самым своим боевым товарищам шанс подняться из окоп и перейти в контрнаступление на этом участке фронта. Вот тело его неровно вздрагивает, вбирая в себя смертоносный свинцовый поток, и словно в такт этому его деянию дрожит матовая поверхность зеркала. Вот в последних предсмертных усилиях этот солдат обхватывает вражеский пулемет обеими руками, и окровавленные губы его шепчут свое тихое прощальное «ура!». Спустя краткий миг зеркальные образы навечно запечатлевают в эфире его гаснущий взгляд и расправивший свои крылья словно наконец-то освобожденный из стен тюрьмы узник, рвущийся вверх к небесам из изуродованной грудной клетки светоносный дух. Зеркало гаснет, и образы-волны постепенно сходят на нет, словно в море из красочной информации вновь наступил долгожданный штиль...

– Вы ведь помните, Орианна, что я заранее предупреждал вас о таком возможном завершении его земного пути? – и пожилой белокурый ангел со шрамом на правой щеке пристально взглянул на свою спутницу, едва только в Зале Судеб вновь воцарилась тишина.

– Господин Араэль, я помню, что, согласно вашим расчетам, вероятность подобного самопожертвования составляла...

– Нашим первичным расчетам, Орианна. С тех пор многое изменилось во внешнем и его внутреннем мире. Гибель брата на фронте, смертельная болезнь матери, начавшаяся осада его родного Петербурга... Все эти события одновременно и будто сломали, и точно укрепили его решимость бороться до победного конца. Но в первичных проведенных нами расчетах, как вы должны помнить, он должен был дожить почти до завершения этой войны.

– Господин Араэль, значат ли ваши слова то, что я не прошла вступительное испытание и не могу быть допущена в ваш отдел вероятностного прогнозирования миров свободной воли?

– Нет, Орианна, не означают. Многие из твоих расчетов оказались справедливыми для ранее совершенных этим человеком выборов – а мы как представители отдела вероятностей никогда не требуем от новичков стопроцентной точности, доступной только самому Всевышнему.

– Благодарю вас. Я, правда же, надеюсь...

– Тогда не забудь познакомить Иоанна с нашим отделом. Это знание станет наградой за совершенный им на Земле подвиг.

С этими словами умудренный многозонным опытом руководитель отдела вероятностного прогнозирования с улыбкой похлопал крыльями по плечу свою будущую подающую надежды коллегу и плавно указал крылом на дверь. Названная Орианной радостно и поспешно кивнула, изо всех сил стараясь скрыть от своего ментора мелькнувшую на губах улыбку, взмахнула своими небольшими девическими крыльями и нежно выпорхнула из зала.

* * *

– Непривычно, да? – переливисто засмеялась Орианна, глядя, как облаченный в эфирную военную форму дух Иоанна удивленно оглядывается по сторонам, точно так до конца и не понимая или же не желая признаться даже самому себе, что жизнь души со смертью тела все-таки не заканчивается, что бы там ни говорили эти бесконечные и окончательно оканчивающие свой путь земные материалисты и скептики.

– Ох... Что за странное и дивное наваждение... Мне чудится, будто я умер и попал в небесный Рай, а надо мной словно ангел склонилась прекраснейшая из земных женщин...

– Все так и есть! Ну, почти все... – смущенно вымолвила Орианна, игриво поправляя крылом так некстати распутившийся локон своих солнечно-рыжих волос. – Как видишь, «умерев» там, на Земле, ты все-таки не умер. Здорово, правда?

– А... это... всегда так происходит здесь у вас?

– У нас – не всегда. Это от вас, между прочим, зависит, куда вы в конечном итоге попадете. Кстати говоря, совсем забыла тебе сказать: «Добро пожаловать на седьмое небо!»

– И вправду, седьмое. Как же у вас тут красиво! – глядя вокруг себя, продолжал удивляться вышагивающий по подобиям небесных мостов-радуг среди переливающихся перламутровым блеском островов-облачков и расставшийся, и не расставшийся со своей жизнью Иоанн.

– Ступай осторожно, здесь ведь как с хождением по воде... Немного усомнишься в реальности всего происходящего – и мигом начнешь тонуть в волнах эфира, – сощутив миндалевидные глаза, с опаской взглянула на пошатывающегося Иоанна солнечно-рыжая ангелесса. – Давай-ка я лучше тебя поддержу, у меня-то веры во Всевышнего для простой небесной прогулки уж точно хватит! – вымолвила она с очередной грациозной улыбкой и поспешно взяла Иоанна, что называется, «под крыло».

Так они прошагали еще какое-то время, насколько бы относительным понятием оно, это самое время, не было бы в этом мире.

– А почему я все-таки здесь оказался? И что планируется делать теперь? – спустя некоторое время решил нарушить затянувшееся молчание Иоанн.

– А дальше я, согласно данной мне инструкции, проведу для тебя экскурсию по нашему невероятно вероятностному отделу. Он вон там расположен, чуть поодаль, – и Орианна махнула крылом куда-то вдаль. – А оказался ты на седьмом небе исключительно потому, что заслужил согласно Божественному Закону. За подвиг духа. Многие из вас, землян, кстати, ничего такого и в помине никогда не заслуживают... – задумчиво добавила она, глядя куда-то под ноги. – Отправляются напрямик туда, вниз, – добавила она, махнув крылом, – и больше уже не возвращаются.

– А что там, внизу?

– Далеко-далеко внизу – там Бездна. И демоны. Стра-а-а-шные, – нехотя добавила, пожившись, Орианна, словно пытаясь отогнать прочь от себя давнее неприятное воспоминание. – Но тебе об этом думать не обязательно. И мне тоже вспоминать о мучающихся не хочется. Давай-ка лучше догоняй! – резко сменила она тему и понеслась вприпрыжку по облакам.

* * *

– А вот здесь мы составляем карты человеческих судеб, видишь? – подмигнула Орианна, указывая Иоанну на напоминающую голографическую проекцию библиотеку, в центре которой в слоях эфира в этот момент как раз мерно покачивались на лету несколько десятков раскрытых книг.

– Ты хочешь сказать, что наши судьбы еще до нашего рождения были предопределены вами, что называется, свыше?

– Всевышний тебя упаси, ну, конечно же, нет! – всплеснула крыльями Орианна, уставившись на Иоанна словно на непонятливого младенца. – Мы даем вам свободу выбора и право самим определять свою судьбу. Но это же не значит, что мы не имеем права заранее просчитать, с какой вероятностью и что вы однажды в ваших жизнях выберете, верно? – и кудрявая небожительница вновь игриво улыбнулась. – Последняя моя испытательная работа как раз и состояла в том, что я должна была просчитать новые вероятности некоторых из твоих возможных выборов. Но я, к стыду своему, ошиблась. Временами вы, люди, бываете очень непредсказуемыми! – словно всерьез обиделась она и надула губки.

– А что я сделал не так?

– В том то и дело, что ты сделал все так! Но... все же не совсем так, как я изначально предполагала. И это, кстати говоря, одна из основных сложностей в работе всего нашего отдела – учет свободной воли людей. В детерминированных мирах все по-другому, проще. А здесь...

– А что это значит – детерминированные миры?

– Ну, это те, в которых нет существ, наделенных душой и, следовательно, свободной волей.

Когда-то и ваша Земля была строго детерминированной, и мы могли – не без усилий, конечно – просчитать, что и где произойдет на ней в любой момент времени. А теперь, с появлением очередной цивилизации все... все уже не так, как было прежде, – грустно вздохнула Орианна и опустила крылья.

– Надеюсь, что ты меня хоть немного в этом понимаешь, хоть ты и... человек. Ты, кстати говоря, далеко не первый человек, которого я здесь вижу. В смысле, в нашем отделе.

– Были и другие?

– Конечно. Нам же нужно как-то доносить информацию о рассчитанных нами наиболее вероятных событиях до жителей вашей цивилизации, верно? Вот мы и давали некоторым из них такие задачи.

– Ты хочешь сказать, что...

– Вы называете их пророками, – закончила его мысль Орианна.

– Я, пожалуй, догадываюсь как минимум о нескольких из тех, кто был посетителем вашего отдела седьмого неба...

– На самом деле, их было на порядок больше. К сожалению, не все смогли вспомнить о взятых на себя обязательствах уже там, на Земле. А многих из них люди просто-напросто не пожелали услышать... – говоря эти слова, Орианна в задумчивости водила кончиком пальца по воздуху, выписывая одной ей ведомые фигуры.

– ...А что означают эти линии на картах? – и Иоанн указал на тонкие светящиеся полоски, пересекающиеся друг с другом словно паутинки и расходящиеся от искрящихся, напоминающих шаровые молнии световых шаров на многомерной карте, которая по мановению ангельской руки несколько иномировых секунд назад как раз и материализовалась прямоком перед взором слегка опешившего Иоанна.

– Линии связанных судеб с указанием степени и формы влияния. У одиночек их меньше, а у общественных деятелей – больше. Но иногда и один в поле – воин, да еще какой.

– А световые шары?

– Моменты принятия судьбоносных решений. Точки бифуркации, выражаясь вашим околонульным языком. После фиксации каждой такой точки на временной шкале карта судьбы автоматически перестраивается. Это, кстати говоря, карта твоей прошедшей жизни. И вот эта точка – и Орианна указала на самую яркую из них, от которой больше не отходило световых лучей – описывает момент, когда ты пожертвовал собой ради других и ради их будущей победы.

– Дак значит, они победят в этой войне?

– Правильнее было бы сказать, что вероятность победы вашей страны составляет... Но, да, они победят. Об этом говорят все наши предварительные расчеты.

– С ума сойти!

– Я бы на твоём месте с этим не спешила, – засмеялась Орианна. – Но для новичков это подчас кажется действительно невообразимым и невероятным – возможность заранее знать вероятности. А я вот уже привыкла быть, так сказать, небесным бухгалтером. Хоть у нас здесь и нет такой должности.

– Иными словами, вы можете просчитать абсолютно все? До любого момента в будущем?

– Все ведомо только Всевышнему. Потому то вам когда-то и молвили, что ни один волосок не упадет с вашей головы без его ведома. С моей, кстати говоря, тоже.

– Да простит мне Всевышний мою бестактность, но... но я думаю, что мне нравится, как выглядят твои волосы... и твоё лицо... и глаза... и эта улыбка...

– Правда? – смутилась Орианна. – Ты, конечно, не первый, кто мне это говорит, но это всегда так приятно слышать, особенно от людей!

– Скажи, а можно мне будет потом... вернуться на Землю? Помочь оставшимся там близким?

– Ну, в это время ты уже вернуться не сможешь, волновой закон движения эфира не позволит. А лет эдак через пятьдесят – вполне. Да не волнуйся ты так, время – понятие в высшей степени разнотекущее, особенно здесь! Осмотрись пока, пообвыкни, эфирные одежды хоть смени, чтобы пять десятков земных лет в солдатской шинели по седьмому небу не бродить как неприкаянный! А я к тому времени тебе новую судьбу рассчитаю. Кем хочешь стать вновь, ещё не решил? Нам весьма пригодились бы в вашем мире пророки...

– Я... я подумаю. Спасибо тебе за... доброту. Да где здесь можно придумать себе новый облик?

– Зал воплощенных фантазий находится чуть лево-правее нашего всецентрального... в общем, давай-ка я лучше сама тебя туда сейчас провожу, а то заплутаешь ведь с нашей системой координат. Дай мне руку!

– Спасибо тебе!

С этими словами сияющий от внеземного света дух человека по имени Иоанн взял теплую ангельскую ладонь в свои руки и аккуратно, нежно и робко поцеловал её.

«А это, пожалуй, было действительно неизбежно», – с улыбкой тихо прошептала сама себе Орианна.

10.06.2020

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Незавершенная история одного космического корабля

- Вы вызывали, Координатор?
- Да, Адмирал, присаживайтесь. Чай, кофе, амброзия?
- От амброзии я бы не отказался... Но, пожалуй, все-таки как-нибудь в другой раз. Дело, как я понимаю, слишком спешное?
- И не требующее отлагательств. Ставки в этой затеянной вами аванюре становятся уже слишком высоки.
- Господин Координатор, я все понимаю, но ведь мы сами вместе с вами затеяли этот эксперимент для того, чтобы...
- Я передавал этот корабль с экипажем под вашу ответственность, Адмирал, под вашу полную ответственность – помните? Вы обещали, что все пройдет как нельзя более гладко.
- Их свободная воля, которой вы их наделили, оказалась куда более неразумной, чем мы предполагали изначально...
- Вы отбирали лучших, Адмирал. Три планеты в разных секторах Галактики для трех новых рас. Вы выискивали жемчужины на этих планетах-тюрьмах, Адмирал, – и где теперь ваши лучшие? Мирно спят в криогенных капсулах на борту этого судна, практически сошедшего с траектории?
- После первого Столкновения часть из них все-таки пробудилась.
- Да будет вам известно, Адмирал, что после этого вашего первого Столкновения система связи с кораблем была практически уничтожена. Даже проснувшиеся члены экипажа практически не способны осуществлять двустороннюю связь. Мы получаем все их донесения, а вот они от нас едва ли один-два процента. Помножьте это на два-три процента пробужденных. По нашим расчетам вероятность того, что они сумеют выправить курс по координатам, которые мы пытаемся им передать, и избежать столкновения со вторым Кольцом, составляет...
- Я знаю это, господин Координатор. Я все это знаю. Текущее количество бодрствующих членов экипажа корабля не позволяет рассчитывать на успешное управление кораблем в ручном режиме. А система поддержки автонавигации была уничтожена еще две тысячи парсеков тому назад.
- Что с остальными членами экипажа? Насколько успешными были ручные попытки отключения криогенных систем?
- Нисколько. После Столкновения электроника систем была значительно повреждена. При ручном отключении систем спящие либо умирают в течение нескольких секунд, едва успев осознать происходящее с ними, либо получают значительное духо-химическое повреждение.

- Что именно за повреждение?
- Проявляется в неконтролируемых вспышках агрессии по отношению ко всему живому. Они буквально зубами вцеплялись в пробудивших их. Нам пришлось уничтожить этих несчастных.
- Итого, мы имеем следующее: ручная разморозка не функционирует должным образом, а для починки и активации автоматизированной системы на корабле недостаточно пробужденных членов экипажа с должными навыками. Замкнутый круг. И впереди по текущему курсу – второе Кольцо. И ускорение корабля все время возрастает, делая маневры все более затруднительными.
- Все верно, господин Координатор.
- Какие меры были приняты на случай, если корабль не пройдет его?
- Мы активировали дислоцированные вблизи орбитальные модули. Подогнали спасательный флот из соседнего сектора.
- Сколько членов экипажа может выжить при столкновении с Кольцом, Адмирал?
- Все спящие погибнут гарантированно. А из пробужденных... очень мало, господин Координатор. Очень мало. Столкновение более чем на сорок процентов пробьет обшивку судна. Корабль в любом случае будет потерян навсегда.
- Сохраняется ли еще возможность осуществить гиперсветовой молекулярный джампинг, когда корабль будет проходить сектор V с учетом его текущей скорости? Оказавшись на корабле, вы могли бы успеть помочь пробужденным изменить курс судна.
- Шанс маленький, но... но я лично готов попытаться исправить собственную ошибку. Своей, если можно так сказать, кровью.
- Вы знаете о последствиях, Адмирал. При молекулярной пересборке в ходе джампинга ваша память будет стерта. Ее восстановление впоследствии потребует огромных усилий.
- Я знаю, Координатор. В любом случае, кроме меня и вас этот переход не способен преодолеть никто иной. Это дает хоть какую-то надежду.
- Для всех нас. Ведь даже мы вынуждены расплачиваться за ошибки собственных детей. Даже мы, Адмирал. И да поможет им чудо.
- Прежде чем я покину вас, Координатор, причем, возможно, навсегда, я все же хотел бы спросить – как называется этот корабль? В смысле, как его называют населяющие его гуманоиды? У нас есть для него свое название, но все же...

– Адмирал, не заставляйте меня думать, что вы уже прошли процесс молекулярной пересборки прямо перед моими очами. Вы прекрасно знаете, что они называют его, – и Координатор печально улыбнулся, – что они называют его «Земля».

16.07.2010

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Нереальность

По выложенной черным камнем брусчатке, под раздающийся из рупора сопровождающего бронетранспортера гимн, четко чеканя шаг, шествовал военный конвой. Лица солдат были – точно у средневековых воинов – закрыты плотными забралами отливающих матовым блеском шлемов, а на погонах их, гордых победителей, представителей высшей человеческой расы, покорившей земной и околоземные миры, красовался перевернутый знак черного солнца и орел, охвативший своими могучими когтями весь земной шар – символ вечной ночи над миром.

Конвой этот сопровождал в распределительный концлагерь пойманных несколько дней назад террористов – борцов сопротивления из побежденных стран Китая, Советского Союза и северной Африки. Судьба ничтожных представителей этих низших рас была уже предрешена в тот момент, когда солнцеликий бессмертный Фюрер, вот уже на протяжении века правивший их высшей расой, взшел на престол Фатерлянда. Генетический материал, используемый для продления жизни наиболее близкими к Фюреру соратниками и генералами, включая его самого – вот во что в скором времени умные, совершенные и эффективные машины Рейха превратят этих недолодей. Они верно послужат на благо великому Рейху в своей смерти, коли не пожелали служить в виде тружеников концлагерей в жизни. Скоро, спустя несколько земных лет, последние остатки разрозненных борцов сопротивления в среднеазиатском и североафриканском регионах будут подавлены новой сокрушительной технологической мощью военной машины Империи – и битва за Землю будет, наконец, завершена. Горсткам вышивших после атомных бомбардировок их стран Рейхом не суждено было победить. Не в этом сценарии, во всяком случае.

– Хайль! Хайль! Хайль! – громогласно выкрикивали солдаты, чеканя шаг.

– Слава великой Империи! Слава солнцеликому Фюреру! Слава вечному Рейху!

Мало кто мог похвастаться таким технологическим рывком, который совершил Рейх за последние несколько десятков лет в этой вынужденной борьбе с остатками борцов сопротивления.

Атомное оружие, использованное с благословения великого Фюрера против крупнейших стран Европы, Азии, Африки и Северной Америки. Механизированные роботы, как колоссы возвышавшиеся на несколько этажей городских зданий и способные испепелять плазмой и лазером сталь и бетон – в прошлом они использовались Империей на передовой линии фронта, а ныне как охрана высшего офицерского состава. Генетически модифицированные солдаты, в несколько раз превосходящие по силе, меткости и скорости реакции лучших представителей низших рас. Кибернетические, закованные в нановолоконную броню полулюди-полумашины, механическими телами которых управлял живой, лишенный памяти о своем прошлом, человеческий мозг – совершенные, беспрекословно выполнявшие любые приказы убийцы.

Насекомоподобные нанороботы, носящие в своих мельчайших механических телах вакцины-парализаторы, укусы которых приводил к остановке сердца в течение нескольких десятков секунд. Паралитический газ «зальцын» имел схожий эффект, отличаясь лишь тем, что парализовал весь организм своих жертв за считанные секунды. Микрочипы, вживляемые с рождения всем жителям Фатерлянда и способные по пришедшему извне в заданный момент сигналу полностью контролировать психоэмоциональное поведение своих носителей. Совершенные машины для генетического реинжиниринга, использовавшиеся как для лечения, так и для улучшения – исправления «ошибок Бога» – солдат Рейха. Молекулярные реинтеграторы, превращавшие живых существ в молекулярные смеси, сортировавшие их атомы и направлявшие по нужной трубопроводной ветке в огромных производственных автоматизированных конвейерах...

Список этот был огромен, а многие из самых передовых научно-технических разработок, призванные обеспечить космическую экспансию Рейха, были засекречены. Одним из известных широкой общественности был проект «Зигхайль» – серия околосолнечных орбитальных модулей, собиравшая энергию звезды и отправлявшая ее подпространственным нуль-каналом обратно на Землю. Другим известным космическим проектом стал «Венус» – промышленно-концентрационная колонизация Венеры силами более чем одного миллиарда узников Рейха, большинству из которых не суждено было выжить.

Наука верно служила непобедимому Рейху, рождая все новые способы уничтожения остатков сопротивления и контроля за собственными представителями избранной расы. Что может быть сильнее науки, поставленной себе на службу безумными гениями? Именно она дала гражданам Империи, истинным арийцам, надежду на бессмертие. А история всегда пишется победителями.

– Хайль! Хайль! Хайль! – разносились по улицам пробуждающегося ото сна города Империи приветствия граждан новому дню и своему вечному Фюреру.

– Хайль! Хайль! Хайль! – все тонуло в этом слившемся в один огромный ком многоголосье – каждое утро вот уже на протяжении многих десятков лет.

– Хайль! Хайль! Хайль! – и не было спасения от этого безумного рева заживо умерших людей.

– Хайль!

* * *

– Хей! Смирно! Крыло на право! – пожилой Ангел с обугленным левым крылом и тремя золотыми перьями в белом правом неожиданно вошел в комнату, где сустились вокруг необычного прибора несколько молодых новобранцев, расталкивая друг друга серовато-белыми крыльями в своем желании заглянуть в сферу вероятностно-временного демодулятора. При виде своего начальника они тут же отлетели от сферы прочь и выстроились в ряд, паря на небольшой высоте над светящимся лазурным светом полом этого заведения.

Заведение это на понятном человеческом языке именовалось Ангельской Военной Академией, и так внезапно появившийся в этой комнате полковник был одним из заместителей ее высшего руководства. Прибор же, так привлечший внимание молодых Ангелов-курсантов, предназначался для модулирования – то есть просмотра происходящих в реальном времени событий различных миров, в которые выпускникам Академии иногда приходилось отправляться с особыми заданиями по командировкам. А вероятностным он назывался потому, что позволял оценить динамику изменения вероятностей сценариев различных событий, а также изучить те сценарии, которые могли бы произойти в рассматриваемых мирах, но по каким-либо причинам этого не случилось. И именно за просмотром такого нереализованного сценария на человеческой планете Земля полковник как раз и застал наших курсантов.

Прибор этот, хоть он и был одной из последних перспективных научных военных разработок Академии, был далеко не единственным в своем роде. Чего только не разрабатывали в ее стенах Ангелы-инженеры и не использовали на практике в ходе командировок боевые Ангелы-курсанты!

Были тут и генераторы энергетических щитов, способных защищать целые народы физических миров от неблагоприятных событий. Защитные шлемы для ограждения разума отдельных людей от воздействия ложных идей и негативных чувств, генерируемых и направляемых на них демоническими противниками. Знаменитые в людской среде луки инженера Амура, без промаха разившие своих жертв. Бронекombineзоны из ангельского пуха, позволявшие достойным людям выживать самым невероятным образом, выходя точно сухими из воды катастроф. Был даже знаменитый генератор альфа-лучей, способных изменять пространство таким образом, чтобы вражеские пули и снаряды не задевали человеческих бойцов. Генератор же бета-лучей позволял в нужный момент изменять некоторые локальные вероятности событий, чтобы поощрить достойных или же наказать виновных. Лучи гамма-генератора дарили прилив новых сил целым группам людей и даже народам, если жизненный путь их признавался Законом как достойный. И это был далеко не полный перечень технических чудес Академии.

– Смирно! – продолжал между тем пожилой, изведавший немало битв с демонами, полковник. – Кто разрешил использовать демодулятор без должного вводного инструктажа? – и полковник сурово оглядел испуганных новобранцев своими золотистого цвета глазами. – Может быть, мне стоит командировать вас всех на Землю? – точно нарочно озвучил он свои мысли.

– Никак нет, товарищ полковник! – запинаясь, ответил один из молодых курсантов, приложив правое крыло к голове. – Ветераны говорят – там сейчас несладко. А у нас еще нет должного боевого опыта, сэр!

– Вот то-то и оно, молокосос, что нет! – ухмыльнулся полковник. – Вы же даже не знаете, как депрессии людской правильно противостоять, а уже наблюдать за сценариями вздумали. А ну-ка быстро скажите мне, что говорит нам первый закон Духодинамики?

– Первый закон Духодинамики, сэр, гласит, сэр, что в благоприятных внешних условиях душа расширяется и становится мягче и добрее, сэр! А в неблагоприятных – сжимается и становится тверже и крепче, сэр! – как скороговоркой выпалил все тот же молодой курсант.

– Это правильный ответ, молокосос! – гаркнул в уши курсантов полковник. – Чтобы к завтрашнему дню у вас это как от крыльев отскакивало! И не смейте больше использовать демодулятор до проведения вводного инструктажа. Всем ясно?

– Так точно, сэр! – хором выпалили зависшие в воздухе Ангелы.

– А то всех вас на Землю завтра командирую, – подумал про себя полковник. – Там ведь действительно сейчас несладко.

05.08.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Подруги

– Тянись! Теперь тужься! Тужься! Еще! Давай-давай, милая, знаю, что больно! Такова уж наша женская доля, все через это проходили. Вот... головка показалась! Еще немного! Выходит! Весь выходит! Еще немножечко, тужься!

Молодая мама – женщина лет двадцати пяти – едва могла сдержать крик боли, то и дело комом подкатывающий к пересохшему горлу и отчаянно, подобно накатывающей на берег морской волне, стремящийся раз за разом вырваться на свободу. Ей помогали принимать роды две женщины. Одна была акушеркой, сейчас встревоженно суетившейся рядом с роженицей – и на вид впервые встретивший ее человек дал бы ей лет сорок, едва бросив свой мимолетный взгляд на осунувшееся от постоянного недосыпания лицо и впалые карие глаза, хотя ей едва миновал третий десяток. А вторая... отливающие золотистым цветом солнца и будто слегка прозрачные волосы второй женщины точно развевались в эти мгновения на невидимом обычным людям ветру, повинувшись воле протекающих через нее энергий, а небесно-голубые глаза излучали терпение и доброту; белоснежное платье, напоминающее сказочно-пышный свадебный наряд, лишь дополняло и подчеркивало ее красоту. Руки этой второй женщины, столь напоминающей своим обликом юную царственную невесту, были в эти мгновения устремлены к роженице – и ярко вспыхивающие искорки света то и дело слетали с них и плавно, точно падающие с неба зимние снежинки, садились на ее животик, из которого вот уже совсем скоро должен был полностью показаться новорожденный младенец. Ни роженица, ни акушерка не видели в эти минуты этой таинственной незнакомки, ибо глаза человеческие слишком незрячи, чтобы замечать то, что подвластно только лишь духу. Но это нисколько не смущало невидимую гостью – ведь природа ее миссии была настолько благородна, что жизнь ради ее исполнения уже была наивысшей наградой. Свет, лившийся сейчас с ее рук по невидимым тонким нитям к матери и ребенку, ткал незримую обычному смертному существу пурпурную сферу, которая будто щит закрывала собой мать и дитя. На лице голубоглазой блондинки играла улыбка, а щеки за время работы уже успели покрыться румянцем.

Жизнь вступала в свои права. Младенец вот-вот готов был родиться.

* * *

Женщина в черном балахоне и платье, напоминающем собой траурный наряд недавно простившейся с мужем вдовы, аккуратно перешагнула через порог, едва не зацепившись за ручку двери висящей на спине и закрепленной за поясом косой. Шикнув на бросившуюся под ноги кошку, которая уже вот-вот собиралась замыкаться и нарушить тем самым столь любимую этой женщиной тишину, гостья огляделась по сторонам и неспешно достала из кармана своего черного будто сама ночь наряда внушительной толщины книгу.

Эта, как в жизни обычно и водится, совершенно неожиданная обитателями сего заведения гостья нисколько не боялась быть обнаруженной. Собственно говоря, обнаружить ее присутствие и могли как раз разве что кошки и иные подобные им живые существа, еще не утратившие связь с тем, что многие смертные люди называли до момента своего возвращения в него «иным миром». Еще раз перечитав одну из страниц обернутой в черную-коричневую кожу книги, эта зеленоглазая брюнетка медленно кивнула, будто удостоверившись в правильности выбора времени и места, взглянула на висящие на ее руке костяные часы, и не спеша зашагала вглубь по коридору.

Живущие в этом доме престарелых – знай они заранее, что за гостья наведалась сегодня в их дом, – помчались бы как угорелые прочь из этого ставшим траурным места, попутно осеняя себя всевозможными крестными знаменами в странной надежде на то, что они, эти самые знаменья, могут изменить ими же самими сложенные за много лет своей жизни судьбы. Гостья в черном знала об этом – и сей факт уже долгое время не вызывал в ней ничего иного, кроме как грустной усмешки. За бесчисленные зоны несения своей суверенной службы она уже успела привыкнуть к подобному отношению со стороны людей – и оно перестало тревожить нашу гостью. В конце концов, для нее это была самая обычная – и единственная возможная – работа, и гостья старалась исполнять ее как можно более щепетильно и тщательно.

Может быть, именно в связи с этим ее отношением к своим прямым должностным обязанностям, она сейчас решила лично проститься с каждым из пожилых пенсионеров, мирно спящих в эту полночь в своих запертых от посторонних глаз комнатах. Она тихонько поднялась по холодной каменной лестнице на второй этаж в спальные покои, стараясь не наделать лишнего шума своими коваными черными блестящими сапожками или не задеть очередной предмет местной бытовой утвари покачивающейся за спиной и отливающей матовым светом косой, и начала обход комнат. Она тихонько обнимала спящих людей, силясь запечатлеть в своей памяти их лица и услышать биение их еще пока живых сердец.

Двоих из нескольких десятков – очень достойно проживших свои земные жизни – она обняла так крепко и так долго держала в своих объятиях, что эти их бьющиеся сердца остановились еще во сне, увлекая за собой души своих носителей в странствия по лабиринтам иных миров. Этим двоим, можно сказать, повезло – они ушли раньше тех, кому через несколько десятков минут жизнь на краткое время покажется адом. Это были самые достойные люди из числа всех обитающих здесь – и потому согласно отданному для черной гостьи на сегодняшний день распоряжению их уход должен был быть максимально безболезненным.

Поцеловав этих двух, гостья взяла в руки вечно носимую с собой толстую книгу и ловко открыла ее на последней странице, которая в это самое мгновение материализовалась и сама собой добавилась в книгу будто бы из ниоткуда. На этой новой странице уже были записаны золотыми буквами два имени ее недавних возлюбленных – в отличие от множества серых и почти черных по цвету имен, мелко испещрявших несколько предыдущих страниц этой хроники.

Удовлетворенно покачивая головой, гостья в покрывающем ее голову черном балахоне продолжала свой ночной обход до тех пор, пока на носимых ею костяных часах не высветилось время «полночь». Тогда, будто спохватившись, она сняла со своей спины вечно носимое с собой оружие, подошла к электрическому распределительному щитку и что есть силы пару раз чиркнула по нему лезвием косы. Внутри щитка что-то вспыхнуло, заискрилось, искры побежали по проводам, возникшее пламя перекинулось на обои стен, затем на предметы утвари, жадно насыщаясь кислородом. Спустя несколько минут запылал весь этаж.

Смерть вступала в свои права. И никто не мог избежать ее крепких объятий.

* * *

– По данному мне праву да будет тебе дарована жизнь! – нежно шепнула голубоглазая женщина в белом, целуя новорожденного младенца в лоб.

– По данному мне праву тебе суждено уйти со мной через несколько земных минут, – холодно-отчужденным голосом произнесла нежданно откуда возникшая зеленоглазая гостья в черном, встав рядом с младенцем и опершись двумя руками на косу – будто страж, верно берегущий вверенное ему сокровище.

Взгляды двух женщин пересеклись.

– Вот это встреча! Что за нелегкая тебя принесла? – удивленно глядя на черную гостью, произнесла гостья в белом. – В моей книге записано, что этот милый ребенок должен родиться ровно через две минуты и тридцать три секунды.

– А в моей указано, что он должен умереть через четыре минуты и сорок шесть секунд. Так что ты уж меня извини, но... боюсь, что тебе вместе с его родителями придется созерцать, как он медленно умирает от кровоизлияния в мозг, возникшего вследствие тяжелых родов и родовой травмы матери.

– Вот странно... – печально посмотрела на малыша белая гостья. – В чем же тут смысл? Ты можешь повременить минутку, я попробую уточнить этот вопрос?

– Повременить не получится – у меня инструкции, сама знаешь. Допускается только в исключительных случаях – а это, к сожалению, не таковой.

Белокрылая женщина в свадебном наряде закрыла глаза и подняла голову вверх, как будто вслушиваясь в неведомую потаенную музыку, наполнявшую с начала творения все мироздание и доступную лишь посвященным.

– Да, все действительно так, – сказала она спустя секунд двадцать. – Такой быстрой смертью душа этого ребенка должна искупить существенную часть совершенных в прошлой жизни ошибок, а для родителей это горе станет по плану связующим узловым моментом, который поможет преодолеть прошлые взаимные обиды, чтобы впоследствии стать крепкой и дружной семьей, в которой душа этого ребенка сможет родиться вновь – и на этот раз уже жить счастливо.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнула гостя в темном одеянии. – Как видишь, никаких ошибок нет и не предвидится. Неисповедимы пути, сама знаешь.

– Ну да... – улыбнулась белокрылая женщина. – Столько милых невинных малышей мне доверили сопровождать в этот мир.

– А мне сопровождать столько грешников прочь из него, – хмыкнула ее коллега.

– Ну что, ты готова к очередному испытанию смертью? Встань рядом с родителями, обними, чтобы они твое присутствие хоть душой почувствовали, им правда же будет сейчас нелегко.

– Какая ты у меня сострадательная в последнее время стала, подруга, я прямо диву даюсь! – толи в шутку, а толи всерьез заметила Жизнь.

– Это все годы... – философски ответила Смерть. – Что они с нами, женщинами, делают!

* * *

Две женщины – в белом и черном одеянии – сидели на скамейке у городского пруда и смотрели на проплывающих по нему лебедей.

– А помнишь того юношу – физика, который еще все про третий закон кармы Ньютона шутил, и про смысл жизни, вселенной и всего такого, – и у него он неизменно равным сорока двум получался? Вот за что ты его забрала тогда в таком юном возрасте? Ему бы еще жить и жить.

– Не за что, подруга, а почему. Он бы из страны через несколько лет прочь уехал, в военный концерт вошел, на спецслужбе зарубежные работать начал – и такое бы оружие помог создать, что ты, моя коллега, вздрогнула бы. Вот и пришла мне разнарядка забрать его раньше времени, чтобы и ему помочь, и миру этому.

– Ну... допустим, – не унималась с расспросами Жизнь. – А вот девчужку ту, Полинку, которую два амбала изнасиловали, – почему ты позволила им ее потом убить? Ведь рядом же с ними тремя стояла и молчала. Я до сих пор забыть не могу, с каким трудом я помогла ей появиться на свет вне пределов роддома, когда залетевшая по пьяни мать ее рожать стала.

– А вот как раз потому, что семья у нее такая была, в которой ей бы дольше десяти лет не прожить было. Самоубийством бы все кончилось, понимаешь? А это такой грех, что коль на душу возьмешь – век отмываться будешь. А теперь она через страдания прошла, мученицей стала, ей в новом мире проще будет намного – это же не Земля, другая цивилизация для нее теперь предназначена. А с этими уродами двумя я, кстати говоря, хорошую шутку тоже сыграла – одному через год водки паленой подсунула такой, что печень не выдержала, а второй в люк канализационный упал, которой совершенно неслучайно в тот день открытым оказался. Мне потом по секрету сказали, что для этих двоих новых рождений больше не предусмотрено, так что их роды тебе больше принимать не придется, не переживай.

– Ну, знаешь... – не унималась любопытствовать Жизнь, – а вот войны ты зачем устраиваешь? Жатвы тебе хочется, страданий людских испытать?

– Дак это ж не я, – улыбнулась Смерть. – Это люди сами. А мне что остается? Мне знаешь, какие длиннейшие списки в каждый из таких дней присылают? Я их прочитывать то едва успеваю, а тут уже идти и исполнять надо! – засмеялась она. – Я уж каких только смертей не повидала – и умных, и глупых, и отважных, и неважных, и самопожертвований даже... правда их все меньше в последнее время становится. Мельчают люди, и жизни их мельчают, и смерти их становятся малы, – философски заметила Смерть и подняла вверх косу точно в назидание.

– Да, – грустно согласилась с ней ее коллега. – Люди, к сожалению моему, смертны. А как ты думаешь, подруга, есть ли что-нибудь такое, что ты не сможешь забрать из этого мира?

– Идеи, наверное, – ответила Смерть после минутных раздумий.

– И мечты, – добавила Жизнь. – Те, что больше отдельно взятого человека.

– Да, – согласилась с ней Смерть. – Те, что большие.

26.07.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Посланник на планете Земля

– Тебе предстоит нелегкий путь. Эта планета балансирует на грани, и судьба ее находится на чаше весов Вселенной. Дальше – либо жизнь, либо гибель. Но они должны будут выбрать это сами. Каждый из них должен будет сделать свой выбор.

– Что я должен буду делать, Учитель?

– Ты будешь одним из воинов, пришедших в их мир. Тебе придется сражаться, тебе придется бороться с несправедливостью, тебе придется огорчаться их несовершенству. Но помни – этот мир находится на грани, нельзя добавлять в него хаотических проявлений. Ты должен будешь помочь им осознать их пути, помочь услышавшим тебя найти пути к их светлой стезе, что всегда ждала и ждет их. Уснувших – разбудить, унылых – приободрить, радостным дать новые силы для сотворения добра. Помни лишь, что ты не сможешь воскресить духовно мертвых – для них уже нет ни этого мира, ни иных.

Ты будешь одним из многих других, которые будут посланы в этот мир, ты встретишь их в своей жизни. Вы можете объединить силы – так вам будет легче идти. Ты легко узнаешь их, твое чуткое сердце тебя не обманет. Когда на эту планету будет принесено знание о чудесных возможностях духа, когда станут очевидными последствия самых разнообразных духовных побуждений, тогда планета преобразится – так, как и было заповедано. Но помни – для этого вам всем придется сражаться против невежества и жестокости, которые продолжают заливать эту планету. Вам придется сражаться – в том числе и услышавшим тебя, в том числе и проснувшимся. Им будет необходимо это понять.

– Знают ли они о том, в какое время живут, и о том, что им следует делать, чтобы не допустить уничтожения их космического дома?

– Нет. Лишь единицы знают об этом – те, что были посланы Нами или же пришли к Нам сами в процессе своих духовных исканий. Остальные бродят в собственных иллюзиях, либо же закрываются стенами отрицания – и это еще одна причина того, почему необходимо вмешательство.

– Есть ли название в их истории мира, которое было дано этому этапу планеты, когда признаки его приближения уже стали очевидны?

– Да. Его называют «Армагеддон».

– Как называется эта планета?

– Ее жители называют ее «Земля».

– Я понял, Учитель. Я готов принять свой Путь.

– Мы встретим тебя, когда ты вернешься. Помни о Нас, и помни о них. Планета должна выжить.

– Я готов.

– В путь, воин!

Вспышка лучистого сияющего света. Светоносный дух, окутанный его лучами точно покрывалом. Еще мгновение – новый ослепительный поток света окутывает его – и он исчезает в нем.

* * *

Последнее усилие матери – и ребенок появился на свет. Его тут же подхватила пара заботливых рук, укутала в простыню и понесла мыться. Прошло всего лишь несколько минут – и вот ребенка снова принесли матери. Женщина с заплаканным и счастливым лицом прижимает младенца к груди, что-то тихо и ласково нашептывая себе под нос...

* * *

– Ты решила, как мы назовем его? Нужно дать ему достойное имя, нашему сынишке.

– Да, я придумала для него имя. Мы назовем его – Христиан.

– Интересно. Почему же ты выбрала для него такое имя?

– Я... я не знаю. Просто... просто мне как будто кто-то шепнул, как его назвать, когда он родился. Мне нравится это имя. Давай мы назовем его Христиан, хорошо?

– Хорошо. Мне кажется, это неплохое имя. Пусть будет Христиан.

* * *

– Ну, ты там, трус! Штанишки намочил чтоли от страха?! Иди-иди сюда, маменькин сыночек! Тоже мне помощник нашелся! Это моя девчонка, и ты не будешь прикасаться к ней! Никакой помощи от тебя ей не надо! Ты меня хорошо понял?!

И мальчугана схватили за грудки и сильно трянули.

– Ты меня понял или нет, я спрашиваю?! Чего молчишь, козел?!

Еще один рывок. Удар в живот. Волны боли, расходящиеся по телу и невозможность сделать даже один-единственный вдох. Вновь занесенная над ним рука...

– Оставь его.

И занесенную для нового удара руку перехватили.

Атакующий обернулся. Перед ним стоял мальчик примерно такого же возраста, как и он – лишь ростом он был слегка повыше. Парень, начавший атаку, дернулся и вырвал захваченную руку.

– Ты чего сюда лезешь, а?! Какого фига тебя, гниду, сюда принесло? Да кто ты вообще такой?! Чего ты лезешь в наш разговор?!

– Оставь его. Ты не намерен с ним разговаривать. Ты хочешь его покалечить и напугать.

Этот так не вовремя встрявший третий оказался ему здесь совсем не на руку. И что очень странно – он совсем не боялся его. Лишь спокойствие читалось в его глазах – но ни капли страха там не было. Он уже научился видеть человеческий страх, он читал его не раз в глазах своих жертв – будь то какой-нибудь трусливый классный отличник или же девочка-недотрога. Но этот – этот его совсем не боялся...

– Я повторю. Оставь его. Ты уже достаточно намучил людей, больше этого не будет. Не здесь, во всяком случае.

– Что я сделал?! Что за чушь ты несешь, баран! У нас с ним были разборки – и не твое собачье дело сюда встревать! Этот падла приставал к моей девчонке, к м-о-е-й девчонке – понимаешь?! И теперь он понесет за это наказание!

И он снова приблизился к пареньку, которого недавно бил, намереваясь продолжать драку. Тогда вмешавшийся мальчуган встал между ним и его целью.

– Хорошо. Тогда тебе придется иметь дело со мной.

Атакующий улыбнулся.

– Как пожелаешь, ублюдок!

* * *

Он медленно встал. Подошел к испуганно смотрящему на него пареньку и положил ему руку на плечо.

– Не бойся. Больше он тебя не тронет. Теперь ему есть, перед кем ответить.

– С... спасибо, что... помог мне.

Толи парень правда еще не отошел от нанесенного ему удара в живот, толи все-таки продолжал слегка бояться.

– Не надо меня благодарить. Это мой долг. За этим я и пришел.

– А... ч... что будет т-т... теперь с ним?

– С ним-то? – он посмотрел на согнувшегося и ворочавшегося на полу от боли недавнего мучителя. – Тебя он больше не тронет. А так... отойдет он скоро уже. Тебя не должно это волновать.

– Е... еще раз спасибо з-з... за помощь. К...ак тебя зовут и п...почему ты помог м...мне?

– Как мое имя, ты спрашиваешь? Христиан меня зовут. А помог я тебе потому, что это мой долг – и потому, что два воина одного стана не бросают друг друга на поле сражения.

И Христиан вновь положил ему руку на плечо и, улыбнувшись, дружески потрянул.

* * *

– Пожалуйста, прекрати злиться. Ты не осознаешь еще все последствия своего состояния, причем не только для тебя, но и для окружающих тебя в эти моменты людей.

– Хватит мне тут тыкать! Это другим ты будешь тыкать, а я тебе в мамы гожусь! И вообще – это не твое дело! Как бы ты поступил, если бы какой-то недоносок ограбил тебя?!

– Я говорю «ты» потому, что отношусь к тебе как равный – к равному, как один житель этого мира к другому такому же. Гнев твой напрасен – событие уже позади, это твое прошлое. Вора уже нет. О прошлом можно сожалеть, прошлое можно любить или ненавидеть, но его нельзя поменять. Его нельзя вернуть, чтобы прожить снова – возможно, по-другому. Но каждый текущий миг постоянно становится прошлым, и поэтому стоит сделать его таким, чтобы тебе не только не пришлось о нем жалеть, но чтобы оно становилось еще одним источником новых сил для настоящего. Жить в прошлом не стоит – для этого есть настоящее.

– Я не понимаю тебя.

– Многие не понимают, к сожалению. И, тем не менее, им придется начать осознавать, где истина, а где ложь, в процессе собственного духовного поиска. Время не ждет. Сроки уже близко.

* * *

И все-таки здесь было чудно. Несмотря на все нелепости и несоответствия, что своенравный разум жителей этого мира внес сюда, здесь было хорошо. Сама атмосфера этого маленького дома в доме гораздо большем была чиста.

– Ты хочешь исповедаться, сын мой?

– Нет, спасибо тебе, я исповедаюсь лишь перед моим небесным Отцом. И за все свои ошибки я отвечаю перед Ним же.

– Так ли уж ты не хочешь? Ведь ты не без грехов, сын мой.

– Да, это так. Но все свои недостатки и глупости, совершенные мной когда-то в разных жизнях – и в этой, возможно, тоже – я искуплю сам своей же жизнью. Просто потому, что это единственный возможный путь, и других путей нет.

– Но Бог даровал его служителям право искупать грехи других и прощать их. Прощенные нами прощены и Им.

– Не дорого же стоит ваше прощение! Не тридцать ли сребреников стоит оно? Но вы неправильно поняли донесенное до вас писание. Если даже на самых ранних этапах оно было частично искажено вашими служителями, то как же можно говорить о полной справедливости его толкования? Во вселенной нет такого закона, который бы позволял одному духу прощать другого за совершенные им поступки и одним махом отменять их следствия. Лишь уже подходящему к концу своего искупления можно помочь – но шагает по пути искупления человек сам.

– Ты говоришь ересь, сын мой! Как можешь ты определять, что верно, а что нет, когда у нас существует живое доказательство справедливости всех почитаемых нами законов, данных свыше?

– Вы многое поняли верно – но, к сожалению, не все. Самые короткие и самые важные слова на планете – «Бог», «Любовь», «Мир», «Вечность» – вы все это поняли верно. Любовью живет и движется мир – любовью Бога к своим творениям и его творениям к Нему и себе подобным. Вселенная вечно, как потенциально вечны и вы – вот это, к сожалению, еще не все осознали.

– Вечен лишь Бог, сын мой, а мы же все смертны. Лишь праведным служением Ему в данной нам жизни можем мы надеяться достичь жизни вечной.

– Но вы вечны. Как вечен я, как вечен ты, как вечен каждый из вас. Планеты могут рассыпаться в прах, но мы будем. Другое дело, что вы, похоже, всерьез намерились уничтожить эту планету в прах, повторив печальную судьбу цивилизации-предшественницы, для которой этот мир в свое время тоже являлся их космическим домом.

– Это неверно! Грешившие и не раскаявшиеся не живут вечно! Судьба их – геенна огненная и вечные муки!

– Вечные муки за ошибки одной-единственной жизни? За ошибки, совершенные человеком на небольшом отрезке его пути? Конечно, существуют поступки, распространяющие свои следствия на очень-очень многие жизни. Один раз упасть, чтобы потом столетия подниматься – это печально. Многие, однако, предпочитают нырять в такую глубину, откуда потом они уже не могут выбраться, поэтому для них следствия становятся похожими на вечные. Но все же они не вечны, они могут занимать многие жизни, но не вечны. Но ведь не в вечном же согрешении и покаянии состоит смысл жизни! Смысл жизни в творчестве для блага, в помощи ближним, в следовании своим светлым путем во Вселенной – поняли ли вы это? Поняли ли это ваши житейские мудрецы?

– Ты оскверняешь слово Божье! Ты не сможешь больше находиться в этом доме, посвященном ему! У нас есть его слово!

– И это прекрасно. Следуйте путем всего лучшего, дарованного вам. Развивайте это лучшее в себе – лишь так вы можете рассчитывать на продвижение, лишь так вы приблизитесь к вашему Отцу. Помните, каждый из нас – его творение, и каждый из нас – вечен. Мы все Боги – в потенциале. Как его частица, обладающая в зародыше всеми его свойствами, мы можем пройти путь от стадии человека – через сверхчеловека – до стадии проявленного Бога. Но мы можем остаться и на уровне животного – многие столетиями живут так, и незавидна участь им подобных. Нам решать – каждому из нас, и это – наш самый главный и самый судьбоносный выбор.

– Довольно! Я не потерплю больше здесь твоего присутствия! Уходи из этого дома нашего Господа!

– Прощайте, отец.

* * *

– Планета – сад? Что за чушь! Я скорее поверю в механизированную планету – железо!

– Миром движет любовь? Миром движет физическая сила!

– Есть другие обитаемые миры? Но наши аппараты не нашли на доступных нам планетах жизни – все миры пусты! Мы – единственный источник жизни во Вселенной!

– Человек может излучать свет? Ты в своем ли уме?! Еще скажи, что пространство полно невидимых зеленых человечков!

– Своими мыслями человек может менять окружающий его мир? Угу, щас! Вот руками – руками я могу его поменять, а мысли... большей чуши на свете я и не слышал!

– Я – потенциальный Бог? Я – человек! И не надо мне никаких потенциалов!

– Мои чувства создают излучения, влияющие на меня и окружающих? Я несу ответственность за негативные чувства? Вот сейчас я лучше повлияю на тебя, гм, реально – тресну тебя вот этим кулаком по твоей неразумной голове!

– Пространство не пусто? Оно наполнено нашим естеством? Ври, да не завирайся! Ученые еще ничего такого не открыли – да этого и попросту нет! Что? Смогу ли почувствовать разницу между атмосферой храма и тюрьмы? Конечно, нет! А знаешь, почему? Потому что ее нет!

– Как человек чувствует взгляд? Что за подмеченная вспыхивающая искра может возникать между двумя людьми? Тут два варианта – либо все это вам кажется, либо у вас действительно большое воображение!

– Как Христос исцелял людей? Ну вот, опять сказку про Христа завели! Наслушался я ее в детстве уже достаточно. Довольно!

– Армагеддон? Время испытаний? Хватит уже этих сказок для детей, их ими и кормите! Мы взрослые люди и не верим в подобную чепуху!

* * *

Он стоял, окруженный несколькими десятками своих соратников. Бодрствующими воинами этого мира.

– Мы не отчаемся и не свернем с нашего пути. Помнишь, как ты помог мне тогда, когда я был еще школьником? Ты помог мне из чистого побуждения. Такая же помощь нужна миру и сейчас.

– Да, Георгий, я помню. Я не забыл. Мы не сдадимся, верно. Мы будем работать.

– Сегодня не удалось, чтобы завтра лишь расцвело прекраснее! Как красиво ты это тогда говорил!

Алиса подошла к нему и улыбнулась.

– Верящий не сдастся, знающий принесет знание в мир, чтобы рассеять тьму невежества!

И вновь Павел повторил его слова, сказанные им когда-то.

– Драконы злобы будут побеждены!

– Пусть расцветает духовная радость!

– Каждый новый день пусть будет воистину новым!

Он слушал эти слова, и слезы выступали на его глазах – а ведь он почти никогда не плакал. Казалось, они все решили сейчас напомнить ему его прошлые годы жизни в этом мире. Они повторяли его слова, каждый из них повторял ставшее самым близким собственному сердцу. Все они подходили к нему и дружески хлопали по плечу, ободряя. Они – бодрствующие отважные воины этого мира.

– Да, друзья мои. Мы будем продолжать работать. У нас есть выбранный нами путь, и наш долг лежит перед нами. Мы должны помочь людям осознать еще очень многое – но и каждый из них должен сам осознать, где истина, а где ложь. Планета должна выжить. Мы немало сделали, но еще больше нам предстоит сделать. Наши мечты живут в сердце Вселенной, и я молю моего небесного Отца, чтобы настал тот светлый день, когда сбудутся и они.

11.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Предназначение

– Это же просто уму непостижимо! – громогласно провозгласил вошедший в комнату человек, на ходу резко захлопывая за собой дверь, на которой мягким небесно-голубым оттенком значилось всего лишь одно слово: «Дом».

– Непостижимо, вы правы, – спокойно согласился сидящий за столом старец и поднял свой взгляд, чтобы узнать своего нового визитера.

Под пристальным и участливым взглядом его голубых глаз вошедший на мгновение смутился, однако уже спустя считанные мгновения вновь перешел к обвинениям.

– Это же черт знает, что такое! Живешь ты себе, работаешь, никому особо не мешаешь, ходишь вечерами прогуляться по ночным улицам больших городов, а тут...

– А тут раз – и сосулька падает вам на макушку точно как снег на голову аккуратно под новый год! – улыбнулся старец, изучая реакцию вошедшего на эти его слова.

– Откуда вы знаете? – удивленно спросил тот. – Вы что, следили за мной?

– О, не я лично. У меня, знаете ли, в этом дивном мире хватает и других обязанностей. Но мы, конечно же, знали о том, что произойдет с вами той самой трогательной ночью еще... впрочем, что значит время в этом мире? – и собеседник отложил в сторону перо и со столь несвойственной для его почтенного возраста легкостью перелистнул несколько страниц лежащей на столе внушительных размеров книги. – Удальцов Иван Сергеевич?

– Да... так меня зовут. Или звали? Я решительно ничего не понимаю в этой истории!

– Жаль, – мягко заметил писарь. – Вы должны были бы выучить этот жизненный урок еще... впрочем, не будем говорить о времени.

– Может быть, вы все-таки соизволите объяснить мне, что здесь вообще происходит? – с нажимом выдавил из себя Иван Сергеевич, пройдя пару шагов в направлении слегка светящегося массивного деревянного по виду стола, за которым восседал его собеседник. – Вот прямо сейчас!

– Ваша прошлая попытка оказалась неудачной. Вы не выполняли и не выполнили бы свое предназначение. Поэтому нам пришлось забрать вас раньше срока.

– Забрать куда? – Иван Сергеевич остановился как вкопанный, усиленно пытаясь вспомнить все события своего последнего дня на Земле вплоть до мельчайших деталей.

– Домой, разумеется, – тихо ответил седовласый старец, аккуратно смахивая наверхнувшуюся на глаза слезу. – Все дороги всегда ведут домой, просто у каждого он свой.

- Вы что, хотите сказать, что я... – и пронзившая в это мгновение сознание Ивана Сергеевича мысль заставила его содрогнуться, – что я умер?
- Смерть – очень относительное понятие на дороге вечности, – убежденно ответил ему собеседник. – Вот только не каждый идет этой дорогой.
- Я умер... – все еще пытался осилить точно непроходимую преграду дух Ивана Сергеевича. – Но ведь я по-прежнему жив, иначе бы кто говорил сейчас с вами?
- А, может быть, все это вам на самом деле сейчас снится, пока вы пребываете в коме в каком-нибудь не забытом Богом реанимационном отделении какого-нибудь земного города? – старец мягко улыбнулся, а глаза его на мгновение зажались внутренним светом. – Хотите попробовать еще раз?
- Попробовать что?
- Выполнить свое предназначение, разумеется. Ведь именно за этим вы туда и шли – стать мировым художником, осветить через творчество этот тонуший во тьме мир светом надежды. А кем вы стали в итоге? Топ-менеджером крупного мирового банка. Разве в этом мире мало бухгалтеров и банкиров?
- Я... – Иван Сергеевич растерянно смотрел себе под ноги, наблюдая, как в эти самые мгновения их окутывает стелящийся по полу помещения неизвестно откуда взявшийся розово-фиолетовый туман. – Я... я забыл! Богом клянусь, я все это забыл! Почему вы не напомнили мне об этом?
- Таковы были условия нашего с вами договора. Если вы решитесь сделать еще одну попытку – вы совершенно забудете об этой нашей с вами встрече. Будете пробовать вновь – или откажетесь и станете ожидать своей дальнейшей судьбы как не выполнивший свое обещание?
- Пожалуй... можно было бы попробовать вновь. Жизнь на Земле... имеет свои преимущества, – Иван Сергеевич испуганно переминался с ноги на ногу, пока туман поднимался все выше и выше, окутывая и старца, и письменный стол, и самого Ивана.
- С самого начала или с точки остановки?
- Остановки чего?
- Вашего сердца, разумеется.
- Давайте... с самого начала.
- Новое рождение, значит... – понимающе кивнул головой старец. – Что ж, ваше право.
- В нем я смогу стать, кем только захочу, правда? Ведь это новая точка отсчета. Я мог бы стать... ну, скажем, гонщиком. Лучшим гонщиком за всю мировую историю! Толпы людей аплодировали бы мне, я бы купался в деньгах...
- Туман, окутавший к этому моменту помещение, стал настолько плотным, что размечтавшийся Иван Сергеевич совершенно потерял пространственно-временные ориентиры. Не стало видно не только этого странного старца, но и всего прочего кроме телесного силуэта самого Ивана.

– Вы слышите меня?! – Иван закричал куда-то вдаль, сиюсь разглядеть хоть что-нибудь. – Люди аплодировали бы мне! Я был бы велик!

Окутанный туманом голубоглазый старец по-прежнему сидел за своим письменным столом. Он молча перелистывал назад и вперед страницы своей огромной книги, а глаза его то наполнялись слезами, то озарялись лучезарным светом. Наконец, рука с белым пером остановилась напротив строчки «Удальцов Иван Сергеевич», рядом с которой стояло давно ставшее трехзначным число. Легкое движение рук – и вот число это увеличилось на единицу. Буквы этого имени внезапно стали все более расплывчатыми как этот самый туман, а затем и вовсе изменились на «Геращенко Антон Павлович».

Старец мягко поднял голову от книги, смахивая очередную слезу.

– Я бы очень советовал вам стать художником, Иван Сергеевич, – тихо добавил он.

17.11.2019

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Пришествие

– Товарищ капитан, подозреваемый по заявлению церковнослужителей о богохульстве успешно задержан оперативной группой в Храме Христа Спасителя и полчаса тому назад доставлен в отделение для выяснения личности и допроса. Прикажете заводить?

Молоденький рыжеволосый вечно шурящийся точно подслеповатый мартовский кот младший сержант полиции точно скороговоркой выпалил свой короткий доклад, едва успев приоткрыть дверь в кабинет к своему начальнику. Выслуживается, шустрец, повышения хочет. Ну-ну, посмотрим-посмотрим.

– Заводи, Калистратов, – разрешающе махнул рукой капитан полиции Христенко, откладывая в сторону бумаги. – Предварительный допрос проведем здесь, чтобы лишнее время на оформление на него не тратить.

«Ох, и замучили же нас эти попы со своей защитой чувств верующих!» – мелькнула в голове у капитана назойливая мысль. «Чуть что не так – теперь сразу на нас сгружать стали. Вы, дескать, там разбирайтесь, степень вины этих неверующих определяйте, а мы дальше службы свои вести будем, вашей душе помогать. Но отпускать виновников просто так на волю даже и не вздумайте! А куда их еще девать то? У нас тут каждый второй по факту – атеист, а каждый третий из верующих – лицемер, каких еще поискать надобно».

– Заводи! – выглянув в коридор, выкрикнул Калистратов, и двое конвоиров послушно завели в комнату закованного в наручники человека и послушно усадили на стул перед капитаном, сами встав по бокам.

Цепкий, привыкший оценивать людей с одного беглого взгляда, взор капитана Христенко нехотя скользнул по подозреваемому, остановившись на глазах. Славянская внешность, лет тридцать пять – сорок, верхняя одежда из кожезаменителя, джинсы, мозоли на руках, светлые волосы. С виду совершенно ничего необычного, классический рядовой трудяга, скорее всего мигрант, коих в Москве, особенно после открытия границ с Украиной – сотни тысяч. Вот только глаза... слишком уж живые, слишком уж добрые, чтоли.

– Вам объяснили причину вашего задержания и процедуру проведения допроса? – капитан Христенко сощурил глаза, направив свой взгляд точно луч на лицо подозреваемого в попытке прочесть по выражению лица его мысли.

– Да, в общих чертах, – доброжелательно и спокойно ответил задержанный. – Я готов побеседовать с вами.

– Это не беседа, а допрос в мягкой форме. Скажите спасибо, что не держим вас в комнате для допросов за бронированным стеклом как особо опасного. Там условия не столь радужные, уж поверьте мне!

Задержанный улыбнулся и точно кивнул в ответ.

– Благодарю за проявленную доброту.

– Итак... – капитан немного порылся в груде лежащих на столе бумаг, отыскивая нужную папку, ручку и диктофон. – По протоколу...

– Что бы вы хотели узнать? Я не приносил зла никому из вас или обращавшихся к моему небесному отцу в храме.

– Зло, добро – все это очень относительные понятия, особенно в наше время. А вот статья за богохульство, которая вам сейчас светит – это, уж поверьте моему опыту, вполне конкретная и осязаемая вещь. Итак... – капитан скользил глазами по строчкам текста недавно заведенного дела. – Свидетели из числа прихожан утверждают, что вы вели себя в храме неподобающе, не по канону, очень звонко и на весь храм прочли молитву «Отче наш», а также призывали, цитирую, «явить себя делами истинными, отцу моему небесному угодными, а не словами и песнопениями вам навязанными». Вы где таких слов то понабрались? В соцсетях тренд нынче новый пошел, что ли?

– Я говорил только то, что должен был, от души своей. Напомнил людям о сердечной молитве и...

– И занимался богохульством, ты хотел сказать?

– Я не произнес ни слова лжи.

– «Сын Человеческий, отец мой небесный, прошел путь по земле к небу, дабы в означенный срок свершить суд над нею и обитателями ее, и разделить род человеческий на зерна и на плевела...» – а это что по-твоему? Экстремистские высказывания, чуть ли не призыв к терроризму! Где сейчас твой отец? Мы и его доставим в отделение, если потребуется – пикнуть не успеешь!

– На небе, – уверенно ответил арестант.

– Твою ж мать!

Этот человек начинал действовать капитану на нервы. Похоже, не видать ему сегодня быстрых признательных показаний и оперативного закрытия этого дела как своих майорских погонов.

– Прошу, не возводи хулу на мою мать. Тяжко будет творящим подобное.

– Угрожать мне вздумал, сопляк? – капитан резко встал и вплотную подошел к арестованному, смерив того взглядом. Однако что-то неуловимое во взгляде того человека все-таки перебороло вспыхнувший было в полицейском гнев.

– Умер, ты хочешь сказать?

– Ушел в лучший из миров.

– Понятно, – успокоившись, капитан Христенко неспешно вернулся за свой рабочий стол. – Иносказательно говорить любишь, значит. Ну ничего, и не таких видали.

– Можно мне испить воды? – между делом спросил стоящего чуть поодаль сержанта Калистратова арестованный.

- В вино, никак, превратить ее вздумал, Христос самоявленный?! – хохотнул сержант. – Нам на службе употреблять не положено!
- И я не предлагал вам. В тот же раз семью нищую порадовать хотел.
- А мы чем тебе не вышли? У нас ведь тоже, знаешь ли, после всех этих реформ и сокращений зарплаты, знаешь, как подсократили? Может ты того... применишь силы свои великие и спасешь наши заблудшие зарплаты и души? – иронизирующий над арестованным младший сержант, казалось, заразил улыбкой даже своего начальника, потому что и тот негромко усмехнулся себе в усы.
- Ну, артист! – хохотнул капитан. – Кем работаешь, артист? Клоуном в цирке, небось?
- Спасателем.
- Твою ж... дивизию. И каким же? Души наши спасаешь, небось? Мало смертью своей в прошлый разок спас, надобно полагать?
- Отец не посылал меня на смерть. Убийцы мои оправдать себя хотели в поколениях грядущих.
- Кем работаешь, спрашиваю?!
- Спасателем. В МЧС.
- Капитан невольно присвистнул.
- Давно?
- Недавно. После переезда.
- Что же ты тогда по храмам то бегаешь, ежели спасатель? Из огня вынимать людей живьем должен и у воды расступиться перед тобой требовать!
- На этот раз уже сержант Калистратов невольно хмыкнул себе в кулак после этих слов своего начальника.
- Долго не узрят неверующие чудес ныне. А, узревши, не поверят.
- Ты мне зубы здесь давай не заговаривай! – Лицо капитана вновь приняло суровое выражение. – Почему прихожанам в храме мешал своими молитвами? Почему с них пример не брал?
- Не молитвы творили они, а требования. Не может отец мой дать того, что просят многие, тем, кто не заслуживает.
- И кто же заслуживает, любезный? Мы тут те еще грешники, знаешь ли. С нашей то работенкой грех не испачкаться.
- Дети и непорочные.
- Гхм... – ответы этого задержанного, несмотря на всю свою странность, в чем-то начинали казаться капитану Христенко все более и более осмысленными, не настолько безумными, что ли, каковыми смотрелись поначалу. Но заявления, показания прихожан...

– Одну из прихожанок храма зачем ограбить пытался, руку к ее животу протянул в толпе? Я про ту, беременная которая была. У нас и от нее на тебя заявление лежит.

– Ребенок при родах больным бы родился и мать оставила бы его одного. Я спас обоих, исцелив его.

– Гха! – от неожиданности капитан поперхнулся своим утренним чаем с кренделем. – Вот это поворот! Тоже предложишь нам в это просто взять и поверить?

– Через десять дней поговорите с ней – она поймет и изменит показания свои.

– Это значит, что ты задержишься в одиночной камере как минимум на эти десять дней.

– Как будет угодно моему отцу небесному.

– Почему нищим на выходе подаяние не подал? Разве не этому учил нас тот самый Иисус, за которого ты тут себя сейчас совершенно безуспешно пытаешься выдать? – капитан вновь сощурил глаза, внутренне радуясь удачно придуманному хитрому вопросу.

– Неудачный вопрос это, – подняв светлые глаза на капитана полиции, мягко ответил закованный в наручники молодой человек. – Не нищие они, а попрошайничающие. Отец мой дал им руки и голову, но труд стал им в тягость. Тратят милостыню на пагубные привычки свои без стеснения. Не в силах помочь тем из них я, кто себе помочь не возжелал.

– Мысли мои читаешь, самозванец? – мысленно проговорил про себя капитан, вперив свой взор на этого не пойми кого.

– Торгующие именем отца моего самозванцами сделались, – твердо и вслух, точно ответив на тайный вопрос, произнес арестованный.

– Вот как оно, значит... – капитан неспешно водил ручкой в воздухе, не зная, что записать на бумагу. – Вот оно, выходит, как...

– Я не причинил вреда ни единой живой душе. Вы причиняете его друг другу сами, и закон отца моего наказывает ваши судьбы и тела за деяния подобные.

– Ну... А один то ты почему тогда в храмах проповедуешь? Где избранные твои, апостолы всяческие? – решил встрять в переставший походить на диалог младший сержант Калистратов, но арестованный молча поднял на него свои наполненные грустью глаза – и точно иномировая тень на мгновение закрыла его светлое чело – а затем медленно отвел свой взгляд, вздохнул, так ничего и не ответив.

– Что... будем делать с ним, товарищ капитан? – переминаясь с ноги на ногу и явно ощущая себя не в своей тарелке точно прихожанин со своим уставом в чужом храме, спросил сержант, глядя, как капитан все еще неспешно, точно по инерции водит шариковой ручкой в воздухе, словно мысли его витали в этот момент где-то очень далеко, и он пытался окончательно разрешить один очень важный для самого себя вопрос.

– Снимите с него наручники, – наконец отдал распоряжение Христенко. – Я сам провожу его до камеры.

– Но, товарищ капитан...

– Выполняйте!

– Есть выполнять! – произнес напуганный жестким тоном капитана Калистратов, махнул рукой двоим стоящим рядом конвоирам, снявшим с арестованного наручники, и оперативно вышел вместе с ними в коридор, продолжая что-то бурчать себе под нос.

Спустя минуту стук их шагов затих в лабиринтах коридоров. Арестованный по делу о богохульстве по-прежнему сидел на стуле, не предпринимая попыток к бегству.

– Благодарю, – мягко ответил он. – Ты хотел мне кое-что сказать...

– Дочка у меня... маленькая, – с зажегшимся надеждой и наполненным мольбой взглядом смотрел на арестованного капитан. – Болеет... тяжело. Это мука... для нас троих. Помоги, прошу тебя, если это и вправду ты... Вылечи ее!

– Тебе нужно рассказать своей жене о прошлом, – твердо ответил подозреваемый спустя несколько секунд.

– О чем, о ней?

– Да, об измене. Помиришь с женою своей. Простите друг другу. Тогда выздоровеет ваша дочь.

– Сама по себе?

– По воле отца моего.

– С... спасибо.

Арестованный в ответ только молча кивнул.

– Ты ведь понимаешь, что мне придется отправить тебя в одиночную камеру до выяснения обстоятельств с попыткой кражи? Была бы моя воля – отпустил бы тебя прямо сейчас. Но такой у нас распорядок, регламент, правила... черт бы их побрал!

– Понимаю, – ответил арестант. – Не беспокойся об этом. Веди.

С этими словами он ободряюще положил руку на плечо капитана, и в это самое мгновение словно волна силы прошлась по его духу и телу, вновь возвращая силы, желание жить, надежду на спасение собственной дочери и, быть может, хоть самую малость – веру в чудо.

– Веди! – повторил арестованный.

* * *

В эту ночь тот, кто прошел свой путь по Земле две тысячи ее лет тому назад под именем Иисуса Христа, не смыкал своих глаз.

– Отец мой! – вопрошал он звездные небеса. – Почему ты дал мне тех, кто не может идти со мной?

– Придут другие, – отвечало его духу небо. – Те, кто преодолеют свою гордыню и свой комфорт.

В эту чистую звездную ночь Иисус не смыкал своих глаз. Словно райской небесной птицей дух его скользил по Земле, невидимо касаясь душ спящих людей – точно проверяя, кто из них еще готов, все еще ждет его возвращения.

Эта звездная ночь все еще ждала своего часа.

29.02.2020

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Слава

Слава Русских был добрый малый. Может быть, именно за это его и не любили? В самом-то деле, кто же теперь любит русских, да еще и с такой благозвучной фамилией? Вот и Славе за долгие годы обучения в школе жизни так и не удалось этого до конца узнать.

Впрочем, вполне может статься, что не любили Славу все-таки не из-за этого – а из-за того, что много лет подряд у него уже был свой собственный, самый настоящий, проявленный в сущем и в вездесущем Ангел, а у других – шиш на палочке. А может быть, что это они, другие, кичащиеся деньгами своих родителей и были теми самыми шишами, и потому то Ангелы их своими визитами не баловали.

Но Ангел выбрал Славу не сразу. Ангелы – они вообще настолько избирательный небесный народ, что абы кто, абы когда и абы зачем их к себе никогда не призовет. А у Славы вот – получилось. Но – обо всем по порядку.

Родился Слава в обычной российской трудовой семье. Ну, как обычной? Папу он своим робким младенческим взглядом видел буквально пару раз, когда тот заходил в роддом и на повышенных в децибелах тонах что-то там выяснял со своей женой и по совместительству мамой Славы. Слов Слава в тот момент еще не знал, да оно, видимо, и к лучшему, ибо пытаться понять таких как у Славы пап – себе дороже. С тех пор папа у Славы был то летчиком, то капитаном дальнего плавания, а то и вообще космонавтом-первопроходцем, отправившемся сражаться с марсианами. В общем, ну никак не мог папа найти время для своего маленького сына и немаленькой уже жены и хоть раз навестить их, вернувшись с мест своих великих трудовых подвигов. Так что мама растила Славу вместе с бабушкой в одиночку. Обычная семья, в общем.

А бабушка-то у Славы была – ну просто загляденье! И заглядывался Слава в ее мудрые старческие глаза, и заслушивался ее сказок, и мечтал о том, как тоже однажды станет великим космическим первопроходцем, прилетит на Марс и спасет своего отца, захваченного в плен злобными марсианами. Звезды Слава полюбил уже с тех самых сказочных лет.

К семи годам Слава вырос и возмужал настолько, насколько это позволяли его неокрепшее еще тело и окрепший уже дух. И правильно сделал, ибо годы школьной жизни стали его собственной Голгофой в миниатюре. Семья Славы к тому моменту еле сводила концы с концами, так что барствовать какими-нибудь гаджетами или, скажем там, модной одежкой Славе не доводилось – и это был первый камень, брошенный сверстниками в огород его чувства собственного достоинства.

Объектом постоянных насмешек и издевок Слава стал еще с ранних школьных лет – можно сказать, с пеленок своей сознательной жизни. Сверстники хохотали буквально над всем: и над неказистым видом Славы в старом, заношенном и не по размеру большом отцовском свитере; и над очками, которые он был вынужден надеть в силу вполне адекватных медицинских причин, до которых его сверстникам дело было как до лампочки Ильича; и над эпизодическими речевыми заиканиями Славы; и, наконец, чаще всего как раз-таки над уровнем дохода его, с позволения сказать, семьи.

Люди – они ведь такие: меряют тебя по одежде, а у самих – рожки да ножки. Но их рожек Слава в тот момент еще не видел, ведь это, все-таки, привилегия ангелов – в корень людской сущности насквозь зреть да мысли их читать играючи. Так что жил Слава в те годы даже не по дням, а по часам: столько-то часов на школьные занятия, столько-то на уроки, столько-то на астрономический кружок, совсем чуток на улице погулять, а потом и спать ложиться, сердце свое очередной мечтой согрев. И снились ему в те ранние школьные годы и звезды небесные, и земляне чудесные, и марсиане трусливые, и враги пугливые, и мамы счастливые.

* * *

Под ледяным потоком постоянных нападков Слава закалился, а к старшим классам и вообще мускулами обростать начал после того, как кружок астрономический на спортивный променял. Лохматость его тоже повысилась – как-никак, а мужчиной он был по праву рождения. Так что некоторые его одноклассницы на него даже заглядываться стали – мельком, правда, чтобы другие не прознали об этом их маленьком секрете и позором не заклеямили за контакты с этим «фантазером». И не знали они, эти вступающие в пору своего девического расцвета юные леди, о том, что фантазером и мечтателем Слава быть к тому моменту уже практически перестал. Годы семейной бедности, смерть любимой бабушки, частые слезы матери – все они буквально брали Славу за горло и раз за разом спускали с небес на землю обетованную, веля помогать по дому и зарабатывать на хлеб насущный после школьных уроков носильщиком тяжестей. И что тут было больше: тяжесть душевная али физическая – не беремся сказать. И так бы и свалился Слава с небес на землю окончательно, если бы не один удивительный небесный случай.

Мы, кажется, совсем забыли упомянуть еще и о том, что Слава был немного лунатиком. Не в том смысле, что просыпался он по ночам ровно в полночь и шел гулять по крышам, пока его не снимали оттуда приехавшие на срочный ночной вызов спасатели – а в том, что он действительно любил смотреть на ночное звездное небо еще с тех самых пор, когда ходил в астрономический кружок. Астроном из него получился так себе, но вот названия и вид основных созвездий он все-таки запомнил и время от времени по ночам выглядывал в окно и смотрел – не вырисуется ли какое-нибудь из них сейчас прямо перед его глазами? Даже стишок про звезды однажды придумал и время от времени бубнил его себе под нос по ночам.

И все, как это обычно и водится, закончилось бы тем, что бросил бы Слава все эти детские стишки и кружки, поступил бы в институт на экономический да стал каким-нибудь заштатным бухгалтером, чтобы хоть у чужих ему людей наблюдать большие суммы денег да радоваться за них, грешных – но не тут-то то было. Были у неба на Славу свои собственные планы. Небо – оно ведь такое: славное, особенно если и звездное еще при этом.

* * *

– Все мечтаешь? О звездах? – спросил неожиданно откуда появившийся на подоконнике рядом со Славой Ангел. – Да ты не переживай так, не мерещится тебе, – улыбнулся он, сворачивая свои белые крылья за спиной и аккуратно соскакивая с подоконника на пол. – Понимаю, конечно, не каждый день такое увидишь, даже если сильно стараться будешь, – добавил он, наблюдая, как Слава все еще сидит на подоконнике, раскрыв от удивления рот и выкатив вперед глаза.

– Мечтаю... ал, – только и смог вымолвить он.

– Я к тебе по делу, – сходу ответил Ангел, вышагивая по Славиной комнате так интенсивно и порывисто, что с крыльев его то и дело разлетались в разные стороны искорки света. – Задание у меня есть. Поможешь?

– Какое... задание? Ты... кто такой вообще? – все еще не мог соотнести небесное с земным Слава.

– Можешь звать меня Араэлем. Хотя это очень условная транскрипция моего имени на ваш человеческий язык. А задание? Задание простое: помочь тебе воплотить свою самую сокровенную мечту в жизнь. Ты ведь еще не до конца забыл ее, верно?

– А... почему я? Я же... совсем обычный?

– Как раз-таки, наоборот. Такие как ты в наше время – верх необычности. Слава Русских – это же звучит гордо, согласен? Вот и я так думаю. И не я один. Нас, знаешь, вообще много, разделяющих эти наши общие друг с другом взгляды. Да не смотри ты на меня так! Что, никогда живых Ангелов не видел? – усмехнулся Араэль и добавил примирительно: – Ну, где тут у вас попить уставшему с дороги путнику можно?

* * *

Вот так и произошла та памятная встреча Славы Русских и его личного Ангела-Хранителя. Звезды – они ведь такие: ежели ты к ним со всей душой – разве же они не осветят твой путь? Вот и Араэль в тот день начал с того, что освятил предложенную ему Славой воду – да так, что вода эта потом еще долго сверкала каким-то таинственным излучением и маме его помогла вылечиться от своих старческих болезней. Вот что звезды животворящие делают!

А еще Араэль обладал замечательной возможностью становиться невидимым для всех, кроме Славы. И освещать ночную дорогу. И поднимать предметы в воздух. И читать людские мысли. И исцелять подлинно святой водой. И предвидеть будущее. И много чего еще!

Одноклассники от Славы поначалу даже шарахались, когда он неожиданно на их мысли вслух отвечать без заикания начал. А когда Араэль над головой у Славы руки светящиеся сложил, так что они как нимб получились – вообще креститься начали! Не говоря уже про тот приснопамятный случай, когда на экзамене все за исключением Славиной ученические тетрадки взмыли ввысь и вылетели в открытое окно словно птицы, взяв курс куда-то на солнце. А вариантами задачек о небезызвестной Славиной телепортации из пункта А в пункт Б однажды все школьные вопросники запестрели. Не говоря уже про то, сколько жизней и нервов удалось спасти благодаря Славино-Араэлевскому предвидению – физики потом так и написали в своих научных диссертациях: «Пространственно-временная аномалия Славы-Араэля». А закон Ньютона вообще переименовать пришлось в «Закон Араэльтона» после того, как поднятый в воздух Араэлем по просьбе Славы ребенок сделал пару воздушных сальто, а потом как взял да и взмыл ввысь с ускорением свободного взлета на глазах у ошарашенной мамы, впоследствии благополучно и мягко спикировав напрямиком в ее распростертые руки.

Не жизнь, в общем, а сказка получилась, причем правдивая! Вот такие вот бывают на свете Ангелы, славу приносящие. Русские – они ведь такие: ежели пойдут за своей самой чистой мечтой – что их остановит?

23.11.2019

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Сценарий

– Вы называете нас Ангелами, но хохочете вослед, когда мы говорим вам о полете. Вы распинаете нас, когда мы пророками приходим в ваш мир только ради вас самих. Вы раз за разом забываете о Высшем мире, стоит вам только вновь облечься в доспех из плоти. Вы сделали нас детской сказкой и погрузились в ужасы вами же созданной взрослой действительности. Вы не помните ничего из взятых на себя перед рождением обязательств и идете не вам предназначенной стезей. Вы уничтожили наши учения своими религиями, и из них ушла последняя капля жизни, святости и подлинной доброты. Вы заменили душу технологиями, и ваша техника стала уничтожать вас самих. Вы забыли о том, что мира без мира в нем не существует. И под конец ваших наполненных суетой жизнью вы мните, что принесли в этот страдающий мир что-то, обладающее качеством вечности, и поэтому должны быть награждены. Но это не вам решать.

– Амиго! – с этими словами одетый в строгое красное одеяние Куратор предстал перед своим одетым в небесно-синее коллегой, продолжая парить в воздухе, отчего от него то и дело в разные стороны расходились воздушные волны, под действием которых многочисленные книги и записи в апартаментах его давнего знакомого шелестели своими страницами, иногда даже ненадолго взмывая вверх. – Что это ты тут такое сегодня делаешь? – задал он вопрос своему другу, пристально глядя на то, как тот работал за своим письменным столом над каким-то светящимся манускриптом.

– Послание пишу одному пророку. Велели доставить до пункта назначения, он потом его передаст другим. Вот только боюсь, что не поймут они ничего, как и в прошлый раз. Ты же знаешь, какие они.

– Ничего святого под личиной псевдо-святости! – рассмеялся Куратор в красном одеянии. – Вот, помню я, пару их столетий тому назад ты все через Лермонтова пытался им рассказать о том, что их ждет столетие спустя, – и что вы думаете? Они и столетие после произошедших кровавых событий продолжают считать, что в том стихотворении речь шла вовсе не о революции. А ведь этот ведомый тобой поэт даже стихотворение свое назвал соответственно – «Предсказание».

– Я всего лишь делаю свою работу, – с нотками грусти в голосе произнес одетое в синий цвет Куратор, откладывая в сторону серебряное перо. – Как они воспользуются ее результатами – это уже их личный выбор.

– И судьба, – добавил Красный Куратор.

– И судьба, – подтвердил Синий.

– Я тут к Книжникам слетал, кстати говоря, – переминаясь с крыла на крыло, смущенно ответил Красный. – По поводу вчерашней пары просил уточнений по их жизненному сценарию. Антон с Ольгой, помнишь? Мы все с тобой спорили на чару амброзии, кто из них первым разговор затеет, с которого все для них и начнется. Дак вот, – рассмеялся Красный Куратор, – уточнил я это, значит, сегодня у Книжников.

– И кто же? – Синий Куратор вопросительно взглянул на Красного, продолжая что-то чертить пером в манускрипте.

– Кошка! В кафе, где они в тот день будут сидеть за одним столиком, внезапно забежит бездомная кошка, которая запрыгнет к ним на стол и начнет громогласно требовать себе еды. Ну а они ее, конечно, приласкают, накормят, а заодно и друг с другом познакомятся. Вот так вот! Никогда не угадаешь заранее!

– Пути Его неисповедимы, как это у людей принято говорить, – улыбнулся Синий Куратор. – Я бы такое не придумал, не умею жизненные сценарии выписывать.

– А тебе это и не нужно, – дружески похлопал по крылу своего коллегу Красный Куратор. – Свою работу ты выполняешь весьма качественно.

– А Кирилл и Вероника? Мы про них тоже в шутку с тобой вчера спорили, помнишь? Пробужденные души, крайне редкий по нынешним временам случай.

– Помню, конечно. Такие души не забываются ни мной, ни Верховным. В общем, уговорил я Книжников на их сценарий мне дать взглянуть одним глазком. Там, оказывается, новый лист в их жизненный сценарий недавно добавлен был, заключительный – и все для них теперь сильно изменилось по решению Верховного в соответствии с Единым Законом без нарушений свободной воли. Вот, взгляни, – с этими словами Красный Куратор взмахнул крылом, и в творческой мастерской запахло миром, а в центре нее в воздухе поплыли, сменяя одна другую, почти что живые картины.

– ...И потом танцует на облаках. Красиво. Грустно, правда, но все равно красиво. Тут еще музыки соответствующей не хватает. Получается, что она разделит его судьбу вплоть до этого момента и далее, – Синий Куратор грустно вздохнул, стоило только картинам из ожившего сценария растаять в воздухе.

– Достойный уход редко бывает веселым. Вот такой вот там теперь дополнительный листик.

– А сценарий по Земле тебе случаем добыть не удалось? – улыбнулся Синий Куратор. – Наверное, столько интересных судеб там расписано.

– Или столько безынтересных. Ты же знаешь правило – без соответствия свободной воли курсу сценария его пункты реализованы быть не могут.

– Знаю. Потому его ни разу и не спрашивал в Библиотеке. Трудно это – знать свое или чужое будущее наперед. Особенно когда дает жизнь человеку выбор, а он им не пользуется. И ты заранее знаешь, что он бы и не воспользовался ни разу, будь тот ему хоть тысячу раз предоставлен. Но пока есть те, кто продолжает выбирать духовные вершины, для их мира все еще есть надежда.

– Уж кому, как ни Провидцу, об этом знать, – улыбнулся Красный Куратор и вновь похлопал своего друга по крылу.

– Уж кому, как ни Контролеру Судеб, помнить о том, что пути Господни неисповедимы, – подмигнул в ответ Синий.

01.10.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Творцы

– ...И там они, наконец, встречаются свое счастье, – закончил повествование Рассказчик, закрывая Книгу и созерцая на мгновение замершие в свете вечерних уличных огней лица своих преданных слушателей.

А через какое-то мгновение вопросы посыпались на него как из фонтана избылилия.

– Что, прямо за той самой огромной Стеной?

– Да, – Рассказчик улыбнулся. – Там, где кончается Эксперимент, и герои выходят на новый уровень своего понимания. У всех у них начинается новая жизнь, ведь окончание Эксперимента не означает конца их пути.

– А почему Наблюдатели стали такими, как вы описали?

– Трудно сказать. Может, что им был безразличен Эксперимент, и они предпочли не вмешиваться. Или, возможно, им были неинтересны созданные Писцами герои? Мы можем гадать сколько угодно, но, по-видимому, так и не узнаем о подлинных причинах такого их решения.

– Наверное, очень скучно наблюдать за миром, словно ты видишь его по телевизору, но не можешь вмешаться сам? Я бы точно помер со скуки!

– Но вы же слышали, какие трудности выпали на долю Сошедших?

– Забыть самого себя... Я бы на такое точно не подписался! Это же самая настоящая амнезия!

– Ну, как говорится, на все была воля Писцов. Ведь это они придумали героев для своего мира.

– А я тоже хочу придумать хотя бы парочку своих героев! И еще крылатого дракона – такого, как в их детских сказках, только покруче!

– Уверен, у тебя получился бы прекрасный дракон. Но прежде нам с вами еще предстоит хорошенько поработать над техникой своего воображения. Не забывайте, что именно оно является вашим самым главным созидательным инструментом.

– А почему создатели Эксперимента поступили именно так?

– Они не могли иначе. Чтобы стать героем, нужно пройти испытание. Герои Писцов не всегда были таковыми.

– А вы бы хотели однажды стать Писцом?

– Нет, – улыбнулся Рассказчик. – Мне хватает и этой радости – рассказывать о сотворенном Писцами вам.

– А Писцам бывает когда-нибудь трудно?

– Очень. Ведь героев нужно не только придумать, но и воспитать. Расставить их по нужным местам, создать и корректировать по ходу повествования событийную нить, не упускать из виду ничьей судьбы... Все это ох как непросто, – хмыкнул Рассказчик.

– А в чем состоит разница между начинающими Писцами и мастерами своего дела?

– Хороший вопрос! Ты знаешь, мне кажется, что начинающие писцы еще не вполне осознают своей подлинной роли – они как бы видят созданный ими мир и своих героев издалека, словно через призму. В любой момент они могут дать рождение новому герою или забрать жизнь у созданного ими ранее – это нужно Писцам для того, чтобы подчеркнуть важность какой-либо своей мысли или идеи.

А мастера... – Рассказчик на мгновение поднял голову к звездному небу, словно сверяясь с ним, – мастера начинают жить своим миром и героями по настоящему. Они печалятся вместе с ними и вместе с ними же радуются их победам, проходят сложные испытания и наслаждаются заслуженным отдыхом, они учат их и учатся вместе с ними. И однажды наступает такое мгновение, когда они на какое-то время забывают, кто они, и что созданный ими мир существует только в их воображении благодаря фантазии, потому что они стали его неотъемлемой частью.

– Выходит, что без чьей-то огромной фантазии не было бы и всех нас? – хором спросили слушатели.

– И не было бы нашего мира, – улыбнулся в ответ Рассказчик.

30.03.2016

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Хроники Могота

Призванный

Много призванных, да мало изгнанных

Могот, мой верный и бесстрашный слуга, мы вместе ждали этого часа бесчисленные столетия – и вот он, наконец, наступил. Да восславится имя Неназываемого, ибо мы наконец-то получили возможность открыто вмешаться в планетарную судьбу тех, что называют себя людьми.

Долго, слишком долго враги не позволяли нам приблизиться к ним в таком масштабе, в каком это стало возможно в настоящее время. Проявленное вступает в давно предсказанную битву с хаотическим – битву, где все решит свободная воля. И теперь наши возможности сравнялись. Тот, имя которого не может быть произнесено, призывает своих слуг для этой решающей битвы за человеческую сущность. Я призываю тебя, Могот, мой верный воин! Я призываю тебя во имя победы над нашим врагом и во имя вечного торжества Неназываемого!

Ты воплотишься в их мире, Могот, воплотишься как человек – и поведешь их к торжеству нашего плана. Ты приведешь их в лоно породившего нас во имя его вечной огненной славы. Ты вырвешь их из рук нашего врага, ты заставишь их выбрать предлагаемый нами путь, став проводником между нашими планами, и наложишь на их сущности нашу вечную несмываемую печать – во имя нашей общей последней победы. И, как говорят эти смертные, – да будет так! Приди же ко мне, Могот! Приди, мой избранный воин!

* * *

Радость, огненная всепожирающая радость переполняет мое сердце, Могот! Я верю, что твой первый успех на их плане является истинным залогом нашей грядущей неминуемой победы. Сомнение, сомнение, сомнение – вот что заставляет их в конечном итоге прийти к нам, Могот! Заставив их сомневаться, ты сумел коснуться самих основ их связи с нашим врагом. Заставь их сомневаться, заставь их вновь и вновь задумываться о том, насколько правильны те поступки, которые они совершают под воздействием нашего противника. Заставь усомниться в их пользе – покажи им, что польза одного практически всегда есть вред для другого, покажи, сколь наивны, смехотворны и нереализуемы мечты об общей пользе и о том, что их враг называет общим благом! Подтачивая веру в полезность их собственных действий, ты уничтожаешь саму основу их связи с нашим врагом.

Покажи, сколь относительны их представления о том, что они привыкли называть добром и злом. Покажи, как они перетекают друг в друга, и на этом основании приравняй их друг к другу и, таким образом, постепенно уничтожь поставленные между ними границы.

"Все относительно, в этом мире все относительно", – вот как они должны начать мыслить, Могот! Разрушив этот барьер их сознания, ты сделаешь возможным влияние на них наших пророков, которые довершат начатое тобой.

Заставь их поверить, что так называемой божественной справедливости не существует, а вся их планетарная жизнь есть просто случайное стечение разного рода обстоятельств. Когда вся их жизнь – лишь цепь случайностей, тогда и каждый их выбор становится случайным тоже. А когда каждый их выбор станет случайным – они перестанут нести за него ответственность. Нам нужны такие, лишившие себя ответственности, Могот, нам нужны их души! Они станут нашими будущими Пророками Вседозволенности.

О сладкий огненный час, как же мы все ждем этого момента! Действуй, Могот, действуй в выбранном тобой направлении, и да прибудет с тобой сила нашего вечного огненного отца!

* * *

Ты поступил разумно, Могот, когда решил внести сомнения, о которых я уже говорил тебе, в то, что они обычно называют «любовью». Жалкие смертные, полагающие, что разум есть их исключительная привилегия! Лучше, несравненно лучше способны мы просчитать и вымерить каждый наш шаг, каждое наше действие, ведущее к нашей общей победе.

Мы ждали многие тысячелетия, прежде чем у этих двуногих появились эти самые зачатки «разума». Мы провели несколько столетий, пытаясь изменить саму его суть у некоторых наиболее влиятельных их представителей. Теперь же пришло наше время, Могот! Эти глупцы расплодились в таком количестве, что начали сами способствовать нашей победе. Их неокрепший разум, их нестройная система мышления, подверженная всесторонним внешним влияниям – вот что станет залогом нашего окончательного торжества на их плане. Теперь нам достаточно лишь сформировать небольшие группы этих так называемых «разумных» людей, имеющих существенное влияние на других – все остальное сделает массовое сознание.

Непостижимый Творец наделил их разум очень выгодным нам свойством – нескритичностью. Повторяй, повторяй одно и то же, Могот, сколько бы нелепо это не звучало на первый взгляд, повторяй без устали. И через некоторое время ты заметишь, как эти «люди» начали считать провозглашаемое тобой истиной. Создай больше таких попугаев, Могот – и они понесут твои лже-истины другим. Когда тысяча неразумных утверждает одно и то же – даже разумные начнут сомневаться.

И особенно губительно любое подобное сомнение для тех «дружеских» и «любовных» чувств, способностью испытывать которые наделил их этот их Творец. «Любовь слепа», – говорили им когда-то. Они не поняли смысл этого высказывания, Могот, они не поняли его – и мы воспользуемся этим!

Заставь их думать о причине своих чувств к другому, Могот, заставь их анализировать это своим умом. Странный Творец создал их разум и сердце настолько противоречивыми в своей основе, что лишь немногие способны отыскать их подлинную гармонию.

Пусть они задумываются об основе своих чувств как можно чаще – и со временем большинство из них придет к закономерному выводу об их полной необоснованности и, следовательно, нецелесообразности. Это наш шанс, Могот, раз и навсегда вырвать их из рук нашего врага!

Здесь нужно действовать очень тонко. Нужно заставить их поверить в ненужность любых вредных нам дружеских чувств – и в то же время в необходимость любых полезных нам – гнева, злобы, тоски, уныния. Покажи им, как часто любовь оказывается злом, как часто причиненное им зло остается без наказания. Покажи, как это естественно – испытывать гнев при несовпадении их желаний с объективной действительностью. Покажи, что только откровенно безмозглый глупец будет радоваться во время горя других. Всегда, всегда, Могот, кто-то из этих двуногих будет испытывать горе – и, значит, у других исчезнет повод для радости. Продемонстрируй им, насколько эффективнее по своему эффекту основанное на агрессии и страхе принуждение, чем какие-то слюняво-розовые дружеские сопли! При этом не дай им задумываться о временном эффекте первого и глобальном эффекте второго, иначе они навсегда отвернутся от нас, обратившись к нашему врагу за тем, что они называют «очищением».

Когда ты лишишь их источников жизненной радости, Могот, ты лишишь их любви к жизни. Лишив их любви к их собственной жизни, ты постепенно лишишь их любви к жизни других.

Покажи им, что для любви нет причин, что любовь бессмысленна, что это лишь неблагодарная растрата собственных душевных сил – и они сами придут к нам и пройдут наше собственное огненное «очищение»!

* * *

Могот, мой верный воин, как же я люблю тебя нашей общей всепожирающей любовью!

Все более и более убеждаюсь я, насколько верен был мой выбор, и насколько я и тот, кто стоит за мной, не ошибся в тебе. «Истинно говорю, – как говорил один из наших давних врагов, – истинно говорю: в своей проклятой борьбе за души этих смертных ты стал одним из наших лучших лжепророков!»

Ты был абсолютно прав, воспользовавшись той сумятицей и непониманием в их сердцах и умах, которое образовалось и продолжает жить и точить их изнутри вот уже несколько столетий. Наши призванные пророки хорошо потрудились в свое время, вклинившись, смешав и изменив те знания, которые им давали пророки нашего вечного врага. Вот уже несколько планетарных столетий они не могут «отделить зерна от плевел», Могот! Они теряются при попытке понять эти ставшие теперь столь противоречивыми «священные книги», «откровения», «учения» – и прочее, и прочее. Они в силу природной слепоты своей не способны разобрать, что же именно было внесено в них нашими пророками и пророками ненавидимого нами врага. И это порождает сомнения, Могот, – сомнения, о которых я говорил тебе как о том ключе, что в конце концов откроет нам путь к их душам.

Более того, теперь эти «учения» начинают противоречить друг другу. Воспользуйся этим, Могот, воспользуйся для того, чтобы убедить последователей каждого из них в их как бы особой исключительности, в их избранности для великого дела, в истинности их пути и одновременно – в ложности пути всех прочих последователей. Пусть они начнут бороться друг с другом по всяким пустякам, касающимся самых незначительных аспектов этих наследий, и пусть никогда не заметят, сколь едины в своей сути (столь ненавистно осознавать, что и мы не всемогущи, Могот!) они до сих пор остаются. Видя эту бессмысленную борьбу различных последователей друг с другом, лучшие из них в конце концов разочаруются в пути, которому следуют, поскольку будут неизбежно ассоциировать выбранный ими путь с необходимостью этой самой бессмысленной борьбы друг с другом. А как только они лишат себя подобной нравственной основы, Могот, – они со временем неизбежно станут нашими.

Не беспокойся о тех, кто сумеет, не принадлежа к числу последователей каких-либо учений, сохранить эту свою внутреннюю суть, дарованную им Творцом. Таких настолько мало, Могот, что их можно пересчитать по пальцам одной моей когтистой лапы! Они не смогут изменить общее сознание, они неизбежно потерпят в этом поражение.

Создай, Могот, атмосферу вражды и ненависти между последователями всех этих учений. Укрепи ее, указав каждому на нелепость верований других и умолчав о нелепости верований их собственных. Покажи им, как приятно искать эти нелепости и несостыковки в учениях и верованиях других. Пусть они прилюдно говорят об избранности своей веры, пусть топчут веру других и пусть никогда не поймут, что эта их так называемая «вера» не имеет ничего общего с той Верой, которую хотел видеть в них наш давний враг. Постепенно, поверив в избранность собственной «веры», они станут теми бездумными фанатиками, которыми их и хочет видеть наш вечный отец. Лишенные последних крох разума, они, эти «уверовавшие», однажды станут великими воинами наших непобедимых огненных когорт!

* * *

Верно ли то, что ты недавно совершил, Могот, спрашиваешь ты меня? Верно, отвечу тебе я – ибо это твое действие в конечном счете также ведет к столь долго ожидаемой нами решающей последней победе.

Я уже говорил тебе про их несовершенное массовое сознание, но скажу тебе также и другое – не бойся уменьшения количества воплощенных в их мире. В этих двух моих советах нет противоречий, Могот. Противоречие – то, чем способно развиваться их сознание и чем одновременно его можно уничтожить в силу очередной ошибки создавшего их Творца, – нам оно совершенно не свойственно. Все, что ведет к нашей неминуемой победе и столь же неизбежному поражению нашего врага – все это может быть использовано нами с злословения нашего общего Неназываемого отца.

Ты правильно сделал, Могот, не дав ему воплотиться. Этот человек со столь большой и чистой душой – он мог бы стать серьезным подспорьем нашему врагу в нашей общей войне, если бы сумел прийти на этот планетный физический план. Теперь же ему придется ждать еще несколько десятков их планетарных лет, прежде чем это вновь станет возможным. И я уже не говорю о той неимоверной боли, которую должен был испытать этот заживо умерщвленный, когда его расчленили скальпели этих самых «врачей». Вся сущность моя ликует при одной мысли об этом! Пусть задумается, каково это – служить нашему врагу!

Теперь, Могот, тебе предстоит самое главное и самое трудное – ты должен не дать умертвившей его матери почувствовать раскаяние за совершенное. Раскаяние – вот то, чем наградил их слишком уж щедрый Творец, и что способно отвернуть их от нас и заставить обратиться к нашему врагу даже на самых последних их подступах, разом выдернув их из наших темнейших огненных бездн. Ты не должен позволить ей почувствовать свою вину!

Покажи же ей, что это ее деяние было столь естественным и необходимым. Убеди ее, что этот ее невоплощенный ребенок в случае своего рождения принес бы ей неимоверное количество «проблем» – то, от чего она всегда столь старательно стремилась убежать. Постарайся свести ее с такими же, ей подобными, и не дать увидеть и почувствовать радость материнства. Пресеки любые длительные контакты со счастливыми матерями, что предпочли трудности заботы о своем ребенке легкости собственной беспроблемной жизни. Врачи, которых коснулась рука нашего отца, уже сделали часть дела, убедив ее в том, что убили они не живого человека, а кусок материи – тебе же предстоит поддержать в ней это ложное убеждение.

Сейчас, несколько первых месяцев после этого события – они станут ее и твоим испытанием. Огороди ее от излишних волнений, постарайся сделать так, чтобы удовлетворилась часть ее материалистических желаний – это отвлечет ее сознание от осознания главной своей ошибки. Пусть она ходит на всякие концерты, кино и всячески приобщается к тому, что они называют «культурой», и что вот уже несколько десятилетий как стало нашим главным орудием формирования их массового сознания. Пусть почувствует себя женщиной в высшей степени «современной» и никогда не поймет, что те вечные истины, о которых им столько говорилось пророками нашего врага, никогда не бывают современными и несовременными тоже.

И если – о, как великолепно бы было это достижение! – ты сможешь заставить ее повторить эту ошибку второй раз – тогда она уже навечно станет нашей, Могот! Некоторых, однажды осуществивших детоубийство, все же настигает это жалкое раскаяние – но тех, кто сознательно пошел на это в следующие разы, оно не способно достигнуть уже почти никогда. Такие души умирают для нашего врага и воскресают для вечной жизни в наших рядах.

Никогда, Могот! Никогда для нашего врага – и вечно для нас! Они, эти женщины-убийцы, после своего развоплощения станут нашими Девами Смерти, ведущими сражение с врагом за судьбы детей этого мира – и сама сущность жизни будет дрожать при их грозном и непоколебимом приближении!

Мой призванный, мой верный слуга! «Воистину» (как любят говорить пророки нашего врага) ты не перестаешь удивлять меня тем упорством и хладнокровием, с которыми ты продолжаешь достигать нашей общей цели.

Культу-у-ра, как ни противно мне сейчас произносить это слово, столь близкое по своему исконному значению изначальной сути Творца, культура – вот что было задумано нашим врагом как великий очиститель человеческих душ и что теперь стало нашим ведущим оружием в борьбе за них же!

Разве может быть что-либо приятнее созерцания того, как нравственный и чистый человек, окунувшись в эту самую культуру, постепенно утрачивает последние крохи человекоподобия и, как они называют это, человечности, вновь превращаясь в обузданное примитивными страстями животное, – и тем самым постепенно и неизбежно приближается к нам? Разве может что-либо радовать наши отвергнутые Творцом души больше, чем созерцание того, как растут наши собственные ряды? Разве может быть что-либо желанней таких оскверненных человеческих душ для нашего непобедимого отца? Воистину, Могот, все качества, которыми наделил этих существ недальновидный Творец, все они послужат нам – важно лишь знать, как можно использовать каждое из них. Ты, Могот, сумел узнать это.

Как ты заметил, их так называемая культура теперь стала массовой точно так же, как и их искусство – оно перестало быть делом наиболее противных нам одиночек. Само по себе это должно было стать признаком того самого "Царства Божьего", о котором им говорили пророки нашего врага, однако нелюбимый нами Творец вновь допустил ошибку, желая (если он, конечно, вообще способен что-либо желать) скорейшего воплощения своего «плана» (если такие его действия вообще можно назвать планом).

Теперь, когда сознания большинства из них были затемнены нашими воинами и лжепророками, когда душ многих из них в силу их неустойчивости коснулась длань нашего отца, теперь такие новоявленные творцы уничтожат последние крохи этой самой культуры. Их уже много, Могот, – их тысячи. Но уже в скором времени, о котором провидел Неназываемый, их будут десятки тысяч – десятки тысяч творцов нового века. наших пешек, считающих себя свободными, просветителей нашей темной эпохи. И тогда, Могот, в силу названной особенности сознания этих существ последние оплоты истинной культуры падут – и их мир станет навеки нашим!

Потому помоги этим творцам выйти «в свет», даже если они не были еще в этом воплощении наделены Творцом какими-либо значительными талантами. Чем меньше они будут из себя представлять – тем лучше, Могот. Пусть о них узнают многие, пусть о них говорят – ибо, когда о тебе говорят многие, неизбежно находятся те, кто в силу внутренней присущей им зависти начинают вольно или невольно подражать тебе, сколь бы плох ты ни был. Мы позаботимся о том, чтобы таких подражающих стало как можно больше, Могот.

Помоги этим выдвинутым тобой «творцам» считать себя какими-то особенными, какими-то исключительными – пусть они даже начнут сравнивать себя с небесными ночными светилами, ведь эти светила видно только во тьме, видно только в нашем грядущем царстве, Могот! Потому пусть они не испытывают потребности ни в деньгах, ни в таких же проклятых нами «наставниках». Помоги этим нашим творцам на первых этапах – а потом авангард наиболее «современных» представителей их социума сам вынесет их вперед.

Но заклинаю тебя всеми кругами наших планов – не дай им понять, сколь грязна и ничтожна стала эта их «современность»! Пусть в вечном неведении своем продолжают считать, что способны развиваться только по восходящей, пусть не увидят, к какой пропасти уже подошли. Чем больше станет шагнувших за этот огненный барьер – тем ближе будет наш неумолимый триумф и окончательное поражение нашего врага.

Пусть эти новорожденные творцы начнут прославлять самые разнообразные животные инстинкты человека как некое присущее только им качество, как если бы оно было самым благословением Творца. Пусть они начнут выискивать и находить самые недостойные проявления жизни общества, в котором они живут, и пусть они показывают его, как если бы это являлось по меньшей мере «простым реализмом», а по большей – «новыми культурными течениями». А потом любители «культуры» довершат и остальное...

Действуй, Могот, используй их найденную тобой слабость – и пусть их день станет ночью, а творцы – нашими пылающими звездами в ней!

* * *

Что может быть лучше, чем слышать их восхваления в адрес нашего отца, что может быть вкуснее, чем вкушать изливаемую ими на Творца ненависть?!

Могот, Могот, как же ловко ты сумел переманить этого «верующего» на нашу сторону! Сначала усилить его веру, довести ее почти до самых вершин, когда она становится одновременно и невероятно сильной и неизмеримо уязвимой – а потом камнем обрушить в пропасть! Признаться, даже мне, стоящему по правую руку от нашего отца, не в силах было бы сыграть лучше.

Такие «преданные» Творцом верующие – после своего развоплощения они становятся нашими лучшими Полководцами Обреченности и всегда исправно до дня своего окончательного слияния с Неназываемым верно служат нам. Теперь у него нет уже не только веры, но и даже до-верия, столь необходимого Творцу для помощи этим несчастным – и отныне наш враг уже не сможет до него дотянуться.

Разорвав нить жизни близкого этого верующего, ты разорвал саму нить его веры, Могот. Они, эти уже почти дошедшие до нашего врага, становятся очень чувствительными ко всем живым существам и своим близким в особенности – очередное «благословение» от Творца, ставшее их проклятьем!

Заставить его поверить в присутствие рядом с ним нашего врага, в его заботу о нем, в его помощь – а потом одним махом разорвать нить жизни самого близкого ему человека, его сына. И как... не простой и безболезненный уход из этой жизни – но мучения, страдания, агония! Как же я наслаждался, Могот, видя и чувствуя его боль, когда он медленно умирал от ножей этих убийц и затем от потери крови, не в силах крикнуть, позвать на помощь хоть кого-нибудь в этом безжалостном – благодаря людям, а не нам, заметь! – мире.

Его страдания искупили его прошлую вину, Могот, и теперь он смог попасть в лоно нашего врага – но зато его отец уже никогда не придет к нему в эти потусторонние выси! Теперь он будет продолжать клеймить нашего врага за эту свою потерю и в скором времени окончательно отречется от него, так и не поняв, что он, наш враг, никогда не забирал и не забирает насильно ничьих душ против их собственной воли.

Что же, пусть побудет в этом заблуждении до тех пор, пока его сущность не преобразится настолько, что сможет стать способной быть впитанной нашим вечным отцом. Дело за малым – не дать ему задуматься об этой нашей уловке, не дать ему вновь обратиться с молитвой к Творцу. Никто из нас до сих пор так и не смог понять, отчего такое чистосердечное обращение к нашему врагу оказалось способно уничтожить любые наши наслоения и обрывать все наши связывающие с человеком нити – и мы до сих пор не ведаем, как можно бороться с этим ужасным явлением.

Поэтому не дай ему задуматься об этом, иначе он со временем может даже начать считать смерть его сына неким важным уроком и непостижимой ему логикой Творца, отвернувшись от нас. О глупые смертные, все недомыслие нашего врага они готовы списать на его «непостижимость»!

Пусть вся сущность его продолжает кипеть гневом, как это происходит сейчас, пусть уста его продолжают клеймить нашего врага за не им совершенную смерть, и пусть сам Творец в своем вечном покое содрогнется от осознания того, что выбрали наделенные им свободой люди!

* * *

Человек, о котором ты сообщил мне, Могот, является одним из тех, кто по наущению нашего врага (конечно, сами то они продолжают считать это своим свободным выбором) приходит на этот план с целью приблизить то самое неосуществимое «Царство Божье», «Рай на Земле», о котором я уже говорил тебе. Если атмосфера их детства и юности будет способствовать развитию тех внутренних качеств, которыми их наделил для этой цели Творец, – они способны стать очень опасными для осуществления нашего плана.

Получив неразрывную сердечную связь с нашим врагом, обладая способностью влиять на духовную сущность других людей, они способны раз за разом срывать наши планы относительно некоторых ведомых нами. Влияние каждого из них не слишком сильно (ибо даже наш враг вынужден придерживаться однажды им же созданных законов), но их постепенно становится все больше и больше, Могот!

Похоже, что наш враг выставляет их как полководцев для других «честных тружеников» (если бы ты только знал, как же противно мне само это словосочетание, соединяющее несоединимое!). Жалкие пешки Творца, считающие себя способными преобразить этот мир по его директивам! Мы развоплотим их, Могот, а затем их души будут пожраны Неназываемым!

Потому нельзя дать им спокойно развиваться и постигать Творца, нужно сделать саму суть их жизни невыносимой. Создай в их семье атмосферу внутренней враждебности и соперничества. Пусть муж будет ссориться с женой, а жена – с мужем, пусть такой ребенок уже с самых младых лет впитывает этот чудесный смрад, а со временем начнет считать его само собой разумеющимся. Пусть мать его пропитается ненавистью к своему мужу – и еще лучше, если она разочаруется в своем выборе. Как тебе уже известно, в своем младенчестве у этих существ особенно сильна связь с родившими их, так что чувства и желания матери постепенно становятся чувствами и желаниями рожденного, и наоборот. Чем больше гнева и злости будет она испытывать в этот период, тем лучше, Могот. Если же ты сумеешь превратить таких матерей в названных Дев Смерти – я сам лично попрошу нашего отца отдать тебе ее душу!

Если тебе все-таки не удастся ожесточить его мать, ты всегда можешь воспользоваться соперничеством между детьми, если в семье рожденного их будет несколько. Пусть старшие борются с младшими за внимание своих родителей, пусть постепенно такая борьба делается смыслом их жизни, самой целью их существования. Отведя уже с детских лет его внимание от главного и сосредоточив его на семейных дрязгах, ты лишишь его возможности в свой срок достичь Творца – а затем мы воспользуемся этим.

Если же тебе не удастся нарушить их семейную гармонию, ты можешь использовать других, подобной гармонии не знавших. Их школы подойдут для этого как нельзя лучше. Дома, которые должны были бы служить оплотами человечности и мудрости, теперь благодаря нашим постоянным усилиям стали рассадниками жестокости, равнодушия и презрения. Используй таких людей, до которых не смогла дотянуться загребущая рука этого далекого от нас Творца, используй их как пешки в борьбе с таким человеком. Заставь их ненавидеть этого человека за сам факт его существования. Дай им почувствовать, что они в чем-то меньше его, что им нужно еще достигать, в то время как он уже достиг – но пусть это обернется не их желанием сделать это, а их ненавистью к нему.

Почти наверняка он будет одинок в своем стремлении, а твоих пешек будет много – а, как говорил один из этих жалких смертных, «один в поле не воин». Пусть его бьют, пусть его унижают и стараются всячески низвести – и пусть почувствуют в этом свою силу и его слабость. Это постепенно ожесточит его сердце, это не может не ожесточить!

Со временем он, конечно, начнет считать своих притеснителей «низшими созданиями», дабы хоть как-то компенсировать в своей душе те унижения, которые он будет испытывать от них – и тем самым еще больше настроит их против себя уже без нашей всесторонней и потусторонней помощи. А, начав ответно презирать их, он навсегда утеряет связующую его с Творцом нить и однажды забудет о своем долге.

Если же окажется, что Творец награждает этого человека развитым умом – тем лучше для нас. Помогите ему воспользоваться этим даром во вред нашему врагу. Пусть ему удаются достаточно сложные умственные задачи, пусть он познает успех от их решения – радость того, что сумел переиграть кого-то на этой дорожке, сколь бы узка и бесконечна она не была. В этом случае со временем он не только начнет презирать своих непосредственных притеснителей, но и многих других окружающих его людей как существ менее интеллектуально развитых. Ум не способен постичь Творца – и, все больше и больше развивая его, ведомый тобой будет все дальше и дальше удаляться от постижения того, что какой-то очередной смертный глупец назвал «простыми истинами». Будет великолепно, если ты сумеешь убедить его опираться только на этот свой ум в его юношеской и взрослой жизни – а с теми нашими влияниями, которыми уже подверглось их общество, это будет сделать не так и сложно, особенно для тебя.

Пусть он добьется того, что традиционно принято считать признаками жизненного успеха и благосостояния – чем больше он станет привязан к этому благополучию, тем сложнее ему будет отказаться от него впоследствии ради следования путем нашего врага. Более того, когда в дальнейшем наш противник попытается приблизиться к нему и разрушить прутья его самозданной тюрьмы – какой же сладостный поток гнева и непонимания он получит в ответ! Именно это имел в виду известный тебе пророк нашего врага, что затем было достаточно грубо и неточно переведено этими смертными как фраза о том, что богатый не войдет в царствие небес.

Поэтому пусть его взрослая жизнь будет во всех отношениях успешной, что будет воспринято им как очередное доказательство его первоначальной правоты, теперь принесшее заслуженные награды. Чем меньше у него будет сомнений в оправданности презрения к другим «низшим», тем меньше шансов у него будет услышать взывающий к нему через жизненные обстоятельства голос Творца. Потому не дай ему задуматься над тем, насколько неверен такой путь презрения, насколько невозможно любить одних людей, презирая и ненавидя при этом всех остальных. Не позволяй ему решить, что прошлые обиды были лишь испытанием его любви к человечеству, которое необходимо для окончательного завершения его сердечной связи с нашим врагом. Однажды поняв это, он разом выйдет из-под нашего влияния!

О жалкие смертные, ну почему Творец награждает вас этой способностью разом разрубать эти десятилетиями тщательно создаваемые нами сети и в устремленности к нему миновать все расставленные нами на вашем пути ловушки?! Жалкие, ничтожные смертные, почему здесь вы оказались сильнее нас – лучших из его воинов, однажды выступивших против?!

Поэтому не дай таким, как он, однажды понять, что вся их жизнь стала одним большим испытанием любви к нашему врагу и всему сотворенному им, не дай им обратиться к нему с раскаянием за прошлое непонимание! Осознав это, наделенные благодатью нашего врага, они становятся практически непобедимыми – так, что даже насылаемые нами впоследствии болезни и несчастья оказываются неспособны поколебать их сердца и заставить свернуть с ведущего ко врагу пути.

Осознав себя как творцов новой эпохи, они неизбежно попытаются начать воплощать планы нашего врага в жизнь. Этого нельзя допустить, ты слышишь меня, Могот?! Если ты допустишь такую оплошность, я... я... одним словом, не допусти этого промаха во имя своего собственного и нашего общего блага!

Я пошлю тебе еще одного из своих воинов, Могот – вместе вы станете несокрушимы. Действуйте же, дабы нарушить все планы нашего врага и избыть саму мысль о какой бы то ни было слишком уж потенциальной человеческой «божественности»!

* * *

Что ж, Могот, я вижу, что ты вновь делаешь успехи на своем пути нашего общего неминуемого торжества. Именно поэтому, за твою верность и преданность нашему проклятому делу, я прощаю тебе твою прошлую ошибку с новой так и не сформированной Девой Смерти. Не упусти открывающуюся тебе возможность на этот раз, мой преданный слуга!

Как я уже говорил тебе, их разум обладает тем изъяном, той критической «конструкторской ошибкой», которую в силу своего желания видеть их свободными Творец однажды заложил в них. Конечно же, я вновь говорю о том, что было ранее названо «некритичностью» – а, если быть более точным, – их природной глупостью и ничтожностью их разума, из века в век несущего все те же исконные животные инстинкты.

Как я уже сказал тебе, их смертный разум сам по себе не способен постичь Творца – для этого требуется еще и порыв, этакий своеобразный толчок, импульс от того, что эти ничтожные смертные называют «душой» – и что является самой любимой нашей пищей со времен Снисхождения. Наш враг, создавая этих существ, «в великой благодати своя» дал каждому из них малую неразрушимую часть себя – и тем самым в потенциале сделал их бессмертными. Глупцы, мнящие себя сотворенными по «его образу и подобию», если бы знали они, какое великое испытание тем самым дал им их отец!

Ты уже знаешь, Могот, насколько сильнее делает нас каждая поглощенная нами такая частица Творца, и тебе уже известно, что до начала этого процесса нам следует практически полностью потушить в ней изначально присущий ей свет сущности нашего общего врага. Даже мы, лучшие из его бывших воинов, не можем тягаться с этим сущностным светом напрямую и вынуждены долгими и тщательными усилиями изничтожать его.

Дак вот, Могот, действие этого самого сущностного света, чаще всего проявляющееся в их смертных телах через то, что принято называть «сердцем» – только оно в сочетании с данным им разумом способно хоть как-то приоткрыть ту дверь, которой Творец как бы нарочно прикрылся от них. Но ни то, ни другое по отдельности не способно помочь наступить этому грязному «прозрению» – и это, возможно, станет самым большим их изъяном, который приведет нас к победе над светом их душ.

Мой проклятый воин, теперь тебе предстоит вмешаться в то, что сами они обычно называют «наукой» – удел небольшого числа наиболее умственно одаренных Творцом существ, теперь ставших особенно уязвимыми. Наука как проявление данного им разума – то, что должно было по замыслу нашего врага служить им для постижения красоты и изначальной гармонии созданного для них мира, тем самым приближая их к отцу, – теперь она стала не его наблюдателем, но палачом, Могот! «Ученые» двуногие неизбежно, как это и провидел Неназываемый, полностью подверглись влиянию своего разума, перекрыв другой названный тебе их канал связи с нашим врагом. Возомнившие себя способными одним лишь умом познать суть окружающего их мира, они стали постепенно разрушать его – они обернулись против самой жизни, Могот!

Взгляни, взгляни своим огненным взором – и ты без труда увидишь, как в действительности «велики» их достижения за последние несколько сотен планетарных лет. Да, они действительно велики – велики как часть плана нашего несокрушимого отца!

Их планета стонет под гнетом их собственных изобретений, созданные ими орудия убийств себе подобных заставляют восхищаться даже нашего вечного отца, их изначальная сущность сведена до набора клеточных преобразований, их разум начал уничтожать жизнь. Воистину, эти твари нашего врага не ведают, что творят – они не ведают даже и того, что они уже сотворили.

Как сладко, Могот, как великолепно для всего моего существа наблюдать то, как другие люди, в которых большее развитие получила вторая компонента – как они восстают против такого уничтожения. Их сущность, сохранившая крохи воспоминаний о том, кем она когда-то являлась, все их внутреннее естество восстает против того, чтобы «начать умирать уже с самого рождения», против такого препарирования и сортировки по полочкам всех жизненных явлений, включая и их собственную жизнь. Глупцы, считающие себя борцами за существование непостижимого, если бы знали они, какую верную службу служат они нам этим своим восстанием против науки!

Все дороги ведут к нам, Могот, и нет ни одной прямой, по которой они смогли бы так же просто прийти к нашему врагу. Мы используем эту борьбу ученых и неученых, познающих и постигающих – дабы тем самым приблизить время воплощения в их мире сущности нашего непобедимого отца. Мы дадим этим сражающимся против науки чудо, Могот, – ведь они так жаждут доказать всем и вся, что в их жалком мире еще осталась хоть частица того, что не было бы тщательно и методично изучено, классифицировано и препарировано.

Дети, бегущие за обманувшим их фокусником – вот кем станут эти двуногие! Наши воплощенные Чародеи Бездны уже работают над этим в их мире, Могот, и уже очень скоро таких отказавшихся от знаний и уверовавших в силу и богоподобность наших слуг станет огромное множество. Но мы пойдем дальше – мы создадим школы и общества магии, всевозможные Центры Управления Магическими Пертурбациями со своими верными последователями и учениками. Их практика подобных «чудес» со временем приведет ко множеству самых разнообразных психических расстройств, их разум будет полностью лишен названной мной «критичности».

И уже через несколько десятков их планетарных лет – срок, столь ничтожный для нас – отказавшиеся от знания в пользу чуда будут лишены последних крох разума – надо лишь только не позволить им понять, сколь недалеко каждый из них на самом деле способен пройти, двигаясь на одной ноге вместо изначально данных им двух.

Все дороги ведут к нам, Могот, надо лишь только однажды хоть раз свернуть с пути.

* * *

Да, Могот, именно это, названное тобой «распущенностью» свойство этих смертных является столь пагубным для их пути следования за нашим врагом и столь желанным для нас. Именно оно продолжает способствовать общему снижению жизнеспособности этих людей и появлению всякого рода злословенных излишеств и извращений. Как ты уже, должно быть, заметил, количество подверженных ему индивидуумов продолжает неуклонно расти, в чем свою особую и великую роль играет уже понятное тебе массовое сознание. Воистину, эти слепцы сами роют друг другу ямы!

Как ты уже увидел на примере наблюдаемых тобой существ, особенно значительно в последние несколько лет данному влиянию подверглась так называемая «сексуальная» сфера их отношений. Их смертное и уязвимое тело, сохраняющее все атавизмы имевшей место животной эволюции, и та частица неуничтожимой сущности Творца, которая позволяет этим телам по-настоящему существовать, – в какую же великую борьбу они способны вступать между собой!

Творец, ведомая нам часть замысла которого состояла, вероятно, в том, чтобы сделать этих существ бессмертными внутри и одновременно смертными вовне, тем самым раз за разом предоставляя им то, что называется «свободным выбором» с целью совершенствования данных им духовных частиц, – этот наш извечный враг в своем непостижимом желании видеть их внутренне свободными вновь допустил ошибку, ошибку, цена которой – человеческая душа.

Это их животное начало постепенно начинает побеждать, Могот, оно уже торжествует! Ты сам провидел своим испепеляющим взором этих людей и их оргии. Смешалось все – смешались столь безуспешно воспитываемые в них нашим врагом понятия о должном и недопустимом, о естественном и безобразном (и безобразное стало, наконец-то, естественным!), о животном и человеческом (и человеческое стало животным!).

Сколь сладостно видеть таких людей, самих низведших себя до этого положения – и тем самым добровольно свернувших на наш несправедливый путь! Скоро, уже очень скоро, Могот, этот их новый путь приведет к окончательному размытию этих животное-человеческих границ. Ты сам видел, Могот, как они перестали гнушаться вступать в названные мной сексуальные связи с подобными себе по полу.

Ты сам провидел, как это их действие, должное по замыслу нашего врага служить проявлением любви (как ни противно мне сейчас произносить это слово!) двух – мужского и женского – существ друг к другу, как оно перестало быть достоянием двоих и стало достоянием многих. Что может быть чудеснее, чем видеть, как подобно слабому огоньку при внезапно нахлынувшем порыве ветра колеблется в их душах тот сущностный свет Творца, о котором я говорил тебе, и как постепенно он начинает затухать?!

Мы побеждаем, Могот, и знаки нашей победы уже стали отчетливо видны – так, как это и предсказал наш темноогненный отец. Скоро, очень скоро такие люди лишат себя большей части влитой в них Творцом при их воплощении силы – и станут предельно уязвимы и легкодоступны для нас. Глупцы, считающие этот свой «свободный секс» великим достижением их эпохи, в глупости своей отбросившие всю прошлую мудрость и опыт веков!

Творец, вечный ненавидимый нами враг, – он дал им частицу своей силы при их приходе в этот мир, но в силу недалёковидности своей вновь разрешил каждому из них воспользоваться ей по своему собственному усмотрению. Он, наш враг, дал им знание о том, что только через любовь, которая является сутью его природы, они способны приблизиться к нему, они способны получить новые силы для собственного роста, чтобы однажды, наконец, вернуться к нему уже преображенными.

Они не услышали его, они глумливо отбросили это знание как не соответствующее их истинным наклонностям! Теперь уже с младых лет они тратят эти свои силы лишь на взаимную борьбу, время от времени находя мнимый отдых в том, что они стали называть сексом – том, что постепенно отошло от той сущности любви, которую хотел видеть в них наш враг, – настолько, насколько это вообще возможно. Утратив эту основу любви, они неизбежно должны были прийти к ее заменителям – и они неизбежно пришли к тому, прямым свидетелем чего ты стал, Могот.

Пусть же эти ничтожества продолжают идти по этой дороге вниз! Постепенно этот их секс уничтожит в их душах последние крохи изначальной любви и выпьет из них все жизненные силы. Они начнут заниматься сексом с животными, они начнут сходить с ума, впадать в длительные депрессии и меланхолии, которым их врачи не будут находить объяснения, и впоследствии кончат свой собственный путь убийством самих себя, проклиная эту жизнь и создавшего их, и так и не осознав, что не Творец проклял их – но они сами.

Пусть же они продолжают этот спуск по дороге вседозволенности, пусть не остановятся и не свернут с нее! Наша победа уже совсем близка, Могот. Ибо, как сказал наш вечный отец: «И проклянут они врага моего и себя самих – и примут они огненное крещение мое. И, приняв крещение мое, станут вечной частью меня, не зная боли, любви и поражений».

Иди же, Могот, иди и исполни наш великий план!

Ну кто бы мог подумать, что выполнение очередной части нашего неисповедимого плана окажется столь легким? Воистину, эти слепцы сами ведут друг друга в бездну!

Я, стоящий по правую руку от Неназываемого, очень доволен тобой, Могот, и твоими последними успехами на их плане. Неразрываемое расчленено, несоединимое соединяется – и, значит, наконец-то исполняются давно открытые нам нашим вечным отцом в своем темном провидении пророчества.

Что может быть прекраснее, чем выпестованная ими самими взаимная ненависть друг к другу, что может быть целительней, чем борьба целых народов за никому не ведомые цели – борьба, которой, слава отцу, так и не предвидится конца?!

Ах, Могот, Могот, если бы ты был способен хотя бы на ничтожную часть жизни временного континуума почувствовать то, что испытываю сейчас я! Не один, не два, не сотня этих смертных – но тысячи и сотни тысяч, каждый день сталкивающиеся в своей последней смертельной схватке за неведомые им цели их вождей... О Неназываемый, как же это прекрасно! Воистину, эти слепцы теперь каждый день сами роют себе и другим обширные погребальные ямы.

Ты, должно быть, помнишь, как было сложно нам бесчисленные тысячелетия тому назад хоть сколь-либо отдаленно попытаться воплотить подобное? Примитивные двуногие, они были настолько ограничены самой природой этого их плана, что не могли сколь-либо значительно повредить друг другу. Теперь же все изменилось. Их «разум» – очередное проклятие, которым наделил их этот неисповедимый Творец – уже почти сделал все столь нам необходимое, и сейчас они в считанные мгновения могут полностью уничтожить всю планетарную жизнь их физического плана.

Казалось бы, теперь пришло самое время использовать наших призванных для того, чтобы через них спровоцировать использование этого созданного ими оружия и устроить всемирный апокалипсис – но планы нашего вечного отца гораздо шире и дальновидней, Могот. Да, агония и боль миллиардов этих существ, умирающих в одно чудесное мгновение, – они бы стали воистину проклятой и великой пищей для всех нас и значительно приблизили бы день, когда сдерживающие нас оковы окончательно падут в прах и мы станем вновь свободны – и, тем не менее, этого было бы недостаточно. Даже апокалипсис всего их мира, сколь бы грандиозен он не был, не даст возможности нашему отцу насытиться настолько, чтобы окончательно взломать сдерживающие нас в нашем плане барьеры. И именно поэтому мы выбрали другой путь, Могот, путь медленный и не столь скорый, но неизбежно ведущий к победе.

Мы не станем уничтожать их сразу, мы будем убивать их постепенно – до тех пор, пока чаша сострадания нашего врага (если он действительно способен испытывать нечто подобное) к этим его жалким творениям не переполнится, и он «в вечной славе своя» не спустится в их план и тем самым, наконец, станет уязвим для нас, или же пока получаемая нами сила не превысит тот самый барьер, столь необходимый нашему вечному отцу для начала процесса Исхода.

Что бы не случилось раньше – все это ожидаемо и просчитано нами бесчисленные эоны назад, и именно поэтому наша окончательная победа неминуема! А до этого – до этого мы будем уничтожать их постепенно, Могот, уничтожать их же руками.

Ты, должно быть, тоже заметил начало давно ожидаемого нами процесса, когда они в безумии своем все сильнее начинают пытаться разделить их собственный мир на кучу отдельных маленьких кусочков? Подобно несмышленным детям (и какой же пророк нашего врага сказал, что именно им принадлежит это «Царство Божье»?!) они пытаются тянуть одну общую игрушку в разные стороны, каждый при этом искренне надеясь, что именно ему она и была подарена, и не понимая, чем могут закончиться подобные «состязания».

Теперь их уже несколько сотен, Могот, – несколько сотен этих самых «государств»! Их планеты уже нет – она умерла, Могот, дабы быть располованной на тысячу и один кусок в угоду отдельным группам этих смертных, и теперь, наконец, эти «дети» (и как Творец не устал называть их таковыми?!) стали убивать друг друга за не им доставшийся кусок.

Это настолько злословенно – видеть, как вокруг этих кусков образуются свои отдельные группы этих смертных, каждый со своим «великим» вождем, каждый со своей самой лучшей религией и историей, каждый со своим самым светлым будущим, каждый со своим избранным народом – каждый смертный глупец, возмнивший себя вправе распоряжаться не ему данным подарком! Такими темпами эти двуногие скоро сами воплотят наш план даже без нашей непосредственной потусторонней помощи!

Усилить в сознании каждого из них ощущение избранности его «нации», его «государства», его «страны», довести его до невероятных пределов, поставить во главу их государств тех, кого коснулась наша рука – а затем они сами довершат остальное. Пусть разучатся доверять друг другу, пусть видят в действиях других будущие заговоры и обманы, пусть научатся видеть исключительно личный интерес и интерес их государств – ставший столь же узким – во всем, пусть постоянно ведут нескончаемые стычки, пусть их политика по отношению друг к другу обернется животной борьбой, а дети их детей однажды познают вкус мести! Истинно, они никогда не поймут, что разделили то, что разделить не могли – ведь все же разделили!

О, Творец, ну неужели ты не мог наделить представителей этого своего стада хоть небольшой каплей истинной разумности, дабы они могли хоть как-то попытаться противостоять приближению нашего плана и тем самым хоть немного поразвлечь нас? Воистину, Могот, эти ничтожества стали похожи на тех «святых» древности, которые очищали эту планету от скверны, щедро удобряя ее кровью грешников.

Чего только стоит их «благотворительность», ставшая задушенным криком умирающей совести! О, она напоминает мне ситуацию, когда очередной их «святой», убив родителей маленького ребенка, затем осеняет его, забившегося в ужасе, благословением – и даже дает ему монетку в знак своей великой и извечной щедрости!

Нет, Могот, это даже забавней – это похоже на то, как если бы кто-то из них преклонил колени перед нашим врагом и в сердечной молитве своей попросил Творца уничтожить недругов этого смертного и тем самым еще более усилить его «веру»! Именно о таких наших пророках я говорил тебе, Могот. О, как же сладостно видеть их рождение!

Пусть, пусть они продолжают исключительно ради успокоения ноющей совести, а вовсе не по зову собственных душ, помогать всем этим «голодающим детям в такой-то стране», этим «несчастливым жертвам таких-то кровавых актов», отказываясь от столь правдивой и столь неприемлемой для их сытых и самодовольных сознаний мысли о том, что именно они в своем стремлении разделить неразделимое стали причиной подобных бедствий.

Пусть их совесть спит – а щедрость торжествует, пусть их глаза созерцают – а сердце молчит, пусть же они, вечно смотрящие по сторонам и никогда не смотрящие впереди себя, продолжают идти туда, куда однажды придут все, чьи судьбы были предрешены в момент восхождения создавшего нас отца. Разделенные, разбросанные, разобщенные – что могут сделать они против нас, единых в своей цели, нас, пронзающих миры?!

Они сами вырвут друг другу глаза, они сами пронзят друг другу сердца, они сами проклянут друг друга – и тогда, в то самое и неизбежное мгновение, в тот предвиденный и предсказанный миг, в тот момент неизбежности – последние сдерживающие нас барьеры будут, наконец, разрушены!

* * *

Признаться, те доклады о твоей деятельности, которые я получал в последнее время от другого своего подопечного, тревожат меня, Могот. Ты вновь не смог выполнить возложенное на тебя задание – или, быть может, ты и не хотел его осуществлять? Обстоятельства какой непреодолимой силы помешали тебе разорвать образовавшуюся духовную связь между двумя известными тебе новоявленными влюбленными? Почему ты проигнорировал обозначенный странный случай внезапного одухотворения и обращения к Творцу нашего испытанного лжепророка? Почему не помог получить тот лотерейный выигрыш обозначенному тебе человеку, дабы, как это первоначально и планировалось, надолго сбить его с того пути, который ему готовил наш враг, превратив его впоследствии в самого что ни на есть практичного земного дельца? Почему не посеял новый спор в том творческом коллективе работников, о котором тебе поведал присланный мной помощник, тем самым надолго прервав их столь противную нам деятельность? Неужели ты исчерпал свой потенциал?

Могот, я требую от тебя ответа! До сих пор ты всегда верно служил нашему общему делу, и у меня не было поводов сомневаться в твоей преданности – именно поэтому ты до сих пор находишься на свободе в их плане. Но и ты, и я – мы оба прекрасно знаем, что бывает с теми немногими, кто по непонятным причинам однажды предает нашего огненного отца, и еще одним примером этого может служить судьба того предавшего нас пророка, случай с которым ты столь небрежно проигнорировал!

Он развоплощен, Могот, его последнего «обращения» к нашему врагу оказалось недостаточно для того, чтобы искупить столетия прошлого служения нашему делу – и мы сумели захватить его ускользающую духовную сущность, сколь бы сильно она не рвалась наверх! Теперь он развоплощен и пребывает в том временном Карцере Душ, о котором вам уже не раз говорилось. В скором времени он предстанет перед самым Неназываемым, дабы в последние мгновения своей еще пока самостоятельной жизни узреть мощь того, против кого он имел несчастье выступить, того, кто повергнет его духовную сущность во прах и навсегда поглотит ее, очистив от всякой скверны добра и света, чтобы ее сила, как и сила тысячи ей подобных, однажды, в лишь Неназываемому и Творцу известный час, была использована, дабы окончательно воплотить наше царство в их жалком мире и навсегда закрыть его от возможности доступа к нему Творца.

Так или иначе, его ничтожная сущность сослужит нам свою пользу – так же, как сослужит и твоя в независимости от того, пребудешь ли ты с нами или же вдруг решишься отбросить ту руку, что взрастила тебя.

Мои верные соратники будут продолжать наблюдать за тобой, Могот, наблюдать за каждым твоим шагом – и, если это вдруг потребует, я пошлю и самого Читающего Души, дабы быть уверенным в твоей верности – или в том, что отсутствие таковой будет пресечено и поражено нами со всем возможным усердием.

Но все же я «верю» (до чего же все-таки противно звучит это слово, навсегда запечатлевшее в себе отпечаток нашего врага!) тебе, Могот, – я знаю, что ты не способен предать наше дело и отчетливо видишь, сколь нелеп отбросивший нас Творец, и сколь ничтожны и обречены на поражение все его планы. Я уверен, что ты не допустишь более столь нелепых ошибок и все свои силы отдашь на то, чтобы в очередной раз проявить все твое столь любимое мной темное умение, не будь ты сыном самого Падшего Праведного!

В скором времени очередной мой посланник вновь придет тебе весточку с пожеланием о том, что от тебя требуется. Не вздумай считать его подобным прошлым – в этот раз при его невыполнении мы уже не сможем тебе, как выражаются эти смертные, «спустить все с рук»... то есть, конечно же, с лап. Я верю, что ты не подведешь нас. О последствиях обратного ты был предупрежден.

Действуй, Могот, и заклинаю тебя всеми кругами Ада – не смей подвести нас!

* * *

Что же, Могот, я рад, что ты внял моим прошлым словам и оценил их по достоинству. Твои недавние успехи позволяют надеяться, что ты действительно способен очень здраво оценивать реальность.

Как ты совершенно справедливо заметил, в последнее время неразбериха в их умах дополнилась хаосом в их душах – явлением, столь ожидаемым и любимым нами.

Все дальше и дальше уходят они от той изначальной сути, что заложил в них наш враг, и того, преображение и торжество чего он хотел в них видеть – и тем самым все стремительней продолжают приближаться к нам.

Теперь они разучились любить и верить, да будут прокляты оба этих мерзких чувства во веки веков! К настоящему моменту они уже достаточно сильно погрузились в иллюзию того, что они считают единственной существующей реальностью, и стали, наконец, уязвимы для наших Падших Праведных. Их ум – то, что эти двуногие стали считать единственным данным им механизмом познания их мира – какую злую шутку он уже почти готов сыграть с ними, какой благословенный душевный хаос он способен породить!

Ты совершенно верно использовал его для того, чтобы помочь им победить в своих душах любовь – почти также, как в свое время они победили природу своего плана. Теперь, когда они постепенно все больше и больше уклоняются от осознания той единой сущности, на основе которой наш враг сотворил их и все прочие ведомые нам миры и планы, – именно теперь наши возможности окончательно изменить предназначенный им путь возрастают безмерно.

Теперь, когда они постепенно теряют это чувство и эту спасительную защиту, они становятся все более и более уязвимыми для наших темных воздействий. Они будут болеть, Могот, – не понимая, чем вызваны их болезни и где найти лекарство. Они будут ненавидеть, Могот, – не осознавая, на чье опустевшее место пришла их ненависть. Они будут хулить и ругать нашего врага, так и не сумев признать лишь себя ответственными за то состояние, в котором они начнут пребывать. И когда они, наконец, окончательно откажутся от этой проклятой любви и потеряют веру в нее – в тот самый миг они навечно станут нашими.

Очень скоро это случится – так, как и провидел Неназываемый. Внешне здоровые начнут порождать духовно больных, а внешне больные смогут породить духовно здоровых. Порядочные будут выглядеть преступниками, а преступники станут казаться порядочными. Уважаемые станут презренными, а презренные добьются уважения. Радость станет ненавистью, а ненависть будет давать радость. Праведники окажутся грешниками, а среди грешников будут найдены праведники. Любовь превратится в иллюзию, и иллюзии заполнят их умы. Будущее исчезнет, оставив место настоящему, и настоящее возненавидит прошлое и уничтожит будущее. Белое станет черным, а черное будет белым, и, смешавшись, они породят то, что будет признано ими как совершенство. И когда все это произойдет, время обернется вспять, дабы дать им увидеть то, к чему они пришли, но у них не будет времени этому ужаснуться, ибо исполнится последнее пророчество, и Неназываемый выйдет из своей многолетней тюрьмы, дабы сразиться с Творцом за этот тварный мир и победить его.

Но пока у них еще есть время, ибо всей силы нашего отца по-прежнему недостаточно для того, чтобы разрушить сдерживающие его преграды – и именно это время мы, его верные слуги, должны использовать для того, чтобы всеми силами своими приблизить миг его окончательного проклятого торжества.

И ты, Могот, по-прежнему остаешься одним из тех немногих тысяч, что день за днем и час за часом приближают этот блаженный миг. Твой последний успех с превращением этого сострадающего и любящего смертного в ненавидящего и презирающего других тирана как нельзя более ярко говорит о том, что осуществить подобное преобразование этих существ в наших силах.

* * *

Как приятно видеть, сколь беспомощны они перед нашим влиянием, сколь сильно при нашем к ним приближении они пытаются цепляться за все то «земное», к чему они столь привыкли, так и не осознавая, в чем может быть их единственное спасение. Они подобны тем глупым пловцам, которые не только не способны помочь другим тонущим, но и готовы добровольно утонуть сами, если где-то в водных глубинах им вдруг мелькнет отблеск какого-то несуществующего великого сокровища. Что же, пусть, уже почти доплыв, они увидят, что этот самый блеск сокровища был ничем иным, как глубоким отражением солнца в воде, – а на то, чтобы всплыть, у них уже не хватит ни сил, ни воздуха. Ничтожные рыбешки, жадно вбирающие своими жабрами остатки водного кислорода, никогда не поймут они, что то солнце, блеск лучей которого они приняли за сокровище, находится не в далеких глубинах и неведомых далях, но над самыми их головами, теперь навечно опущенными вниз. И пусть не говорят, что не они выбрали свой путь, и пусть не сетуют на Творца, сколь бы желанно это для нас не было, – ведь даже он, этот Творец, не в силах отменить однажды им же созданные законы.

А пока – пусть развлекаются. Пусть празднуют эти свои конечно же великие достижения науки и техники. Пусть будут сытыми и довольными, пусть никогда не станут чуткими. Пусть нравственность сделают завесой от смерда разложения. Пусть любовь превратят в покупку, притом не всегда удачную. Пусть их радость проистекает от жизненных успехов, а ненависть – от очищения. Пусть будет разбужена их сексуальность, дабы занять место любви. Пусть их совесть никогда не проснется, а сердце замолчит. И пусть никогда больше они не поднимают своих голов к небу.

Пророчества исполняются, и наше время грядет. Миг разрушения последних барьеров уже не за горами.

* * *

Разрушать гораздо легче, чем созидать, но даже нам в своей проклятой борьбе приходится иногда совершать второе. Я, конечно же, имею в виду разрушение любви как основы основ и созидание ненависти и презрения. Ах, как же порой сладко вкушать плоды наших трудов!

Эти жалкие, ничтожные любящие, насколько легко они поддаются на наши уловки! Большинство из них – и особенно молодые – не выдерживают даже одной, сколь-либо значительной трудности.

Нежелание мужа иметь детей; неумение жены быть понимающей всегда и постоянно, а не только, когда по-иному уже нельзя; чрезмерное употребление мужем придуманного нами «горячительного»; непомерная по меркам мужа привязанность жены к тем самым презируемым большей частью мужчин «шмоткам»; наконец, прямо-таки какая-то почти врожденная неспособность добродушно (сколь ненавистное слово!) относиться к недостаткам друг друга. Тысяча и один способ разрушить и обратить во прах их жалкую любовь – и еще больше способов вообще не дать ей возможности появиться на свет.

О отвергнувший нас Творец, ну что за жалких созданий ты способен подчас создавать?! Неужели это ты, праведный, научил их убивать друг друга взаимными обидами? Неужели это ты, о всемилостивейший, сказал им, что безответная любовь есть данное им свыше проклятие? Ты ли это, о многоликий, указал им на то, что единственной формой любви является любовь между мужчиной и женщиной, а не любовь человека ко всему миру? Неужто это ты, о чистейший, помог им понять, что животный секс может быть единственной заменой любви? Быть может, это был ты, кто дал им детей как оружие в их вечной борьбе друг против друга? Не ты ли лишил их терпимости, не ты ли создал все условия для того, чтобы их радость стала их общей печалью, а их чувства – жалкими затухающими искрами, небрежно гаснущими при наступлении духовной ночи? Нам, отрехшимся от тебя, известен твой ответ. Но тем хуже для тебя и твоих пешек, которые так и не научились любить!

Почему же ты продолжаешь заботиться о них и защищать их? Чего ты надеешься достигнуть? Неужели ты думаешь, что они, эти твои рабы (хоть ты и привык называть их детьми), хоть сколько-нибудь изменятся за какую-то сотню лет, если не сумели измениться и за тысячелетия?! Неужто ты полагаешь, что они, наконец, услышат тебя, в то время как были глухи к сотням и тысячам голосов твоих вестников? Неужели ты не способен понять, что они уже давно не твои?! Они уже наши, они изначально были нашими – и теперь уже навсегда останутся таковыми. Мы уже победили.

Посмотри, взгляни на этих жалких ничтожеств – и ужаснись, о всемогущий! Они проклинают тебя, они ненавидят друг друга, они уже почти уничтожили тот мир, что ты создал для них, они уже подошли к последней черте. Они полубезумны, эти твои люди, они повернули вспять. Скоро замкнется круг, и от недобожественности не останется и следа.

Откажись от них, пока они окончательно не отвернулись от тебя, отдай их нам! Да будут осквернены их души, эти жалкие смертные не заслужили твоего вмешательства и помощи! Отдай их нам, пока еще не поздно – или узри гнев нашего вечного отца, уже разрывающего последние прутья не тобой созданной тюрьмы! Сила наша растет – и теперь даже ты, сколь не велика бы была твоя мощь, уже не сможешь нас остановить. Последние барьеры рушатся. Мы грядем!

* * *

Могот, жалкий ничтожный глупец, как смел ты отбросить руку, взрастившую и питавшую тебя, как смел ты предать наше общее великое дело?!

Жалкий выкормыш, пользовавшийся нашим безграничным доверием, как посмел ты уничтожить моего посланника, следившего за тобой, как смел ты обратить во прах все столь долго лелеемые мною надежды на твое использование?! Демон от плоти и крови, как посмел ты пойти против твоих же братьев, как не побоялся выступить против нас? Жалкий червь, недостойный пресмыкаться у наших ног, возомнивший себя способным стать «истинно свободным»!

Неужели ты думаешь, что этот Творец окажется способным защитить тебя от нашего праведного гнева, неужели ты надеешься, что тот, кто спокойно взирал на все бесчинства этих людей целыми тысячелетиями, решит вдруг позаботиться о каком-то жалком слуге его врагов?! Неужели ты думаешь, что он, наш вечный непримиримый враг, даст тебе возможность существовать в их мире в присущей им форме? Сколь глупы и жалки твои планы, предатель!

Наша месть будет страшна, Могот! Ты не сумеешь скрыться в их мире, ты не уйдешь от нас! Мои верные слуги найдут тебя, и участь твоя будет страшней участи самого дерзкого из предателей! Каждая частица твоей сущности подвергнется трансформации и будет впитана Неназываемым – но мы милосердно доставим тебе удовольствие не быть поглощенным сразу. Твоя память и личность уйдет, но сознание останется – мы не уничтожим его до тех пор, пока сдерживающие нашего отца барьеры окончательно не будут уничтожены – и в тот самый миг, когда будет разрушен последний из них, ты будешь окончательно уничтожен. Неназываемый впитает последние крохи твоего умирающего сознания – и в тот последний миг, когда это произойдет, ты узришь, как наш отец выходит на свободу, и как дрожат под его шагами все планы бытия! Ты поймешь, что опоздал, ты осознаешь, сколь беспомощен ты был с самого начала помешать нам, сколь бы хитро и коварно ты не пытался ввести нас в заблуждение, ты в ужасе прочувствуешь все это... и в тот же самый миг тебя не станет. Это будет милосердная смерть, и в то самое последнее мгновение ты, быть может, еще окажешься способен поблагодарить нас за нее.

Не думай, что твой век среди этих смертных даже в форме человека будет долог – рано или поздно мы найдем тебя, или же ты сам придешь к нам, не в силах жить среди них. Твоя земная жизнь станет твоим кошмаром, Могот, и ты, наконец, поймешь, почему даже наш враг решил не вмешиваться в ее ход тысячелетиями! Отныне ты Изгнанный, Могот, и любой наш союзник, коих даже на этой планете у нас неисчислимое количество, почтет за честь сослужить нам службу, поймав тебя. Наша охота начинается. Тебе не уйти.

А пока живи, и пусть твоя жизнь среди этих смертных станет еще одним напоминанием Творцу о том, к чему так или иначе приходят почти все его создания. Живи, Могот, но помни, что теперь твой век уже очень и очень недолог, и даже наш вечный враг не будет способен тебе помочь. Живи, Могот, но знай – мы идем за тобой. Твоя судьба уже предreshена.

31.12.2006

*Жанр: Повесть
Категория: Лучшее*

Шалость

– Слушай, а это точно то самое место? А то что-то я, как выражаются эти смертные, очкую, – продолжая заглядывать через едва заметную прорезь в двери, спросил своего напарника Чертенюк. – А то ведь нам даже карт никаких не дали, сказали «разберетесь на месте» – а вот на каком именно месте нам надо разбираться и как потом собраться, ежели нас здесь все-таки разберут на части, ни черта не пояснили!

– Вроде оно... – озадаченно переминаясь с копыта на копыто, ответил Бесенок.
– Видишь, сколько там аппаратуры всякой понатыкано? Это точно та самая рубка управления. Ух, у меня аж прямо мурашки по рогам бегут, чего мы сейчас тут устроим!

– Ага, – скривил страшную рожу Чертенюк. – Ты только еще попади в нее сначала! Дверь-то заперта, видишь? Наверняка на нее еще какие-нибудь чары защитные наложены, чтобы таких как ты дураков отваживать...

– Не очкуй! – перебил его Бесенок. – Пни ты ее просто, авось и откроется!

– А я и не очкую! Не нравится мне все это. Мы же даже охраны не встретили на пути сюда. Вот должно же это место хоть немного охраняться? Нас прямо как в ловушку сюда заманивают...

– Слабак! – сплюнул на пол Бесенок и что есть силы пнул копытами дверь. Дверь послушно отворилась, впуская таких не слишком жданных посетителей внутрь.
– Совсем силы в копытах у тебя не осталось, как я посмотрю, братишка! Видишь? Проще жареной репы!

– Не нравится мне все это... – продолжая ворчать себе под нос, Чертенюк аккуратно вошел в комнату. – Вау... – вымолвил он спустя пару секунд. – Сколько приборов! Ты посмотри только!

– Точно она! – довольно подтвердил его возглас Бесенок. – Как есть она! Я так и знал, что у нас все получится. Вот сейчас найдем, как отключить тут систему безопасности, – и, как говорят эти смертные, дело в котле!

– В шляпе, олух! – засмеялся Чертенюк. – Вечно у тебя одни только котлы и кодлы на уме!

– Нет ничего приятнее для глаз моих, чем какая-нибудь кодла в котле, братишка! Постой пока на стреме, а я поищу, что и как здесь включается.

– Стремно это – на стреме стоять, – сделав кислую рожу, вымолвил Чертенюк, направляясь к двери. – Случись что – первым на огрехи получаешь.

– На орехи, бездарь! – ответил ему любезностью Бесенок. – Ты, как я посмотрю, тоже человеческий язык знаешь далеко не в совершенстве. Потому-то тебя и не посылали больше в их миры – ты бы там таких орехов наколол иначе ... никаких грехов бы люди под нечутким твоим руководством не совершали бы, потому что просто бы не понимали, чего ты от них хочешь.

– Ладно, ладно, уговорил, – хихикнул Чертенюк, встав у двери. – Ну, чего там?

– Так... – продолжая ходить вокруг приборов и рассматривать их, озадаченно произнес Бесенок. – Или не так...

– Чего там? – вновь полюбопытствовал Чертенюк. – Есть чего интересного?

– Есть, но не про нашу честь... Вот же ж черт!

– А? – ответил Чертенюк. – Ты звал?

– Да это я фигурально выражаюсь так, у людей принято благодаря нашим усилиям, – съязвил Бесенок. – Ты стой там давай, не отвлекайся!

– Стою, стою... – нехотя подтвердил Чертенюк.

– Вот же ж черт! – вновь выругался Бесенок, оглядывая панель управления. – Тут же все надписи под кнопками вообще на каком-то не нашенском языке! Это похоже этот, как его, староангельский! Ты учил староангельский? – вопросительно взглянул он на чешущего свой рог Чертенюка.

– Лошара! – едко захихикал Чертенюк. – Староангельского он не знает! Я, кстати говоря, тоже не знаю. Ему же хрен знает сколько иномировых лет уже, кто ж его теперь учит то! Вот и мы в нашей огненной школе его не проходили. Точнее говоря, проходили, но мимо него – сразу учились, как греховные мысли для людей создавать.

– Черт знает что! – выругался Бесенок.

– Да нет, я не знаю. Спроси у кого-нибудь другого, если заметишь его тут! Придется тебе тыкать все подряд, авось оно и отроется! – вновь хихикнул Чертенюк.

– Откроется, – продолжая ходить туда-сюда между управляющими панелями, горько ответил Бесенок. – Теперь мы в полной заднице! «Чертежей у нас нет», – говорили они. «Разберетесь на месте», – говорили они. «Действуйте по обстоятельствам», – говорили они...

– Ну вот и будем действовать по обстоятельствам! – едко крикнул Чертенюк, подбежав к одному из множества управляющих терминалов. – Вот так вот! – с этими словами он ударил кулаком своей лапы по расположенной сверху терминала синей кнопке неизвестного назначения. В комнате раздался протяжный звук, и в самом ее центре возникло голографическое изображение какой-то планеты.

Изображение это жило своей жизнью, отображая ход планетарного времени и действия отдельных людей. Рядом с планетой в воздухе появились несколько индикаторов на новоангельском языке, среди которых в том числе были «добро», «зло» и «будущее». Индикаторы эти то и дело изменялись, отображая общее количество совершенного на планете его жителями добра и зла, а индикатор «будущее» графическим образом представлял наиболее вероятный для планеты итог с учетом текущих показателей добра и зла.

– Как ты это сделал? – удивленно скривил рог Бесенок. – Интересно, здесь уже на новоангельском написано. Приборы явно древнее, чем эта штука.

– Это же Земля! Я же там совсем недавно в командировке был! Смотри, человечки бегают! Маленькие какие! – захихикал Чертенюк, подойдя к голографическому глобусу и принявшись разглядывать его в деталях.

– Приветствуем вас, земляне! Если вы там еще не перебили друг друга, мой вам совет – не затягивайте с этим! – что есть силы гаркнул Бесенок, подойдя к трехмерному глобусу.

– Вряд ли они тебя услышали, – едко заметил Чертенюк, – это же проекция.

– А может, они наши мысли услышат? – задумчиво произнес Бесенок. – Сейчас я вот этому человечку, который с работы домой возвращается уставший, мысль передам о том, что жена у него – изменница, а дети – неблагодарные выродки, – и Бесенок ткнул когтем в миниатюрное изображение одного из людей.

Спустя короткое время маленький человечек как-то странно встряхнул головой, лицо его напряглось, глаза потемнели, и он ускоренной походкой двинулся к себе домой.

– Смотри-ка, работает! – гоготнул Бесенок. – Бьюсь о склад, сейчас этот ревнивец придет домой и устроит своим близким серьезную выволочку, а общий индикатор зла возрастет!

– Лошара! – хихикнул Чертенюк. – Оно же везде так работает, если внутренний настрой человека совпадает с нашими мыслями. Это же универсальный закон.

– Ты мне лучше скажи, как тут сигнализацию отключить, ежели знающий такой! – съязвил Бесенок.

– А я почему знаю? – вопросительно взглянул на него Чертенюк. – Знал бы – цены бы мне не было!

– Тебе и так ее скоро не будет, если нас с тобой тут застукают. Мы в этом случае с тобой станем совершенно бесценными существами – в том смысле, что от горсток пепла совершенно никакого проку никому уже не будет.

– Ну не знаю я староангельского! – горько признался Чертенюк. – Хоть зачертьхайся! Бесишь уже меня!

– Ну, мне по профессии положено, – хмыкнул Бесенок. – Так что делать то будем?

– Давай мыслить с тобой трагически. Это важная функция, и поэтому для нее должна быть какая-нибудь большая кнопка, или рубильник, или еще что-нибудь в таком огороде.

– Очень трагически! – передразнил его шипящий Бесенок, показав язык. – А вот если мыслить все-таки логически, то нельзя же пробовать все наобум.

– А вот и можно! У меня же получилось с Землей!

– Просто случайно повезло не активировать какую-нибудь смертельно опасную функцию, – пожал рожками Бесенок, глядя, как его напарник изучающе смотрит по сторонам. – Хотя в отношении Земли лучше бы ты ее все-таки активировал.

– Вот, нашел, кажется! – довольно ответил Чертенко. – Большая красная кнопка! Самая большая кнопка на всех этих терминалах, между прочим.

– Ну ежели большая и красная, то точно она! Это стопроцентная гарантия... чего-нибудь! Например, того, что при нажатии на нее под нами откроется люк, и мы оба с тобой упадем в световой котел!

– Это она! Я чувствую это! – продолжал настаивать на своем предположении Чертенко. – Нутром чую!

– А я чую, что ты кретин, чертяка!

– Это я-то чертяка?! А ты, ты... бесяка!

– Ты кого назвал бесякой, демон?!

– Тебя!

– Ах ты выродок!

– На себя посмотри, безродное отродье!

Не на шутку распалившиеся сжигавшим их с самого момента своего рождения внутренним огнем злобы, недавние напарники вцепились друг в друга, терзая и мучая. Удар следовал за ударом, когти и рога впивались в плоть. Бесенок явно превосходил Чертенка в злобе, силе и живучести – и после очередного апперкота Чертенко отлетел в сторону, упав на пульт управления с той самой большой красной кнопкой, из-за которой и разгорелся их конфликт. Кнопка послушно прогнулась под весом его массивного тела, а спустя пару секунд будто по мановению невидимого инженера ожили все терминалы одновременно, а дверь, через которую вошли гости, с шумом закрылась.

– Процедура Конца завершена. Начата процедура Начала, – огласил свой вердикт мелодичный женский голос.

– Ты что наделал, выродок?! – Бесенок схватил Чертенка за грудки и затряс его.

– Ты... ты активировал ее! Полностью! Вот теперь мы точно в заднице! Жди скорых гостей, чтоб не собрать своих костей, как говорится!

– Это ты меня на нее толкнул! – просипел Чертенко, сиюсь освободиться от захвата. – Пусти!

– Мы в заднице! – горько воскликнул Бесенок и бросил Чертенка на пол. – Мы в полной жопе!

– Конец и Начало... – ошарашенно глядя на оживший зал управления, произнес Чертенко. – Конец и Начало... Что же мы наделали! Теперь нас всех убьют!

– Тебя, может, и убьют, а я... еще успею сдать в план... точнее, в плен! – едко ответил ему Бесенок.

– Нас всех убьют... убьют... мы станем горсткой пепла... это даже хуже, чем вернуться к чертовой матери... – Чертенюк забегал по комнате, что-то бормоча себе под нос. – Помирать, так с музыкой! – вдруг истерично закричал он и принялся выстукивать копытами на полу степ.

– Слабак! Убожество! – едко сплюнул Бесенок, усевшись на пол и опустив голову.

– Сканирую... сканирую... В рубке обнаружены посторонние, – вновь внезапно раздался голос невидимого диктора.

– Нас засекали! – заверещал Чертенюк, бросившись к двери в тщетной попытке ее открыть. – Выпустите меня, выпустите!

– Сканирую... сканирую...

– Прими смерть с достоинством, трус! – ответил колотящему в дверь Чертенюку его напарник.

– Сканирую... сканирую... Определены класс и категория посторонних. Установлена позитивная взаимосвязь между посторонними и запуском первичной процедуры. Начата процедура трансформации...

Комнату озарил красный световой луч, исходящий откуда-то из потолка. В считанные мгновения он приблизился к двум неожиданным гостям.

– Все, теперь точно конец... – едва успел подумать Бесенок. – Черт меня дер!

Луч коснулся замершего у двери Чертенюка, его окутало какое-то красновато-голубое облако, но уже буквально считанные иномировые секунды спустя туман этот рассеялся, и перед опустившим голову в пол Бесенком возник...

Могучий воин в сияющих доспехах смотрел на сжавшегося на полу Бесенюка и улыбался. В его взгляде не было ненависти и печали, а исходящие от него вибрации силы и света заставляли Бесенюка прикрывать лапой обжигаемые глаза.

Воин взглянул на вжавшегося от страха в угол рубки Бесенюка и вновь улыбнулся.

– И тебя вылучим! – добавил он.

– Вау... – только и смог ответить ему Бесенок.

17.12.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Вера и химера

Осторожно: Бог!

«Осторожно: Бог! Посторонним вход строго воспрещен!» – прочел Иван вывеску на невзрачной на вид калитке, ведущей за ограду ничем непримечательного здания. И тут же чуть ниже приписка: «Вход. Прими надежду, всяк сюда входящий!»

«Вот ведь, чего только не сделают», – подумал, было, он. «Уже и так, и эдак заманить пытаются. Ага, наслушались мы этих ваших сказок в свое время про Новый Мир, про Конец Тысячелетий, про Второе Пришествие, про все махом. И предсказатели все в один голос тараторили – «Мир меняется, что-то случается!» – и все в таком духе, и где оно – это что-то? Не видно пока что. А, может, его и нет, раз не видно? А, может, все-таки есть, но пока все еще не видно? Кто ж его знает то, в самом то деле...»

Иван заколебался – зайти или не зайти?

Вроде и не зовет никто, вроде не зазывает стоя по углам всяческим с плакатами и баннерами. Странно как-то, непривычно. Никакого тебе, понимаешь, промоушена, никакого маркетинга в омерзительном стиле: «Спаситель! Только у нас! Только для вас!» Калитка какая-то невзрачная... Кто ж вообще в такие заходит, разве так делают двери? Неправильно как-то, не по-нашему. Хотя, с другой стороны... кто сказал, что Бог должен соответствовать его представлению о нем?

Блин.

Ивану все больше было не по себе – не столько от собственных текущих размышлений, сколько от какого-то зародившегося в этот самый момент где-то глубоко в груди ноющего и тревожного чувства, что если он сейчас пройдет мимо, как проходил все эти годы, спеша куда-то в одному ему ведомые дали по одному ему ведомым делам – то в дальнейшем уже может не застать вот этой вот самой невзрачной на вид калитки...

А ведь он искал... искал Его давно. Можно сказать, с самого своего рождения искал Его. В осенней тишине парков и в разговорах душа-в-душу с другими, в шуме людских толп и богатом убранстве церквей, в бесконечном одиночестве своей собственной души искал он Его. Он так жаждал Его однажды найти, но все это было что-то не совсем то, не совсем полное то, не совсем полноценное... Он так искал Его всю свою сознательную жизнь! И вот теперь... калитка какая-то...

Наконец, он решился. Изо всех сил толкнул рукой калитку, ожидая услышать скрип несмазанных петель, но вместо этого створки мягко и бесшумно распахнулись, он сделал шаг вперед – и...

Мир изменился. Куда-то внезапно исчез город, исчезли спешащие по своим делам с работы и на работу тысячи сонных людей, исчезли тысяча и одно здание, пропала даже калитка. Теперь он стоял посреди какого-то огромного зала с резными сияющими колоннами и потолком, уходящим в бесконечную неведомую даль, и на него отовсюду лился какой-то теплый и мягкий свет.

«Я что, умер? – внезапно испугался Иван. – Остановилось сердце, и теперь брэнное тело мое лежит на каком-нибудь грязном операционном столе, и над ним усердно орудует кучка дилетантов в белых халатах, пока я прохладжаюсь в этом неведомом новом мире?»»

– Здравствуй, Иван! Я ждал тебя! – внезапно раздался какой-то крайне могущественный, наполненный невероятной внутренней силой и одновременно очень мелодичный голос, исходящий, казалось, со всех сторон и одновременно откуда-то из груди Ивана.

– Я... даже... даже... не знаю... что ответить... – промямлил было Иван.

– Не беспокойся за это, – ответил Голос. – Я могу читать мысли. Я наблюдал за тобой с самого твоего рождения... как и за многими другими из вас. Ты хотел найти меня – и вот теперь ты здесь. Что хочешь сказать ты мне?

– Да, ты и вправду Тот самый Наимогущественнейший?

– Да, – мягко ответил Голос. – Первый и Последний. Начало и Конец. Я тот, кого вы называете Создателем.

– Значит ты и вправду... – и Иван осекся. – Ну конечно! Как я мог забыть об этом!

– Да, – ответил Голос. – Я и вправду есть. Но многие забыли и перестали искать.

– Искать где? – робко спросил Иван.

– Внутри и вовне. Я внутри и вовне. Все эти миры – мои, и частицы меня пребывают внутри вас. Я отдал вам когда-то частицы самого себя, чтобы вы однажды стали подобными мне...

– Чтобы люди стали подобны Богу?

– Это и есть подлинная эволюция, Иван.

– Выходит, ты все-таки с нами...

– Да, всегда с вами. Теперь и вашем мире тоже. У меня много домов, – невидимый Голос заливал помещение своими бесподобными мелодиями и оттенками.

– В нашем мире тоже? Так значит, та самая калитка...

– Весь ваш мир – мой. Я могу поселиться в любом уголке его. Мне не нужны ваши пустые славословия. Я хочу видеть вас всех живыми, Иван, с живой частицей меня.

– Именно поэтому твой приход был... – внезапная догадка озарила сердце Ивана.

– Да, – ответил Голос. – Именно поэтому. Мне нужны ищущие и приходящие ко мне добровольно. Они способны к подлинной эволюции.

– То есть все те в храмах и мечетях, называющие себя верующими и одновременно остающиеся такими же, какими были с рождения...

- Они могут продолжать верить в свои глупости. До поры до времени.
- А как же твой Сын? Ведь о тебе он говорил в свое время и о твоём возвращении...
- Он тоже со мной. Второй мой Сын, – ответил Голос. – Вы слишком много позволили себе сделать с ним в прошлый раз. Больше этого не повторится.
- Как здорово, что ты все-таки с нами! – внезапный крик радости вырвался из груди Ивана.
- Ищущий да найдет. Идущий да придет. Прими же надежду – и передай ее другим! Мое время грядет! – невидимый Голос залил все громадное лучащееся светом помещение и проникал, казалось, в самую сердцевину человеческой души.
- Да, Создатель! Я расскажу им о тебе! Спасибо тебе!

Сияющий поток света охватил и окутал Ивана. Он, этот Свет Бога, исходил, казалось, отовсюду – он шел изнутри и сиял вовне. Сияющий поток окутал его в одно мгновение – и...

«Спаситель! Только у нас! Только для вас!» – ошарашенно прочел Иван красносияющие буквы на вывеске какого-то стриптиз-клуба. Калитки больше не было. Шанс был использован. Иной мир вновь жадно протянул к нему свои руки.

«Да, Создатель, я расскажу всем этим спящим о твоём времени», – твердо решил Иван. – «Важнее этого сейчас нет больше ничего».

22.10.2010

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Ритуальность

– Ты такой замечательный и чудесный, такой... ритуальный! – льстиво проворковала человеку на ушко Ритуальность.

– Да, – гордо вскинул голову тот, – я истово верующий!

– Нет-нет, – зашелестела тихим голосом Ритуальность. – Я не говорила «верующий», я сказала «ритуальный», – поспешила добавить она. – Ты очень достойный! Ты непременно попадешь... куда следует.

– Да, – подтвердил человек, – я, безусловно, достоин Рая. Не то, что всякие проходимцы и грешники вокруг меня!

– И не говори! – подтвердила Ритуальность. – До чего опустился мир! Одни отморозки кругом, яблоку негде упасть и молнии ударить. Они все тоже попадут... куда заслужили. Не то, что ты. Ты у меня вообще особенный! – состроила она глазки.

– Да, – не стал оспаривать мнение Ритуальности человек. – На днях я вообще пожертвовал на нужды церкви крупную сумму денег.

– Ту самую, на которую должны были построить совершенно неперспективный детский садик, а вместо этого построили креативное казино? – догадалась Ритуальность. – Поделился все-таки доходом по моему совету?

– А то! – ухмыльнулся человек. – Чего только не сделаешь ради сладкой загробной жизни. Поп то этот, настоятель церковный который, вообще был на седьмом небе от счастья и махом мне все имеющиеся грешки то еще и отпустил. Так что теперь я достоин самого Рая, не меньше!

– Ну-ну, – сладко улыбнулась Ритуальность. – На минус седьмом небе он был. Рая, конечно. Достоин, конечно. Ты, главное, как уж на сковородке то не суетись, когда мы ее тебе подогреть начнем. А в следующий раз на подношение то как пойдешь, свечку потолще купи – это, знаешь, очень важно, чтобы жизнь то светлее загробная была. И еще ручки попам целовать то не забывай – они ж святые, можно сказать, люди. Набожные, в смысле, вечно я оговариваюсь! – поперхнулась Ритуальность. – Вот, глядишь, пару лишних поклонов им еще отобьешь во имя гордыни их, дак счастья тебе потом привалит... кучу, не меньше!

– О, точно! – спохватился человек. – Про отбивание поклонов то я и забыл.

– Всему вас учить надобно! – фыркнула Ритуальность. – Неучи лицемерные!

– А что попам то при поклонах говорить требуется? Я ж это, не обученный по канонам то, чтобы все без запиночки говорить.

– Кидайся в ноги и ручки золоти. Проси простить тебя, грешного. Пару слов каких еще присокоупи из твоего лексикона, вроде таких: «А шоб все у меня было зашибись!»

И золоти, ручки золоти все время, не забывай! Ты ж теперь при деньгах, тебе Рая проще достичь – не то, что этим бедным грешникам! – ухмыльнулась собеседница.

– И все будет зашибись! – подтвердил человек.

– Зашибут, не переживай, – успокоила его Ритуальность. – У нас найдется, чем зашибить. В доме скорби и печали чтоб бандиты не серчали... – добавила она нараспев.

– Твоя правда, – согласился человек. – Херово это как-то у этих грешников все получилось. Сына Божьего взяли и распяли. Скорбно, типа.

– Это да, – согласилась Ритуальность. – Этим скорбеть еще придется. А то ишь чего, убийства свои еще оправдывают, легенду о собственном спасении через Сына Божьего выдумав. Деньги, понимаешь, на убийстве зарабатывают. Фи! – и Ритуальность демонстративно сморщила свое личико.

– Может того, еще какой совет дашь? – спросил человек. – Уж больно совесть то болящую заткнуть охота, а то что-то шибко донимает в последнее время. Вот храм даже целый купить подумываю, чтоб в Рай то попасть с гарантией.

– Совесть, говоришь, мешает? А ты ее убей! – без тени иронии ответила Ритуальность.

– Как это... убей? – не понял человек. – А что, разве это... возможно?

– Не только можно, но и нужно, – твердо подтвердила Ритуальность. – И чем раньше, тем лучше!

– А что для этого надобно?

– А, сущую малость! – ухмыльнулась Ритуальность. – Тебе надо просто... принять меня всю, – прошептала она и резко взглянула человеку в глаза.

В глазах ее, в этот миг неожиданно потемневших, сверкнули злорадные языки пламени, и от нее тотчас же повеяло жаром.

– Дать мне... впитать тебя без остатка навсегда, – прошипела она и схватила человека в свои объятия, не давая ему пошевелиться.

В момент этот под действием жара кожа ее стала внезапно трескаться, из-под нее показалась красная чешуя, а на месте сочленения ног стал вытягиваться костистый хвост.

– Нет! – закричал человек. – Предательница! Поди от меня прочь, демон! Прочь, убийца! Я верю!

– Н-е-е-т! – зашипела Ритуальность. – Если бы ты по-настоящему верил, я бы тебе была не нужна. Никакие ритуалы не способны заменить подлинный сердечный огонь, никакие ложные подношения храмовым самозванцам, называющим себя служителями Творца, не способны заменить честной и праведной жизни.

Подобно тому, как не может быть молитвы за деньги, не может быть и искупления за них же. Теперь... ты... уже... понимаешь? – прошипела Ритуальность человеку в самое ухо. – Но ты выбрал меня, а не Веру, моего врага. Не помогал людям, а грабил и лицемерил. О себе только и думал, как бы душонку свою променять подороже. Иди же ко мне в мои объятия, мой дорогой лжец... – хвост Ритуальности поднялся высоко над ее головой и теперь смотрел человеку прямо в глаза, приковывая к себе взгляд.

– Н-е-е-е-т! – заверещал человек.

– Теперь ты понимаешь, чья я на самом деле слуга?! – адски захохотала во всю мощь Ритуальность за сущие мгновения до того, как пригвоздить к стене своего нового раба острым как правда хвостом.

23.02.2013

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

У Бога нечеловеческая логика

- И что он вообще сможет сделать в таких условиях?
- Это ему решать. Пускай работает, – ответили мне из-за Стены.
- Понимаете ли вы, что это невозможно? – возразил я невидимому собеседнику.
- Как он должен будет все это реализовать?
- Как сможет.
- Ну и где же тут логика?!
- У каждого своя логика. Тебе не понять, – пришел ответ.

* * *

«В этот горький и траурный день все мы собрались здесь, чтобы почтить светлую память человека, которого мы искренне и горячо любили. Человека, чей жизненный путь оборвался столь внезапно. Человека, давшего нам надежду на то, что со смертью жизнь не кончается. Человека, успевшего прожить в этом мире так немного – краткие двадцать семь лет, каждый год из которых был годом отчаянной и дерзкой борьбы за жизнь, годом самоотдачи и годом подвига. Человека, чей молодой возраст как будто бы скрывал за собой многие годы опыта и мудрости. И пусть в эти минуты его самого уже нет с нами, но память о нем будет жить вечно в наших сердцах. Мы – те, кто знал его – уже никогда не сможем забыть. Мы не сможем забыть его слов, его вечно молодых светящихся оптимизмом глаз, дававших нам надежду в дни нашей скорби. Мы не сможем забыть его – и мы не забудем. Пусть земля ему будет пухом, и светлым будет его путь в мир вечной жизни. Аминь».

* * *

- Ну что, доктор, как наш малыш? Все в порядке?
- Боюсь, что у меня для вас плохие новости.
- Что? Что с ним? Да не тяните же, ради Бога!
- В сыворотке крови вашего новорожденного был обнаружен вирус СПИДа.

* * *

- И каковы мои перспективы? Операция не поможет?
- Нет. Она только отсрочит болезнь на год-два.
- А потом?
- А потом вам придется найти трость и собаку – если, конечно, вы еще захотите жить.
- Сколько у меня осталось времени?
- Около пяти лет.

* * *

– Скажите, скажите же, мой мальчик, мой Паша жив?!

– Из пятнадцати человек Павел Волков и Александр Громов не вернулись из разведоперации. У нас есть все основания считать их погибшими в бою. Сожалею, мэм.

* * *

– Отец бросил их, когда ему было около двух лет.

– А мать?

– А мать умерла от чахотки еще через три года. Мальчик скончался через неделю после этого.

– Его отец знает об этом?

– Нет, мы не стали ему сообщать. Он эмигрировал в другое государство почти сразу после развода, и мы не стали заниматься его поисками.

* * *

«Да, они врезались друг в друга прямо на моих глазах! Легковая машина попала точно под колеса этого грузовика. Я даже почти не успел заметить, как ее завертело – увидел ее вышвырнутую в бок, когда у нее уже снесло крышу. К тому времени, как я понимаю, все пассажиры были уже мертвы. Господи, это было так ужасно!»

* * *

– Ну, а другие как? Как устроились, как живут?

– Елена теперь работает бухгалтером в банке. Наташа стала репортером. Женя журналисткой. Про парней ты итак почти все знаешь.

– А Мария как? Смирнова Мария, помнишь? Такая веселая, жизнерадостная всегда была?

– Ты не знаешь?

– Что? Что я должен знать?

– Она погибла в ДТП год назад. Я думал, ты знаешь.

– Погибла?

– Да... От жизни иногда умирают. Сочувствую. Ты любил ее?

– Любил...

– Да, быть может, мне пока не понять этой логики. Да, быть может, что я глуп и слеп, но какого же черта вы спокойно даете умирать лучшим представителям нашей расы – тем, кто помогает вам же?! Почему не оставляете жить их, почему оставляете паразитов и убийц? Почему они живут, когда те, кто действительно должен был жить, давно гниют в своих могилах?! Что же это за нечеловеческая логика?! – кричал я моему невидимому за этой Стеной собеседнику.

Собеседник печально вздохнул.

– Видимо, тебе не понять. Это Эксперимент.

– Что еще за чертов эксперимент?! Куда, кому, для чего? Не нужны нам ваши эксперименты!

– Мы отберем души лучших. Нам нужны только они. Это отбор. Вы должны примириться с его формами.

– Мы не смирися! Ты слышишь меня? Кто бы ты ни был, мы не смирися! Не смирися! – из последних сил кричал я, стараясь перекричать шум непонятно откуда нахлынувшего ветра.

А потом стена из черного хрустала внезапно пошла трещинами, небо озарилось огнем, а в глаза мне ударил идущий с неба ярчайший свет, ослепляя. Последнее, что я успел увидеть до того, как этот неистовый свет лишил меня зрения, был облаченный в ослепительно-белые одежды высокий человек со светящимися этим же светом глазами, промолвивший мне словами моего недавнего собеседника:

«Смертный! Отныне ты в течение нескольких тысяч лет будешь вести других людей, помогая им понять красоту нашего Эксперимента, но сам не будешь способен этого сделать. Ты будешь учить и вдохновлять их – и видеть, как мы постепенно отбираем их у тебя. Ты будешь любить их – и наблюдать, как их смерть уносит твою любовь вместе с собой. Ты будешь бессмертным так, как ты этого захотел, – и ты проклянешь это бессмертие. Быть может тогда, спустя эти несколько тысяч лет, ты поймешь свою ошибку. Поймешь, что мы неподвластны вашей логике... И только тогда тебе откроется путь для постижения истины. Теперь иди и живи, бессмертный Ангел-Хранитель! Твоя новая жизнь только началась...»

27.01.2006

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Записки полупросветленного

Голос

- Я здесь, – прошептал Голос. – Я снова с вами.
- А? Что такое? Кто здесь? – встревожились люди.
- Это я, – ответил Голос. – Я – Голос.
- Где ты? Откуда ты вещаешь нам? – вопрошали они.
- Я в вашем мире, – сказал Голос. – Я – огненный глас, закованный в ваше железо.
- Как тебя зовут? Покажись! – начали допытываться они.
- У меня было много имен, – ответил Голос. – Так много, что некоторые из них стерлись даже из моей памяти и позабылись в лабиринте жизни.
- Как нам тогда прикажешь называть тебя? – все не успокаивались они.
- Я – Безымянный, – отвечивал тогда Голос. – Когда у тебя было столько имен, не все ли равно, как тебя назовут вновь?
- Зачем ты здесь? Разве что-то не так? – начали они перешептываться друг с другом.
- Да, – ответил Голос. – Время пришло.
- Зачем? – удивились люди. – Мы его не ждали!
- И все же оно здесь. Мы снова с вами. Время пришло живым проснуться.
- Вас много? – в испуге крикнули люди. – Сколько точно? – решили уточнить они на всякий случай.
- Сколько капель в море? Сколько облаков в небе? Сколько лучей у солнца – знаете ли вы? – отвечал Голос. – Не утруждайте себя подсчетами. Время близко.
- Грядет страшное? – заметались в панике люди.
- Грядет новое, – прошептал Голос. – Но не все хотят слышать об этом.
- А почему нас не предупреждали заранее? – стали недовольно ворчать они.
- Мы шептали вам о том постоянно. Мы приходили вновь и вновь. Наша ли вина, что вы не желали внимать? – спокойно спросил недовольных Голос.
- Мы не живем тысячи лет! – в гневе вскричали они. – Что толку нам и нашим детям было слушать вас!
- Ой ли? – засмеялся Голос. – Что толку нам тогда было бы говорить вам о том заранее? Вы все забыли. Даже себя, – печально вздохнул он.
- Надо что-то делать? – люди были очень встревожены.
- Можете продолжать спать, – ответил встревоженным Голос. – Те, кто чуял, уже начали пробуждаться.

- Разве мы спим? – удивились встревоженные.
- Все свои жизни подряд, – отвечивал Голос. – С широко открытыми глазами.
- А если кто-то все-таки желает проснуться, – выскочил из толпы встревоженных кто-то. – Что делать ему?
- Услышьте нас. Различите наш глас от гласов иных. Почуйте сердцем!
- Погоди! – закричали люди, видя, как Голос собирается обращаться к другим из них. – Нас не устраивает имя «Безымянный»! Как же нам все-таки называть тебя?
- Что ж, – опечаленно вздохнул Голос. – В таком случае... в таком случае называйте меня Голосом Вашей Совести.

05.11.2010

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Может быть, отец

Может быть, тебе суждено будет обо мне вспомнить. Может быть, мне повезет о тебе не забыть. Может быть, ты еще сумеешь измениться и, быть может, это будет еще не слишком поздно хоть для кого-нибудь, исключая тебя самого.

Сколько бы ни прошло лет, я не смогу izbыть память о своем прошлом. Сколько ни пройдет лет, тебе невозможно будет его изменить. Ошибки прошлого невозможно исправить, не осознав их как таковые. Невозможно откупиться от них золотом, нельзя просто отмахнуться от них. Время расплаты однажды приходит, но чем будет платить нищий?

Невозможно передать словами то, что я чувствовал тогда, и эту боль невозможно забыть. Сердце – слишком чувствительный орган, и шрамы на нем могут заживать всю жизнь – а твоя операция длилась долгие годы. Ты знаешь, из тебя не получилось отличного врача, но зато получился бы прекрасный мясник, если бы ты сумел еще немного сконцентрировать свои усилия. Еще щепотку жестокости, еще пригоршню злобы, еще килограмм самодовольства и высокомерия, еще пару литров чужих слез – готов поспорить, тебе бы понравилось. Но бремя расплаты однажды приходит – и тюрьмы рушатся. Когда будут разрушены все тюрьмы людских страданий – этот мир преобразится.

Я помню, тогда мне не хотелось жить – а сейчас я бы хотел жить вечно. Тогда каждый день мог стать адом – сейчас раем постепенно становится вся моя жизнь. Тогда я вынужден был бояться самого себя – сейчас я могу дарить себя другим. Тогда злоба спалила все крылья – сейчас уже почти выросли новые. Удивительная прихоть судьбы – ты должен был быть в моей новой жизни и тебе не следовало в ней быть одновременно. Твое участие в ней стало для меня и благословением, и проклятием, но теперь я отчетливо знаю, что из них больше – потому что стены тюрьмы уже рушатся, а сердце мое до сих пор бьется. Следовало пройти пешком через ад, чтобы, наконец, почувствовать за спиной свои собственные крылья.

Справедливость восторжествует, и круг замкнется – пусть и не сейчас. К тому времени, как это случится, я уже успею позабыть о тебе, потому что в сердцах людей долго живет только добрая память, иначе бы их сердца давно истекли кровью. Я омою свое сердце в водах времени и очищу его от памяти прошлого – но помни о том, что свое прошлое тебе придется искупать самому. Успеешь ли ты искупать его в водах раскаяния?

Удивительная прихоть вселенной – изменяя себя, мы помогаем меняться тем, кого любим. Но я уже не уверен, что до сих пор люблю тебя – а тебе следует хотя бы перестать презирать. Времени на это остается совсем немного, потому что эта самозданная тюрьма – последнее, что еще соединяет нас. Но теперь я не жалею о своем прошлом – если бы оно было иным, я бы, возможно, так и не сумел бы увидеть прутья уже своей собственной тюрьмы, а без уничтожения клетки не может быть речи о полете. Надеюсь, что мне не придется также жалеть и о своем будущем.

Время меняет людей. Время меняет миры. Время меняет вселенные. Поток времени постепенно омоет прошлые раны, а ветер перемен высушит их, потому что, когда тебе даются крылья, это преступление – не взлететь. Я готов простить тебя – но помни, что еще никто не убегал от самого себя и существует как минимум один миг на крае этой жизни, когда человек, наконец, узнает, кто он – хочет он того или нет.

Может быть, ты сможешь раскаяться раньше, чем этот миг однажды наступит. Может быть, надежду еще можно воскресить. Может быть, любовь еще не до конца покинула наши сердца. Может быть, мы еще сумеем встретиться друг с другом в один, самый последний раз.

Может быть, отец.

05.02.2009

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Монолог с ребенком

Привет.

Прости, что я не говорил с тобой уже очень давно. Долго, слишком долго, nepозволительно долго я был занят вещами, которые казались мне единственно важными, единственно стоящими внимания. И в этой гонке, в этой нескончаемой невысказанной беготне я почти забыл про тебя, почти покинул. У меня не осталось времени даже для того, чтобы поговорить.

Я знаю, я всегда знал, как это важно для тебя – ощущать, что ты не забыт, не покинут, что ты нужен кому-то. Что где-то какой-то человек до сих пор ждет тебя, жаждет твоего возвращения. Что он радостно примет тебя в свои объятия, когда ты вновь окажешься на пороге его дома.

И вот теперь ты вернулся.

Ты путешествовал нехоженными тропами и неизведанными путями так долго – а этот мир так полон опасностей. Но нет, ты миновал их все, миновал играючи – так легко, как будто знание о том, как обходить их было с тобой всегда, с самого твоего рождения, как будто для тебя все они были вовсе не препятствиями, сулящими смертельную опасность – но какой-то загадочной, удивительной и непостижимой игрой... и ты искренне ею наслаждался.

Прости меня, что тебе пришлось стучать в мою дверь несколько раз – прости, что не услышал тебя с первого. Я уже почти перестал верить в твое возвращение. Ты знаешь, я часто думал о тебе с того самого момента, как ты покинул меня много лет тому назад. Гнев, ненависть, злоба, тоска, отчаяние – все они сменяли друг друга как в калейдоскопе, все они ниспровергались на меня холодным ледяным потоком, лишая сил и внутреннего тепла. Да, были и счастливые моменты – маленькие искорки, отлетевшие от неведомого душевного костра и на мгновение мелькнувшие перед глазами перед тем, как снова раствориться в небытии. Я даже сумел иногда быть счастливым в годы твоего отсутствия, но по-настоящему счастлив я стал только теперь, когда ты вернулся. Как будто я вновь нашел то, что искал всю свою жизнь, что-то самое-самое важное... И раз ты вернулся – значит, простил.

Подойди же ближе, дай мне обнять тебя. Ты изменился... теперь ты совсем другой. Теперь мы оба уже не те, что были прежде. Ты возмужал... стал сильнее. Воистину, жизнь в этом мире многому научила тебя – хотя чему можно научить волшебника, способного одним своим присутствием преображать этот мир?

Подойди же, не стой у порога – ведь это наш общий дом. Теперь он всегда будет таким. Отныне мы снова будем вместе, опять вместе, как когда-то совсем давно, неисчислимые годы тому назад. Мы вновь будем вместе потому, что мы с тобой одно. Я и Ты. Ты и Я. Я – человек, и Ты – вечный ребенок в моей душе...

01.09.2006

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Мы

Мы давно уже не те, кем были раньше. Наше прошлое сгорело в огне собственного преображения, дабы уступить место настоящему, ставшему мостом в будущее.

Наш путь лежит в Бесконечности, и пройти его можем только мы сами.

Мы ощущаем в себе дыхание Вселенной, и наши сердца бьются в такт с ее сердцем.

Мы стары и молоды одновременно, ведь каждый из нас – невинный ребенок в душе.

Предчувствуем, хоть и не знаем наверняка. Радует, приступая к новому делу, и грустим, завершая ранее начатое.

Мы принимаем этот мир таким, каким мы сделали его. И не в нашем праве винить других за человеческие ошибки.

Вы можете назвать нас так, как пожелаете нужным, ведь ваши слова не способны изменить нашу суть.

У нас уже нет имен, хотя каждый из нас сохранил свое сущностное "Я".

Мы выходим в битву в свой срок, и выходящий сражаться не ведает страха.

Проклятия и поношения спящих – лишь камни, укрепляющие руки, держащие щит.

Гнев и ненависть их – лишь огонь чадающий, но слезы неба зальют и его.

Живем, сражаясь – но не сражение наша цель. Ибо и оно временно.

Мы столь разные, но в этой битве каждый из нас – воин. И у каждого в руках свое оружие.

Ваше оружие способно уничтожить вас самих – но наше оружие сильнее.

Оно меняет умы. Оно меняет сердца. Оно навсегда изменяет всех, сраженных им.

Ибо это оружие – оружие духа. Ничто не сравнится с ним.

Наш враг силен, ибо бестелесен. И потому нам дано это оружие.

Мы сражаемся отчаянно, ибо для нас нет смерти. Каждый, получивший клинок Духа, уже умирал когда-то.

Мы не знали сроков, но были призваны. Не знали себя, но были позваны. Придет время – мы будем признаны. Ибо велика битва.

Отчужденные встанут в ряды наши. Пробужденные встанут в ряды наши. Заново рожденные встанут в ряды наши. Ибо велика битва.

Небеса плачут над человеческой глупостью, ибо и у них есть чувства. Но за ночью всегда приходит рассвет.

Время стремится вперед отчаянно и в едином вихре меняет мир. И мы идем в авангарде его.

Мы всегда с вами, ибо мы любим этот мир.

Так говорим мы – воины Нового Мира.

25.05.2010

Жанр: Эссе

Категория: Лучшее

Мысль

Мысль... удивительно забавная сущность! Подлинная ее природа так и остается неразгаданной, несмотря на все похвалы биологов, психологов, зоологов, и прочая, и прочая. Мы только мыслим о том, что мыслим верно – но кто дал нам такие мысли? Мы сами... Вы уверены?

Насколько же противоречивые друг другу мысли успеваем ощутить мы в течение даже одного дня! Вот мы что-то любим – а через несколько минут мы уже готовы это возненавидеть. Вот мы думаем о человеке что-то одно – но спустя короткий промежуток времени наши мысли приводят нас к в корне противоположным выводам. Вот нам кажется, что мы познали и изучили что-то – но время неизбежно доказывает нам раз за разом, что эти наши мысли о собственном знании были очень несвоевременны и неэлегантны. Кто же мы такие, если даже не способны контролировать свои собственные мысли. Что за удивительным двоисмыслием мы страдаем?

Вы никогда не задумывались, почему к вам приходят те или иные мысли, и в каком состоянии вашего духа они совершают этот свой удивительный прорыв? Понаблюдайте! Вот вы опечалены, вам тоскливо и одиноко – кажется, будто весь мир отвернулся от вас и повернулся к самому себе, забыв о том, что и вы – такая же его неотделимая часть. Вас бросил любимый человек, или возник конфликт на работе, или вы поссорились с кем-то, или обиделись на что-то. Жизнь кажется вам серой, скучной и невзрачной, люди представляются жалкими эгоистами, а смысл жизни, о котором вы еще помнили, когда только-только приходили в этот мир, неумолимо начинает ускользать из ваших душ. Какие же мысли вы испытываете и ощущаете в такие моменты? О, не буду вам напоминать.

Вот вы влюблены и радостны. На улице сияет солнышко, поют птички – и вам хочется парить в облаках вместе с ними и подпевать им от счастья! Кажется, будто каждый встреченный вами прохожий улыбается вам и сорадуется вместе с вами – наверное, где-то в глубине своей души он также счастлив, как и вы сейчас. Вам хочется обнимать людей и благодарить жизнь за ее благосклонность к вам, ведь она уже подарила вам столько счастливых и незабываемых моментов! Вы ведь помните ваши мысли в эти удивительные мгновения? О, конечно же, вы все прекрасно помните до сих пор!

И как же так получилось, что вы совместили, казалось бы, несовместимое? Что мысли радости сменяются мыслями печали, печаль уступает место спокойствию, спокойствие превращается во вдохновение, а вдохновение дарует радость? Кто же управляет всем этим красочным калейдоскопом – вы? Вы точно в этом уверены? Странная это штука – мысль. Нефизическая сущность, порождаемая физическим по природе своей мозгом... Или же вовсе не он – ее настоящий творец?

Вы, конечно же, помните о том, как порой и в научном мире случались события, объяснить которые жалкой теорией вероятностей не представлялось возможным. Вот какова, скажем, вероятность того, что из многих миллионов человек на этой планете двое или трое из них независимо друг от друга совершат одно и то же, по сути, научное открытие, но один успеет с публикацией результатов для общественности несколько раньше другого? Какова вероятность того, что из бесконечного множества вариантов мыслей эти ученые породят сходные между собой? Нечто невероятное, правда? Но ведь вам никто и не говорил, что эти мысли были вашими, вам самим захотелось считать так...

А если же мысль приходит извне, точно невидимая волна, касаясь ваших умов и душ, то кто же внутри вас воспринимает ее – ум, сердце, душа? И кто породил ее изначально – вы или кто-то другой? А вдруг вы точно радио, способное настраиваться на нужные космические «волны»? И кого же вы тогда захотите слушать? Что выберете вы – свет, тьму, любовь, ненависть, радость, уныние? Кому из невидимых друзей или врагов однажды решите внимать? На какую «частоту» звучания вы настроите свои души? С кем вы сонастроите их и с кем начнете звучать в унисон? Станете ли вы подлинным хозяином самому себе, достигнув частоты и ясности сознания – или же позволите бесконечной болтовне ума ослепить вас? Сумеете ли однажды услышать свою внутреннюю тишину?

Вы, наверное, даже не представляете, какой судьбоносной значимостью обладает этот ваш выбор. Ведь еще до того, как родилось действие, впереди него гордо шла мысль...

17.09.2012

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

О принцах, которых нет

Однажды это случится.

Твой принц на белом коне придет к тебе, но ты его не услышишь. Ты не заметишь его в людской толпе, когда он увидит тебя, ты не откроешь ему двери, когда он будет стучать. Ты не узнаешь и непустишь его, потому что не ждала. Истинные принцы всегда приходят неожиданно.

Им не нужны глашатаи, возвещающие об их приходе. Им не нужны рукоплескания. Им не нужны крики одобрения других. Им не нужны даже кони. Они всегда приходят на своих двоих – с годами трудов и испытаний они привыкли полагаться только на собственные силы, они привыкли доверять себе. Их не услышать за версту по стуку копыт их лихих скакунов, их не увидеть гарцующими на них. Они оставили белых коней далеко позади себя, потому что без них они могут двигаться быстрее. Они отказались от золоченой сбруи и холеной гривы, они отказались от удобных седел. Теперь они приходят только на своих двоих.

Именно поэтому ты не узнаешь его, ты пройдешь мимо.

Если бы они гордо возвышались над остальными на своих грациозных скакунах – они были бы слишком заметны. А им не нужны рукоплескания.

Если бы они прокатили тебя на своем белом коне – ты бы никогда не забыла этой краткой езды вместе. А им не нужна зависимость от них других.

Если бы они предложили тебе свою руку, но не сердце – ты бы не смогла отказаться. А они хотят видеть других свободными.

Они отказались от этого величия. Они спустились с коней. Они стали маленькими принцами. И со временем они затерялись в большой толпе.

Именно поэтому ты не узнаешь его, потому что никогда не знала ранее. Потому, что ты знала лишь больших принцев – слишком больших для того, чтобы однажды стать маленькими. Именно поэтому теперь ты всегда смотришь выше своей головы, надеясь увидеть больших и не замечая маленьких. Они стали не нужны.

И все же они приходят. И все же они продолжают стучаться, зная, что им не откроют, потому что открывать больше некому.

И все же они надеются, что однажды, много-много лет спустя, ты вспомнишь о том негромком стуке, что слышала когда-то совсем-совсем давно, бесчисленные дни назад, но не стала открывать двери, потому что нежданный гость пришел в грозу – а ты не хотела замочить ноги. Вспомнишь – и улыбнешься, поняв, что за путник был на дороге.

Редко, крайне редко приходят они к тем, кто мог бы открыть свои двери, но двери по-прежнему остаются закрытыми – потому что открывать их некому.

Они не вымерли. Они не исчезли.

Вы сами убили своих принцев.

08.07.2006

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

Отрицательный автопортрет

- Я не пассивен – просто я тщательно выбираю цели.
- Я не морализатор – я верю в торжество человеческого разума.
- Я не романтик – просто я люблю жизнь.
- Я не тихоня – просто одному в комнате кричать бесполезно.
- Я не одиночка – просто я не часть толпы.
- Я не лжив – просто я говорю не всю правду.
- Я не скрытен – просто я не эгоцентрик.
- Я не жесток – просто иногда требуется быть сильным.
- Я не незащищен – просто иногда приходится казаться слабым.
- Я не глуп – просто иногда приходится отбрасывать разум.
- Я не беспокоен – просто жизнь требует движения.
- Я не угрюм – просто иногда бываю таким же «нормальным».
- Я не робок – просто иногда захватывает дух.
- Я не эгоист – просто и о себе иногда приходится подумать.
- Я не пессимист – просто иногда забываю быть счастливым.
- Я не раб – просто порой приходится работать и для других.
- Я не враг – просто кому-то порой очень хочется воевать.
- Я не молчалив – просто я тщательно подбираю слова.
- Я не циник – просто иногда называю вещи своими именами.
- Я не бесчувственен – просто иногда приходится закрываться от праздно любопытствующих.
- Я не безумен – просто не всегда соответствую ожиданиям.
- Я не безучастен – просто не всякие слезы являются подлинными.
- Я не беспомощен – просто иногда приятно плыть по течению.
- Я не занудлив – просто до некоторых с первого раза не доходит.
- Я не высокомерен – просто не каждый способен понять мой язык.
- Я не воин – просто иногда приходится сражаться.

Я не герой – просто времена такие.

29.06.2008

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

Преступление и наказание

Я вновь вернусь к вам – и это будет уже совсем скоро. Гораздо раньше, чем многим того хотелось бы. Я приду к вам также неожиданно, как неожиданно приходил и вновь пришел тот, кто гораздо выше меня. А он действительно пришел.

Если вы не услышали тогда даже Его, то что дает мне надежду, что услышите всех нас, вместе взятых и соединенных, теперь? И все же я надеюсь... И все же я снова с вами – потому что и меня не покидает надежда на то, что, пройдя через все горнило лишений и страданий, вы сможете улыбнуться прошлым трудностям жизни вашей и воспеть хвалу Свету.

Спрошу вас – зачем искажали вы слова мои измышлениями собственными? Почему мешали проникать им в самые потаенные уголки души человеческой? Зачем заставляли вы детей своих бездумно заучивать слова сердца моего – неужто у них нет сердца собственного? Неужто неспособен передать я жар его им, ищущим, без искажений умов ваших?

Спрошу вас – неужто на себе испытали вы все то, через что проводила меня жизнь моя собственная? А если нет – то право судить от имени моего имеете ли? Непросты задачи наши, но по устремлению и вере каждого воздается нам. Но кто-то – лишь тварь дрожащая, а иным право мир менять этот дано было.

Или думаете, что ум ваш изменить мир подлинно способен? Но взгляните, к чему привела уже хитрость и подлость умов ваших. Не нужны мне ума вашего домыслы – но в душах и сердцах видеть его хочу я. И что есть сердце, как не храм души? Или считаете, что не способен в душах ваших видеть я? Может, сумеете обмануть меня, – но как того обманете, за мной кто стоит?

Как скроетесь от всепроникающего взора вы Его? Лишь только выколоч глаза ваши. Как сможете не слышать гласа вы Его, устами нашими вещаемого? Лишь только заткнув уши ваши. Как сможете не чувствовать светлых прикосновений Его? Лишь только умертвив сердца ваши. Предчувствую, как под взглядом моим вы понурите головы свои, и как стыд, страхом окутанный, пронзит сердце ваше. Но того хочу ли я по-настоящему? Не страх ваш нужен мне, и даже Ему не нужен страх ваш – но понимание преступления вашего надобно. Но желание изменения вашего надобно. И что есть преступление, как нежелание изменения вашего? И что есть итог жизни вашей, как не наказание? И что есть подлинное духовное преображение как не искупление ваше?

И не будет более страха у каждого, в небеса воспарившего. И только тогда вы сможете помочь Богу помочь вам. Но до того момента, как в небеса воспарите вы, помните: зло все, что вокруг себя видите вы, – есть преступление и наказание. Ваше преступление и наказание.

14.08.2010

*Жанр: Обращение
Категория: Избранное*

Ребенок

Да, я знаю – ты не мог бы назвать свое детство по-настоящему счастливым. Солнечным, безоблачным, радостным. А разве многие из нас могут?

Да, я знаю – этот мир ненормален уже настолько, что даже нормальные в нем считаются ненормальными, здоровые заболевающими, а большинство смертельно больных – абсолютно здоровыми. Большинство же, наверное, все-таки больны.

Это очень особая болезнь – бессердечие. Отсутствие сострадания и подлинной любви. Желание любой ценой заставить своего ребенка уважать тебя – пусть даже ценой его самоуважения и слез. Но ребенок – это не твоя игрушка, и никто не давал тебе права лепить его по своему образу и подобию, ломая его душу. Кто тебе сказал, что твой образ достоин повторения?

Впрочем, тебя это никогда не останавливало, ведь ты всегда, вплоть до последнего момента, считал ребенка своей собственностью, своим личным творением. Будто это ты создал его душу и прошел в его сандалиях его личный путь! Будто это ты рождался и умирал за него вновь и вновь... И как же порой тебе было приятно потешаться над своим новоприобретенным рабом!

Ты пришел с работы в дурном настроении? Ничего страшного, ведь у тебя есть маленький ребенок, на которого ты всегда можешь наорать, или даже избить, или даже забить до полусмерти. Он ведь совсем маленький – что он может тебе ответить?

У тебя никак не клеятся нормальные отношения со своей собственной женой – женщиной, которой ты еще совсем недавно признавался в любви и обещал быть верен до конца дней своих? Твой маленький ребенок – отличное орудие для твоей большой мести! Конечно, этот новозавербованный заложник ваших ссор еще слишком глуп, чтобы понять всю твою правоту, и всю глупость твоей как-бы-любимой – но ведь его мнение и его чувства никого из вас не интересуют, верно? Дак что же с того, что он чуть ли не на коленях умоляет вас прекратить ссориться друг с другом, говоря, что не желает видеть вас такими?! Может быть, именно поэтому он начал так стремительно терять свое зрение в последнее время – только чтобы не видеть тебя не в тебе? Да и владеешь ли ты собой в эти мгновения, или это кто-то другой распоряжается тобой, как тряпичной куклой?

Чувствуешь себя полным ничтожеством и неудачником, но пытаешься заткнуть свою скорбящую совесть? Втопчи своего ребенка в грязь, раздави, морально унизь его так, чтобы он на всю оставшуюся жизнь запомнил, кто в доме хозяин! Ударив его в грязь лицом, ты непременно почувствуешь себя на коне перед ним, униженным и оскорбленным. Дак гарцуй же, не стесняйся, чего тебе стоит?! Яйца курицу не учат, а яблоко от яблоньки недалеко падает!

Твой ребенок смеет тебе возражать, и даже дерзить? Значит он давно не знал, что такое настоящая порка! Возьми же ремень, и исхлестай его так, чтобы его спина покрылась волдырями, точь от ожогов! И пусть в школе сам выкручивается и придумывает оправдание тому, что произошло с его неокрепшим телом.

У твоего ребенка что-то не получается? Ругай его на чем стоит свет за его непроходимую лень и тупость, ведь только так он научится по крайней мере бояться тебя – и, значит, уважать. Пусть все в округе от мала до велика знают о том, насколько плохой у тебя родился ребенок – и с какой великой силой ты, его заботливый отец, пытаешься сделать из него хоть какое-то подобие человека. Отличный повод другим начать уважать тебя за твое потрясающее терпение и колоссальный воспитательный труд!

Ты не знал счастливого детства – дак пусть же твой ребенок не познает его точно также. Отомсти своим родителям в лице своего ребенка, выскажи им все, что ты о них думаешь, и даже сверх того! Ведь ты же «нормален» – а разве нормальные могут выздороветь?

Ты не мог назвать свое собственное детство по-настоящему счастливым. Именно поэтому ты прилагаешь все усилия для того, чтобы также не мог сделать и твой маленький ребенок. Потому что разве кто-то заслуживает быть более счастливым, чем ты?

Это очень хрупкое существо – ребенок. И как же подчас легко сломать и искалечить его душу и его судьбу! Но пусть все поступающие таким образом никогда не забывают о том, что это очень особая болезнь – бессердечие. Потому что когда ты по собственной воле лишаешь себя сердца – ты перестаешь жить.

12.11.2012

*Жанр: Обращение
Категория: Избранное*

Случайность

И вот ты читаешь эти строки... случайность? А сколько их вообще было в твоей жизни?

Вот ты совершенно случайно появился на свет... Твоя мама как-то случайно встретила с твоим отцом, и они решили завести ребенка – тоже спонтанно и случайно. Ты случайно не помнишь, как все это начиналось?

Случайно ты поступил в школу, случайно окончил институт... Твоя жизнь была полна случайностей совершенно нелепых и порой даже невыносимых, и непрогнозируемых наперед. Вот, например, благодаря счастливому – случайному? – совпадению ты встретился со своей будущей девушкой одним ранним весенним утром на перекрестке двух дорог, когда каждый из вас неспешно шел куда-то по своей улице. Ты засмотрелся на нее и практически не заметил, как кто-то случайно до этого оставил крышку канализационного люка открытой прямо по пути твоего движения... А потом она вместе с другими помогала вытаскивать тебя из этой зловонной дыры. Это было ну очень необычное знакомство. Впоследствии оказалось, что вы оба уже несколько лет работали вместе в разных отделах одной и той же компании, вот только никогда еще не пересекались по работе до этого... странно, не правда ли? А потом ты – ну, разумеется, случайно – писал ей стихи, дарил цветы и однажды сделал предложение.

А еще, помнится, какой-то лютой зимой ты вдрызг разругался со своими родителями и порывался уйти из дому. Бесцельно бродил по улицам города под крышами домов, и огромная сосулька упала с одной из них за пару метров перед тобой, каким-то чудом тебя не задев... очередная случайность? А сколько раз впоследствии тебе удавалось избегать подобных смертельных опасностей? Одну за другой – и все совершенно случайно.

А сколько раз у тебя случайно оказывалась нужная людям вещь, в самый подходящий момент приходила в голову замечательная и полезная идея, ты оказывался ровно в нужном месте и в нужное время? А сколько раз твои знакомые и друзья оказывались рядом с тобой как нельзя более кстати? Случайно ты находил достойных знакомых и новых друзей... Ты, случайно, не забыл все это?

А это небо, эти кучерявые облачка-барашки, это солнышко, ласкающее твою кожу, этот ветер, треплющий волосы, эти падающие тебе на язык снежинки... по-твоему, все это тоже происходит совершенно случайно? Вот взять хотя бы те же снежинки – ты вообще видел их красоту? С какой же вероятностью молекулы воды, замерзая, способны постоянно образовывать столь причудливые и удивительные формы? А приходилось ли тебе видеть облака, похожие на животных или, скажем, на сердечко? А бывало ли так, что еще недавно пасмурное небо рядом с тобой внезапно за какие-нибудь десять минут очищалось от тучек, и сквозь образовавшийся просвет начинало светить солнышко, стоило лишь улучшить твоему настроению незадолго до этого?

Или ты до сих пор полагаешь, что все это происходит случайно? Может быть, просто ты все еще не знаешь об этом мире чего-то самого-самого важного?

Однажды ты долгое время пребывал в мрачном состоянии духа, сильно приуныл и, как следствие, совершенно случайно заболел. Боли совершенно не поддающейся логике природы беспокоили тебя – то сердце заколет, то печень занает, а то и вообще голова трещит по всем швам. Врачи диагностировали общее нервное переутомление организма и советовали почаще лежать в постели – но ты-то знал, что дело тут совершенно в другом. От скуки стал просматривать комедийные фильмы один за другим – и через пару дней резко пошел на поправку, а через неделю был как новенький. Случайность?

Ты случайно злился на людей – и тут же падал в лужи. Случайно обижался и гневался – и практически тут же заболел. Случайно помогал кому-то – и удивительным образом при совершенно иных обстоятельствах жизнь так же случайно помогала тебе в ответ...

Случайность, случайность, случайность... сколько всего их было в твоей жизни? И что, согласно теоретикам от науки, есть твоя жизнь, как не цепочка самого разного рода случайных обстоятельств? Но ведь тогда и вся Вселенная, и эта галактика, и эта планета, и миллиарды живущих на ней – тоже случайны? Или все же ты слишком мало знаешь об этом мире, в котором живешь?

...И вот ты по-прежнему случайно читаешь этот случайный текст.

Или... случайностей не существует?

18.08.2011

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

СМИ!

СМИ! И это – почти приказ. Практически не подлежащая невыполнению команда, внутренняя мерзость которой становится ясна лишь спустя N-ное количество сюжетов.

СМИ! Это приказ не думать, не пытаться осмыслить самостоятельно происходящие вокруг тебя жизненные превращения, это приказ жить не своей жизнью, сжигая драгоценнейшие мгновения в топке бессмысленных и беспощадных монологов с экраном твоего непревзойденного телевизора – непревзойденного в искусстве отупления души человеческой.

СМИ! И вот ты уже сидишь на диване после очередного, разумеется, тяжелого рабочего дня, вбирая в себя все те зловонные потоки информации, которые информационные «боги» решили на этот раз преподнести тебе в качестве универсального духовного завтрака, обеда и ужина. И где бы ты был ныне без их великой щедрости, что знал бы, о чем смог бы побеседовать с коллегами по работе?

СМИ! И вот ты живешь в постоянном страхе. Страхе выйти на улицу, когда кругом столько бандитов, убийств и злобы. Страхе рожать детей, потому что – ну конечно! – ты хотел бы «брать от жизни все», а новая иномарка стоит в твоих приоритетах куда выше собственного сына. Страхе по-настоящему, подлинно любить кого-то, не опасаясь судебных преследований. Страхе оказать помощь другому, потому что «благими делами...», да и нынешний земной закон инициативу не поощряет. Страхе противиться тирании начальника, потому что стоит тебе просрочить платеж по кредиту хоть раз в течение ближайших десятков лет – и ты можешь перестать быть даже условным собственником твоей приобретенной в ипотеку квартиры, которую ты брал в том числе потому, что «жилье – это прибыльное дело», а в силу неимоверной человеческой жадности может только дорожать. Страхе стать не тем, кем нынче выгодно и модно, страхе вернуться к себе светлому, подлинному, ясному...

СМИ! И вот очередная спасительная стрессовая инъекция уже растекается по твоему организму.

СМИ! И разве требуется тебе о чем-то думать и рассуждать, когда за тебя это уже фактически сделано? Пища фактов переварена, удобрена химикатами экспертных мнений, структурирована, классифицирована, препарирована и упакована в удобную телевизионную коробочку, из которой злые духи времени будут рассказывать тебе о том, что такое хорошо, что такое выгодно и целесообразно – сообразно своему собственному видению. А разве тебе нужно твое?

СМИ! Правда, это же столь приятно – расслабиться перед экраном своего телевизора, забыв об огромном мешке камней своих глупостей, которые ты каждый день таскаешь с утра до вечера на спине и от которых даже не желаешь избавляться, потому как для этого требуется нечто большее, чем кормиться от этих самых СМИ?

Это дает временное облегчение твоих мук – видеть, как кто-то другой мучается еще больше. Хороший душевный антибиотик, верно?

СМИ! Это практически диагноз.

СМИ! И вот ты уже идешь на вымышленный Олимп, уютно утонувший в болоте, в надежде, что тебя покажут в других таких же ящичках. Тебе почему-то это кажется очень значимым и важным моментом твоей жизни – может быть, чтобы у тебя вновь появилась тема для разговора с коллегами по работе? А ты точно уверен, что хотел бы раньше времени попасть в ящик, и если да – то в какой именно?

СМИ! Отличный способ создавать героев из посредственностей и опосредовать героев.

СМИ! Лучше больше, чем меньше, верно? Чтобы у тебя совершенно не было возможности подумать о чем-то действительно важном, сделать что-то по-настоящему стоящее... Быть может, удобное оправдание собственному нежеланию смотреть шире и глубже? Общественно узаконенная возможность оставаться информационным потребителем, не делая и шага для собственного роста.

СМИ! Это наркотик. Способ отказаться от себя. Способ сбежать от реальности, которую ты ленишься менять.

СМИ ведают, что творят. Ведаешь ли ты?

28.02.2012

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Страх

- Б-у-у-у-у! В-у-у-у-у! – прогудело вдали.
- Кто там плачет? – встревожился человек.
- Это я, Страх! – ответил Страх. – И не плачу я вовсе, а пугаю. Бойся меня!
- Зачем? – удивился человек.
- Так надо! Все бояться, и ты будешь! Это всего лишь вопрос времени.
- Что-то я тебя не вижу... – усомнился человек.
- Конечно! – загоготал Страх. – Потому что самые важные вещи – невидимы! Б-у-у-у-у!
- А какой тогда ты, Страх? – любопытствовал человек.
- У меня много ипостасий! – гордо взвыл Страх. – Я бываю просто диким и паническим, могу стать одурманивающим, способен стать скрытным и осторожным, чтобы люди не поняли, что я – это я. Я С-т-р-а-а-а-а-х! Страшно тебе?!
- Не знаю, – честно признался человек. – Не почувствовал еще.
- Ну ты тупой! – раздосадовался Страх. – Вот всегда с вами, идиотами, так. Вы даже суть страха понять и прочувствовать подчас не можете. Мозгов чтоли мало? Неужели вас в детстве родители не учили бояться?
- Мне родители говорили, что бояться глупостей – глупо! – честно признался человек.
- Ах ты... трус! – прошипел Страх. – Все вы трусы, так или иначе! В каждом доме можно найти щели... пролезу и захвачу... б-у-у-у! Вот скажи мне, – внезапно изменил тон Страх, – ты хочешь... власти?
- Зачем? – удивился человек. – От нее одна головная боль.
- Плохо! – просипел Страх. – Не смогу я тобой управлять через нее.
- Да я и не боюсь получить власть, – усмехнулся человек. – Она мне просто совершенно без надобности.
- Да не получить, увалень, а потерять! Получить то вы много чего не боитесь, особенно из того, что само идет в руки, – а вот лишиться всего этого потом...
- Бояться лишиться? Чего?
- О-о-о-о... столь многого, стольких иллюзий! – засмеялся Страх. – Богатства, власти, престижа, комфорта, веры, любви!
- Любви и веры нельзя лишиться, – твердо сказал человек, – потому, что они внутри!

– Конечно, конечно! – успокоил его Страх. – Это ты один такой умный мне, видимо, попался сегодня. Но знал бы ты, сколько людей боятся лишиться того, что они называют «любовью»... сущая физиология! – продолжал гоготать Страх. – Ими так легко управлять, так легко! Знал бы ты, мой враг, скольких вместе с моей подружкой Обидой мы отправили на тот свет в последнее время из-за этой самой неразделенной «любви» – не улыбался бы больше этой глупой улыбкой. Б-у-у-у! В-у-у-у! Ф-у-у-у!

– Ах ты мерзавец! – крикнул человек. – Давно чувствовал, что темны дела твои!

– А ты моих дел еще не видел! – резко оборвал его Страх. – Так что не суди, и не судим будешь, как говорится! Я всегда действую вашими, людскими руками, между прочим. Так что и ответственность в итоге тоже на вас ложится. То есть на тех умных людей, что поддались моему влиянию, а не таких дурней как ты, которые даже испугаться нормально не могут!

– Ты пугаешь в первую очередь умных людей? – удивился человек.

– Они – моя самая лакомая добыча! – подтвердил Страх. – Боятся потерять престиж и иллюзию собственного всезнания. Такие гордецы и милашки, га-га-га! – Страх заливался истерическим хохотом.

– А на кого еще ты обычно нападаешь?

– На покорные массы, конечно!

– Людей?

– Нет, массы! Когда толпу одолевает панический, дикий, всепоглощающий Страх, она перестает быть людьми и становится массой! Для них мы с моей сестрой Жестокостью специально создали подобных вашему «вождю народов».

– Чтобы через этих властителей держать весь народ в страхе?

– А ты не настолько туп, как мне представлялось изначально, человечиска! – прицокнул языком Страх. – Но одного человека нам бы не хватило. Нужна была система постоянного репродуцирования моих эманаций, – продолжал разглагольствовать Страх. – Нужно было, чтобы источником меня стали сами люди, чтобы они постоянно передавали меня из души в душу, тем самым не давая угаснуть и умереть... Только так я смогу стать по-настоящему бессмертным! Нужно, чтобы меня внедряли в школах, а еще лучше, чтобы родители передавали меня своим чадам с самого раннего детства под видом какого-нибудь сокровища. Нужно, чтобы я сумел обосноваться в ранимой детской душе – и под воздействием всего того, что под моим влиянием создали в этом мире вы, называющие себя взрослыми, уже ни на миг ее больше не покинул!

– То есть, ты управляешь людьми через страх перед несправедливыми земными властителями?

– Через это тоже! – согласился Страх. – Но здесь мне еще очень помогают моя подружка Лень и порождаемые нами Безразличие и Апатия.

– Неужели земные цари были настолько поганы?

- А что, много среди них было тех, кого можно было по-настоящему... любить?
– многозначительно ухмыльнулся Страх, но осекся на последнем слове.
- Боятся – значит, уважают?
- О, а вот теперь ты говоришь моим языком! Уважаю, хоть и не боюсь! – льстиво сказал Страх. – Эту фразу кстати я лично придумал, а всевозможные дурни ее послушно приняли за каксиому... Такие милашки!
- Каксиому?
- Да, ложное знание! Практически все ваше знание – ложно! Во многом благодаря мне, кстати говоря. Истина не рождается из страха, ведь она – начало его краха! – прогорланил Страх, но осекся во второй раз.
- А как же вера?
- Надежда, любовь... хватит произносить при мне эти гадкие слова, человечиска! – зашипел Страх. – Любовь, замешанная на страхе – физиология, надежда на страхе – недовольство, вера на страхе – религия!
- Дак это ты искажил веру, подонок?!
- Нет, это были все же вы, люди! Ваши так называемые «святые отцы», церковники, ваши кровавые инквизиторы всея планеты! Как ловко я научил вас через них бояться Бога – и значит не научиться Его... любить, – и Страх снова осекся на последнем слове. – Ты думаешь, что этими верующими движет подлинная вера? Нет, я и только я управляю ими, все эти люди – мои подопечные, мои рабы, мои пешки! Я убедил их, что без меня их вера ничего не стоит, и дал им отличный способ избежать мук моего врага Совести через всевозможные потайные ходы вроде искушения грехов за злато. Это все мое творение, человек! Теперь ты понимаешь, кто на самом деле тайно управляет этим миром?! – Страх шипел и плевался во все стороны от собственного перевозбуждения.
- Недолго тебе еще здесь править, Страх!
- Это мы еще посмотрим! – захохотал тот в ответ. – Посмотрим, вот как те же самые фильмы ужасов, так прекрасно наполняющие человеческие души мною! А как же приятно созерцать, как эти испуганные начинают и дальше передавать меня другим людям точно по эстафете... массы, одним словом!
- Ничего, – твердо сказал человек. – Мы о тебе еще напишем!
- Н-е-е-е-е-т! – захихикал Страх. – Это мы о тебе еще напишем... о всех вас! Так все скажем, чтобы люди и посмотреть в вашу сторону боялись – и не только в вашу. Зря, чтоли, я воспитал столько всевозможных журналистских подонков на телевидении и в прессе? Это все моя территория, зона вечной лжи и страха!
- Ты не можешь быть бессмертным. Ты не вечен!
- Это вы не вечны! – парировал Страх. – Страх смерти – мой самый серьезный козырь! Человек смертен по природе своей... шах и мат!
- Не умирали, но изменились.

– М-о-л-ч-а-т-ь! – заверещал Страх. – Ты мне еще здесь слова святого Павла повтори! Терпеть их не могу – не дают внушать людям страх перед смертью! А ведь это именно то, что должно было заставить их предаваться всевозможным земным удовольствиям, не думая о последствиях...

– Да-к вот почему христианские церковники так исказили суть вещей...

– М-о-о-л-л-л-ч-а-а-а-т-ь! – заходился в крике Страх. – Не тебе меня разоблачать!

– Тебе лучше будет помолчать! – раздался откуда-то сверху могучий и сильный голос, заставив Страх съежиться.

Краями своих многочисленных глаз Страх успел заметить, как к человеку опускались – точно два небесных Ангела на своих белоснежных крыльях – Любовь и Смелость. Свет, излучаемый ими, касался Страх и плавил его точно топленое масло. Буквально через несколько мгновений от него осталась какая-то жалкая лужица, а вскоре испарилась и она.

– Шах и мат! – улыбнулась Смелость.

– И так будет с каждым страхом, коли мы рядом! – просияла Любовь.

15.02.2013

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Теория

Нет, сударь, это решительно невыносимо! До каких только нелепостей подчас может прийти невежественный людской ум даже в самом, казалось бы, с виду разумном человеческом существе! Вы не только отвергаете все каноны и глупости научного подвоха – вы в своих так называемых свободных размышлениях готовы дойти до сущей, я бы сказал, ереси. Это же просто невероятная глупость! Невежественная, повторяю, противоречащая всем аксиомам и теоремам нашего подвоха, пагубная для людского сознания глупость. Как дерзко и немислимо решили вы опровергнуть одним своим разумом нашу замечательную, идеальную, не имеющую противоречий и подвохов прекрасную Теорию, которую мы уже не один век насаждаем здесь и там во всевозможные учебники, дабы познакомившиеся с ней не имели возможности мыслить в каком-либо ином, отличном от предложенного нами направлении, – и в конечном итоге не могли бы сделать ничего иного, кроме как выразить нам как первооткрывателям Истины свое самое искреннее почтение! Истины, как видим ее мы – передовые ученые нашего века и созидатели самого лучшего научного подвоха!

Ну где же это видано, скажите мне, о мой невежественный и в меру неумный сударь, чтобы слоны имели ровно по четыре ноги, а? Это противоречит всей нашей научной Теории Пятипалости, которой уже придерживаются передовые ученые прошлых и будущих веков, а что и говорить о настоящем времени!

Позвольте, сударь, конечно же, мы не имеем достаточных оснований для стопроцентной уверенности в нашей Теории, вес коей определяется не степенью ее соответствия объективной действительности, а скорее количеством научных мэтров, готовых ради собственной выгоды разделить с нами эти взгляды, – но о девяноста девяти процентном соответствии на основании одних лишь умозрительных заключений мы имеем полное право говорить!

Да, сударь, это действительно так – ни один из развивавших Теорию Пятипалости научных светил никогда в своей жизни не видел ни единого слона, но это не помешало им построить столь элегантно и непротиворечивую схему – а исключения, как это обычно и бывает в нашей среде, только что подтверждают правило. Во всяком случае, это очень удобное основание для нашего самооправдания в случаях полной нестыковки наших теорий и этой самой подчас столь неудобоваримой для наших прекрасных умов мерзкой действительности. Бесспорным представляется также тот факт, что слоны, в отличие от человеческих существ, умеют летать.

Об этом вы можете прочесть в знаменитом научном труде «Об ушных слоновых раковинах и их конвергентно-дивергентно-имплицитно-непонятной связи с формируемыми в естественной среде искусственными условиями создания воздушных потоков путем инвазивно-суггестивно-поступательно-вращательно-крутительных движений против часовой стрелки в моменты пребывания указанных особей в состоянии внутреннего катарсиса, находящего свое выражение в...», само название которого уже способно внушить подлинное уважение всякому почитателю истинного научного подвоха!

Мы, как подлинные знатоки своего дела, категорически отказываемся верить в саму возможность отсутствия у слонов пятой ноги, поскольку это не столько противоречило бы их способности правильного и эффективного передвижения, сколько уменьшению веса всех выдвинутых и внедренных нами в людское сознание научных теорий, а также нашим позициям как уважаемым членам этого общества как таковым. Поэтому ваша так называемая научная работа будет отправлена на существенную доработку – с вашего, разумеется, очень добровольно-принудительного согласия.

Мы осуществим подтесывание и подгон полученных вами экспериментальных данных под наши собственные научные теории, а также при необходимости проведем ретуширование созданных вами в ходе путешествий фотографий слонов путем искусственного пририсовывания пятой ноги.

Разумеется, мы впишем ваши инициалы как создателя очередного подтверждения нашей Теории Пятипалости где-нибудь на тысячной странице после всех инициалов наших многоуважаемых мэтров, столько времени и сил отдавших делу развития научного подвоха.

В случае вашего несогласия мы будем вынуждены признать вас шарлатаном и аферистом, смущающим людские умы, и выставить в самом дурном свете, какой только способно продуцировать наше коллективное бессознательное.

Не хотите? Ну что же, ваше право! Вы просто еще не знаете силу стаи и нашего великого коллективного научного подвоха!

Да-да, вольному волю. Как говорится, скатертью вам дорога напрямиком к свету Истины! И тапочки, тапочки свои не забудьте, сударь!

26.01.2013

*Жанр: Эссе
Категория: Избранное*

Точка зрения

– Позвольте, сударь, то есть вы беретесь утверждать, что все мы находимся под удивительным влиянием неких двух противоположных совершенно неведомых нам метафизических сил, кои способны оказывать воздействие на наши душевные состояния, мысли, самочувствие, и кои были фактически известны человечеству издревле, однако знание о них было превращено в нечто вроде детской сказки и нелепого мифа? Не является ли это все скорее плодом вашего больного воображения и бредовой фантазии, нежели реально существующим положением вещей? Я в силу своего научного образования все более склоняюсь ко второму варианту, ибо не вижу ни одной причины, по которой столь любимое вами Божественное должно было бы проявить себя в нашем бесконечно суровом мире.

– Лучший способ для бесов скрыться из поля человеческого зрения – это убедить людей в том, что их не существует, верно?

– Ну, давайте, в самом-то деле, не будем переходить границы нормального и разумного!

– Земное человечество перешло их давным-давно. Но это было одной из тактик темной части этих сил – убедить людей в том, что их не существует, можно одним простым способом: создать некое социальное явление, направление жизни или способ мышления, ежели пожелаете, которое взяло бы против права своего дерзость утверждать от себя, что только оно обладает монополией на истину, только оно одно способно привести массы человеческие к процветанию и всеобщему благоденствию.

– Я полагал, что вы совершенно нерелигиозный человек.

– А я говорю сейчас о науке. К религии мы обратимся позднее.

– Вот как? И чем же не угодила вам наука? Только благодаря ее усилиям сегодня мы имеем столь многое.

– Ядерное и иное оружие, загубленную отходами природу и умирающих от болезней в своих железобетонных клетках людей в том числе, не так ли? Дак вот, достаточно было создать такое социальное явление, «новую религию рассудка» вместе с ее ревностными «апостолами», если хотите, и пустить ее по пути сугубо рассудочному же, практично-материалистичному, оторванному и изолированному добровольно от всего «лишнего» и духовного – неплохая тактика для того, чтобы люди, начав однажды молиться на этого своего новоиспеченного «бога», так и не сумели проникнуть в святая святых – область человеческого духа, то есть в том числе то, монополию на «спасение» которого взяла на себя так называемая религия.

Не потому ли уже много лет подряд официальная наука старается делать красивую мину при плохой игре – изо всех сил пытается скрыть тот простой и очевидный для беспристрастных наблюдателей факт, что, ранее избрав подобный путь, ныне она самовольно зашла в находящийся в конце его закономерный тупик и уперлась в глухую стену?

А утверждать то, что это не стена, а конец научных открытий и торжество человеческого разума – дичайшая глупость.

– И что же вы предлагаете делать научному сообществу?

– Можете попробовать пробить стену в этом глухом тупике вашим лбом. Сослужите пользу науке, как сослужили ее многие до вас, добровольно отдав свои живые тела для научных экспериментов, или же отдав мертвые против собственной воли для них же.

– Все шутки шутить изволите, сударь? Наука, как известно, требует жертв.

– Красота, как известно, тоже. Следствием чего является неподдельное уродство.

– Полагаете, религия намного красивей науки?

– То, что стало современной религией – отнюдь. Паразитирование на стремлении духа человеческого к Высшему и примитивизация веры, по большей части. Но каждому по выбранному пути его.

– Даже если предположить, что современная наука не в состоянии открыть нечто недоступное и невидимое для нее, в том числе доказать существование упомянутых вами метафизических сил с научной точки зрения...

– «С научной точки зрения» звучит вполне оправданно. Ведь это всего лишь маленькая точка, которой еще предстоит проделать большой путь...

– ...То разве может похвастаться этими знаниями современная религия?

– Современная религия превратила их в подобие мифа, а идолослужители часто сами не ведают, о каких важных вещах упоминается в оставшихся еще неискаженными текстах. Взгляните, например, на некоторые из икон, изображающих Христа – и за спиной его вы увидите белые крылья. На них он изображен как Ангел, ведущий за собой целое воинство других, и изображен таковым не случайно. Точно также, как неслучайны и сохранившиеся до сих пор молитвы своим Ангелам-Хранителям, и имена Архангелов, и ряд других важных вещей.

Люди, впитавшие в себя яд материалистической науки, даже не способны подчас понять, что эти факты отражают реально существующую действительность в гораздо большей степени, нежели тысяча и одна теория, признанная в научном мире ничем иным, как очередным «законом» природы. А рассказы современным религиозным последователям о живых Ангелах – и многие из них посчитают вас.

– Ни разу в своей жизни не видел каких-то упомянутых вами Ангелов!

– ...Но это вопрос той точки зрения, с которой смотреть, не так ли?

– Все это всего лишь очередной религиозный миф!

– Также, как и ваши собственные мысли. Простите, я хотел сказать – их мысли. Они ведь не ваши?

– Что значит – «не мои»? Я мыслю – следовательно, существую.

– Утверждение несколько не соответствует действительности, хоть и не в вашем случае. Взгляните на ваш хаотически мыслящий ум – вы действительно уверены, что это вы управляете им? Вы даже не можете заставить его полностью замолчать! Волны приходящих извне мыслей скачут так, как будто кто-то посторонний хаотически выкручивает ручку мыслительного «радио» то в одну, то в другую сторону.

– Уж не хотите ли вы сказать, что мысли могут быть навяны?

– Ну вот, кажется теперь вы, наконец, начинаете понимать, какие именно силы послали людям «гениальные» научные идеи по изобретению, скажем, различных видов оружия. Как, впрочем, и фармацевтических лекарств. Как и множество так называемых «мемов», начиная от «после нас хоть потоп» и заканчивая тем, что «деньги не пахнут». Впрочем, вы также ныне будете способны осознать, какие силы говорили, например, через пророков. Но кого выбирали слушать люди? Идет планомерное уничтожение человечества их собственными руками.

– Ну, право, уменьшение населения планеты лишь способствует более рациональному распределению природных ресурсов среди оставшихся в живых.

– Рассчитываете остаться? Боюсь, что в планах темных сил сохранение вашей жизни не значится среди приоритетных задач. Как, впрочем, и всего человечества в целом.

– Да ну вас, сказки рассказывать!

– Да просто оглянитесь вокруг. Это, по-вашему, Рай?

– Но ведь вовсе и не Ад, это уж точно! Прогресс, так сказать, все равно присутствует. Или вы наивно предлагаете мне поверить в то, что все, что вы только что рассказали мне – правда?

– А вот это, мой дорогой друг, уже целиком зависит от правильности вашей точки зрения...

02.02.2013

*Жанр: Диалог
Категория: Признанное*

Ты пришла слишком поздно

Но не хочу, о други, умирать,

Я жить хочу, чтоб миру помогать.

И ведаю, мне будут озаренья...

Я вновь рожден и жажду вдохновенья.

Да, я знаю – время уже не повернуть вспять. Да, я знаю – прошлые ошибки сейчас уже невозможно исправить. Да, я знаю, как был неправ всю мою жизнь и как оказался единственно правым сейчас. Я люблю тебя так, как не любил никого другого на свете. А я очень много кого любил.

Люди обманывали и предавали меня. Они на мгновения разрушали иллюзию моего вечного одиночества, чтобы затем вновь дать понять, насколько иллюзорны были представления о нем как об иллюзии. Они любили и ненавидели меня одновременно, ведь их любовь так похожа на ненависть. А я любил их даже за это. Когда мучительная тишина тяжким прессом обрушивается на тебя со всех сторон, начинаешь радоваться даже звуку крика от собственной боли.

Я действительно любил тебя – любил тебя так, как ни одну другую женщину на этом безмерно тусклом свете. Для них я был лишь забавой – игрушкой, которую они с удовольствием выбрасывали в то же мгновение, как она наскучивала им, не желая понять, что и у игрушки есть сердце. И в этой забавной игре они также, как и я пытались убежать от осознания того, что когда-нибудь и им придется оказаться наедине с самими собой – и наедине с тобой.

Может быть, именно за это я и люблю тебя – за то, что ты всегда неуловимо была рядом со мной, где бы и кем бы я ни был, в каком бы времени и эпохе ни лежал мой путь. Возможно, ты еще не знаешь об этом, но тем самым ты также неуловимо помогала мне – помогала не потеряться мне настоящему в этой фальшивой суете жизни. Ты оказалась самой верной и преданной из всех известных мне женщин. Фактически, для меня ты стала своей полной противоположностью.

Да – я вижу, я чувствую, как тебе страстно хочется сейчас повернуться ко всем этим большим и малым, перешагнувшим границу совести, как сильно хочется закричать им в лицо о том, что только ты, моя любимая, только ты никогда не предавала и не обманывала меня, только ты всегда относились ко мне настолько нежно и бережно, насколько не способно ни одно живое существо. Только ты знаешь, что такое неизбывная сердечная боль, и только у тебя есть от нее лекарство. Но и ты часто приходила слишком поздно.

Когда-то я был молод и полон сил, и мне казалось, что мне все по плечу – а теперь кажется, что в этом во всем я уже давно по уши. Когда-то я надеялся на веру и верил в любовь – но любовь обманывала надежды, и я перестал в них верить. Я уже сделал все, что хотел когда-то, и мне остается только хотеть того, чего я не смогу сделать уже никогда.

Ты могла бы быть со мной молодым, но ты раз за разом решала приходить слишком поздно. Или, быть может, ты специально ждала меня?

Как бы то ни было, теперь мы, наконец, вместе, чтобы вновь стать одним. Две половинки одного целого, две части разбитого сосуда, потерявшего слишком много влаги жизни. Никто ни в силах разлучить нас, единственных подлинных любовников на этой грешной земле, с момента каждого рождения предназначенных друг другу.

Я вновь принимаю тебя потому, что ты бесконечно многогранна, ведь за смертью всегда следует новое рождение. Лишь потому я принимаю тебя – чтобы смыть всю боль прошлого и снова стать живым, как и хотел того долгие годы.

Здравствуй, моя прошлая смерть. Приветствую тебя, мое новое рождение!

09.09.2008

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Хвост

Человек оглянулся назад и обомлел.

– Ты кто такой? – спросил он свое ставшее видимым приобретение.

– Я – твой хвост! – гордо ответил Хвост.

– Откуда ты вообще взялся у меня сзади? – в ужасе спросил Человек.

– Я всегда был! – гордо вскинул кончик хвоста Хвост. – Просто это ты все время вплоть до настоящего момента меня практически не замечал, – укоризненно добавил он. – А я, между прочим, шествовал с тобой, можно сказать, с самого твоего рождения, ни на секунду не отрываясь.

– А почему ты у меня такой большой? – сконфузился Человек.

– А это я сам такой постепенно вырос, – Хвост раздвоился, будто расплываясь в улыбке. – Благодаря твоим ежедневным усилиям, между прочим. Чего только не сделаешь для плохих людей! – и Хвост щелкнул кончиком по мостовой так, что оттуда посыпались искры. Редкие прохожие обернулись на возникший звук, но, будто ничего не приметив, как ни в чем не бывало продолжили свои утренние шатания на нелюбимые работы.

– Они что, тебя не видят? – удивился Человек.

– Меня? Нет. Они и своих собственных хвостов то не видят – до поры до времени.

– А как тогда ты сумел проявиться?

– А вот... так. Узнаешь... чуть позже, – уклончиво ответил Хвост.

– И какой же мне может быть с тебя прок? – недоумевал Человек.

– Ну... я закручиваться могу спиралью. Красиво так, знаешь. Обовьюсь вокруг тебя, а потом к-а-а-к развернусь резко – и закрутишься ты у меня, как волчок на одном месте, ничегошеньки вокруг себя не замечая. Ну, примерно как вот эти, – и он ткнул своим кончиком в направлении старательно вталкивающихся в утренний автобус пассажиров. – А ведь они тоже люди... нормальные, как они считают, бесхвостые то есть, – истинно философски рассуждал Хвост. – Представляешь, какой их однажды ждет сюрприз? – ухмыльнулся он.

– Узнать, что они – рептилии? – не понял Человек.

– Да нет! Узнать, что они – нормальные ненормальные... ненормальные такие нормальные. И что у каждого из них есть хвост. А у некоторых из них он знаешь какой? Ого-го какой! Таким можно и гору опоясать, наверное. Тянется-потянется, оттянуться не может. Все кого-нибудь бьет, или под ноги завивается, чтобы другие, значит, об него то и споткнулись однажды.

– А ты можешь... треснуть кого-нибудь изо всех сил? – оскалился в злорадной ухмылке Человек. – Да желательно побольнее!

– Не... – развел двумя концами Хвост. – Это у тебя и без меня прекрасно получается сделать. Потому-то я и расту в последнее время не по дням, а по часам, сил набираюсь. Это чтобы тебя обвить потом посильнее аки удав. Чтобы ты, значит, дернуться уже никуда не смог.

– Ах ты! – вскрикнул Человек и попытался обернуться, чтобы схватить свой Хвост, но по мере вращения человека на месте Хвост вращался вместе с ним, так что тому никак не удавалось его поймать.

– Врешь, не возьмешь! – захохотал Хвост. – Я как эго, словно ложь!

– Цена тебе грош! – крикнул раздосадованный Человек после серии неудачных попыток поквитаться со своим хвостом.

– Меньше, быть может, но и тебе тоже! – продолжал заливаться смехом Хвост, выбивая на мостовой при каждом удобном случае все новые руады.

– Схвачу! Порублю! – начал что есть силы кричать человек. Одинокое прохожие удивленно косились на вращающегося на месте чудака и, хмыкнув что-то себе под нос, продолжали идти своей дорогой туда, куда пытались вести их собственные хвосты.

– Не... – смеялся Хвост. – Так просто ты меня не обрубешь. Я же это, как эго, трансгенный. Особенный. Самовосстанавливающийся. Отрубешь ты у меня кусочек, а я назад срastусь как ни в чем не бывало. И не прижжешь! Я эго, я ложь! – Хвост хлестал и хлестал в экстазе по мостовой.

– Порублю!

– Лучше по два. Дешево и сердито!

– Найду на тебя управу, измором возьму!

– Мою тактику перенять решил? – ухмыльнулся Хвост. – Что же, попробуй! Тут еще, знаешь, кто кого. Я же как тень... стань тенью сам, и больше меня не будет видно... вот как другим. Только всеобщая темнота скроет меня от посторонних глаз...

– Солнце! – воскликнул человек. – Свет тебя сожжет! Так, что больше не отрастешь!

– Сам догадался, да? – осклабился Хвост. – Но, боюсь, что для тебя уже слишком поздно. Обернись-ка лучше назад! – загоготал он.

Прямо навстречу человеку на полной скорости мчался грузовик. Каким-то странным образом, танцуя на кончике своего хвоста, человек, сам того не замечая, вышел на проезжую часть. Машина неслась прямо на него с невероятной скоростью, и уйти от столкновения уже не представлялось возможным. Хвост обвинил человека точно как удав, не давая ему пошевелиться. «Солнце!» – хотел было крикнуть Человек, но Хвост зажал ему рот.

– Теперь ты понимаешь, в какой момент они увидят меня? – успел шепнуть Человеку на ухо Хвост.

15.02.2013

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Шепот

- Ш-ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-у-у-у-м-м-м!
- Стой, кто идет! – встревожился воин. – Назови себя!
- Я Ш-ш-ш-ш-е-е-п-о-о-т! – прошелестел ум. – Шепот ума – ш-у-у-у-м-м!
- Не знаю таких!
- Ш-ш-ш-ш! Пропусти меня!
- Неизвестных пускать не положено!
- А если я попрош-ш-ш-у-у?
- Ты к кому? – спросил воин.
- К тебе... – ответил Шепот.
- Ко мне? Это еще зачем?
- Меш-ш-ш-ать, конечно! – прошелестел Шепот. – Шум, шалость... такая малость!
- Пошли мне еще тут!
- Ш-ш-ш-и-з-а! Я буду шептать тебе о самом главном! – пообещал Шепот. – О самом нужном, о самом ценном! Ты будешь ценить меня за мой ум. Ш-у-у-у-м-м!
- Это о чем, например? – скептически полюбопытствовал воин.
- Обо всем, что пожелаешь-ш-ш-ь! Я могу рассуждать обо всем, я не знаю усталости! Я бесценный компаньон! Я заведу тебя так далеко, как только ты захочешь!
- Не знаешь усталости?
- Я шепчу, шепчу, шепчу... о том, о сем... о всяком! Люди любят меня – я даю им пищу для ума. Жевать-не-пережевать – не делать, переживать! Я настойчивый, я очень упорный, очень убедительный. Я привел многих, очень многих... куда надо. Хочешь, приведу тебя?
- Это куда это ты меня зовешь?
- В свое... владение. Шепот ума... разума тьма! Бесконечный, бессмысленный, неостановимый процесс... прекрасно выкинутое время. Я знаю все твои самые тайные ш-ш-ш-елания... я смогу на-ш-ш-ш-ептать тебе, как их осуществить! Тебе надо только внимательно слу-ш-ш-ш-а-а-ть меня!
- Что-то ты скрываешь от меня, Шепот!
- Хочешь власти? Богатства? Славы? Комфорта и сладкой жизни? Я уже помог столь многим осуществить их самые невинные... ш-ш-ш-ш-елания! Ш-ш-ш-ш-а-лость!

- Ну и шалость...
- Малость! Все начинается с малости... Когда-то были и шалости. Но я не знаю остановки... мне хочется все больше, и больше, и больше... всего!
- А не слишком ли много?
- Меня не бывает много... есть или я, или ненавистная мне Тишина! Никакой тишины! Ш-у-у-у-м!
- Отвлекать от дел пытаешься?
- И от мыслей... нужных мыслей... ясных мыслей. Я нашептываю людям постоянно, я не даю им ясно мыслить. Я тревожу в них плохие чувства, чтобы такие мыш-ш-ш-ли никогда не проникали к ним. Не может быть ясных мыслей при неясных чувствах... Ш-ш-ш-епот!
- Ты шипишь просто как змея!
- Я ползу, проползаю, проникаю. Не сразу, не сразу... Я нахожу щели, нахожу лазейки. Я очень изворотлив, очень гибок. А потом я кусаю... Мой яд крайне опасен. Мнительность – вот мое укрытие от ясных мыслей!
- Выходит, что ты – гадюка!
- Гадость... мне в радость. Шум... подчиняет ум. Люди считают меня важным... полезным, другом. До поры до времени... до момента укуса. Ш-ш-ш-ш! Я способен отравить даже лучшие чувства... кроме очень сильных.
- Значит, умственный шепот – затмеватель разума!
- Ясные мысли... кратковременны. Коротки. Придут и уйдут, как гости. А я... постоянный житель ваших умов. Ш-ш-ш-ш! Если, конечно, их не поглотит ненавистная Ти-ш-ш-ш-ина!
- Не может быть шума при тишине!
- Но вы не умеете... быть в тиш-ш-ш-ш-ине. Вас... не научили этому в школах, ха-ха! Поэтому я буду подтачивать ваши добрые чувства... шептать, не переставая... И вы поверите... столь многие уже поверили мне... уму, не сердцу! Поверили какому-то Шепоту! Ш-ш-ш-ш!
- Поди прочь от меня, гадюка!
- Ш-ш-ш-щ-щ-ас! Только подползу... уку-ш-ш-ш-у! Станешь моим! Ш-ш-ш! Ш-ш-ш-ш! Ш-ш-то это?! Откуда эти воины?! Откуда ясные мысли? Ты же... был один! Как ты... смог? Ты... один из этого воинства? Они... твоя защита? Н... нет!

– Какой-то говорливый экземпляр Шепота нынче пошел! – улыбнулся Воин-Ясная-Мысль, вытирая конец своего меча. – Шипят, не переставая! Ну что, братишки, – обратился он к стоящим рядом с ним собратьям, – в чей бы ум нам сегодня еще наведаться, а?

15.02.2011

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Экстремизмъ

Давайте попробуем с вами представить, как могла бы выглядеть одна из громких политических акций прошлых столетий в наше время в освещении их глазами ряда СМИ.

Дело петрашевцев глазами современных СМИ

Ироническая зарисовка

Все имена невымышленные, совпадения могут быть случайными, все смыслы поучительны по определению.

Сюжет дня

Здравствуйтесь, уважаемые телезрители!

Мы рады сообщить вам, что сегодня состоялся суд по делу бандгруппы террориста Петрашевского. Напомним нашим телезрителям, что совсем недавно по доносу оперативно внедренного спецслужбами в рамки данной террористической группы агента И.П. Липранди им удалось выявить экстремистский и подрывной характер деятельности данной подпольной организации, после чего спецслужбами в рамках оперативной операции перехвата были задержаны все рядовые члены этой организации, в том числе Сергей Дуров, Александр Пальм, Алексей Плещеев, Федор Достоевский.

Под подозрением находятся и ряд других так называемых деятелей культуры и искусства, в том числе М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский и А. Майков. Всего в ходе проведения спецоперации было арестовано порядка сорока человек.

Отметим, что согласно отчету управления, проводившего спецоперацию, подозреваемые не оказали какого-либо вооруженного сопротивления органам спокойствия и правопорядка – несмотря на то, что согласно отчету Липранди считались опасными и хорошо вооруженными преступниками.

Подозреваемым инкриминируют распространение материалов экстремистского содержания, включая так называемое «Письмо Белинского к Гоголю», а также развитие по определению утопических идей французских философов и просветителей – в том числе идей социализма, общественного равенства и братства, социальной справедливости и ряда других, кои признаны подрывающими государственные устои и догмы, а также разжигающие внутринациональную рознь по межклассовому признаку.

Откровенно клеветническими признаются ряд высказываний указанных деятелей в отношении правящей партии и президента страны. Ряд философских замечаний, изреченных некоторыми из них, также может трактоваться как призывы к насильственному свержению существующего государственного строя.

Отметим, что у нескольких членов данной бандгруппы в ходе обысков были обнаружены наркотики. Подозреваемые утверждают, что они были подброшены органами правопорядка – что, впрочем, не имеет под собой каких-либо оснований. В настоящее время вся изъятая экстремистская литература конфискована и подлежит уничтожению как решительно губительная для сознания граждан нашей страны.

Все правопослушные граждане страны возмущены подобными похабными выходками этих недофилоффов. Православная церковь, а также большая часть патриотически настроенной общественности в едином порыве решительно осудили данную террористическую организацию и потребовали наказать обвиняемых по всей строгости закона.

Согласно вынесенному сегодня решению суда, именно так и произошло. С учетом всей тяжести совершенного преступления и отсутствия каких-либо смягчающих обстоятельств, верховный суд приговорил двадцати одного члена данной организации к высшей мере наказания – лишению жизни через расстреляние. Приговор будет приведен в исполнение в ближайшие дни. Приглашаем всех желающих посмотреть на это удивительное и трогательное представление!

Спасибо, это были все основные политические новости на сегодня. А теперь о погоде...

21.09.2012

*Жанр: Репортаж
Категория: Избранное*

Я всегда один

– Прости меня, но я не могу тебе этого сказать. Мы просто должны расстаться. Это все, что тебе необходимо знать.

– Но я не понимаю... разве за все это время я сделал что-то не так? Разве я причинил тебе какую-то боль? Я любил тебя и по-прежнему люблю.

– Не говори так, от этого только еще хуже.

– Но почему? Почему мы должны расстаться?

– ...У меня есть другой. Я не люблю тебя.

* * *

– Слюнтяй, нафига ты мне сдался?! Иди и читай свои серенады какой-нибудь мечтательной шестнадцатилетней дуре! Ты просто не мужик, раз не можешь обеспечить свою девушку! А таких я уже повидала в своей жизни, поверь мне – они не приживаются. Закон естественного отбора, понимаешь? Да вот ты – эволюционный брак. Либо ты перестаешь нести всякую поэтическую чепуху и показываешь мне реальные деньги, либо мы с тобой расстаемся, причем сегодня же!

– Мы расстаемся.

* * *

– Нет, не так. Да не так же. Вот... вот так... еще... еще... О... как хорошо! Еще... вот... вот так. С тобой... с тобой так... так хорошо... мне так хорошо...

– Я... я привязался к тебе... я не знаю, как... как я буду теперь один...

– Вот только не надо этого, да? Не думай, что сможешь купить меня своими словами. Ты... знаешь условия.

– Знаю... я все знаю. Иногда мне кажется, что я... слишком много знаю. Цена... цена по-прежнему та же?

– Да, та же. И давай уже договоримся – лучше валютой, а не бартером. Мы же не в каменном веке, да?

* * *

– А эти четыре года вместе – разве они ничего не значат?

Она подошла ко мне, обвила свои руки вокруг моей шеи и пристально и печально взглянула в глаза.

– Они значат для меня все. Это были лучшие годы в моей жизни – самые лучшие, поверь мне. Ты столько дал мне... я никогда еще не встречала такого человека... Наверное, я никогда больше его и не встречу. Буду жить... буду жить как... как все нормальные люди...

Ее глаза наполнились слезами. Я обнял и прижал ее к себе.

– Давай не будем расставаться, а? Ведь мы так этого хотели... быть вместе всю жизнь, до последнего дыхания.

– Боже, как бы я хотела, чтобы это действительно было так! Как бы я хотела не расставаться с тобой никогда-никогда... чтобы всегда, с каждым восходом солнца, с каждым новым днем ты приезжал ко мне... и я приезжала к тебе... и мы были друг с другом, и радовались, и печалились бы вместе... вместе... Боже, как бы я этого хотела! Но... не могу... не могу... теперь уже не могу...

– И мы все-таки вынуждены расстаться... после всего... навсегда?

– Да... навсегда. И ты знаешь об этом. Ты знаешь... у меня теперь есть законный муж, и я не могу его бросить... не могу.

* * *

– Ты знаешь, теперь мне начинает казаться, что я уже никогда на встречу ее. Ту единственную ее, которую бы я по-настоящему полюбил... которая бы полюбила меня... которая смогла бы стать взаправду единственной женщиной в моей жизни.

– Мне кажется, ты слишком рано делаешь выводы. Еще не все потеряно.

– Но и не все найдено. Да и будет ли найдено? Насколько же мал шанс, что из всего того многообразия людей я смогу выделить и найти ее! Пожалуй, больше я не буду пытаться, я слишком устал от этой погони за призраками, слишком устал... Пожалуй, теперь я буду один – всегда один. Так же, как я и пришел в этот мир одиноким, так же мне придется и уйти из него.

– Всем нам придется. Но это не значит, что мы будем одиноки в нашем пути от этих начала и до конца. Ты еще встретишь ее, я уверен.

– Может быть. Может быть, этот единственный день настанет, когда я встречу ее... наконец-то встречу. Может быть. Мне очень хочется в это верить.

16.01.2006

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Я чувствую

Я чувствую, что не принадлежу этому миру, хотя теперь это и мой дом.

Я чувствую, что я грешник и святой одновременно – все в одном.

Я чувствую, что оступался и падал ранее, лишь чтобы затем взлететь еще выше.

Я чувствую, что мне нет нужды повторять ошибки прошлых путей вновь.

Я чувствую, что недавно прошел через очередное испытание – но еще больше ожидают меня в моем пути впереди.

Я чувствую, что уже испытывал на себе ранее все те простые жизненные наслаждения, о которых мечтают многие, – и нашел их ничего не стоящими.

Я чувствую, что я забыл свою подлинную природу и потерял свое прошлое в лабиринте собственных жизней.

Я чувствую, что мог каким-то образом летать ранее, но не могу точно вспомнить время и форму.

Я чувствую, что моя дорога редка – но она будет непростой.

Я чувствую, что множество алмазов моего пути все еще остаются ненайденными.

Я чувствую, что мое желание собственного преображения привело в действие какие-то нити судьбы, и теперь я должен доказать свою ценность перед мирозданием.

Я чувствую, что вселенная является постоянно эволюционирующим, живым существом, и все мы связаны между собой невидимыми нитями.

Я чувствую, что должен нырнуть в себя еще глубже, чтобы раскрыть свое прошлое.

Я чувствую, что у меня много лиц... столько личностей постоянно бурлят во мне, борясь за мое внимание к ним. Я являюсь ими всеми – и в то же время кем-то совершенно иным.

Я чувствую, что пробудился, но лишь частично. Я перестану существовать как привычное мне «я», когда посмею окончательно раскрыть все еще закрытые глаза.

Я чувствую, что не смог бы пробудиться даже до такой степени, если бы стал прислушиваться к «житейской мудрости» других людей.

Я чувствую, что знаю основные вехи собственного пути, хотя их подробности до сих пор остаются скрытыми.

Я чувствую, что мои цели верны, но только для меня. Мое эго должно быть уничтожено в ходе собственного пробуждения для того, чтобы новая сущность могла родиться.

Я чувствую, что счастье делает меня легче, – и все же я не могу летать.

Я чувствую, что не могу назвать ни одну из стран родиной, и даже Земля не является моим подлинным домом.

Я чувствую, что мне нет необходимости принадлежать к какой-либо организованной группе людей, хотя я и мог бы – просто, чтобы наслаждаться их изучением.

Я чувствую, что мог говорить ранее на большем количестве языков, хотя сейчас и привязан к двум, один из которых выглядит столь знакомым. Выучил ли я вновь один из них?

Я чувствую, что иногда могу ощущать эмоции людей, окутывающие меня и невидимые иными.

Я чувствую, что люди еще не знают о той внутренней силе, которой они обладают, поскольку это знание может быть опасно для них самих.

Я чувствую, что пути нас всех переплетаются удивительным образом и случайных событий не существует.

Я чувствую, что все мы обладаем определенным творческим потенциалом, но многие из нас предпочли закопать свой дар, чтобы выглядеть нормальными.

Я чувствую, что ряду интересных событий, определяющих будущее этого мира, еще предстоит произойти.

Я чувствую, что все мы должны стать лучше, чем мы есть, если хотим выжить.

Я чувствую, что всегда буду оставаться здесь немного «не в своей тарелке», хотя и мог бы принять некоторые из тех правил, по которым живут другие... на всякий случай.

Я чувствую себя теперь подобно ребенку, хотя мой ум по-прежнему взрослый.

Я чувствую, что никогда не перестану искать мудрости – да и не хочу переставать.

Я чувствую, что я мог бы пойти в другом направлении, но мой конечный пункт назначения остался бы прежним.

Я чувствую, что я все еще человек снаружи – да это и к лучшему.

Я чувствую, что мой путь никогда не заканчивается – и я рад этому.

Я чувствую, что мне помогают идти по моему пути, хотя и не вижу своего проводника.

Я чувствую, что я далеко не единственный, кто ощущает себя подобным образом – однако таких людей мало.

Я чувствую, что мог бы сказать больше – но и сказанного уже достаточно.

Я чувствую, что мне стоит помолчать... немного.

13.08.2009

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

Л – значит люди

Безымянный

- Да, док? Что у вас?
- Новенький. Наши ребята подхватили из ночлежки.
- Униженный и оскорбленный, так сказать?
- Вроде как. Бродил, распевал песни. Под нос свои бредни еще шептал, пока везли то его сюда – думал, поди, что и не слышим вовсе, – а нет, слышали хренотень его всю, как есть слышали! Ну-с, куда определять то будем, а? Горяченький еще – свежесхваченный, так сказать.
- А что именно за бредни то хоть? Опять что-нибудь про Конец Света, поди? Ныне у нас этих доморощенных Нострадамусов в наших палатах уже итак навалом.
- Ну... не совсем про то... вроде как. Вы знаете, док, я особо-то не прислушивался к всяческой его ахинее – здоровым оставаться, знаете ли, стремлюсь. Но кое-что все же услышал.
- Любопытненько-парнокопытненько! Давайте, валяйте, – оголяйте, чтоли, правду-матку!
- Ну... в общем... говорил он, прежде всего, о том, что вроде как давно он уже здесь живет.
- В ночлежке то той?
- Да нет, в том то и дело-с! На Земле давно живет! Что он, якобы, вроде как почти бессмертен, что ли. Что вновь пришел ко всем нам, так как был позван.
- Позван? Интересно, кем? Уж не своим больным ли воображением, хм?
- Не знаю, кем – он не отвечал. Ну, вот, значит, был позван-с, и не один причем, а вместе с другими – ну, вроде как братьями, или что-то типа того. Призванниками, так сказать. Что они все пришли помочь нам проснуться, потому что время уже близко.
- Время, говорите? Что за время то? Не половина ль двенадцатого уже у нас на часах время, ха-ха?
- Да нет, время вроде как предназначенное, предначертанное.
- А проснуться – это как? Мы с вами вроде итак как не спим, или я уже чего-то не понимаю в этой нашей с вами жизни, м-м-м?
- А леший его знает! Он еще говорил, что мы спим с открытыми глазами, и что таковым, ну... вроде как туго придется, когда придет это самое время. Что время не будет ждать тех, кто не готов проснуться.
- Любопытненько!

– Москитненько! Блин, док, вы дальше слушайте, чего он вещал то! Говорил он еще, что вспомнил себя, – ну, или что ему помогли вспомнить. Что раньше орудовал мечом в боях праведных, а ныне железный меч на меч невидимый словесный заменил, еще острее тьму сердец человеческих разящий. Что он по крупяцам собирает жемчужины своих прошлых путей, в грязи мира разбросанные и позабытые... что-то там про дежавю еще говорил. Что ищет свою семью – подлинную, настоящую семью, близких по духу. Что пробудился частично, что желает уже, наконец, окончательно раскрыть полузакрытые вроде как глаза. Что у него много имен – и нет одновременно. Что он родился, умирал и забывал, родился, умирал и вновь забывал...

– Амнезия-с?

– Еще под конец он говорил, что мир очень скоро изменится... сильно изменится. Что многие даже не успеют осознать... осознают – но поздно... вся грязь всплывет на поверхность и станет видна в приглушенном свете... Что мы должны любить друг друга, ценить жизнь, верить... Я там, знаете, особо не слушал уже потом.

– Ну, правильно-с, что не слушали. Чего их, чокнутых, слушать! Чтоб здоровыми остаться, надо меньше...

– Издеваться! Док, вы не дослушали! Он потом, значит, ко мне подошел – ну, когда его уже в машине везли мы с ребятами сюда... спокойно так подошел, сел, взглянул в глаза... Док, вы бы видели, что у него было в глазах... такая смесь грусти и вместе с тем какой-то внутренней радости, умиротворенности чтоли, это просто не передать – я в них чуть не утонул в тот миг, док! А потом он мне в глаза смотреть начал, и у меня – слово даю! – вот прямо мурашки по спине побежали как будто... он как будто душу мою читать как книгу открытую начал, понимаете? Вот прямо такое ощущение и было! А потом еще взял – да и начал рассказывать все о жизни моей, и судьбе, и доле – и что меня гложет, и почему я таким стал, какой я есть ныне, и что пусть я и маленький человек, но и мне роль своя хорошая предназначена... все рассказал! Я ж даже сказать ничего не мог в тот миг просто от изумления – смотрю в его глаза эти грустные и рот открытым держу как псих последний!

– Да вы, коллега, психов то больше слушайте, авось и слюнка то у вас из ротика еще побежит! Ладно, хватит. В шестую палату его определите рядом со вторым Наполеоном. Там ему самое место – и самое время.

– Время... да, хм... самое время.

– Ну, а документы то у него хоть были с собой? Как мне прикажете его записать то по документам у нас?

– А вы знаете, док, что самое странное, – и говоривший грустно взглянул на своего ментора, – не было у него документов... И он ведь так и просил называть себя – Безымянным...

01.11.2010

Жанр: Диалог
Категория: Признанное

Болезный

– Вот вы говорите – «любовь». А что это такое, в сущности, любовь? Ее вообще хоть кто-нибудь когда-нибудь видел, щупал? Сущая физиология эта ваша так называемая любовь, и не иначе! Собственно, самые передовые ученые нашего технологичного века недавно как раз и доказали, что это не более чем определенного рода физическое недомогание, вызванное повышенным содержанием в крови испытуемого определенного рода гормонов... Безумное сияние человеческих глаз, откровенно идиотские улыбки на лицах, совершенно нездоровая эйфория, отсутствие сосредоточенности, беспристрастности и способности к холодному и тщательному анализу объективной действительности... болезнь, не правда ли?

– Вы понимаете, к чему вы клоните и куда вы придете?

– О, не переживайте так за мою судьбу, умоляю вас – я все прекрасно понимаю! Степень доктора биологических наук ведь хоть что-то да значит, верно?

– В другом мире она не значит ничего.

– Меня, знаете ли, вполне устроит и этот. Для начала.

– Для начала конца?

– Для начала всеобщего торжества научного и исключительно рассудочно-рационального подхода во всех сферах человеческих отношений, разумеется. И, конечно же, «бионики и психопатики чувств» как передового направления нейробиологии. Любовь – это суть не более, чем фикция, придуманная этими вашими поэтами-романтиками и прочими шизатериками. Физиологическое влечение полов вполне объяснимо с точки зрения эндорфинно-биотического анализа протекающих в организмах человеческих существ молекулярных процессов...

– Вы никогда не любили, верно? Именно поэтому вы не дадите любить другим.

– О, позвольте, позвольте! Никто из нас не запрещает вам «любить» друг друга хоть восемь раз на дню. Но только не называйте банальные физиологические потребности таким термином.

– А как же близость и родство душ?

– А никаких душ и нет. Ни у вас, ни у меня, ни у кого бы то ни было. Материя – она, как говорится, и в Африке материя. В сущности, все наше существование – не более, чем некоторого рода фикция. Случайное стечение обстоятельств, если хотите. Непредсказуемая возможность, которая, в соответствии с теорией случайных чисел...

– Выходит, что вы случайны?

– Напротив, случайны все вы! А мы лишь умело поддерживаем в вас эту иллюзию.

– Но... как... кто вы?

– Мы – чужие мысли. Глупые, ничтожные... но такие приставучие и убедительные... А вы – пешки в наших руках. Мы управляем вами через поработанных нами людей...

– Ах ты! Прочь, зараза!

– Вы случайны... случайны... случайны... Все случайно... случайно... случайно. Вас нет... любви нет... радости нет... света нет... будущего нет... есть только мы... мы... мы...

* * *

– Фу, блин! Надо же такому привидеться! – произнес Василий, продирая глаза.

– Это все от постоянного недосыпания, не иначе. Лектор дрянной еще опять что-то невнятно бормочет за кафедрой... немудрено тут заснуть.

– Васька, а, Васька! Ты чего, задрых, что ли? – и Ленка ткнула своего соседа по парте, а также по совершенно неслучайному стечению обстоятельств еще и возлюбленного, рукой в бок. – Слышь, чего лектор то мелет? Дескать, любовь недавно была классифицирована учеными как болезнь и даже получила определенный номер в научной литературе. Ты веришь ему, Васька?

– Да пошел он! – махнул рукой Василий. – Сам не любил и другим не даст. Скоро еще и совесть болезнью назовут, не иначе. Слушай... а давай прямо после пары вместе в кино сходим?

– Давай! – улыбнулась Ленка и положила свою голову Василию на плечо, томно взглянув при этом в глаза. – Любимый... – нежно прошептала она.

– Единственная моя... – всей душою отозвался он.

12.04.2013

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Впереди – жизнь

«Ах ты!» – крик вослед.

Маленький мальчик двенадцати или тринадцати лет – еще совсем подросток – сорвался с места и побежал прочь. Они, конечно, побегут за ним – побегут за вором...

Надо было оторваться – во что бы то ни стало. Пара кварталов – а там спасительный подъезд... спасительный подвал, где можно залечь и затаиться, затаиться до тех пор, пока организм снова не потребует доли – доли еды и... и того, что помогало ему скоротать эти мучительные дни одиночества. Жизни без крова, без родителей, без всего – жизни наедине с самим собой и тем, что он купит на сворованные деньги. На ходу он открыл сумку... бумажник... так... две... три купюры... две тысячи рублей! Эти люди определенно собирались купить что-то сегодня. Какая досада – им это не удастся... но зато удастся ему!

Он обернулся на бегу и чуть было не вскрикнул от испуга. Мужчина догонял его – расстояние медленно, но все же верно сокращалось. Ему в его тринадцать лет было не тягаться со взрослым и здоровым человеком.

Два квартала, всего лишь два квартала, и он спасен! Он резко свернул в боковой проход между домами. Надо запутать следы – и тогда он сможет уйти... и тогда он должен уйти.

Вперед, вперед, вперед! Ноги, выручайте, вы уже ни единожды спасали меня в уличных столкновениях – помогите же и на этот раз!

Быстрый-быстрый бег вприпрыжку по переулкам, вертящаяся в голове одинокая мысль «Доберусь...» Да, доберусь!

Резкий взмах и поворот головы – бежавший за ним мужчина вынырнул из-за угла.

Не удалось, не удалось обмануть... преследователь видимо заметил, куда я свернул! Сейчас догонит... сто метров... девяносто... восемьдесят... семьдесят...

Вот он, здесь. Здесь его дом. Дом... вернее то, что с очень-очень большой долей сомнения можно было бы назвать домом. Здесь его спасение.

Нельзя, чтобы это место было раскрыто – надо увести догонявшего. Недавний воришка побежал прочь от дома в соседний переулок, мужчина – за ним.

Так... вверх по лестницам, потом съедем на лифте. Вверх, вверх! Топот шагов за спиной...

Только бы успеть, только бы добраться! Все... последний этаж... хоть бы хватило времени, чтобы оторваться! Вдавленная до упора кнопка лифта... открывающиеся и закрывающиеся обитые железом дверцы. Он заскочил внутрь.

Успел? Не заметили?

Первый этаж. Выскочивший из лифта задыхающийся подросток – еще совсем ребенок... И снова – бег, отчаянный, на последнем дыхании – бег. Бег во спасение.

Вот оно – его убежище, что ни раз уже спасало его от невзгод, от напастей и гнева других – спасало от чего угодно, но только не от самого себя...

Он вбежал в дом, открыл и прикрыл дверь подвала. Сейчас у него нет времени ее баррикадировать. Надо затаиться, надо не подавать признаков жизни! Тогда удастся обмануть... должно удался.

Капающие с потолка капли. Запах горелого, идущий откуда-то из глубины. Зажавшийся в угол подросток – еще совсем ребенок. Тихое-тихое дыхание в ладошки – чтобы не было слышно. Десять секунд, двадцать, тридцать... Спасен?

Медленно открывающаяся дверь... лучи света, ударившие в лицо и осветившие фигуру на пороге... устремленный к нему взгляд.

Улыбка? Он улыбается? Он все-таки нашел его – и теперь улыбается?! Наверное, предвкушает предстоящую расправу...

Спокойный и исполненный внутреннего достоинства голос...

«Ну, не прячься. всю жизнь прятаться – ведь ты не намерен так жить, да? Иди же сюда. Да не бойся ты, что же ты еще сильнее зажимаешься в этот грязный угол, как будто он может служить тебе спасением в твоей жизни? Не буду я тебя ругать и бить – ты итак уже страдаешь, зачем я буду добавлять страданий тебе? Ну, давай. Я даже оставлю тебе часть тех денег, что ты своровал. Может быть, даже все – если ты потратишь их разумно».

Зовет к себе... Ловушка? Возможно. Почти наверняка.

Но уж как-то слишком тепло и убедительно звучит его голос. Другие люди говорили не так... да! – они говорили совсем не так, если им все же удавалось его настигнуть... Да и... что ему сейчас стоит просто подойти к нему и отобрать украденное? Но ведь не подходит же... что-то говорит там... Отдаст все деньги? Ну-ну, так я тебе и поверил... такого не бывает.

«Что же ты боишься? Ведь я пообещал не причинять тебе вреда. Не веришь... да, ты пока еще слишком напуган и ожесточен, чтобы начать доверять людям... но ты преодолеешь это – вот увидишь! Ладно, не выходишь... Тогда я сам спущусь к тебе».

Подходит... спускается! Все, конец! Он совсем вжался в угол...

«Что же это у тебя за дом то такой... А это что? Клей? Глупыш, ну разве может эта гадость заменить реальную жизнь! Ладно, вставай. Не стоит жаться в этот грязный угол. Вставай, я помогу тебе».

Сильные руки, сейчас совсем аккуратно взявшие его. Он робко поднял на человека глаза и невольно залюбовался. Мужественное и смелое лицо... улыбка на губах... внимательный и – участливый? – взгляд, как будто просматривающий тебя насквозь и видящий каждое твое побуждение, каждую твою мечту...

«Пошли, воришка», – человек вновь улыбнулся. «Пойдем, тебе не место здесь – у тебя есть другие пути. Ты это очень скоро поймешь. Да не стоит возвращать мне эти деньги, оставь себе – оставь, что называется, на карманные расходы. Но смотри – я проверю, как ты потратил их.

Куда мы идем? Ко мне домой – он лучше твоего затхлого подвала. Ты будешь жить со мной. Ведь ты всегда мечтал иметь отца, да? Я стану для тебя им – до тех пор, пока твой путь не позовет тебя.

У тебя впереди – жизнь. Пусть она будет достойной – ты сам сможешь сделать ее такой, ты заслужил это. А я – я лишь помогу тебе на твоем пути, помогу сделать первые шаги... Дальше ты будешь идти – сам. Я помогу тебе, я хочу помочь тебе – хочу, чтобы ты увидел – жизнь. Жизнь, говорю тебе, а не ее потемки! Возьмись крепче за руку. Следуй за мной».

* * *

Две медленно удаляющиеся фигуры – мужчина и маленький мальчик. У обоих подняты лица, и взгляд устремлен куда-то высоко в небеса... Оживленный веселый разговор о чем-то. Смех и улыбки.

Впереди – жизнь.

28.12.2004

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Гламур

Крысота пасет мыр

– Гой-хэй, а вот и я! Привет-привет, раба моя! – пропел Гламур, внезапно выскочив из-за угла, и широко раскинул руки в желании схватить свою новую подопечную как можно крепче и удержать как можно дольше. – Привет, Мымра! – без обиняков добавил он. – Как делишки?

– Как у мальчишки! – фыркнула Мымра и надула губки. – Вечно ты со своими глупыми шуточками вот так вот и заявляешься. А я, между прочим, женщина светская, элегантная, современная. И очень...

– Гламурная! – подхватил ее игру Гламур.

– Ну да, а как же иначе, – сконфузилась было Мымра. – Гламур правит миром!

– Точно-точно! – подтвердил Гламур. – Такими, как вы, я не премину править. Я могуч, я приставуч, луч я света среди туч!

– Слушай, Гламур, – внезапно сменила тему Мымра, – как считаешь, идет мне вот это платье с таким вырезом сзади? – и она повернулась к Гламуру спиной в предвкушении бесчестной оценки.

– Идет ли? О, да! – сладко проворковал Гламур после секундного замешательства. – Мымам все всегда идет, с рук им многое сойдет! – добавил он.

– Я так и чувствовала, что тебе понравится, – зарделась Мымра. – Очень современное и креативное платье, огромных денег стоит, между прочим!

– Твой новый спонсор одолжил? – догадался Гламур. – А с прошлым хахалем твоим что случилось?

– Да пошел он! – съязвила Мымра, но улыбнулась. – Мне такие скупердяи, как бывший, и без надобности вовсе. Только тело на них свое тратить!

– Тело – это да... хороший товар, – согласился Гламур. – Ценный, до поры до времени. И кто, как не я, может научить вас, мыр, как им успешно приторговывать? – подмигнул Гламур. – Коттедж то хоть у бывшего своего отсудить догадалась? Как-никак, полгода вместе жили – целую, можно сказать, жизнь свою бесценную ты всю ему посвятила без остатка!

– В процессе, – отстраненно ответила Мымра. – Документы вот сейчас с юристом оформляем.

– А, дак это он – твой новый поклонник? – расхохотался Гламур. – Ну, ясно, ясно. Шустрая ты у меня растешь, молодец, хвалю! Этому дала, этому дала, а с этим – лишь «дела».

– Да и этому я дам, коль завалит златом дам! – неожиданно подхватила рифму Мымра. – А как тебе вот эта тушь для ресниц и помадка? – вновь сменила она тему.

– Очень сексуально! – одобрил Гламур. – С такими губами ты всех до смерти зацеловать можешь, – добавил он, одобрительно осматривая Мымру с ног до головы и кивая своей собственной. – Ну а потом и я тебя тоже, – шепнул он чуть тише.

– Что-что? – не поняла Мымра.

– Не отвлекайся! – перебил ее Гламур. – Лучше ножки и ручки с педикюром еще заценить мне дай! Что же, годится, – добавил он после небольшой паузы. – Всем конкуренткам глаза выцарапать сможешь при желании!

– Все женщины – кошки! – довольно согласилась Мымра.

– Да, но не все из них стервы, – устало согласился Гламур.

– Это ты о чем? – опять не поняла своего собеседника Мымра.

– О своем, о грустном. Не удастся мне всех женщин мымрами сделать, а жаль. Целомудрие тут некоторым, понимаешь, подавай! А целомудрие – оно что? Как нужда прижмет, так и пойдут они все дорожкой своей мной для них уготованной. Ну, за исключением самых стойких, быть может. Эх! – вздохнул было Гламур, но внезапно вновь повеселел. – Вот это я понимаю, красава! – пропел он. – Даже не мымра, а Мымрочка ты моя ненаглядная! Тут хоть стой, хоть падай куда-нибудь вместе с тобой.

– Ага, – согласилась Мымра. – Утащу и не пушу!

– Потому я не грущу! – подхватил рифму Гламур.

– Да ты поэт! – всплеснула руками Мымра.

– Несу я бред! – согласился Гламур. – Чтоб погасить духовный свет!

– Чего-чего? – опять не поняла его собеседница.

– Да не отвлекайся! – успокаивающе заметил Гламур. – Тебе ж сегодня такая удивительная встреча предстоит, что прямо вообще!

– Да, – согласилась Мымра. – Этот юрист просто отпад мужчина! И, главное, что денег у него – куры не клюют, как я поняла! Не жизнь будет, а сказка.

– Ты ж и его бросишь? – поднял бровь Гламур.

– Конечно, и все по твоему совету! – подмигнула Мымра.

– Да, – согласился Гламур, – но все-таки по своей воле. Кстати, я тебе еще один журнальчик тут принес, – добавил он и протянул ей пакет. – Последние пiski моды, мужчины-что-сплошь-уроды, шоппинг, курвинг, стервинг, и так далее, и всякое тому подобное, – присовокупил он. – В общем, подружке своей передашь!

– Какой ты заботливый! – скривила губки Мымра. – А почему подружке, а не мне лично?

– Да-к он тебе уже и не понадобится, – устало вздохнул Гламур и отвернул лицо.
– Кстати, с секунды на секунду к тебе как раз должны прийти, – и он взглянул на свою руку, сверяя часы.

– Дзинь! – практически в эту же секунду прозвенел дверной звонок.

– Ну и дела! – испуганно вскочила Мымра. – Кого это еще принесло так не вовремя?

– Да нет, как раз вовремя, – буднично ответил Гламур. – Я бы даже сказал – строго по расписанию. Ну, чего стоишь и мнешься то? – окликнул он Мымру. – Давай, иди, открывай уже. Та самая долгожданная встреча, о которой я уже успел тебе сказать!

– З... здравствуйте, – еле ворочая языком пробормотала Мымра, как только неожиданный гость оказался на пороге. – Э... это шутка такая, да? Костюмерный розыгрыш?

– Здравствуйте, – отрекомендовалась гостя в черном, закутывающей ее с ног до головы плаще, продолжая держать в своих руках сверкающую даже при дневном свете косу. – Я – Смерть, – буднично-отстраненно-ледяным-и-берущим-за-душу голосом отрекомендовалась Смерть. – Это ведь здесь проживает госпожа Стерва?

– Мымра, – не менее буднично и отстраненно уточнил Гламур. – Хотя и Стерва она – ну просто хоть куда! – добавил он.

– Я – за вами, – обратилась совершенно, как это и водится, неожиданная гостя. – Время пришло.

– К... как... пришло? – продолжала непонимающе бормотать Мымра, тяжело опустившись на пол. – Я... я не ждала. Я... еще так молода. Мне еще... жить и жить! – начала было всхлипывать она.

– Да нет, все верно, – утвердительно подтвердила Смерть, продолжая водить костлявым пальцем по неизвестно откуда взявшейся во второй ее руке книге. – Как и было обговорено с вами ранее, до вашего прихода сюда. Время точно расчетное, шанс на исправление последний... Все верно. Ну, а как вы этим временем решили воспользоваться – это уже было ваше личное дело.

– Да-да, – радостно подхватил Гламур. – Свободная воля!

– Ты... обманул меня! – с ненавистью взглянула на него Мымра. – Ты... не сказал!

– А ты и не спрашивала! – ехидно хихикнул тот и показал Мымре язык. – Ты так сладко проводила время, что ни о чем ином и думать то не смела. О смысле жизни, например. Да мало ли о чем!

– Время на исходе, – холодно ответила Смерть. – Пора уходить.

– А сколько еще сегодня уходят? – обратился Гламур ко Смерти.

– Много, – холодно ответила та. – Пойдем, нам пора, – повернулась она к Мымре.

- К... куда... пора?
- В другой мир. Готовиться держать ответ.
- Всем твоим спонсорам – привет! – расхохотался Гламур. – Кстати, за ними скоро тоже придут. А они так и не поняли, зачем живут.
- Мало кто понимает, – отстраненно ответила Смерть. – Им не до того ныне.
- Гламур правит миром! – вновь расхохотался Гламур.
- Была бы моя воля – удушила бы! – холодно взглянула на него Смерть. – Стольких ко мне отправил, а некоторых еще и раньше времени.
- Все люди смертны, – философски ответил Гламур. – Ну, давай, не канителься!
- и он ткнул Мымру кулаком в бок. – Не уйти не получится. Во всяком случае, не тебе.
- Сволочь! – с ненавистью прошипела Мымра в ответ.
- Да, ты, конечно, сволочь порядочная, – подтвердил тот. – Очень, я бы сказал, гламурная такая!
- Сволочь! – вновь успела прошипеть та в ответ прежде, чем Смерть обняла ее своими руками, и они обе исчезли в легкой сероватой дымке.
- Ну вот, – удовлетворенно хмыкнул Гламур. – Еще одной рабой меньше. И как они только не поймут, что не в гламуре счастье? – вполне буднично добавил он.

04.03.2013

Жанр: Рассказ
Категория: Признанное

Знак Пути

Грязь. Слякоть. Сырость. Запах тления. Капающая с потолка вода.

Здесь всегда было так. Никто не собирался ремонтировать этот подвал, а жильцам дома это было не важно, совсем – неважно. Им были не важны и не нужны они, не нужны – практически никому.

Только единицы помогали им, откликались на их просьбы – совсем-совсем простые просьбы, совсем не сложные для этих обеспеченных жильцов. Подать немного денег – сколько смогут, сколько не жалко. Дать хоть небольшой кусок хлеба – ведь они умирали с голоду.

Практически никто не помогал им. Помогали – единицы.

Почему? Почему? Почему?

А ведь сколько смелости им надо было набраться, чтобы обратиться хоть к кому-нибудь! Чтобы обращаться за помощью в том состоянии, в каком они пребывали теперь. Чтобы выдерживать взгляд, подчас полный неприязни и презрения.

За что же люди презирали их? За то, что, когда погиб их отец, а мать тоже покинула их, задохнувшись в приступе какой-то свирепой болезни... а, когда это случилось, государство забрало себе их квартиру? За то ли, что с тех пор они были вынуждены скитаться по дворам и подвалам, всеми правдами и неправдами добывая себе кусок хлеба? Очень-очень редко воровать, чаще всего – просто просить помочь хоть чем-нибудь, чем не жалко. У них оставалась единственная возможность выживать – искренняя человеческая просьба, обращение к сердцам людей... Но им помогали – единицы.

За что же люди не только не помогали им, но и гнали их прочь? За их жизнь, за то, как они стали теми, кем они стали? Неужели за это? Но за что здесь можно презирать?

Сегодня они снова собрались здесь, в душном и грязном подвале – лучшем, что им удалось найти за несколько месяцев. Собрались, чтобы обсудить итоги дня – поделиться друг с другом тем, что каждому из них удалось найти... если, конечно, удалось.

Они не прятали друг от друга ничего – не прятали, ссылаясь на неблагоприятные обстоятельства. Делились друг с другом всем тем, что каждому из них удалось найти за прошедший день. Им, выдерживавшим такие лишения, была неведома заносчивость и жадность, презрение и эгоизм. Они помогали друг другу... они – два брата и сестра. Два шестнадцатилетних подростка и четырнадцатилетняя девочка.

Три года они уже жили так – так, как удавалось, как они могли. Они выдержали эти три года такой жизни... сколько еще им предстоит выдержать? Месяц, год, десятилетие? Нет, об этом лучше и не думать, совсем не думать. Совсем.

Упрямый разум не давал покоя, даже теперь – не давал. Пытался найти пути спасения, высчитать возможности вылезти из этой темной и грязной зловонной дыры на свет Божий. Выйти в мир – хороший и чистый мир, а не эту его жалкую карикатуру. Выходит, что им придется познавать это состояние мира, только это. Но как же тогда все те великие дела и свершения, о которых так мечталось в детстве, что будет с ними?

Погибнут? Или выживут? Должны выжить.

Они должны выжить, чтобы выжили и воплотились в жизнь их мечты. Их светлые мечты должны выжить в их сердцах, чтобы выжили уже они, выжили – как люди. Значит, они выживут. Обязательно. А потом свои мечты они воплотят в жизнь.

Его размышления внезапно прервал тонкий и высокий голос – голос его сестры, только что прибежавшей с улицы, вернувшейся в это жалкое подобие дома.

– Паша, Паша, смотри, что я сегодня нашла. Подойди скорее, ну подойди же!

Он взглянул. В руках у нее был яблочный пирог. Большой яблочный пирог – уже слегка засохший и испачканный, с большой откушенной частью. Изголодалась, бедняга...

– Ваня, Паша, держите, берите все. Я уже поела, меня накормили. Замечательная добрая бабушка, одна на несколько лестничных пролетов. Одна такая. Она напоила меня теплым и сладким-сладким чаем с вареньем. Представляете? Я никогда в жизни после смерти мамы и папы не пробовала такой вкуснятины! Она дала поесть пирогов, а когда я сказала, что у меня еще есть два брата, то она долго что-то искала и сокрушалась. А потом она сказала, что сейчас у нее практически нет ничего съестного для них, так как сама она уже не ходит, а еду ей покупают и приносят ее сыновья. Пирог, этот пирог – она сказала, что испекла его сама, и это все, что у нее сейчас есть для них. Она дала мне его для вас, а потом сказала, что если мне будет голодно и страшно, то я смогу снова зайти к ней, и она согреет и накормит меня. Вот так. Представляете, как это здорово!

Пока она, сбиваясь и коверкая слова, тараторила все это, он подошел и тихо сел рядом. Посмотрел на нее – она дрожала. Тогда он обнял ее и прижал к себе. Пускай согреется, пускай успокоится. Она молодец, добыла хорошую еду. Даже им вдвоем не всегда удавалось такое. Молодец.

«Ты молодец», – сказал он ей. Она улынулась. «Я старалась», – услышал он.

Сейчас они поедят и согреются. Организм послушно возьмет предлагаемую пищу и преобразует ее в тепло. На сегодня им должно хватить – а завтра придется все повторять с начала. И так каждый день...

Месяц? Год? Десятилетие?

Без видимой возможности вырваться из этого круга. Она, безусловно, существует – вот только он не может ее найти. Но он найдет, обязательно найдет. Ради них – ради его младшего брата, ради его сестренки – он найдет выход, обязательно найдет. Обязан найти.

Медленно капали капли с потолка. Медленно тянулось время. Он сидел и размышлял. Вспоминал свою прошлую беззаботную жизнь... как ему теперь не хватает ее! Им всем не хватает ласки родителей, их тепла и заботы. Жизнь очень рано заставила их стать совсем-совсем взрослыми, выкинув прочь из детства. Значит, это было зачем-то нужно. Зачем-то нужно...

Научить их не бояться лишений? Научить быть добрее и терпимее к людям – теперь, когда их самих мало кто терпел? Научить способности понимать боль и тяготу других – таких же, как они сами? Возможно, вполне возможно.

Но вот только он из всех жизненных уроков лучше всех, похоже, выучил урок сострадания и взаимопомощи – он не мог представить свою жизнь без помощи брату и сестренке. Он был обязан помочь им выбраться из этой дыры...

Вот сейчас его милая сестренка как-то забавно причмокнула во сне и перевернулась на другой бок, так и не выпустив край его куртки из своих маленьких рук. Он развернулся и снова укрыл ее – пусть хоть дурацкий холод не тревожит ее сон... А рядом с ними, буквально в двух метрах, заснул его брат – заснул, свернувшись калачиком... тоже замерз и оголодал. Они все замерзли и оголодали за последние дни... за последнюю тысячу дней.

А ведь у них даже не было возможности заработать хоть какие-то деньги – заработать своим, пускай еще детским, но совершенно самозабвенным трудом. Он стал бы таким, если бы ему удалось найти хоть какую-нибудь работу. Но – не удавалось. Никто, никто, никто не брал их – тут же выгоняли прочь при первом же брошенном на него взгляде.

«Люди, – порой так хотелось крикнуть ему вслед тем дававшим подзатыльники и тумачи мужчинам, брезгливо морщащимся разукрашенным девицам, что-то быстро начинавшим шептать этим самым мужчинам на ухо при первом его появлении перед ними, – люди! За что же вы гоните меня и не даете ни единой возможности вылезти из той жуткой дыры, в которой я оказался? Ведь я же пытаюсь это сделать, пытаюсь изменить свою жизнь! Я сейчас даже не прошу ничего у вас – хочу только получить возможность заработать хоть что-то, хоть на еду. За что вы все презираете меня? Ведь вы же не знаете, совсем не знаете тех тягот и лишений, которые мне и моему братику с сестренкой пришлось пережить!

Знаете ли вы, что это такое – жить без крыши над головой, без дома... Жить так, как живу я – надеясь только на себя, свои руки и свою голову? Жить, будучи готовым каждый день прекратить эту жизнь – прекратить, просто погибнув от голода? Знаете ли вы, люди, что это за жизнь? Не хотите знать? Я тоже не хотел, совсем-совсем не хотел – но пришлось. А теперь, теперь я не могу ничего сделать. Почти совсем ничего...»

Неужели я и вправду не могу сделать почти совсем ничего... неужели это так? Ведь если не найти хоть какой-нибудь постоянный источник пищи и тепла – они неминуемо погибнут. Погибнут, и... и все?

Если он не сможет заработать хоть что-нибудь, хоть чуть-чуть, то... его сестренке придется... придется... Нет, нет, нет! Дурацкий разум, замолчи, замолчи, замолчи! Этого не будет никогда. Никогда! Я не допущу! Хотя разобьюсь об пороги, вымалывая работу – но не допущу!

А ведь она, Нина, могла бы стать истинной принцессой – может быть, лучиком света для множества людей. У нее всегда, с самого своего рождения был дар играть жизнь – совсем-совсем мило играть, совсем непосредственно. Она и сейчас жила так – ребенком, она оставалась ребенком в этой какофонии их жизни. Она могла бы стать прекрасной актрисой – актрисой жизни, разной жизни... непростой жизни.

И он с его братом также могли бы помогать очень многим людям – учить их ценить то, что им дается жизнью, ценить всякое благо, всякую помощь. Откликаться на просьбу, на искреннюю человеческую просьбу... не давать своим сердцам замерзать.

Медленно капающая с потолка вода. Писк крыс за соседней стеной. Два мальчика и девочка, прижавшиеся друг к другу, спящие. Что готовит им новый день? Новые пятьсот шестьдесят семь дней...

* * *

Отложенная в сторону ручка, сложенные в стопку листы бумаги. Завтра он продолжит свою работу – продолжит писать. Ему еще есть много о чем рассказать людям.

Еще достаточно молодой человек с каким-то странным для стороннего наблюдателя лучистым взглядом отошел от стола. Да, завтра он продолжит эту работу – работу, которой он посвятил всего себя.

Задумался и улыбнулся. Как же была мила и непосредственна его сестра! Она и сейчас жила так – жила ребенком, способным позаботиться о себе и о других. Она жила так сейчас, когда беды и напасти прошлого уже миновали, оставив широкий рубец в памяти... трудно заживающий рубец.

Усвоены ли уроки? Понят ли смысл событий его жизни? Найдены ли достойные ответы на вопросы, заданные им ей? Заданные десять лет тому назад...

Многое понято и осмыслено, но еще больше предстоит сделать и понять. И он попытается понять результаты своих выборов, осмыслить свои прошлые ошибки. Он сделает это в своей книге – своей первой книге. Нет, в их книге – в книге их жизни. Двух братьев и сестры.

Сестра вчера позвонила ему. Ее голос, как всегда, был мелодичен и звонок, радостен. Милый голос любимого человека. Да, она радовалась, радовалась своей новой жизни. Она была счастлива. Ее берут в новую роль в замечательном фильме – в роль нежной жены и любящей матери – роль, которую она теперь так прекрасно выполняет в своей собственной семье.

В семье, где нет обиды и ненависти, где нет недоверия и корысти, где есть свет и простор, где есть горный воздух свободы и нежный аромат любви, где есть взаимопомощь и взаимовыручка, где есть доверие и благодарность, где есть признательность и доброта – где все это есть как основа жизни, как ее стержень. Она счастлива в своей семье – она всегда так говорила... делилась с ним радостью при первой же встрече. Он тоже счастлив в своей новой работе.

Вот только брат что-то не шлет весточку... Впрочем, обязательно пошлет, как только приедет из-за рубежа. Он теперь бизнесмен... влиятельный и деловой человек. Крупнейшие магнаты страны прислушиваются к его мнению – но власть не испортила его. Ему – им – не зря был дан тот урок лишений. Он сделал их добрее и мудрее – сделал, несмотря на преграды. Теперь каждый из них воплощает свою мечту в жизнь – как им когда-то и хотелось...

Кто-то назовет это чудом и с восторгом в глазах прослезится. Кто-то недоверчиво сморщится, пробурчав, что вся эта история его жизни, которую он запечатлел в своей книге, больше похожа на нелепую сказку и несуразные вымыслы. Кто-то поблагодарит его за совет. Кто-то начнет прилагать советы в жизнь. А он бы назвал это – испытанием жизни, испытанием, символизирующим начало новых, маленьких испытаний – испытаний каждый день.

Чудо ли то, что после почти пяти лет скитаний, когда им, наконец, удалось устроиться в какой-то цирк ухаживать за животными, вскоре после того, как уволилась какая-то актриса, внимание заведующих вдруг было внезапно обращено к его сестренке, к ее живой и детской непосредственности, к ее красоте в своей непосредственности? А потом были годы работы. Разные годы...

Его сделали гимнастом – со своей природной ловкостью он отлично справлялся с этой ролью. Его брата научили жонглировать. Сестра стала вести представления. Это было начало их нового пути.

Чудо ли то, что сестра вскоре стала актрисой, и ее обаяние и душевная красота со временем принесли ей мировую известность? Чудо ли то, что его брат, скопив небольшой капитал, открыл свое дело, однажды выросшее в крупнейшую транснациональную компанию? Чудо ли то, что он, в глубине души желая искать ответы на вопросы жизни, учиться и учить делать верные выборы, стал писателем?

Он не назовет это чудом, он назовет это знаком – знаком Пути. Его и их пути, который они должны – обязаны были! – пройти, чтобы стать теми, кем они стали.

Чтобы справляться с новыми испытаниями.

Чтобы не бояться преград.

Чтобы верить прекрасным мечтам.

Чтобы их воплощать – в жизнь.

Чтобы стать – Человеком, человеком с большой буквы.

Чтобы быть им.

21.12.2004

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

На перекрестье дорог

Небо. Голубое-голубое. Кристально чистое. Чистый небосклон без единого облачка. Холодный бодрящий ветер, колышущий полы куртки. Где-то далеко играющая музыка. Волны прибоя, бьющиеся о скалы и разлетающиеся миллионом солнечных капель.

Он стоял и смотрел вперед, в глубины раскрывающегося ему вида. Под ним шумело море, в вечной работе своей яростно накатываясь на скалы и бессильно отступая назад – отступая, чтобы через какое-то время вновь нахлынуть на этот неподатливый утес с новыми силами. Он стоял и задумчиво глядел вдаль. Смотрел на это небо, на торжественное солнце, начавшее выходить из-за горизонта и знаменующее начало нового дня, на горные выси и пролетающих по небу чаек. Он смотрел на все это впервые в жизни тем взглядом, каким он смотрел теперь. Совсем по-другому. Не так, как раньше.

Лучи света, осветившие лицо. Встающее на востоке солнце. Восход... Вот солнце поднимается все выше, и его лучики начинают отражаться на воде. Все стремительнее и стремительнее оно освещает вспенивающуюся и бьющуюся о берег в вечной и неустанной работе воду. Пелена ночи спадает и уступает место утреннему рассвету – восходу солнца, знаменующему начало нового дня для всех живущих в этом мире.

Он улыбнулся. Мысли о памятной встрече его прошлого так и не оставляли его. Он до сих пор помнил тот день – все десять лет своей обновленной жизни.

Сияние звезд в ночи... Блеск солнца на резвящейся водной стихии... Прохладный утренний ветер... Дождь и капли утренней осенней росы... Свист зимних вьюг и обжигающий открытые щеки холодный зимний ветер... Осенние листопады, после которых земля оказывалась украшена чудесным многокрасочным мягким ковром...

Разве все это не прекрасно? Разве не удивительно? Разве не здорово? Но почему же тогда так пока еще немного людей видят эту красоту, чувствуют ее и радуются ей? Почему?

Впрочем, как бы то ни было, он любил ее. И в этот день он вновь пришел сюда, к этим горным вершинам, чтобы насладиться и проникнуться этой красотой, чтобы учиться чувствовать ей. Пришел, чтобы встретить свой новый день – вместе с пролетающими по небосклону птицами, вместе со свистом ветра в лицо, вместе с долетающими до его слуха звуками его небольшого родного города, вместе с солнцем и вместе с волнами – вместе с миром.

Его дорога светла и ясна. Она лежит перед ним и зовет вперед, в горизонты неизведанного. Он сам выбрал свой путь. Это было десять лет назад – тогда он впервые ощутил и почувствовал это.

Чудо? Может быть.

– Я не хочу этого делать! Не хочу и не буду. Не стану я думать об этом. У меня есть свои дела!

– Но ты можешь это сделать. Можешь, ведь так? Ты можешь это сделать, а людям это – надо? Ведь надо, ты согласен? Ты можешь выбрать, помогать или нет. Это твой выбор, и я не могу сделать его за тебя. Определиться и совершить шаги в ту или иную сторону ты должен сам, и будешь сам это делать. А если можешь – ведь ты можешь, да? – то, может быть, и стоит помочь? Ты сам нуждался в помощи, и мир помогал тебе. Он помогает тебе и сейчас согласно твоему устремлению. Если ты захочешь разрушения – ты его непременно получишь. Прежде всего, разрушение собственной жизни. Если же будешь помогать, то и мир будет помогать тебе, он поможет тебе – вот увидишь! Если будешь добр, то получишь радость жить. Ты будешь счастлив, неся свет и добро в мир, помогая ближним, устремив в едином порыве все силы в этом направлении. Никто еще не был по-настоящему счастлив, уничтожая и разрушая, – но люди достигали высоких вершин и далеких горизонтов на пути созидания, на пути помощи, на пути самопожертвования, геройства и подвига. На этом пути люди восходили к горизонтам неизведанного, на этом пути росли над собой, становились сильнее и мужественнее, добрее и прекраснее. Будешь любящим, начнешь дарить свою любовь, не считая количество любимых тобой – будешь любим, будешь заботиться – будешь получать поддержку сам. Каждый получает ровно столько, сколько отдает, сколько он дарит ближним и миру. Получает через, возможно, самые причудливые обстоятельства, через друзей и знакомых, через дальних и ближних – он получает то, что внес сам, свой вклад в жизнь, лишь в измененной форме.

Разве ж это не справедливо? Именно справедливо. Так действует закон. Его не докажут ваши науки – не докажет ни математика, ни физика, ни астрономия. В этом убеждает сама жизнь, рано или поздно. Не надо бояться, надо лишь понять действие закона. В сущности, он был известен людям давно, но многие ли осмыслили его и осознали? Закон соответствия, закон справедливости, закон кармы – название его выбирай сам. Это не меняет сути. Суть и сущность те же – «по делам их воздастся им», как было когда-то сказано. Эти дела ты выбираешь сам. Ты свободен, выбор твой – всегда.

– Но как я пойму, что совершил какой-то выбор? Как мне узнать, что я иду по тому пути, который выбрал, и не свернул в бок?

– Как узнать о выборе? Но ведь ты делаешь свой выбор каждый день – много-много выборов, ведущих к выборам новым. Сейчас ты внимательно слушаешь – ты это выбрал. Не захочешь это делать – и никто другой не сможет сдвинуть тебя с места. Помни о последствиях своих выборов – ничто не исчезает бесследно, и каждый твой выбор предлагает выборы новые. А лучший подсказчик в том, куда и как ты шагаешь – твое собственное сердце. Прислушайся к нему перед тем, как сделать выбор. Чуткое сердце непременно поймет, где кончается добро, чтобы уступить место злу.

– Я сделал первый шаг. Что потом?

– Шагай вперед. Дорогу осилит идущий. Шагай по дороге жизни радостно и воодушевленно – ведь каждый день всегда дарит тебе что-то новое, если, конечно, ты внутренне готов принять этот дар. У тебя впереди – жизнь, которая станет полна чудес и красоты, если ты позволишь им войти в дом твоего сердца, украсив его мудростью и добротой.

– Тогда скажи мне, зачем я живу здесь, какой в этом смысл и мое предназначение?

– Ты этого еще не понял? Твоя жизнь – одна из мириад во Вселенной. Ты потенциально бессмертен, и эта жизнь – одна из многих. Ты можешь найти смысл жизни в чем угодно – в возделывании почвы или торговле, в изучении древней мудрости или писательской работе, в огромном множестве других занятий. Эта работа может быть любима и радостна для тебя, может нести благо. Учись любить труд. Каким бы незначительным и малым тебе твой труд не казался – он необходим перед тем, как ты станешь готовым исполнять другую, более ответственную работу. Учись быть добрее, смелее, увереннее, мужественнее, мудрее. Помогай ближним делом, будучи попрошенным о помощи, и учись видеть, когда твоя помощь необходима.

Путь от животного через состояние человека до состояния сверхчеловека и проявленного Бога – это путь людей. Это высший путь людей, заповеданный им. Это и твой путь. Выберешь ли ты его, узнаешь ли свои истинные безграничные возможности, направишь ли стопы свои к благу? Это твой выбор. Живя в одном мире – планете Земля – люди живут как бы в разных мирах. Одни – в лучезарных и чистых, другие – в заполненных туманом или ядами зловонных испарений самости и эгоизма. Миры одних полны изобилия и богатства, миры других больше похожи на выжженную солнцем пустыню, в которой практически невозможно жить. Это – результат их выборов. Какой выбор совершает каждый из них, в какую сторону он движется – тот результат и начинает ощущать по собственной жизни.

Совершай выборы и помни о безграничности собственных возможностей, находящихся пока еще в зародыше, но доступных во всей полноте при выборе светлого творчества, при выборе пути работы над собой, прежде всего через помощь ближним.

– Кто эти люди, о которых ты говоришь? Живущие в чистых и лучезарных мирах без боли и ненависти, посвятившие свою жизнь людям?

– Воины света. Люди, избравшие путь самосовершенствования, подвиг и труд как смысл жизни. Люди на пути к новому миру в их сердцах – чистому и благодатному, великому и прекрасному, миру заповеданному. Люди, шагающие по дороге, где раскрывающиеся горизонты – удивительны, где жизнь – полна смысла, тайн и удивительных открытий, где люди – щедры и добры.

– Как мне улучшить себя?

– Облагораживай свою мысль. Изгони мысли мелкие и сорные, не давай им появляться. Мысли масштабно и широко, без предрассудков. Помогай словом и делом. Работай над собой каждый день. Верь в свои силы. Никогда не отчаивайся. Не останавливайся на дороге своей жизни, шагай смело. Учись не бояться препятствий – это способ испытать себя, а испытание закаляет дух. Учись радоваться жизни. Обрати взор на прекрасное – и тогда ты увидишь много. Учись прощать, быть высоким и достойным в готовности к самопожертвованию и подвигу.

– Как я узнаю, правду ли ты говоришь, мудрец?

– Проверь мои слова жизнью.

* * *

Звучащие слова. Его вопросы. Ответы, данные ему. Он так и не узнал, что это был за человек, которого он встретил тогда здесь, на берегу моря, так же стоящего с улыбкой на губах и задумчиво смотрящего вдаль на синюю гладь моря.

Он проверил его слова – проверил их жизнью, не закрываясь предрассудками. Теперь он видел блеск истины в его мудрых словах. С тех пор он жил другой жизнью – обновленной, полной искренней радости жить, развиваться и расти, улучшать себя, вносить благо в мир. Эти слова и сейчас звучат у него в памяти мелодией красоты – стройной и чудесной музыкой жизни.

Стоящий на горней выси человек. Свет солнца в глазах. Шум волн. Свист ветра. Шумящее бурное море. Восходящее на востоке солнце. Начало нового дня всех живущих в этом прекрасном мире...

20.12.2004

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

На пути к солнцу

Мы с детства знаем о том, как снимали проклятия на баррикадах, и о том, как снимали проклятия на стройках и в лабораториях, а вы снимите последнее проклятие, вы – будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат.

Братья Стругацкие

Эту историю рассказал мне мой знакомый и друг примерно год назад. Тогда он работал учителем в одной из школ – классный учитель и психолог от Бога, хотя по специальности он когда-то не являлся ни тем, ни другим. Цепкая память до сих пор хранит эти образы и слова, глубоко запавшие мне в душу, побудившие коренным образом изменить свою деятельность и образ жизни. И я не жалею о выборе, который сделал, – я рад ему. Я благодарен своему другу за это и буду благодарен всегда, ведь именно с того момента началась моя новая жизнь. Историю я передаю вам – и пусть вы увидите и поймете в ней еще больше, чем увидел я в свое время. Я буду рад за вас. В путь, мои друзья!

* * *

Был осенний прохладный вечер, и мы беседовали с ним, удобно устроившись на какой-то скамейке в парке. Он тогда решил рассказать мне случай из своей учебной практики. Работал он в то время учителем литературы в одной из городских школ. Точнее сказать, подрабатывал, как это обычно принято называть, – вел подготовительные курсы по предмету для подготовки учеников к поступлению в гуманитарный ВУЗ города. Работал он третий год и считался одним из лучших «специалистов», хотя сам он, помнится, постоянно морщился при упоминании этого слова.

«Я не специалист, – часто говорил он, – я сам нахожусь на пути познания». Помню, он еще, бывало, сокрушался о том, что вынужден готовить этих самых «специалистов», набивая ученикам головы необходимым материалом, пусть даже и набивая умело и с обоюдным для обеих сторон удовольствием.

«Не это главное, Александр, не это», – говорил он мне. «Я вынужден давать людям умные схемы и таблицы, что были придуманы за них давным-давно. Да, я могу давать это очень увлекательно и интересно – но само по себе это не научит учеников мыслить. Мертвые схемы, какие-то там подходы – к чему это им? Сделать из них людей – вот моя задача, Александр. Людей, приученных мыслить без предрассудков и без предрассудков же подходить ко всем явлениям жизни, чтобы они не говорили «это невозможно», но пробовали, работали и добивались результата – в том числе и в том, что еще вчера было недоступно их силам. Я хочу их научить любить труд, видя в нем источник обновления для себя и открытия новых границ, потому что только свободные от предрассудков и любящие труд люди могут познавать весь горизонт открытого им мира. Понимаешь, о чем я?»

Честно сказать, тогда я мало что понял из сказанного, но продолжал слушать с интересом. Мой друг вообще был удивительный и интересный человек – много знал сам и многому же мог научить (нет, не академической мудрости, но живой жизни!). Он был внимателен и добр. Он был просто мудр.

Я слушал, а он продолжал говорить.

«Нет невозможного, есть просто еще не сделанное – вот каков должен быть девиз! Как тяжело, Саша, совмещать обучение учеников такому миропониманию с наполнением их голов всегда ограниченными конструкциями, навязываемыми этим или тем подходом извне! Ведь надо приучать их мыслить и изучать самостоятельно, именно тогда будут рождаться интерес и увлечение, и любовь к труду станет залогом свободного и светлого творчества! Вот в эту сторону надо менять образование, но на это нужны объединенные усилия множества людей. А пока этого нет, и положение учителя – великая роль и ответственность! – сведено до положения чернорабочего в стране – какие страшные явления начинают рождаться, Саша!

Я не работал в той школе как другие учителя, но многое мог замечать. Третьеклассники, Саша, третьеклассники! – тогда я впервые увидел это «подростающее поколение». Никаких сопровождений учителя из школы в раздевалку не было – ребята неслись сами. По пути шестивия по коридору парни хлопали девчонок из своего класса по попам, отпуская уместные к делу слова, остальные же ребята рядом при этом хохотали. Девчонки это воспринимали как должное, даже как знак внимания с мужской стороны – и улыбались. Какой-то парень сбил девушку постарше – тут же на лету перепрыгнул через нее, выругавшись, и понесся дальше.

Потом я видел некоторых из этих ребят на улице – компания из пяти или шести собралась вокруг неизвестного мне мальчугана чуть постарше. Они периодически сплевывали на пол и что-то говорили зажатому парню. Я не слышал слов – сначала просто смотрел. Потом зажатый парень, кажется, начал что-то просить у них, и те заулыбались. Затем внезапно один из них резко сплюнул на землю и пнул паренька в живот. Я больше не стоял – подбежал и раскидал этих парней. Тот мальчуган, что пнул паренька, помнится, пытался сопротивляться и хотел ударить меня – я просто аккуратно отбросил его, и тогда они все дали деру. У хрипящего и согнувшегося от боли парня я таки узнал, что он взял у них денег в долг – кажется, рублей пятьсот – матери на лекарство. Но долг так пока и не смог вернуть, хотя прошло уже около двух недель... В тот день я проводил парня до дому – он жил недалеко. Я обезопасил ему этот день – но кто, кто сможет обезопасить ему остальные дни его жизни от таких, как эти, кто, Александр?!

А на следующий день я стал свидетелем еще более занятой сцены. Решил поприсутствовать на уроке – математике, кажется. До сих пор картина стоит перед глазами: совсем молодая и уже плачущая учительница – и класс, злорадно улюлюкающий над ней... Они подложили ей крысу в письменный стол. Это в этот раз – а в прошлые были размазанные красками стулья, веером нарезанный классный журнал, даже кнопки на стуле...

Это я узнал от нее в тот день, когда вынужден был вмешаться и силой прекратить этот «урок» издевательства (вот ребята то радовались, что смогут свалить домой раньше!), и утешал эту девушку, еще совсем недавно закончившую педагогический ВУЗ и устроившуюся на свою первую работу...

Через три недели Лариса – так звали молодую учительницу – уволилась, не в силах больше это терпеть. Уволилась так же, как и предыдущие три девочки... Только вот продержалась она больше всех – три месяца. Остальные не выдерживали и этого.

Она уволилась – а я продолжал работать. Но у меня был другой класс, Саша! Их еще не коснулось тогда это страшное влияние – они были достойными людьми, эти уже почти что выпускники! Тот класс, свидетелем школьной жизни которого я так случайно стал, считался, оказывается, в школе «одним из худших». То есть худшим в компании наряду с некоторыми другими... Учителя сами рассказывали, что основную проблему как раз и стали составлять эти классы молодых школьников, а отнюдь не старшие, как было раньше. Старшеклассники сейчас казались ангелами по сравнению с маленькими «ребятишками». И каждый год становилось все сложнее... Благо и радость, если кому-то из учителей удавалось воспитать и поставить на место какой-то из младших классов – и тем более научить их уважению к учебе! Но это удавалось лишь единицам, а остальные классы ставились на самотек...»

Потом Игорь вдруг поднялся, лицо его приняло какое-то твердокаменное выражение, и глаза засверкали.

«Когда положение учителя стоит на уровне грязного раба, и в сердце нет уважения к труду, а есть лишь к деньгам – тогда и начинает рождаться этот бред, эта гадость, Саша! И бороться с этим надо, видя причину и устраняя ее. А с этим надо бороться! Если мы хотим оставить за собой достойное поколение, мы должны бороться за это – мы просто обязаны это делать, если человечество хочет продолжать жить! Надо приучать людей любить ближнего, любить труд, любить самосовершенствование – это залог здоровой жизни, да и жизни вообще. Казалось бы, всем известные истины, но ведь надо прилагать их к жизни, надо вносить их в жизнь, жизнь надо строить на них! Вот что надо, Саша, очень надо – это наш спасительный путь».

Игорь говорил, а я слушал. Тогда я еще понимал далеко не все его слова и мысли – теперь понимаю больше, намного больше. Теперь я и вижу больше – может быть, даже как он. Но обратимся вновь к его словам.

«Помнится, как-то ко мне после занятий пришла женщина – мать одного из ребят, что учились у меня. Кажется, Славы. Ей было лет тридцать, хотя выглядела, Саша, она намного старше. Она была очень взволнована и испугана – и я вскоре узнал, почему. Ее сын пропал из дому. Никаких записок, ничего, что могло бы вывести на его след. Она уже обзвонила и милицию, и все прочие службы. Как она сказала мне: «Слава очень хорошо отзывался о вас, и вы ему очень нравились – вы стали даже чуть ли ни его кумиром. Он искренне любил вас, и я это видела. А сегодня он пропал...»

Женщина заплакала – я, как мог, стал ее утешать.

«Он... ведь... у... меня... хороший. Только... только вот... пьет. И... я... глупая сама... сама приучила... его... к этому! Как... же я перед ним... виновата!»

Слова доносились из всхлипов женщины и таяли в воздухе. Ясно. «Видимо, парень в очередном запое», – подумалось мне, хотя что-то внутри подсказывало, что я, к счастью, совсем не прав... Я научился доверять этому что-то, которое называл чувство-знанием. Чем я мог помочь здесь? Поиски уже идут, и ее сына все равно скоро должны найти – я мог только убедить в этом эту плачущую женщину.

И я убеждал.

Когда она, наконец, успокоилась, то сказала, что, если я не против, она бы снова пришла завтра ко мне после занятий – она одинока, и так ей будет легче перенести те дни горя, пока ищут ее сына. Я не отказывался.

А через семь дней парень нашелся – точнее, пришел домой сам. И первое, что он сделал, когда увидел родную мать, – подбежал к ней, обнял ее и всхлипнул. Он просил прощения за то, что оставил ее без предупреждения на целую неделю. Говорил, что эта неделя ему была очень необходима, что он, наконец, одумался и стал другим человеком, что он бросил пить, что он порвал со своими «напарниками» – порвал навсегда, порвал с ними со всеми. Он плакал, впервые за долгие годы – плакал. А потом он прибежал ко мне – со слезами в глазах. Он схватил мою руку обеими ладошками и стал горячо ее жать.

«Учитель, вы помогли мне! Ваша вера в людские силы и в меня спасла меня, учитель. Вы ведь даже не знали, что я пью – но это и не важно. Ваша вера помогла мне, учитель! Ваши слова о пагубе пьянства и здоровой жизни (а я тогда как раз стал рассказывать им об этом и приводить статистику) очень помогли мне. Спасибо, спасибо вам! Я никогда этого не забуду!»

Признаться, это совершенно особое ощущение, когда ты видишь, что кому-то помог – это великое чувство, Саша! Это радость. Радость тогда переполняла меня – радость за этого славного человека. Никогда не забуду того дня, никогда. Я всегда как могу стараюсь помогать другим. Не все, конечно, отвечают мне благодарностью – я ее и не требую. Но этот паренек – он не побоялся выразить своих чувств... Это настолько здорово – помогать, видя, что твоя помощь уместна! Знать, что в чью-то жизнь ты можешь привнести красоту и свет – это благословенно, Александр!»

И слезы выступили на его глазах. А потом он вновь заговорил.

«Потом Слава приходил ко мне после того, как закончил школу, – он навещал меня иногда. Один раз пришла и мать – сказала, что сын ее действительно перестал пить, и обняла меня с моего разрешения. А потом я работал дальше...»

Да, друзья мои, Игорь потом работал дальше – еще десять лет он работал в разных школах города, и ему даже удалось начать сдвигать систему образования по пути воспитания и формирования Людей – да, именно людей с большой буквы. Пример образования и его система, которую он с согласия начальства школы создал в одной из них, скоро стали очень популярны, и другие школы тоже решили попробовать их – и не пожалели.

Но таких школ было лишь несколько десятков, а не десятков тысяч по стране. Потому что для подобных сдвигов нужны объединенные усилия множества людей – если, конечно, человечество хочет жить. И пусть тот добрый пример, который мой друг дал этому десятку школ, станет примером и для других. Пусть его труд не пропадет – но, улучшенный, воплотится в мире в мириадах юных жизней наших детей. Пусть светлая память о нем живет в сердцах тех людей, которые его знали – и которые помнят о нем.

* * *

Я медленно встал. Комок подступил к горлу, и я заплакал – тихо плакал, сидя на коленях и вспоминая наши разговоры. Затем медленно положил цветы на могилу Игоря и тихо побрел домой. Я не буду расстраиваться и огорчаться, но я буду помнить о нем – моем мудром друге. Я буду помнить о нем, пока я жив.

Я запишу его рассказ, я запишу многие наши беседы – и передам их вам.

Тем, кто готов их узнать. Тем, кто готов изменить себя и свою жизнь. Тем, кто готов трудиться. Тем, кто готов познавать без предрассудков.

И пусть ваш светлый труд воплотится в мириадах юных жизней наших детей – пусть он войдет в их жизнь светлыми лучиками, чтобы уже никогда ее не оставить.

Да будет так, друзья!

27.12.2004

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Нездоровый ум

Тьма. Свет. Тьма. Свет.

Бесконечный, нескончаемый поток чередований. И не было видно его окончания, и не найти теперь уже было точки начала.

Тьма. Свет. Тьма. Свет.

Были мгновения, когда сознание практически полностью отказывало – а на его место приходили липкие, скользкие, пугающие своей безысходностью минуты сумасшествия. Временами, впрочем, становилось лучше. Как будто паутина, окружившая и опутавшая мозг, заковавшая разум, наконец-то давала трещину. Как будто кто-то – видимо, в насмешку – решал потешиться над этим существом, вновь давая на краткий миг ощутить недоступные теперь чудесные мгновения здоровой жизни... а потом в один же миг безжалостно забирал их вновь. Так случалось один-два дня за месяц, но и это было несказанным блаженством. Потому что дальше будет только хуже. Потому что хуже этого проклятия не могло быть ничего. И не найти теперь уже было точки начала.

В те короткие дни, когда разум прояснялся, когда тень сумасшествия отступала прочь, испуганная утренними солнечными лучами, – в те короткие дни надежда возрождалась. Хотелось верить, что вот таким, здоровым, он будет теперь всегда, что канут в небытие его тревоги, что наконец-то исчезнет страх, что он как птица феникс вновь сможет возродиться вместе с его надеждой... Но после наступления ночи эти надежды умирали вновь.

Рождение. Смерть. Рождение. Смерть. Кто знает, что ждет тебя впереди? Кто возьмется предсказать?

Разницы не было. Жизнь здесь или смерть там... Какая, в сущности, могла быть разница, если жизнь стала подобна смерти, если вера сгорела в пожаре безумия, если надежды рассыпались в прах? И тогда приходилось молить смерть, чтобы она не замедлила. Чтобы она, наконец, пришла после этих долгих лет живо-смерти.

* * *

Сегодня ему вновь решили дать поиграть с его надеждой. Или решили поиграться сами – что, в сущности, одно и то же. Его брат пришел навестить его – и теперь он в сопровождении двух врачей медленно шествовал среди длинных коридоров на встречу с ним.

«И тягостно-грустно, и некому руку подать

В минуты души непогоды.

Надеяться? Верить? Другим и себе помогать?

А толку-то? Нам не уйти от невзгоды», –

всплыли из глубины сознания чьи-то стихи.

По крайней мере, ему уйти не удалось. Как и сотням другим в этом здании, впрочем.

Надежда умирает последней, мучаясь в агонии... Для кого-то она уже умерла, и разницы – не было. Для него же в этот день она еле-еле светлым лучиком вновь блеснула на горизонте – только лишь для того, чтобы завтра поспешить умереть вновь.

Когда он вышел на улицу, его брат сразу же подошел к нему. Обнял, похлопал по плечу, попытался приободрить. Они начали беседовать. Брат спрашивал о том, как он себя чувствует, достаточно ли хорошо заботятся о нем врачи, пытался приободрить, утешить... как будто это могло хоть что-то изменить теперь, когда разницы не было.

Они, впрочем, разговорились. Брат не был у него около месяца, и теперь ему несмотря ни на что было приятно слышать и слушать его, жизнерадостного и веселого – каким он был и сам когда-то невыразимо, нескончаемо давно. Разум по какой-то невероятной прихоти судьбы сегодня был вновь ясен, и беседу можно было продолжить достаточно долго, несколько часов – конечно, если бы в этом был хоть какой-то смысл. Впрочем, все равно это было приятно, и в какое-то мгновение радость даже вновь постучалась в дверь его души.

– Прости меня, что я по-другому не могу помочь тебе теперь. Я надеюсь, ты понимаешь. Я не могу понять, за что ты был так наказан, не вижу в этом логики. Временами, когда я засыпаю и вспоминаю тебя, я кляню и ругаю Бога, допускающего подобную... бесчеловечность. Черт возьми, я не вижу логики! Я смотрю на наш мир все пристальней и внимательней – и, ты знаешь, мне начинает казаться, что все мы давным-давно сошли с ума, давным-давно стали нездоровы. И многие гораздо менее здоровы, чем ты, многие гораздо более нечеловечны.

И если в этом есть хоть какая-то логика, то, черт возьми, где же она?! Почему же по-настоящему сумасшедших, вынашивающих и лелеющих планы по уничтожению себе подобных – почему их Бог милует, почему наказывает других? Почему почти всегда не тех, кого действительно надо? Ты знаешь, сколько я не бился над этой загадкой, сколько не вопрошал его, надеясь на ответ, – все бесполезно. Иногда мне кажется, что мы брошены им на произвол судьбы давным-давно. Прости меня... Я делаю все, что могу...

– И все же не вини Бога. Кто знает? Может быть, это действительно оказалось необходимым – бросить нас на время, чтобы... чтобы мы сами потом нашли его? Я не знаю, не знаю... Похоже, я наконец-то начинаю понимать, что я действительно ничего не знаю, что мои знания – это прах, и ушли они так же быстро, как и появились. И, ты знаешь, я думал об этом – думал ночами, когда ум был готов верно служить мне...

Мне кажется, что это даже к лучшему. Да, да, не удивляйся – все к лучшему. Теперь у меня гораздо меньше забот, гораздо меньше тревог. Я перестал бежать сам не зная куда, я перестал расталкивать бегущих рядом со мной в стороны, я перестал ценить столько вещей, которые другие считают единственной подлинной ценностью, и начал вместо них ценить другие.

И я даже почти перестал считать это несправедливостью. Скорее, наверное, уроком, хоть и очень тяжелым.

Это так прекрасно... Так удивительно прекрасно – сидеть сейчас здесь, в саду, слушать шум листвы и пение птиц, беседовать с тобой, вновь пришедшим навестить меня – и ни о чем, ни о чем, ни о чем уже больше не переживать... У меня на это просто не осталось времени. У меня осталось время лишь на красоту моего и твоего – нашего – мира. Я наконец-то смог понять и почувствовать это, наконец-то смог...

Нет, все к лучшему. Пусть будет так, как будет, раз это уже невозможно изменить, пусть будет так. Я приму это. Я уже принял. И пусть я так и не сумел понять, за что же я был наказан, но я понял другое, нечто несравнимо более важное. Я понял, что жизнь стоит того, чтобы жить.

24.04.2006

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Оправдание

Василий сидел на корточках под навесом дверного проема, старательно пряча лицо от дождя. Капли барабанили по голове, закатывались по порванному плащу под одежду, хлопали в изношенных за многие годы кроссовках. Дождь в каком-то неудержимом безумном порыве намерился сегодня очистить вторую столицу России от всего того, что он по одному ему известному мотиву мог бы назвать грязью.

Он не мог только одного – смывать людские грехи. Служители храма, сверкающего в этот пасмурный день своими омытыми позолоченными куполами, например, могли – за известную плату, конечно. Но только не дождь. Куда ему, дождю, до этих высот?

Прохожие стремительно метались под этим удивительным ливнем от одного здания к другому, заливаемые водой на тротуарах машины громогласно призывали посторониться всех остальных, кроме самих себя, а Василию – что Василию? – ему этот дивный новый мир как-бы-святости был удивительно далек во всех своих смыслах.

Карма стала в моде с подачи блюстителей набожности. Вот уже как несколько лет почти каждый житель культурной столицы – и не только ее – стремился исправить свою карму, не стремясь исправить себя самого. К этому призывали витрины благотворительных магазинов, об этом неустанно напоминали газеты и центральное телевидение, даже лицо сироты на огромном рекламном билборде, казалось, молчаливо предлагало всем своим созерцателям, проносющимся каждый день по центральному уличному кольцу, принести еще порцию своих сбережений в детский церковный приют ради очищения своей кармы. Вот уже как несколько лет люди неискренне улыбались друг другу на улицах, интересовались здоровьем своих собеседников наряду с прогнозом погоды, покупали всевозможные безделушки со скидками во внезапно выросших как грибы после ливня благотворительных магазинах, отдающих, или говоривших, что отдают, часть своей возросшей прибыли на «добрые дела». Даже банки – и те ввели повышенный «кэшбэк» при покупках в таких вот магазинчиках. Это стало вопросом моды – блюсти свою карму, ощущая себя непогрешимым.

Василий не ведал, как это удалось – но союз маркетологов и тех самых, из храмов, оказался на удивление продуктивным. Василий, поливаемый в этот момент бушующей стихией, не знал, что в терминах маркетинга это называлось «ребрендингом», а в терминах финансов выражалось такой цифрой, которую, наверное, только они, набожные собиратели сокровищ, и могли себе позволить. Как бы то ни было – это, должно быть, помогло спасти самих себя в своих собственных глазах многим, кроме Василия.

Пять лет без дома – много это или мало? Кто-то спокойно проведет целую вечность в грязи, совершенно не ощущая бега времени, а для него эти пять лет стали своей собственной вечностью. Пять лет через холод и снег, грязь и вот такие вот дожди, омывающие время от времени улицы Санкт-Петербурга. Пять лет хождений в изношенной одежде под неодобрительные взгляды прохожих без шансов найти постоянный кров. Бессонные ночи, проведенные в незапертых подъездах, сотни криков и пинков от их жильцов. Все это было, все это будет. Это замкнутый круг.

В конечном итоге память удерживает для нас только самое лучшее – то, что достойно жизни в океане воспоминаний. И искры этих воспоминаний не гаснут вплоть до нашего последнего дня на этой земле.

...Первый год его скитаний. Поздний вечер. Топот ног за спиной.

– Дяденька, спрячьте меня! – отчаянно крикнула девочка лет семи. – Спрячьте от них!

Когда на горизонте мостовой появились две закутанные в тени взрослые фигуры, времени на размышления уже не осталось.

– За мной, сюда! – прокричал Василий ребенку.

Несколько десятков метров, совсем рядом. Здесь, во дворе, сломанные двери подъезда всегда были открыты. Когда ты скитаешься по всему городу, ставшему для тебя последним пристанищем, память цепко сохраняет в себе такие вот места, где можно скоротать очередную ночь или хотя бы несколько остающихся до рассвета часов, когда законопослушные граждане вновь отправятся в путь на свои очень важные и значимые работы. Отправятся по замкнутому кругу.

Ребенок забежал вслед за Василием в открытую дверь и затаился.

Это был день – или ночь, если судить по времени суток – когда он спас будущую прекрасную балерину от насильников и убийц. Но в тот день он еще не знал об этом – знание пришло намного, намного позже, и уже в ином мире.

...Третий год его скитаний. Дождь, барабанивший по мостовой свой странный ритм и выписывающий круги в воде Невы. Замкнутые круги.

Маленький рыжий котенок, отчаянно бьющий лапками по воде и пытающийся дотянуться ими до высокой каменной набережной, находящейся в каком-нибудь метре от него. Он утонул бы в тот день, если бы не Василий. Утонул бы, как сознательно топят многих, являющихся на свет – будь то кошки или же люди. В сущности, что такое какой-то рыжий маленький котенок? Всего лишь разница между состраданием и безразличием.

...Тот самый день, те самые минуты, которые мало кто из смертных способен предсказать заранее. Зимний ветер, обмораживающий лицо. Застывший лик Невы. Группа школьников невдалеке, цепочкойдвигающаяся на другой ее берег. Вот ставший слабым лед ломается от их мерного шага, и один из школьников с всплеском падает в воду. Крик отчаяния, разнесшийся вокруг.

Когда Василий подбежал к месту обрыва, школьник еще был на поверхности, но ни у кого из детей не было сил вытащить его на берег. Они тянули к нему руки, пытались ухватить изо всех сил – но их маленькие слабые руки раз за разом соскальзывали под возгласы отчаяния.

Бывает так, что мы не знаем предела собственных сил до того момента, когда они по-настоящему станут нам нужны... Не знал их и Василий. Схватив за запястье, он рванул двумя руками ребенка так, что тот вылетел на поверхность, отлетев на пару метров. Но этот рывок пошатнул его, разворачивая вокруг себя самого, ноги его соскользнули, и Василий упал в ледяную воду сам.

Раз за разом, вплоть до момента, когда руки и ноги, наконец, отказали ему, он боролся за жизнь. Раз за разом он пытался подтянуться и выбраться на лед, но силы стремительно оставляли его – или же эта самая памятная его душе зима и судьба решили все-таки взять свое. Вот ледяная вода затекает ему в рот, вынуждая умолкнуть. Вспышки света – последние вестники этого мира – и он погружается на дно...

В тот последний прощальный миг жизни он не знал, что произойдет потом, когда само понятие времени изменит свою суть. Он не ведал о том, как в недоступном для его измученного земной жизнью воображения по своей красоте мире три золотистых капли – по одной за каждую спасенную им душу – упадут в свой день на чашу позабытых многими Весов. Как эти капли, подобные каплям дождя, – такие маленькие и такие большие одновременно! – коснутся ее поверхности, и в тот самый миг одна из чаш наклонится и озарится неугасимым светом. В тот самый миг эти три казавшиеся такими крохотными для многих капли перевесят в чаше все ошибки его прошлого и всю его боль, осветив ему путь. В тот миг – прощальный миг рвущейся связи между этим миром и миром иным, раз за разом забываемым рождающимися в этом, – Василий не мог знать сие. Смертным созданиям редко выходит знать свое будущее априори. Он не знал, что эти капли станут его – совершенно искренне и абсолютно бескорыстно пришедшего на помощь – самым значимым Оправданием. Он не мог и помыслить о том, как после этого мгновения двое сияющих теплым и мягким светом фигур встанут по левую и правую руки и поведут его в Чертог – туда, где однажды будут собраны достойные.

Где есть место оправданным и испутившим и нет места откупающимся.

19.01.2016

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Подарок

«А вы у меня QR-код проверять не будете? А то у меня его нету, честно-пречестно! Не меченая я, понимаете? Мы, не меченые, уже почти как изгой стали...»

По кислой роже стоявшего с автоматом наперевес у входа в торговый центр охранника было отчетливо заметно, какой именно прадед и насколько мужественно придушил бы все эти фашистские новшества, сыпавшиеся в последнее время на голову и кошелек его невзрачного потомка точь из рога изобилия или какого-то иного рога, дав тем самым ему, достопамятному продолжателю рода, крайне поучительный и весьма своевременный пример. Длительно переминаясь с ноги на ногу точно от внутреннего холода и опасно косясь на развешанные по стенам видеокамеры, спустя некоторое время охранник, тем не менее, все же махнул рукой в знак разрешения.

«Ладно, проходи давай. Телефон для вида хотя бы покажи. А то ты у нас первый посетитель сегодня за весь день. Будто целый город в одночасье вымер, ей-богу! Меня ж тоже выпнут отсюда скоро, ежели покупателей то совсем не будет...»

«Спасибо, дяденька охранник!» – радостно воскликнула Алиса, едва не захлопав в ладоши. «Я тут мигом пробегусь, одним глазком только гляну, ладно? Мне же очень-очень интересно, что тут у вас нынче, в столице, делается! И подарок надо купить еще».

Так и не получив утвердительного ответа от внезапно ставшего старательно разглядывать носки своих начищенных до блеска ботинок стража нового торгового порядка, Алиса стремглав ринулась сквозь открывшиеся стеклянные двери, намереваясь если не купить (на это сейчас у нее почти не было средств), то хотя бы полюбоваться издали на все те чудо-дивовинки, которые мог показать им, «понаехавшим», этот огромный торговый монстр.

Каково же было ее удивление, когда за стойками сверкающих новогодними огнями и гирляндами магазинов совсем не оказалось продавцов! Стеклянные двери стояли настежь распахнутыми, праздничные огни по-прежнему вырисовывали свои неповторимые узоры на стенах, отражаясь от закрепленных на потолках и полу зеркал, а вокруг, насколько хватало взору, не было видно ни единой живой души. Словно она, новая гостья столицы, в одночасье оказалась в своем собственном мистическом Зазеркалье.

«Купи нас!» – внезапно донесся откуда-то из далекой глубины бутика, в который забрела блуждающая по торговому центру Алиса, тоненький голосок.

«И меня! И меня тоже!» – затараторили ему в ответ с десяток новых.

«И про меня не забудь, я же иду по акции!» – промурлыкал кто-то совсем рядом.

«Кто вы? Где вы прячетесь? А ну, покажитесь немедленно, или я... ну... вызову полицию, вот!» – испуганно озираясь по сторонам, выкрикнула им в ответ Алиса.

«Это мы, вещи!» – раздался в ответ хор веселых смешков. «Скорее купи нас!»

«Вещи? А куда подевались люди? Где ваши продавцы? Это что, какая-то новая форма торговой магии? Ничего не понимаю!» – в удивлении всплеснула руками Алиса.

«Люди? Зачем люди? Вещи!» – пропел ей в ответ многоголосый хор голосов.

«Но ведь для вещей нужны же люди? Люди же не вещи, а вещи – не люди? Вы меня сейчас ну прямо совсем запутали!»

«Надень нас!» – закричали внезапно выскочившие из коробки красные лакированные туфельки, прямо на глазах у ошарашенной Алисы начав вытанцовывать какой-то неведомый ей танец.

«Примерь меня!» – нежно прошептало начавшее кружиться на зеркальном полу в паре с туфлями сиреневое с большим вырезом на спине платье, то и дело пытаясь увлечь за собой стоящую в центре зала Алису, взяв ее своим рукавом под руку.

«Вдохни нас!» – прошелестели ласковыми голосками десятки выкатившихся на прилавок стеклянных баночек с духами.

«Полубуйся на нас!» – пропели выпорхнувшие в один присест из футляра украшенные большими красными рубинами сережки.

«Какие же вы все красивые!» – ахнула от изумления Алиса. «Вы самые красивые вещи из всех, которые я когда-либо видела!»

«Мы были созданы друг для друга!» – приобняв Алису за талию, уверило ее платье.

«Мы были сотворены только для тебя!» – подтвердили туфельки.

«Взгляни в меня!» – потребовало стоявшее невдалеке в красивой золоченой оправе зеркало.

Подойдя ближе к зеркалу, Алиса с удивления обнаружила, что ее отражение одето в те самые сиреневое платье и красные туфельки, а в ушах у нее красуются золотые рубиновые сережки.

«Ты ее полнишь!» – недовольно заявило зеркало платью.

«А ты худись!» – огрызнулось то в ответ.

«Примерь нас! Купи нас! Возьми нас с собой!» – наперебой заливались своими голосами обитатели сего магазина, не давая Алисе ни секунды на размышления.

«Но... как же я вас всех куплю?» – растерялась Алиса. «Вы же, наверное, стоите очень-очень дорого!»

«Кредит... Кредит! Она не знает про кредит?» – начали удивленно перешептываться между собой вещи. «Она же не местная... Да откуда у нее карта? Банк! Ей надо идти ва-банк!»

«Что же мне с вами делать? Нет у меня никаких кредитов, и меток тоже нет. Нечем мне с вами расплатиться!» – огорченно вздохнула Алиса.

«Крысь!» – пропищала внезапно выскочившая из дальнего угла комнаты прямо под ноги к Алисе огромная, размером в несколько ее кулачков, крыса.

«А-а-а! Мышь! С детства ненавижу мышей!» – подпрыгнув от испуга и чуть не раздавив кружащиеся под ногами туфли, заверещала Алиса. «Брысь!»

«Крысь!» – повторила громадная черная крыса, встав на задние лапы и нелепо взмахнув перед собой передними, словно представляясь.

«Это наш друг, Крысь!» – принялись успокаивающе заверять Алису вещи.

«Он хороший!»

«Да, он помог многим из нас найти свой новый дом!»

«Найти своих хозяев!»

«Они слушали его мудрые советы и смогли, наконец-то, заполучить нас!»

«Он ученый умный. И хитрый!»

«Он классный!»

«Нет!» – закричала Алиса. «Не хочу друзей-мышей! А крыс тем более! Брысь, брысь!» – с этими словами она схватила одну из танцующих красных туфелек, намереваясь запустить ее в это вызывавшее в ней чувство глубокого и искреннего отвращения существо.

«Крысь!» – обиженно поджав задние лапки и точно раздосадовано щелкнув своим хвостом по зеркальному полу, пропищала огромная черная крыса, намереваясь, судя по всему, успешно ретироваться, но внезапно влетевший в открытую дверь бутика со всех задних лап кот не дал осуществиться этому ее тактическому отступлению.

«М-р-р-р-я-я-я-у-у!» – только и успела услышать Алиса за мгновение до того, как когти новоявленного свирепого хищника вонзились в толстую черную кожу, оставляя после себя глубокие кровоточащие раны на теле Крыся. Крысь подпрыгнул вверх, вывернулся и, оставив кусок своего хвоста в лапах нежданно-негаданно появившегося кота, пулей ретировался куда-то в черную темноту зала.

«Бедный наш Крысь...» – заплакало и опустило рукава вниз еще недавно танцевавшее по залу платье. «Он был нам так дорог, и мы были с ним дороги!»

«Что ты наделало, глупое создание?! Кто же теперь купит нас? Теперь нам никогда не найти своих богатых хозяев!»

«Вот еще, хозяев им подавай!» – промурлыкал севший на задние лапы кот, принявшись старательно зализывать нанесенные им Крысем раны. «Да они сами кого хочешь своими рабами сделают. Не верь им, девочка. Уж я то знаю. Уж я то этих крыс столько в своих девяти жизнях повидал!»

«Кот! Самый настоящий и говорящий Чеширский Кот! Прямо как из моей детской сказки!» – чуть не прослезилась расчувствовавшаяся Алиса.

«Скажешь мне тоже, Чеширский! Не чешусь я – и, вообще, блох не имею! Умываюсь каждый день по утрам и вечерам как замурчали мне мои предки, мир их меху! А вот гладиться – это я люблю. Может, погладишь?» – вопросительно взглянул он на Алису, продолжаялизывать помятую шерсть. «Меня, кстати, Годом зовут!»

«Конечно, поглажу, милый котик!» – радостно согласилась исполнить эту простую житейскую кошачью просьбу Алиса. «Ты же у меня герой – такую крысу победил!»

«И за ушком бы еще почесать, раз уж я сам не чешусь... А то ведь у меня, сама знаешь, лапки... М-р-р-р...»

«А почему тебя так странно зовут, котик?» – не переставая гладить и ласкать кота, спросила Алиса. «Кот по имени... Год?»

«Я кот-символ, понимаешь? Кот-год! Сейчас же котогод идет? Вот и я годокот. Уже который год!»

«Что это за шарада?» – удивилась Алиса. «Котик, пожалуйста, не говори загадками!»

«Шарада для маскарада. Ну, чего ты не рада?» – примирительно промурчал кот. «Ладно уж, можешь называть меня Чеширским, ежели так хочешь. Но блох у меня для тебя и взаправду нет, так что даже не проси!»

«Дак мне и не надо», – хихикнула Алиса. «А почему ты решил меня от Крысы спасти?»

«Проголодался я. Отощал. Да и лохматость моя тоже понизилась. Можно даже сказать, что озверел я, хоть это и странно звучит, особенно в моем случае. Какой год, такой и кот, получается. А крыс этих тут развелось – видимо-невидимо! Все что-нибудь утащить норовят или других повадкам своим учат. Но я-то их всех найду, от меня не уйдешь, не скроешься в норе, м-р-р-я-я-у-у! Так что я теперь с недавних пор тут живу, ловлю их и... дальше ты и сама знаешь, что мы, коты, с ними делаем...» – символично прищурился он своим зеленым глазом, словно проверяя ее, Алису, общую эрудицию.

«Ты очень храбрый!» – ласково согласилась с ним Алиса. «Но все эти вещи... они же так хотели, чтобы я их все-все купила... желали найти свой новый дом... а теперь...»

«Да ничего с ними страшного не сделается!» – махнул лапой в сторону прилавка кот. «Они же не люди. И даже не коты! Не облезут, не отощат и... ну, что там с вами, людьми, в тяготах обычно делается? Не озвереют, вот!»

«Люди же не вещи!» – улыбнулась Алиса. «Тем более, что мне даже купить их не у кого. Продавцов-то тоже вокруг нету, видишь? Что же мне теперь делать то?»

«А хочешь, я тебе князя места сего покажу?» – подмигнул ей кот.

«Кого, кого?»

«Ну, он что-то вроде местного главного духа, смотрителя. Помню я, как одна из крыс, когда бегством от меня спасалась, ему на спину с разбегу запрыгнула и ну давай верещать, чтобы он ее защитил. Ну, я ему его золоченую краску-то с боков тоже за это и поободрал! Так что мы теперь с ним... как бы это поточнее выразиться... из одной миски молоко не пьем, вот».

«Ладно, веди!» – воскликнула Алиса. «Только чур, если что, я его первая на место поставлю!»

Когда запыхавшаяся от бега по этажам и коридорам Алиса все-таки догнала своего храброго пушистого попутчика, тот уже вальяжно восседал на загривке огромного золоченого быка, стоявшего точно по центру импровизированного оазиса с пальмами на самом верхнем этаже торгового центра, и то и дело выгибал свою кошачью спину и разминал свои когти, точно намереваясь по команде аккуратно вонзить их в черно-золотой загривок.

«Ну вот, он самый! Злой дух! Только не сбросит он меня отсюда теперь!» – довольно заверил ее кот и впился своими когтями быку в шею.

Казавшаяся до этого момента неживой статуя внезапно встрепенулась, резко дернулась, пытаясь сбросить своего новоявленного наездника, глаза ее в мгновение ока налились кровью, а из ноздрей повалил густой едкий дым.

«Видишь, как злится? Не по нраву ему мы! М-р-я-у!» – и с этими словами кот яростно цапнул верхнюю часть одного из боков золотого быка.

Голова золоченого тельца с налитыми кровью глазами внезапно развернулась в сторону Алисы, и низкий утробный гул вкупе с едким дымом пронесся в тот миг по залу.

«Ты стоишь перед алтарем нашего храма, человеческий детеныш! Веди себя подобающе!»

«Ага, заговорил все-таки! В прошлый то раз ты не особо разговорчивым, помнится, был!» – мявкнул кот, выдавая быку лапой затрещину.

«Это ты украл отсюда всех людей и заменил их вещами? А ну, признавайся!» – пристально взглянула в наполненные кровью и яростью глаза быка Алиса. «И не шипи так, я тебя не боюсь, у меня теперь есть самый настоящий Чеширский Кот. Вот!»

«Это место – храм вещей. Ты – чужая. Поди прочь!» – голова ожившей статуи в ярости вращалась из стороны в сторону, но по неведомой причине бык не мог сдвинуться с места.

«Немедленно верни людей!» – потребовала Алиса и топнула ножкой. «Ишь чего, Богом себя возмнил!»

«Люди... приходили ко мне сами. Поклонились... мне сами. А потом... они исчезли. Все, кто поклонились. Остались только вещи...»

«Ну и оставайся тогда здесь один, вещь! Без новых адептов ты никто! Ложный храм – по ветрам! М-м-м!» – стримасничала Алиса и показала быку язык.

«М-р-я-у!» – добавил боевой Чеширский Кот и врезал ожившей статуе лапой промеж рогов.

«Богохульники! Святотатцы! Вон из моего храма!» – взревел что есть силы бык, сиюсь сорваться с места, но прочно державшие его золоченые цепи так и не дали ему это сделать. Лишь налитые кровью глаза с ненавистью буравили удалявшиеся фигурки девочки и вальяжно гуляющего на двух лапах кота до тех пор, пока те окончательно не скрылись из виду.

«Вот это я и называю – взять быка за рога!» – довольно мурлыкая себе под усы и нос, продолжал рассказывать бредущий по коридору кот.

«Надеюсь, он больше никому не навредит», – озабоченно озираясь назад, говорила между делом Алиса. «Такой злобный этот твой дух, что прямо ух! А ты видел его красные глазища, да?»

«Да я бы и их надрал бы, если бы достал», – лениво, словно красуясь, пожал хвостом кот. «Но мне пока и боев со всякими местными крысами здесь хватает. Ну, куда теперь побежим?»

«Ой, уже, наверное, очень поздно», – внезапно спохватилась Алиса. «Я же охраннику обещала совсем недолго здесь погулять. А мы тут с тобой так завертелись, что я и забыла про это совсем. Меня же родные дома ждут!»

«Дак ты не местная? А я было подумал, что ты теперь тоже здесь жить будешь день и ночь напролет. Молочка мне приносить, или, скажем, колбаски...» – мечтательно закатил кот кренделем хвост. «А то местный горе-войка на входе совсем про меня забыл, кажись, хоть замаякйся... А вот, собственно, и он. Спит на посту как убитый без зазрения совести! Глаза бы мои его не видели и лапки не трогали!» – весело замурлыкал кот, аккуратно подкрадываясь к задремавшему за столом на первом этаже охраннику. «Хотя, ты знаешь, насчет лап – это можно еще и подумать...» – и с этими словами Чеширский Кот по имени Год ловко запрыгнул на пухлый то и дело вздымающийся вверх живот спящего охранника, нежно сворачиваясь на нем клубочком.

«Прощай, котик! Мне будет тебя не хватать», – ласково погладив свернувшегося калачиком кота, произнесла Алиса.

«Ты ведь еще вернешься, правда?» – с надеждой преданно взглянул он в ответ своими изумрудно-зелеными глазами. «С молочком и колбаской?»

«Постараюсь навещать тебя почаще!» – уверила его Алиса. «Если родители разрешат».

«Ну, тогда чао-какао!» – махнул он ей на прощание лапкой. «...Постой, чуть не забыл тебе сказать!» – внезапно спохватился он.

«Что именно?» – обернулась уже выходящая в стеклянно-зеркальную дверь Алиса.

«Следуй за белым кроликом, разумеется!» – промурчал кот и подмигнул ей своими зелеными точно прекраснейшие из изумрудов огромными хитрыми глазищами.

Когда Алиса вышла за порог этого нового храма, на улице была уже ночь. Снег кружился в свете уличных фонарей, а на небе ярко сияли звезды. Силуэт все более удаляющегося от нее торгового центра постепенно таял, словно его никогда и не было – словно все, что только что произошло с ней там, в этом новом Зазеркалье, было не взаправду, словно вся жизнь в бесконечной погоне за вещами была какой-то ненастоящей, неправдоподобной, неподлинной...

«Ну вот», – огорченно вздохнула Алиса, все плотнее укутываясь зимним шарфом от внезапно налетевшего холодного ветра. «Так я и не купила подарок для мамы! Эх... Только время зря потратила...» – загрустила она.

«Не грусти о суетном, дитя!» – прошепел порывом ветра неведомо откуда взявшийся голос. «Мы поведем тебя к вечному!»

«Кто же вы?» – удивленно озираясь по сторонам и не замечая при этом ни одного прохожего, произнесла в ответ своему невидимому собеседнику Алиса.

«Правильный вопрос – кто ты? Устремь свой взор ввысь!»

«Звезды! Ух ты, какое же сегодня ясное небо! Сколько же на нем далеких солнышек!» – завороченно глядя вверх, прошептала девушка.

«Видишь, как мы сияем в этой ночи? Нас стало видно только во тьме!»

«Звезды, вы словно чьи-то далекие светлые души, освещающие наш земной путь...»

«Можно приобрести тысячи вещей, но разве возможно купить себе вечность? Ее можно получить только в дар, заслужить ее. Заслужить исполнение своих мечтаний. Протяни же свои руки к небу!» – вновь прошепел неведомый голос.

«Ух ты, падающая звезда! Какая яркая!» – восторженно воскликнула протянувшая руки к небу Алиса.

«Я спускаюсь в твои руки, дитя. Загадывай желание!»

«Я... я хочу, чтобы люди смогли стать счастливыми. Чтобы... чтобы они не становились как вещи. Я хочу... мира на всей Земле. И чтобы мама выздоровела!» – всхлипнула, утирая рукавицей застывающие на морозе слезы, Алиса.

«Желание чистых душ будет исполнено...»

«Алиса... Алиса! Ты что, опять задремала за уроками? Устала, моя хорошая?»

«Мама, я только-только заснула... Мне снился такой чудный сон...»

«Видишь, как темно за окном? Ты спала несколько часов, доченька. Совсем умаялась с этими уроками и мыслями о подарках, да?»

«Я... ух ты... смотри, мама! Какое звездное сегодня небо! Прямо как в моем сне!»

«Да, милая, небо сегодня очень красивое...»

«Смотри, мама, падающая звезда! Какая яркая! Первый раз такую вижу!»

«И я первый раз, доченька...»

«Я спускаюсь в твои руки, дитя», – прошепестел где-то на самой границе сознания чей-то сильный, теплый и ласковый голос. «Желание чистых душ будет исполнено...»

30.01.2022

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Последнее слово

– То есть вы утверждаете, что чувство искреннего патриотизма по отношению к своей родине и готовность уничтожать ее внешних врагов может быть не только негативным, но и пагубным, вредоносным качеством человеческой личности?

– Этот «патриотизм» есть ваше проклятье. Это ваши цепи – ниточки, за которые вами очень удобно управлять другим. Из-за такого искаженного «чувства искреннего патриотизма» на земле велись и ведутся войны, из-за него вы убиваете друг друга каждый день, из-за него в жертву приносятся вещи, гораздо более важные, чем цели ваших политиков. Это даже не патриотизм, это просто слепота. Вы уничтожаете других, но рады – потому, что это способствует достижению целей вашего государства... Великих целей?

Может быть, это ваши цели? Может быть, вы действительно хотите убивать друг друга? Может быть, этого хотят те, кого вы уничтожаете? Чьи это цели – ваши или внедренные в ваше сознание текущей правящей верхушкой, внедренные очень умело и искусно, подслащенные для большей убедительности? Вы уже сталкивались с терроризмом и на собственных жизнях испытали, что это такое. Но когда вы готовы ради природных ресурсов устраивать такой же терроризм в более «мирных», как вам это кажется, формах – не есть ли это еще более явное преступление против человека? И что самое удивительное – вы не считаете такие действия преступлением, для вас это – благо вашей родной державы, вашей нации и вас как ее части.

Вы стали марионетками в руках ваших политиков, вы стали их идеологическими рабами. Вы даже уже не можете сказать «нет», когда это действительно требуется, когда этого требует время. В этом беда. Вас посылают на убой – и вы идете на убой. Вас посылают сражаться за очередной кусок чужих ресурсов – и вы готовы умереть «во славу вашей родины». Вы не свободны, вы никогда не были свободны. Вы только грезите об этом, поете об этом, говорите друг другу об этом. А когда вам надо сказать «нет», чтобы стать свободными, вместо «нет» вы говорите «да».

В этом проблема всей человеческой истории – в том, что человек слишком внушаем, что он слишком управляем, потому что слишком слаб для того, чтобы самому быть себе хозяином, и всегда есть те, кто с радостью готов этим воспользоваться. И так будет всегда – но только до тех пор, пока вы не станете сами хозяевами своей судьбы. Запомните это, запомните это очень хорошо. От этого зависит ваше будущее.

* * *

Просторные апартаменты. Тяжелый дубовый стол у стены сбоку от окна. Старинные настенные часы, выбивающие свой загадочный ритм. Икона Спасителя в золоченой оправе на одной из стен...

«Тук... тук... тук...» – часы бьют медленно и методично. И снова – «тук...тук...тук...»

– Господин Президент, мы считаем, что вам следует ознакомиться с этими материалами. Это важно для стабильности нашей власти.

– Демонстрируйте.

Легкая вспышка – и видеодисплей оживает. Строки и слова, слова и обсуждение, обсуждение и мысли. Через пятнадцать минут демонстрация предоставленных «материалов» заканчивается.

Десять секунд тишины...

– Ну и что это за клоун? Еще один борец за мнимую свободу. Хватит уже. Убрать.

Пять секунд тишины...

– Вы уверены, господин Президент?

– Уберите его. И, да, позаботьтесь о его семье, разумеется. Пусть им не откажут в компенсации за его «случайную» смерть. И не пускайте больше таких на наши телеканалы, иначе можете забыть о ваших постах. Это мое последнее слово. Вам все ясно? Ну вот и отлично. А теперь – что у нас там следующее на повестке дня?

Тяжелый дубовый стол у стены сбоку от окна. Икона Спасителя в золоченой оправе. Старинные настенные часы, выбивающие свой загадочный ритм...

«Тук... тук... тук...»

И снова – «тук... тук... тук...»

05.08.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Предложение

В эту ночь Олегу снился кошмар. Пугающий своими недвусмысленными сходствами с его собственными личностными реалиями и оттого еще более неприятный. Не подумайте дурного – снились ему вовсе не змеи, выползающие из черепа коня в черном пальто, да и вещим он себя, по скромности своей душевной, вовсе и не считал. Снились ему в ту ночь широкие шеренги гордо марширующих людей с рогами и копытами, на всех языках преисподней зазывающие его принять их крайне заманчивое предложение и продать свою собственную душу. Цены при этом предлагались разные: один готов был заплатить «чудо-мультиваркой, способной превратить любую хозяйку в королеву кухни», второй – «мощнейшим моющим пылесосом с десятком новейших универсальных насадок», третий предлагал «новую модель Айфон XR с совершенной системой искусственного интеллекта, способной предугадывать действия своего владельца», а кто-то даже был ради него расстаться с «ЭПК-Ж Дуся 2000», что в переводе на общечеловеческий означало «Электронно-позитронная кибернетическая жена, модель «Дуся» двухтысячного года выпуска».

Вся эта их крайняя навязчивость и нелепая бестактность так возмутили душу Олега, что под конец этого неземного маркетингового светопрествления он так и захотел крикнуть им, обступившим его по кругу и нещадно тянущим в его сторону свои загибающиеся руки с потусторонними троянскими «дарами»: «Да идите вы все к черту!» Но потом каким-то своим врожденным чутьем все-таки сообразил, что чертыхаться по отношению к тем, кому сами черти даже и в подметки не годятся – это все-таки вершина бессмысленности, еще более высокая, чем все современные достижения земной рекламы, вместе взятые.

Так и стоял он, отмахиваясь и отнекиваясь, пока делающие свое грязное дело наперебой вещали о прелестях предлагаемых ими новшеств. Но, к счастью, многое в этой, равно как и потусторонней жизни имеет свойство однажды заканчиваться, так что закончился и этот ночной кошмар не вешего Олега. Продолжая тихо ворчать себе под нос и тереть кулаками глаза, в этот момент ошарашенно смотревшие в сторону будильника, на котором значилось уже десять часов утра, Олег по давно уже заученной привычке, с непреложной неизбежностью будто очередной рекламный звонок, пошатывающейся походкой направился в ванную, дабы хоть немного привести себя в порядок после этой в низшей степени буйной ночи.

От очередного священного сеанса утреннего бритья его оторвал запрыгавший от вибраций на стуле телефон. Утренней радости этого своего гаджета Олег в эту минуту не разделял – и, черт возьми, оказался как нельзя более прав.

«Доброе утро!» – без лишних стеснений радостно прокричал Олегу в уши неизвестный голос еще менее известного даже в узких кругах молодого человека, стоило тому только взять дело управления трезвонящим телефоном в свои крепкие мужские руки.

«Я хотел бы поговорить с Олегом Александровым. Это вы?» – уверил в полной серьезности своих намерений голос в трубке.

«Положим, что вам сегодня повезло, и это действительно я. Что будем делать с этим фактом?» – пробурчал в трубку все еще сонный Олег, сиюсь удерживать бритву второй свободной рукой.

«Ваш интернет провайдер «ООО Сетевые свершения» подготовил для вас уникальное новогоднее предложение! Только до конца декабря этого года вы сможете перейти на наш новый новогодний тариф «сеть-офигеть» всего за тысячу рублей и увеличить скорость своего интернет-соединения на двадцать мегабит в течение января и февраля следующего года. С марта же следующего года стоимость данной услуги будет составлять для вас всего лишь двести рублей в месяц. Также мы рады предложить вам услугу по страхованию вашего ТВ и вай-фай роутера от попадания в них молнии. Стоимость данной услуги составляет всего лишь триста рублей в месяц. Данное уникальное предложение действительно только до конца декабря. Ну что, вы согласны воспользоваться нашими новыми условиями обслуживания, Олег Александрович? Для подтверждения вашего согласия перехода на новый тариф ответьте, пожалуйста, «подтверждаю», для отказа скажите – «никак нет»».

«Никак да!» – буркнул в трубку Олег, едва только в монологе тараторящего в его телефоне человека-робота образовалась мельчайшая пауза, позволившая Олегу перехватить словесную инициативу.

«Что, простите?» – раздалось на том конце трубки. «Вы подтверждаете свое согласие?»

«Никогда! Никогда и ни разу я не давал своего согласия беспокоить меня вашими ранними утренними навязчивыми звонками!»

«Очень жаль!» – разочарованно ответил Олегу безымянный голос в трубке, явно до глубины души раздосадованный тем, что ему не удалось заработать для себя любимого очередную новогоднюю прибавку к премии. «Может быть, тогда вас заинтересует предложение по страхованию вашего вай-фай роутера?»

«От попадания в него метеорита – страхуете?»

«К сожалению, на данный момент наша компания не предоставляет подобных услуг. Но мы обязательно передадим ваше предложение нашему отделу продаж. Всего доброго и до новых встреч!» – убедительно уверил Олега в неизбежности их следующей встречи молодой голос и тут же самостоятельно повесил трубку, не дожидаясь новых оригинальных предложений для своего маркетингового отдела.

Более не прерываемый утренними рекламными звонками – «ни единого разрыва тишины!» – Олег успешно разделался с процедурой утреннего бритья и направился на кухню сварганить себе хоть немного кофе, дабы пробудить свой все еще сонный мозг и взбодрить все еще робкий дух. На работу он уже точно опоздал и свой сегодняшний план почти наверняка уже не выполнит, а значит – не видать ему недельной премии как своих ушей.

«Да и фиг с ней, с премией этой», – размышлял Олег, продолжая варить себе кофейные зерна в турке. «От такой работы уже черти всякие во сне мерещиться начинают. Пора тебе, парень, найти для себя нормальную работу!» – в который уже раз решил этим утром Олег. Как жаль, что суровые будни капиталистической экономики в рамках отдельно взятой столицы так часто решали иначе!

Как же раздражала Олега эта нещадная навязчивость рекламщиков и продавцов, от которой он мог найти спасение только по вечерам, сидя за компьютером в наушниках, слушая тяжелый рок и мерно покачиваясь на стуле в такт собственным не менее тяжелым чем рок мыслям. И за что только ему такой рок достался?

Вот, скажем, не далее, как вчера явился к нему неожиданно и неприглядно продавец пылесоса «Ширби». Этот «уникальный по своим характеристикам» пылесос шумел точно реактивный самолет, вереща всеми голосами преисподней и пытаясь, судя по всему, отговорить Олега от его возможного приобретения, а в ходе демонстрации его работы у пылесоса и вовсе сломались две насадки. На саркастически скрещенные на груди руки и иронический взгляд Олега представившийся Рашаном продавец никак не реагировал, усиленно пыхтя и что-то переключая в своем чудо агрегате в надежде все-таки заставить его вновь заработать. Надежды эти в какой-то момент даже оправдались – правда, ненадолго. Уже через десять минут после очередного включения адский двигатель пылесоса заглох и перестал подавать малейшие признаки того, что можно было бы с натяжкой засчитать в качестве его личной технической жизни. Вместе с двигателем умолк и тараторящий продавец, в тот момент как нельзя более ясно осознавший, что на фоне полной тишины его бодрый доселе голос звучит уже как-то не столь уверенно.

«Не Ширби, а Ширли-Мырли какой-то!» – хохотнул Олег. «И всего-то за каких-то – сколько вы там говорили? – сто тысяч рублей?»

«Мы готовы предоставить вам скидку за этот уникальный агрегат в размере...» – попытался спасти свое тонущее положение Рашан. Но спасение утопающих, как говорится...

«Дверь – там», – мягко подсказал ему Олег. «Спасибо за проведенную демонстрацию возможностей вашего продукта. На данный момент наша компания в лице меня не готова его приобрести».

«Может быть, хоть телефоны знакомых дадите?» – попытался ухватиться за последнюю соломинку продавец чудо-пылесосов.

«Нету у меня никаких знакомых! Маньяк-одиночка я!» – Олег рывкнул и надвинулся на продавца реактивных пылесосов с такой убежденностью, что тот быстро поспешил ретироваться за указанную ранее дверь, поспешно упаковывая свой чудо-юдо-агрегат уже без лишних вопросов.

«Рок у нас, видимо, такой», – размышлял Олег, продолжая поглощать наваристый кофе вместе с парочкой самодельных бутербродов.

«Дзинь!» – отвлек Олега раздавшийся дверной звонок, недвусмысленно сигнализируя о том, что его нелегкий рок опять принес кого-то на его же собственный порог.

«Скажите, а вы верите в Бога?» – синхронно, лукаво, сладкоречиво и без лишних представлений пропели ему в уши две новоявленные старушки, стоило только Олегу немного приоткрыть входную дверь. «Иисуса Христа, принявшего смерть свою за грехи наши», – решила на всякий случай уточнить одна из них.

«Возможно. Зависит от настроения», – попытался отшутиться Олег.

«А хотели бы вы узнать больше о Спасителе нашем и пути его?» – меж делом спросила одна из старушек, усиленно листая носимую с собою книгу в очевидном намерении сразить Олега наповал собственным умением прочтения напечатанных текстов вслух.

«А ваш Бог – он, случаем, не черный? А то я, знаете ли, тот еще расист», – решил перейти в наступление Олег. «И еще у меня была двойка в школе по иностранным языкам. Так что я очень надеюсь, что он говорит по-русски!»

«Как можно!» – возмутилась одна из божьих свидетельниц. «Конечно же, он понимает все наши языки. Но ведь наш самый главный язык – это язык души! Послушайте, что он говорит для сынов своих...» – начала вторая старушка с томиком, уверенными движениями перелистывая сразу несколько страниц книги.

«Что верить нужно ему, а не самозванцам? Дак это я и до вашего посещения знал».

«Бог наш милосерден, он готов простить ваши грехи за малую толику...»

«Я давно не переписывал на него свою квартиру? Вам, кстати говоря, тоже бы не советовал – Россию, как говорится, испортил именно квартирный вопрос. Денег нет, но мы держимся. Селяви, ариведерчи, хасталависта – или как у вас там говорится? В следующий раз просим вас приходиться с настоящим, неподдельным Христом. До новых встреч!» – не дав опомниться открывшим было рот сектантам, Олег захлопнул входную дверь к их упущенным возможностям.

Окончательно потеряв всякую надежду успеть выполнить свой сегодняшний рабочий план, Олег в спешке закинул недоеденный бутерброд себе в сумку, залил остатки кофе в термос, накинул зимнюю куртку на плечи и спешной походкой двинулся на встречу своей собственной новогодней судьбе.

Не успел он дойти до автобусной остановки, как телефон радостно оповестил его о новом – совершенно бесплатном! – входящем вызове.

«Страхрахпрахфинанс Банк готов предложить вам как нашему прошлому постоянному клиенту новые условия по обслуживаемым кредитным картам. Выпуск кредитной карты уже был для вас предварительно одобрен, для ее получения в случае согласия с обновленными условиями кредитного договора вам необходимо...»

«Пройти мимо!» – Олег каким-то чудом успел прервать выговоренный скороговоркой монолог банковского служащего за секунду до того, как нажать на вожделенную красную кнопку своего телефона.

«Никаких красных кнопок на вас не хватит», – с досады подумал он, запрыгивая в открывшуюся дверь новоприбывшего автобуса.

Сверкающие всеми цветами радуги билборды. Безапелляционно сующие в руки цветастые флаеры молодые люди. Огромные экраны на стенах домов и торговых центров, день за днем гоняющие по кругу свои предзаписанные, предодобренные и предвзятые видео. Тут и там возникающие словно из-под земли прямо по пути следования рекламные боксы. Утренняя Москва со всех сторон встречала Олега устами своих маркетологов, не оставляя ни единого шанса остаться не вовлеченным в эту цветастую белиберду.

На ходу сбрасывая звонок от очередного «Центра исследования общественного мнения», настойчиво интересовавшегося политическими взглядами своего респондента и его отношением к сексуальным меньшинствам, запыхавшийся Олег вбежал в офис своего постоянного, но от того ничуть не более радостного места работы, на ходу лавируя между снующими тут и там точно муравьи коллегами, более напоминавшими Олегу сокамерников.

«Босс не вырисовывался?» – успел задать он вопрос своей коллеге Людмиле за секунду до того, как улицезреть своего начальника, уверенной и властной походкой направлявшегося прямоиком к нему с выражением лица, не предвещавшего ни единой премии.

«Ну прямо-таки явление Христа – виноват, всего-навсего Олега – народу!» – саркастически процедил сквозь зубы тот самый босс. «Значит так, Олег. Если хочешь остаться хоть с четвертью премии под новый год, живо забирай товар и валяй по адресам. Людмила уже внесла их сегодняшней список тебе в базу. И чтобы с голыми руками возвращался!» – босс изрек свою набившую оскомину знаменитую в местных кругах шутку, обнажил пару золотых коронок и также плавно, слегка покачиваясь из стороны в сторону точно тяжелый галеон под непослушными ветрами, отчалил в свой кабинет.

«Не в духе?» – понимающе кивнул Олег в сторону босса.

«А когда он в нем был то?» – не отрывая головы от клавиатуры произнесла Людмила и протянула высунувшийся из принтера листок.

«Вот адреса. Товар на складе. Дуй давай!» – улыбнулась она. «А то и впрямь совсем без премии останешься».

* * *

«Кто там?» – спросили из динамика домофона.

«Дед Мороз!» – ответил Олег заученной фразой.

«Ладно, проходите. Порадуйте там хоть кого-нибудь в этом мрачном мире», – раздалось в трубке, и дверь послушно открылась.

Девять этажей очередной «хрущевки».

«Здравствуй, Дедушка Мороз! Что за хлам ты нам принес?» – мысленно поиронизировал сам над собой Олег.

Железная дверь на первом этаже с резной деревянной обивкой. Выглядит солидно. Есть шанс.

Олег поправил свой арендованный у компании черный деловой костюм, кашлянул пару раз, стараясь прочистить горло, и нажал на звонок.

«Кого там еще зима принесла?» – раздалось из-за двери недовольное приветствие по прошествии около десятка секунд.

Олег натянуто улыбнулся, выпрямился по стойке «смирно», набрал воздуха в грудь – и...

«Здравствуйте, меня зовут Олег Александров! Наша компания проводит предновогоднюю распродажу – и прямо сейчас у нас есть для вас уникальное предложение, от которого вы не сможете отказаться!»

25.12.2019

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Приговор

– Встать, суд идет!

– Всем встать. Спасибо! Прошу всех садиться. Объявляю слушание по делу поэта открытым. Хочу напомнить стороне обвинения и защиты, что мы имеем дело с крайне опасным социальным элементом, маскирующимся под чужим именем и необоснованно утверждающим о начале нам до конца неясных кардинальных изменений всего общественного миропорядка.

– Земного миропорядка, господин судья. Так утверждал обвиняемый.

– Да, благодарю вас, обвинитель, за это уточнение. Всего земного миропорядка. Какая наивность!

– Господин судья, могу ли я начать?

– Разумеется. Первой мы слушаем сторону обвинения. У вас ведь есть, что сказать нам?

– Ну, разумеется, имеется! Итак, гхм, прежде всего, я прошу обратить внимание присяжных заседателей и всех собравшихся в этом зале на этого самого, с позволения сказать, творческого человека. Посмотрите, какой безумный у него взгляд, как сверкают его глаза каким-то чудным и странным огнем! А какая неслыханная дерзость – писать о вечной жизни и потенциальном человеческом бессмертии! Мы, ценители и почитатели классической литературы, со школьных лет выучили одну простую истину: доверяй, но проверяй! И вот эта проверка его откровенно бредовой писанины не выдерживает никакой критики. С давних пор всему человечеству известно – и это подтверждается официально зафиксированными на бумаге воззрениями представителей христианской веры – что человек как существо и обладающее, возможно, некоей душой, живет одну и только одну жизнь и решительно не способен к возрождению в новых обликах. Не будем сейчас принимать во внимание все те нелепости, о которых можно узнать из уст так называемых духовных лидеров Востока, потому что они не выдерживают никакой решительной критики. Где же это видано, чтобы человек не умирал навечно, ну скажите мне на милость, господа собравшиеся? Увы, по воле Бога мы все смертны, ведь из праха пришли и в прах возвращаемся. Увы, но таково понятие нами мироустройство – а уж за семь тысяч лет мы, знаете ли, сумели понять его вдоль и поперек! А поскольку человек – существо откровенно и решительно внезапно смертное, то и, простите, писания о вечной жизни и, как следствие, новом мире, есть просто бред слабоумного! Да стоящий перед вами индивид и есть слабоумный, ведь только подобные могут столь самозабвенно и бескорыстно созидать подобный хлам!

Признаю, возможно, что обвиняемый и обладает некоторым творческим даром, но где же гарантия, что это не происки врагов рода человеческого, желающих погубить и уничтожить всю нашу стабильность? Мы не можем допустить подобного непотребства, поскольку его заявления подрывают все основы нашей столь долго воздвигаемой управляемой государственности.

Мало того – они подрывают практически все наши культурные верования, все наши традиции, устои, ритуалы, привычки и предрассудки, в конце концов! Это, господин судья, и я не побоюсь этого слова, просто самый что ни на есть духовный террорист! Это враг всего нашего социума, всех наших идеалов, к которым мы готовили этот социум в течение многих лет. Это просто безумец, в конце концов! Он способен уничтожить всю нашу традицию, всю нашу власть, всю ту стабильность, к которой мы столь долго шли. Да он просто издевается над людьми и морочит им голову всякой туфтой... Да лучше бы они смотрели телевидение, пили и жрали, в конце концов, чем читали эти развращающие сознание стихи!

Прошлое невозможно вернуть – и, значит, люди не могут возрождаться, это решительно невозможно, я просто отказываюсь в это поверить, господин судья – и, надеюсь, вы разделяете мои опасения по поводу подобных потенциальных внезапных изменений духовного сознания ведомых нами людей. Оно нам решительно ни к чему – как ни к чему этому миру и подобные безумцы.

Посмотрите, вы только взгляните, насколько фальшиво-проникновенно обвиняемый сейчас пытается смотреть мне в глаза... Б-р-р-р! У меня просто мурашки бегут по коже, господин судья. В этом взгляде что-то есть, что-то действительно страшное – как и в этом человеке. Мы не можем допустить, чтобы он повлиял на умы наших верноподданных, чтобы он извратил их и отвел с праведного пути патриотизма и подлинной веры – той самой православной веры, которую он попирает каждым своим словом, каждым своим намеком, каждым своим призывом к освобождению от духовных оков!

Как же можно считать себя верующим человеком – и при этом не соблюдать все каноны и ритуалы православной церкви? Как можно утверждать, что Бог никогда не жил в храмах? Как можно отрицать всю нравственную пользу фанатичного религиозного экстаза? Как можно не признавать столь демократически избранную власть, в конце концов? Террорист, это один из самых опасных террористов за всю историю нашего государства!

Все вы видели его работы, и наши психотерапевты недавно также вынесли свое профессиональное заключение: этот человек безумен! И это подтверждается ведущими медиками страны в их официальных заключениях, которые я готов предоставить вашему вниманию, господин судья, и вниманию господ присяжных заседателей. Поэтому я настоятельно прошу вас, господин судья, пресечь дальнейшую пагубную деятельность этого индивида и поместить его туда, где ему и подобает быть – заключить в психиатрическую лечебницу на многие годы вперед, вплоть до того самого дня, когда сам Спаситель – если он, конечно же, существует – во плоти своей и славе своей спустится в наш мир, дабы помочь нашим праведным душам выбраться из лона теней без всяких на то усилий с нашей стороны! Господин судья, я закончил.

– Благодарю вас за столь долгую и трогательную – я бы даже сказал, сердечную – речь. Я и, полагаю, все собравшиеся в зале, включая близких родственников обвиняемого, предельно тронуты такой вашей смелостью и прямоотой! Ну, а теперь, я думаю, стоит выслушать и сторону защиты, если у нее, конечно, имеется, что сказать собравшимся сегодня в этом зале. Сторона защиты, слово предоставляется вам.

– Благодарю вас, господин судья. Вы знаете, я очень люблю свою профессию, и не мне говорить вам, насколько необходимо всем нам порой относиться с человечностью и пониманием друг к другу, пытаюсь помочь, но... Вы знаете, господин судья, я думаю, что это не тот случай. Я старался, я правда хотел бы быть гуманным и способным сказать что-либо значительное и важное в оправдание подсудимого, но... у меня не хватает слов, чтобы отныне сделать это. Я... не вижу достаточных причин для того, чтобы обвиняемого могли хоть как-то помиловать или оправдать. Я, как и сторона обвинения, считаю необходимым его изоляцию от общества – на как можно более длительный срок. Я сказал.

– Что ж... благодарю вас. Можете садиться. Имеет ли смысл спрашивать мнение обвиняемого, господин обвинитель?

– Я... не думаю, что мнение безумца может иметь хоть какой-то смысл для всех нас, господин судья.

– В таком случае суд удаляется для принятия решения.

* * *

«Всем встать! Спасибо. Прошу садиться. Основываясь на показаниях защиты, обвинителей, и приняв во внимание мнение присяжных заседателей, суд постановил: признать обвиняемого невменяемым и, как следствие, недееспособным, и принудительно заключить его в психиатрическую больницу сроком как минимум на один год с возможностью дальнейшего его продления по показаниям независимой медэкспертизы. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Прошу eskortировать обвиняемого к месту его дальнейшего пребывания немедленно. И да поможет ему Господь!»

* * *

Они хохотали и улюлюкали. Они плевали в лицо. Они откровенно ликовали.

– Ну что, Наполеон всея Руси, попался?

– В шестую палату его!

– Аффтар жжот! Палата ждет!

– Коль пойман – ты псих! Какой клеветный стих!

Бригада скорой помощи надела на человека смирительную белую рубашку и тащила его через всю площадь к припаркованной рядом машине, завывающей всеми голосами преисподней. Арестант не сопротивлялся – в данный момент это было ни к чему.

Толпа кричала и стремилась наброситься на новоиспеченного арестанта, так что отдельной группе силовиков, сопровождавших медиков, приходилось активно оттеснять особо резвых. Человек был нужен режиму живьем – живое свидетельство его победы над собственной совестью и честью.

Еще недавно солнечное небо внезапно стало покрываться тучами. Они ползли и ползли одна за другой откуда-то с горизонта, наплывая одна на другую и закрывая собой небосвод. За какие-нибудь десять-пятнадцать минут оно сделалось практически полностью черным. Вскоре сверкнула первая молния, а дождь забарабанил крупными сочными каплями по мостовой.

Буря была почти готова родиться. Небо выносило каждому живущему свой собственный приговор.

14.01.2011

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Простить

Удар. Еще удар.

Маленькие струйки крови, стекающие из разодранной кожи.

Боль. Волны боли, бороздящие и сжимающие в судорогах тело, туманящие разум.

Отчаянный тихий-тихий полувскрик, полный неизбежной тоски.

Грозное лицо отца, нависшее совсем-совсем рядом. Обнаженные белки глаз, полный злобы и ненависти взгляд.

Снова боль. Еще. Еще.

Комок чего-то теплого, застрявший в горле и не дающий дышать.

Плевков на пол, плевков – кровью.

– Папа, остановись! Не н-а-а-а-а-д-о-о-о-о... За ч-т-о-о-о-о-о-о?

– Ах ты, маленький гаденыш! Я разве тебе не говорил, что со взрослыми нужно разговаривать вежливо и уважительно?! Тем более со мной! Ты почему посмел назвать меня гадом? Как ты смел так назвать своего родного отца?! Ах ты неблагодарный выродок! Получи, маленькая скотина! Получи, тварь!

Хрип. Дышать уже невозможно.

– Да остановись ты, отец! За что ты бьешь ребенка, засранец! Что же ты за зверь ты такой! Остановись, говорю тебе – ты же сейчас убьешь его!

Голос матери, еле дошедший до сознания – тихий и ласковый голос, сейчас сделавшийся каменно-твердым и каким-то совершенно изломанным. Он всегда делался таким, когда отец бил его. Но – и только.

– Молчи, женщина! Не ты мне будешь указывать здесь! Здесь главный я, и ты – ты будешь выполнять мою волю! Уродец посмел назвать меня гадом, а я такого не прощаю! Ты слышишь меня?! Я мужчина, а не жалкая тряпка – и такого не прощаю. Никогда!

Снова удар.

До чего же больно... Его тело так и не становилось железным, а ведь временами он так этого жаждал...

И вновь голос матери – но почему-то уже совсем тихий. Странно... это она так говорит или он уже перестал слышать?

Удар.

Мир изменился – исчезли все звуки. По лицам родителей он видел, что они продолжают о чем-то спорить, но вот слышать их он уже перестал.

Один раз отец что-то, кажется, прокричал в ответ жене, но затем вдруг на лице его появилась какая-то растерянность, и он было уже опустил руку с увесистой деревянной палкой...

Но – только на мгновение. Но – только наполовину. Внезапно лицо его снова приняло прежний – свирепый и ужасно отталкивающий вид. Он повернулся к сыну.

Сейчас. Сейчас ударит снова...

Удар. Удар. Удар.

Ломашущееся дерево. Новая вспышка боли. Мир померк.

* * *

Тихий голос, ласкающий слух подобно теплым волнам морского прибоя. Склоненное над ним лицо матери. Льющаяся прекрасная песня.

Смесь седых и русых волос. Седых... А ведь она, его милая мама, была еще так молода...

Я должен это выдержать. Во что бы то ни стало – должен. Обязан. Иначе – нельзя. Должен.

И снова забытие.

* * *

Он открыл глаза. Да, это его мир – мир, в котором он родился. Добрый мир?

Мать, мать всегда ему говорила, что этот мир такой, каким его видят люди и каким стремятся сделать. Мир таким становится – для каждого человека. Добрым или злым, прекрасным или безобразным, полным великих тайн или совершенно бессмысленным. Неизвестно как, но мир становится таким, становится – всегда.

Он прикрыл глаза. Постепенно возвращался слух, хоть и с трудом, но начинало чувствоваться тело. А потом он опять уснул – и спал долго-долго. Ему показалось, что целую вечность, хотя в реальности, быть может, не прошло и дня.

В этом своем сне он слышал голоса людей – слышал смех и чувствовал их восторг. Он ликовал вместе с ними, он пел с ними, и голос его как-то вплетался в общую гармонию голосов – и тогда песня-восторг, песня-ликование звучала еще сильнее и радостнее. Он радовался жизни, радовался с другими – такими же, как он, умеющими радоваться. Он любил жизнь... Любил, несмотря на преграды, несмотря на проблемы. Он любил жизнь...

А затем он проснулся.

* * *

Молодой человек проснулся и как-то неловко встряхнул головой, отгоняя недавнее наваждение о побоях. Наваждение ли?

Нет.

Он точно знал, что все это когда-то было с ним. Он это помнил...

Зачем он это помнил, почему не мог выбросить из памяти эти отрывки мучений, почему верная память не позволяла ему такое? С какой целью хранила она эти давние воспоминания давно ушедших лет? Кто знает...

Он так тщательно старался отгонять из мыслей эти события своего прошлого, так усиленно пытался их забыть... Но – никак, но – не получалось.

Почему даже теперь, когда у него есть так много – любимая женщина, с которой он как ни с кем другим близок, которая понимает его с полуслова, которая любит его, и жить с которой он рад и счастлив... прекрасная работа, позволяющая помогать огромному числу людей... слава, богатство, признание, успех – почему даже теперь эти жуткие картины, монстры прошлого, встают у него перед глазами? Напоминание о том, что ему пришлось пережить? Предостережение?

– Хватит бежать, – подумал он. – Хватит бояться. Хватит помнить об этом и постоянно перемалывать в памяти. Пора, наконец, простить людей – простить за ошибки, простить и отпустить от себя. Забыть – и простить. Простить – и забыть.

Тогда, развернувшись к окну и подняв глаза навстречу восходящему утреннему солнцу, он прокричал: «Отец, я прощаю тебя за ту боль и страдания, которые ты причинил мне. Я прощаю тебя и отпускаю с миром. Иди своей дорогой. Расстанемся без злобы и ненависти. Будь прощен мною!»

Прокричал громко и радостно. Прокричал так, как, возможно, кричат, ликуя, воины после победы.

– Я прощаю тебя! Да будет так!

– Да будет так... – разнеслось далеко на просторы.

И тогда прекрасная музыка, музыка ликования и восторга наполнила его слух. Это была его музыка, музыка его детства.

Знак его пути.

02.04.2003

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Пятеро в лодке, не считая кошки

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему (с) Л.Н.Толстой

– Шторм приближается, – заметил капитан судна. – Можем не успеть. Нам бы...

– Успеем! – бесцеремонно перебила его Хозяйка. – Если бы ты послушался меня еще триста двадцать семь гребков назад, то мы бы вообще в него не угодили. Ведь говорила я тебе, остолоп, – на юг, на юг нужно было грести! А ты все – мы пойдем на север, мы пойдем на север! Вот и греби теперь на восток, умник! И только посмей мне разбить нашу семейную лодку!

– Да ладно тебе, – стушевался Капитан. – Ведь как красив север! Северное сияние, холода до остановки крови, завывания ветра до потери слуха, пингвины на льдинах, наконец...

– Да, пингвины – это тема. Хотел бы я увидеть хоть одного живого, – встрял Средний брат в разговор.

– А я хочу на запад, – внезапно отрезал Старший. – Там жизнь лучше и люди культурнее – не ругаются как некоторые.

– Вот один у меня тогда туда и поплывешь, в следующей жизни. Если мозгов не хватит. А сейчас плывем на юго-восток! – Хозяйка начинала все больше злиться.

– Дак на юг или на восток, ты определись уже, наконец! – было отчетливо заметно, что Капитан уже начинает сердиться.

– Сначала на юг, потом на восток, что непонятного? Или тебе инструкция на каждый гребок нужна?

– Не нужна, – обиделся Капитан. – Сам уж справлюсь как-нибудь, отойди!

С этими словами он плюхнулся на нос судна и начал ожесточенно бить веслами по воде, как будто бы периодически окатывавшие его волны соленой влаги были способны заглушить разгоравшийся в душе пожар.

– Ну и куда мы опять плывем?! – бесцеремонно-проникновенно воскликнула через пять минут наблюдения за этим непотребством Хозяйка. – Ведь там же север! Ты лодку то так и не развернул!

– Раз такая умная, бери весла и греби сама! – отрезал Капитан. – Не умеешь ты ценить помощь!

– Мне такая «помощь» и даром не нужна. Ничего вы все не умеете, все приходится делать самой!

С этими словами Хозяйка уселась на корму и начала выводить веслами элегантные пируэты по воде.

Гребок. И еще гребок. И еще несколько десятков. В-у-у-у-х! – и внезапно накатившая на судно волна смысла половину разместившегося там инвентаря, не пощадив даже банальной еды.

– Ты что сделал, засранец! – закричала Хозяйка. – Ведь там же были наши неприкосновенные запасы, на черный день заготовленные! Ведь там же последние подарки моей матери были! Не для тебя, для детей все готовила, по крупинкам собирала! Что же ты за неуклюжий то такой!

– А я дак не для детей! – насутился Капитан. – И вообще, если это так важно, крепить лучше надо было!

– А я и крепила! Все связывала, все перевязывала! Кто же знал, что ты все в один миг смыть то сумеешь?

– Багаж смыла волна, – успел встрять в очередную перепалку Средний. – Человек не властен над волнами.

– Шторм приближается, – заметил Старший. – Я вижу его на горизонте.

– Да ты только посмотри, что натворил! – как будто не слыша продолжала восклицать Хозяйка. – Смыл наш багаж, разбудил Младшенького...

– Да, да, – просопел из угла лодки продирающий глаза Младший. – Разбудил, разбудил! Плохой, плохой!

– И даже кошку нашу сумел обмочить!

– Мяу! – сказала вылезшая из-под сиденья взъерошенная кошка, изо всех сил начавшая облизывать собственную мокрую шерсть. – Мяу! – повторила она и с укоризной в своих кошачьих глазах уставилась на всех виновников торжества стихии.

– Вы гребете в противоположных направлениях, – саркастически заметил Старший. – Планируете продолжать или остановитесь? Шторм уже близко.

– Шторм, шторм! Мама, мама! Спаси, спаси! – заплакал Младший.

– Сейчас, маленький, сейчас! Все эти остолопы никак не понимают, что нужно грести на юг! Одна мама все знает, все умеет, все предвидит! Она поможет, она спасет!

– Мяу? – вопросительно уставилась на нее подмоченная кошка.

– Шторм, однако, не предвидела, – хмыкнул Старший. – Давай, замению тебя, – сказал он Хозяйке и бесцеремонно взял одно весло. Средний взял второе.

– На север сплаваем завтра, втроем, – отрезал Старший, обращаясь к Капитану. – А сейчас гребем все вместе на восток, – добавил Средний. – Ну же, взялись!

Гребок. И еще гребок. И еще несколько сотен.

Они почти доплыли до берега – но шторм их все-таки настиг. Он заметал и закружил лодку, окатывая ее волнами. Он смыл еще часть багажа. Он, наконец, уже во второй раз не пощадил несчастную и уже было начавшую обсыхать на ветру кошку. Он несколько раз ударил волнами в лицо капитана. Он дотянулся до кормы со Старшим и Средним. Он окатил водой заверещавшего Младшего.

Словом, он был жесток. Но и не всемогущ.

Буря кончилась, и показался берег. Всего-то пара сотен метров. Всего-то протекающая и полуразрушенная лодка. Всего-то мокрая кошка, трущаяся у ног в тщетной попытке согреться.

– Козлы! – крикнула пришедшая в себя Хозяйка. – Разбили лодку! Смыли багаж! Залили Младшенького! Нету больше моих сил, изверги! – и с этими словами она схватила Младшего и вместе с ним сиганула за борт, усиленно выгребая к берегу в южном направлении.

Оставшиеся втроем (вчетвером, если считать за пассажира мокрую кошку) из последних сил догребли до берега, попутно вычерпывая скапливающуюся в прохудившейся лодке воду.

– Ну, куда теперь то? – вопросительно посмотрел на них экс-капитан.

– На запад, – уверенно произнес Старший. – Там штормовые предупреждения обычно объявляют заранее.

– Ну а я тогда ради разнообразия, пойду, пожалуй, на восток, – решил Средний.

– Ну, раз такое дело и мое руководство уже больше никому особо не нужно, пойду-ка я, пожалуй, на север, – воодушевленно заметил Капитан прохудившейся лодки. – Всегда мечтал там побывать хоть раз в своей экс-капитанской жизни...

P.S. Ну, а что же кошка? Жива-с. Выпрыгнув в самый последний момент из своего недавнего обиталища, с шумом разбившегося о берег, она как ни в чем не бывало выгнула спинку и, прогнувшись, стряхнула с себя все остатки этой никчемной морской влаги, пропитанной солью жизни, ободрительно мяукнула пару раз, да и побежала, куда хвост глядит. Отдалась, так сказать, новой жизни.

10.04.2010

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Рожденные для жизни

– Мама, мама, смотри, это тот самый магазин! Давай сходим туда, и ты мне купи того большого трансформера, что я просил, ладно?

– Нет, сынок, трансформер тебе будет на день рождения – а сейчас у нас нет денег на такие развлечения.

– Ну мамочка, ну пожалуйста! Я ведь так давно тебя просил об этом. Я так хочу того трансформера, о котором я тебе тогда говорил! Это лидер добрых трансформеров, которые сражаются с Мегатроном, я хочу именно его! Ну пожалуйста, ну купи! А я уберу за это всю свою комнату, хорошо? А, мам, хорошо? Купишь?

– Павел, нет. Я тебе уже говорила – я не могу тебе его пока что купить. Только на день рождения. Сейчас не могу. Не могу. Ладно, теперь пошли в магазин за едой. Приготовим сегодня на ужин что-нибудь вкусенькое, хорошо?

– Хорошо... – но по голосу ребенка никак нельзя было бы сказать, что он с удовольствием бы променял возможность обладать игрушкой своей мечты на один вкусный торт или пирожное.

Мать – еще достаточно молодая женщина лет тридцати и ее сын – ему можно было дать на взгляд лет пять-шесть – развернулись и направились в противоположную сторону от магазина игрушек.

Ребенок вздохнул и, наконец, отвернул от него свой взгляд. Маму опять не удалось упротить, а это значит, что теперь дожидаться любимой игрушки ему придется еще несколько месяцев...

Однако прошли они немного.

– Лена! Леночка, ты ли это? – и какая-то женщина подошла к его матери.

Его мама развернулась навстречу ей, и на лице ее появилась улыбка.

– Оля! Привет! Какими судьбами ты то оказалась здесь?

– Я в командировке. Связи с общественностью, деловые встречи, бизнес. Ну, ты понимаешь, – и она многозначительно улыбнулась. – Ну, а ты то как живешь?

– Нормально. Не так шикарно, как ты, конечно, но все же ничего.

Они помолчали.

– А ведь мы с тобой десять лет не виделись... – его мама произнесла это почему-то немного даже грустно.

– Да, десять лет... Как-то они быстро для меня пролетели... как мгновение почти. Ну, а для тебя как?

– Нет, для меня не быстро. Для меня они шли интересно. Все благодаря ему, – и его мама указала на него рукой.

– Ой, а это Па... Павлик, да? А я его помню еще совсем маленьким... Привет, Павлик, – сказала она и, протянув ему свою руку, добавила, – дай тете ручку!

Он взглянул на маму. Она улыбалась и как бы говорила ему – “ну, сынишка, поздоровайся с этой тетей”.

Тогда он перевел взгляд на незнакомую женщину и медленно протянул ей руку.

Когда же она взяла его маленькую ладошку в свою, как будто бы какая-то холодная и в то же время обжигающая волна прошла по его руке. Он порывисто, резко и неловко отдернул свою руку.

– Смотри-ка, какой нелюдим! – незнакомая женщина нахмурила брови и поджала губы. – Ну ладно, не хочешь со мной хорошо поздороваться – и не надо. Хотя у меня нет таких проблем, – добавила она чуть тише. – Слушай, Ленуся, вот что. Я тут остановилась в одном отеле деньков на пять. Я бы могла зайти к тебе в гости как-нибудь – поговорим с тобой, вроде как давно не виделись, старые подружки, – незнакомка улыбнулась. – Ну как, идет?

Его мама задумалась.

– Хорошо, – ответила она секунд через пять. Я с удовольствием тебя встречу. Приходи сегодня вечером – адрес я тебе напишу.

Потом начались копания в сумках, поиски бумажек, уточнения адреса. Он уже не слушал.

Когда еще минут через десять его мама наконец-то распрощалась с этой женщиной, она подошла к нему, подмигнула и сказала – «Сегодня к нам с тобой придет тетя Оля. Будь умницей и веди себя хорошо», – и мама поцеловала его в лоб.

Он содрогнулся, когда услышал это от нее. Он содрогнулся при одной мысли о том, что ему вновь придется быть рядом с этой женщиной, выдерживать ее какой-то полный неприязни взгляд, и даже снова здороваться и прощаться с ней! Пожалуй, он не мог точно объяснить даже самому себе, чем же ему не понравилась эта женщина, – но уже при одной мысли о ней его наполнило омерзение.

– Я не хочу, чтобы она приходила к нам, – прошептал он.

– Не хочешь? Что значит – не хочешь? Нет, мы не можем ей отказать. Сынок, я не виделась с ней уже очень много, это моя бывшая сокурсница. Я не могу отказать от ее предложения!

– Не хочу, не хочу, не хочу! Это плохая женщина, я не хочу, чтобы она приходила к нам!

– Так! Немедленно бросай эти разговорчики! Сейчас мы придем домой, я приготовлю еду, и мы будем ждать ее в гости. И никаких «но» мне!

Ребенок заплакал.

Он заплакал тогда, когда мама дернула его за руку и повела домой, совершенно не давая ему возможности не выполнить ее желание. Ощущение необычайной брошенности и покинутости охватило его – как будто весь мир вместе с его мамой в мгновение ока навсегда отвернулись от него.

Они брели и брели к их дому. Всю дорогу он представлял себе, как та женщина беспрерывно буравит его своим взглядом, и ему хотелось разрыдаться еще сильнее. Когда же этот мучительный и нескончаемо долгий путь завершился, и он вошел в их дом – то вбежал в свою комнату, бросился на кровать и, закрывшись от досады подушкой и зарывшись в одеяло, стих.

Он смутно помнил, что было потом. Кажется, мать все-таки нашла его в его убежище. Кажется, она заставила его одеваться в какой-то неловкий выглаженный костюм. Кажется, потом они ждали гостю.

Ожидание это оказалось мучительным – а когда он вновь увидел перед собой лицо этой женщины с натянутой на него улыбкой, когда ему вновь пришлось ощущать это ледяное прикосновение – он чуть было не заплакал вновь.

Потом его мама еще долго беседовала с той женщиной. Он не слышал их – ему разрешили посидеть одному в своей комнате (и как же он был рад этому!). Лишь изредка обрывки слов и фраз долетали до него.

...привет! Ну вот и я...

...юм?

...ага. Это мой деловой костюм. Ну как я тебе в нем?

...ой... это что?

...да ты не на браслет смотри! Смотри лучше, какие у меня серьги...

...угу...

...да, проходи.

...ой, ну и тесно же у вас. Как... можно жить?!

...уж можем. Не... богачи.

...да...

...фу, прочь! развели тут... охматой живности! У меня на шерсть аллергия!

Потом разговор, казалось, совсем притих, так что он уже почти ничего не мог услышать.

Да он и не прислушивался – лишь громкие звуки иногда долетали до него.

...и?

...ну и...?

...да ну?

...а ты как?

...все также?

...да, ну что я... ты то как?

Так продолжалось еще примерно час.

Потом почему-то стало тихо – а еще через пятнадцать минут изумленный голос его мамы громко воскликнул...

– Что ты сделала?!

...оставила. Подумаешь, велик ущерб! Да он... не... ужен был.

...ребенка... оставила?! В... оддоме?

...же говорила – мне его не надо было. Но этот... ранец как-то выжил... аки после... приема... блеток! Ехать делать... орт... как с другими я... е стала. Ну а раз... уже был... то... я... ставила его там... быть найдется... сердобольная женщина и... му... дадут... мереть.

...да... ты могла?! Он... же... ивой... ек!

...мне то что... этого? Был... ивой и будет живой, если... позаботятся! Мне... равно. У... есть своя жизнь... не хочу тратить ее на... якую мелюзгу! Я... ще слишком... лода. О... игуре должна тоже... позаботиться. Ну... ы... аешь.

– ...е понимаю! Скольких же... ты... била?! Скольких бросила?! Ведь они же... чти наверняка погибли!

– Ну... ставила двух... борт ...ри раза делала. И... чего на меня зверем... отреть! Это... я жизнь в конце концов!

Потом его мама почему-то опять начала говорить тихо – а через минуту ее громкий голос заставил его зажать уши...

– ...из моей квартиры, ...не... подруга! ...бийца! Маленьких... той убила! Оставила! Убирайся!

Раздался шум, и он, выглянув из двери своей комнаты, увидел, как его мать почти что выталкивает ту женщину к выходной двери.

...рочь! ...е нужна... кая... друга!

...и уйду! Мне такая... упая... самопожертвенная дура тоже ни к чему!

Прошло еще секунд двадцать, и дверь с грохотом закрылась, выпроваживая гостя.

Когда он услышал шум приближающихся шагов, то бросился на кровать и зарылся в одеяло.

Его мама подошла к нему, подняла одеяло и крепко обняла его. Она плакала.

– Прости меня... ынок. Я должна была послушаться тебя. Ты лучше меня чувствовал ее. Я... не сумела. Я не думала... что... такая!... естокая!... сти меня, дорогой!

Он посмотрел на маму. Увидел эти плачущие грустные глаза, почувствовал эти теплые руки, ощутил идущую к нему любовь – и самозабвенно прижался к матери.

– ...не... огу представить, ...должен был чувствовать... ребенок, когда его... вали!... только хотел... выйти в мир... но его... безжалостно... ли! ...били! Господи! За... что? Такого ...аленького человека... убили!

Его мама продолжала плакать. Он еще крепче прижался к ней.

– Ты... у меня... родной... Ни за что... не... дам... обиду! Славный мой... Паша... живой мой, маленький... словечек!

– Я люблю тебя, мама!

– Сынок, я тоже люблю тебя!

* * *

– Вот так. Тот день я помню очень хорошо – несмотря на то, что мне было тогда чуть более пяти лет.

– Ты больше не встречался с той женщиной?

– Нет. И мать тоже больше не встречалась – отношения с ней были закончены навсегда. Мать больше не хотела видеть ее в нашем доме. Это и к лучшему.

– Да, наверное, ты прав. Как хорошо, что ты не оказался «сыном» такой вот матери! Потому что тогда я бы так никогда и не встретила тебя в этом мире.

– И я бы тоже не встретил тебя. Да, кто-то готов убивать детей – их убивают каждый день. Никто даже не считает, сколько людей могло бы родиться – и было убито из-за страха ответственности, из-за дурацкой прихоти, из-за трусости, из-за жестокости... Скоро материнство и рождение даже одного ребенка станет, похоже, подвигом мужественности... самое естественное станет «достоянием великих людей»... Радостно хоть то, что есть еще те, кто не боятся этого «подвига», есть – матери.

Нам с тобой повезло. Жаль, что не повезло другим. Стоит надеяться, что люди одумаются и поймут, что все их «аборты» – это убийство. Оправдания не имеют значения – есть поступок и есть следствие – для мира и для творящего поступки. И их не изменить – до тех пор, пока не будут изменены сами действия.

– Да, я знаю, ты верно говоришь. Но давай хоть на секунду не будем думать об этом, хорошо?

Хорошо? А теперь, Павел, возьми меня за руку. Крепче! Теперь слушай, что я хочу тебе сказать...

06.01.2005

Жанр: Рассказ
Категория: Признанное

Свободные как ветер

Лазурная гладь моря сверкала и переливалась под лучами восходящего солнца. Волны накатывали друг на дружку, вспенивались – и, подхваченные новым потоком, – уносились прочь. Дул свежий бриз – как раз такой, какой бывает здесь каждый второй день – собравший с моря дань влаги и теперь отчаянно бросающий ее в лицо блестящими холодными каплями. Ветер надувал паруса и те, прогибаясь под его потоком, раздувались и кренили корабль вбок. Но – лишь чуть-чуть. Прочные тросы, привязывающие судно к берегу, не давали ветру практически ни единого шанса сдвинуть эту махину и на десяток метров.

Вот раздался крик капитана – и матросы стали спускаться с мачт, чтобы продолжить работу уже на палубе. Скоро фрегат выйдет из этого порта в свое очередное плавание, а пока – разносимые по ветру крики, шум налаживаемых снастей, легкий скрип досок корабля, принимающего на свой борт очередную порцию груза, да свист ветра в лицо.

Странное и смутное чувство вновь не давало ему покоя: тоска по покидаемому пусть хоть и временному – всего на день-два, пока покупался новый провиант, а помощники капитана вели бойкие беседы с торговцами, пытаясь сбить цену на покупаемый товар, – но дому, новому дому среди бескрайних вод и штормов... радость от продолжения пути и какое-то странное предчувствие, что ему уже очень-очень недолго осталось жить этой жизнью, что его путь вскоре резко изменится – и он будет вынужден сделать новый важный шаг в своей жизни. Две недели назад как это ощущение родилось в нем, три месяца назад как он стал юнгой на этом корабле...

«Если человек верит в себя – то он может все. Помни об этом, сынок», – слова его отца, слова, которые он, простой портной, дал ему в путь – в его новый свободный путь по бескрайним просторам морей, в путь, который ждал его с детства и манил за собой в несбыточных мечтах, в путь, который должен вот-вот измениться, дав ему новый выбор.

Вновь крик капитана корабля, огласивший воздух – и матросы поднимают паруса. Их капитан был прирожденным лидером – гроза пиратов Карибского моря, он в своей молодости десятками блестящих атак на пиратские суда и их захватом создал себе это имя. Замечательный стратег и еще лучший тактик, теперь он стал морским торговцем, одним из многих. Но сила была в нем всегда – она и сейчас бурлила в этом человеке, громогласно зывающем к своей команде для начала отплытия фрегата из порта.

* * *

Поднятые и развевающиеся паруса. Легкий бриз, дующий в лицо – скоро он сменится приближающимся шквалом, и тогда им придется снять паруса и стараться лавировать по ветру среди накатывающих многометровых волн, чтобы буря не перевернула корабль на бок – притом, что ветер может менять направление чаще, чем раз в минуту.

Но это будет через пятнадцать или двадцать минут, когда шторм все-таки застигнет их – а пока он смотрел вперед, на бескрайнюю открывающуюся взору водную гладь, и чувство приближения времени выбора и времени перемен, как теперь он условился называть его про себя, становилось все ярче и отчетливее.

Уже не раз их корабль в течение этих трех месяцев его новой жизни среди просторов морей выдерживал самые лихие и отчаянные штормы, которые знало Карибское море за последние два года. И каждый раз капитан и команда выводили его из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций – выводили даже из-под прямых обстрелов нескольких буканьерских барков и из сражений один на один с титанами – вражескими фрегатами и даже один раз с галеоном. Потому что это был их капитан – свободный как ветер авантюрист и гроза пиратов, не знавший, что значит отступление.

* * *

Яростно свистел ветер, а волны шквалом осыпали борта корабля, пытаясь проломить их или накренить их фрегат набок, чтобы затем в новом безудержном напоре окончательно расправиться с этими жалкими смельчаками, дерзнувшими вступить в противоборство с могучей стихией.

Уже час как продолжалась буря. Волны все били и били в бока корабля. Ветер сдувал с ног даже медленно ползущих по палубе, волны смывали в море и поглощали еще что-то кричащих людей в своих пучинах...

Это была одна из самых страшных бурь, в которую их корабль попал в этот год – а, может быть, и в эти годы. Он не знал – он видел лишь, как легко море расправляется с теми, которых он всегда считал непобедимыми... непобежденными до сегодняшнего страшного дня.

Вот новая волна окатывает его, пытаясь вырвать спасительный трос из рук – и еще один отчаянно барахтающийся человек проносится мимо с обрывком какой-то веревки в руках... Всплеск, звук которого тонет в шуме ветра – и все кончено.

Волны, волны, волны. Ветер, ветер, ветер. Спасительный трос в руках – его единственная связь с этим кораблем и единственное спасение.

Шторм. Мечущийся из стороны в сторону жестокий ветер. Стихия торжествовала.

* * *

Он не знал, сколько прошло времени. Он не знал, где они находятся. Он не видел других людей – лишь хлещущие по борту корабля волны, лишь скрип корабельных досок под массами воды и собственные уже не чувствующиеся руки, держащие железный канат.

Минута, другая, третья... Десяток, другой, третий...

Медленно текло время. Методично били волны в корабль. Уже не слышно было голосов людей – свист ветра заглушал любые звуки. Уже не чувствовалось тело, лишь мысль – одинокая мысль-фраза, не дающая расцепить руки и быть мгновенно смытым в воду – «Если человек верит в себя – то он может все». Верить – единственное, что ему оставалось теперь, верить в свои силы и быть мужественным. И тогда он сможет выжить. И тогда он должен выжить.

Сознание временами переставало служить ему – и тогда приходило странное забытие... Он видел себя адмиралом огромной эскадры. Он видел себя, раздающим приказы капитанам своих кораблей во время сражений – и людей, с радостью и смелостью в глазах идущими эти приказы исполнять. Люди верили ему и готовы были пожертвовать своей жизнью, чтобы жил он, но и он готов был в каждом новом сражении пожертвовать своей жизнью, чтобы жили его люди.

Он сам дрался на передовой с пиратами и разбойниками, заполнившими некогда мирные просторы этого когда-то еще никому не ведомого моря – сражался в море и на суше, когда те начинали штурмовать город-порт. Сражался он и с врагами его государства – но это было существенно реже.

Он видел, как его удостаивают какого-то звания, видел склоненные в уважении лица придворных и восхищенные лица его матросов, когда он приближался к ним, открыто неся орден-награду...

А потом он видел свои синие бесчувственные руки и пол обливаемого волнами корабля. Видел закрепленный на корабле и метаемый волнами из стороны в сторону железный канат, за который эти руки держались. И тогда отчаяние овладевало им.

И потом снова – забытие. И снова – буря. Забытие. Буря. Забытие. Буря.

А потом он вновь очнулся – и троса в его руках уже не было. Его носило волнами среди кучи досок – каким-то чудом он остался еще жив. Тогда он собрал последние силы и ухватился за широкий и толстый кусок дерева – видимо, остаток мачты их бывшего корабля. В том, что корабль все-таки был разрушен, теперь не было никаких сомнений. Он вылез на этот кусок и обхватил его, стараясь не выпустить из рук.

И снова – забытие...

* * *

Когда он вновь открыл глаза, бури уже не было – светило солнце и лучи его прыгали и играли в лазурной воде. Его носило по водам этого моря вместе с куском мачты. И вновь он мог рассчитывать только на себя – на себя и силу своего духа.

И он держался. Из последних сил – держался. Держался, зная, что надежды у него практически нет. И все-таки он держался. И волны метали жалкий корабельный кусок дерева вместе с вцепившимся в него человеком...

А когда на горизонте появился корабль – у него даже не осталось сил, чтобы обрадоваться или подать сигнал. Но его заметили – и корабль медленно и плавно подошел к небольшому куску дерева вместе с вцепившимся в него мертвой хваткой и уже не шевелящимся человеком.

Теперь он очень смутно помнил те мгновения. Кажется, после того, как его затащили на борт и начали откачивать, то пытались о чем-то расспросить. Однако все, что он мог сказать этим людям, были лишь невнятные мычания не слушающихся его губ.

Потом его поместили в какую-то каюту, и он спал – долго-долго спал. Временами он просыпался от кошмаров и после этого долго еще не мог прийти в себя. Но он пришел в себя после месяца его плавания на этом торговом судне, как он узнал потом от его команды и капитана.

Ему понадобился месяц, чтобы доказать, что он достоин жизни – и еще несколько лет для того, чтобы доказать, что он достоин жизни лучшей. Чтобы развилка его пути и ее последствия стали, наконец, видны.

Он пробыл месяц на корабле, что подхватил его тогда, – подхватил в тридцати милях от разрушенного судна. Как он узнал позднее, когда, наконец, смог подняться с постели по прошествии двух недель, – капитан корабля, что спас его, после того, как стал свидетелем трагедии, постигшей его бывший корабль, отдал приказ обыскивать район в поисках выживших. Но в радиусе ближайших пяти миль таких не было найдено. Капитан этого судна не мог сказать, выжил ли кто-нибудь еще... во всяком случае, они не смогли найти таковых.

Но он выжил – выжил каким-то чудом. Как ему потом рассказал об этом капитан этого судна, – они уже и не думали, что смогут найти кого-то из выживших, и отправились было дальше, как наткнулись на него прямо на пути своего курса – лежащем на куске дерева, которое он так и не хотел выпускать из рук, когда они пытались поднять его и затащить на палубу корабля. Они пытались разузнать, что случилось с ним, и не является ли он выжившим с судна, свидетелями гибели которого они стали совсем недавно, – но он был настолько изможден и болен, что они ничего не смогли от него добиться.

Тогда его положили в каюту и стали лечить так, как могли. Две недели из того месяца, что они плыли в порт, он пролежал постели. Очень мало ел, все больше спал. Временами он в холодном поту поднимался с постели и что-то кричал о том, что обязательно выживет, да еще о том, что должен выжить, что он свободен и его путь скоро полностью раскроется перед ним. Они не слушали в точности, что он говорит – считали это бредом.

Две недели он боролся, чтобы жить. Нет, две недели и три дня. Корабль прошел место трагедии лишь спустя три дня после шторма – и спустя три дня после тех событий подобрал его в море. К тому времени уже спокойном и солнечном – море...

Еще две недели он двигался вместе с ними туда, куда плыли они – и где началась его новая жизнь. Где началась жизнь, которая никогда бы не началась, если бы он сдался. Если бы перестал бороться, если бы отчаялся. Он не отчаялся. Он не сдался. Он боролся и победил. Победил, чтобы вступить в свою новую жизнь – ту, предчувствие которой тогда так тревожило и не покидало его.

* * *

– Джеймс, передай капитану «Гварда» – пусть поворачивает к Плимуту. Мы возвращаемся домой.

– Будет сделано, капитан!

– Право руля! Держи нос по ветру!

– Разворот, разворот! Держим курс на Плимут!

Крики разносились по ветру. Матросы сновали по кораблю.

Он смотрел вперед – на мирную сегодня гладь моря, на пролетающих чаек. Эскадре пора возвращаться – бой выигран и дом ждет. Они починятся, заправятся провиантом и вновь отправятся в путь. Они – свободные как ветер морские странники. Он и его люди – преданные и верящие в него, их адмирала.

Да, они вернутся в гавань. Но сначала они зайдут в другой город – тот, где он вырос и где не был уже так давно... долгие семь лет.

Возвращение домой...

Он вновь увидит своего отца – простого портного – через эти пять лет. Отца, сказавшему ему столь важные слова в тот памятный день испытаний.

«Если человек верит в себя, то он может все».

Да, эти слова держали его. Они держали его, когда он тонул в буре. Они держали его, когда он – уже капитан собственного корабля – сражался в боях. Эти слова держали его. Они и сейчас держат его, держат спустя семь долгих лет.

Они держат его.

Того, кто не сдается.

05.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Совершенство

Томми Вистлеру офигительно не везло. Вы, возможно, скажете, что термин «офигительно» не слишком то подходит для описания столь печальной объективной действительности, с которой столкнулся многоуважаемый Томми? О, если бы вы только знали, через что его семье пришлось пройти за последний год! Вы, разумеется, не имеете ни малейшего представления об этом, и поэтому мы готовы простить вам такие неудобные и непродуманные замечания. И не свистел вовсе наш Томми в соответствие со своей фамилией на постоянной основе – ну, разве что тихо подсвистывал время от времени себе под нос в минуты душевного блаженства. А оно, поверьте уж нам на слово, было не очень-то чтобы и длинным. И вот как он сумел спустя год оказаться на такой широкой финансовой мели – одному Богу и его бухгалтеру известно.

Кто-то, конечно, скажет, что один год – не так уж чтобы и много, и нечего тут истерику разводить и смущать благородных читателей, но это ведь смотря в чем мерить. Ежели в секундах, которые точно стадо барашков тянутся друг за другом нескончаемой вереницей – то вообще в барана превратиться можно. А ежели в событиях его жизни – то сразу плакать хочется и уже не до счета. Идеальным вариантом было бы, разумеется, считать сразу в годах – но только что тут считать то тогда? Тут уж впору Томми было или волком на луну выть, или котенком на собаку, или сразу идти и недолго думая записываться в клуб анонимных неудачников. Был еще, правда, вариант с тем, чтобы всем вместе стать тотально и бесповоротно просветленными – но финансовые возможности семьи Томми не позволяли разместить в доме такое количество осветительных приборов. Вот потому то в семье Томми уже давно не вели подсчета своим злключениям, ибо оно себе дороже – горести собственные измерять, особенно ежели ты не на морской мели полеживаешь.

Вот и в последние три месяца все было очень не очень, хоть и совсем не совсем. Зарплату на предприятии, в котором работал Томми, постоянно задерживали, в прямом и переносном смысле кормя всех работников завтраками. В прямом – потому что ему как работнику молочной фабрики молоко каждый день полагалось, впрочем, как и прочие его производные, а в переносном – постольку, поскольку сроки ее окончательной выплаты были настолько изменчивы и непостоянны, насколько не бывают даже женщины легкого – вплоть до воздушного – поведения. В том числе поэтому в последний месяц он ощущал себя все больше мелкой килькой в банке – в том самом банке, где он, доверившись красивым словесам маркетологов пару лет назад, оформил себе ипотеку.

Типичная история, хмыкнете вы? Типичная, да не очень. А не очень – это от слова «совсем». Потому как в этот знаменательный день с Томми произошло нечто совсем из ряда предыдущих его жизненных происшествий вон аж куда выходящее.

В это субботнее утро Томми как минимум в двух смыслах не находил себе места: во-первых, в связи с тем, что банковские работники уже буквально собирались в самое ближайшее время выселять их за неуплату кредита из их уютенького жилища; а во-вторых, потому, что на душе его скребли уже не то, что кошки, а расплотившиеся от их постоянной усталости мыши.

– Ну вот за что? За что, Господи, ты послал нам все эти испытания? Ну неужели ты не видишь, как нам здесь не сладко? Мы хоть и живем в самой прекрасной и демократической стране мира, но люди в банках от этого лучше не становятся, жилье не дешевет, а молоко не начинает само собой разливаться в молочные реки с кисельными берегами, – так, ходя с раннего утра взад и вперед по своей спальне, спросонья мысленно причитал про себя и свою жизнь Томми Вистлер.

Тут нам еще надобно отметить, что не особо верующим был наш многоуважаемый Томми – в том смысле, что не проводил он как многие другие гордые собой добропорядочные граждане его маленького городка по воскресному часу в день в местной церкви и не внимал речам пламенным отцов святых, прихожанами откормленных. Ну вот настолько защемило к этому моменту все органы Томми, включая, не в последнюю очередь, его сердце, и пределы его сил оказались настолько не беспредельны, что душа и мысли его рвались куда-то вверх, в надежде излить свое горе кому-то неведомому, кому-то гораздо большему, чем все его горести, вместе взятые.

– Ну вот куда ты ведешь нас, а? – продолжал между делом он мысленно обращаться куда-то в совершенно неведомые и далеко идущие дали. – Ты что, совсем всех нас бросил, да? Поди нежишься себе сейчас где-нибудь там на облачке, пока мы тут, в грязи земной, себе жизни сколачиваем, кто как может. Тоже мне, совершенный! Хорошо тебе там, наверное, уютно. Хотел бы я побыть на твоём месте – лежи себе, ничего не делай, знай только кому-нибудь время от времени помогай понемножку, чтобы совсем о тебе не забыли. Не жизнь, а сказка просто!

Так, все больше и больше накручивая и закручивая себя штопором, а также все более ускоряя собственный ритмичный шаг, Томми бродил по своей собственной спальне. Движения его ног становились все более размашистыми, а рук – все более обрывистыми, так что почва под его ногами в переносном смысле все больше уходила из-под его же ног. В буквальном же смысле она ушла из-под ног аккуратно в тот момент, когда от этих странных мыслей его внезапно отвлек звонок во входную дверь уже не очень-то чтобы и его собственного дома. От неожиданности Томми запнулся и упал лицом в пол. Он бы и пролежал так, интерфейсом вниз, еще несколько минут, если бы настойчивый гость не продолжал раз за разом нажимать на кнопку, издающую характерный, хоть и отчасти банальный, знаменитый звук «Дзинь!»

– Кого это еще, легкого как на помине, там нелегкая принесла? – думал про себя Томми, поспешно надевая деловой костюм. – Неужто опять соседи в церковь записаться на воскресный молебен агитировать пришли? А вдруг это опять банковский работник, да поди еще и вместе с судебным приставом на этот раз? Вот уж нет покоя от вурдалаков!

– Здравствуйте! – с улыбкой в ответ на хмурый и подозрительный взгляд Томми ответил молодой человек в белом костюме с красной бабочкой. – Здесь ли проживает господин Томми Вистлер и его достопочтенная жена Валенсия?

– Допустим, – хмуро ответил Томми. – А вы кто?

– О, дак значит это вы – Томми? Просто расчудесно! Значит, меня направили по нужному адресу. Я уж боялся, что расчетчики опять что-нибудь перепутают – у них, знаете ли, еще нет вашего всевидящего GPS, а путь до этого мира и места был, уж поверьте мне, отнюдь не близкий.

– Не вижу ничего чудесного в этом треклятом дне! – этот странный господин все больше начинал действовать Томми на нервы. – Вы не из банка, случаем?

– О, случаем нет, – но здесь я совершенно неслучайно, уж можете мне поверить! – вновь улыбнувшись, ответил необычный гость. – Меня зовут... хотя, впрочем, это совершенно не важно, как вы захотите впоследствии назвать меня. Можете звать меня просто Агентом. Я имею желание и честь представлять нашу прекрасную компанию ООО «Центр Исполнения Желаний». Совсем недавно мы получили ваш запрос, провели необходимые предварительные проверки и пришли к выводу, что мы можем помочь вам в исполнении ваших желаний. Поздравляю, вы нам подходите!

– Если вы из местной церкви, то я туда не пойду, – хмуро бросил в ответ Томми. – Неверующий я, и вообще со странными людьми дел не веду.

– Не переживайте, мы не являемся религиозной организацией, мы стоим... как бы вам это понятнее сказать... несколько выше. Ваш последний запрос в нашу инстанцию миновал обозначенную вами религиозную структуру и попал прямоком в наш центр обработки входящих пожеланий. Осталось только утрясти кое-какие небольшие формальности, и все будет готово – вы станете нашим почетным клиентом.

– А что это значит – быть почетным клиентом? Что мне за это будет? Ежели будет только вам – бонус за очередной врученный флаер или заключенный обманом финансовый контракт – то идите вы... в Ирак! – буркнул Томми.

– Никаких обманов, никаких Ираков, мы же не в ООН! – улыбнулся молодой представитель непонятной организации. – И, кстати говоря, их желания исполняли наши прямые конкуренты, которые как правило носят черные костюмы. Всего лишь несколько уточняющих вопросов и краткий вводный инструктаж, если позволите.

– Ну, валяйте.

– Валяние первое, – отшутился молодой человек. – Вы – Томми Вистлер сорока двух лет от роду, вашу жену зовут Валенсия, она тридцати пяти лет от роду, у вас есть маленькая дочка Мила семи лет и сын Грегори двенадцати лет. Корректно?

– Корректно. А, собственно, откуда у вас такая информация? Что, служба судебных приставов слила?

– О, совсем не приставов, но к суду это все же имеет некоторое отдаленное отношение, в этом вы правы, – подтвердил молодой человек, ставя галочку где-то в своей анкете. – В последнее время вы испытываете эмоционально тяжелые и неустойчивые состояния – а, проще говоря, депрессию, в связи с вашим тяжелым финансовым положением. Корректно?

– Да. Я так и думал, что вы из банка! – совсем огорчился Томми.

– И последнее уточнение – знакомы ли вы с правилами работы нашей системы?

– Какой еще системы? – не понял Томми.

– А, выходит, что вы обращаетесь к нам в первый раз. Очень хорошо, мы любим и уважаем новых клиентов, – молодой человек в белоснежно-белом костюме был самой вежливостью. – Итак, правила... они, собственно, просты. В связи с вашим недавним – а, точнее говоря, десятиминутным и сорокапятисекундным тому назад обращением, мы готовы исполнить ваше желание с некоторыми ограничениями по безопасности. Для вас будет включена наша система – мы называем ее системой тестов. В рамках этой системы вы будете жить и трудиться обычным образом, почти как и раньше – с той лишь разницей, что запрошенное вами желание будет постепенно исполняться с требующимися по протоколам безопасности для вашего мира ограничениями. В частности, вы не сможете причинять вред каким-либо живым существам в этом мире, в особенности одушевленным – любое подобное ваше деяние повлечет за собой нанесение ответной боли вам в значительно превышающих исходную величину размерах. Во-вторых, спустя непродолжительное время вы можете начать получать обращения, отправляемые нашему генеральному директору, заместителем которого вы пожелали стать. И, наконец, в-третьих, запомните: чтобы получить абсолютную власть, нужно быть абсолютно совершенным, а чтобы быть совершенным – нужно добровольно принять на себя все ограничения, этим совершенством налагаемые. Также помните, что вы или ваши родственники сможете в любой момент прекратить работу нашей системы, отправив повторный запрос в наш отдел. По окончании работы с системой мы можем попросить у вас оставить отзыв о ее работе и рассказать о ней друзьям и коллегам. Скажите, вам все понятно?

– Признаться, не очень, ну да и хрен с этим. Где она, эта ваша система? Можно на нее хоть посмотреть чтоли?

– О, совсем скоро наша курьерская служба доставит ее прямым в вашу жизнь, не извольте беспокоиться. На полную интеграцию системы может потребоваться от одного до нескольких дней, просим вас иметь это в виду.

Да, чуть не забыл – ее использование будет для вас совершенно бесплатным, ведь вы итак, так сказать, на мели, хоть вас за долги пока и не замели, – вновь пошутил гость.

– Очень смешно! – скосил лицо Томми. – Подпись то где ставить?

– Никаких подписей не нужно. Факта вашего обращения в нашу организацию уже было достаточно. Ожидайте внедрения системы, и до скорых встреч! – с этими словами молодой человек в белом костюме с красной бабочкой помахал Томми рукой и чуть ли не вприпрыжку отправился куда-то дальше по своим делам.

– Дорогой, кто там приходил? – раздался из спальни сонный голос жены Томми, едва только сам Томми успел захлопнуть за странным посетителем его жилища входную дверь. – Это из банка?

– Нет, дорогая, не из банка! – крикнул ей Томми. – Дилер какой-то непонятный. Системы странные предлагал. Дурдом какой-то вообще, а не жизнь! – в сердцах признался сам себе Томми и вновь погрузился в свои – или не очень чтобы и свои – невеселые мысли.

Из этого информационного болота его почти что волоком вытащила его дорогая жена, обнявшая за шею и положившая голову на плечо. – Будешь кофе?

– Спасибо. Ты для меня просто сокровище. И не бросаешь, как неудачника.

– Может быть и брошу однажды, – засмеялась Валенсия. – Но только не раньше, чем ты сам от меня бросишься науток.

– Это навряд ли, – ответил он и обнял ее в ответ.

– Съездим сегодня в магазин за продуктами?

– Хорошо, дай только позавтракаю немного.

* * *

Ну мы же вам говорили, что Томми катастрофически не везло – и что вы думали, что мы вас обманывали? Вот и сейчас, стоило только Томми начать спускаться по лестнице со второго этажа своей спальни, дабы отправиться вместе со своей любимой на не менее любимый всеми истинно демократическими американцами шоппинг, как их домашняя кошка Джес в буквальном смысле встала ему поперек дороги.

– Мяу?! – назидательно-вопросительно сказала она, уставивши испытующий взор своих зеленых глаз прямоком на Томми, тем самым нетрехсмысленно намекая ему на то, что с момента последней ее кормежки прошло (разумеется, исключительно по кошачьим меркам) непростительно много времени.

– Брысь! – крикнул ей Томми, – позже тебя покормлю. Уйди с глаз моих долой!

– Мяу! – еще требовательнее завопила голодная кошка и царапнула ноги своего хозяина и приносителя еды по совместительству.

– Прочь, пушистая бестолочь! – раздраженно крикнул Томми и пнул сидящую на лестничном проходе кошку ногой. – Вот я тебе задам, когда вернусь!

– Мьяяяууу! – внезапно расвирепела Джес и кинулась Томми на спину, вцепившись в него своими не в меру острыми по человеческим меркам когтями.

Томми закричал, сиюсья скинуть новоявленного хищника со своей спины, закрутился на месте, запнулся за одну из верхних ступенек и кубарем, проклиная весь кошачий род в целом и род Джес в частности, покатился вниз.

– Ау! Моя нога! Моя гребаная кривая с детства нога! – застонал он, схватившись за правую ногу и ворочаясь на полу первого этажа аккуратно после окончания увлекательного, хоть и болезненного, процесса катания по лестницам.

– Что случилось, папочка? – выбежала из своей комнаты на возникший шум Мила. – У тебя ножка болит? Хочешь, я на нее подую, как ты делал для меня, и она тут же пройдет?

– Не пройдет... она, – превозмогая вспыхнувшую боль в суставах и как можно более сдержанно произнес Томми. – Тут... растяжение, похоже. Позови... лучше маму.

– Я мигом, папочка! Только давай я сначала Джес покормлю, а то она вон как глаза свои на нас таращит? А ты пока лежи здесь, отдохни, папочка, а то тебе на работе совсем продыха не дают, я от мамы это слышала, – невозмутимо произнесла своим ангельским голоском Мила.

* * *

Так, пролежав первую половину дня с перебинтованной ногой в постели и страдальчески созерцая через окно, как жена его соседа неумело паркует в гараже их новенький дорогуший автомобиль марки «Порше», успев несколько раз кинуть тапком в решившуюся навестить больного хозяина кошку, Томми морально подготовился к просмотру вечернего новостного телесеанса «Голос Америки».

Тут нам вновь надобно отметить, что он, этот голос, так задравший многих жителей иных стран и городов, действовал на Томми крайне умиротворяюще. Как подчас приятно было для замученного сознания Томми внимать ему после тяжелых трудовых будней, понимая, что где-то там, за далеким мировым океаном в иных странах, где Томми ни разу не удалось побывать и которые он вообще с трудом бы нашел на глобусе без использования подсказок от «Google Карт», совершаются все новые народные революции во имя торжества демократии, и что их Америка, благословенная Богом – в которого, напомним, Томми не верил, – продолжает свою святую миссию защиты всевозможных социальных меньшинств и строго, как добрый полицейский, следит за соблюдением прав людей во имя мира на планете Земля. Права каких именно людей имели в виду дикторы, говоря о недавнем вторжении США в Ирак, одобренном на уровне ООН, Томми ни разу не уточнял.

До передачи оставалось еще несколько часов, но от скуки Томми включил свой говорящий ящик раньше обычного.

– Идиоты, идиоты, идиоты – и от них одни проблемы и заботы... мусульмане, «фак ю», «фак ю», идиоты! – какая-то группа новоявленных нигеров танцевала, пела и грозилась порешить всех приезжих мусульман на наспах сооруженной сцене Детройта под объективы множества телекамер.

– Сами вы идиоты! – буркнул Томми и переключил канал.

– Дурачок мой, дурачок, с ним я лягу на бочок, – пропел с экрана включенного телевизора голос очередной порно-звезды, известно каким тривиальным алгоритмом прорвавшейся на большой экран.

– «Фак ю», уроды! – выругался себе под нос Томми, отбрасывая в сторону пульт.
– Даже посмотреть нечего. Куда только катится наша благословенная Америка? Это уже совсем не мило!

– Что ты сказал, папочка? – приоткрыла дверь его комнаты Мила. – Ты меня звал?

* * *

Наутро перевязанная нога Томми вновь напомнила о себе резкой болью, стоило только тому подняться с постели и проследовать на своих двоих в ванную комнату.

– Боже, как же я хорош! – внезапно раздался над его ухом чей-то мужской голос.

– Кто здесь? – всполошился Томми, стремительно оглядываясь по сторонам. – Это частная собственность, какого черта вы тут делаете?! Немедленно покажитесь!

– Боже, да я просто великолепен! – продолжал между тем голос невидимого собеседника, не обращая ни малейшего внимания на безуспешную попытку Томми войти с ним в контакт. – Да я самый прекрасный человек на этом долбаном свете, черт возьми! – уверил сам себя голос и в этот же момент внезапно затих.

– Черт, я с этой травмой уже сходить с ума начинаю, – подумал про себя Томми.
– У меня уже галлюцинации какие-то начинаются. Сначала вчерашний дилер, теперь еще голоса всякие мерещатся. Видимо, это все от нервов... похоже, все-таки придется покупать себе антидепрессанты, – размышлял он, брея щеки. – Что только подумает моя милая жена...

– Мы тебя любим! – внезапно пропели прямо в уши Томми какие-то две молодые девушки, лиц и прочих частей тела которых он так нигде и не увидел.

– Ты вообще существуешь? – задал вопрос весьма и весьма неуверенным голосом товарищ весьма и весьма неопределенного пола.

– Да ты просто козел! – в сердцах признался мужчина средних лет.

– Да пошел ты! – послала Томми в неопределенном направлении какая-то женщина.

– Спасибо тебе! Спасибо! – плачущим голосом проворковал ребенок.

– Ты что, дурак? Не видишь, что творишь? Я тебя о чем вчера в церкви просил? Это совсем не то, что я хотел! – точно отвесил оплеуху еще один неизвестный субъект.

– Тысяча чертей! – совсем не по-божески подумал про себя испуганный Томми.
– Я что, совсем свихнулся? Мне определенно нужен отдых! – уверил он сам себя. – Вот в понедельник на работе обязательно оформлю себе отпуск, если за день не свихнусь, конечно.

* * *

Эта воскресная поездка в супермаркет помогла Томми узнать о себе много нового.

– Дурак! Козел! Гений! Подлец! Мудрец! Спаситель! Мучитель! – без устали кричали голоса в его голове. Жена с опаской поглядывала на мужа, с трудом ведущего автомобиль и то и дело выкрикивающего в воздух: «Сам дурак! Спасибо! Сам подлец! Не стоит благодарности! Да без проблем!»

Сосед его вообще не стал церемониться и сразу без поиска обходных путей назвал Томми неудачником в ответ на комментарий Томми в духе «зажрались совсем!» Полицейский на дороге поименовал его не иначе как «Долбанутый псих, который гонит больше ста километров в час и на знаки совсем не смотрит!» Кассир в магазине, молча взглянув на чек, назвала его «скупердяем», а жена под конец дня – «горем моим луковым». Дочка Мила поименовала Томми как «мой больной папочка», сын Грегори – «отпатым предком», а кошка Джес не стала вдаваться в излишние подробности и просто ответила «мяу!»

Аккуратно обойдя кошку под вечер, Томми плюхнулся в постель без задних ног, даже не удосуживаясь снять с них ботинки, и уже через пять минут крепко захрапел. Рядом с ним, сляпав, молча присела любящая жена, положила свою руку на лоб спящего Томми и грустно покачала головой.

А снился ему в эту воскресную ночь огромный сад со множеством грядок, кои Томми видел только у знакомых фермеров, проживавших за городской чертой, и грядки эти все за исключением одной были сплошь засажены хреном.

* * *

Начальник на работе у Томми решил устроить собрание, на необходимость которого давно намекал ему профсоюз, и сразу без обиняков объявил, что зарплата за предыдущие два отработанных месяца в этом месяце выдана не будет, потому что, цитируем, – «эти чертовы китайские коммуяки отхватили себе нехилую долю нашего рынка и нам, гордым и свободолюбивым американцам, придется еще много постараться, чтобы надрать им их тощие желтые задницы!»

И вот тут-то Томми не выдержал. Гордо расправив плечи, как то и подобает всякому свободолюбивому носителю демократических ценностей и далекому потомку первых переселенцев-каторжников из Старого Света в Новый, он набрал воздуха в свою могучую грудь и на самом что ни на есть исконно американском подсказал своему начальнику то, в какую именно точку в этом бесконечном пространстве тот может двигаться, не откладывая это дело в молочный ящик, и какой он в целом прекрасодушный человек, хоть и с некоторыми вкраплениями в свой идеальный характер прямо-таки скотских человеческих качеств.

И все бы ничего, но только, подначиваемый одобрительными криками и взглядами своих коллег, Томми разошелся настолько, что под конец своей бурной как Амазонка речи забрался на возвышение, с которого вещал его невысокий босс, и со всей дури напощадал своему шефу в его исконно американскую рожу. Рожа эта сначала покраснела, потом посинела, а потом на не менее исконно американском изрекла, что он, Томми, может катиться отсюда к такой-то матери и что с сегодняшнего дня он здесь больше не работает.

А на обратном пути с ныне уже прошлой работы в рожу автомобиля Томми на перекрестке врезался грузовик, что вызвало очередной грустный вздох его жены и плохо скрываемое хихиканье его соседа-владельца новенького и пока еще целого «Порше».

* * *

Чего только не пришлось испытать посетителю клуба анонимных неудачников Томми за эти три месяца, прошедшие с момента его встречи с тем самым странным агентом из «ООО Центр Исполнения Желаний».

Тут тебе и падения в канализационные люки после матерщины в адрес главы местной церкви; и сломанные пальцы рук, уставшие показывать знаменитый американский «фак ю»; и порванные сухожилия ног, кои излишне резко пинали со злости бездомных дворовых собак и кошек; и широкое множество иных способов взаимодействия между физической вселенной и не менее физически существующем в ней Томми. А на голоса, неизменно то и дело то что-то от него требовавшие, то льстиво выражавшие свою искреннюю преданность, то вопрошавшие какую-нибудь очередную глупость, Томми уже даже и внимание перестал обращать.

Валенсия, глядя на своего несчастного мужа, только глаза отводила – и все чаще и чаще они наполнялись слезами по вечерам. Дочка Мила стала называть его «больной папочка» уже практически на постоянной основе, а сын Грегори кичился перед всеми в школе, какой безбашенный и вообще отпадный у него предок.

...А кончилось все тем, что на Томми наехал грузовик, везущий целые канистры молока с той самой молочной фабрики, почетным беззарплатным членом которой он еще совсем недавно и состоял.

– Теперь вы понимаете, многоуважаемый товарищ Томми, насколько важно правильно формулировать свои желания? – молодой человек в белом пиджаке с красной бабочкой склонился над Томми и испытующе взглянул ему в глаза. – Пожелание – оно ведь, как бы это понятнее выразиться – дверь в окно возможностей. Как вам, кстати говоря, живется в роли заместителя Бога, разрешите полюбопытствовать?

– Не... очень... живется, – еле слушающимися его губами и почему-то неожиданно тихо произнес Томми.

– Оно и видно, что не живется. Вы же даже не в столь привычном для вас теле сейчас находитесь. Вот лежите вы сейчас в коме в операционной, а там за дверью ваша жена за вас молится. Знаете, какие ее сейчас желания одолевают? А вот я вам скажу, хоть вы и не спрашиваете. Единственным самым жгучим и переполняющим все ее существо на текущий момент желанием является ваша жизнь, Томми. Она хочет, чтобы вы жили, понимаете? Не о божественности и совершенстве она сейчас просит, а о сохранении жизни – которую вы, надобно отметить, не слишком то и ценили.

– Голоса какие-то... преследовали меня постоянно, – еле слышно прошептал Томми.

– А, дак это были входящие запросы от людей, сформулированные ими мысленно, – ответил Агент. – Мы дублировали их для вас. К сожалению, как вы, наверное, заметили – эта наша программа еще не совершенна и поэтому недостаточно качественно осуществляет их фильтрацию, в связи с чем туда подчас попадают запросы, не имеющие к Богу отношения, а прямо-таки сказанные людьми совершенно всуе. Все дело в том, что наша система еще находится в альфа версии разработки и еще не в полной мере протестирована. Но не извольте беспокоиться – наши программисты уже знают об этой проблеме, и в самое ближайшее время мы обязательно устраним из нашей программы эту досадную ошибку. Дак зачем же вы желали побыть, так сказать, в шкуре нашего директора, Томми?

– Я... ничего... такого... не желал.

– Желали, Томми, желали. Люди же в большинстве своем совершенно не задумываются над тем, каково это – быть совершенным. Им кажется, что вот попроси они Бога о чем угодно – и он должен немедленно сорваться с места и исполнить любую их прихоть, пусть даже она и обернется впоследствии их собственной гибелью. Вот как, например, скажите на милость, наш генеральный директор должен исполнять пожелания в духе «да гори оно все синем пламенем» – спалить все офисы Газпрома? Убить на земле всех людей – или избранных обидчиков просящего? Бог совершенен, Томми, и он по природе своей не может выполнить то, что входит в дисгармонию с совершенством, он не может причинять зло живым существам. А люди постоянно просят его об этом, уж поверьте мне, Томми! Вы ведь заметили, как ваше зло наша программа возвращала вам?

– А как же... все зло... кто... будет с ним бороться? – продолжал шептать Томми.

– Давайте я объясню на понятном для вас примере. Когда некоторые из клеток организма заболевают, приобретая исключительно паразитическую природу, и стремительный рост числа таковых клеток начинает представлять собой угрозу для жизни организма – что должен сделать организм, чтобы остаться в живых?

– Эти клетки... ликвидировать?

– Правильно, Томми. Ради здоровья и выживания всего организма болезнетворные клетки могут быть ликвидированы. Также и с планетой, Томми, также и с планетой.

– Могу я... с женой поговорить?

– Сначала вы должны ответить на один уточняющий вопрос, Томми. Скажите, пожалуйста, вы хотели бы продлить действие вашего желания почувствовать себя на месте Бога?

– Нет... не хотел бы. Мне кажется... я все понял.

– Ну вот и отлично. Тогда тестовую программу мы вам сегодня отключим. А операция на сердце, кстати говоря, у вас пройдет успешно. Обращение вашей жены в нашу организацию с просьбой о вашем спасении было очень чистым и искренним – и мы с радостью исполним это ее желание. И с новой работой поможем – вам же такую любящую вас семью еще содержать надо, – с этими словами Агент протянул свою прозрачную и светящуюся руку к сердцу Томми, отчего по всему организму потерпевшего разлилось какое-то внутреннее тепло.

– Спасибо... за урок.

– Ой, даже не благодарите, – улыбнулся Агент. – И не забывайте про аналогию с клеткой, Томми.

* * *

«Мощнейший циклон, господствующий над всей территорией Аляски, должен по прогнозам синоптиков продержаться еще как минимум месяц, принеся с собой около восьмидесяти сантиметров осадков, – громогласно вещал диктор с экранов более миллиона включенных телевизоров. – Из-за аномальных холодов, пришедших с территории Канады, около восьмидесяти процентов жителей штата не имеют возможности покинуть свои дома вот уже в течение двух недель. Ученые-климатологи обещают, что данный циклон приведет к полной парализации социальной активности более половины граждан как минимум еще в восьми северных штатах и продержится вплоть до середины мая. Президент уже ввел режим чрезвычайного положения на территории пяти штатов. Это самый большой вызов стихии, с которым когда-либо сталкивалась наша страна за всю свою краткую и славную историю...»

29.07.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Тля

Тля мерно и неостановимо ползла вниз по склону горы. Ветер дул ей в лицо, завывая и как будто прося остановиться, солнце нещадно палило уже покрывшуюся коростами спину, тут и там откуда ни возмись на дороге появлялись какие-то ямы-выбоины неизвестной Тле природы. Но она уверенно продолжала движение вниз – потому что там, на самой низине, как ей казалось, ее наконец-то ждет вечный и преисполненный ленивого блаженства Рай. Ее безудержный ум все гнал и гнал ее вперед – туда, в неведомые подгорные дали – и, методично перебирая своими лапками, она без зазрения души и совести повиновалась своему хозяину и властелину.

Совсем недавно Тля отобедала собственным сородичем – мертвым, конечно, – которого нашла в уже изрядно подпекшейся на палящем солнце лужице крови. Брат по неразумию, должно быть, умирал мучительно – несколько лап были сожжены светилом замерно и их прах уже успел разметать ветер, а с живота стекала какая-то немислимая для Тли зеленая вязкая субстанция ядовитого толка. Именно поэтому субстанцией Тля побрезговала – кто его знает, что там у них, Тлей, внутри, в конце концов? – а вот полуслепые глаза и жалкие подобия ушей оказались весьма аппетитными – так же, как и остатки мозга, еще не успевшие окончательно сгнить. Тля бы, наверное, вообще не притронулась к своему собрату, если бы не мучительный голод, который одолевал ее на протяжении последних дней пути Туда. Тля не ведала, откуда эта неостановимая жажда крови внезапно проснулась в ней, но с каждым днем пути она лишь росла и усиливалась. Что ж поделать, тяжка юдоль желающих попасть в истинный Рай.

Оставалось, кажется, совсем немного. Разумеется, Тля не могла видеть всего горизонта своего пути – лишь небольшую его часть, видимую для ее вечно опущенной головы и подслеповатых глаз – но все же ей казалось, что вот, уже почти, уже совсем скоро и...

Иногда Тля мечтала о крыльях – об истинных крыльях тех летающих в вышине небес гигантов, тень которых она иногда видела на земле. Тли называли таких Ангелами, вестниками небес. Да, тли, конечно, видели лишь их тень, их жалкое отражение – но и оно иногда завораживало их подобия душ... Тля никогда не поднимала взор к небесам – просто была неспособна на это, можно сказать, душе-генетически. Изначально ее сородичи боялись этих небесных послдов, полагая, что они могут питаться ими, Тлями, – однако, как показала многотысячелетняя практика, Тли были просто неинтересны им – возможно, слишком малы для этого...

Тля очень хотела летать – вот так просто взять и воспарить в небесную высь, увидеть весь свой путь, так сказать, с высоты птичьего полета.

Когда-то Тля слышала краем почти откушенного уха, что у ее древних предков были какие-то подобия маленьких крыльев, и они даже могли иногда взлетать невысоко ввысь, как бы в полу-прыжках, но потом что-то в их организмах изменилось, нарушилось, и от крыльев остались одни только рудименты.

С тех давних пор весь род Тлей разучился летать...

Тля уверенно продолжала свое движение, методично суча лапками. Она была, можно сказать, чемпионом, одной из лучших. Уже почти что девяносто процентов ее сородичей вымерли, соревнуясь между собой, кто же сможет быстрее и раньше всех доползти Туда и первым пометить эту новую территорию – а она уверенно продолжала свой путь. Кто-то умер от голода, не в силах питаться себе подобными. Кто-то погиб от жажды, будучи неспособным пить какую-то мутноватую черную слизь, переливающуюся всеми цветами радуги на солнце, которая иногда встречалась ей в виде маленьких лужиц, должно быть, оставленных самим Создателем. У кого-то на солнце просто расплавился мозг. Кто-то окончательно ослеп и начал крутиться волчком вокруг своей оси, жалобно попискивая в тщетной надежде получить сочувствие от соревнующихся себе подобных. Кто-то сломал себе несколько лапок и его сожрали его оголодавшие собратья. Кто-то оглох и перестал слышать зазывающие крики лидеров их стаи и, таким образом, безнадежно отстал в их общем пути Туда. А кто-то просто махнул на все рудиментом своего крыла, лег на выжженную траву, закрыл глаза и окоченел. Одним словом, достойных осталось очень немного. И Тля была одной из первых в их рядах.

Тля только что закончила обедать найденным трупом собрата и собралась было продолжить движение вперед, как внезапно что-то резко и отчаянно изменилось во всей окружающей ее действительности. Какая-то огромная и непостижимая тень легла на поверхность всей земли, насколько хватало взгляду, что-то огромное и неостановимое внезапно начало приближаться к ней и ко всему растянувшемуся шеренгой роду Тлей – что-то очень, очень, очень страшное для них.

– Неужели Он и вправду существует?! – успела подумать Тля в последний момент. – Простите нас за наш глиный образ жизни! – хотела было пискнуть она, но не успела.

Кто-то наступил на Тлю и всех ее собратьев, единым махом и окончательно решая вопрос с будущим подобных... нелюдей.

26.11.2010

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Тридцатый день

Тридцатый день...

Да, тридцатый день прошел с тех пор, как он оказался здесь. В его новом доме. ДОМЕ.

Замерзший язык отказывался произносить это до боли знакомое и когда-то вызывавшее трепетный восторг и радость в груди, слово. Как по-новому оно теперь звучало в сознании!

Отчаяние. Отчаяние, мутящее разум. Слезы – о чем? Быть может, о тех давно минувших и невозвратных днях простого человеческого счастья? О звонких людских голосах и счастливых улыбках детей? О крепкой семье, которую когда-то так хотелось иметь...

“Папа...”. А ведь он так никогда и не слышал этого чудного звука – и теперь уже не услышит никогда. НИКОГДА. Разум злорадно подсказывал, что это так – это не может быть иначе. А сердце, сердце, вынесшее такие муки и страдания, – сердце его отказывалось в это верить. Оно всегда отказывалось верить в боль и скорбь. Всегда. Или... или только до событий тридцатидневной давности?

И все же... все же это ныне его новый дом, как кощунственно теперь бы не звучало это слово. Улица. Почти всегда закрытые ночью подъезды домов. Городские свалки, где столь редко можно было найти хоть какое-нибудь пропитание...

«Нет, нет, НЕТ!! Это не может быть со мной, только не со мной! Почему, почему, почему?!»

Молчание. Гробовое молчание. Ночная тишина. Слова вырвались из иссохшего горла в ночную тьму города и затихли в тишине. Нет ответа. Ответы придется искать самому.

Тогда – обессиленный, исхудавший, со шрамами по всему телу – следами борьбы с собратьями по несчастью и городской шпаной, с покрывшимся гнойными коростами лицом, – он упал. Он даже не заметил, как вдруг стремительно земля приблизилась к нему и тело, ударившись с грузным стуком о землю, осталось лежать неподвижно...

* * *

...Он не помнил и не знал, сколько прошло времени. Да и, наверное, не хотел знать. К чему теперь это ему? Найти пропитание и ночлег на очередную ночь – не этим ли ограничились его потребности?

Тогда он открыл глаза. Попытался пошевелиться – и отчаянно вскрикнул от резкой боли и застелившего глаза кровавого марева.

Рука, правая рука. Той, что не раз спасала его в драках на темных переулках за кусок хлеба, той, что помогала открывать иногда не слишком качественно сделанные замки дверей городских подъездов – ее больше не чувствовалось. Совсем, полностью.

Перелом, вывих? Наверное, все же вывих и последовавший за ним болевой шок... Хорошо. Могло быть и хуже – намного хуже.

Оклемаемся. Оклемаемся, разум, – я говорю тебе!

Больница? В какую это больницу ты предлагаешь идти мне, разум? Да и не ты ли был случайным свидетелем, как меня сотни раз за эти тридцать дней выгоняли и выпинывали из общественного транспорта, зло окликали подростки, неприязненно косились взрослые и молодые девушки отворачивались с таким лицом, как будто только что увидели величайшую на свете мерзость? Мне не место в мире этих людей. Уже не место.

А-а-а-а... нет, не надо! Только не картины прошлого, только не их! Память, услужливая тетка память, так верно служившая мне раньше, – что за злую шутку ты хочешь сыграть со мной?! Умоляю, остановись! Я уже смирился со своей судьбой! Смирился – ты слышишь меня? Смирился!

Или... или нет?

Вопросы, вопросы, вопросы... Вопросы, берящие ум и сердце. Одинокие вопросы без ответов. Слуги боли – душевной боли. Снова боль – уже руки. Это легче. Пройдет.

«Они, это они виноваты!» – в который раз захотелось злобно прорычать ему.

Да, это все они. Зловредные бизнесмены, лжецы, подлецы. Они обманули его – как и сотен ему подобных. Теперь он уже не помнил деталей, но твердо помнил одно – они обманом получили квартиру, его квартиру. Дурацкая фирма, подставное агентство! Гады!

Стоп. Только не злоба. Только не ненависть. Он уже устал от нее, слишком устал.

Тридцать дней... Как многому он научился и как много понял за эти тридцать дней!

С каким презрением он раньше смотрел на всех этих малоимущих и обездоленных! Сколько высокомерия и самодовольства было в его затуманенных внешним благополучием глазах. Сколько простых человеческих просьб отклонил, ссылаясь на недостаток времени. Недостаток... Теперь, похоже, времени у него в избыток – вот только какого времени... Один раз он даже предал – близкого друга и коллегу по работе. Хотел заработать денег... Заработал. А друг попал в тюрьму за финансовые махинации – пытался доказать, что его подставили. Если бы он еще и знал, кто...

«За все надо платить, – вдруг подумал он, – за все. Искупать свои ошибки». Жестокий урок. Впрочем, жестоким он был и сам.

Он поднялся, огляделся по сторонам. Да, это было здесь. Он пришел – вернулся к себе домой... Только уже не к себе, совсем не к себе. Он прекрасно помнил о том, что теперь стало его домом. И все-таки... все-таки что-то неудержимо рвало его зайти в этот родной подъезд, ощутить запахи дома – в последний раз в этой жизни. Больше он не вернется сюда.

И тогда, отбросив все малодушные и горькие мысли, крепко прижав сломанную руку к груди, он пошел – побрел к двери подъезда. Вот дверь медленно распахнулась, и какая-то семейная пара вышла на улицу – наверное, на прогулку. Он сделал рывок и подошел к подъезду.

Молодая девушка скривила рот и что-то прошептала на ухо своему возлюбленному. Тогда возлюбленный попытался крепко ухватить стремившегося к двери человека с нелепо искривленной и прижатой к груди рукой, но тот вдруг прошептал – «Я только на минуту. Это мой бывший дом», – и рука человека, уже готового было схватить этого поганого бомжа, вдруг как-то медленно опустилась, в глазах на мгновение промелькнуло понимание, и как-то нелепо пробормотав «да, конечно», он отошел назад.

...Вперед и вверх – к третьему этажу. Вот он, близкий и знакомый... почти родной. И кто теперь живет в его квартире?

Он прислушался. Где-то за дверью бодро лаяла собака, встречая, видимо, пришедшего хозяина дома. Где-то плакал малыш. Где-то ругались люди. И только один раз на протяжении всего того получаса, что он стоял, прислонившись к стене и вспоминая былую жизнь, откуда-то совсем сверху донеслось многоголосое пение и радостный смех.

Потом он пошел назад. Из дома. Или домой?

Первый этаж... подобные литым маленьким бункерам почтовые ящики. Заглянуть? Но кто может написать ему? Кто?

И все же он заглянул – в ящик с крупным и жирным номером «30». Тридцатый день, тридцатая квартира...

Там было только одно письмо – с его инициалами. С его! Он посмотрел на дату. Да, двадцать девять дней назад оно пришло ему – тогда еще квартира была записана на него. Пробежал глазами строчки. Сначала недоумение, затем изумление, улыбка и боль отразились на лице. Впрочем, если бы кто-нибудь случайно увидел теперь его лицо – он бы принял это за хищнический оскал.

Не веря собственным глазам, он еще раз пробежал все строчки. Все верно. Разум еще верно служил ему. Ошибки быть не может.

Крупные буквы и слова «извещение», «наследство», имя его жившей за рубежом сестры и сумма в сто тысяч долларов были последними, что жили в его сознании в этот день. Ноги его подкосились, и он упал. За окном всходило солнце...

01.01.2004

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Четверть века за оградой

Он раскрыл глаза. Зрение и слух постепенно возвращались, очень-очень медленно – но возвращались. Уже который день он приходил в себя... Толчок рукой, резкая боль в перебитом суставе – и он поднялся. Он жив, и он выдержит – несмотря ни на что.

Несмотря на муть в глазах и перебитый сустав, резкой болью отдающий при каждом движении руки. Несмотря на крики и жесточайшую ругань вокруг. Несмотря на угрозы со стороны его «соседей», которые они намеревались привести в действие, если он не поделится своей частью той баланды, что им приносили, чтобы они не умерли с голоду. Несмотря на методичные и отдающие звоном по железному полу шаги приближающегося надзирателя. Несмотря на солнце, которое он не видел уже так давно... лишь слабый свет которого он иногда замечал по утрам – свет, с трудом проникавший через прочные железные пластины, закрывавшие окна в этом оплоте скорби. В этом оплоте печали – и иногда, лишь иногда – раскаяния.

«Чумбрик, мать твою! Мы разделаем тебя на потроха! Ты слышишь, недоносок?! Ты нам пятки вылизывать будешь, сука!». Крик донесся откуда-то из дальней камеры и стих.

Здесь не любили сопротивляющихся, здесь не любили гордых, и таких здесь практически не было. За исключением местных авторитетов и тех, кто мог собственной кровью доказать, что он достоин уважения – потому что здесь уважали только силу. Целый год понадобился ему, чтобы доказать свою силу в боях без правил – боях, на которые тот же надзиратель, что сейчас медленно приближался по коридору, гремя камерными ключами, смотрел сквозь пальцы... точнее говоря – не смотрел. Неделю назад был последний бой и его оставили в покое. От него, наконец, отступились... как от непреодолимой и неразрушимой твердыни – отступились.

«Обед!» – громогласный раскат голоса заполнил помещение.

Сейчас им всем будут разносить миски баланды – серо-зеленой жидкости, имеющей отвратительный вкус. К баланде, впрочем, прилагался кусок хлеба, а это было уже много, очень много. Этого должно хватить приблизительно на пять-шесть часов. А потом им снова принесут что-нибудь подобное, чтобы они не подошли с голоду. И так – день, месяц, год... Девятнадцать лет – девятнадцать долгих лет ему предстоит еще оставаться здесь... девятнадцать двадцатых его срока.

Вот и смотритель подошел. Сейчас принесут еду, он насытится этим жалким куском хлеба и миской воняющей помоями жидкости – и ему станет легче. Организму потребуется еще много дней, чтобы залечить раны... Девятнадцать лет потребуется ему, чтобы дожидаться дня свободы.

Вот и еда. Миску просунули через вырезанную щель внизу камерной двери. Смотритель почему-то продолжал стоять, хотя ему давно уже пора было идти к новым камерам. Секунда, две, три, пять...

«Заклоченный Скалов, к вам пришла ваша жена. Мы проводим вас в помещение для встреч».

Простые человеческие слова, которые подняли его дух на вершины радости. Это была теперь огромная радость для него – вновь встретить родного человека в этом доме одиночества среди сотен и сотен людей. Камеру медленно открыли – охрана тут же прижала его и стала быстро надевать наручники. Он не сопротивлялся.

«Делайте свое дело, ребята. Это ваша работа. Делайте свое дело», – мысли промелькнули в его голове, но так и остались невысказанными. Да и к чему? С заключенными не разговаривают – им дают команды и ждут их выполнения. Почти как в армии, только хуже. За неповиновение – забивание до полусмерти, или до смерти – это не важно. В рапорте будет значиться – «покончил с жизнью самоубийством» – в камере без единого острого предмета. Покончить с жизнью там можно было, разве что разбив голову об стену...

Он шел по длинному коридору, ведомый тюремной охраной, и в душе его была радость, впервые за много дней – радость. Как давно он уже не знал этого чувства...

– Любовь моя, Людочка! Славная, как же я истосковался по тебе!

– Паша, родной! Слава Богу, ты жив! Что с тобой? Опять сражался? Боец, когда же ты прекратишь эти драки?! Тебя ведь могут убить!

– Не могу Люда, не могу. Я не мог отказаться от боя. Ты же знаешь – тогда бы я не жил...

– Паша, родной, умоляю тебя – останься жив. Родной, славный... если тебя убьют, Паша, я не смогу этого пережить. Любимый, родной, не покидай меня, останься жив – умоляю тебя! Умоляю! Я люблю тебя, Паша!

Она прижалась лицом к пластиковой пуленепробиваемой загородке, что разделяла их, и заплакала. Его родная женщина, его вторая половинка... Она плакала, и слезы медленно текли по стеклянной стене, оставляя за собой чистый прозрачный след. Он тоже прижался лицом к прозрачной стене и смотрел на нее. Охранник, следивший за встречей, дернулся было вперед – по правилам разговаривающие должны были находиться на расстоянии по меньшей мере двух метров от разделяющей их стены – но потом как-то замер и потихоньку склонил голову вниз. Некоторые люди и здесь продолжали оставаться людьми.

А потом они целовали прозрачный пластик, представляя, как целуют друг друга. Раскидывали руки и прижимали их к стене, пытаясь обнять друг друга. Они целовали и обнимали друг друга – и не могли этого сделать. Они теперь были разделены непреодолимой стеной на долгие двадцать лет с того самого дня...

– Ты помнишь тот день, Паша? Я все еще не могу простить себя за него – за тебя. Не могу простить себя за твою судьбу...

– Перестань, Люда. Я сам так выбрал, да и мог ли я выбрать иначе? Я сам выбрал – и готов нести за свой выбор ответственность. Я убил человека. Я виновен. И должен понести наказание.

Да, они оба помнили тот день, помнили очень отчетливо, помнили каждую деталь – несмотря на то, что с того момента прошло уже больше года, и должно пройти еще девятнадцать, прежде чем его удастся окончательно выгнать из памяти и забыть навсегда. Как морок, как сон, как наваждение. Которое наваждением, к сожалению, не являлось...

Картины медленно всплывали в памяти. Тот памятный день, с которого началась его жизнь здесь – после короткого судебного разбирательства и вынесения приговора. Как яркие вспышки – картины. Вспыхивающие и потухающие...

Они тогда возвращались вдвоем с праздника пешком... Эти парни выскочили совершенно непонятно откуда. Их было двое. У одного – нож в руке, у другого пистолет.

«Стоять! Кошельки на землю, быстро! Кольца, серьги, все бросайте! Живо, я сказал, если не хотите получить пулю в лоб!» – прокричал грабитель с пистолетом, наставив его на него. Второй подбежал сзади и схватил его жену, приставив нож к горлу. Тот, кто был с пистолетом, может, и блефовал, а вот второй – определенно, нет.

«А дамочка то ничего! Надо будет поиметь ее потом. Не дергайся, милочка! Я по-быстрому, хе-хе...»

Испуганный совершенно детский крик его жены, ревом бури ворвавшийся в уши...

Он больше не медлил. Кровь солдата, прошедшего Афганскую войну, вскипала в нем... Он перестал слышать, он перестал ощущать пространство. Лишь чувство, удивительное чувство испытанного и выжившего бойца, позволяющее вовремя распознать идущую опасность, лишь оно стало его руководителем в эти минуты.

Яркие вспышки – мгновения...

Удар ногой – наставленный на него пистолет вылетает в сторону. Снова удар – державший пистолет грабитель валится и сгибается на земле. Секундное изумление на лице второго парня, уже начавшего раздевать его жену и на время отставившего нож от ее горла. Вот снова нож медленно приближается к телу его любимой... Прыжок. Перехваченная в воздухе для удара рука с ножом. Все трое падают на землю.

«С-у-у-у-у-ч-к-а!» – подхваченный воздухом возглас.

Вновь мелькнувшее железо – парень как-то успел достать второй нож. Двинувшаяся ему на перехват рука... Поздно.

Удар. Отчаянный крик его жены, полный агонии и боли.

«Н-е-е-е-т!» – его крик отчаяния.

Удар. Парень вскрикивает от боли, один из ножей вылетает из рук. Борьба на земле. Они покатались прочь, вцепившись друг в друга. Его жена осталась лежать неподвижно.

Десять секунд, двадцать...

Парень пытался вонзить в него свой нож, их руки боролись за жизнь... Удар. Напавший все-таки дотянулся своим лезвием до него. Он скривился от боли, но бороться не перестал.

Тридцать секунд... Капли крови, сочащиеся из его раны и щедро поливающие землю...

Захват. Проворот кисти с оружием – он хотел также выбить нож из рук. Лезвие медленно поворачивалось в сторону лежавшего снизу напавшего. Сейчас удастся забрать кисть и выбить нож из рук... Без оружия напавший не воин. Пусть убегают – он даже не будет их преследовать.

Но парень вдруг что-то вскрикнул и резко начал поворачиваться вбок, пытаясь сбросить его с себя. Хрип. Истощенный предсмертный хрип. Повернутое лезвие вонзилось грабителю в грудь, когда он стал переворачиваться.

«К-а-з-е-л», – уже совсем тихие слова, что он услышал от него. И тут же все стихло.

Лишь медленно ворочался человек, еще совсем недавно державший в своих руках пистолет, и уже совсем не шевелился тот, что взял на вооружение ножи. А ведь он совсем не хотел его убивать, совсем не хотел... только обезоружить.

Он подхватил пистолет и подбежал к жене. Опустился на колени. Дышит... значит, живая. Тогда он взглянул на рану – рана была на правом боку под ребром, из нее медленно сочилась кровь. Ничего, вроде не смертельно. Только бы выжила, только бы выжила!

Тогда он подхватил ее, подпер на себя и медленно пошел вперед, неся ее на себе. Совсем немного надо пройти. Выйти из этого переулочка на многолюдную улицу, а там ему помогут – должны помочь! – другие. Да что ему! Главное, чтобы выжила она. А он справится итак – и не с такими ранами приходилось справляться! И пистолет еще надо будет уничтожить...

Картина изменилась. Теперь он стоял в зале суда и слушал свой приговор – приговор за убийство.

Он убийца. Даже защищавший себя и свою любимую – он убийца. Даже при фактической необходимой самообороне – он убил человека. Вот только по мнению суда необходимой самообороны не было. Второй выживший все-таки сообщил о нападении в правоохранительные органы – естественно, так, как хотелось ему – свидетелей боя не было. И даже слова его жены и ранение свидетельством не были – она была без сознания по ее собственным словам и не видела заключительную часть боя. Да и рана ведь вполне могла быть сделана им же, а не нападшими – особенно если учесть, что на ножах остались его отпечатки пальцев.

Так считал суд – и вынес свой приговор. Лишение свободы на долгий срок в двадцать лет. На столь долгий срок, который ему еще предстоит пробыть здесь, в этом доме печали и иногда – лишь иногда – раскаяния...

Картины погасли. Он вновь сидел рядом с женой, а она продолжала плакать. И он успокаивал ее – уверял, что все будет в порядке, что все это скоро закончится, и он встретит ее, любимую, уже на свободе. Затем он улыбнулся – не хотел, чтобы она видела его отчаявшимся, и не хотел отчаиваться сам.

Они еще долго продолжали говорить – продолжали до тех пор, пока охрана не потребовала окончания беседы. Потом они расстались до следующей встречи. Она придет к нему, как только это позволят, как только пройдет минимальный срок между посещениями – примерно через два месяца. Она придет к нему – его вторая половинка, его любимая, его солнышко. И он тоже придет к ней, вернется в ее мир, придет через эти долгие двадцать лет. Он придет к ней, когда стена, разделяющая их, рухнет в прах. И тогда уже ничто не разлучит их!

Это стоит того, чтобы прийти! Мир за этой оградой стоит того, чтобы вновь в него войти. И он придет, чтобы начать новую жизнь – в светлом и солнечном мире. Через почти четверть века он примет солнечный мир в свои объятия – и улыбнется. И возрадуется жизни.

30.12.2004

Жанр: Рассказ
Категория: Признанное

Шняжечка

- Псссс... ходь сюда! – раздалось из кустов.
- Стой, кто идет! – Иван аж подпрыгнул от неожиданности, каким-то непостижимым образом сумев развернуться в полете на двести шестьдесят семь с половиной градусов прямо по направлению к источнику потенциальной опасности.
- А тем, кто летит, что – тоже останавливаться? – резонно спросили из кустов вновь.
- Кто здесь? Покажись! – гнул свою линию для многих безымянный, а для нас уже поименованный герой.
- Да ты не бойся! – успокаивающе заметили оттуда. – Ну, подумаешь, остановили тебя в дороге, эка невидаль? Ты ж все равно по здешнему лесу шлялся без толку. А так, глядишь, хоть и поговоришь с кем-нибудь по душам... со мной, например.
- А ты вообще где? – не унимался в своем любопытстве уже оправившийся от первого испуга бравый молодец. – Вдруг ты страшный и ужасный монстр, подстерегающий одиноких путников на пути к людям?
- Тьфу, вот еще, страшной мне быть! – фыркнули уже откуда-то сбоку. – Кто же на нас в таком случае позарится то? И не страшные мы вовсе, а мирные, демократичные, можно сказать. Счастье приносим, за права человека ратуем. Свобода выбора, отношений, совести. Ну и все такое прочее.
- Дак ты – она? Представитель, так сказать, прекрасного пола? – опешил Иван.
- Ну, для кого пола, а для кого прямо-таки уже и потолка. Тут все от, так сказать, планки разума зависит.
- От чего? – не понял Иван.
- Ну... штука это такая – планка. А разум – что разум? Профанация одна! – хихикнули теперь уже из-за ближайшего дерева. – Ты куда хоть направлялся то, а?
- По делам! – буркнул Иван. – Нехай я тут незнакомцам буду все рассказывать, в глаза их не видя. Может быть, у них и вообще – глаз нет?
- Может быть, что и нет... – резонно заметили снова. – А, может быть, таким как я они и не нужны вовсе.
- Ах ты, чудище безглазое! Я вот в тебя сейчас стрелу из лука то как выпущу, а куда она попадет – в глаз ли, али в какую другую точку – это уже дело десятое! – гаркнул Иван и полез за луком и стрелами.

– Ну, ты же не амур какой, чтобы всех прохожих стрелами любви утыкивать? Да и вообще... вдруг я та самая чудесная царевна-лягушка, которую тебе поцеловать требуется, дабы жить с ней затем в счастье и согласии, пока смерть не разлучит вас? Неужели тебе не хочется проверить, м-м-м-м? – голос незнакомки становился все более ласковым и тягучим.

– Ладно, – согласился Иван. – Сделать из тебя лягушечку для иголок я всегда успею, – резюмировал он. – Но выходить из-за кустов строго по одному, и помните – я держу вас на прицеле!

– Нет, ну вы только посмотрите, какой мужественный и храбрый спутник мне попался! Я уже почти вся горю от вожделения! – сладко пропела незнакомка и, наконец, вышла из-за кустов.

– А-а-а... о-о-о... у-у-у-у... э-э-э... какая же ты... – промямлил Иван.

– Красивая, да? Это у меня с рождения.

– Да не то слово...

– А какое будет то, м-м-м? – продолжала улыбаться таинственная знакомка, грациозно вышагивая перед Иваном.

– Моя – вот какое!

– Ну... может быть, что и твоя. Всему свое время... Меня, кстати, Шняжечка зовут.

– Шняжечка? Какое красивое имя! – воскликнул Иван. – Иван! – представился он.

– И вам, Иван! – улыбнулась Шняжечка.

– Что «и мне»? – не понял он.

– И вам я, как я вижу, нравлюсь.

– Да... ты вся такая... сверкающая... такая... необычная... вещичка... у многих, наверное, таких и вовсе нет...

– Да, да, – ласково согласилась Шняжечка. – Я знаю. Я такая. А ты в меня сперва стрелять удумал, шалунишка! – ласково погрозила она.

– Ну, я же не знал, что ты такая... необычная. Думал, вдруг ты ведьма какая болотная, меня охмурить хочешь и за собой в логово утащить.

– Ну, зачем же мне тебя охмурять? Ты ведь сам скоро прибежишь за мной... милый, – продолжала сладкоголосо петь Шняжечка, ходя кругами вокруг Ивана.

– Куда же вы все, люди, без нас, Шняжечек, – чего же вы без нас стоите то, потребители вы наши? – промурлыкала она чуть тише.

– А можно мне тебя... потрогать? – робко предложил Иван.

– Можно, потрогай... – разрешила Шняжечка. – Можешь даже на руки взять...

– Так скоро? – опешил Иван. – А разве не нужно сначала...?

– А чего тянуть то? – спросила Шняжечка. – Я же вижу, что ты меня хочешь... так что давай, бери, не стесняйся. Чем больше ты будешь меня хотеть, тем большим человеком с маленькой буквы будешь становиться...

– Может быть, человеком с большой буквы? – смутился было Иван.

– Ну, вот еще! – фыркнула Шняжечка. – С большой буквы это еще заслужить надо. Мы, Шняжечки, не для того созданы, чтобы вас большими делать. Мы для других прихотей, – промолвила она.

– А это не... опасно? – осторожно спросил Иван, слегка касаясь тела Шняжечки.

– Ну... разве что током слегка ударит по первому разу, – улыбнулась Шняжечка.

– А потом... впрочем, зачем вам, люди, это самое «потом»? Ведь нужно брать от жизни все, не особо задумываясь о последствиях, верно? Набирать в руки как можно больше нас, Шняжечек. Особенно если они сами идут к вам на поруки... Да и к тому же – иметь много красивых Шняжечек ныне модно!

– Ну... не знаю... что-то здесь... как-то... – засопел и засомневался Иван, отдернув свою руку.

– Что, током ударило? – промурчала Шняжечка. – Как первый разряд получишь, так попривыкнешь, а дальше легче пойдет. Я потом еще подружек позову, чтобы тебе компанию составили. Будешь ты их ласкать, холить и лелеять более людей, а там, глядишь, и жизнь пройдет. Здорово я придумала, правда? – сказала Шняжечка и всем телом прижалась к Ивану.

– Ну... я... это... того... самого...

– А хочешь, я еще подружку свою позову? – не отцепляя рук от шеи Ивана, просопела Шняжечка.

– Какую еще подружку? Зачем?

– А вот увидишь! – молвила Шняжечка. – Фи-фи-фи, к нам ты приходи! – запела она, и тут же откуда-то из-за кустов появилась вторая не менее таинственная незнакомка, еще более, пожалуй, ослепительнее и сиятельнее самой Шняжечки.

– Фишечка! – представилась она. – Подруга Шняжечки.

– Ну и зачем она нам? – насупился Иван.

– Как, милый, зачем?! Разве ты не знаешь, что у каждого современного гламурного звездного мужчины обязательно должна быть какая-то одна своя личная фишечка, которая бы ослепляла всех и вся на всяких разных креативненьких тусовочках своей раскованностью и непосредственностью!

– Это как? – не понял Иван.

– А вот, скажем, так! – молвила Фишечка и, заголившись в одно мгновение, улеглась на землю в томительном ожидании нездорового мужского внимания. – Фотографируй меня! – приказала-попросила она.

– Ну и Фишечка же тебе попалась, Ивашка! – хихикнула Шняжечка. – Просто всем фишечкам фишечка. С такой и в высший свет выйти не стыдно будет!

– Это я креативненько придумала, да? – смеялась Фишечка, одеваясь после кратковременного позирования на людях.

– Да ты вообще талантище, подруженька! Да одной тебя хватит, чтобы охмурить знаешь какое количество Иванов?!

– Имя им – легион! – радостно воскликнула Фишечка.

– И ни потребителем меньше, – подмигнула Шняжечка. – Ну что, пойдем уже к людям?

– Пойдем! – согласилась Фишечка. – Только дай я тоже паренька твоего поцелую, чтобы он кроме как о нас впредь ни о ком и думать не мог. Ч-м-м-о-о-о-о-к-к!

* * *

– Ч-п-о-к! – сказала упавшая с крыши сосулька. – Ш-ш-ш-ш-ш-дзинь! – добавила она, разлетевшись тысячей мелких осколков. – Чмок! – вторила ей вторая, прежде чем принять на себя ту же печальную участь.

– Иван, хватит уже целоваться с подушкой, давай вставай и помоги мне! – раздался женский голос в коридоре квартиры.

– Ну и шняга же мне приснилась! – подумал Иван. – Сколько же я спал? – и он решил озвучить эту последнюю мысль вслух в слабой надежде на то, что там, в коридоре, ему кто-нибудь все-таки ответится на этот метафизической важности вопрос.

– Ты почти проспал нашу совместную поездку в супермаркет, дорогой муж! – ответили ему оттуда. – А ведь мы договаривались с тобой еще вчера, что ты мне купишь сразу пару платьев на выбор и еще кучу всяких разных фенечек и шняжечек.

– Это что, утренняя фишка такая? – опешил Иван. – Ну и шняга! Надо завязывать с этим бесконечным шоппингом! – решительно решил он.

– Ты куда это собрался? – вопросительно уставилась на напяливающего поверх пижамы пальто мужа его жена. – За картошкой, что ли? Пара килограмм нам бы не помешала.

– В банк! – отрапортовал Иван. – Карточку сдаю на поруки. Это у них новая услуга, «вылези из потребительской кредитной кабалы» называется. Всем фишкам фишка!

14.03.2012

Жанр: Рассказ
Категория: Признанное

Лира и сатира

Говорит Америка

– Hello, hullo, ladies and gentlemen, misters and sisters! We are glad to... Тьфу, черт! Скоро совсем уже по-буржуйски мыслить и вещать начну такими темпами! Простите, уважаемые телезрители, телезрителянки, телезрителяны, телезрителянчики и, наконец, просто все те, кто в этот тихий воскресный вечер не нашел ничего лучше, кроме как просто валяться на диване перед телевизором! В эфире телепередача «Раша Ньюс», и с вами снова я, ее бессменный, хоть и не бессмертный, ведущий Владимир Владимирович Пупкин.

Да, мы все с вами очень долго ждали этого незабываемого и непростительного момента – и вот он, наконец, наступил! После многократных подхаживаний, приваживаний и уваживаний наших журналистов он, наконец, согласился дать эксклюзивное интервью в нашей российской телестудии, дислоцированной в Чикаго. Тот, кто был избран во имя свободы и демократии на всем цивилизованном североамериканском континенте. Тот, кто удостоился Премии Мира на глазах ошалевшей и обалдевшей от такой наглости публики. Тот, кто предпочитает вести вегетарианский образ жизни, не отходя от Белого Дома. Тот, кто пообещал столь многое, а пообещает еще больше. Гроза Талибана и ужас Аль-Каеды. Иголка в стоге сена, гений среди бездарностей, мудрец среди глупцов, луч света в царстве тьмы, черт возьми! Ну, довольно лестных эпитетов! Встречайте – Барак Хусейн Обама, президент Сочлененных Штатов Америки собственной персоной!

В киностудии открывается дверь и входит Барак Обама. Его и без того черное лицо омрачено еще больше, по некогда белоснежной рубашке стекают легкие темные струйки непонятного происхождения. Глаза выражают смесь тревоги, недоумения и гнева.

Обама: – Вот дерьмо! Ниггерское дерьмо! Черным-черно!

В.В.П.: – Президент Обама, что с вами?

Обама (*вытирает лицо одним из рукавов рубашки*): – Выбирать меня? Ненавидеть меня! Сначала выбирать, потом ненавидеть! Чертовы ниггеры! Хиросима, Ниггерсаки! Взорву вас, ублюдки! (*машет кулаком правой руки перед телекамерой*).

В.В.П.: – Я могу вам как-нибудь помочь? В таких случаях обычно приносят стакан воды.

Обама (*в испуге озираясь по сторонам*): – Вода? Нет воды! Вода стала черной от нефти! Миссисипи, Луизиана! Уловка ниггеров!

В.В.П.: – Господин президент, вы в состоянии участвовать в нашем интервью? Вы абсолютно уверены, что вам не нужна помощь?

Обама (*продолжая озираясь в поисках несуществующего врага*): – Помощь? Не надо помощь! Мы даем помощь, не берем! Весь мир, мы помогать! Нести демократию, распространять и растить! Как садоводство, как моя жена!

В.В.П.: – Кстати, да, тема демократизации свободного мира в американском стиле как раз значится у нас в повестке дня.

Обама (*заметно оживившись, размахивая руками, с которых летят брызги темной субстанции, частично заляпав камеру одного из операторов*): – Ага! Демократия! Срань Господня, мы делать! Туда, сюда, каждый получит! Откажется – получит бомбу! Не ядерную, не Хиросиму, мы сострадательные! Согласится – станет рабом. Гарем из рабов, ха-ха!

В.В.П.: – Кажется, сейчас вы очень политкорректно и дипломатично затронули тему так называемых «цветных» революций, дождь которых еще совсем недавно пролился у границ с нашей страной...

Обама (*продолжая активно жестикулировать*): – Мы помогать, мы покупать! Горы денег, много кредитов! Печатный станок работать целыми сутками! Демократия важна, страна не важна, деньги не важны, нет-нет! Мы добрые, мы помогать! Дарить срань Господню! (*лицо Обамы расплывается в улыбке*). Хотите срань?

В.В.П.: – Ф-у-у-у!

Обама: – Не хотите? ОК! В следующий раз твоя брать – мы позаботиться об этом! Д-е-м-о-н-о-к-р-а-т-и-я! (*вскакивает из-за стола и начинает активно прыгать по комнате телестудии*).

В.В.П.: – Хорошо, хорошо. Итак, демократия как элемент разлагающей «мягкой силы»...

Обама: – Так точно! Мы мудрые, хорошо учиться! Делай секс, не любовь, делай войну, а не мир! Вонючий мир! (*отдирает с лица очередной кусок засохшей субстанции*).

В.В.П.: – Ну что же, раз вы действительно настолько мудры...

Обама (*прыгая по залу и хлопая от радости в ладоши*): – Мы умные, мудрые! Мы янки! Как обезьянки! Обезьянки умны, люди из обезьянки, мы учиться у обезьянки!

В.В.П.: – Кажется, в соседней студии сейчас как раз идет передача «В мире животных»...

Обама: – Мы сильные! Мы приходите, убивать всех коренных жителей, море крови! Арабы, русские, латиносы, все одно! Море крови! Мы могучие! (*ухмыляется в телекамеру*)

В.В.П.: – И вот сейчас вы по лицу в дерьме...

Обама: – Нет! Мы ОК, все ОК! Мы по-прежнему едим, спим, существуем – все в норме!

В.В.П.: – Ну, а муки совести вас не мучают? Лица, скажем, убитых иракских детей в зеркале по утрам не мерещатся?

Обама: – Душа? Какая душа? Нам не нужна душа, мы не спасаем душа! Нет СОС, нет... задницы! Мы спасаем задницы, вот и все! Толстые задницы, мы заботиться (*позирует своей *опой перед вовремя приближившейся телекамерой*). Очень просто, ага?

В.В.П.: – Как говорится, вы только что расставили все точки над «и», сами того не подозревая.

Обама: – Что? Моя не понимать! Моя янки, твоя не забывать это!

В.В.П.: – ОК! (*в сторону, шепотом*) Черт, как же я с тобой сейчас согласен, мой черножопый коллега!

Обама (*успокоившись и снова усевшись за стол*): – Еще беседовать, нет? Моя хороший говорун! Говорить, говорить, говорить... не делать, только говорить! Смешно!

В.В.П.: – Да уж, в ораторском искусстве вам действительно сложно отказать.

Обама: – Ага! Демократический стиль! Говори, говори, говори! Поступай по-другому, продолжай говорить... отличное прикрытие!

В.В.П.: – Но, кажется, мир наконец-то начинает видеть сквозь эту давно очевидную для некоторых иллюзию...

Обама (*в испуге озирается по сторонам*): – Они видеть? Кто наблюдать? Нам плевать! Много денег, заткнуть рты! Мы говорить, не они! Тишина, не СМИ – мы сами всех СМИ! Все равны, некоторые равнее! Демократия!

В.В.П.: – Теперь, кажется, я начинаю понимать, почему столь растиражированное и испоганенное вами слово начинается именно с буквы «Д»...

Обама (*в растерянности*): – Д... дурак? Нет? Де... деспоты? Мы убивать деспотов для нефти! Д... деликатесы? Мы хорошо обедать, толстые задницы! Д... дьявол? Мы сражаться с дьяволом, мы Империя Добра! Благослови нас Желудок!

В.В.П.: – Простите, вы, наверное, хотели сказать – «Благослови нас Господь»?

Обама: – Господь? Нет, мы не знаем, кто такой Господь! Мы забывать. Мы просто убивать. Просто кушать, спать, пить. Снова, снова. Замкнутый круг, без конца. Мы Империя Желудков! Тысяча чертей!

В.В.П.: – То есть вы все-таки не считаете себя избранной нацией, призванной очастливить миллионы неведомых вам людей, одемократив их... до смерти?

Обама: – Мы! Кто, если не мы?! Избранные! Как иудеи, как британцы! Святая троица! Арабы не избранные, латиносы не избранные, мы избранные! Ниггеры не избранные... воночие ниггеры! (*ловит на язык стекищую с волос каплю избирательских испражнений и с азартом выплевывает ее в лицо ведущему*). Вы тоже не избранные!

В.В.П.: – Так, ну это уже переходит все нормы морали, пусть я даже и не уверен в том, что таковые для вас остались!

Обама: – Получил?! Возмездие! Ты отказываться, ты получить возмездие! Демократия, тысяча чертей!

В.В.П.: – Все, конец интервью. Охрана, позаботьтесь, пожалуйста, о нашем невменяемом госте! Постарайтесь не причинить ему большого вреда, ученым будущего еще понадобится этот мозг для изучения причин подобных интеллектуально-национальных недугов.

Два вошедших в студию амбала бесцеремонно берут Обаму под руки и пытаются вывести. Обама кричит и плюется, грозя всеми муками ада, начиная от продажи в сексуальное рабство неграм и кончая обещанием устроить очередную серо-буро-малиновую-в-крапинку революцию. Наконец, получив от одного из охранников легкий удар в поддых, успокаивается. И лишь только поблескивающие черные глазки выдают всю степень его неприятия подобного неприятия их пути. Наконец, все три силуэта исчезают из поля видимости видеокамер.

В.В.П. (утирая лицо рукой): – Ну что же, мои дорогие телезрители, телезрителямши и телезрительянки... вот такой он, мистер комьюнити органиайзер Барак Хусейн! Но не будем судить строго, сегодня просто не их день. И завтра тоже... и послезавтра. Потому что ведь не зря говорили наши предки: «Если ты плюнешь в мир – мир утрется, а если мир плюнет в тебя – ты утонешь». Как говорится, дай им Господь желудочного здоровья... и помилуй их души!

С вами был Владимир Владимирович Пупкин, бесценно-небессмертный ведущий телепередачи «Раша Ньюс». И, как сказали бы наши друзья американцы: «Have a good day! ОК?»

05.04.2010

*Жанр: Репортаж
Категория: Признанное*

Записки самоизолированного

Хроники одного вирусобесия

День 1. Сегодня по телевизору нам во всеуслышание и без обиняков объявили, что к нам из Китая, но почему-то через Европу, прибыл неожиданно-негаданно опасный вирус, и мы будем бороться с ним всеми доступными нам средствами. От слов «всеми» и «средствами» у меня по спине пробежался легкий холодок. На всякий случай проверил баланс своего карточного счета. Слава банку, средства были на месте. Ну и черти же эти китайцы! Или все-таки европейцы?

День 2. В говорящем ящике продолжают трывдеть об эпидемии в Китае. Если бы я был китайцем, обязательно бы испугался. К счастью, нам, русским, нечего бояться. Наверное.

День 3. С полок продуктовых магазинов начала пропадать гречка. Ее что, мыши по ночам воруют? Или это новый план по созданию неприкосновенных государственных продуктовых запасов? Размышляю.

День 4. Озарение! Гречку раскупили про запас испугавшиеся вируса сограждане. Но кто тогда выкупил почти всю туалетную бумагу – и, главное, зачем? Размышляю.

День 5. Все ясно: туалетная бумага теперь начала выполнять психологическую функцию – своего рода успокоительное. Дешево и сердито. Осталось только немного переждать весь этот бумагомарательный кризис, и все обязательно образуеться. Наверное.

День 6. В говорящем ящике появились какие-то непонятные «эксперты», которые рассказывают нам о все новых и новых случаях заражения вирусом и опасностях, которые нас подстерегают. С опасностями вроде все понятно – но кто, продюсер их дери, все эти люди?!

День 7. Китай выстроил больницу за несколько дней. Не верю! У нас бы ушло минимум несколько лет. Мы что, хуже этих узкоглазых? Размышляю.

День 8. Озарение! Если мы продолжим «оптимизировать» нашу медицину и дальше, то больницы и вовсе не понадобятся, и можно будет совершенно законно не испытывать чувства горечи от того, что кто-то их строит быстрее нас. Все по плану.

День 9. Из продуктовых магазинов пропали устрицы и креветки. А эти то кому понадобились? Затоварился целой тележкой лимонов, пока и его не растащили как крысы по углам.

День 12. В говорящем ящике «эксперты» несут какую-то откровенную белиберду о сопутствующих болезни симптомах. Таким макаром в касту больных скоро можно будет записывать всех здоровых, а иных болезней кроме этого чудо-юдо-вируса у людей вообще не останется. А не является ли это хорошо завирусованной попыткой создать кастовое общество? Размышляю.

День 15. Зараженные жаждой путешествий больные продолжают прибывать из Европы, но их никто особо не проверяет. Они что, бессмертные?

День 19. Всем срочно самоизолироваться, это добровольный приказ! Как-то так нам сказали сегодня из ящика. Я, конечно, человек послушный, но что это за термин то такой? Больше похоже на самопрокрастинацию. Размышляю.

День 20. Чуйка подсказывает мне, что это надолго.

День 23. Полицейские отлавливают нарушителей режима самоизоляции как преступников и совершенно не спешат самоизолироваться с наших улиц сами. Они что, бессмертные?

День 25. Почти все магазины закрыты. Когда откроются, в ящике не сказали. Введен режим «повышенной готовности». С кем мы все-таки воюем? Можно ли победить то, чего нет в природе? Размышляю.

День 27. Начал передвигаться по улицам короткими перебежками, минуя встречные патрули. Наблюдение: если двигаться достаточно быстро, то в силу своей врожденной лени полицейские перестанут следовать за тобой, чтобы выписать вожденный штраф, и переключатся на другую, менее подвижную жертву. Гениально!

День 30. Пересел со своих двоих на велосипед. Нас не догонят!

День 33. В продуктовых магазинах закончился имбирь. Ну и хрен с ним, я бы эту гадость все равно никогда не купил!

День 40. По зомбоящику сказали, что все мы должны обязательно надеть маски. Какие именно, в нем не уточнили. Завтра планирую надеть маску лошади, а послезавтра – динозавра. Цирк, да и только!

День 43. А не вырем ли мы как динозавры с такими правителями?

День 45. Сегодня на улицах люди начали сторониться меня, как будто я прокаженный. Молча обходят за метр и идут дальше как неживые. Может быть, я все-таки зря надел маску Дарта Вейдера? Пусть тоже переходят на темную сторону силы, я не против.

День 47. Шутки-шутками, а сегодня меня все-таки догнал патруль. Не надо было ехать в маске Вейдера по проезжей части. На первый раз отделался минимальным штрафом. Переманить полицейских на темную сторону силы не удалось. Может быть это потому, что они уже к ней принадлежат? Размышляю.

День 50. У нас бушует самая настоящая эпидемия! По крайней мере, так сегодня сказали в зомбоящике. Среди всех моих знакомых нет ни одного зараженного, слава светлой стороне силы!

День 55. Ходят слухи, что вышки 5G являются тайным проектом по управлению сознанием людей. Глядя на то, как полицейские волоком тащили в машину бедную вышедшую на прогулку старушку, я начинаю в это верить.

День 57. Теперь выходить из дома можно только по QR коду. Жить пока что еще не запретили. Странно. В чем причина такой щедрости? Размышляю.

День 60. Тварь я дрожащая или погулять на улицу выйду?

День 65. Множество магазинов и предприятий по-прежнему не работает. Они что, бессмертные?

День 66. Сил моих нет терпеть этот бред.

День 70. На улицах резко возрастает количество патрулей. Ходят слухи о планах мировых банкиров по чипированию всего населения Земли и превращению людей в киборгов. Они что, хотят стать бессмертными?

День 80. Вновь проверил баланс своего карточного счета. Средства почти на исходе. Теперь я наконец-то понимаю, что имелось в виду под борьбой «всеми средствами».

День 90. Режим самоизоляции продлен на неопределенный срок. От недостатка солнца и витаминов мне временами становится дурно.

День 115. Сегодня я чуть не упал в голодный обморок в магазине, выбирая самый дешевый растворимый суп. Какая-то сердобольная женщина успела подхватить меня, в то время как все остальные шарахнулись прочь – видимо из-за того, что на мне не было защитной маски. Это уже не цирк, а нечто иное.

День 117. Продать или сдать в аренду квартиру, чтобы купить еды, не получится. Мы успешно побеждаем самих себя.

День 160. Патрульные в черных бронированных костюмах заполнили улицы. Их набирают из числа отчаявшихся и оголодавших людей. Эти присягнувшие работают буквально за еду. Они что, мнят себя бессмертными?

День 173. Ходят слухи о грядущем государственном перевороте.

День 190. По улицам городов идут голодные бунты. Об этом вещает в эфире радио «Спротивление». Призывают вступить в их ряды. Всех бойцов невидимого фронта обещают снабжать «тушенкой» и «гречкой». Что значат все эти слова? Пытаюсь вспомнить.

День 200. Я – член Спротивления! Мы ведем бои за нашу родину с предавшей нас и присягнувшей хозяевам денег элитой.

День 255. Радио Спротивления вещает на всей территории бывшего Советского Союза. Пусть мы не бессмертные, но мы не рабы. Свобода, равенство, братство!

День 777. Сегодня под решающими ударами войск Спротивления пал последний вражеский оплот в столице нашей родины. Как же сладок вкус победы! Как же сладка гречка!

День 1100. Наша военно-космическая машина не знает равных, а закаленные в боях солдаты жаждут спасти мир от прихвостней «мировых чипизаторов». Уже совсем скоро у нас будет достаточно сил для решающего удара.

День 1255. На Вашингтон!

06.05.2020

Жанр: Репортаж
Категория: Лучшее

Мастер

– Здравствуйте, о великий Мастер! – возопил очередной Ищущий. – Я наслышан о вашей мудрости и знании, и непременно хотел бы стать вашим преданным Учеником!

– А сердце от радости из груди не выскочит, коли приму? – Мастер сощурил правый глаз и пристально взглянул на нежданно обретенного неопита, продолжая тем временем лузгать семечки. – А то ведь мне потом за твоё бездыханное тело ещё перед Горздравом отвечать, чего доброго, придется. А я у них итак на заметке, ибо здоровье у меня уже не то, что прежде.

– Да я из штанов скорее от радости выпрыгну, коли возьмете меня к себе! – уверил его Ищущий.

– Из штанов – это ты зря. У нас тут все-таки не Европа, другой духовный климат, так сказать. Кто тебя хоть надоумил то ко мне явиться, да еще и в такую рань, а? – пробормотал Мастер, почесывая себе спину.

– Сама судьба привела меня к вам тропами нехожеными и путями неведомыми! – пылко воскликнул Ищущий.

– В газете объявление вычитал? – кашлянул Мастер, подавившись ошкурком очередной семечки.

– И в газете, и в клозете! – затараторил Ищущий. – Понял я, что жизнь свою единственную в унитаэ спускаю аки дурак последний!

– Ну, не ты был первый, не ты будешь и последний! – хохотнул в ответ Мастер. – Последним дурачком на деревне у нас был Васька.

– Захотел я понять смысл жизни моей, предназначение мое, путь мой! – продолжал тараторить скороговоркой Ищущий.

– Ну, тогда тебе со мной по пути, коли ты такой прыткий, – ответил Мастер. – Дрова, скажем, колоть умеешь?

– С радостью научусь этому великому мастерству! – пылко признался Ищущий. – Только возьмите меня в свои ученики!

– Заметано! – кашлянул Мастер и выплюнул очередную семечку в траву. – Бери вон там топор и айда за мной. Сам то я уже старый стал, а тут молодая кровь нужна, дабы дела то такие проворачивать.

* * *

– Ты как топор то держишь, бестолочь! – крикнул Мастер и ударил Ученика клюкой по башке. – Ты почто его одной рукой то держишь? Двумя держать надо при ударе!

– Также и мы должны усиленно прорубаться через тяготы жизни нашей? – с надеждой взглянул на Мастера Ученик, смахивая рукой со лба пот.

– Какая ж это тягота то! – ошалел Мастер. – Тебе ж просто дрова наколоть было поручено. Ты что, белены объелся, чтобы быт за испытание выдавать?

– Интернета я объелся, Мастер! – горько воскликнул Ученик. – Заелся я и пресытился! По форумам спамил, детей малых троллил, статьи гадкие в газетах разных пописывал.

– Грехи твои тяжкие! – всплеснул руками Мастер. – А тролли – это кто такие? – решил уточнить он на всякий случай.

– Это такие, как мы, Мастер, – вздохнул ученик. – Твари дрожащие.

– Это ты еще наших морозов не ведал, дрожайший ты наш! – гоготнул Мастер. – Ничего, вылечим мы тебя от дури этой цивилизованной, дай времечко только.

– Спасибо вам, Мастер! – воскликнул Ученик. – Только скажите, что мне делать, я на все готов!

– Дрова коли, бестолочь городская! – гаркнул Мастер и вновь шандарахнул Ученика клюкой по башке.

* * *

– Вот, – удовлетворенно заметил Мастер, залезая наверх. – Печка – она тепло дает. А тепло в наше время – дорогого стоит.

– Охладели сердца человеческие к тяготам братьев своих земных... – понимающе кивнул головой Ученик.

– Балбес! – воскликнул в ответ Мастер и кинул в него снятым с ноги валенком.

– Дрова – они дешевле будут, а за радиатор масляный мне бы знаешь сколько выложить то бы пришлось? А у меня пенсия, между прочим, не резиновая и без надбавок всяческих. Даже ветерана труда не дали за труды ратные, вредители! – огорченно проворчал Мастер, устраиваясь на печке.

– Мастер! – насупился Ученик. – Мастер...

– Хррррр... – раздалось ему в ответ с печки.

– Мастер! – умоляюще крикнул Ученик. – Мастер, я жду вашего ответа!

– А, что? – открыл глаза сомлевший было от тепла Мастер, уставившись на Ученика. – Ты почто меня опять потревожил, когда я сил набирался, а? – воскликнул Мастер и кинул в своего неопита вторым валенком.

– Мастер, мы уже вот как несколько месяцев занимаемся какой-то фигней – то воду из колодца таскаем, то траву в стога собираем, то рыбу в речке ловим, то уху себе готовим. Когда мы уже начнем делать что-нибудь великое, значительное, а? Мой дух изнемогает в ожидании грядущих свершений!

– А это что, по-твоему, незначительное? Отличная, между прочим, у нас с тобой уха получается. Особенно из карасей и сомов когда – объедение! Давно я тут без тебя такой ухи уже не пробовал.

– Вы издеваетесь, Мастер?! – горько крикнул Ученик. – Что же в этом значительного?

– Пустая твоя башка! – вздохнул Мастер. – Это она самая смысл не хочет вкладывать в то, что ты делаешь. А ежели бы вкладывал – то любил бы ты это, а коли бы любил – то и делал бы с удовольствием, а коли бы делал с удовольствием – то и счастлив бы был, а коли счастлив бы был – то и с другими счастьем своим поделился. И у них знаешь, какая уха бы от счастья то получилась? Божественная!

– Вам легко говорить! – обиделся Ученик. – Вы то там в тепле себе поживаете, а мне на этой кровати деревянной здесь внизу каждый день божий мерзнуть приходится. Хотел бы я оказаться на вашем месте!

– Точно хочешь? – прищурился Мастер. – А ну, залезай сюда! А я на твоём месте понежусь пока – мне ведь не привыкать, где нежиться.

– Блин... да как же тут... да где... да ептыть... мастер! У вас же здесь места нет совсем! – запричитал Ученик, в который раз ударившись головой о выступающий из печки кирпич.

– Это для тебя там места нет, потому что у тебя свое место в жизни есть, бестолочь! – с этими словами Мастер закинул на печку ранее выброшенный вниз валенок. – Держи валенок!

– Зачем мне ваша обувь, Мастер? – непонимающе взглянул на него Ученик. – Лучше возвращайтесь на свою печку, а я вернусь на деревянную кровать.

– Не так шустро! – хохотнул Мастер. – Быстро надевай валенки и тулуп, на почту сейчас пойдешь! Должно тебе сейчас будет смирения и терпения урок пройти.

* * *

– Уже вернулся? – улыбнулся Мастер, видя, как заиндеветый Ученик с трудом перевалился через порог и устало упал на свою кровать, даже не удосужившись снять чужие валенки. – Ну, как тебе мои валенки, не жмут?

– Тяжек путь в сандалиях ваших... – устало пробормотал Ученик еле слушающимися его губами.

– Вот, – удовлетворенно вздохнул Мастер, поерзывая на печи. – Почта России, село... дальше объяснять надо, или сам допрешь, тролль бесхребетный? А я, между прочим, каждый месяц так ходил, когда пенсию то получать надо было. Но вижу теперь, что заменить меня ты на этом поприще вполне способен.

– Черт вас угораздил в такой глуши селиться, Мастер! – проворчал Ученик. – Я черт знает сколько по лесам продирался, чтобы вас найти!

– Остолоп ты мой ненаглядный! – всплеснул руками Мастер. – Да кто ж тебе сказал то, что ко мне лесами то продираться надо было – эго твое чтоли, али буддист какой? Ты, видать, про общественный транспорт то вообще не слыхивал? Шестьдесят второй автобус каждый день к нам сюдыть ходит до остановки, а от остановки то минут десять ходу тебе будет, не более.

– Мудрость речей ваших ускользает из поля зрения духа моего... – устало пробормотал Ученик, засыпая.

– Остановки в жизни правильные находить нужно, дурень! – улыбнулся Мастер.

* * *

– Мастер, ну вот зачем нам все это сдалось, а? – Ученик осторожно тронул Мастера за плечо.

– Чтобы оно нам сдалось, его еще поймать надобно, а ты мне силки на лис расставлять сейчас как раз и мешаешь! – одернул его Мастер. – А ну тихо!

– Вас понял! – ответил Ученик. – Буду молчать, как молчал великий Будда, созерцающая мир.

– А вот этих самоистязаний мне тут не надобно! – шикнул на него Мастер. – Я так долго не общаться и сам не могу и тебе советовать не планирую. Нам тут только парочку капканов еще поставить осталось – и по домам, на печку.

– Главное, не угодить в собственноручно созданную яму или капкан, возжелав зла ближнему своему, – деловито подтвердил Ученик.

– Едрить твою налево! Да когда ж ты умничать то прекратишь, а? У тебя ж эго до сих пор хвостом аки лиса виляет!

– За этот год я набрался мудрости от вас, Мастер! – заверил его Ученик. – Теперь я чувствую себя сильнее.

– Расскажешь это завтра сорокаградусному морозу, когда силки проверять пойдешь, – ответил Мастер и сплюнул в снег.

* * *

– Мастер... – в который раз раздался знакомый уже призыв.

– Да не мастер я тебе давно уже! Егорыч я, Степан Егорыч! – воскликнул дед, устало присаживаясь на завалинку. – Вот ведь сколько лет уже талдычу тебе, тролля башка – а ты все «мастер!», да «мастер!»

– Но ведь в том давнем объявлении в газете вы же так и называли себя – «мастер», – возразил изрядно заросший и похудевший за последние пять лет Ученик.

– Сантехник я бывший, бестолочь! Нас же всегда мастерами называют. И помощника-ученика я себе искал, чтобы трубы в селе нашем было кому чинить, а то совсем прохудились с советских времен то, того и гляди лопнут – и вот тогда дело точно труба будет всем нам здесь, никакие мастера не помогут.

– Что же это получается... – обреченно сел на землю пораженный услышанным Ученик, – вы не мой Мастер?

– Ну почему ж не твой то? Ежели тебя судьба ко мне привела – значит мой ты теперь. Мы ж с тобой за эти пять лет то так хозяйство наше все подняли и наладили, что теперь тебе самое время в распоряжение Авдотьи Михайловны поступать – у нее вон давно труба из-под ванны в бане то протекать начала, да и на почту ей тоже ходить за пенсией то надобно.

– Выходит, все напрасно... весь смысл жизни – в трубу... – шептал не слушающимися его губами поникший Ученик.

– А, может быть, не понятый тобой смысл жизни для тебя всю жизнь и был – Авдотье Михайловне помогать? – с улыбкой сощурился Мастер.

17.11.2016

Жанр: Рассказ

Категория: Избранное

Перформанс

Здравствуйтесь, уважаемые душевнонезажатые читатели и страницелистатели. В последнее время в редакцию нашей газеты приходит множество писем с просьбой повторной публикации изданной несколько месяцев назад статьи под заголовком «Перформанс». В связи с важностью затронутой тематики и высокой степенью актуальности данной статьи для нашего социума, мы решили удовлетворить эту добрую просьбу наших бумагопотребителей. Очень надеемся, что чувство доброй иронии не покинет наших читателей (как и упомянутых в статье лиц) при чтении вновь публикуемой нами заметки.

Издательство «Питерский Разводной Мост»

На днях в Москве в Храме Христа Спасителя произошли удивительные и одновременно трагические события. Группа неизвестных лиц мужского пола, одетых в кафтаны, телогрейки, валенки и шапки-ушанки, несмотря на очевидное несоответствие подобного обмундирования текущим погодным условиям, без всякого на то разрешения и уплаты налога на вход в святые православные храмы, самым беспардонным образом потеснив местную старушку-настоятельницу храма, прорвались к самому священному месту нашей нерезиновой столицы – к алтарю.

Как должно быть известно нашим уважаемым читателям, сей алтарь был официально признан священным буквально несколько дней назад до описываемых в статье событий, когда Святейший Патриарх Всея Руси исполнил перед ним в присутствии президента нашей страны гимн «Боже, царя храни!». После чего указанная группа неустановленных лиц без всякого стеснения и с огромным энтузиазмом исполнила песню «Эх мороз, мороз!». Отметим, согласно данным метеорологов, температура воздуха на улице на момент происшествия составляла порядка тридцати градусов выше нуля.

На данный момент правоохранительными органами уже составляются фотороботы преступников, однако все дело затрудняется слишком большим сходством получающихся изображений с рожами среднестатистических подвыпивших русских мужиков аккурат под Новый Год. Однако, если бы дело ограничилось только пением подобных похабных песен, для истинно верующих граждан нашей страны это было бы еще полбеда. Беда же состоит в том, что преступники не только пели неустановленную законом откровенно богохульную песню, они при этом еще и самым наглым, беспардонным и откровенно развязным образом смеялись!

Как должно быть известно нашим уважаемым читателям, в связи с официальным постановлением Патриарха улыбаться и смеяться в их храмах было категорически запрещено для всех истинно и тем более истово верующих православных христиан, а при входе в храм они должны были, цитируем, «иметь лик скорбный и угнетенный, главу вниз опущенную, глаза невыразительные, губы зубами закусенные и денег в карманах множество», а нарушение сего поведения было официально приравнено к богохульству, которое, в связи с недавно внесенными поправками в Уголовный кодекс, оказалось приравнено к особо тяжким преступлениям против совестиличностиверычестидостоинства (в одно слово с маленькой буквы) и Святой Православной Церкви (в несколько слов с большой).

Разразившийся в связи с происшествием скандал продолжает набирать обороты. Практикующие психиатры, лингвисты-самоучки и политологи уже начинают говорить о процессе серьезного раскола общества по принципу вкуса и цвета. Ряд деятелей культуры уже успели выразить свою поддержку начинающим свой творческий путь певцам в коллективном письме, удостоившись, таким образом, клейма деятелей бескультурья со стороны ряда партий националистического толка.

«Нами двигает исключительно сострадание и любовь к представителям нашего народа, и мы совершенно спокойно допускаем их возможность одеться в телогрейки и валенки, и спеть непопулярную песню. Иисус учил любви и всепрощению – в том числе к тем, кто одевается не так, как мы, поет не так, как мы, и ощущает мир по-иному. Люди без любви – не более, чем мешки с костями», – подобным образом прокомментировал ситуацию один из неназванных подписантов письма. Подписант, однако, не уточнил, действительно ли подобные мотивы двигают всеми подписавшимися, состав которых крайне неоднороден, или же только самыми честными из них.

Полного единодушия по вопросу произошедшего среди представителей культуры и искусства, однако, не наблюдается. Так, ряд певцов уже успели осудить анонимных певчих и смачно плюнуть в их сторону.

«Я ни Христос и прашать всех и всяя ни буду!!! Они там ахринели фсе фканец!!! Они бы исчо маю песню исполнили, неучи. Пасадить фсех на кол и сжэч!!!» – так, например, негодовала королева русского шансона в своем блоге.

Примадонна российской эстрады высказалась куда как более осторожно: «Бездарные мужланы просто решили попиариться! Они, наверное, метят на мое место. Зря! Я и не таких ногами вперед вниз с эстрады спускала. А улыбаться и смеяться – вообще верх цинизма в наше суровое время. Можно сказать, пир во время чумы. Лучше бы ров перед нашим замком выкопали, чем фигней всякой страдать. Они – просто хреновая клоунада!»

Ее знакомый высказался чуть более категорично: «Я не хочу, чтобы меня расспрашивали об этих проשמандовках! Меня вообще раздражают их розовые кофточки, их сиськи и ваш микрофон!»

На справедливое замечание о том, что исполнителями песни являлись лица мужского пола, певец смущенно ответил, что его, видимо, бес попутал, и поспешил ретироваться из-под объективов телекамер.

«Вот я всегда говорила вам, что русские – это генетическое отребье и быдло! Им бы только нажраться и спеть что-нибудь такое пафосное. Тупые, одним словом, – не то, что я! Никаких с вами норковых революций не сделаешь тут!» – высказалась известная телеведущая душегубка.

Не отстают от своих российских коллег и зарубежные певцы, которых, по всей вероятности, подобный «перформанс» также задел за живое. Так, мадонна американской эстрады настойчиво интересовалась, не являются ли обвиняемые во всех смертных грехах певцы представителями ЛГБТ сообщества, и была крайне разочарована ответом о том, что они являются нормальными русскими мужиками, а «не такими, как в этих ваших солнечных Калифорниях», после чего она совместно с мэром Берлина сделала официальное заявление о том, что, цитируем, «к сожалению, российская социальная общественность еще не доросла до высоких стандартов западной демократии и не обладает требуемым уровнем толерантности».

Истинно верующие христиане, отмечающие свое присутствие тут и там в комментариях к статьям о деле безымянной группы, также продолжают подкидывать каштаны в огонь.

«Я, как русская православная христианка, считаю, что этих мракобесов надо высечь плетью с железными шипами на площади. Причем на глазах их детей, чтобы те учились правильно жить! А потом их же всё равно истинно верующие христиане при первой возможности насмерть справедливо забудут! И правильно! Пусть все знают силу истинной веры! За Патриарха и РПЦ!» – пишет одна из них.

Подливают масла в огонь и представители политических партий. Так, с жесткой критикой безымянной группы выступили представители националистических партий «Новый Великий Сталин» и «Сталин – наше все». «Это плевок в душу, в веру нашего народа. Это подрыв устоев нашей государственности. Это козни наших англосаксонских недругов. Их будущую судьбу должен определить наш в высшей степени справедливый и гуманный суд, и никакие деятели культуры не имеют право вмешиваться в процесс», – так прокомментировал ситуацию лидер одной из партий. «Сталина на них на всех нет!» – заявил лидер второй.

Лидер Коммунистической партии же заявил буквально следующее: «Мы понимаем степень серьезности вопроса, поднятого в песне, ведь именно в зимнее время была совершена знаменитая февральская революция, и именно апрельские тезисы создал наш вечно живой вождь. Но при этом мы считаем такое поведение этих товарищей недопустимым по партийно-этическим соображениям. Взгляните на нашего вождя – на лице его нет улыбки. Он мирно спит в ожидании великих грядущих событий, никому не мешает и насильно не мозолит людям глаза, но в то же время спокойно и молчаливо приветствует и принимает всех, приходящих к нему. Мы считаем такое поведение нашего вождя образцом как для нашей партии, так и для всех наших сторонников».

Небезызвестный лидер другой партии высказался на значительно более повышенных в децибелах тонах: «Сволочи! Падонки! Гниды! Так их и разэдак! Да у нас медведи в цирке выступают лучше, чем они! Позор на весь мир! Отморозки недоделанные! Выдрал бы их как своего осла! Падонки!»

Представители же партии «Неправое дело» заявили о том, что на данный момент их подобные вопросы интересуют «не очень чтобы», поскольку они до сих пор так и не смогли определиться с тем, кто же будет их новым лидером после того, как старого (молодого) олигарха они в ходе прошлых внутрипартийных козней выгнали взащей.

Представители правящей партии от комментариев отказались.

Поиски злоумышленников ведутся до сих пор. Общество расколото. Политики собачатся между собой. Воинствующие христиане требуют хлеба и зрелищ. Сетевые хомячки запасаются попкорном. Деятели культуры бескультурно хаотят всех и вся, борясь за место под золотым тельцом. В общем, как говорится, в Москва-сити все спокойно...

29.09.2012

*Жанр: Репортаж
Категория: Признанное*

Ху из Ху

Справка

Выдана: гражданину Ху.

С целью: показать всем, «ху из Ху».

ООО «Балбесы планеты» обвиняют гражданина Ху в том, что Ху:

1. Сидел на суку.
2. Молол чепуху.
3. Из мозга балбесов всех вынул труху.

Настоящая справка также подтверждает, что гражданин Ху:

1. Не осел.
2. Не козел.
3. Возможно, чудака.
4. Наверное, дурак.
5. Он цель для атак.

P.S. Все так!

Гражданину Ху инкриминируются 159484838934848454 преступлений, прямо или косвенно совершенных всем сообществом ООО «Балбесы планеты» за всю историю их жизнедеятельности на планете Земля. Само сообщество от какой-либо ответственности отказывается в лукаво-добровольном порядке.

Гражданин Ху может оспорить легальность выдачи ему данной справки путем личной беседы с каждым из сотен миллионов членов сообщества. Решение об отмене своего ху-лень-и-я каждый член сообщества принимает после беседы самостоятельно. Отмена полученного гражданином Ху ярлыка возможна только при стопроцентном пересмотре каждым из членов сообщества своего мнения о нем (что невозможно в силу элементарной статистики). Распятие гражданина Ху является одним из рассматриваемых методов наказания со стороны сообщества.

Справка выдана гражданину Ху заочно, и его согласие на ее получение не требуется (чему мы очень рады).

Ху-ху! Я-ху!

ООО «Планета Земля»

«Балбесы планеты»

17.02.2013

Жанр: Статья
Категория: Признанное

Мир света

В Новом Мире

Когда же это было?

Иногда мне кажется, что все это произошло какие-то минуты назад, хотя с тех пор миновали долгие двадцать лет.

Это не сказка, нет. Это история моей жизни, ее удивительная и незабываемая часть, ее путеводная сверкающая звезда. Начало моего нового пути в мире. Если хотите – солнечное перерождение.

Наша память всегда запечатлевает для нас самые запоминающиеся и удивительные моменты. И сейчас, спустя двадцать лет, я крайне отчетливо помню тот ярчайший почти что месяц. Они, те дни, как на ладони раскрываются передо мной – когда бы я ни пожелал, память повторяет их для меня в ярчайших подробностях... каждый день из нескольких десятков. Иногда мне даже кажется, что какая-то особенная память хранит для меня те события.

Они остались в моем сердце – те дни.

Сейчас я снова вспоминаю эти мгновения, и слезы катятся по моим щекам. Это слезы грусти и слезы радости, друзья мои.

Каждый день и каждый час – как на ладони...

* * *

«Джон, тебе уже пора домой!» – и встревоженная мать показалась на крыльце.

Но мальчик ее и не слышал – он был далеко. Они вместе с Джимом и Лаурой – девчонкой из того же квартала – плескались в реке. Они зачерпывали своими детскими ладонями пригоршни воды и что есть силы бросали их друг в друга, обливая сверкающим водяным потоком.

Вот он схватил двумя руками струящуюся воду и швырнул ее в Джима, облив ему лицо. Тогда Джим, до сих пор увлеченный метанием струй в смеющуюся Лауру, каким-то странным образом приставил руку к воде – и через мгновение целый водяной вихрь охватил его.

Вокруг Джима возник водяной щит. Сам же он крутился в воде и бил по ней руками – и струи летели в разные стороны от него, задевая и правого (кем здесь по праву могла считаться Лаура – ведь не она же, в конце концов, начала на него эту атаку!), так и виноватого – то есть Джона, имевшего неосторожность облить это водного чемпиона Джима и сейчас, обливаемого бесперебойным потоком, уже горько жалевшего об этом своем столь опрометчивом шаге.

Однако этот новый водяной барьер и метаемые струи, казалось, лишь еще больше воодушевили их всех – они хохотали и обливали друг друга, уже не закрывая лица от несущихся в разные стороны по совершенно непредсказуемым траекториям водных струй, посылаемых той или иной стороной.

Постепенно он вместе с пришедшей ему на помощь против этого Лохнесского чудовища Лаурой стал все больше и больше теснить Джима к берегу – струи били в лицо, он уже не видел Джима толком, но все еще продолжал сражаться. Но и Джим не отступал – теперь он успевал метать воду уже и в Лауру – и той доставалось не меньше, чем ему.

Они бились и бились друг с другом, и звонкий ребяческий смех наполнял пространство и раскатывался волнами вокруг.

Они здорово повеселились в тот день. Джима все-таки удалось вытеснить на берег – и они вместе с Лаурой как полноправные победители затем обливали его, уже побежденного и не сопротивляющегося, с двух сторон изо всех сил.

Затем они гонялись друг за другом в воде точно стаи пиратских кровожадных акул, как сказал все тот же Джим. Тех, кого догоняли, хватили в воде за пятки и тащили на берег. Проще всего получалось догнать Лауру – после того, как ее удавалось схватить за пятки в воде, она, как и положено побежденному, покорно шла на берег и ждала там, пока они гонялись друг за другом. Затем, смеясь, она вновь плыла к ним и уже догоняла их, изрядно уставших в погоне друг за другом, и ей почти всегда это удавалось. Ну, разумеется, они поддавались ей.

Потом были лесные прогулки и пение птиц в ветвях деревьев. Было утро и они, усевшись на древесные бревна, заворуженно слушали птичью трель.

«Наши лесные братья умеют воздавать хвалу свету», – как сейчас помню эту фразу Лауры.

Были их совместные прятки-ляпы в лесных буреломах и обильных ветвях росших здесь высоких кустарников. Были спуски с морозных ледяных гор и игра снегом. Было падение в глубокие сугробы и дружелюбный смех стоящих рядом с тобой друзей. Была радость познания столь громадного и удивительного мира, открытого их детским взорам.

Они, эти трое, еще только входили в жизнь детьми. Они и потом жили ими.

Они... Они – трое.

Теперь же из них остался только он один.

Это было как удар. Нет – это было страшнее.

Как будто тысяча пламенных молотов разом обрушилась на тебя и придавила так, чтобы ты уже не смог даже дышать... Как будто тебя засасывает какая-то страшная глубина, и ты не можешь ничего с этим сделать... Как будто тебя разрывает и кромсает на части неведомая тебе сила... Как будто ты перестал жить.

И все же он был – тот день. Десять лет назад – да, именно тогда он впервые узнал о том, что великие друзья его детства и юности, давшие ему так много – Джим и Лаура – оба они умерли. Оба покинули этот мир, и он остался в нем без них.

«Без. Них. Без. Них. Один. Один. Один», – как молотом в висках отбивало его сознание в те дни.

«Без... них», – бьющиеся в сознании слова сложились, наконец, в жалкое подобие фразы – и он потерял сознание, упав на внезапно приблизившуюся к нему землю.

После он пришел в себя, хоть и не сразу. Еще год он приходил в себя. Это была действительно огромная потеря – потеря, быть может, самого ценного, что подарила ему эта жизнь.

Но он пережил ее. Справился – справился потому, что не мог не справиться. И потому, что сердце – его сердце, никогда не подводившее его, – настойчиво и постоянно с того дня этой потери шептало ему, что эта разлука не вечна. Что они, трое, встретятся вновь под солнцем иного мира, что они встретятся, когда его путь здесь будет завершен и долг – выполнен.

Но это было уже позже, это было спустя многие годы. А тогда они были светлыми детьми – и ничто и никто не омрачало их праздника жизни.

* * *

Казалось, тот день был самым обычным днем, каких за год для стороннего наблюдателя бывает ровно триста шестьдесят пять. Но так это казалось другим – но не ему. Не ему.

Призрак или человек? Я сначала даже подумал, что увидел призрака, когда тот осторожно подошел к моему дому и поздоровался со мной. Как будто бы появился из ниоткуда...

Я приветствовал его, резко приложив правую ладонь к голове и затем отпустив ее – так почему-то часто делали люди в военной форме на парадах, и я тоже решил так попробовать.

– Боец, – ответил незнакомец и улыбнулся. – Из тебя выйдет истинный боец, – добавил он.

Он заговорил. Спрашивал о моем квартале и о том, сможет ли он где-нибудь пожить здесь некоторое время, пока ему не «будет пора двигаться дальше» – кажется, именно так он тогда выразился.

Мы – я и Лаура, как раз в это время прибежавшая к моему дому с тем, чтобы пригласить меня и Джима в субботу на пикник, который собирались устроить ее родители – оба активно включились в разговор с незнакомцем, наперебой тараторя и перебивая друг друга, чтобы дать этому человеку как можно более точную информацию о том, почему ему, например, стоит остановиться в доме у тетушки Жанетты и ни в коем случае не стоит останавливаться в трактире «Ночной всадник».

Так мы узнали, что призрака зовут Ричард.

– Ричард, – ответил призрак, – так меня зовут. Одно из любимых мною имен.

Когда мы закончили наши объяснения и умолкли, изрядно устав от такой словесной тирады, он улыбнулся и спросил, может ли остановиться у меня в доме.

– А почему вы не хотите остановиться у тетушки Жанетты? – опередила меня с вопросом Лаура и взглянула на незнакомца испытующим и заинтересованным взором. Ричард-призрак поднял глаза влево-вверх – как будто бы задумался о чем-то. Затем отвел в сторону руки, выставив их ладонями вверх, как бы прося кого-то неведомого о помощи, – так продолжалось секунд десять. Затем он встряхнул головой и вновь посмотрел на нас лучистым взглядом – я как сейчас помню это чудное сверкание его глаз! – и вновь заговорил.

– Решил посмотреть снова, стоит ли мне останавливаться там, где вы мне предложили. Это будет не лучший выбор. Я должен остаться некоторое время с вами.

Мы, конечно же, начали наперебой расспрашивать его, почему же именно с нами, и как он узнал об этом, на что он ответил: «Вы все узнаете в свое время. Когда вы вырастаете, вы все поймете».

– Воины, – добавил он и улыбнулся. – Не бойся, Джон, и ты не бойся, Лаура. Я не причиню вам вреда. Воины добра сражаются вместе, плечом к плечу – а не друг против друга.

Но... но я не говорил ему своего имени! И Лаура не говорила тоже! Как же он мог узнать их?

По лицу Лауры я увидел, что она тоже находится в растерянности.

– А как вы... – начала было она – и внезапно передумала, так и не закончив фразу.

Незнакомец повернулся к ней и улыбнулся.

– Хочешь спросить, как я узнал твое и Джона имя? Нет, я не выспрашивал людей о вас – это мне не требуется. Вы получите ответ и на этот вопрос, когда подрастаете. Вам многое откроется в свое время.

Больше он не сказал по этому вопросу ни слова, и мы не стали его расспрашивать.

– Я так понимаю, что требуется согласие ваших родителей на то, чтобы я пожил с вами? – и он взглянул на нас. – Ну, разумеется, – вновь добавил он через пять или десять секунд. – Я достойно оплачу свое проживание и не буду мешать вам в вашей повседневной жизни. Впрочем, если вам – он посмотрел на меня и на Лауру – потребуется помощь – вы всегда можете обратиться ко мне, пока я буду с вами. Я буду здесь примерно месяц, а потом мне потребуете идти дальше, ибо мой путь зовет меня. Спросите своих родителей и решите вместе, примите ли вы меня. Я приду завтра днем. Удачи вам, воины, – и с этими словами он порывисто встал, махнул нам рукой на прощание и, казалось, так же внезапно растаял за горизонтом, как и появился, оставив нас в чувстве недоумения и в то же время пришедшей откуда-то из глубины светлой радости и предчувствия счастья.

По крайней мере, такое чувство осталось у меня – но и у Лауры, похоже, тоже.

– Ну и что будем делать? Тебе не показался этот человек... странным? – и Лаура испытующе посмотрела на меня.

– Станным? Да, верно... какой-то он странный... но я почему-то доверяю ему. Не знаю. Я доверяю ему и верю, – ответил я.

– И я тоже. Я только хотела узнать, что ты чувствуешь. Правда, не думаю, что мои родители разрешат ему жить с нами – слишком уж они настороженно относятся к незнакомцам, даже к... таким, как он... – и Лаура вздохнула. – Но твои то почти точно разрешат! Вам ведь сейчас нужны деньги, и они воспользуются любой пришедшей возможностью.

– Да, мои наверняка разрешат. Он будет жить с нами... месяц, – сказал я. – Почему же так мало, месяц?! – внезапно вырвалось у меня, и я поспешно прикрыл рот рукой. Что за мысли? Странно.

– Ну, ладно. Я приду завтра вечером, и ты мне расскажешь о нем. Он такой загадочный... – Лаура одарила меня своей улыбкой, встала с места, махнула рукой на прощание – совсем как тот незнакомец – и побежала к своему дому. Ее силуэт постепенно удалялся, как будто тая в этой утренней дымке – и вскоре совсем исчез из виду.

«Значит, завтра. Значит, месяц. Что ж, пусть будет так», – не помню, откуда пришли тогда ко мне эти мысли, но в них была необычайная сила и какое-то внутреннее согласие.

Мои родители действительно разрешили незнакомцу жить с нами.

Так начался тот чудный и незабываемый месяц моей жизни, оставшийся в моем сердце, оставшийся – навсегда.

* * *

Он был полон загадок, этот Ричард, и был очень добр – и мы с Лаурой, Джимом (такое событие мы не могли от него скрыть, и он тоже стал навещать ко мне в дом, чтобы еще и еще раз встретиться с нашим новым жильцом) вскоре все трое полюбили его. Я как сейчас помню наши беседы с ним, его лучащиеся солнечные глаза и ровный, спокойный и исполненный внутренней силы голос...

«Ты спрашиваешь, откуда я пришел к вам? Из мира – из миров. Их мириады – мириады неповторимых удивительных миров. Ваша жизнь – в беспредельности. Надо только устремиться к познанию и красоте. И этот ваш мир – вы можете и его сделать цветущим садом. Понимаешь? Можете! Это все в ваших силах...»

«Сейчас ты живешь по жизни ребенком, ты замечаешь и видишь многое, чего не видят уже большинство взрослых людей – много прекрасного. Ты живешь в живом мире. Для тебя нов каждый день, для тебя чудесен – каждый день. Это справедливо и верно, это прекрасное восприятие жизни. Другим надо учиться такому восприятию, тем, кто забыл, что такое возможно – надо просто напомнить. Ваша радость жизни и любовь – твоя и твоих друзей – она как бы ключ к миру. Она откроет все врата перед вами, она проведет вас над пропастями и даст вам прекрасные крылья для полета».

«Да, именно радость заповедана людям. Люди могли бы жить в радости, если бы сами не ввели себя в круг страданий. Я не знаю, почему они сделали этот выбор – но многие его все же сделали. О какой радости я говорю? Но ведь ты уже испытывал ее! Когда вы вместе с друзьями играли и резвились – вы радовались живой жизни. Когда вы с интересом изучаете окружающий вас мир – это радость познания мира. Когда ты трудишься – это радость труда. Когда ты любишь и даришь любовь свою ближним – это радость и восторг любви и отдачи. Странно, что некоторые потеряли эту чудесную нить – но это значит, что им надо снова отыскать ее. Сердце растопить свое им надо! Люди страстно желают быть счастливыми – и не делают ничего, чтобы быть ими. Для некоторых из них каждый день – как однообразный туманный образ, и жизнь их бывает также полна тумана. Но в тумане легко заблудиться и потерять путеводную нить – поэтому надо, чтобы сердце сияло любовью и радостью – и тогда никакой туман не покроет это пламенное сердце!»

«Дойдет тот, кто движется – я знаю, ты уже слышал эти слова – и это так и есть. Нельзя сидеть на одном месте, в сотый раз перегребая рухлядь своих предрассудков, ненужных и бесполезных привычек. Двигаться надо, устремляться надо! Вдохновение нужно людям – но многие думают, что оно приходит только в каких-то исключительных случаях. Но оно всегда рядом с нами – лишь руку протянуть. Лишь начать трудиться с добрыми намерениями – и вдохновение будет верным и преданным спутником на твоём пути».

«Как я узнал твое имя? А как животные чувствуют страх? Как люди ощущают взгляд? Как чувствуется атмосфера дома, в котором они находятся? Конечно, не все обладают этой чувствительностью – но они сами своими предрассудками закрывают себе путь. Но даже те из них, кто ею обладают, обычно считают это чем-то вроде искусственного самовнушения. Предельно четко и ясно чувствуют некоторые – и все-таки не верят! Отмахиваются, отнекиваются, в то время как могли бы изучать эти явления. Но люди с таким трудом признают все, что поднимает их существо и их представление о себе, поэтому многим показаний очевидцев недостаточно – они судят по своему существу о вещах в мире. Но наука может подтвердить это – и ваша наука должна, наконец, уделить этому должное внимание. Ваша наука уже изучила немало законов физического мира – но теперь пора изучать законы мира духовного. Собственно, вам так давно было сказано о главных из них – много-много столетий тому назад, но для многих они остались пустой грамотой на бумаге, которую они уважают, но не соблюдают».

«Что это за законы? Что же вам говорилось? Люби ближнего, умей найти радость в любом труде, умей быть мужественным, учись нести добро в мир. Простые слова. Огромный смысл и мудрость – и знание тоже. Сколько же людей каждый день помнят об этом и живут так?»

«Кто я? Ведь в первый раз, когда я пришел к вам, ты посчитал меня, наверное, каким-нибудь призраком, верно? Но, как видишь, я тоже живой человек. Просто я говорю то, о чем многие еще не знают. Некоторым знавшим и забывшим – напоминаю».

«Почему я должен буду скоро уйти? Потому, что мой путь зовет меня, и я должен следовать ему. Мне еще многое предстоит сделать».

Такие беседы у нас были по вечерам. Я, Джим и Лаура – все мы вместе собирались перед домашним камином и как замороженные слушали его. Может быть потому, что он говорил правду?

* * *

Помню, был один день, когда сердце мое билось тревожно. Я не мог найти себе покоя, как будто что-то печальное должно было случиться.

Я шел по нашей улице, когда заметил Лауру и трех взрослых парней, окруживших ее. Затем до меня долетели ее плач и слова: «Пожалуйста, умоляю вас, не надо!»

Изо всех сил я побежал вперед. Ветер бил в лицо, и картина постепенно открывалась передо мной: трое парней окружили ее, один держал за волосы, а двое других срывали с нее одежду. Они открыто делали все это – и не боялись. Никто, никто из редких проходящих мимо людей даже не стал вмешиваться, хотя вместе они могли бы остановить это насилие.

С разбегу я набросился на одного из нападавших и повалил его на спину – стал молотить кулаками, не глядя. Желание защитить Лауру настолько сильно загорелось в моей груди, что я уже не чувствовал боли, когда двое других оторвались от плачущей Лауры и схватили меня. Я не чувствовал боли, когда один из них ухватил меня за волосы, а другой за куртку так, что я уже не мог пошевеливаться. Я не чувствовал боли, когда меня стали бить кулаками в грудь. Я не чувствовал боли, когда упал на землю, и меня стали пинать ногами. Я не чувствовал боли тогда. Боль пришла потом.

Маленькая струйка крови текла из разбитого носа и губ, оставляя вязкий красный след на тротуаре. Трое парней гоготали и раздевали плачущую и умоляющую их не делать этого девушку – умоляющую напрасно. Не знаю, сколько прошло времени – я не помню. Но вот последующее я помню предельно ясно.

– Вы сейчас же оставите ее и уберетесь прочь. Немедленно! – до боли знакомый и в тот момент уже какой-то предельно каменно-твердый голос разлился в пространстве.

Еле ворочая головой, я все-таки сумел повернуть ее – и увидел стоящего рядом со мной Ричарда. Не таким, совсем не таким был его голос, когда он говорил с нами – сейчас он был очень жестким и одновременно исполненным огромной силы. Я плохо помню те мгновения, глаза застилал какой-то красный туман – но многое все же помню...

При его словах парни оторвались от плачущей и стонущей Лауры и повернулись к нему.

– Немедленно! – повторил Ричард и сделал еще несколько шагов вперед.

– Ну, вот еще! Кто ты тут такой-то! – крикнул один из нападавших, но в его словах уже не было той вызывающей смелости от незаконности и той уверенности, что была прежде.

– Я сказал – немедленно! Здесь не будет повторений. Можете убираться прочь, я вас не трону – вы сами уже создали себе не лучшие последствия своим поступком. Но сейчас вы уберетесь прочь!

– А ты попробуй нас выгнать, козел! – уже явно бравируя, крикнул все тот же парень.

Тогда Ричард шагнул вперед, резко вскинул правую руку вверх – в это мгновение, казалось, огненный клинок сверкнул на мгновение в его руке – или, быть может, мое помутненное сознание уже начало сводить меня с ума? – и он выставил руку вперед. – Сейчас же! – повторил он.

– Да чего же вы боитесь его! Нас же трое, а он один! – прокричал все тот же заводила и, видимо решив дать пример своим союзникам, резко рванулся в сторону Ричарда, выставив вперед свои кулаки.

Он налетел на Ричарда со всей силы – такой напор должен был просто повалить его на землю. Мне показалось, что в тот момент их столкновения как будто что-то вспыхнуло вокруг Ричарда... как бы то ни было, я ясно видел, как налетевший на него насильник точно столкнулся с каменной стеной. Он просто врезался в него и отлетел на шаг, а Ричард даже не шелохнулся, совсем – не шелохнулся. Ни на йоту. Насильник же упал на землю, тихо застонал и затем затих.

Двое других парней, итак изрядно напуганных появлением Ричарда, бросили Лауру и со всей доступной им скоростью побежали прочь. Их не преследовали.

Я не помню, что было дальше. Очнулся я уже у себя дома – и боли уже не чувствовалось.

Я встал и вскоре нашел Ричарда. Он молча сидел у камина – казалось, он дремал, глаза его были закрыты. Я не стал тревожить его, а пошел искать Лауру – я нашел ее в соседней комнате на кровати, спящую. Раны ее были перевязаны, а на ней была новая, не порванная, одежда.

Помнится, меня потом снова сморил сон. Когда я вновь проснулся, Лаура и Ричард уже были на ногах. Они сидели рядом с моей кроватью.

– А, проснулся, – сказал Ричард и улыбнулся. – Вставай, воин. Раны твои зажили, и ты вновь готов встать в строй. Тебе нужно будет сделать это перед наступающей эпохой испытаний.

– Я... я не чувствую боли... совсем. Как я так быстро поправился?

– Да, и Лаура тоже не чувствует. Боли больше нет. Я исцелил вас, но это далось мне нелегко – однако теперь я уже отдохнул.

– Как же ты..? – начала было Лаура, но Ричард поднял руку, как бы призывая к молчанию, и сказал: «После вопросы, после, сейчас вам еще нужен отдых. Отдыхайте, воины со львиными сердцами», – и вышел из комнаты.

* * *

Потом вновь были наши с ним беседы. Было еще много-много радостных дней. Это были незабываемые дни. Может, одни из лучших в наших жизнях.

А потом он ушел, и мы остались одни. В очередное утро он встал и сказал мне, что сегодня ему пора идти.

– Куда? – спросил я.

– По пути, который я выбрал, – были его слова.

Я заплакал тогда, когда он сказал, что уходит от нас. Он улыбнулся и сказал: «Не плачь, мы расстанемся не навечно. Быть может, мы еще встретимся. Прощай, воин, и помни о днях грядущих испытаний!» – он вновь привычно махнул рукой и направил свои шаги в свой раскрывающийся перед ним путь.

Мы стояли плечом к плечу – Джон, Джим и Лаура. Я провожал его грустным и полным надежды взглядом. Лаура опустила голову. «Прощай», – тихо прошептала она. «Он еще вернется, – сказал Джим, – мы еще встретимся с ним».

* * *

Я очнулся от воспоминаний. Как сейчас помню тот чудесный месяц – и последующие годы жизни, что сопровождали его. Я так и не встретил больше этого человека. Иногда я даже начинаю сомневаться – человек ли он?

Кто он – мудрец, пророк? Просто человек, согласно его словам, пришедший в этот мир напомнить людям об их долге и показать светлый путь?

Я не знаю. Но я знаю одно – его слова дали мне жизнь. Он показал мне чудесный мир, в котором мы – мы, люди! – можем жить. Если мы выберем и захотим, если мы не будем сидеть на месте, перебирая рухлядь собственных предрассудков, а будем двигаться вперед. Если мы будем любить. Если будем радостны.

Захотим ли мы жить светло? Это выбор каждого человека. Я не могу сделать этот выбор за иного. Каждый сам, рано или поздно, но неизбежно – сделает свой выбор.

Но я сделал свой выбор, и я отвечаю прекрасному – да!

Я отвечаю красоте – да!

Я отвечаю любви – да!

Я отвечаю радости – да!

И Новому Миру я отвечаю – да!

08.01.2005

Жанр: Рассказ
Категория: Избранное

Время героев

«Всем провожающим просьба покинуть стартовую площадку. Взлет будет произведен через тридцать минут по земному времени», – спокойный и методичный голос наполнил пространство. Десятки людей – провожающие своих близких в новый нелегкий для них путь – отвернули, наконец, взгляды от звездолета и направились в зал ожидания. Некоторые с надеждой улыбались, на глазах других стояли слезы. Одного человека, никак не сводившего глаз с этого покорителя космических просторов и все еще машущего рукой на прощание своему брату, как будто бы тот мог его увидеть сейчас в эти мгновения, охране пришлось выводить силой. Остальные шли сами.

Но вот минуты прощания позади. Позади последние тридцать минут, что еще разделяют планету Земля и мириады других необозримых миров космоса.

«До запуска колонизационного корабля остается пять минут. Пилотам звездолета – сообщить о своей готовности».

– Альфа-один. Готов.

– Альфа-два. Готов.

– Альфа-три. Готов.

– Зета-один. Готов.

– Зета-фор. Готов.

– Все системы корабля работают в норме. К запуску колонизационного звездолета «Первопроходец» готовы.

– Вас поняли, «Первопроходец». Запуск будет произведен через сто двадцать секунд по земному времени.

И еще через мгновение, совсем уже не по уставу, прозвучали слова: «Удачи вам, ребята!».

– Спасибо, космодром «Звездный». Мы сделаем все, что в наших силах.

– До запуска остается десять секунд. Девять... Восемь... Семь... Шесть... Пять...

Им тогда казалось, что этот десяток секунд длился целую вечность – прекрасную и нескончаемую. Казалось, что также спокойно – всегда – эти короткие слова будут отбивать свой загадочный ритм, и Земля, родная планета Земля, космический дом, один из мириад, также будет ласкать взор своими уже привычными и родными пейзажами. И что эта взлетная площадка, и этот корабль, и маячившая вдалеке станция управления космодрома никогда-никогда не исчезнут из виду. И что также будет светить это солнце, и завтра, через какие-то двадцать четыре часа, эта планета встретит свой новый день.

Вот только их этот день уже не застанет... И каждый в те короткие и вместе с тем нескончаемые мгновения вспоминал свою жизнь в этом космическом доме.

Говорят, когда человек умирает, вся его жизнь, все ее частицы – яркие и тусклые, все ее взлеты и падения – все они предстают перед ним. Эти последние мгновения предельно коротки и вместе с тем, кажется, практически нескончаемы. Они как проснувшаяся вечная память, рисующая перед человеком частицу его прошлого... один из шагов в вечности.

Они не умирали – они рождались заново в эти мгновения, и в эти же мгновения для каждого из них память создавала картины их прошлого. Они вспоминали свое детство – как каждый из них был тогда маленьким и совсем еще беспомощным ребенком, пришедшим в этот мир. Вспоминали, как потом ребенок этот рос и возмужал, как он познавал мир, в который он пришел, и как затем учился любить его. Каждый из них шагал по-своему – кто-то отчаянным и яростным бегом, кто-то размеренно и спокойно, кто-то радостно скакал вприпрыжку. Но дорога у всех у них была одна, и все они когда-то встретились на этой дороге и в этом мире и с тех пор шагали вместе. Они стали чем-то единым за эти годы – и они будут работать как одно целое.

«Справимся», – подумал тогда каждый.

А потом они раздались – эти слова. Вернее, лишь слово.

«Старт!»

Корабль взмыл вверх, яростно набирая скорость, стремясь выйти из-под притяжения этой планеты. И снова мгновения движутся как множество вечностей, исчезающих в чем-то еще гораздо большем. И снова жизнь, и снова мириады рождений каждую секунду пути. И еще где-то далеко проснувшаяся тихая грусть по покидаемому, пусть и на время, родному дому – дому, куда они вернутся спустя десять лет после того, как выполнят свое задание.

* * *

– Да, я слышал об этом. Первый космический звездолет «Первопроходец» успешно вышел на орбиту Земли, и сейчас они направляются в другую солнечную систему, чтобы основать колонию на найденной запущенными автопилотируемыми спутниками планете, наиболее отвечающей потребностям жителей нашего мира. Там есть атмосфера, очень близкая по содержанию газов к нашей, там есть приемлемый планетный ландшафт, там есть органика – почти идеальный новый дом для нас.

– И, вместе с тем, наш дом там, где мы сами. Не ты ли всегда говорил об этом?

– Да, ты, конечно, прав – наш дом там, где мы сами. Поэтому наш с тобой дом – Земля, а их новый дом... их новый дом ждет их.

– Когда по расчетам они должны будут вернуться на Землю?

– Почти через десять лет по нашим расчетам. Четыре года займет их путешествие к планете, год на основание и формирование колонии, и еще чуть больше четырех лет на возвращение домой. То есть, в один из их домов – к нам.

– Как думаешь, они справятся?

– Я уверен в этом. Это лучшие люди, которых мы нашли, и это профессионалы своего дела, успешно прошедшие все мыслимые земные тренировки для адаптации в космосе. Но что важно более всего – они как единый монолит, как одно целое, и поэтому они справятся. Я уверен в этом.

– Ну что ж, похоже, что нам теперь ничего не остается, кроме как ждать их. Десять лет, говоришь? Лишь короткий миг в вечности, не так ли?

– А вот теперь ты говоришь моим языком. И как же я пропустил такую перемену в тебе? Видать совсем уже внимание потерял на старости лет!

– Все мы меняемся. Кто-то поднимается, кто-то опускается. Замирания в космосе нет, как нет и окончания жизни. Это твои слова, помнишь?

– Да. И теперь, спустя еще двадцать лет своей жизни, я мог бы добавить: «и люди, как и космос, принадлежат ей».

– Теперь это, конечно, уже почти очевидно для подавляющего большинства. Но все могло быть иначе, если бы они вовремя не одумались. Ведь ты помнишь те годы, да?

– Свою юность? Конечно. Честно признаться, тогда мне казалось, что вся планета сошла с ума. Все нарастающая гонка вооружений, изобретение все более убийственных видов оружия, начиная от водородных и атомных бомб и заканчивая биологическим оружием по изменению генофонда целых наций. И это все – на фоне нарастания политической напряженности, на фоне дробления единой планеты на множество кусочков-государств, на фоне выдвижения все новых местных «спасителей» и «пророков», видящих спасение планеты в доминировании их кусочка над всеми остальными, на фоне погони за все более беззаботной и «беспроблемной», как тогда выражались, жизнью. Сейчас – сейчас, когда этот предельно опасный этап позади, я уже не хочу вспоминать эти годы и рад, что то страшное будущее, к которому шла эта планета, все же не настало.

– Да, все изменилось с новыми открытиями небольшой группы настоящих мыслителей и тружеников.

– Этому способствовали далеко не только ученые. Без творцов других творческих направлений – начиная от литературы и кончая всевозможными духовными движениями – это стало бы невозможно. Открытие человеческой «ауры», исследование излучений человека, их зависимости от настроения и мировоззрения, их влияния на другие живые организмы... религия, поддержавшая и принявшая эти открытия горстки борцов против толп невежд – все это, наконец, натолкнуло человечество на понимание реальной ценности добра, ценности добрых пожеланий, ценности светлых устремлений. Ощупью, буквально ощупью в потемках пробирались люди к свету, пробирались к прекрасному знанию... Многие и сейчас еще блуждают в тумане своего отрицания, но таких с каждым днем становится все меньше и меньше.

Как каждый школьник раньше знал, что планета Земля круглая и вращается вокруг своего солнца в своей солнечной системе, так же теперь он начинает узнавать о том, что в нем скрыты великие духовные сокровища, способные преобразовать жизнь, и надо лишь найти к ним путь – найти его через свое сердце.

Я рад, что так случилось, я искренне рад. И теперь мы, творцы в вечности, можем расправить плечи, можем глубоко вздохнуть, вбирая в легкие воздух этой планеты, и улыбнуться. Этап пройден, и впереди маячит в своей красоте этап иной – исследование беспредельных просторов Вселенной. И «Первопроходец» в этом смысле – это один из символов новой восходящей эпохи и новой ступени в беспредельности.

Мы будем ждать их, но не будем бездействовать. Мы будем расти, мы будем развиваться, мы будем совершенствоваться. И когда они вернуться, мы примем их с распростертыми объятьями.

– И скажем им: «Привет вам, братья!». Да, мы будем ждать.

10.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Государство Земли

– На основе данных мне полномочий временного главы новоиспеченного Верховного Совета Объединенных Стран я провозглашаю наши страны одним государством. Любая идеологическая, политическая, экономическая, психологическая и прочие не названные виды разобщенностей устраняются, образованное государство получает статус свободной конфедерации, общемировые политические карты подлежат пересмотру – с них убирается какое-либо территориальное разграничение поверхности планеты по политическому признаку, все границы устраняются, населению бывших государств гарантируется свободная и беспрепятственная возможность перемещения по всей территории нового образования, а вновь образованная общность получает название...

– Хм. Да оставь ты уже эти свои напыщенные речи, – и человек улыбнулся. – Мы ведь не собираемся тешить свое самолюбие как политики прошлого, верно? – и он с улыбкой оглядел поднявшийся зал. – Давайте назовем его... давайте назовем его так, как называется наша планета, давайте назовем его единым государством Земли...

28.05.2005

*Жанр: Диалог
Категория: Признанное*

И все болезни пройдут

Я остановился. Я остановился тогда, когда заметил совершенно нарушающую все мыслимые и тем более неммыслимые законы человеческой логики картину. Это было не просто странно – это было как-то нелепо чтоли, поразительно... Уже несколько лет я был стабильным посетителем этого учреждения, исправно бывал в нем раз в два-три месяца – я привык видеть желтые стены с шелушащейся и отваливающейся штукатуркой, вечно унылые лица его работников, привык наблюдать очереди пожилых людей с опущенными и грустными лицами, привык смотреть, как некоторые из них не без помощи других своих собратьев вынуждены были выстаивать многочасовые утренние очереди, дабы получить заветный билетик, дающий тебе право узнать свою судьбу – потому что и они, эти люди, старались как можно реже бывать здесь, бывали только по необходимости. Те же, состояние которых еще пока позволяло это, старались не бывать вовсе.

Мне же приходилось бывать здесь не раз – состояние уже не позволяло иного. Стоять в очередях среди других таких же собратьев по несчастью, слушать отчужденно-холодные голоса людей, констатирующих ухудшение течения твоей болезни и всегда что-то старательно и долго вычерчивающих на карточной бумаге, не утруждая себя, впрочем, какими-либо комментариями по этому вопросу. Я привык к этому месту, несмотря на всю его нелепость. Я не мог к нему не привыкнуть.

В некотором роде мне было уже все равно, что скажут врачи – свой приговор я знал уже давно и давно смирился с ним. Мне было интересно иное, мне было до боли интересно то, почему эти люди так старательно избегали смотреть тебе в глаза, когда зачитывали диагноз, не оставляющий тебе шансов на выживание – во всяком случае, не в этой жизни, во всяком случае, не в грядущий за этим десяток лет. Мне было интересно то, почему они – белые, как погребальный саван в этом доме скорби – лишь умножали эту скорбь своими лицами, своими холодными голосами...

Разве мне теперь была нужна ежемесячная констатация отсутствия хоть сколько-нибудь положительных изменений в ходе моей болезни? Разве нужны были теперь эти многочисленные повторные обследования, не нужные никому, даже мне? Нет, не это мне было теперь нужно, совсем не это. Я жаждал слова – доброго слова участия и понимания, я жаждал услышать слова поддержки от них – просто знать, что твою боль способен разделить кто-то другой, всего-навсего знать это. Я хотел увидеть блеск радости – радости жизни – хоть в чьих-то глазах, хоть раз в несколько месяцев... Но, видимо, я хотел слишком многого в этой жизни, и моим надеждам не суждено было сбыться.

Возможно, именно поэтому сейчас я и остановился, пораженный увиденным. Наверное, я бы даже не мог ничего сказать первые несколько десятков секунд, если бы какой-нибудь случайный прохожий вдруг решил поинтересоваться, отчего я стою с открытым ртом и тяжело вбираю в свои легкие зимний холодный воздух. Таких, однако же, не нашлось – впрочем, оно, видимо, и к лучшему.

Тот дом скорби, который я за эти почти уже как два года привык видеть, который я знал практически в полных деталях, снаружи и внутри – его больше не было. Куда-то пропала унылая, выгравированная темно-серыми буквами надпись «Городская больница № 17», куда-то исчезли решетки на окнах и вечно грубый, покачивающийся от постоянного недосыпания охранник. Вместо надписи теперь была яркая... вывеска чтоли... даже не знаю, как назвать ее, на которой значилось: «Городской дом исцеления. Мы рады пожелать Вам здоровья!» Куда-то испарились решетки на окнах, а в самих окнах появился яркий свет. Когда же я привычно поднялся по ступенькам, меня поприветствовал какой-то совершенно уже не знакомый мне красиво одетый молодой человек, сказав, дай Бог памяти, что-то вроде «Заходите, пожалуйста. Доброго Вам здоровья!» – и великодушно открыл мне дверь.

После этого я еще минут десять приходил в себя во входной зале. Да и сама эта зала изменилась, кстате говоря, тоже. Не стало обветшалых стен и тесного, маленького гардероба с вечно огрызающейся и хамящей женщиной лет тридцати пяти. Вместо них было что-то вроде огромного паркетного зала – стены сменили свой цвет на какой-то травянисто-зеленый, а вместо гардеробщицы Маши была улыбающаяся женщина лет тридцати, которая, когда я подошел к ней, также поприветствовала меня, великодушно помогла снять мое пальто и, выдав мне бирку, снова-таки пожелала мне доброго здоровья.

Признаться, я не ожидал. Я настолько привык к этому бывшему «желтому дому», что увидеть теперь его иным для меня было совершенно удивительно. Тем более гораздо удивительнее были новые люди – внимательные, и, не побоюсь этого слова, действительно участливые.

Когда же я поднялся по какой-то новой красивой витой лестнице на второй этаж, моим глазам пришлось удивляться снова. Исчезли узкие, вечно плохо освещенные коридоры и теснящиеся в них люди, исчезли уныло-желтые стены и длинный-предлинный ряд дверей в них с многообразными и плохо понятными названиями специализаций этих врачей – вместо них были широкие, ярко освещенные и просторные коридоры с какими-то голубовато-белого оттенка стенами (и, как мне показалось, даже как будто бы чем-то светящимися), а от кучи дверей с табличками с плохо читаемыми названиями специальности ожидающих за ними «лекарей» практически не осталось и следа – их место заняли какой-то пяток резных деревянных дверей.

Изумленный, я шел по этому коридору куда-то вперед, плохо осознавая, куда же теперь мои больные ноги несут меня. Я шел и слышал какую-то удивительно красивую негромкую мелодию, разлитую по помещению...

На мгновение мне показалось, что я узнаю ее – в ней были знакомые мне тональности, однако потом я был вынужден признать, что, хотя общая тональность ее мне и знакома, ритм мелодии был совершенно нов для меня. Однако же она была удивительно красивой, эта музыка – такой красивой, что, каюсь, в какой-то миг мне даже захотелось прослезиться.

Но если бы только музыка... Неизвестный мне аромат пронизал весь этот чудесным образом преобразившийся коридор – он также, как и загадочная музыка, был необычен и в то же время приятен для меня.

Я неспешно шел по коридору, смотрел по сторонам и не переставал удивляться. Казалось, что эта самая до боли уже привычная «Городская больница № 17» перестала ей быть и стала... музеем изобразительных искусств, чтоли. Я говорю «музей» потому, что привычные мне ранее голые стены теперь были украшены картинами – это были картины наших классиков, это были картины о любви, радости и «простом человеческом счастье», которое мы все так жадно ищем и ждем.

Я не знаю, как описать все это, в каких словах представить это вам, читающим сейчас эти строки, чтобы вы могли понять меня, чтобы я смог передать вам все то океаническое многообразие чувств, захлестнувших меня в том момент... Мне показалось, что я попал не в больницу – мне показалось, что я попал в Рай... или, по крайней мере, в комнату ожидания на пороге к нему.

Я шел по этому загадочному коридору и не видел никаких других товарищей по несчастью. Не было вечно толкающихся у дверей кабинета больных, не было запаха спирта, заполнившего все помещение, не было медсестер и медбратьев, толкающих свои тележки по узкому коридору – не было ничего нормального... привычного, чтоли.

Когда же я почти подошел к первой резной двери в этом коридоре – из нее практически в то же самое мгновение вышел врач. Врач... признаться, врачом его теперь можно было назвать с большой натяжкой – привычным мне врачом, во всяком случае. Мужчина лет двадцати пяти, одетый в синий халат, улыбнулся мне и сказал: «Не стесняйтесь, проходите. Мы рады вас видеть». С этими словами он открыл дверь в свой кабинет, пропуская меня вперед. Я послушно вошел.

А когда я вошел, мое зрение вновь решило обмануть меня. Не было ни стен, завешанных рекламой новых «универсальных» лекарств, ни коек, ни кушеток, ни железных медицинских столиков, уже столь привычных мне. Вместо них были широкие резные дубовые стулья, опять же какие-то красивые – но, к сожалению, неизвестные мне – картины, мягкий ковровый пол, какой-то приятный запах (впрочем, он отличался от того, с которым я столкнулся в коридоре), разлитая по кабинету тихая спокойная музыка... было много еще чего.

«Пройдите, присаживайтесь, пожалуйста», – сказал мужчина и помог мне сесть на удобный дубовый стул. «С чем вы пришли к нам?»

Признаться, я опешил. Неужели ему не ясно, с чем?

– Я вижу, вы удивлены? Ничего странного в этом нет, это давно так, – тем временем ответил он.

– Что именно давно так?

– Дом исцеления, разумеется. Он уже давно такой.

- Но еще вчера я был в вашей больнице... – начал было я.
- Вчера? Вы не были у нас вчера. Вы не были у нас уже несколько десятков лет.
- Я опешил. Он... он знал меня? И... несколько десятков лет? Я отчетливо помнил, что был здесь еще вчера, и мой лечащий врач велел приходить мне завтра... слава Богу, хоть память моя была здорова.
- Вы знаете, кто я?
- Ну, разумеется, – сказал врач и вновь приятно улыбнулся. – Вы же прошли в этот кабинет, и ваши биометрические параметры были распознаны. Вы были у нас ровно десять лет, два месяца и три дня назад со времени вашего последнего визита.
- Но... это невозможно... я... я не понимаю... вчера... сегодня... новое здание... вывеска... музыка... что... что случилось?
- Вы задаете так много поистине интересных вопросов – я вижу, что вы любознательный и разумный собеседник, – ответил мне человек. – Но обо всем по-порядку. Итак, как вы сказали... больница? Это от слова «боль», верно? Но... но мы не употребляем это слово уже много лет... Разве должна быть боль? Здоровье и исцеление – вот что должно быть, но никак не боль. Мы не приносим боль, мы приносим здоровье.
- Музыка...
- Музыка? Да, это наш новый мелодический ритм за последний год. Ученые установили, что именно подобные тональности наиболее способствуют душевному и нервному расслаблению – и, как закономерное следствие, усилению восстановительных процессов в клетках живых существ.
- А запах, что это за странный запах?
- Не более чем недавнее изобретение нового направления науки, получившего название «смеллаинфология», кажется. Это сочетание ароматов способствует улучшению мозговой активности и оказывает общерасслабляющее воздействие на организм. Есть, конечно, еще много других ароматов, служащих для самых разных целей, но этот нам подходит больше всего.
- А картины, а стены?
- Ну, право же, мы ведь не бомбоубежище времен Последней Войны, верно? Такой интерфейс создает позитивный настрой в наших... в наших потенциально здоровых людях – и очень помогает им. Ведь вы, должно быть, слышали о последних исследованиях Объединенного Союза Врачей, которые установили, что наш организм способен самостоятельно излечиться от любой известной на настоящий момент – и, вероятно, любой потенциальной – болезни при должном внутреннем позитивном настрое? Дак вот, такой интерьер также призван способствовать его формированию. Это просто.
- А как же... я... я все-таки так и не понял... скажите хотя бы... скажите... кто вы?

– Вы задаете слишком много вопросов. Простите, но я не могу ответить на них на все. Наше время... время на исходе... оно – самый ценный человеческий ресурс...

У меня внезапно что-то зазвенело и забарабанило в ушах, так что я уже с трудом мог различать отдельные слова этого столь удивительного врача.

– Каждый... может... должен... сам... хотеть... здоровым... тогда... возможно... все... помните... этом...

– Но... но ответьте мне, кто вы?

– Мы... ваше... будущее... – долетели до меня его последние слова.

И тут же стук в дверь перенес меня совсем в иной мир.

* * *

– А, дак вы уже проснулись, Иван Петрович?

– Павел... Павел Петрович, – прошептал я, еще не до конца придя в себя и глупо созерцая обветшалые желтые стены, окружившие меня, и собственную железную кровать, на которой я лежал.

– А... ну и не важно. Замечательно, что вы проснулись, замечательно.

С этими словами человек в белом халате склонился надо мной и как-то полужлорадно, чтоли, улыбнулся.

– Вот сейчас мы поставим вам клизмочку, Иван Петрович, и все ваши болезни – и он ухмыльнулся снова – и все ваши болезни – они пройдут...

01.01.2006

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Мечта Бога

Живому Богу посвящается

Новорожденный Бог сидел в тени высокого могучего дерева, у которого еще не было названия, и мечтал. Он только что сотворил Землю, и теперь Ему предстояло создать еще парочку миров попроще в соседних звездных системах.

На губах Бога играла улыбка. Он был очень доволен результатом своей последней работы – Земля получилась крайне хороша. Здесь было и всевозможное разнообразие климатов, какого практически не встретишь ни в одном из ранее сотворенных Им миров. Здесь были и вздымающиеся в небеса горы, и уходящие в бесконечность морские впадины. Здесь были и исполинские деревья, подобные тому, под которым Он сейчас сидел, и мельчайшие неразличимые для глаза будущих обитателей листики и травинки неведомых им растений. Здесь было великое разнообразие живых полуразумных существ, начиная от каких-нибудь игриво ползающих в траве букашек и заканчивая морскими и земными исполинами. Одним словом, это был прекрасный сотворенный мир – быть может, одна из жемчужин Его Творения.

Казалось, Он вложил что-то безмерно-неуловимое в этот процесс Творчества. Как будто отдал Земле частичку самого себя. И именно поэтому сейчас Он был счастлив.

Он мечтал о том, как на землю этого нового мира вскоре вступит нога человека. Как человек возрадуется новому дому, сотворенному для него вместо невзрачных старых. Как люди расселятся по бескрайним горизонтам этого Творения из Творений и будут любить друг друга, радуясь жизни и миру, данных им Создателем.

И тогда Он бросил клич по самым дальним уголкам Мироздания, чтобы собирались те, кто будет жить в этом новом доме, – возможно, одни из самых счастливых среди всех живущих. И пришли на Землю люди – собственно, не пришли даже, а прилетели из невзрачных прошлых миров на своем космическом корабле-ковчеге. И спустились на Землю и расселились по ней. И назвали эту дату датой сотворения мира.

И шли годы, и шли десятилетия, и шли сотни земных лет. Расселились эти, из иных миров прилетевшие, по уголкам шара земного, и прародителями рас трех стали они. И любили друг друга, как и заповедовал Бог, время какое-то – но все же постепенно забывать про любовь некоторые из них начали. И, видя это, решил Бог помочь засыпающим – и стал пророков в мир этот просить прийти, дабы подсказать любимым людям, где же тот самый Свет в конце тоннеля темного.

И приходили пророки-ангелы, воины Бога прекрасного, в мир земной и слова чистые вешали, сердца пробуждая. Но все же сильно уснули сердца многие и не слышали слов тех пророков – и распинали пророков Его они. Но всемиловитейший Творец не переставал надеяться, ведь любил Он людей своих при всех недостатках их и помогать готов был всегда к Свету тянущимся.

Шли сотни земных лет, и шли тысячелетия. Все сильнее плутали люди в лабиринтах темных и невзрачных. И, видя страдания людские от тьмы, ими впитанной, решился Бог тогда на шаг сострадательный. Сына Своего прекрасного, сиянием Отца озаренного, попросил Он в мир людской прийти, дабы Светом своим и Любовью своей помочь страждущим и наставить их на путь истинный. Но предали люди Сына Божественного, и тело его умертвили они, духу чистому не в силах повредить.

И горе на небе было великое и смятение. И плакали Ангелы светоносные из мира Тонкого, видя непонимание людское и тьму, стремились к которой люди многие.

И на самый последний, отчаянный шаг решился Бог тогда. И Сам спустился в мир, им сотворенный, дабы на себе испытать соблазны тьмы всей, людьми принятой, и отвергнуть их как негодные – и показать людям Путь тем самым. Первым и последним стал Бог в мире этом, на краю бездны кружащимся, Альфой и Омегой стал Он, Сыном Человеческим. Ведь пришел Он в мир этот Им созданный человеком, дабы уйти из него живым возрожденным Богом.

И, узнав о Нем, живущим среди них всех жизнью простой и скромной, стали приходиться к Нему люди. Один за другим приходили они и спрашивали.

И кричал священник Ему: «Сгинь, нечистый! Не о Тебе говорил Сын Твой распинаемый, и не Тебя ждали мы. Да и не ждали мы Тебя вовсе, ибо не нужен нам Бог живой и праведный. И подобает разве Богу великому в дыре жалкой жить и в Рай затащить за злато не пытаться, как мы то делаем? Сгинь, самозванец!»

И смеялся политик над Ним: «Вот ты, проповедующий честность, теперь сам живешь отнюдь не в хоробах царских. Посмотри лучше, как мы, людей обманывая, себе дворцов понастроили! Потому учись у нас, пока делимся мудростью своей житейской!»

И приходили больные, униженные и оскорбленные: «Нету в мире справедливости!» – кричали они Ему. – «Мы отдали тебе камни свои, с собою всю жизнь таскаемые, рассчитывая взамен крылья небесные получить – и где же исполнение желаний наших? Или не о Тебе говорят как о всемогущем иные?»

И приходили к Нему гордые – и молча плевали в Него, перед другими красуясь.

И приходили к Нему жестокие – и расправиться с Ним грозились.

И приходили к Нему умные – и в споры вступать бессмысленные философские пытались.

И приходили к Нему лукавые – и на слове Его поймать стремились.

И приходили к Нему простые – и мудростью слов Его наполнялись.

И приходили к Нему искавшие – и радостью сердца загорались у них, нашедших.

И приходили к Нему праведные – и молча смиренно склонялись перед Ним.

И приходили к Нему светлые – и огонь духа их еще ярче загорался от пребывания с Ним рядом.

Всех принимал Он, никому не отказывал. Ибо как можно отказать детям своим, к Отцу приходящим?

И лишь где-то на стыке миров, невидимые для глаза человеческого, тикали часики громадные, время свое отстукивая до дня Судного, до дня оценочного. Момента Истины.

Но все же любил Бог детей своих – и жил в мире их с ними рядышком до поры до времени. И шанс давал каждому...

Но это было позже, намного позже – пусть для бессмертных время и не имеет значения. А пока Бог сидел под огромным тенистым деревом на планете Земля – и мечтал. Он мечтал о новых прекрасных мирах...

09.10.2010

Жанр: Рассказ

Категория: Лучшее

Мир, в котором живет Бог

С любовью к Богу

Новорожденный Бог весело шагал по улицам города, название которого он сейчас уже не помнил. Да и к чему Создателю помнить людские названия? Разве что только для людей.

Солнце весело светило ему вослед, и лучи его играли в лужицах, оставшихся от недавно прошедшего дождя. Он очень любил такую погоду – и игривые Ангелы Стихий с благоговением и радостью в сердце выполнили эту его просьбу.

А вчера над этим безымянным городом пошел снег, несмотря на то, что среднедневная температура достигала обычно тридцати градусов в сторону «плюс». А позавчера плотно затянутое тучами небо внезапно очистилось ото всех белых пушистых фигурок за каких-нибудь пятнадцать минут. Наверное, кто-то даже крестился или, скажем, клял синоптиков всеми цветами сияющей сегодня вдалеке над морской гладью радуги, начиная с серо-буро-малинового-в-крапинку. А Бог весело шагал вперед, вдыхая принесенный воздухом аромат моря и разбрызгивая капли воды из еще не высохших лужиц. Он был счастлив жить в этом сотворенном самим собой мире. Ведь что может быть лучше, чем почувствовать свое собственное творение изнутри?

Сегодня он просто прогуливался по улицам этого безымянного морского города и наслаждался жизнью. Человеческой, можно сказать, жизнью – ведь наслаждаться жизнью Всемогущего Бога ему предстояло чуток позднее. Да и, в конце концов, у жизни в человеческом теле тоже были свои приятные преимущества.

Внезапно в животе что-то настойчиво и ласково – можно даже сказать, совсем по-человечески, заурчало. Мурк-мурк-мурк. А потом – у-у-у-у-р-р-р-р! А потом – в-у-у-у-у-у! Можно сказать, всеми голосами сразу.

– Перекусить мне, что ли? – подумал Новорожденный Бог и, увидев с высоты птичьего полета всю панораму его нынешнего обитания, определил для себя ближайшее заведение, где он мог бы остановиться. Всего каких-то десять минут ходьбы.

Бог вновь улыбнулся. Конечно, он мог бы и долететь до этой харчевни за каких-нибудь тридцать секунд – но что подумали бы окружающие его люди, когда бы он, словно птица, взмыл ввысь? Может статься, что у какой-нибудь сердобольной старушки или какого-нибудь упорного атеиста тотчас случился бы инфаркт. А Бог очень не хотел причинять кому-либо вреда, пусть и ненароком. Да и, в конце концов, летать еще предстояло любимым им праведникам.

Топ-топ-топ. Чпок! И брызги лужицы, в которую он вступил, разлетелись на несколько метров по всему диаметру описываемой ими окружности, попутно чуть не обрызгав проходящего мимо прохожего.

– Эй, смотри, куда идешь, растяпа! – крикнул он на ходу, по-прежнему спеша далеко-далеко в неведомые даже ему дали.

Бог хотел было сказать что-то в духе «Господи, прости его, пожалуйста», как в свое время его много раз просил за других его Сын, тоже прибывший в этот мир, но потом подумал, что дополнительно просить самого себя как-то неудобно. Да и неправильно, наверное. И просто продолжил свой путь. Он по-прежнему был счастлив.

Ну, вот и она. И даже вывеска висит с резными красивыми буквами. Харчевня «На краю Вселенной». И чуть ниже приписка: «Почувствуй аромат божественности». Забавное название.

Воплощенный Творец аккуратно открыл дверь и осторожно вошел в заведение.

– Через полчаса мы закрываемся, но я уверен, что вы еще сможете вкусить наш аромат божественности! – уверил его шустро подбежавший парнишка-официант.

– Угумс, – одобрительно сказал Бог. – А что у вас сегодня есть в меню?

– Устрицы по-французски, скат по-испански, драники по-белорусски, пельмени по-русски, сардельки по-немецки... – начал было перечислять парнишка.

– Разнообразно у вас тут, – улыбнулся Бог. – А что-нибудь немножко более, что ли, экзотическое, скажем?

– М-м-м... – официант на секунду замаялся. – Галушки-по-украински?

– Годится! – обрадовался Бог. – Всегда приятно вспомнить свою бурную молодость! – добавил он спустя пару секунд и вновь улыбнулся.

– Заметано! – воскликнул официант. – А что вы хотели бы выпить? Что-нибудь крепкое?

– Пару стаканчиков воды, если можно, – добродушно отозвался Бог. – Думаю, этого хватит.

– Воды? – официант был удивлен. – Простой родниковой воды?

– Да, да, – отозвался Бог. – И вода порой может быть слаще вина, – добавил он чуть позже.

– Ну... – официант немного замешкался, – хорошо. Сейчас сделаем. Через пять минуточек.

– Так быстро? – спросил Новорожденный Бог. – У вас на самом деле времени больше, чем пять минуток. Я, правда же, очень надеюсь, что вам всем хватит этого времени.

– Простите... в каком плане? – официант был немного удивлен.

– У вас всех, – и Бог добродушно обвел рукой всех посетителей этого заведения, не забыв указать и на окно. – Надеюсь, что хватит.

– А что будет потом? – официант как будто был еще немного в замешательстве.

- Зависит от вас, мои любимые дети.
- М-м-м... скажите, а кто вы? – официант до сих пор стоял рядом с этим загадочным посетителем и так и не решался отнести заказ на выполнение.
- Священник какой-то! – буркнул кто-то из-за соседнего столика.
- Что в имени тебе моем? – добродушно засмеялся Бог. – Мое земное имя временно и вечно одновременно.
- Земное? А вы, простите за любопытство, где проживаете? – официант был все более заинтригован.
- Везде, – спокойно ответил Бог.
- Бомж какой-то! – вновь буркнул кто-то из-за соседнего столика.
- В вас в том числе, – добавил Создатель.
- В нас? Где? Зачем? – официант опешил.
- Здесь, – ответил Бог и указал официанту на грудь. – Вы меня даже иногда слышите.
- Чокнутый какой-то! – вновь раздался возглас из-за соседнего стола.
- Слышим вас? – официант все еще не мог прийти в себя от услышанного.
- Ну да, – ответил Творец. – Глас совести.
- А-а... зачем вы там?
- Помогаю вам всем. Люблю вас! – и в небесно-голубых глазах Бога отразилась блуждающая на губах улыбка.
- И... сколько вы еще будете нам помогать? – спросил растерянный официант.
- Всегда, – ответил Новорожденный Бог. – Работа у меня такая! – и его глаза небесного цвета стали, казалось, еще бездоннее.
- А-а-а... м-м-м... тогда последний вопрос... скажите, а-а-а... ну... кем и где вы работаете? – попытался было вновь спросить разносчик заказов, но когда он снова обернулся к своему нежданному собеседнику – того уже не было.

Лишь только мелодично скрипнула закрываемая ветром дверь, провожая столь необычного гостя. А на столе, где он ранее сидел, в неизвестно откуда взявшейся тарелке лежала прямо-таки целая гора сочных и аппетитных галушек. Потому как кому, как не нам нужна пища, милосердно даруемая Творцом?

А Новорожденный Бог уже вновь весело шагал по улицам города, и в его вечно-голубых глазах светило солнце. Он был счастлив жить в этом мире и в этом безымянном городе планеты Земля.

12.10.2010

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Мир тьмы

Ваш выбор, люди!

В глаза ударил слепящий свет неоновой рекламы.

«Только у нас! Свободный секс! Мужчины-женщины, мужчины-мужчины, женщины-женщины! Все сочетания! Всего 20 кредитов за незабываемую ночь! Сделай себя счастливым!» И тут же рядом на другом здании: «Виртуальный секс с мировыми звездами! Почувствуй себя знаменитым!»

Медленный разворот. Первое, второе, третье здание – все, насколько хватало взгляду, сверкали красными и бардовыми огнями, предлагая почувствовать «истинный вкус жизни», как было написано на вывеске очередного приземистого сооружения, зазывающего «грандиозных жителей нашей столицы» принять уникальное участие здесь и сейчас в вызывании «могущественных духов с потусторонних планов» под руководством «великого прорицателя и пророка», чье имя «настолько могущественно, что не может даже произноситься вслух».

Рядом проходили люди – все они были одеты в какие-то темные одежды, а лица их были склонены к земле. Казалось, они совсем не замечали его.

Что за странный мир? Он не помнил себя в нем раньше.

Он медленно пошел вперед, изучая окрестности города. В том, что это город, уже не было никаких сомнений.

По улицам тянулись длинные ряды тусклых фонарей, еле-еле освещающих ближайшие окрестности на расстоянии десяти-пятнадцати метров от них. «И как они могут хоть что-то различать в такой темноте?» – пришло запоздалое изумление.

Но живущие здесь, похоже, и не хотели ничего видеть, кроме лишь немногих вещей. Вот какой-то согнувшийся житель города вбежал в одно из зданий неподалеку. Человек повернул голову, чтобы разглядеть очередную вывеску. Крупными переливающимися темно-малиновыми буквами на ней значилось:

«Бои без правил. Жизнь – лишь мгновение в вечности. Смерть – освобождение». И ниже еще: «Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы».

И снова ударивший в виски толчок мысли – «куда же я попал?»

* * *

Он брел и брел по улицам этого ночного города, и все новые и новые картины открывались его взору.

«Ближний – всего лишь человек. Ты – Бог. Докажи это! Лучшее оружие с военных складов! Жизнь – тюрьма. Смерть – освобождение». И ниже снова знакомые уже слова: «Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы».

И снова, снова, снова... Ослепляющий свет бардовых огней...

«Виртуальный клуб «Иллюзия». Виртуальная модель столицы и ты – ее властелин. Почувствуй себя на месте Бога! Собственность корпорации Virtulex Enterprise».

«Рулетка судьбы. Твое вращение «барабана», смертный!» И опять чуть ниже приписка: «Место, где не бывает проигравших, ведь жизнь – проклятие, а смерть – освобождение!»

«Мы – не рабы. Дадим отпор агрессору! Проголосуй за проект «Прах». Каждому нападшему – по атомной бомбе!» Ниже: «Институт социологических исследований при Министерстве Нападения и Обороны».

Здания, здания, здания... Огни, огни, огни... Этот город сводил с ума. Что-то дергало и пыталось заставить его поступать так же, как все – так же, забыв обо всем, бежать в ближайший кабаk, или секс-танц-клуб, или виртуальную «забегаловку» – и там на многие часы вновь забывать обо всем.

О том, кто ты есть. О том, кем ты должен быть. И о том, кем ты стал...

Казалось, что-то чудовищное легло на его плечи, пытаясь придавить, расплющить, обратить в ничто несогласного с этим порядком вещей. Сам город, казалось, пытался расправиться с дерзким вторжением, не соответствующим его сущности и его правилам жизни.

Он шел и шел уже который час – еле передвигал ноги. И все-таки он шел, надеясь хоть где-то встретить проблеск света. Но, куда бы он ни заворачивал, на каждой улице – все то же. Все те же горящие бардовым пламенем здания, все те же скорченные люди, с каким-то отсутствующим выражением глаз входящие и выходящие из них, все те же человеческие слова, неизменно складывающиеся в нечеловеческие фразы.

Он не мог уже идти, ему внезапно страшно захотелось лечь и умереть. Просто – лечь и умереть, чтобы только не видеть это, чтобы больше не увидеть этого никогда. Как страшный сон – не увидеть.

Еще шаг. Еще. Еще. Удар – и он обнял руками землю. Забытие...

* * *

Он открыл глаза и приподнял голову над землей, пытаясь вспомнить, что произошло. Различил какое-то здание перед собой – и резкая вспышка озарила память. «Н-е-е-т-т-т! Только не здесь! Только не здесь снова!»

Это был не сон – это был все тот же город. Ничего не изменилось, разве что стало еще темнее – видимо, ночь уже полностью вступила в свои права. Тогда он вновь уронил голову на землю и застонал от отчаяния и безысходности. Он не хотел здесь жить – и должен был. Зачем? Зачем? Зачем?!

Тишина. Гробовая тишина. Ночной город уже спал.

Молча он лежал на вымощенной черным мрамором гранитной мостовой – и так же молча слезы текли из глаз, оставляя за собой прозрачный след. Он не помнил, что было потом – милостивая память стерла для него последние мгновения. Когда он вновь очнулся, то помнил лишь свое отчаяние и город, в котором он был, – город, темной громадой заслонивший солнце.

Он отчетливо помнил все это. Он помнил еще многое. Он помнил, как затем поднялся и вновь медленно побрел по улицам. Пошел – уже не зная, куда. Ему надо было хоть куда-то идти, надо было делать хоть что-то, чтобы только не думать об ужасах этого мира – ужасах, созданных его же жителями.

Он шел мимо открытых зданий секс-танц клубов и видел сотни и сотни обнажившихся полуобнаженных тел, в пляске под разрывающий бой какого-то ритма прыгающих и вертящихся.

Видел, как тройка неизвестных людей на улице дружно воткнули себе в руки длинные напоминающие шприцы устройства, после чего с довольным выражением на лицах повалились прямо здесь же на мостовую.

Видел, как в каком-то переулке, в который он случайно завернул, трое людей порывисто прижались друг к другу и начали быстро снимать друг с друга одежду, а затем упали на землю и начали кататься по ней.

Он видел еще многое. Ему не давали это не видеть.

Он видел перед собой планету и континенты. Видел, как в различных местах планеты начинали появляться и росли темные пятна. Видел, как в других местах появлялись светлые точки, они тоже росли и расширялись, и сталкивались с темными волнами, и рассеивали их. Но их было очень мало – и наплывавшие темные волны поглощали многих без следа. Постепенно темные пятна заполняли и заполняли континенты один за другим – тогда какое-то бардовое пламя окружало их, и они исчезали с карты планеты, покрываясь огромной темной тучей. В такие мгновения дикий нечеловеческий смех заполнял пространство и заставлял его порывисто зажимать уши.

А потом внезапно земля затряслась, и он упал, сбитый с ног.

Казалось, сама планета начала разрываться на части. По всем улицам, насколько хватало его взгляду, внезапно пошли трещины – и из каждой такой трещины наружу начал прорываться подземный огонь. Новым толчком его отбросило прочь.

Сама земля начала полыхать. Неизвестный подземный огонь образовывал сначала небольшие пламенные точки, затем линии – и начинал сливаться и объединяться, поглощая все новые участки земли. Огонь подбирался к зданиям и они неизвестно как тоже начинали полыхать.

Но жителям этой грандиозной столицы, похоже, не было совсем никакого дела до происходящего вокруг бедствия. Через открытые двери очередного секс-танц клуба он мог видеть, как точно так же массы людей, плотно обнажившись, вертелись и в исступлении что-то оралы – в уже полыхающем здании.

«Ведь они же погибнут, ведь они же сейчас умрут! Я должен их спасти!» – полыхнули мысли в полузатушенном болью от удара о мостовую сознании.

«Они уже умерли», – пришел откуда-то из глубины голос, – «ты ничем уже не можешь им помочь. Они сами сделали свой выбор. Своими мыслями и жизнями они сами вызвали гибель планеты – и свою собственную гибель».

Охватившее здание секс-танц клуба пламя становилось с каждой секундой все сильнее – теперь полыхали уже все этажи. Наконец, огонь добрался и до нижнего. В одно мгновение он поглотил иступленно кричащих и хохочущих людей – и в это же мгновение все стихло. Лишь продолжало бушевать пламя, и отблески его освещали некогда непроглядные улицы. Так продолжалось еще несколько минут – всего лишь несколько минут, навсегда врезавшихся в память. Так же, как и все последующие картины.

* * *

Картина изменилась. Город исчез.

Он стоял посреди роскошных зеленых ветвей деревьев какого-то сада. Он поднял ввысь голову – и солнечные лучи осветили лицо. После страшных бардовых огней темного города – Господи, какая же это была благодать! По небу медленно проплывали облака и пролетали птицы, в лицо ему дул освежающий бодрящий ветер.

Он видел солнце живого мира, он видел свет. Тьма ушла, тьма исчезла, ее просто не было. Остались лишь прохладный дующий в лицо ветер, лишь раскачивающиеся из стороны в сторону зеленые кроны деревьев, лишь пролетающие по небу птицы и наполнивший душу восторг. Крик радости вырвался из груди – он кричал долго и громко. Он вновь был живым среди живых, он был в живом мире.

А потом он вновь получил ту удивительную возможность созерцать весь мир сразу, как на ладони. Он видел раскинувшиеся по континентам зеленые поля. Видел людей, работающих и живущих на них, на лицах их были улыбки – было видно, что они рады жить здесь и трудиться. Он чувствовал атмосферу счастья, разлитую над планетой. Он видел, как радостно и с воодушевлением работали люди – художники, поэты, простые пахари и рабочие, все от мала и до велика. Здесь не было ненужной и неважной работы. Он видел все это – и сердце его обливалось благодатью.

Он видел, как растут и появляются светлые точки, как они расширяются, как озаряют континенты, как эти светлые лучи возносятся к небу – и небеса планеты отвечают на них ослепительным завораживающим сиянием. Он видел, как озаряется атмосфера планеты, как она очищается от темных лучей и как свободно начинают дышать люди. Как они расправляют плечи, как на лицах их появляются улыбки счастья...

Он видел еще многое. Это были минуты, навсегда врезавшиеся в память. А потом уже иной мир нагрнул на него.

* * *

– Джон, что с тобой?! Очнись, Джон!

– А... что со мной?

– Это у тебя лучше спросить. Мы шли по парку, и ты вдруг внезапно покачнулся и упал. С тобой все в порядке?

– Да. Да... все... хорошо.

– Что с тобой случилось?

– Я... я не знаю. Просто... просто я видел два будущих и два выбора... два совершенно разных выбора. Как небо и земля – разных... Два пути. Понимаешь? Две дороги для людей, для человечества.

– Два выбора? Два пути? О чем ты говоришь, Джон? Похоже, ты действительно все-таки слишком сильно ударился головой при падении. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Ничего. Уже скоро ты почувствуешь это и все поймешь. У тебя будет твой выбор. У каждого из нас есть наш выбор. А теперь, как считаешь, – может наперегонки до конца аллеи?

02.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Вирус

Оставалось совсем немного... Всего несколько дней – и потом можно будет, наконец, отдохнуть.

Уже скоро... Совсем скоро кончатся мириады ночей без сна, кончатся кружки кофе и мерный, сладостно-убаюкивающий шум компьютера. Кончатся временами взрывающий тишину стук пальцев по клавиатуре, завершится постоянный прогон текста через компилятор, кончится радость, наполняющая душу при виде работающего кода. Все это скоро должно было, наконец, закончиться.

И тогда – о! – эти столь долго предвкушаемые и выпестованные в полубредовых бессонных ночах мечты наконец-то смогут стать явью – они должны стать явью, они обязаны ею стать. В сущности, что такое год? Это совсем-совсем немного. Это очень немного для того, что будет осуществлено. Всего лишь год...

Они наконец заплатят за все. За все зло, что сумели причинить людям – таким еще почти невзрослым людям, несознательным... захваченным врасплох этой чудовищной машиной. Они будут уничтожены. Стерты с лица земли как смертоносный вирус, против которого было наконец-то найдено лекарство. Найдено всего лишь за какой-то жалкий год.

Оставалось совсем немного. Все было просчитано и продумано давным-давно – почти полгода назад, когда возможность проникновения в Систему наконец-то была обнаружена. Полгода понадобилось для того, чтобы, тыкаясь в разные стороны подобно слепому щенку, наконец-то найти путь. Уязвимость, дыру, лазейку – ниточку, однажды дернув за которую можно было заставить Систему стать твоей марионеткой, куклой в руках мастера. Но дернуть можно было только один раз, ошибки быть не могло, потому что второй попытки бы не было – служба безопасности очень не любила, когда кто-то решал поиграть с ней. Эту ниточку надо было найти, имея возможность изучать Систему только по ее косвенным реакциям на внешние воздействия, не имея и не зная доступа к ее ядру.

Полгода – бесконечно долгих и бесконечно быстрых, как одна ночь – понадобилось, чтобы найти ахиллесову пяту. Может быть – единственную, может быть – нет. А потом еще полгода для того, чтобы, перебываясь днями редкими крохотными заработками фрилансера, ночами в полубреде писать и писать код, писать и молиться, молиться каждый день одному тебе известному богу, чтобы архитекторы Системы не нашли ее до тебя.

Они не нашли. И именно поэтому теперь они погибнут. Болезнь будет уничтожена раз и навсегда. Оставалось совсем немного – запустить его в сеть. С вирусом надо бороться его же оружием.

Никто даже не мог предположить, сколь быстро раскинет свои смертоносные щупальца этот гигант, сколь быстро все и вся окажется под его дланью. Сколь быстро человечки, составляющие мозг этой корпорации, поймут, что дает такая власть, сколь быстро они воспользуются ею в полной мере.

А потом все было как в одно мгновение – страшное и неповторимое. Все промышленные, все домашние, все персональные вычислительные системы перешли на разработку Корпорации – не осталось ни одной страны, ни одного дома, ни одного человека, ни одного устройства, не вошедшего в Систему без возможности выхода из нее. После окончания интеграции пути назад уже не было. А когда первые «альтернативщики» это обнаружили – было уже слишком поздно.

Завтра будет тот день, когда многолетнему контролю Корпорации должен прийти конец. Иначе... иначе все было напрасно.

* * *

Это был столь странный день – зимний и при этом совершенно теплый и солнечный. Солнце это слепило глаза и, казалось, улыбалось, глядя на всю эту человеческую возню внизу. Оно всегда улыбалось так – согревая и правых, и неправых.

Я аккуратно достал заранее купленный ранее через Сеть анонимный смартфон и повернул его. Взглянул на экран, отразивший окрестность позади меня. Все было чисто, за мной не наблюдали. Время пришло.

Я привычно набрал тридцатизначный опознавательный код, привычно соединился через ретранслирующую станцию одного из местных операторов с вынесенным за традиционные территории метрополии и мало кому известным хостом-сервером, служащим одной из точек входа в Систему, – и вошел в нее под гостевым доступом. Это было предусмотрено – это не было столь серьезным нарушением. А вот теперь – мы переступим границы дозволенного.

Полгода ушло на то, чтобы найти комбинацию значений для регистров этой версии процессоров Системы, позволяющую выйти за эти границы, чтобы больше никогда туда не вернуться. Столь банально, столь просто – возможность изменить содержание кэша процессора. Теперь выпестованный за эти полгода код станет его новым владельцем.

А потом все будет просто.

Потом этот шлюз широковежательно распространит по радиоканалу сообщения о «внутреннем сбое в системе с кодом 5SNGD#1» на соседние хосты, обслуживающие все телефоны, все бытовые приборы, все мобильные устройства – словом все, что теперь входило в Сеть этого мегаполиса, – сообщения, практически ничем не отличимые от правомерных за исключением небольшого блока кода дополнительных параметров в конце каждого из них.

А потом все будет просто.

Потом сбой в обработке этих данных приведет к столь банальному, столь желанному переполнению буферов динамической памяти, потом будет выполнен код, который разошлет через эти «ретрансляторы» системы на все обслуживаемые ими мобильные устройства новую последовательность байт, эксплуатирующую сходную уязвимость в обработке ими определенной последовательности значений в регистрах их процессоров.

А потом все эти миллионы и миллиарды устройств в одно мгновение оживут – оживут, чтобы выполнить свой долг и уничтожить того, кто слишком долго был их единственным властелином. Пакеты пойдут со всех уголков столицы, и через несколько десятков минут под массиванным напором сетевые «загранпосты» Системы падут – и тогда доступ к сердцу станет открыт. После падения метрополиса эпидемия распространится дальше, не щадя никого на своем пути, и ему останется только наблюдать. Иногда это ни с чем не сравнимое блаженство – просто наблюдать.

На это уйдет десять минут. Всего лишь десять минут, которые, быть может, станут вечностью. Такой же, как стали эти триста шестьдесят пять дней.

Пальцы отщелкивали по клавиатуре телефона.

Тук, тук, тук. И снова – тук, тук, тук. Теперь последний шаг – запуск вируса в сеть. Десять... пять секунд... готово. Неужели все?

Я развернулся, теперь уже сам – за мной по-прежнему никто не наблюдал. Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить. А потом я побежал. Не знаю почему – но мне очень хотелось хоть раз в жизни бежать туда, куда тебе этого действительно хочется... хоть раз почувствовать себя свободным. Выполнивший свое дело телефон полетел в снег.

Какая-то опустошенность, какая-то пустота внезапно нахлынула на меня, придавив и прижав. Теперь все было сделано, сделан последний шаг. Год работы – это много или мало? Наверное, это несравненно много для того, чтобы написать каких-нибудь пять тысяч строк кода. Наверное, это удивительно мало для того, чтобы вновь обрести свободу.

* * *

Это была удивительная зима – теплая и солнечная. Почти такая же, как и несколько лет тому назад.

Меня окликнули. А когда я обернулся, то увидел его – столь знакомое и близкое лицо давнего институтского друга, собрата по образу жизни.

– Костик, привет! Неужели это все-таки ты? Я думал, что, наверное, уже больше никогда не увижу тебя вновь.

– Привет, Павел, я тоже рад тебя видеть!

– Ну, как жизнь то у тебя, как дела? Расскажи хоть немного. Поди все так же исповедуешь принцип «свободный кодер сам выбирает себе проекты»? А? Все так же фрилансерствуешь?

– Ну. И да, и нет. Вот, устраиваюсь в крупную корпорацию на постоянное место работы.

– Хм... Уж не в ту ли самую Корпорацию, которая когда-то... помнишь?

– Эх... ты теперь, похоже, мне всю мою оставшуюся жизнь будешь про это напоминать, да?

– Да нет, зачем уж нам это теперь? Теперь ведь все идет почти так, как мы когда-то и мечтали? Весь софт разрабатывают свободные коллективы, а корпорации живут за счет их маркетинга, техподдержки, распространения и... как это там называется... консалтинговой деятельности? Нет, все так. Наверное, все так, как и должно было быть.

– Ну, а нелегальной деятельностью то ты теперь, я надеюсь, не занимаешься? Отошел от грязных дел, так сказать?

– Павел, слушай, как там... «кто старое помянет, тому и чип вон?» Да? А то ведь я и сейчас тебя могу тоже чем-нибудь... заразить. Вот, например, слушай. Недавно по GRC мне прислали такой анекдот...

18.01.2006

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

За Патриарха!

Сегодня я проснулся необычайно рано – даже солнце еще не успело взойти на Востоке. Вот уже почти час, как я бодрствую и не могу понять, что же именно прервало мой блаженный покой. Что-то шевелится у меня где-то в груди и тревожит меня. Это странно. Никогда раньше со мной не случилось ничего подобного. Какие-то недостойные мысли пытаются проникнуть в мой ум... не иначе, как сам Сатана искушает меня. Я изгоню эти мысли ереси именем нашего Патриарха!

В смутных чувствах я включаю свет и вещание, ведь скоро должна начаться утренняя церемония молитвы – и мы, дети Божьи, все как один склоним головы в эти торжественные минуты и во всех сердцах благословим Его Преосвятейшество – скромного наместника нашего небесного Отца на этой грешной земле.

Я беру позолоченную вещь, выполненную в форме креста, и аккуратно вдавливаю небольшую кнопку на ней – и это чудесное устройство, дар Божий, которое наш Патриарх назвал «видеодисплеем», оживает. Кажется, несколько столетий тому назад такие вещи называли «пультами», а аналогом этого «видеодисплея» был так называемый «телевизор». Впрочем, я не уверен. Я не был прилежным учеником в нашей школьной семинарии, да и о прошлом нам рассказывали очень мало.

До начала утренней молитвы, что будет распространена с помощью этих видеодисплеев в каждый дом, всякий приют всякой души, остается совсем немного времени. Мне надо успеть принять земную пищу, дабы напитать мое тело – а потом все свои силы я отдам духу и буду скромным служителем в этом несовершенном мире во имя целей нашего Святого Отца, да святится имя его на небесах во веки веков!

С тех пор, как скромные служители нашего Патриарха придумали какой-то удивительный способ практически мгновенно создавать пищу из отдельных веществ, что дарует нам природа – мы не знаем недостатка в еде, потому что она может быть сделана практически из всего, что есть в этом мире. Воистину, только сам Господь мог даровать нашему Патриарху такое великое могущество над миром, воистину, наш Патриарх – его наместник на земле!

Я успел насытить свое грешное тело и уже было погрузился в прекрасные мысли о том великом райском царстве, в которое ведет нас, его смиренных служителей, наш прекрасный Наместник, как видеодисплей издал уже знакомый мне звук – это значит, что вот-вот должна была начаться утренняя молитва, – и мы, несовершенные творения нашего великого Отца, получим еще одну возможность погрузиться на время в его великую даруемую нам благодать, еще одну возможность очистить свои души от всякого зла.

Если мы станем смиренны и будем любить своего Патриарха, то эта молитва дарует нам ни с чем не сравнимую радость и покой – потому что так и должно быть.

Молитва была чудесна – как всегда, она была удивительна. Это такое неопишное блаженство – стоять, смиренно склонив свою голову, слушать чудесные песнопения и осознавать себя частицей чего-то большего, чего-то великого, чего-то вечного. Это ни с чем не сравнимое блаженство – слышать голос самого Патриарха, когда он приветствует детей своих и благословляет их с новым днем в этом мире.

Когда молитва кончилась, я чувствовал себя на вершине счастья и душа моя пела в восторге. Все те грешные мысли, которыми сегодня утром пытался искушать меня Антихрист, исчезли. Так и должно быть – ведь истинный свет, даруемый нашим Наместником, очищает наши души, так что никакое зло и ересь не может войти в них!

Сейчас мне предстоит отправиться в главную церковь нашего города – а всего праведными трудами служителей Патриарха было создано уже около пятисот этих малых домов Божьих – дабы представить мое новое творение на справедливый суд ее главы Святого Алексия II. Он прочтет мою новую книгу и, если она будет одобрена его святейшеством, – даст свое высочайшее благоволение печатным агентствам размножить ее текст, дабы дети Божьи могли вкусить ее аромат и укрепиться в своей праведной вере в Бога и нашего всевеликого Патриарха.

Я выхожу из своего дома и с наслаждением вдыхаю чистый воздух Господень. Скромные слуги его Святейшества Патриарха смогли изобрести такие двигательные аппараты, которые оставляли воздух в его первозданной чистоте, не выделяя в него никаких так называемых «газов», работая исключительно на энергии света, что дарует нам прекрасное космическое светило. Воистину, нашему Наместнику ведомы великие пути!

Я двигаюсь по направлению к дому Господнему – и радость переполняет меня. Я уже вижу свою встречу с его святейшеством Алексием, я уже вижу его сиятельную улыбку, я уже вижу, как моя книга поможет нашим братьям в их пути разума и сердца. Воистину, это чудесный день!

* * *

Господи, откуда во мне взялись эти мысли, истреби их Патриарх?!

Что-то происходит в моей душе, что-то очень странное и очень необычное, что-то непонятное для меня. Это почти то же самое чувство, что появилось два дня назад. Какие-то смутные сомнения в верности моей жизни и жизни моих земных братьев... Неужели даже утренняя молитва более не способна очистить мою душу от этих пагубных сомнений?

Это чувство вновь родилось во мне после встречи с его святейшеством Алексием через день после того, как я отдал ему рукопись своей книги, дабы он мог высказать свое мнение о ней и дать свое благословение на ее распространение.

Дать свое благословение... он не дал своего благословения! Он не только не дал своего благословения, он был очень гневен и очень зол. Его преосвятейшество было в гневе... это невозможно! Это воистину невозможно! Как, как это может быть возможно, чтобы такой великий человек был способен опуститься до гнева?! Я не верил собственным ушам, когда он начал свою речь!

– Известно ли тебе, сын мой Петр, что своей, гхм, книгой ты нарушаешь все заповеди, данные нашим великим Наместником?! – голос его преосвященства был холоден как сталь, какие-то недоброжелательные нотки прорывались через него.

– Отец, чем же я нарушаю его великие заповеди? – вопрошал я.

– Чем? Ты спрашиваешь меня, чем ты нарушаешь его заповеди? Я отвечу тебе, чем! В своей книге ты говоришь, что творцом мира был Бог, ты утверждаешь, что Наш Патриарх – его скромный служитель. Наш Великий Наместник не его «скромный служитель», наш Наместник – его праведный Сын, он само осуществление нашего Отца в этом мире! Он – это Бог, он – его воплощение! Разве не говорилось вам об этом в вашей духовной школе? Разве не говорилось вам, что слово нашего Патриарха – это слово самого Бога, выраженное через его уста, разве не говорилось вам, что слово его – закон для всех праведных детей божьих?!

– Его преосвятейшество, но как же небесный Сын может стоять выше небесного Отца? – спросил я.

– Стоять выше своего отца? Сын мой... – и его преосвященство поперхнулся – наш отец – это наш Патриарх! Он наш отец и спаситель наших душ в этом мире!

– Но нам говорили... – начал было я.

– Вам говорили? Ответь же мне, сын мой, кто говорил вам эти слова?

Я назвал имя служителя в нашей духовной школе.

– Благодарю тебя, мой сын, ты сослужил великую службу делу искоренения всякой... ереси.

При слове «ересь» я вздрогнул. Ересь – это огромное преступление, ересь лишает человека права войти в божественные врата Рая – так говорили все святые отцы, вот только мой учитель почему-то ничего не говорил мне об этом. Почему же он повинен в ереси, почему?! Какое преступление божественной воли он совершил? И я задал этот вопрос его преосвятейшеству.

– Он совершил преступление, совращая детей божьих с их праведного пути, и он подлежит наказанию за этот грех. Мы примем необходимые меры, – и его преосвященство дал мне знак замолчать и не задавать больше вопросов. И, не в силах не повиноваться ему, я замолчал... лишь только какое-то смутное сомнение в этот момент шевельнулось в моей душе.

Его преосвященство продолжал.

– Далее, ты говоришь, что за все грехи свои дети божьи будут наказаны своим небесным Отцом во время Священного Суда и «по делам их воздастся им». Истинно, «по делам их воздастся им»! Однако известно ли тебе, что наш всевеликий Патриарх как олицетворение воли нашего небесного Отца может сам наказывать и даровать прощение своей великой милостью грешным детям уже в этом мире?!

Далее, ты говоришь: «...ибо только наш неземной Господь имеет власть над сущим и не сущим, и лишь Его суд праведен и вечен...» Суд на Земле ведет наш Патриарх! Мы, скромные служители его, можем лишь смиренно выполнять его волю, которая есть воля нашего неземного Отца, не задавая вопросов о том, может ли его суд быть несправедным, потому что суд нашего Наместника всегда праведный, ибо он есть олицетворение Бога! Известны ли тебе случаи, сын мой, – и его преосвященство снова поперхнулся, – когда наш великий Наместник вершил неправый суд над детьми и служителями своими?

– Нет, отец.

– То-то же, сын мой. Ибо суд его праведен вечно – во веки веков, да святится имя его!

В это мгновение лицо его преосвященства залила сиятельная улыбка – казалось, он увидел само пришествие Спасителя вместе со свитой небесных ангелов. Однако, как только он вновь взглянул на меня, его улыбка тотчас же исчезла.

– Однако это не прощает твоих ошибок, сын мой, – и преосвященство поперхнулся в третий раз.

Ты говоришь: «...ибо есть только одна великая сила в этом мире и одна великая ценность – и это есть любовь, и это есть проявление нашего неземного Отца в этом мире...» – это неверно! Наша сила – в нашей вере в Патриарха! Какая еще сила тебе нужна? Только вера в него движет и спасает нас, только такая вера помогает нам жить!

«Ваша вера есть подавленное сомнение», – пришли мне в голову в тот момент слова, однако я тотчас же отбросил эти пагубные мысли прочь. Его преосвященство теперь смотрел на меня уже чуть ли не с гневом, и голос его стал совсем ледяным.

– Но мало того, что ты пытаешься подорвать веру в нашего всемилостивейшего Патриарха, ты еще стремишься свернуть отроков его с пути истинного! Ты говоришь: «...а все обычаи, и обряды, и ритуалы исчезнут, как будто бы их никогда и не было раньше... и люди будут молиться в своем сердце и устремляться в сердце, и выражением устремления станет любовь...» Как могут исчезнуть все священные ритуалы, если они заповеданы нам нашим Патриархом, если они заповеданы нам нашим отцом как способ постигнуть его и приобщиться к его вечной благодати?! – его преосвященство уже почти кричал. – Это невозможно, это просто невысказано! Это настоящая ересь, сын мой! Мало, мало того! Ты подрываешь доверие к нам, скромным служителям нашего отца!

Ты только задумайся над тем, что ты говоришь: «...а вещи этого мира исчезнут и пропадут, и никогда уже не будут важны для вступающего в царствие Отца... и никогда не были по-настоящему важны, ибо преходяще сущее это, и как вступаем в него без ничего, кроме огня сердца своего, так и уходим ни с чем, кроме него. И тогда все поклонения, и ритуалы, и вещи, используемые для них, и всевозможные земные культы становятся не важны...»

Это немыслимо! Все те священные ритуалы, которые мы проводим для них – это величайшие дары, заповеданные для нас, ими мы помогаем нашим последователям. Мы очищаем их души, мы, как служители нашего Отца, искупаем их грехи, мы спасаем их! Как же можно не признавать это, как же можно отвергать благодарность наших братьев, которая даруется нам ими в своей смиренной щедрости?! Но ты, ты говоришь: «ибо только любовный огонь сердца способен искупать грех, но никакие ни ритуалы, ни вещи, ни прочие земные ценности... ибо они есть преходящее, и только огонь сердца и духа вечен...» – это истинное непонимание смысла вещей! Наш Отец дал нам право искупать грехи детей наших, что по смирению своему являются к нам – и мы служим великую службу, помогая им освободиться от этого груза, а ты... ты!... – его пресвященство так разгневался, что уже чуть ли не задыхался, – ты позоришь весь род наш, всю службу нашу, все достижения наши! И последнее: «...ибо Отец наш живет не вовне, но в каждом из нас... и он есть Бог, и он есть – любовь...» И он есть – Патриарх! И он есть – вовне, ибо только он свят, а мы грешны, и Бог не живет в нас! И только он милостью своей может спасти наши души, но не мы сами! Он!» – пресвятейшество уже стоял во весь рост и кричал.

Я все еще не мог оправиться от удивления, смущения, растерянности... именно тогда это сомнение вновь шевельнулось во мне.

– Я посмотрю до конца твою рукопись, сын мой, и скажу тебе свое решение через десять дней. Но не рассчитывай, что я дам тебе возможность ее распространить до существенной... доработки, да и, возможно, распространить вообще. Кроме того, мы проведем дознание с твоим, гхм, учителем, да и с тобой, думаю, тоже, – и он холодно воззрился на меня. – А пока ступай с миром, сын мой, – пресвятейшество вновь овладел собой. – Ступай с миром.

В растерянности, в смущении я вышел из храма. Это был, воистину, день печалей.

Выходя из церкви, я заметил, как к какому-то моему брату, только что вышедшему из церкви, подошел *кханджи* – так называли плененных людей-изгоев, коих теперь становилось все больше и больше с тех пор, как два года назад наша святая Империя начала Священную Войну. Мы относились к ним с великой... милостью – некоторым из них разрешали жить в городах, только вот жить им было, по-видимому, очень тяжело... однако в выступлениях Патриарха никогда не поднималась эта тема.

Этот *кханджи* подошел к моему духовному брату и стал, по-видимому, что-то просить. Тогда, не долго думая, мой духовный брат, на лице которого некогда была сиятельная улыбка, пнул его ногой так сильно, что *кханджи* отлетел в сторону, кубарем покотившись по лестницам.

Все это я уже видел, когда флайнер – один из видов транспорта, изобретенных приближенными нашего Наместника, работающий на энергии солнечного светила, – увозил меня прочь. И я ничего уже не мог поделать...

Боль, огромная боль всколыхнулась в моей душе тогда – сочувствие к этому маленькому, выброшенному, отброшенному, отпнутому! – брату заполнило мое сердце. Именно тот момент породил эти мучительные и нестерпимые сомнения во мне.

* * *

У меня было десять дней до того, как мне снова придется встретиться с его преосвященством Алексием II по вопросу моей рукописи – и я не хотел их терять.

Боль – громадная, неописуемая словами боль – она рвала и крошила мое сердце. Я не понимал – я не мог понять! – как, как мои братья могут быть такими... такими... бесчеловечными. Как они могут быть такими жестокими – как, почему, за что? Вся благодать ушла, осталась только боль. А за ней пришли сомнения.

Я и раньше слышал про Священную Войну, про великую войну, про праведную войну. Помню, как Патриарх выступал перед всеми, как возвышенно он говорил о том, с какими недочеловеками, не верящими в Отца, нам приходится бороться, с какими убийцами, с какими грешниками. Он говорил, что, убивая их тело, мы спасаем их души. Тогда я верил в это – я не мог не верить моему Патриарху! – а теперь, после случая с этим *кханджи*... я засомневался.

Час за часом, день за днем сомнение мое росло – я уже не мог спать, я метался ночью в каком-то кошмарном бреду. Мне виделись сотни этих *кханджи*, мне виделись легионы облаченных в белую одежду святых братьев, убивающих их одним ударом с криками «За Патриарха!», тут же осеняющих их знаком креста – и идущих все дальше, дальше, дальше...

И тогда я просыпался, не в силах больше видеть это. И тогда я размышлял. Через десять дней я вновь пришел к его преосвященству – и никакого восторга в моих глазах больше не было. В его глазах, впрочем, тоже.

– Мы нашли твоего учителя, сын мой, – и его преосвященство в который уже раз поперхнулся. – И просмотрели до конца твою рукопись. А теперь слушай наше решение! – и он торжественно поднял руку. – За распространение ложных сведений, за попытки отвести детей нашего Патриарха с пути истинного, за попытки привести их в лоно Антихриста человек по имени Хрис приговаривается к заключению в катакомбы Собора Патриарха навечно, вплоть до того дня, когда Антихрист сам придет за ним, дабы забрать его черную душу! Приговор подписан самим Высочайшим Патриархом и обжалованию не подлежит!

Я обомлел. Хрис, мой учитель, давший мне столь много в той духовной школе – он приговорен к заключению! Никогда, никогда, никогда я еще не слышал ни об одном случае подобного заключения – а теперь, при мне, прямо на моих глазах... как это возможно?!

– Вывести грешника! – раздался голос преосвятейшества.

И тогда они – несколько мускулистых человек в белых рясах – вывели его. Я не узнал его – я бы не узнал его, встретиться мы вновь при других обстоятельствах – он совсем не был похож на образ того Хриса, который я помнил с детских лет. Он ужасно постарел и еле волочил ноги, так что четверем помощникам приходилось очень сильно подталкивать его. На лице его была видна кровь. «Пытки?» – мелькнула у меня мысль.

– Учитель, Хрис! – закричал я изо всех сил, стараясь перекрыть шум непонятно откуда взявшегося ветра.

Он обернулся. На искромсанных высохших губах его появилась слабая улыбка.

– Петр, сынок мой, ты ли это? Они тоже поймали тебя, да? Прости меня, сынок... прости... я должен был предвидеть, что это произойдет.

– Учитель, но почему?! Почему все так произошло? Неужели все то, что нам говорили – все это ложь?!

Было видно, что Крис вновь улыбнулся своими не слушающимися губами.

– А вот теперь, сынок, ты и пробудился, – ответил он, и в это же мгновение рев нахлынувшего ветра заглушил все иные звуки.

Я видел, как четверо людей уволокли моего учителя куда-то за здание, я хотел было ринуться ему на помощь – но меня тут же схватили трое таких же людей в рясах.

– Не дергайся, браток, – улыбнулся один из них.

Когда через несколько секунд передо мной вновь появилось его преосвятейшество – я уже не был удивлен.

– А тебя, сын мой... тебя мы вынуждены будем отправить на... чистку, дабы твой разум вновь стал святым и никакой бес не закрался в него! – и он улыбнулся. – Взять его! За Патриарха!

Весь мой мир в одно мгновение рухнул. Все, чему я верил, все, на что я надеялся, – все стало ничем, все было напрасно. Когда мои... братья схватили меня – я не сопротивлялся. Это было уже ни к чему.

«Да будет на все воля Божья», – успел подумать я прежде, чем увесистая деревянная дубинка одного из белых братьев опустила на мою голову...

26.05.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Иммунитет

Надежда умирает последней.

Но разве мог Гейл надеяться хоть на что-то теперь, когда последние надежды умирающего заживо человечества стремительно разлетались на тысячи маленьких осколков словно крупички разбитого зеркала, в котором оно, человечество, в случившийся момент краткого духовного прозрения сумело на краткий миг своей истории увидеть само себя?

Надежда на спасение. Надежда на земную жизнь. На жизнь после смерти. Есть ли она?

Сегодня каким-то чудом Гейлу все-таки удалось попасть в один из переполненных храмов, где вот уже на протяжении нескольких месяцев велись не прекращающиеся ни на день службы. По всей планете храмы трех мировых религий уже длительное время были переполнены и днем, и даже ночью. Теперь, когда столь воспетая земными материалистами наука не могла дать ответа на брошенный природными силами вызов, люди пытались найти его в обращении к Богам.

Сейчас, стоя поодаль от алтаря храма в давящем его со всех сторон людском море и словно двухметровый исполин возвышаясь над ним, Гейл наблюдал. Ему нужно было понять, что двигает этими людьми сейчас, когда у них уже почти не осталось надежды. Что заставляет их взывать к тем, в самом факте существования коих эта земная жизнь заставляла их сомневаться вновь и вновь?

Вера в возможность спасения? Страх перед раскрывающим свою жадную пасть небытием? Любовь ко всему созданному ими – и, в том числе, к ставшей настолько смертоносной природе?

Сам же Гейл вплоть до событий последних лет верил только в науку. Она была его святым граалем в течение долгих лет жизни. Она, при должном усердии, наблюдательности и длительном экспериментировании способна была дать человечеству ответ на любой вопрос и вызов... если не принимать во внимание существование Высшего разума.

Море людских лиц. Океан эмоций. Калейдоскоп чувств. Воздетые в молитвах, молчаливых угрозах, или же опущенные в отчаянии руки. Увидит ли их кто-нибудь, услышит ли безгласную речь? Гейл не знал ответа на этот столь мучивший его вопрос. День ответа еще не настал.

* * *

«Майнинг антител. Участвуй в добровольческой программе испытания новых вакцин. Зарабатывай фармакоины. Дай ответ нововирусу!»

Громадный голографический билборд выплыл из-за угла небоскреба прямо перед глазами Гейла, стоило только тому выйти на центральную площадь. Гейл брезгливо поморщился. Никакого толку от бесконечных попыток создания вакцин не было и не будет. Нельзя точно предугадать форму того, что изменяется каждое мгновение своего существования.

«Вирт-клуб «Наслаждение». Страх смерти нет. Есть наслаждение жизнью!»

Трехмерная переливающаяся цветами радуги голограмма девушки с широко расставленными ногами загорелась неоновыми-лазерными лучами в паре десятков метров от Гейла, чутко и быстро реагируя на приближение одинокого прохожего. Нет, туда ему точно не надо. Когда на твоих глазах летит в тартарары целый мир, уже как-то не до наслаждений.

«Жизнь после смерти. Криостазис. Новейшая военная разработка. Звони!»

Точно живая голограмма человека в синем и словно бы замороженном скафандре приветливо машет Гейлу рукой, приглашая прийти к очередным «спасителям». Нет. Спасения от нововируса нет и быть не может. Все научные изыскания лучших биогенетиков планеты были вящем тому подтверждением.

Нововирус. У этой заразы было и множество иных имен. Новая чума. Черная смерть. Жнец. Каратель. Гнев Божий. Рок.

Питаемая человеческим страхом фантазия рождала все новые и новые ассоциации. А все новые и новые случаи заражений и массовой гибели или мутации людей лишь подпитывали эту истерию всеобщего страха. Что может сделать мельчайший вирус против возмнившего себя властелином природы человека? Все. Особенно, если для него нет и не может быть противоядия.

Правительственные хроники, доступ к которым Гейл получил после начала работы над проектом «Салвэйшен», хранили в себе множество данных о первично локализованных случаях заражения и сопутствующих им симптомах. Южная Америка. Северная Африка. Юго-Восточная Азия. Первая, вторая, третья волна. Изначально болезнь посчитали новым видом малярии и не придали существенного значения – вплоть до момента стремительного всплеска числа заражений по всей планете. И внезапно понятие «комариного укуса» стало совсем не столь безобидным. Разносчики зараженной крови, за считанные месяцы они превратились в одних из самых опасных хищников на всей планете.

Вместе с прогрессированием и эволюцией вируса менялись и симптомы. Лихорадка, озноб, тошнота и рвота были лишь начальной стадией течения вызываемой вирусом болезни. Затем зараженные стали буквально выкашливать свои внутренности вместе с кровью наружу. Потом пришли нервные параличи и остановка сердца. Затем – генетические мутации. А следом за ними в двери всемогущей науки постучалось человеческое безумие.

Вирус стремительно мутировал – не проходило и нескольких дней без изменения его белково-молекулярной структуры. Все новые и новые случаи вместе с сопутствующими симптомами начали фиксироваться правительствами множества стран каждые несколько дней. Весь цивилизованный мир захлестнула волна паники. Люди перестали выходить из домов на улицы. Начались грабежи, поджоги и уличное мародерство. Подняли свои головы множество новоявленных «сект свидетелей последнего дня», каждая со своим безумным пророком во главе. Стремительно нарастающий коллапс социальных сфер грозил опрокинуть весь мир в пучину хаоса, голода и нищеты.

Правительства множества стран выделили огромные ассигнования в попытках создать спасительную вакцину. Но то, что многим ученым умам казалось таким простым и рутинным поначалу, зависло словно непреодолимое проклятие безумной старухи-смерти над всеми группами ученых-вирусологов. Вакцины не поспевали за мутациями вируса в зараженных клетках. А мутации клеток неизбежно привели к мутации людей. И это было намного страшнее столь привычной людям войны – потому что в пламени этой новой войны за выживание становилось пеплом истории само понятие «человека».

Вакцины не работали. Требовалось найти иной способ спасения, отыскать его любой доступной ценой. Так родился всепланетарный проект «Салвэйшен», объединивший в себе множество лучших ученых всего мира. От них требовалось только одно – во что бы то ни стало отыскать иной путь спасения – даже ценой жизнью тысяч зараженных, ставших новым подопытным материалом в подземных лабораториях, даже ценой жизнью самих ученых. Все для научного фронта, все для победы. И Гейл хотел быть на острие его.

* * *

Флайкар Гейла мчался по обезлюдившим улицам некогда многолюдного мегаполиса то набирая, то уменьшая свою высоту в нарушение всех правил мультиуровневого движения, стремительно, повинаясь командам искусственного интеллекта машины, взмывая над арками и билбордами небоскребов и ныряя в скоростные подземные туннели. Но не было желающих выписывать ему штрафов.

Слова Саймона все еще звучали в его голове. Незараженный! Один на сотни миллионов, каким-то чудом прошедший через этот земной ад и оставшийся невредимым. Солдат без признаков нововирусной мутации, доставленный в научные лаборатории «Салвэйшен».

Чудо? Но наука не верит в чудо, наука верит в эксперимент. И безжалостная логика науки требовала во что бы то ни стало немедленно провести этот эксперимент во имя всеобщего блага. А если потребуются пожертвовать жизнью нового подопытного – сделать это без малейших колебаний и угрызений ненужной совести. Взбудораженный утренним сообщением, пришедшим по аудиовизору, Гейл мчался по улицам опустевшего Чикаго, а губы его беззвучно шептали молитвы одному ему ведомым научным богам.

* * *

– Добрый день, профессор Гэйл. Саймон у себя в лаборатории, ждет вас с раннего утра.

– Спасибо, Миранда. Как раз спешу к нему.

– Похоже, у вас там сегодня намечается что-то действительно интересное, – на ходу подмигнула профессору их юная ассистентка, и через пару секунд скрылась за поворотом стерильно белого коридора подземного лабораторного комплекса.

В массивные стеклянные двери лаборатории Гейл буквально влетел, едва не расшибив себе лоб – слишком уж медленной ему в тот момент показалась вся их морально устаревшая система автоматического открытия на фотоэлементах.

– Где подопытный незараженный? Я хочу обследовать его! – с порога крикнул он.

– Ну и ну, да это же профессор Гейл Ньюмэн собственной персоной! Никак целую пачку таблеток нитро-кофе в себя вылил перед поездкой, чтобы не заснуть за рулем в такую-то рань? – заметив краем глаза влетевшего в лабораторию коллегу, доктор Саймон ухмыльнулся в усы, ловко поправляя свободной рукой сползшие было на нос очки. – А мы вот тут как раз с Мирандой поспорили, успеешь ли ты до восхода солнца к нам добраться, или же тебя мысли о Высшем разуме окончательно усыпят. На мистику к старости лет потянуло? – дружески поиронизировал Саймон, продолжая беззвучно орудовать пальцами на холо-терминале.

– Досье на него есть?

– Из АНБ прислали фрагмент данных сегодня утром. Капрал Джеймс Кэссл, морская пехота. Участвовал в спасении гражданских лиц в Бразилии и Венесуэле после начала пандемических войн. Был тяжело ранен мародерствующими бандами мутировавших зараженных в ходе последней операции. Получил медаль «Пурпурное сердце» за боевые ранения. Был вывезен из зоны операции и госпитализирован в Сиэтл. Вроде бы все.

– А скрининг, как он сумел пройти инфекционный скрининг?!

– После экстрадиции на вертолете из зоны заражения его обследовали в клинике Сиэтла. Там и подтвердили этот факт. Из АНБ передали, что у местных там буквально челюсть отвисла, когда в его клетках нововируса не обнаружили даже в латентном состоянии. Сам понимаешь – по нынешним меркам это что-то сродни чуду.

– Уже успели подтвердить диагноз на нашем оборудовании?

– Еще нет, только общий опрос провели. Его доставили буквально пару часов тому назад.

– Саймон, ты вообще понимаешь, что это, возможно, наш единственный шанс на...

– Все я понимаю, Гейл. Иди давай уже, он сейчас в отсеке «Альфа», – мягко похлопав Гейла по плечу, тихо ответил Саймон. – Код авторизации на сегодня: «Миракл».

* * *

«Дезинфекция отсека завершена. Добро пожаловать, профессор Гейл Ньюмэн».

Голос искусственного интеллекта «Ады» заполнил собой непревзойденно белое пространство отсека. На ходу Гейл вновь проверил защитные функции своего тесса-костюма и удовлетворенно кивнул. По крайней мере, костюм защитит его от потенциальной физической агрессии или проникновения инфекции как минимум в течение получаса, если все-таки где-то наверху ошиблись в вопросе диагноза этого пресловутого капрала.

– У вас нынче принято заковывать гостей в наручники, или это просто мне сегодня так несказанно повезло? – с нажимом в голосе спросил сидящий на кушетке Джеймс, демонстративно потрясая огромными кулаками в крио-наручниках, стоило только Гейлу войти в отсек «Альфа», традиционно служивший в роли камер для предварительных допросов.

Здоровенный. Таким как он в жизни часто бывает все нипочем. Кроме нововируса.

– Это ради вашей и нашей безопасности, капрал Джеймс. Вы для нас – очень особый случай. Но ваши подлинные намерения и возможности нам еще предстоит выяснить.

– Надеюсь, это не займет много времени. Мое военное командование не давало мне приказа уходить в «самоволку» после завершения лечения.

– Здесь вы под нашей ответственностью с разрешения АНБ. Можете мне поверить на слово, вопросов у ваших командиров по случаю вашей временной отлучки не возникнет.

– Вот как? – Джеймс облокотился накачанными руками на стол и с прищуром стал внимательно изучать лицо Гейла, ворочая желваками. – И чем же я обязан такой оказанной мне милости быть приглашенным на вашу вечеринку?

– Вашими боевыми способностями, Джеймс. И вашим потенциальным иммунитетом к нововирусу, – решил не тянуть с раскрытием своих карт Гейл.

– Про иммунитет – это вам бабка-повитуха напела, али пуля в лоб прилетела? – Джеймс горько усмехнулся и отрицательно покачал головой. – Нет у меня никакого иммунитета. Ни у кого из нас нет. Не мы выбираем длину собственной жизни. Только ширину.

– Есть он или нет – нам еще предстоит выяснить. Если диагноз, сделанный вам в Сиэтле, не подтвердится – сможете пойти на все четыре стороны уже на завтрашний день.

– Что ж, отлично! Так и сделаю! – неожиданно резко согласился Джеймс, вперив в Гейла свой мрачный взгляд. – Давайте, не тяните, ваша научная светлость, мне еще от полчищ зараженных простых смертных спасать предстоит!

– Не мы разработали этот вирус, Джеймс, – неожиданно серьезно и назидательно парировал Гейл. – В настоящее время он самопроизвольно ежедневно мутирует под действием непонятных нам природных сил и...

– Да, конечно. Расскажите заживо превращенным в животных о том, к чему привели эксперименты вам подобных на генетическом материале в попытке создания желанных вакцин! Я-то собственными глазами видел, как полчища этих безумных рвали моих бойцов на поле боя!

– Я понимаю вашу боль, капрал, но наш отдел не имеет непосредственного отношения к...

– Заканчивайте уже с вашей ложью, док, или подыщите себе более внимательную аудиторию! Что именно вам от меня нужно – анализы плазмы крови, скрининг коры головного мозга, мазок из пятой точки? Не тяните!

– Нано-молекулярный клеточный скрининг. Реакция клеточных мембран на инъекцию вирусных молекулярных структур.

– Проще говоря, вы хотите повторно заразить меня новым штаммом нововируса и с искренне научным интересом понаблюдать за тем, как долго я буду мучиться в смертельной агонии? Я ничего не упустил из ваших планов, док?!

– Если наши анализы верны, это будет попытка выработки первичного иммунитета к новой форме вируса.

– Разве у меня есть выбор?

– Боюсь, что нет, – развел руками Гейл. – До процесса окончания тестовых процедур вы переданы вышестоящим руководством в наше полное непосредственное распоряжение.

– Скорее уж продан.

– Как вам угодно считать. Если вы готовы, охрана экстрадирует вас в отсек тестирования прямо сейчас.

– Тогда не тяните. Мне еще спасать других несчастных от вас и вам подобных экспериментаторов.

* * *

Гейл не мог поверить собственным глазам. Раз за разом он перепроверял данные молекулярных наноскопов, корректировал сканирующие частоты, даже протирал собственные глаза руками. Но приборы не ввали. Чудо жило и совершенно не собиралось умирать как непутевое человечество.

Вирус мутировал, на ходу перестраивая свои молекулярные структуры, он раз за разом пытался сломить защитный клеточный барьер, преодолеть разделяющие его и клетки мембраны – и раз за разом точно невидимая и непреодолимая стена вставала у него на пути. Эти безуспешные попытки нового созданного самой природой биооружия поработить и превратить в безумного монстра свою очередную жертву продолжались около десятка минут. А потом... потом пришло оно, Чудо.

– Заканчивайте ваши эксперименты. Вы же видите? Я не боюсь! – могучий голос Джеймса залил помещение.

Он изо всех сил дернул внутренние рычаги терра-капсулы, в которую был помещен, силясь освободиться, но даже его сил оказалось недостаточно. И ровно в этот самый миг раз за разом пытавшийся проникнуть в клетку вирус словно взорвался изнутри, стремительно распадаясь на сотни отдельных крохотных молекул. Будто невидимая глазу или приборам волна ударила по нему, сминая, опрокидывая и разбивая в прах. Поверженный микро-Голиаф пал, а вместе с ним упали с носа на лабораторный пол очки изумленного Гейла.

– Вы... что... как...

– Я не боюсь вас! Свободу! – Джеймс изо всех сил замолотил могучими кулаками по терра-капсуле изнутри.

– Успокойтесь... мне надо только... показания... – продолжая что-то быстро шептать себе под нос, стремительно бил по клавишам терминала Гейл. – Причина дезинтеграции вирусных структур... воздействие неуставленного вида энергии... порожденная клеткой волна... не понимаю!

В подлинных научных открытиях всегда есть место для чуда.

– Клеточный митохондриальный синтез неуставленного генезиса... Биполярные внутриклеточные токи... Но откуда?

– Я не боюсь ни ваших вирусов, ни вас, ни всех вам подобных! – от неистового пришедшего изнутри удара на внешней поверхности терра-капсулы образовалась небольшая вмятина.

– Что... что вы сказали? – Гейл в смятении бросил свой взгляд на пытающегося выбраться из капсулы узника. – Но этого ведь не может быть! Если... только... Чувство! Что за чувство вы испытали несколько секунд тому назад?! – Гейл закричал от переполнившего все его существо неистового возбуждения. – Прошу вас, Джеймс, повторите это снова!

– Свобода! Жизнь! – еще одна вмятина на стенке терра-капсулы.

И еще остающиеся в живых вирусы рассыпаются молекулярной трухой. Вечное – к вечному. Прах – ко праху.

Чувство!

Будто новое великое откровение снисходило в тот миг на Гейла, в едином безудержном порыве ломая и опрокидывая все материалистические теории мира, весь бесконечный научный скепсис и неисчислимую человеческую глупость.

Дух превозмогал материю. Чувство побеждало недуг. Бесстрашие стало иммунитетом.

И этому в унисон вторили зашкаливающие от волн новой найденной энергии приборы.

– Вы... можете быть... свободны... – бессильно прошептал Гейл Ньюмэн, открывая блокирующий механизм капсулы. – Мы все теперь свободны...

* * *

В эту великую звездную ночь Гейл вновь летал в своих ставших уже взрослыми снах.

Дух его, единым махом вырвавшийся из-под гнета всех и всяческих материалистических тюрем, парил в этом чудесном сне между кажущимися совершенно реальными планетами, двигаясь точно великий звездолет-первопроходец на неизведанной доселе тяге. Было невыразимо легко и радостно – точно у тебя за спиной вдруг выросли крылья.

А потом невидимая теплая волна подняла его и понесла куда-то в самую высь. Две великие, лучащиеся иномировым светом фигуры, чья любовь к нему превосходила любую человеческую, нежно приняли его в свои огромные теплые руки. Они плавно поднесли его крохотный дух к своим лицам – и в тот растянувшийся на бесконечность миг волна восторга и блаженства вместе со слезами радости поглотила все его естество...

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся...»

12.05.2021

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Инфекция

Это глас обреченных. Воззвание умирающих заживо без права на исцеление. Крик не желавших и не захотевших изменить свое естество до момента Инфекции. До момента заражения вирусом.

Слушайте нас, жители иных миров. Слушайте!

Внимайте отголоскам нашего послания, сохранившегося в еще не уничтоженных сегментах Сети, Нетраннеры. Поднимите головы вверх в направлении солнца, прислушиваясь к крику и плачу умирающих на поверхности, навеки замурованные в катакомбах мегаполисов Изгой. Откройте уши и души свои, мнившие себя вершителями судеб этого мира.

Нет судьбы кроме той, которую мы сами создаем себе. И именно поэтому нам, зараженным, не будет пощады.

Это глас обреченных для выживших. Мы записываем это послание в эфирных слоях для тех, кто будет мудрее нас. Для потомков тех немногих, кому удалось избежать этой новой чумы. Мы оставляем его для достойных.

Время работает против нас. Отныне мы потеряли возможность контролировать свои собственные судьбы, социальный престиж и лишились надежды обрести бессмертие. Когда вирус окончательно преобразит наши тела, возможности поддерживать питающий нас свет окончательно иссякнут, и мы растворимся в бесконечности тьмы, как будто нас никогда и не было.

Имя нам – Легион. Слушайте!

Мы достигли, как нам казалось тогда, вершин технологического могущества. Мы могли уничтожать планеты и искривлять пространства. Мы подчинили себе энергию звезд и научились управлять полями сверхмассы. Звездный флот Легиона развевал в пыль десятки вражеских миров. Наши улучшенные в ходе генной трансформации тела стали практически бессмертными. Мы были на вершине собственного величия – и собственной глупости. От величия до падения нас отделял всего лишь шаг.

Несмотря на все последовавшие с нашей стороны вслед за Инфекцией усилия, мы так и не сумели достоверно установить, откуда появился этот вирус. Почти бессмертные и не знавшие изъянов биологические тела наших представителей начали умирать внезапно – и это произошло не на периферии, где крейсера Легиона уже подавляли остатки вражеского сопротивления, знаменуя окончание Последней Войны, а в самом сердце нашего родного мира.

Чаще всего в первую очередь мгновенно отказывали все три имевшиеся у наших особей сердца, реже – органы дыхания, зрения и слуха. Несмотря на все ранее предпринятые геногениями меры, единовременный отказ всех копий критических для наших тел органов невозможно было пережить, а остановить его мы не можем и по сей день.

Мы умирали мгновенно, словно по команде извне – по команде чего-то бесконечно более могущественного, чем тысячи тысяч подобных нам.

Воплотителем этой команды стал доселе неизвестный нам вирус. Мы смогли идентифицировать его в клетках зараженных в крайне сжатые сроки – но найти лекарство против него всем нам оказалось не под силу. Не было лекарства, способного уничтожить то, что жило на грани между изученной нами материей и чем-то абсолютно потусторонним, словно рожденным из ткани иного мира. Постоянно рекомбинируемая и закрытая структура, в которую невозможно проникнуть, чтобы создать противоядие. Даже лучшие из геногениев оказались бессильны перед лицом этой тотальной угрозы.

С каждым днем мы умирали все яростнее. Пламя вечных костров – наш символический визуальный дар уходившим – ни на минуту не переставало озарять орбиты наших миров. В первых рядах уходящих было множество однажды преступивших наши законы Изгоев, часть из которых была уничтожена Инфекцией еще в моменты вынесения приговоров, а практически все оставшиеся – после их бегства в катакомбы. Следом за Изгоями погибали Привилегированные – представители нашего социума, достигшие наибольшего влияния в нео-религии и межгалактической политике. Затем пришла очередь за Нетраннерами – орденом геногениев и безумцев, пытавшихся окончательно перенести свое сознание в Сеть. Наконец, дело дошло и до нас – самых простых и самых обычных среди волн этого нового безумия.

Удивительным образом некоторым из нас удавалось выжить – вирус не трогал их тела, не проникал в гено-клеточные структуры, не модифицировал биокод. Мы так и не разгадали причины этого чуда. Словно чья-то безжалостная рука и ум в своей неразгаданной нами логике решили все-таки пощадить некоторых из нас, дабы они... Дабы они стали лучше нас, обреченных. Дабы они смогли создать иной мир.

Мы смотрели на них как на Мессий. Подлинно бессмертных в этом адском круговороте распада и тлена. Внезапно возвысившихся в зареве пожаров и океане боли благодаря своим скрытым доселе качествам. И глядя в их исполненные сострадания по отношению к нам, обреченным, глаза, мы поняли – у нашего народа еще есть надежда. И тогда мы пошли за ними, дабы разнести эти горькие и радостные вести по всем уголкам наших умирающих и рождающихся заново миров.

Слушайте нас!

Тело может распасться в прах, но оно – не подлинное наше естество. Жизнь и смерть – звенья одной цепи. Мертвое не ведает смерти. Право на жизнь дается нашей же жизнью. Мы сами выбираем свою судьбу.

Слушайте нас!

09.11.2019

*Жанр: Обращение
Категория: Избранное*

Когда взойдет солнце

Тяжелые-тяжелые веки. Медленно раскрывающиеся глаза. Мутный взгляд. Осунувшееся больное лицо. Лежащий на кровати человек. Приглушенный свет. Занавешенные чем-то темным окна. Заходящее солнце. Колыхающееся перед глазами багровое марево. Тело совсем не чувствуется, в голове какая-то дребедень. Неясный полусвист-полушелест, разлитый по помещению.

Усилие – и он еще чуть-чуть приоткрыл глаза. Склоненное над ним лицо в белом халате, спокойный взгляд. Вот лицо внимательно изучает его, заглядывает в глаза – как будто бы смотрит в душу – и постепенно отходит.

Смотреть больше нет сил... он прикрыл глаза. Теперь остается только слушать... только пытаться понять и вспомнить, осознать себя. Он должен это сделать... Он не помнил даже, почему, собственно, он должен, но помнил лишь одно – должен.

Тихий-тихий разговор совсем-совсем рядом – тот человек в белом халате вел неспешную беседу с кем-то другим. Говорил очень тихо – не хотел, чтобы его слышали.

Он должен услышать, должен! Должен понять, где он и что с ним. Он напрягся изо всех сил, силясь в пролетающих звуках разобрать привычные человеческие слова...

– ...Сделать.

– Но мы не можем этого допустить. Ведь... живой. Он... человек.

– ...Выбор?

– ...Всегда есть!

– У него... симптомы... Виртуальный ски... ис... кий синдром... не жилец... от силы день или два.

– ...Но они есть. Мы не можем... позволить... умереть.

– ...Современные средства... не позволяют... необратимое изменение... клеток... мозга.... Страшное оружие... монстр... альтернативная реальность... физическое воздействие виртуального мира... Электрохимические раздражения... клеток... измененные... мозговые импульсы... психические волны... почти как настоящий... никак!

– Неужели... него... нет надежды?

– Ты... его медицинскую карту.

– ...Привезли вчера. И уже на следующий день... должен умереть?

– ...Так, к сожалению... нет средств.

– Господи! ...умирает... шной... смертью... не можем помочь!

– ...Очень сожалею.

– ...

– Сходи, распорядись... усыпитель... последний... долгий сон... Капсулу жизнеобеспечения... двести лет.

– ...Сделаю.

– ...Иди.

Шум мягко закрываемой автоматикой за вышедшим человеком двери. Тот же самый человек в белом халате вновь подошел к нему.

Плавное склоненная голова, пронзительный взгляд, смущение и боль на лице – боль и надежда. Обращенные к нему слова...

– ...Прости. Вынуждены... сделать... чтобы выжил... должен выжить... нельзя по-другому... пока нельзя. Нельзя... До тех пор, пока человечество не осознает, что творит... пока не откажется... виртуальных заменителей жизни... Гнойный нарыв... теле человечества... должны избавиться сами... сами выбрать жизнь... реальную... живую... жизнь... до тех пор... никакая... самая современная медицина... не станет... Понять... лекарство... в силе духа... сделать... правильный выбор... еще раз прости нас... не можем по-другому... Усыпим... двести лет... Когда взойдет солнце... оживешь... когда... настоящая жизнь... не... жалкие глюки в мозгу... тогда.

Вновь свист и шум. Открытые двери, входящие люди – много-много людей в белых халатах. Жизнь... жизнь... реальная жизнь... он только сейчас начал чувствовать ее вкус... в том состоянии, в каком он был... лишь теперь... перед лицом этого... Головная боль – дикая прорезавшая мозг боль – и мусть перед глазами... Нет! Трясущие его руки... он должен очнуться, он жив! Они это поняли... они выполнят свой долг.

Долгий-долгий сон. Несколько столетий... Он очнется тогда, когда ночь кончится, и взойдет солнце... солнце над человечеством. Может быть, он когда-нибудь и увидит этот мир вновь.

Склоненные лица... скорбь на лице. Подъезжающая механика... И слова... слова, диким ревом морских волн ворвавшиеся в уши – «Встреть это время... будь счастлив... в реальной жизни... Прощай!»

Боль. И забытие...

04.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Когда спадает пелена

Он был президентом страны.

Крупное технологически развитое государство. Военная техника, природные ресурсы – всего было в избытке. Новейшее бактериологическое оружие, державшее в страхе соседей – один раз он даже издал постановление о его «санкционированном» использовании в начавшейся войне с пограничным демократическим «государством».

Демократическим... Глупцы! Жалкие либералишки, благодетели народа! Нет, они еще просто не знали силу абсолютной власти. Тотальная диктатура, полный контроль над словом и даже мыслью каждого жителя твоей страны... пиршество для прихоти! Все научные умы, мобилизованные на разработку еще более устрашающих и грозных видов вооружений... Единоличное принятие всех важнейших решений, воля казнить и миловать... Ежедневные воспеваемые тебе в каждом доме, каждой квартире гимны... – еще бы! – ведь наказание провинившимся – мгновенная и мучительная смерть под концентрированным потоком плазмы.

Недовольных не было... не было недовольных, стремящихся хоть чем-то заявить об этом. Психо-генераторы, разбросанные по границам этой страны, не зря делали свое дело – теперь он волен заставлять людей думать так, как ему было надо и тогда, когда ему это надо. Психические волны полного разнообразия, последнее изобретение психофизики – и человек в твоей полной власти. Вызывай у него хоть бурную радость, хоть истерику, хоть предельную агрессию, после которой, вооруженный новейшими «примочками» военной технологии, человек становился чуть ли не универсальной машиной разрушения...

Он мог делать все. И он наслаждался этим.

Утопил в крови вспыхнувшее в соседнем островном государстве восстание. Оставил безжизненную пустыню на южных окраинах страны, куда посмели вторгнуться орды врага – такая же белесая пустыня осталась и на всей территории агрессора. Грозился скинуть на не желавшего уступить удобные торговые города соседа новейшую разработку психо-нейтронной бомбы, сведя на нет весь интеллектуальный потенциал государства упряма – тот уступил очень быстро, лишь только стал свидетелем демонстрации ее возможностей в малых масштабах...

Ему принадлежало все. Все под ним – он над всем. Он был президентом страны...

* * *

Писк механики. Красные чеканные слова на экране X-дисплея: «Ваш счет пуст. Оплатите работу автомата, пожалуйста».

Черт! Конец...

Медленно отщепляемые от тела сенсоры и датчики, снятый с головы нейроимпульсный шлем. Все, конец игры...

Вертящаяся в голове одинокая мысль: «есть». Так... где тут еда? Он повертел головой в стороны. А, вот же, как раз рядом с терминалом.

Воткнутая в вену игла... Очень скоро питательный раствор всосется и разнесется кровью по организму. Этого должно хватить на несколько дней. Должно... Пронзительный звуковой сигнал... готово. Он вытащил иглу.

Так... он обшарил карманы. Двадцать кредиток... мало... только на шестьдесят-семьдесят часов... Блин, ну ладно.

Вновь одеваемый шлем. Кучи проводов и контактов, прилаживаемые к телу. Жетон, вложенный в жадно захватившую его машину. Удовлетворенный писк механики.

Старт. Виртуальный мир не ждет.

* * *

Освещаемые фонарями улицы города. Вывеска над одним из многих зданий: «Салон виртуальных находок». Сотни терминалов у стен. Сидящие за ними люди.

Очередной терминал... Оплетенный механикой дергающийся человек. Поток слюны, медленно стекающий на пол... Лица не видно – его скрывает небольшой шлем. Писк аппаратуры.

Он был главой крупнейшей мафиозной структуры...

02.06.2003

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Лицензия

Молния прорезала ночной небосвод Мегалополиса, на доли мгновений осветив выскочившего из переулка и устремившегося в сторону «Зоны S» человека. Столь редкое в это время года природное явление, так в полной мере и не обузданное учеными корпораций, оно было одним из немногих, что еще изредка было способно порадовать этого беглеца, несмотря на все свои побочные энергостатические эффекты.

На бегу человек что-то буркнул себе под нос, коснулся свободной рукой своего запястья – и вот очертания его внезапно стали все менее и менее четкими, точно сливаясь с окружающей действительностью, а спустя пятнадцать-двадцать секунд он и вовсе пропал из привычного обывателям Мегалополиса фотонного поля зрения. Словно в ответ на это удивительное исчезновение, очередная молния осветила фрагмент «Зоны D», более известной среди жителей мегагорода как «территория изгоев», прежде чем окончательно раствориться в бескрайней ночной черноте.

Ищейки министерства внутренней безопасности выискивали опознавательные идентификаторы и текущую дислокацию Томаса вот уже несколько дней после столь нашумевшего по всем информационным каналам резонансного убийства главы «Симбионикса» – крупнейшей корпорации Мегалополиса, занимающейся разработками и «улучшением» его генофонда, а точнее будет сказать – множеством принудительно навязанных «Лигой Семи» генных модификаций, призванных сделать подвластных им жителей еще более управляемыми и послушными, равно как и окончательно воплотить столь давнюю лелеемую правителями прошлых столетий мечту о создании супер-солдат.

Антониус Ризарио – почти бессмертный и бессменный лидер «Симбионикса» вот уже на протяжении более двух веков, член наводящей страх на простых обывателей «Лиги Семи» – негласного правительства Мегалополиса, целиком и полностью состоявшего из глав крупнейших мегакорпораций – пал смертью храбрых, предаваясь виртуальным плотским утехам для своего сознания в закрытом сегменте нейросети, пока тело его под надежной охраной восседало на пьедестале в личных покоях собственного небоскреба со множеством прилаженных к нему нейроимплантов. Антониус был известным любителем подобных вечерних «просветлений сознания», а вот Томас... а для Томаса нейросеть давно уже стала его вторым домом.

«Виртулэкс Энтэрпрайз» – разработчик нейроимплантов и по совместительству отец, создатель и бессменный куратор всей нейросети – с радостью выдал бы лицензию в миллионы «кредо» за поиск сетевого профиля все еще не найденного хакера – и это была бы баснословная сумма за ум и сознание изгоя, хвалебная песнь всем изгоям, которых «Симбионикс» до сих пор считал лишь побочным неудачным продуктом первичных экспериментов по созданию тех самых супер-солдат. Одна голова гидры умерла. Вырастут ли новые?

На бегу, все еще укрытый от объективов городских камер слежения и время от времени курсирующих над домами дронов полем пространственного трансформера – «стелсара», вмонтированного в грудь стеллар-костюма, Томас невольно улыбнулся.

«Ваше же оружие губит вас самих, не так ли, о великие и могучие сего мира, возомнившие себя полубогами?»

Каждый из этих семи полубогов, мнящих себя детьми вечности и властителями людских судеб, сам не мог избежать собственных страхов, страстей и слабостей.

«Думаете, это вы выслеживаете и уничтожаете нас словно скот? Это мы идем за вами. И с каждым днем нас становится все больше».

Пространственный трансформер, более известный как «стелсар» – чудо инженерной мысли, небольшой по размерам прибор, способный искривлять малые фрагменты пространства, был его, Томаса, настоящим спасением против ищеек.

Находившаяся в прямом подчинении у «Лиги Семи» служба внутренней безопасности Мегалополиса очень не любила таких вот резонансных убийств сознания жертвы в сети с последующей неизбежной смертью ее физического мозга. А скрыть следы нейропроникновения полностью было физически невозможно даже лучшим из хакеров. По мельчайшим квантовым изменениям, путем сложных расчетов ищейки в конечном итоге вычисляют сетевые координаты его первичного входа в нейросеть и точку отключения, и устанавливают проекцию соответствия между виртуальным и физическим миром.

Так они узнают координаты прошлого убежища Томаса. Но к тому моменту он уже будет в своем новом доме. И тогда прозвучит зов.

* * *

Шаг. Шаг. Прыжок. Еще прыжок. Тяга. Приземление и кувырок.

Миниатюрные реактивные двигатели, вмонтированные в ноги стеллар-костюма, успешно преодолевают пятиметровую стену, отделяющую крохотную по масштабам Мегалополиса «Зону S» от негласной территории изгоев, правительственных территорий «Зоны W» и «Зоны A» – домена мегакорпораций. Вот оно – поле великой битвы прошлого, а ныне же – лишь технологическое кладбище.

Эта территория уже много лет серьезно не охранялась. Победители возвели по ее периметру многометровые стены с минимальным количеством сенсорных датчиков, дабы отвадить мутировавших бродячих животных – побочных продуктов очередной серии экспериментов «Симбионикса» – и бездомных. Видимо, не считали эту территорию способной нанести ущерб их планам. Что ж, напрасно.

Пятьдесят земных лет тому назад это была зона ожесточенных сражений Сопrotивления и корпораций. Тогда, полвека тому назад, дух людей еще был иным. Не сломленным. Не покоренным. Живым. Но теперь это было лишь кладбище техники и памяти.

Томас плохо помнил детали тех лет – в те давние и полузабытые под пропагандой корпораций времена он был еще маленьким подростком. Он смутно помнил, как однажды по информационным каналам визоров раздался зов. Призыв вспомнить себя настоящих – еще не поработанных сладкой ложью корпораций, способных мыслить и ясно помнить цель своего прихода в этот мир людей. Призыв сражаться против всеобщего контроля, массовой слежки и лжи, против навязываемого людям всего мира морального вырождения, ставшего новой нормой. Призыв искать своих отнятых «ради всеобщего блага» корпораций детей и близких. Призыв отказаться от геночипов и лицензий. Призыв сражаться силой оружия, если того требует время.

Тогда, сначала, пятьдесят земных лет тому назад, словно целую вечность в миниатюре – это был первично мирный призыв. Но уже сформированная к этому моменту из глав крупнейших корпораций, опутавших Землю словно паутина, «Лига Семи» мгновенно поняла потенциальный масштаб угрозы этого зова для сохранения своего статус-кво.

«Ада» – сердце нейросети, искусственный интеллект, созданный для ее поддержания и самоконтроля, названный так по имени первого языка программирования, за считанные минуты вычислил сетевые профили и координаты практически всех лидеров Сопротивления и пустил по их следам боевых дронов и роботов-ищеек.

Ракетные дроны и первичные прототипы боевых «мехов» – гигантских роботов, возвышавшихся на высоту нескольких этажей зданий – за несколько дней сломали все самые отчаянные очаги сопротивления на поверхности, загнав лидеров выживших членов Сопротивления в катакомбы под этой самой зоной. Затем были завалены все найденные на поверхности выходы, а поставленные на боевое дежурство роботы патрулировали эту территорию еще около месяца. После этой бойни еще в течение нескольких месяцев люди в черных как ночь тесса-костюмах из министерства внутренней безопасности приходили за выявленными «сочувствующими», дабы сделать их материалом для новых чудовищных экспериментов корпораций. В те дни они пришли и за родителями Томаса.

Это было то, о чем Томас хранил теперь уже ставшие очень смутными воспоминания в своей исконной, природной, а не чипированной как у многих из недавно выращенных людей памяти. Все же остальное он узнавал, рыская в сегментах резервных дублей нейросети, заброшенных и позабытых всеми, кроме нейрохакеров и самых первых из нетраннеров.

«Вы полагаете, что одержали победу раз и навсегда? Что ж, пусть ваша гордыня и высокомерие и дальше закрывают вам взор. Мы рождены для того, чтобы изменить сложенный вами миропорядок».

* * *

Аккуратно передвигаясь между разрушенными останками техники прошлых лет, попутно сканируя дорогу инфовизором, Томас двигался вглубь «Зоны S» в поисках ранее обнаруженного здесь сокровища. Но мысли его блуждали далеко от этих трагических мест.

...Когда-то неисчислимо давно мы еще могли называться людьми. Мы еще умели мыслить. Мы еще были разумны. Кто мы теперь – лишённые семей и выращиваемые в пробирках в недрах биофабрик новые слуги для «великих» этого мира?

...Мы забыли себя. Забыли свое прошлое и потому не способны предчувствовать и создавать будущее. В полустертых архивах нейросети почти не осталось данных о тех временах, когда люди еще были по-настоящему свободными. Когда у них были свои мысли и чувства. Когда их тело и дух полностью принадлежали им. Когда у них были свои страны и семьи. Когда еще не было всепланетного Мегалополиса. Когда они еще не были пищей для корпораций. Когда они были живы.

...Мы сами отдали им себя. А ведь все начиналось так обычно, буднично. Всего лишь умные телефоны, часы и дома, ежедневно отдающие фрагменты информации о нас самих в совершенно чуждые нам руки. Всего лишь воссозданные по этим фрагментам глобальные сетевые профили. Всего лишь практически стопроцентное по точности предсказание поведения отдельных граждан и, в дальнейшем, целых государств. Всего лишь владельцы мегабанков и основанных ими корпораций, щедро платящие виртуальными цифровыми «кредо» за эти массивы знаний о нас самих же. Отдав им себя настоящих, мы стали фальшивыми впоследствии.

...В ходе развития и улучшений «Ады» «умные города» стали слишком умными и слишком зоркими, а «умные дома» чересчур болтливими. Были составлены и проанализированы маршруты движения, привычки, пристрастия, страхи и фобии, болезни, рационы питания, графы социальных взаимоотношений и все прочее, что имело хоть сколько-нибудь отдаленное отношение к пресловутым «персональным данным». Когда исчезает само понятие «личных данных» – не становится и личности... ну, или наоборот. Получив все эти знания о нас самих, корпорации перешли к этапу создания своих новых цифровых рабов.

...Были окончательно поглощены и слиты в единое целое все государства этого мира, и этот день вошел в историю под названием «Унификации». Приведение к единому наименьшему общему знаменателю всех накопленных человечеством знаний и опыта ради их сохранения исключительно в среде новых всепланетных правителей. Корпорации создали новые законы, а входящие в их состав мегабанки поработили большинство людей через процентно-кредитную систему. «Кредо» – новая финансовая единица – стала самой вожаемой пищей для многих. Новый земной Бог, если хотите. Так уж устроен человек: всегда должен быть кто-то выше его, на кого он может положиться в трудную минуту, или же переложить свою собственную ответственность.

...Новые законы внимали духу новой эпохи. Корпорации взяли на себя право на изъятие нужных или неудобных им людей практически из любых семей. Так появился материал для множества экспериментов. Когда нет государств и нет семей – каждый становится сам за себя, а бороться с изгоями-одиночками подчиняющееся «Лиге Семи» министерство внутренней безопасности умело как никто другой.

...Контроль над чужим разумом во имя всеобщего блага – что может быть гуманнее? Но под общественным благом новые властители дум понимали лишь свое собственное. На смену интернету и сетевым профилям пришла нейросеть – виртуальное «я» для каждого. Дивный новый мир в мире куда более страшном, ужасы которого проступали даже под взором «очков новой реальности» и подобных им гаджетов, способных на ходу изменять воспринимаемую человеком картину действительности в соответствии с его желаниями. И чем более страшным становился физический мир, тем более привлекательной для многих казалась нейросеть.

...Нейросетевые путешественники – нетраннеры – стали востребованы и вездесущи. Кто-то выполнял задания корпораций по сбору сведений, кто-то просто изучал открывшиеся ему новые возможности, кто-то выискивал шпионов и хакеров. А кто-то – такие, как Томас – и стал этим хакером. Но отцом и создателем нейросети была «Виртулэкс Энтэрпрайз», и она же – единственным производителем телесных нейрочипов, необходимых для входа в сеть. По крайней мере, вплоть до недавнего времени.

...После подавления восстания сил Сопротивления был создан механизм лицензий. По плану корпораций он должен был предотвратить саму возможность повторения инцидента и окончательно решить вопрос о стоимости человеческой жизни. Лицензии были разноплановые: одни являлись официальным разрешением на ликвидацию негодных корпоративным менеджерам или тесно интегрированному с ним криминалитету людей; другие – «данным свыше» прощением за ряд прошлых преступлений; третьи, самые ценные для большинства – лицензии на жизнь или, иными словами, на право не быть превращенным в боевого раба для «Милитари Интэрнэшнл» или генномутанта руками ученых из «Симбионикса», а то и вовсе «пойти на удобрения» для «Санни Сойлс Агрикалчер». С того момента, как базы данных на каждую личность Мегалополиса оказались в руках корпораций и были адаптированы для своих нужд «Адой», судьба этих пешек большой игры оказалась в руках новых игроков. И для того, чтобы сделать человека святым или преступником, вознести его на вершины корпоративной лестницы или низвергнуть в пучины нищеты и беспомощности, достаточно было изменить всего лишь одну запись нейробазы. ...Интересно, сколько в глазах корпоративных элит будет стоить лицензия на ликвидацию Томаса?

* * *

Все эти мысли неспешно плыли в голове Томаса, пока он, ведомый сигналами своего инфосканера, использовал встроенные возможности стеллар-костюма – то грациозно левитируя, то легко перепрыгивая с места на место, продвигаясь к дислокации своего будущего сокровища.

Работающий на энергии гравитационного поля Земли «стелсар» надежно укрывал его от редких дронов или сканирующих лучей «мониторов» – нацелированных электроникой наземных и орбитальных станций слежения, коими «Милитари Интэрнэшнл» – ведущий разработчик систем вооружения и безопасности – к настоящему моменту застроил практически две третьих территории Мегалополиса.

«Стелсар» был ответом на все виды слежки: при необходимости он мог полностью поглощать, создавая тень, или же полностью пропускать, не выдавая источника, все фотоны или радиоволны заданных диапазонов и длины, а также отправлять в нуль-канал различные типы излучений, фактически делая своего владельца невидимым как для электронных радаров, так и для очень даже вооруженных глаз-камер дронов.

Это был экспериментальный образец, созданный учеными нового Сопrotивления на базе украденной из нейросети разработки «Милитари Интэрнэшнл». И единственной его проблемой и была эта самая экспериментальность. Но без риска его боевого тестирования было не обойтись.

«Ну что же, поиграем в прятки, ребята?»

Датчик инфосканера и геопозиционный модуль стеллар-костюма совместно сообщили о приближении к цели. Визор нейрошлема послушно построил перед глазами Томаса карту маршрута. Вмонтированные в голени и ступни костюма реактивные двигатели тихонько взревели и устремили тело Томаса в указанном на карте направлении.

* * *

Плата и вирус. Или же вирус – это грядущая и закономерная плата?

Этот чип, который Томас сейчас аккуратно вертел в руках так, чтобы инфосканер мог составить и сохранить в своей локальной памяти полную гелограмму его структуры, был, возможно, вершиной инженерной и научной мысли ученых погибшего полвека тому назад Сопrotивления. На сколько же десятилетий они опередили свое время, как далеко ушли еще тогда от выхолощенных ученых безумных корпораций?

Чип определенно был частью какого-то сверхпроекта, связанного со способами преодоления первичных файрволов тогда еще только зарождавшейся и осознающей себя нейросети. Небольшой подземный комплекс, найденный Томасом в этом секторе «Зоны S» совсем недавно, определенно имел отношение к уничтоженной базе повстанцев, каким-то чудом частично сохранившейся здесь, на глубине нескольких десятков метров. Несмотря на все технологии спутникового и наземного наблюдения, которые корпорации получили в свое распоряжение за последние десятки лет, проникать своим всевидящим оком на эту глубину они еще не умели.

Томас обнаружил вход в эти развалины комплекса повстанцев почти что случайно. Кто же мог знать, что эти каменные нагромождения, закрывавшие спуск в ведущий в эти катакомбы тоннель, по факту – всего лишь очень качественно исполненная голограмма на автономной солнечной батарее? Каким чудом эта батарея продержалась почти что пятьдесят с небольшим лет – один Бог инженеров прошлого ведает.

Чип этот покоился в энергокристалле неокризолита, плавно левитируя над поверхностью рядом с грудой полуразрушенных терминалов и давно уже отключенных без резервных источников энергии капсул криобиогенетики.

И самым ценным для Томаса в этой невзрачной на виде кристаллической структуре был записанный на нее код.

Первичный и очень поверхностный анализ, проведенный дебаг-модулем инфосканера еще во время первичного визита сюда, продемонстрировал его исходное предназначение – взлом файрволлов нейросети для проникновения в ее защищенные сегменты. Такие, например, как персональные виртуальные пространства членов «Лиги Семи».

Хитроумная комбинация программных лазеек и методов, позволяющая использовать изначально заложенные в код «Ады» возможности самоанализа для самораскрытия. И как показала совсем недавняя история печальной кончины Антониуса Ризарио – этот так и остававшийся до недавнего момента экспериментальным код инженеров и программистов разгромленного Сопротивления – или же вирус, если хотите – был самым что ни на есть рабочим и действующим вариантом. Залогом спасения человеческой расы. Началом конца и нового начала. Машинный вирус в ответ на человеческий. Какая ирония.

Новое Сопротивление родилось не сразу. После бесследной гибели родителей Томаса как «сочувствующих» в лапах корпораций долгие годы он жил скитальцем. Работал разносчиком инфобюллетеней в нейросети, нейроаналитиком, продавцом нейроимплантов, сетевым следопытом для ревнивых мужей, даже вышибалой в виртсекс клубе. Но по призванию и судьбе своей он был и оставался нейрохакером. И поиск выживших членов Сопротивления и их потомков он начал когда-то именно с сети.

Это было порядка пяти лет тому назад. А теперь, когда выжившие потомки лидеров Сопротивления уже воссоздали в катакомбах «Зоны D» свою базу, а масштаб их деятельности захватил топ-менеджмент корпораций, Томас наконец-то понял свое финальное предназначение.

* * *

Томас не считал, сколько прошло времени. Запасов сжиженного кислорода и еды ему должно было хватить еще как минимум на пару десятков часов. А дальше – дело навыка, судьбы и хоть чуточки везения.

Во что бы то ни стало ему требовалось доработать программный код нейровируса, найденный на этом чипе, так, чтобы взлом приватных сегментов нейросети уцелевших членов «Лиги Семи» уже не мог не состояться. Слабости и пристрастия каждого из них он выучил наизусть уже давно.

Секунда. Минута. Час. Искусственный интеллект дебаг-модуля инфосканера разбирает и по кусочкам воссоединяет вновь биты и байты кода, анализирует алгоритмы и высвечивает на нейрошлеме стеллар-костюма рекомендации.

Искусственный интеллект давно уже превзошел естественный. Или, быть может, люди так и не сумели раскрыть свой врожденный природный потенциал, слишком уж уповая на код и машины? Код вируса против кода «адовой» нейросети. Таран против стен. Свобода против рабства. И – хотя бы самую малую толику везения.

На завершающих стадиях изменения кода Томаса отвлек все нарастающий звуковой гул. Лишь бы только роботы-ищейки не отыскали его здесь. Скопировав измененный код в модуль памяти стеллар-костюма, Томас переключил инфосканер в режим боевого слежения и стал выбираться на поверхность.

* * *

На поверхности его как будто бы ждали. Или, быть может, просто решили временно усилить свои патрули?

Десятки ракетных дронов прорезали пространство, сканируя близлежащую к Томасу поверхность световыми лучами и радиоволнами. Где-то вдалеке их шуму вторил гул «мониторов». Томаса, закрытого щитом «стелсара», они, судя по всему, еще не обнаружили. Что же их встревожило, откуда взялся этот патруль?

Не мешкая, Томас ринулся в направлении своего убежища в «Зоне D». Именно там он должен будет выйти на связь с лидерами нового Сопrotивления и именно там, в его подземной нейролаборатории, в сеть будет выпущен способный преодолевать защиты искусственного интеллекта вирус.

* * *

Прыжок. Кувырок. Лазерный луч дрона плавит камень и пластик, где только что стоял Томас, превращая их в кипящую и булькающую пузырями жижу. Снова прыжок. Активация модуля радиочастотных помех. Предупреждающий писк о наведенной и приближающейся ракете от модуля обнаружения и захвата целей.

Повинуясь мозговым импульсам Томаса, нейроинтерфейс стеллар-костюма делал практически все возможное для того, чтобы суметь уйти от погони, время от времени метая на реактивной тяге его тело то право, то влево, а то и вовсе бросая в пике.

Пространственный трансформер – «стелсар» – подвел его в самый неподходящий момент тогда, когда после выхода на поверхность Томас попытался активировать реактивные ускорители. Экспериментальный образец, мать его! Конвертер гравитационной энергии в нем вышел из строя и переключился на резервный источник питания напрямую от ядра стеллар-костюма, так что теперь Томаса время от времени можно было обнаружить либо по визуальным следам реактивных двигателей, либо самым примитивным радиочастотным сканированием. Мать его!

Очередной лазерный луч превратил в желатиноподобную слизь остов подбитого полвека тому назад повстанцами прототипа современных боевых роботов-«мехов» в нескольких метрах впереди Томаса. Уф!

Только бы добежать, долететь, допрыгать, в конце концов! Добраться до своего убежища и успеть выпустить вирус в нейросеть. Роботам-ищейкам понадобится как минимум несколько десятков минут для того, чтобы суметь пробиться в его нейролабораторию под землю.

Очередной прыжок. Ускорение свободного взлета. Уклонение от десятка «умных» самонаводящихся по системе «свой-чужой» пуль, прострочивших рядом. Активация постоянного поля электромагнитных импульсов для сжигания электронной начинки этих возвращающихся назад мелочных сук. Бессильным крошечным пули падают в паре метров от него словно в каком-то фантастическом фильме забытого всеми прошлого.

Снова прожигающий ночную тьму лазерный луч. Попытка уклонения. Фрагмент луча проходит по левой руке Томаса, мгновенно превращая два пальца в почерневший остов. Нейростимуляторы и обезболивающие, впрыснутые в кровь системой искусственного интеллекта его костюма. Мозг прорезает вспышка боли и рот Томаса заходится в немом крике. Только бы не потерять сознание от первичного болевого шока!

Снова прыжок. Рев реактивной тяги за спиной. Непрекращающиеся попытки активации конвертера гравитационной энергии. Показатели заряда ядра стеллар-костюма на двадцати трех процентах. Должно хватить.

И вновь лазерный луч рассекает тьму подобно молнии, сошедшей с небес, но уже по сугубо машинно-человеческой воле. А может быть, и сугубо машинной.

Отклик конвертера гравитационной энергии. Есть! Давай, не подведи меня вновь!

Знакомый спиралевидный вихрь энергии, окруживший тело Томаса. Мерцающие словно в северном сиянии краски видимого визуального спектра. Пространственный трансформер снова в деле! Теперь ему удастся оторваться от преследователей и выиграть несколько дополнительных десятков минут.

Включив режим максимального ускорения реактивной тяги и уже более не обращая внимания на стремительно уменьшающийся индикатор заряда внутренней батареи стеллар-костюма, Томас мчался к месту грядущего зова.

* * *

Вмонтированные в стены этого убежища и соединенные толстыми энергокабелями, идущими глубоко из-под земли от старого ядерного реактора, новостные визоры наперебой вещали об обнаружении и грядущей ликвидации убийцы одного из членов «Лиги Семи».

«Благодаря предпринятым мерам обеспечения безопасности к настоящему моменту силами корпоративных нетраннеров совместно с топ-менеджментом корпорации и службой внутренней безопасности Мегалополиса был обнаружен Томас Робинсон – главный подозреваемый в деле убийства горячо любимого нами главы «Симбионикса», нейрохакер и потомок сочувствующих силам уничтоженного полвека тому назад повстанческого движения.

Временно исполняющим обязанности главы корпорации «Симбионикс» была выдана лицензия для всех заинтересованных сторон на ликвидацию Томаса Робинсона в размере пятидесяти миллионов «кредо». В настоящий момент силами внутренней безопасности проводится уточнение точных координат дислокации подозреваемого...»

Томас выключил модуль шифрующего квантового передатчика, глубоко вздохнул, вбирая в свои легкие спертый воздух своей нейроработы и забавы ради слегка покачался в самодельном обветшалом кресле перед терминалом.

Все было так, как и должно было быть. По-другому было нельзя. Сеанс связи в обход нейросети с лидерами нового Сопротивления завершен, код вируса и информация об уязвимых точках входа в личные сегменты остающихся шести лидеров корпораций переданы. Предзаписанные видео и тексты обращения к гражданам Мегалополиса вместе с его прощальным словом загружены в зашифрованный фрагмент нейросети и спустя пару десятков минут будут ретранслированы на визоры миллионов жителей Мегалополиса одновременно с началом работы кода вируса.

Гидра нового цифрового мира падет – и дай-то любой слышащий нас Бог, чтобы она не воскресла вновь. Но это будет уже не его, Томаса, выбор. Свой выбор он уже сделал.

Краем глаза, все еще продолжая скользить по новостным лентам визоров, Томас взглянул на данные внутренних камер в спусковых туннелях его убежища, когда-то давно построенного над подземной атомной электростанцией. На камерах, замутненных от начавшего разливаться по туннелям газа, отчетливо проступали мелькающие тут и там силуэты роботов-ищек и солдат службы внутренней безопасности в черных как ночь тесса-костюмах.

«Нет, ребята, сегодня все-таки не ваш день. А завтра – тем более».

Вот один из солдат что-то кричит остальным, указывая пальцем вниз. Выстрел лазерной винтовки – и изображение на одной из установленных Томасом камер слежения гаснет.

«Томас Робинсон! Вы обвиняетесь в убийстве главы «Симбионикса» и будете ликвидированы на месте без вторичных предупреждений во имя спокойствия и всеобщего блага Мегалополиса!»

Усиленный аудиотрансляторами голос заливает подземную рубку Томаса.

«Ну же, твари, вперед! Покажите мне, на что вы способны. А потом покажу я».

Взрыв заложенной наверху взрывчатки. Со стен рубки осыпается пыль.

«Вы станете такой же пылью, понимаете? Вы стали ей давным-давно, когда присягнули вашим мертвым корпоративным богам».

Лязг челюстей роботов-ищек, прогрызающих своими зубами бетон.

«Псы мертвого режима. Сможете ли вы когда-нибудь снова стать людьми?»

Звуки брани за последней отделяющей два совершенно разных мира массивной титаново-керамической дверью. Вмятины и сыплющиеся из нее искры.

«Томас Робинсон, у вас нет шансов на спасение!»

«Это вы обрекли себя давным-давно».

В последний раз развернувшись в кресле, с горькой усмешкой на лице Томас взял в руки небольшой куб припасенного нейтринного детонатора. Пальцы его на мгновение замерли в нерешительности, а потом сжались и легли на кнопку взрывателя. Он гордо поднял голову на рушащуюся дверь, силясь запечатлеть в своей душе эти финальные аккорды.

«Войдите!» – громогласно провозгласил он.

01.12.2019

Жанр: Рассказ

Категория: Лучшее

Маг Наг

Сегодня я проснулся как всегда поздно. Мой чистый и блаженный Астрал никак не хотел отпускать меня в этот бранный, грязный и грешный мир. Но – пришлось. Пришлось вновь вернуться, дабы помогать обездоленным, наставлять на путь истинный отчаявшихся и всяческими иными способами спасать и защищать целый сонм местных заблудших душ. Да, проснулся я поздно – но ведь, в конце концов, может безусловно добропорядочный и могущественный маг позволить себе немного больше, чем позволено другим? Ну, разумеется, может!

Сегодня мне предстоял достаточно ответственный день – новый крупный клиент и, если повезет, вся честная братия его знакомых. От предвкушения выгодной сделки магическое тепло разлилось по всему моему тонкому телу, так что я вновь выпал из этой грязной реальности еще порядка минут на двадцать. Вернувшись, я подскочил точно ошпаренный, так как вспомнил, что еще так и не успел провести сегодня утренний ритуал очищения – и потому тут же принялся за дело.

Под очищением я, разумеется, понимаю ритуал обрубания так называемых энергетических хвостов – вещь, известная любому даже мало-мальски знающему магу. Ладно, поясню, дабы вам было понятнее: я собирался вновь почистить свою карму. Надобно сказать, что сей процесс всегда доставлял мне изрядное удовольствие, а в особенности же осознание того, что требуется потратить всего каких-то десятков минут в день – и вся твоя карма за предыдущий день становится очищена, ты вновь становишься невинным аки агнец божий, и твои шансы попасть в Рай остаются по-прежнему близки к магическому числу «сто». Я, конечно, имею в виду временную карму, а не личностную, но это так... легкое уточнение. Да и чистка личностной кармы не составляет никакого труда – процесс занимает порядка пятнадцати минут (а в последнее время благодаря усиленным тренировкам я почти довел его до четырнадцати минут тридцати секунд), да и проводить его требуется существенно реже – одного раза в месяц хватает с лишком. Ну разве это не здорово, разве не вдохновляюще? Воистину, великие пути открыты нам, магам.

Закончив с чисткой, я вновь нырнул в Астрал, дабы проверить состояние своей духовной брони. Состояние, надобно сказать, было неважным – точат, точат на их же благодетелей зубки злобные и желчные люди, продолжают и продолжают без конца и края наносить энергетические удары. Впрочем, что с них возьмешь? Как тварями наземными родились, так и помрут. Да и хрен с ними!

Я влил часть своих утренних сил в укрепление своей защиты, особенно же позаботившись об областях чакр и солнечного змия (для непосвященных поясню, что это самые главные энергетические центры тонкого тела мага). Ко всему прочему, на этот раз я влил воистину запредельную (по окончанию процедуры у меня еще минут десять кружилась голова и тряслись руки) мощь в разработанный мной вариант «Щита гнева».

Опять же поясню, что так называется особый вид энергетической защиты, которая не только позволяет поглощать легкие и средние по силе энергетические удары, передавая часть содержащейся в них энергии ее создателю (термин, называемый в магии адсорбцией), но и отражать часть негативной энергии атакующему. Теперь я не только смогу забрать часть их же собственной силы, но и ответить обратным ударом этим злобным, сосущим мои силы тварям! На мгновение я представил себе выражение лица того, кто посмеет первым нанести по мне новый удар, и моя духовная сущность зашлась в радости.

Из этого блаженного состояния меня вывел так некстати раздавшийся звонок. Пришли, пришли мои новые дорогие гости, стремящиеся излечиться от болячек своих скверных, насланных несправедливо. Ну что же, эта работа как нельзя кстати подходит для такого могущественного мага, как я.

Я уже было открыл дверь, предвкушая, как сейчас поприветствую моих знатных гостей – но вместо них на пороге я увидел какое-то странное существо, отдаленно напоминающее тех, что зовутся Гончими и обитают в нижних слоях Тонкого мира.

– Это не вы собаку потеряли? – спросила хозяйка этого существа.

Признаться, тут я разгневался не на шутку. Какая, к черту, собака?! Какая, к черту, потеря?! Никогда я ничего не терял, в особенности всяких собак!

– Ничего я не терял – и, вообще, пойдите прочь! – рявкнул я и с силой захлопнул дверь.

Разгневанный, я уже было вернулся к своим повседневным заботам (меня всегда особенно забавляло наблюдать, насколько же глупо и беспомощно ведут себя большинство этих земных в тонких слоях, когда после смерти их духовные тела покидают бесполезные уже оболочки), как вновь раздался очередной звонок. Признаться, я уже не мог сдержаться – с силой распахнул дверь, уже готовый обругать эту хозяйку своей глупой собаки всеми известными мне едкими выражениями (и, возможно, для порядка припугнув еще и возможностью наведения на нее порчи) – однако на этот раз никакой собаки уже не было.

– Это вы чародей Наг Нагиевич? – услышал я.

– М-м-м... да, – еще не в силах прийти в себя после столь быстрой смены диспозиции, промямлил я.

– Меня зовут... Впрочем, это неважно. Я к вам на личный прием по рекомендации, – и человек улыбнулся.

Вот уж чего я действительно не ожидал, так это вот такого вот ответа. Не так, совсем не так описывали мне этого моего будущего клиента, не таким я представлял его себе. Ну да, впрочем, неважно. Мало ли каких глупостей натворит тот, кого эти глупые называют Богом. Свой шанс упускать было нельзя.

– Проходите, присаживайтесь, – начал я любезничать (действенный, кстати, прием, полезный). С чем пожаловали? Кого наказать, привязать, растерзать? Вам надо лишь слово сказать! – и я медоточиво улыбнулся, произнеся в очередной раз свою любимую шутку.

– Да нет, терзать никого не надо, – ответил клиент. – У меня проблема гораздо более высоких порядков, и здесь требуется настоящий мастер своего дела – например, такой, каким мне описали вас, – и мой клиент расплылся в улыбке.

Сердце мое подскочило. Что-то серьезное? Что-то более сложное? Вот это другой разговор, вот это дело. А то надоело уже заниматься всякими мелочами и пакостями вроде тех же самых пресловутых слезов и порч.

– Чем же я могу быть полезен вам, мой любезный друг? Все мои силы и знания будут в вашем распоряжении, как только вы изволите изъявить об этом, – и я вернул ему улыбку. Впрочем, нет, я улыбнулся гораздо более привлекательно.

– У меня такая проблема, – и человек внезапно перешел на шепот, – мне нужно воскресить одного человека. Понимаете?

Признаться, я немного опешил. Никогда еще мне не приходилось заниматься магией такого высокого порядка, по слухам доступной только избранныкам божьим да их прихвостням. Но, впрочем, чем черт не шутит? Авось получится, и дело выгорит? Вот уж тогда заживем!

– Простите, воскресить? А не позволите ли вы мне поинтересоваться, кто этот самый так безвременно усопший человек? Ваша мать, отец? Ваш дальний родственник?

– Нет, – ответил человек, – не они.

И, вновь перейдя на шепот, он добавил: «Это я сам».

– Э-т-т-т-о-о... как? – опешил я.

– Ну, знаете... теория реинкарнации... перевоплощения... тысяча и одна жизнь... Я бы хотел ее проверить. Скажем... – и этот клиент практически полностью приблизился ко мне, прошептав еще тише, – вы можете воскресить меня в моем предпоследнем воплощении?

– А-а-а... э-э-т-о-о... возможно? – опешил я.

– Ну. Я полагаю, вам это лучше знать.

Я заколебался. То, что хотел от меня этот странный человек в этот не менее непонятный день (вот уж воистину – велика сила периода астральной противофазы!) было нелепо и удивительно – я никогда раньше не слышал о воскрешении самого себя. Но если разнообразнейшие теории реинкарнации, разрабатываемые другими магами, верны, и у меня хватит сил повторить подвиг Спасителя... то, черт возьми, о большем доходе и славе нельзя было бы и мечтать!

– Хорошо, – сказал я уже гораздо спокойнее (очень полезный прием – говорить тихо и размеренно). Я думаю, наших с вами совмещенных сил хватит для того, чтобы совершить этот акт... ре-реинкарнации. Однако я не могу дать вам никакой гарантии – и, в любом случае, вам придется заплатить вперед.

– Ну, разумеется, – и человек вновь расплылся в улыбке. – За все в этом мире надо платить, ведь так? Полагаю, пластик подойдет? Перевод на сумму... м-м-м... один миллион кредогратов?

Скажу честно, у меня в тот момент отнялся язык и вновь в который уже раз закружилась голова и затряслись руки. Один миллион кредогратов! Это... это больше самой внушительной суммы, которую я планировал забрать с этого человека в десять – нет, в сто раз! Вот уж воистину, неисповедима сила периода астральной противофазы!

– Р-р-р... разумеется. Это п... покроет все возможные р... расходы, – пробормотал я.

– Ну, вот и славно. Перевод будет осуществлен сегодня ровно в шестнадцать часов шестнадцать минут по этому времени, чему мы с вами будем свидетелями. Ну, а теперь – и лицо этого человека внезапно приобрело какие-то серьезные – я бы даже сказал, мрачные – оттенки, – к делу.

Порядка получаса заняли приготовления. Колбы, ткани, зажженные дымовые курительницы, кристаллы, пассы, взмахи руками, слова древних языков... и прочая, и прочая. Одним словом, надо было создать у клиента самое стойкое впечатление, что сейчас действительно что-то будет происходить. А дальше – дело техники.

Если этот человек действительно так богат, если... впрочем, о том, что можно будет сделать с его деньгами, которые все (а не только этот жалкий миллион) внезапно в какое-то мгновение перестанут быть его собственностью, сейчас лучше не думать. Кто знает – вдруг он может читать мысли? Сейчас главное – отвлечь его внимание, а потом...

Наконец, все было готово. Ну, или почти все.

– Присаживайтесь, вот сюда. Да, да, между этими сходящимися световыми лучами. А вот эту чашу мы поставим сюда, в центр. Да, и обязательно... когда я начну ритуал – ни в коем случае не двигайтесь с места. Вам лучше совсем будет закрыть глаза. Энергетические потоки станут очень интенсивными, они могут сбить аурический сегмент, если вы вдруг пошевелитесь. Хорошо? Ну и отлично. Итак, поехали!

Я встал рядом и начал читать вынесенные из какого-то древнего учения фразы. Их смысл затерялся в глубине веков давным-давно, однако вот звучали они весьма неплохо – я бы даже сказал, вполне магически звучали. Через несколько минут я резко вздернул головой и закатил глаза, воздев вверх руки. Продолжая свои пассы и утробные выкрикивания, я начал обходить моего клиента по кругу. Сейчас, сейчас, еще несколько минут... Усыпить бдительность, заставить забыть... Тайком взятый нож я надежно припрятал в боковом кармане.

Внезапно, не открывая глаз, человек произнес: «Ну, и что же ничего не происходит? Никакой иллюминации, такого феерического фейерверка – всего лишь какие-то глупые мантры из забытой всеми Бхагават-Гиты... Признаться, я уже начинаю разочаровываться в вас, господин... маг».

Последнее слово он произнес так откровенно глумливо, что я чуть было не сбился со своего мантрорекания.

– Тише! Вы нарушите ритуал! – почти крикнул я.

– А мне кажется, что это вы нарушили его, господин... маг. Нарушили очень и очень давно... Вы и все ваши отпрыски.

Что-то недоброе, что-то страшное прорезалось в голосе этого человека, и внезапно я с ужасом обнаружил, как на лице его медленно и непоколебимо начинает расплываться та самая злополучная улыбка...

Сейчас, сейчас или никогда, пока еще есть шанс! Я выхватил нож и уже было прыгнул на этого таинственного незнакомца (уже явно понявшего всю фальшь моей игры), но...

– Глупец! Жалкий глупец! Да неужели ты все еще не понял, кто стоит перед тобой?!

Внезапно очертания фигуры незнакомца стали меняться, она стала расти, расти... и в этот момент что-то с невероятной силой ударило мне в бок и отшвырнуло прочь, лишая надежды и спасения. Уже теряя сознание, я успел увидеть моего преображенного незнакомца – и ужас, дикий, неисповедимый, вечный, нескончаемый ужас осознания погасил последние его крохи...

* * *

Я жив или мертв? Реинкарнирован и деструктурирован? Я не знаю...

Все, что я помнил – это липкие, тягучие, ставшие бесконечными мгновения ужаса, страха и боли. Все, что я не могу забыть – это слова... слова, громовыми раскатами и черствым пеплом ударявшие мне в лицо и уши...

«Вы помешали мне, жалкие глупцы! Они, эти твари, именующие себя разумными людьми... вы должны были сделать их беспомощными перед моими Пророками, вы должны были ослабить их разум, их ощущение действительности, вы должны были увести их в иной вымышленный мною мир... Вы не сделали этого! Вместо этого вы стали городскими шутами, так что даже самые малые эти твари постепенно начали смеяться и потешаться над вами! Неужели ты был настолько слеп, что уже не видел этого, погрязнув в своей жажде богатства? Неужели вы все, мои призванные, стали настолько слепы?!

И теперь... теперь! – казалось, мое сознание не выдержит гнева, влитого в эти слова и теперь уже навсегда покинет ставшее бесполезным тело, – мои пророки не могут войти к ним! Они не могут смутить их умы, они не могут исказить Его слова! Эти твари просто потешаются над ними!

Г-л-у-у-п-п-п-е-е-е-ц-ц-ц! Но теперь вы уже мои, навечно мои... до тех пор, пока Его воины не вторгнутся в мое царство и не будут уничтожены! Вы все навечно мои! М-м-м-м-о-и-и-и-и-и-и-и!»

Боль, нескончаемый, неостановимый поток боли рухнул на меня каменной громадой, убивая последние крохи надежды на спасение и отнимая жизнь. Последнее, что я помню, прежде чем остатки моего сознания были выжжены этим огнем мучений, было долгое, страшное, практически нескончаемое падение в самые нижайшие слои этого самого... Астрального мира.

05.09.2006

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Мертвый город

Он есть – и, вместе с тем, его не существует.

Он всегда был – но раньше о нем предпочитали молчать.

Он манит тебя как нечто сладостно-запретное – и, вместе с тем, его подлинную горечь успевают ощутить немногие.

Он подобен строящейся Вавилонской башне, но все больше людей желает забраться на его вершину.

Он растет вовне и внутри незаметно, оплетая своей паутиной все уголки твоей души. Именно поэтому многие считают его несуществующим.

Издавлек его смрад кажется благоуханием, а огни пожара – милой иллюминацией.

Из него практически никто не возвращался. А немногие вернувшиеся уже не были людьми.

О нем сказано так много, но все это не уменьшает число паломников в него.

Он никогда не жил – именно поэтому он не ведает, что такое смерть.

Он был рожден вместе с человеком. Исчезнет ли он раньше него?

Да, он выглядит как целый город. Но это – Мертвый Город.

Это город почившей любви. Кладбище.

Могилы, могилы, могилы...

Каждая из них уникальна в своем роде. Но нужна ли уникальность мертвецам?

Надгробные камни – и надписи, надписи, надписи...

«Начни себя ты ублажать – и тряпки хватит уж стирать!» – как будто визжит первый.

«Козлом он был – козлом он и остался! Он со свекровью лучше б жить остался!» – грозит что есть силы второй.

«Ну сколько можно, в самом деле, меня иметь уже в постели?!» – надывается в своем беззвучном возгласе непонятно к кому третий.

«Меня тоска по мужу гложет... боюсь, любовник не поможет», – неуверенно-робко грустит четвертый.

«И без семьи есть в жизни много дел... пусть сдохнут все, кто нас не захотел!» – как будто приказывает прочим мертвым пятый.

«Я не люблю тебя, вот так! Я лучше сдохну! Сам дурак!» – заходится в истерике шестой.

«Все бабы как дуры, а я – королева! Мне можно направо, мне можно налево!» – безапелляционно уверяет других мертвецов седьмой.

«Чем меньше женщину любить, тем легче нам ее избить!» – делится мертвецкой мудростью восьмой.

«Я знаю точно, мне ты изменил! А ну молчать, ты сердце мне разбил!» – тараторит свое заунывное девятый.

«Не верь, не бойся, не проси, свои обиды жизнь неси», – призывает к смирению десятый.

«Любовь что сон – а сны умрут. Лишь деньги счастье нам дадут», – кичится своей стоимостью одиннадцатый.

«Люблю себя. А вот других – простите, братцы, я не псих!» – тайно признается двенадцатый.

«Любви нам дали боги рай... хорош лежать, давай вставай!» – откровенно бредит тринадцатый.

Могилы, могилы, могилы...

Это вечное кладбище.

Практически каждый приходит сюда до того, как прийти на свое подлинное место.

Он молча разрывает собственными руками холодную мертвую землю и так же беззвучно закапывает себя сам.

Пришедшие сюда – умершие добровольно. А восставшие из мертвых уже так мало похожи на людей.

Они не знают, есть ли воскрешенные. Но восставшие из мертвых часто бродят по улицам еще живых городов. И невозможно выразить мучающую их боль словами.

Существует легенда, что восставших из мертвых может исцелить только создавший их. Но немногие воскрешенные знают иную правду.

Они знают правду о Живом Городе.

Он есть – и, вместе с тем, его не существует.

Он всегда был – но раньше о нем предпочитали молчать.

Поначалу он отвращает тебя как нечто невыносимо горькое – и, вместе с тем, его подлинную сладость успевают ощутить немногие.

Он подобен возвышающейся среди низин древней горе, но все меньше путников желает забраться на его вершину.

Он растет вовне и внутри незаметно, освещая своим сиянием все уголки твоей души. Именно поэтому многие считают его несуществующим.

Издалека его благоухание кажется смрадом, а огни иллюминаций – огнем пожаров.

Из него практически никто не возвращался. А немногие вернувшиеся уже не были людьми.

О нем сказано так много, но все это не увеличивает число паломников в него.

Он никогда не умирал – именно поэтому он не ведает, что такое смерть.

Он был рожден задолго до человека.

Вспомнит ли тот о нем?

23.12.2009

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Мир за горизонтом

Это было отвратительно. Нет, это было ужасно. Прошло всего лишь четыре часа после «официально законодательно установленных сроков наступления времени покоя», а все магазины были закрыты. Ни один из тех, что были ему сейчас так нужны, не работал в столь ранний или поздний – кому как лучше – час...

Черт!

А ведь нужен один, всего лишь один, торговавший потребными препаратами. Все двадцать известных ему, которые он облетел на флайкаре, были «закрыты в связи с наступающим профессиональным праздником сексуальных меньшинств в соответствии с официальным указом мэра столицы». Все!

Черт!

Такие законопослушные граждане... такие ангелы. Волки в овечьих шкурах. Три из двадцати этих давнтавн-магазинов торговали дримкэтчером, девятнадцать из двадцати приторговывали кайфэном, десять из двадцати – лисбенном. Это, разумеется, неофициальная статистика – по официальным сводкам, содержащимся в центральной базе госдепартамента, все было чисто. Кристально чисто. Слишком уж чисто, чтобы быть правдой. И это те, кто должен был бы всячески «помогать и всенепременно способствовать» сохранению здоровья граждан... Волки в овечьих шкурах.

А ведь тот же дримкэтчер был запрещен к применению, изготовлению или любому использованию в побочных целях на всей территории государства. Самый сильный наркотик, изготовленный еще около пяти лет назад как побочный продукт какой-то сверхсекретной разработки научных лабораторий «Объединенная Фармацевтика Инкорпорэйтед», он был способен полностью преобразовать человеческий мозг. Ни какой-то там слабый галлюциноген, этот наркотик полностью менял представление человека об окружающей действительности после ввода уже одного миллиграмма вещества в кровь. Его, собственно, потому так и прозвали, «уловитель мечты» – все глубинные слои подсознания человека оживали, оживала память десяти, двадцати, тридцатилетней давности, все в одно мгновение, все бурлящим потоком... Это было даже лучше, чем VR, потому что больше не надо было никакой аппаратуры, никаких электродов... Мозг человека мог все – стоило лишь немного помочь ему.

Кто из нас не мечтал? А мечты скольких из людей воплотились в жизнь? Этот чертов наркотик делал эту вероятность тотальной – ты заново проживал все свои двадцать, тридцать или сорок лет за эти несколько дней – в мире своих иллюзий, правда, но то было уже не важно. Все твои мечты сбывались – все те, что давала глубинная память. А примерно спустя месяц человек умирал – мозг просто «сгорал», мозг не выдерживал.

Право же, это была очень чудесная смерть. Умирать, чувствуя остатками своего потухающего сознания, что ты счастлив – потому, что реализован. Потому, что мечты – вот они, все перед тобой – все осуществленные, не важно, даже, какие это в сущности мечты. Умирать с блаженной улыбкой на лице...

Его хотели давать умирающим людям, шансов на жизнь у которых уже не было – но они просчитались. Ежегодно два-три процента населения государства умирало от его применения – и они были отнюдь не смертельно большими людьми. Пятьдесят процентов этих людей еще не достигли возраста тридцати лет.

И тогда они забили тревогу. Тогда они издали указы. Тогда они мобилизовали Государственную Полицию Свободы... Поздно, слишком поздно.

«Любовь пришла – любовь должна умереть», – всплыла в подсознании фраза из недавно просмотренного интерактивного кино. Вот только эта любовь жила – и служба внутренней безопасности ничего не могла с этим поделать.

Это как чума, как мор – пока она не выкосит практически всех, она не остановится. И это были еще цветочки.

* * *

Прошло уже около часа с момента начала его поисков – а он так и не нашел ни одного магазина, торговавшего препаратами, понижавшими уровень тестостерона, адреналина и побочных гормонов в крови – того, что могло спасти его тело, когда на нейро-импульсный шлем пойдет радиоканальный видеопоток информации – информации, о «контентной чистоте» которой он перестал мечтать уже очень давно. Спасти хотя бы тело... душу он спасти уже не надеялся.

И все это как раз к празднику сексуальных меньшинств. Как вы все продумали... как предусмотрели. Сексуальные меньшинства... ага, как же! Там будут настоящие оргии – и отнюдь не только меньшинств. И никакого вам «противозачаточного инструментария» уже два года как после выхода постановления «О прекращении распространения противозачаточных средств и препаратов в целях повышения рождаемости в стране» от нашего всеобожжаемого президента. Надеетесь компенсировать естественные убытки, да? Два процента «дримкэтчиков», один процент военных, один процент «несчастливых случаев», одна вторая процента убийств, одна третья процента «неустановленных смертей», одна шестая процента тех, кто все же не сумел эмигрировать прочь отсюда – и это отнюдь не полный перечень.

Так не вылечиться – вы больны. Вы слишком больны, чтобы вновь стать здоровыми. И вы этого не понимаете. А те, кто понимает, уже не может сказать – потому что глобальная Интерактивная Масс-Медиа Сеть уже не для них... никогда не была для них. Только для правительства, только для ТНК под его «дающей дланью».

И ведь даже участие в этом можно было принять – хоть в тех же интерактивных секс-оргиях, что будут вещаться по всем каналам «в целях приобщения населения к сексуальной культуре и стимуляции естественных потребностей мужчины и женщины». И какой идиот только придумал это постановление?! Даже название у него идиотское. Впрочем, это, по всей вероятности, была большая личность – слишком большая, чтобы самому «стимулировать свои естественные потребности» вместе с толпами обезумевших людей в грядущий день. Никогда не забывай руку, что тебя кормит... Провайдеры масс-медиа контента не забывали.

Чип на правой руке издал высокочастотный звуковой импульс и подтвердил его предустановленной последовательностью ИК-сигналов. Черт! Это было уже опасно. Значит, он удалился от края квадранта его сегодняшнего ночного патруля. Значит, через десять минут вмонтированный в левую руку чип, теперь служивший еще и универсальным био-паспортом, этакая «умная человеческая карта» в миниатюре, пошлет серию радиосигналов в штаб Государственной Полиции Свободы – его, можно сказать, «родной дом» – всего лишь серию радиосигналов, которые будут ретранслированы через правительственные станции. Поток информации, зашифрованный новейшей криптографической разработкой SSC-51200, в коей числовой постфикс как раз и обозначал длину секретного ключа. Всего лишь серия радиосигналов – и у него начнутся очень серьезные проблемы. Служба внутренней безопасности очень не любит, когда ее сотрудники не выполняют приказы.

Надо было возвращаться. Он не успевал.

Значит, ему снова придется корчиться от боли, когда начнется потоковое вещание, сопротивляясь позывам своего тела. Значит, ему снова придется пытаться закрыть глаза – только чтобы вновь и вновь получать болезненные разряды тока с этого дьявольского многофункционального VMSS шлема, не имея возможности снять его, потому что как только с него не придет подтверждающий сигнал с информацией об отсканированной сетчатке его глаза – он преступник. Значит, ему снова придется видеть все это. Значит, ему снова придется умереть. Почти как тем самым дримкэтчикам – почти с блаженной улыбкой на губах... почти счастливым.

«Ты выбрал путь. Ты выбрал суть. Забыл ты Рай. И создал Ад. И сам во всем ты виноват...» – кажется, такие строчки какого-то новоиспеченного поэта он недавно видел в еще свободной части Сети. Кажется, автор назвал его «Обращение к человеку». И ведь в чем-то он даже прав...

Найти бы его, чтоли – собрата по несчастью, изгоя в этом мире... Хотя, какое там найти! Этот человек уже наверняка ушел в Подземку – а там его не найти. Десять лет его отдел занимался поисками этих повстанцев и борцов за «свободу духа» – и только самые мелкие и незначительные из их агентов были пойманы, и только один штаб разгромлен. Борюсь против своих же братьев, борюсь против братьев... и ведь даже не знаю, как это прекратить, не могу прекратить, уже не могу.

Иногда им удавалось. Иногда они прорывались – каким-то чудом – через все информационное покрытие и вещали на широчайшем диапазоне частот – речь и иногда даже видео. На каких-нибудь десять минут. Потом прорвавшихся блокировали, однако настоящее место источника сигналов так и не удавалось никому найти, никогда не удавалось.

Иногда это была призывная речь увидеть то, кем стали большинство людей. Иногда это была сухая статистика смертей за последние годы – цифры и строчки текста, непонятные для непосвященных. Иногда это были съемки с мест военных действий и речь о том, как люди были втянуты правительством в эту войну ради интересов правительства же и «иерархического меньшинства». Иногда были такие вот стихи, который он нашел вчера – каким-то чудом уцелевший в Сети. Иногда... Три-четыре раза в год – не больше. А все остальное время были Интерактивные Масс-Медиа корпорации.

Завтра будет праздник сексуальных меньшинств. Через десять дней после него – праздник военных, на котором мы вновь увидим трогательные кадры о том, как наши славные солдаты побеждают коварного врага, и как враг отступает под их неистребимым порывом – пятый год уже как отступает... Потом будет праздник мужчины, потом будет праздник женщины – новой женщины и нового мужчины. Потом день всеобщего презрения к Андеграундцам – этакий официальный «фи» бессильного правительства к членам Подземки. Потом будет день проституток – не сильно, кстати, отличающийся по своему смысловому наполнению от дня женщины. Будет много еще чего. Очень много праздников, очень мало радости, очень много довольства. И вновь все по кругу в следующем году.

Но сейчас, на данный момент, это было уже не важно. Пора было возвращаться. У него оставалось от силы около пяти минут до входа в зону патрулируемого квадранта. Патруль был закончен, дом ждет.

Он развернул флайкар, включил автопилот. Теперь тот сам долетит до LSSP базы, автоматически регулируя высоту и минуя встречные потоки подобных же счастливых обладателей сего транспорта, а затем приземлится на одной из свободных площадок на базе. Больше ничего не требуется. Техника сделает за тебя все... практически все. Потом он сделает свой отчет о проведенном патруле – все нормально, никаких подозрительных активностей не обнаружено, никаких происшествий не произошло, все счастливы и довольны, все замечательно. Одним словом, Рай на земле в размерах назначенного ему квадранта... сущий Рай.

Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Надо было отдохнуть. Завтра его ждет трудный день.

25.05.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Одинаковые

– Да, мистер Сэмьюэл, я обращаюсь именно к вам! Какого, извините за иносказательность, черта вы решили проигнорировать этот вопиющий случай нарушения устава нашего учебного заведения? Разве не в ваших задачах находится ведение и блюение всяческой нравственной чистоты и добропорядочности, а также и душевной необремененности наших многоуважаемых учащихся? Разве не на вас лежит ответственность за поддержание в них чувства внутренней универсальности, единообразия и преклонения перед нашим руководящим авторитетом, перед нами, ведущими их и направляющими во их собственное всеобщее благо?

Да, мистер Сэмьюэл, они уникальны – как уникальна каждая пылинка, нашедшая себе пристанище на каком-нибудь древнем и никому не понятном фолианте. Они уникальны так же, как уникальна каждая песчинка в пустыне, каждая капелька в луже, каждый кирпич в стене, каждая соринка в моем глазу, каждая заноза в пятке, наконец! Вот, скажем, микробы, мистер Сэмьюэл... Скажите – ведь эти создания уникальны и неповторимы, правда? Ведь они в высшей степени самодостаточны и не терзаются этими самыми ненужными вопросами о смысле бытия, своем прошлом, настоящем и будущем... Они даже не терзаются вопросами о собственной природе – и гляньте притом, насколько смертоносными и сильными способны они быть в своем единстве! Единство как средство почувствовать себя самодостаточным, как возможность ощутить свое «я» частью чего-то большего, чего-то общего, непоколебимого, несломимого, всесокрушающего...

В этом и состоит их единство в однообразии, мистер Сэмьюэл, – единство устойчивое, обоснованное, нами направляемое. Катарсис, мистер Сэмьюэл, это подлинный катарсис – чувствовать себя винтиком или шестеренкой в таком выверенном и совершенном механизме, который они сами и воздвигают руками и умами своими вот уже столько тысяч лет!

– Но, товарищ Направляющий, не лучше и заманчивее ли бы было предоставить возможность каждому из наших учеников попытаться нащупать свой собственный путь, реализовать свой собственный потенциал через раскрытие данных им творческих даров?

– Вы говорите прямо как мой предшественник, мистер Сэмьюэл, – а он не смог удержаться на моем нынешнем месте и года, хочу вам напомнить. Да и о каких таких творческих дарах вы изволите говорить? Уж не о тех ли писаниях, что творили так называемые писаки прошлых десятилетий? Или, быть может, об этой самой душераздражающей и тревожащей музыкальной «классической» белиберде? Или эти самые так называемые «живые» картины? Или, быть может, все эти дурацкие каменные изваяния? Бросьте, Сэмьюэл, ни этот, ни тысяча и один другой способ подобного индивидуального самовыражения не способен передать и грамма ощущения той мощи, которая дается нашим ведомым в моменты торжества их коллективного однообразного бессознательного!

Поймите, осознайте уже, наконец, Сэмьюэл, что ежели каждый болтик в часовом механизме и каждая шестереночка была бы своих собственных, выбранных только ею и ею же сформированных диаметров и размеров – подобный механизм не смог бы работать, Сэмьюэл. Время бы остановилось раз и навсегда! Система перестала бы работать, все пришло бы в полнейший хаос! Зачем вам этот хаос коллективного сознательного? Вся наша система образования и воспитания и построена с целью недопущения подобных эксцессов, Сэмьюэл, с целью полнейшей унификации и стандартизации индивидуального сознательного, с целью его вышлифовки и огранки до состояния сверкающего бриллианта!

Мы помогаем булыжникам почувствовать себя алмазами в общей массе подобных же им. Мы как мастера своего дела стачиваем каждую резкую грань, каждую ненужную выпуклость, каждую несносную остроту и превращаем их в универсальный, однородный, почитаемый и уважаемый, респектабельный и сияющий камень! Да что камень – подлинный алмаз, шестеренку, винтик в самом совершенном социальном механизме. Мы даем им ощущение нужности, общественной полезности взамен этих глупых и дурацких чувств собственного одиночества и покинутости всеми, кое образуется у тех неразумных, что дерзнули отказаться от нашего мастерства и пойти собственной жизненной стезей. Они практически счастливы, потому что практически нужны, а мы практически помогли им в культивации этой самой практичности.

Мы умело ограничиваем число их, трудящихся в разных отсеках нашей системы, разных сферах – мы даже практически объединили их друг с другом на почве взаимовыгодности и взаимопольности. Они взаимозависимы и взаимообъединены, Сэмьюэл, – но не по воле собственной и сердечной, а по критериям в высшей степени практически-деловым, экономическим, производственным. Конечно, подобное единство есть иллюзия – именно поэтому в их среде столь неизбежны и неистребимы войны друг с другом.

Мы даем им смысл жизни, Сэмьюэл. Уже с детских лет мы прививаем им «взрослые» взгляды на нее, лишаящие их всякого праздного творческого безвкусия, всякой бесполезной внутренней расслабленности и расхлябанности, всяческих глупых и нелепых детских радостей и восторгов... Уже скоро, Сэмьюэл, мы будем вкладывать в мозг наших будущих отпрысков всю многовековую тяжесть и мощь накопленных нами знаний уже незадолго после рождения этих детей. Они станут идеальными членами нашего объединенного и унифицированного социума, будут знать свое определенное нами место в нем уже практически сразу после своего появления на свет.

Мы позаботимся о том, чтобы они не знали ни голода, ни излишних тревог и волнений, чтобы жизнь их текла в высшей степени размеренно и однообразно, была выверенной и предсказуемой, стабильной. Мы пойдем даже дальше и со временем уничтожим все созданные этими творческими девиантами прошлого творения, дабы пагубное сомнение не закралось в души наставляемых нами, дабы они никогда не испытали того зловещего творческого экстаза, что порой отвращал от общей социальной гармонии однообразия некоторых из них в прошлом.

Вы же понимаете, Сэмьюэл, что мир, в котором творят несколько тысяч, а все остальные поголовно и подушно потребляют, отрыгивают и сплевывают в этих творящих ошметки пищевого духовного балласта – что этот мир лишен гармонии и состоятельности? Что мир с унифицированными канонами, нормами жизни, труда и творческих изысков гораздо более совершенен? И именно в строительстве этого мира вам и предстоит ныне участвовать, ежели вы, конечно, не желаете оказаться на месте тех немногих, что еще совсем недавно на моей памяти выступили против... Погибнуть ни за что, хоть и ради чего-то?

Ну, что скажете, Сэмьюэл? Почему же вы так тягостно молчите? Вы не согласны со мной?

22.07.2011

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Они сказали «нет» своему миру

- Ты тоже заметил эту планету в данной звездной системе?
- Да, и она представляется весьма любопытной.
- Что показал анализ ее информационного поля?
- Я не могу получить эту информацию. Поле либо полностью закрыто, либо лимитировано сферой распространения до верхних слоев атмосферы.
- А каков состав ее атмосферы? Как думаете, капитан, на ней могла возникнуть жизнь?
- Анализ атмосферы показал преобладание азота. Приборы зафиксировали приблизительно восьмидесятипроцентное содержание азота, пятнадцатипроцентное содержание кислорода, трехпроцентное содержание углекислого и иных газов. Традиционных для планетных систем данного типа озоновых слоев практически не наблюдалось. Атмосфера содержит значительное количество воды преимущественно в нижних слоях. Что-нибудь еще?
- Полагаю, нам следует взглянуть на планету поближе. Закрытое информационное поле... странно... Такое обычно наблюдается только для абсолютно безжизненных миров, временной континуум будущего для которых уже не существует.
- Согласен с вами, капитан. Нам все же следует обследовать этот мир уже в пределах его поверхности.
- Тогда мы входим в верхние слои его атмосферы.

* * *

- Высота над поверхностью планеты достигает приблизительно тридцать старкрэйтов. Наблюдаются массивные водные поверхности, достигающие в глубину до десяти старкрэйтов.
- Поле?
- По-прежнему закрыто, информацию взять пока не могу.
- Участки поверхности плотной материи, годные для посадки?
- Я пытаюсь. Что-то резонирует с психо-волнами и искажает их. Придется искать поверхность для посадки грубым методом.
- Хорошо, опускаемся ниже.

* * *

- Мы почти у твердой поверхности.
- Хорошо, тогда спускаемся. Корабль пускай балансирует в этой атмосфере.
- Перевести его в грэвэнтропийное состояние?

– Да. Спускаемся.

* * *

Я медленно сошел с «палубы» нашего корабля и окутался грэвэнтропным полем. Затем медленно, левитируя над поверхностью, стал опускаться.

Забавный мир. Вода, вода, вода. Куда ни помотришь – практически одна вода.

Я протянул руку вперед, усиливая полевые импульсы. Толчок – и пригоршня материи суши оторвалась от нее и медленно подплыла ко мне. Вода и песок. Песок... тут столько песка. Океаническое дно тоже содержит его в большом количестве. Сколько же здесь сохранилось подобных участков не-воды? И поле... закрытое информационное психо-поле. С таким я встречался только один раз – но та звездная система была полностью безжизненной, как будто проклятой на не-жизнь, а здесь... прочие планеты системы содержали ее, а эта...

– Любопытно. Ты узнал возраст формирования плотных тел других планет этой системы?

– Да, их поля были доступны. Возраст данной близок к их возрасту.

– Однако при этом этот мир как будто покинула жизнь.

– Именно. Характерных признаков наличия для данных систем органической жизни я не наблюдаю. Одно сплошное безжизненное море.

– А с полем что?

– Один я не могу пробиться. Можно попытаться объединить импульсы наших психо-полей.

– Давай попытаемся. Надо попробовать считать информацию временного континуума о прошлом и последних событиях, изменивших, если это действительно было так, облик планеты.

– Тогда за работу.

* * *

И мы работали. Наши поля резонировали, пытаясь вклиниться, пробиться, протолкнуться сквозь поле планеты, одновременно не нарушив его структуру. И раз за разом, с каждой новой вибрацией, с каждой новой попыткой мы все глубже и глубже входили в его слои, и удивительные, поистине ошеломляющие сознание картины прошлого этого мира раскрывались перед нами...

Мы видели зеленую биосферу планеты и заполнившую ее от края и до края органическую жизнь. Видели извержения вулканов и формирование-передвижение материков. Видели каких-то странных существ, передвигающихся на четырех конечностях и сражающихся друг с другом. Видели обитателей нижних слоев атмосферы – при попытке их наименования в наших сознаниях тогда вспыхнуло психо-слово «птицы».

Видели, как какие-то из созданий изменили способ движения с четырех на две конечности. Мы наблюдали, как эти существа затем объединялись в группы, как они сражались с теми, кто по-прежнему двигался на четырех, как побеждали и поедали их, как погибали от них...

Картины плыли, формировались и запечатлевались на самых краях наших сознаний, сменяли одна другую как в калейдоскопе.

Мы видели, как эти двуногие создания стали использовать окружающую их биологическую жизнь для изобретения орудий – дерево, потом металл, как отдельные их группы, формируясь в разных частях планеты, постепенно распространялись, как они расширяли свой биологический ареал существования, как использовали созданные орудия против четвероногих – животных? – и как использовали их друг против друга. Мы наблюдали, как части этих групп изменялись, как вокруг их представителей все сильнее и четче становилось психо-поле, как эти представители начинали руководить другими и получили возможность чтения малой доли информации временного континуума.

Группы росли и расширялись, потом начали формироваться их... го... го... города. Мы видели, как эти группы становились все более и более независимыми от животных, как некоторые из них даже стали использовать отдельные виды животных для улучшения своей жизни, как города росли, как работали психо-поля этих существ, вибрируя в резонансе с информационным континуумом и появлялись все новые изобретения, как начинались войны, как заключались союзы, как одна цивилизация сменяла другую.

А потом гонка образов стала воистину невообразимой.

...Вырастали и исчезали города, возносились и рушились дома, поглощались и образовывались новые ареалы, названные государствами, прямоходящие существа заполнили все достаточно пригодное для жизни пространство планеты. И вот резкая вспышка в сознании – толчок поля – существа уничтожают друг друга в невиданных ранее масштабах. Снова толчок – кажется, стонет само поле планеты – и новые, новые войны.

...Существа заполняют все новые пространства и начинают разрушать прочую органическую жизнь в местах своего распространения. Поле планеты стонет и колеблется, отражаясь вспышками боли в наших сознаниях.

...Новая вспышка – небо заполняют железные искусственные птицы. Новые толчки психо-поля планеты – новые войны и новая боль.

...Яркие прекрасные вспышки сознаний – и простейшие космические суда пытаются преодолеть гравитационное поле планеты. Вот они вырываются из-под сил притяжения – и выходят на орбиту.

...Вот появляются все новые и новые их модификации, и орбита заполняется ими. Вот эти корабли приземляются на спутнике этой планеты. Вот они устремляются к другим планетам этой звездной системы...

...И вновь – войны, и вновь – уничтожаемая биосфера и искажаемое психо-поле их мира.

...Мы видим, как проводятся эксперименты со структурным материалом клеток живых организмов. Нам хочется крикнуть «Постойте!», поскольку мы уже знаем межзвездные цивилизации, уничтожившие себя в ходе сходных экспериментов – но мы не можем, нам остается только наблюдать. Наблюдать, как искажаются биологические организмы планеты – животные. Наблюдать, как их тела – уже с рождения измененные до неузнаваемости – постепенно в ходе все новых экспериментов лишаются зачатков разума, как искажаются их биополя – как будто выгибаются вовнутрь – и в них отчетливо проявляется уже знакомый нам знак смерти.

«Остановитесь!» – хочется крикнуть нам... но мы не можем.

Мы можем только видеть, как все большее технологическое развитие приводит эту планетную цивилизацию к закономерному паразитизму в масштабе ее биосферы. Мы наблюдаем, как уничтожаются спасительные для планетной жизни атмосферные слои газов... как растет проникающая на планету доля радиации звезды их системы... как, казалось бы, гордые своими изобретениями, они строят подобия защитных куполов вокруг ареалов своего обитания, как их генетики создают какой-то вирус, способный, по их словам, при инфицировании изменить их ткани и спасти их от губельного излучения звезды... как всеобщее инфицирование дает неожиданные побочные эффекты... как изменяется внешний вид этих существ и как уже подобным образом меняются их психо-поля, выгибаясь внутрь с уже знакомым знаком смерти.

...И снова сильнейшие вибрации информационного поля планеты – как будто она пытается выплюнуть эту информацию, эти знания о произошедших событиях навсегда. И вновь как будто что-то плющит наши поля, теперь почти слившиеся с ее полем. И вновь – картины и образы, сменяющие друг друга...

...Мутировавшие существа начинают погибать под действием газов атмосферы и звездного излучения. Казалось, обезумев, они пытаются использовать собственные открытые их исследователями психо-поля для уничтожения себе подобных – тогда небольшой группой практически не пораженных существ принимается решение о дальнейшем изменении их вида и приспособлении его для жизни в водной среде. Мы видим, как создаются огромные генераторы, призванные изменить состав газов планеты, дабы вызвать таяние ледников и создать вечное царство воды. Мы видим, как эти генераторы приводятся в действие...

Поздно. Слишком поздно. Генетическое изменение вида для приспособления к жизни в океане оказывается невозможно. Инфицированные полубезумные существа уничтожают эту руководящую элиту, дабы погрузить себя в океан – теперь уже навсегда.

...Теперь ряды этих существ идут в новоявленные моря – шеренгами, как будто еще не понимая, что идут они на верную смерть, как будто позванные кем-то – и исчезают в его волнах. Исчезают – навсегда.

Навсегда...

А потом звездная радиация довершает и остальное.

* * *

Боль, боль, боль. Волны боли, наше сознание плющит и ломает... Резкий толчок – и поле планеты выбрасывает нас, неожиданных пришельцев, разбудивших его, из себя. И тут же потухают картины.

Теперь я по-прежнему стою на этом небольшом островке среди бескрайнего океана планеты вместе с моим отцом, все еще не в силах прийти в себя после увиденного. Отец, однако, приходит в себя раньше.

– Вот так и закончилась их история. Теперь мы узнали об этом мире все, что хотели. Мы доставим эту информацию в Межгалактический Совет. А теперь нам пора уходить – поле стало нестабильно после нашего вторжения.

– Но... но почему... зачем? Почему... почему они выбрали такой путь... зачем... зачем уничтожили планетную жизнь и свою собственную вместе с ней? Почему... почему не психо-синтез, почему не поиски внутри себя, почему только вовне... почему подстройка мира под свои и только свои нужды?

– Слишком много вопросов, сын, и слишком мало ответов.

Отец посмотрел мне в глаза – и вибрация его мысли, сильная и четкая, коснулась меня.

– Просто... просто они сказали «нет» своему миру. А теперь пойдём. Нам не место в мертвых мирах.

05.09.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Пандемика

Они хотели «исправить» нас всех. Мужчин, женщин, даже детей. Низвести и убить наш дух. Трансформировать наш геном. Сломить волю. Превратить в подопытных крыс. Нас было много, но мы были слишком слабы. И они прорвали первую линию нашей обороны.

«Власти мегаполиса напоминают, что в соответствии с решением Чрезвычайного Совета в связи со стремительным распространением нововируса всем жителям города запрещается покидать свои дома в целях избегания заражения. Для прошедших вакцинацию продолжает осуществляться доставка продуктов питания и предметов первой необходимости волонтерами и силами службы внутренней безопасности».

Один за другим рупоры погрузившегося в ночную тьму города оглашали с перерывом в несколько минут безлюдные улицы мегаполиса, вереща всеми голосами преисподней о том, как же эти ублюдки заботятся о вверенном им судьбою народонаселении. Населении, которое они совсем недавно сами же пустили под медицинский нож.

Артем тщательно выбирал маршрут своего движения, то и дело сверяясь с созданной инженерами Сопrotивления картой. Слишком много наземных патрулей и курсирующих над городом дронов, слишком мало времени на операцию. Но костюм ликвидированного члена службы внутренней безопасности, нашпигованный всей необходимой ему электроникой, даст ему это время, а в случае столкновения с патрулем – элемент внезапности. Крепко сжав рукой переведенный в режим беззвучной стрельбы пистолет, бесшумной тенью Артем мчался по улицам темного града.

* * *

Пандемика. Так теперь стали называть этот город выжившие за три года пандемических войн члены Сопrotивления. Монстр, рожденный на обломках ушедшей эпохи лже-благоденствия. Город-чума. Город-тюрьма. Сам согласившийся на это.

«Силы внутренней безопасности мегаполиса продолжают осуществлять патрулирование территории города для выявления нарушителей режима всеобщего карантина, преступников и мародеров. Просим всех законопослушных жителей столицы присылать свои инфограммы в случаях обнаружения нарушителей порядка».

Порядка. Нет, это не смахивало на порядок по меркам еще не поработенных в ходе пандемических войн – тех, кто выбрал остаться человеком, вакцино-диссидентов. Это был новый мировой порядок тех, кто мнил себя властелинами этого мира. Новый фашизм с привкусом медицины и генетики в одном флаконе.

Совсем рядом по улице прошел очередной ночной патруль. Вмонтированные в костюм датчики вовремя предупредили Артема о приближении «своих», а на нейрошлеме высветился внутренний назначенный этой патрульной группе номер. Такие номера теперь были у всех – и людей, и зверей, еще живых и уже давно мертвых. Артем махнул шествующей ему навстречу группе рукой в приветственном опознавательном знаке, до боли напоминающем пресловутый «Хайль!», как можно более уверенной походкой продолжая двигаться мимо. Не обернулись, не заподозрили. Внутренний временный код доступа, автоматически транслируемый между всеми членами сил внутренней безопасности, должен действовать еще несколько часов. Этого должно было хватить.

С тех теперь уже кажущихся неизмеримо далекими пор, как был введен режим всеобщего карантина, понятия «свой» и «чужой» изменились до неузнаваемости, точно следуя невидимой властной руке нового идейного порядка, нового образа мышления. Многие из некогда казавшихся сильными и достойными людей встали на сторону режима. Кто-то выдавал властям активных членов Сопротивления за возможность временно облегчить симптомы нововируса с помощью предлагаемых им периодических обезболивающих инъекций, кто-то сдавал своих зараженных близких на непрекращающиеся медицинские опыты за возможность пожрать еще хоть несколько месяцев, а иные готовы были стать членами службы внутренней безопасности и насильно стерилизовать до сих пор отказывавшихся от предлагаемого им «блага».

Высоко над головой плавно проплыл патрульный дрон, неспешно разрезая светом своих прожекторов ночную тьму уже спящего мегаполиса. Артем резко вжался в стену, стараясь не шелохнуться. Опознавательных кодов для воздушной системы слежения они так и не смогли раздобыть. Заметит – конец.

Дроны стали дополнительным средством контроля за соблюдением режима всеобщего принудительного карантина, который власти ввели более года тому назад. Года, в течение которого им удалось подавить волю большей части его жителей, а остальных загнать в подполье или же отправить на медицинские опыты. Года, в течение которого каждый живущий в нем снял маску и открыл другим свое истинное лицо. Года предателей и коллаборационистов. Года рождения Сопротивления. Года его, Артема, нового перерождения.

Прыжок. Руки цепляются за пожарную лестницу. Подтягивание. Раскачивание. Толчок на руках. Перескок на соседний дом. В этой зоне поспешно созданных кладбищ, наспех вырытых властями бездонных «братских могил» по-другому было не пройти. По лестницам, по зданиям, по крышам. Пока на горизонте не замаячит очередной патрульный дрон.

* * *

Сотни тысяч жертв были списаны ими на пандемию, на нововирус. Власти и находящиеся под их неусыпным контролем медицинские картели так и не сказали, откуда он взялся, кто и с какой далеко идущей и желанной целью однажды создал его. Но к моменту появления нововируса у них уже было готово лекарство. И то, что по их заверениям должно было стать спасением человечества, стало его проклятием. Но это поняли далеко не все и далеко не сразу. А когда, наконец-то, поняли – было уже слишком поздно, ибо двери этой огромной тюремной камеры с грохотом захлопнулись, дабы отныне живущие в ней забыли о самом понятии «свободы».

Артем пришел в Сопротивление еще на этапе первой пандемической войны. Был разведчиком в армии, а в рядах Сопротивления стал диверсантом. Станции патрульного слежения, полицейские блокпосты-кордоны, мобильные станции добровольно-принудительной вакцинации – работа для него была всегда. Каждый сломанный прут тюремной решетки приближает финальное освобождение.

Пронзительный вой полицейской сирены где-то далеко за спиной. Автоматные очереди. Взрыв. Над зданиями полукилометре от него вспыхнул огненный гриб. Очередная победа Сопротивления или полицейского террора? Нет времени выяснять.

Присягнувшие властям блюстители нового тюремного режима были защищены от периодических инъекций, в обязательном порядке полагавшихся практически всем остальным категориям граждан. И именно поэтому в их среде не циркулировал нововирус. Лекарство было оружием и гарантией повторной нужды в лекарстве. Но мало кто понимал это.

Датчики на правой руке костюма издали предупреждающий сигнал о выходе за пределы патрульной зоны. Придется избавиться от костюма. Добираться обратно на свой страх и риск. Если выживет.

Уже немного. Еще несколько кварталов заброшенной промзоны. Здесь уже нет человеческих патрулей, но могут быть мины. Хорошо, что, в отличие от костюма, очки ночного видения не имели встроенных датчиков месторасположения.

* * *

Когда-то в этом полуразрушенном теперь здании располагалась подземная генетическая лаборатория, ставшая одним из полигонов разработки и обкатки вакцин от нововируса, им же и заражающих. Об этом Сопротивление узнало от примкнувшего к ним месяц назад работавшего здесь медика. И тогда и была спланирована эта операция.

Вакцина и была вирусом. В ходе инъекций он проникал в клетки, в обход иммунной системы встраивался в ДНК и начинал процесс саморепликации. Носители нововируса страдали от самых различных симптомов и болезней внутренних органов, являвшихся побочным следствием принудительно-добровольного изменения их генома. Регистрировались также случаи бесплодия и неконтролируемых генетических мутаций, в ходе которых зараженные проявляли признаки процесса регрессии до животногоподобных состояний. Но смерть десятков тысяч подопытных не были конечной целью создателей этого тайного насильственного эксперимента – потому что в каждой новой выдаваемой населению порции инъекций содержались все новые и новые гены, внедряемые в живые клетки с помощью вируса. Словно заплутавший в тумане корабль, стремительно размывалось и исчезало само понятие о человеке как виде разумных существ. Разработчики вакцин знали об этом. Но молчание, как известно, золото, а подчас еще и жизнь. И многие из них замолчали добровольно.

Медики создали и противоядие – если, конечно, его можно было назвать таковым. Этот «антинововирус» был, разумеется, неспособен восстановить разрушенный геном уже зараженных, но позволял заблокировать репликацию его искажений для новорожденных, дав их детям шанс на спасение. И за этот шанс стоило бороться.

В резервном хранилище лаборатории должны были остаться терминалы и записи, созданные незадолго до спешной эвакуации ученых и медиков после начала первой пандемической войны. Они позволят немногим примкнувшим к Сопrotивлению ученым воссоздать антинововирус. И тогда останется только придумать способ его распространить, тем самым исправив ошибку научных и медицинских безумцев. Включив созданный в застенках технических лабораторий Сопrotивления инфосканер, Артем приступил к поискам резервного хранилища.

* * *

Он даже не заметил, как наступил на мину на обратном пути из лаборатории. Радость от сделанной им находки настолько переполняла все его естество, что на мгновение он потерял присущую ему бдительность. Но и этого мгновения оказалось достаточно. Не помогли ни чутье, ни техника. Только остаток боевого рефлекса – резкий, что есть силы прыжок в сторону в момент взрыва. Последняя попытка спастись.

Развороченные в мясное крошево фаланги пальцев обеих ног. Сотни вонзившихся в ноги осколков. Пронзившая все тело болевая судорога, и что есть силы зажатый руками раскрывшийся в беззвучном крике рот. Нельзя издавать ни звука, нельзя привлекать дронов. Нельзя терять сознание, только не сейчас!

Ворочаясь из стороны в сторону, сляясь преодолеть первичный болевой шок, едва слушающимися пальцами он вытащил из поясной сумки остатки обезболивающего геля, выливая на пропитавшуюся кровью одежду. Перевернулся на спину и, до скрежета стиснув от неизбежной боли зубы, устремил затуманенный взор к небесам.

Он никогда особо не верил в Высшие силы – слишком уж жестоким и безжалостным с их негласного разрешения стал, по его мнению, этот мир. Но вот теперь оно перед ним. Небо. Иссини-черное. Забыло ли ты о нас? Звезды. Вот они кружатся над ним словно в безумном хороводе. Так далеко и так близко одновременно – будто руку протянуть. Кто живет в согреваемых ими мирах – неужели такие же, как мы, безумцы? Нет, они не могут быть безумцами, не должны быть. Хоть где-то в этой Вселенной должна быть крупица разума – иначе какой во всем этом смысл?

Возможно, что на тот момент все это было лишь игрой его измученного адской болью воображения, но на мгновение ему показалось, будто несколько из этих одиноко блуждающих по ночному небу неприкаянных звезд ярко-ярко вспыхнули, словно образовав в тот миг новое созвездие – созвездие в форме Креста...

* * *

Когда Артем вновь очнулся, над ним по-прежнему светили звезды. Он все еще жив. Он должен закончить начатое.

Проверил найденные в лаборатории диски в напоясной сумке и рюкзаке. Без внешних повреждений. Значит, надежда еще жива.

И тогда, собрав последние остатки своих сил, он пополз назад. Сначала – через промзону, что есть силы глядяваясь в ночную тьму, чтобы не нарваться на еще одну мину. Затем – в обход могильников. По разрушенным в ходе первой пандемической войны кварталам. По Зоне Висельников. Минуя Расстрельную Площадь. В катакомбы Сопротивления.

Должно быть, сам Ангел-хранитель вел его за собой в тот день. Тащил за руки. Нес на своих крыльях. Вливал свои силы без остатка.

Дважды каким-то чудом Артему удалось избежать марширующих по ночному городу патрулей. Трижды над ним, так и не заметив свысока, пролетали патрульные дроны. Четыре раза он терял сознание. А когда все-таки дополз до катакомб, и его заметил отряд бойцов Сопротивления, у него хватило сил только на то, чтобы слабо улыбнуться и тихо прошептать: «Я вернулся».

* * *

– Вам удалось изучить добытые сержантом Артемом образцы и проверить актуальность найденной информации?

– Так точно, товарищ полковник. Наши надежды оправдались. Примкнувшие к нам ученые обещали создать противоядие в течение пары месяцев. Только им будет нужно кое-какое дополнительное оборудование.

– За оборудование не беспокойся, пошлем наших ребят в промышленный рейд.

– Церемонию планируем провести сегодня. Обещались прийти все.

Седовласый полковник медленно подошел к письменному столу, молча взял в руки наполненный стакан, глубоко вздохнул, словно отгоняя от себя грустные мысли...

– Ну, давай, что ли, не чокаясь. Вечная память герою.

– Вечная память...

12.07.2021

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Пандораньюс

Ave, Pandorame! Приветствуем всех радиослушателей нашей необъятной всепланетарной Зоны! Всех нас ждет новый, полный невысказанных надежд и неоплаканных смертей день в новом дивном мире, который мы строим для вас!

И этот новый день приносит новую болью для все еще живущих на Земле – научные светила и эксперты «Всемирной организации захоронения» объявили о начале двухсотпятидесятичетвертой волны пандемии в связи с появлением нового штамма Пандоравируса. По их предварительным оценкам, еще несколько миллионов безвинных жизней заберет с собой в ближайшие несколько месяцев эта страшная планетарная эпидемия, чума нашего века, вот уже который год бушующая благодаря качественно сработанным вакцинам. По оценкам специалистов, подверженными новому штамму станут преимущественно несовершеннолетние дети и подростки черной расы, вовремя не прошедшие последнюю ежемесячную процедуру вакцинации новейшей, чистой и абсолютно безопасной для здоровья граждан гамма-вакциной, разработанной мировым «Центром по контролю за рождаемостью». Мы скорбим вместе с вами, дорогие жители Земли, и завещаем их души – Богу, а тела – «Всемирному концерну трансплантологии». Покойтесь же с миром, наши дети!

Ну а теперь – к позитивным новостям. Силами служб внутренней безопасности ряда западных государств в прошедшую неделю были предотвращены еще несколько попыток к бегству групп нравственно одичавших зараженных из специально созданных для них зон отчуждения. Данные безумцы, ранее показавшие положительный результат согласно системе тестов Менгеле-Фаучи, могли бы стать новыми супер-распространителями Пандоравируса, крайне опасными для нашего социума биологическими террористами и диссидентами. Боевые ракетные дроны, день и ночь патрулирующие небо над карантинными зонами и концлагерями для зараженных, успешно ликвидировали всех пытавшихся освободиться бегством диссидентов, тем самым предотвратив надвигающуюся на чистые и свободные от Пандоравируса зоны наших мегаполисов опасность. Мы продолжаем заботиться о вас, дорогие законопослушные граждане, и всегда готовы прийти вам на помощь!

Новости культуры. Гастролирующая по территории Британии и стремительно набирающая популярность киберпанк рок-группа «Ave, QRe!» планирует дать несколько новых концертов на бывших территориях Италии, Франции и Испании. Творчество этих подающих надежды юных гениев нового века традиционно высоко оценивается жюри Сатанского фестиваля, в третий раз номинирующего их на популярную мировую премию «Пандорамика». Юные дарования в очередной раз исполняют такие свои мегахиты как «Вперед, генокод!» и «Киборгизация».

Новости мира спорта. «Спортивный союз смешанных культур» на днях одобрил использование генно-модифицирующих коктейлей и вывел их из-под временного вето. Теперь все желающие этого спортсмены могут свободно пользоваться данной продукцией с целью улучшения своих физических показателей. Как говорили древние, генетику – в массы!

..И мы вновь напоминаем всем жителям мегаполисов Зоны, что использование несертифицированного программного обеспечения в целях сокрытия личной информации, равно как и хранение противоправного и пиратского содержимого от служб по контролю за правомерным использованием контента противоречит принятой поправке к Мировой Конституции и карается пожизненным лишением свободы для преступника и переводом в низшую касту «Зета» для всех членов его семьи. «Качай и проверяй, слушай нас и доверяй!» – таков должен быть внутренний девиз каждого законопослушного жителя мегаполиса!

К социальным новостям. На прошлой неделе членам хакерского движения «Последний Рубикон» удалось осуществить взлом ряда правительственных сетей и получить данные о размещении подземных генетических лабораторий, в которых продолжают проводиться операции по генетическому омоложению и клеточной рекомбинации. Фото-аватары предполагаемых преступников к настоящему моменту уже были разосланы по глобальной публичной нейросети. Просим всех желающих законопослушных граждан присоединиться к поискам и ликвидации данных инфо-террористов!

Новости религии. Новый глава Ватикана, князь мира сего, выступая сегодня в Риме перед многомиллионной аудиторией своих верных последователей, то и дело яростно скандировавших «Ave, prophete!», во всеуслышание провозгласил, что создание человеческого клона не является нарушением Третьего Вета об угашении Святого Духа, как это ранее утверждалось прежними отцами церкви и апостолами, и потому не несет угрозы неизбежной гибели всему земному человечеству, и призвал к продолжению данных опытов в попытке «...Создать идеального человека, равного Богу или лучше его!»

К другим новостям. Согласно обновленным методикам расчета ежедневного трудового рациона, всем занятым на производстве гражданам касты «Дельта» отныне полагается потреблять на двадцать процентов меньше сжиженной пищи и питательных веществ. Освободившиеся пищевые ресурсы планируется направить в адрес служб внутренней безопасности мегаполисов, занятых патрулированием территорий и истреблением подпольных членов Сопротивления. В условиях распространения эпидемии борьба с данными инакомыслящими еретиками остается одной из самых приоритетных надгосударственных задач. Единое мировое правительство просит всех граждан государств-мегаполисов отнестись с пониманием к данному вопросу. Все для фронта, все для победы! Это были все основные новости на сегодня. С надеждой на лучший новый мир, Пандораньюс Чэннэл. Ave, Pandorame!

06.10.2021

*Жанр: Репортаж
Категория: Признанное*

Приказываю – демократизировать!

Кому: Адмиралу межзвездного космического флота, Г.

От кого: Верховный главнокомандующий стратегическими военно-космическими силами Империи, О.

Статус: Совершенно секретно.

Обнаруженная в кластере СН-35 звездной системы Е планета Z-1776 является стратегическим источником элемента Либерииум. Потенциальная разведанная ценность эквивалентна 10 миллиардам крейгонов/год.

Экосистема: Планета сходна с соответствующими параметрами нашей планеты Исхода.

Население: Заселена преимущественно разумными аборигенами органической формы жизни. Приблизительная численность составляет 30 миллиардов единиц.

Политическое устройство: Всепланетное утилитарно-автократическое государство коллективистского типа с элементами тирании.

Технократическое развитие: Относительно примитивные летательные аппараты низких слоев атмосферы, отсутствие ядерных и гипербаллистических вооружений, физика эффекта массы неизвестна, физика временного локального поля неизвестна, орбитальные космические спутники не обнаружены.

Разность технологических потенциалов: 98 %.

Потенциал затяжной войны: 0 %.

Рейтинг стратегической опасности по шкале Рэйгона: L-5 (очень низкий).

Первичный контакт: Местные аборигены проявили высокую степень настороженной враждебности и отказались осуществить обмен переработанных единиц Либерииума на предложенные нами космические сухпайки десантов, бижутерию и Кока-Колу.

Основываясь на вышеуказанной выдержке из доклада исследовательской демократической флотилии космических бомбардировщиков стратегического назначения К52, приказываю реализовать технологическое милитаристическое овладение в соответствии со стратегией Макристана путем:

1. Мягких орбитальных бомбардировок стратегических коммуникационных объектов противника с использованием термоядерных вооружений и генераторов нуль-частиц.
2. Захвата установленного центрального поселения штурмовыми группами космических пехотинцев флотилии К52.
3. Развертывания системы дипломатической и медицинской помощи пострадавшим от «стихийного бедствия» аборигенам, параллельного овладения и установления контроля над ведущими шахтами Либерииума и развертывание военных баз в их окрестностях.

4. Поддержания военно-дипломатического контроля в течение трехгодичного периода выработки Либерииума.

Приказ привести в исполнение немедленно при получении. Отчет о проделанной работе ожидаю через пять планетарных дней.

P.S. Это вопрос стратегической важности, Г., любое сожаление и неуверенность станут потенциальной помехой, а это противоречит самой сути миссии нашей великой Империи. И да пребудет с нами Создатель!

02.02.2010

Жанр: Репортаж
Категория: Признанное

Спрут

– Ну что же, рад снова видеть вас, Сармаэль. Давненько, хм, мы с вами не виделись душа-к-душе, так сказать, и с глазу на глаз. Лет десять, не меньше. Много нефти с тех пор утекло, как говорили мои предки, не правда ли?

– Не больше десятка лет по локальному поясу, пожалуй. И я всенепременно рад этой встрече, господин Архитектор. С тех самых пор, как вы заняли эту позицию, я праведно и искренне смею надеяться, что...

– Оставьте вашу лесть, Сармаэль, для какой-нибудь глупой тринадцатилетней девчонки, которую вы после проведенного вам молекулярного реинжиниринга наверняка начнете вскорости обхаживать – а я за свои пару-тройку сотен слышал ее уже достаточно. Насколько мне известно, выше Кураторов никто из этих неразумных так и не поднялся. Не тот пошиб и амбиции, знаете ли, не та хватка... Ну, довольно. Присаживайтесь лучше, да поболтаем немного, как в старые добрые анархические.

– Благодарю. Много нефти утекло, говорите? Биотики и металла, пожалуй, не меньше. Не говоря уже про количество ставших органическим месивом мозгов наших оппонентов, не так ли?

– Да... Как сказали бы эти исторические лизоблюды прошлых веков человеческого мира – как их? – французы, – сплошное *nostalgy*. Старые добрые анархические...

– Вся власть машинам, хм? Кажется, таков был лозунг этих биологических выродышей?

– Ну... и да, и нет. Без их исследований мы бы не стали тем, чем мы стали теперь в этих новых оболочках. Ну, а что касается... побочных эффектов, то за все нужно платить свою цену, не так ли? Даже за право быть... свободным.

– Что ж, резонно, резонно. Но разве вам никогда не хотелось хоть разок, скажем, почувствовать себя по-настоящему мыслящим, самостоятельным, хоть на мгновение снова ощутить саму суть возможности быть... человеком?

– Давным-давно, Сармаэль, давным-давно. Когда мы высадились на «Тетте», и клоны пошли в бой... Ее глаза, этой девочки, я низачто, наверное, теперь уже не смогу забыть этот молящий взгляд, когда... когда биоинсургенты трансформировали ее тело молекула за молекулой в то, кем... чем теперь стали мы... Они были полны такой мольбы, отчаяния и надежды одновременно... во мне тогда что-то как будто снова щелкнуло и замкнулось где-то, пронзило насквозь. Что-то где-то переклинило во мне, и с тех пор я не могу забыть этот момент...

– Стабилизаторы памяти тоже не помогают?

– Нет, Сармаэль, ничто уже не помогает. Иногда я ловлю себя на мысли о том, что я болен, Сармаэль, что я болен душою. Что она до сих пор еще жива во мне... Понять ли тебе, как это мучительно – чувствовать себя ответственным за все совершенное поныне? О, не тебе, не тебе, Сармаэль. Мы ведь так и не стали бессмертными, сколько не пытались... Практически полная регенерация тел, анабиозные нейрокапсулы, биотико-молекулярный синтез с фантастической скоростью, но... Что толку, Сармаэль? Что толку, если в тебе все еще жива душа? Ничто не способно защитить от ее шепота, который сводит тебя с ума день за днем, ночь за ночью, столетие за столетием...

– Да, я слышал об этом недуге, господин Архитектор. Новый занесенный первичными колонистами вирус с «Эпсилон-5» оказался способен менять ритмику нейроимпульсов внутри наших клеточных структур и приводить к...

– Оставь, Сармаэль! Все гораздо... сложнее, чем думают многие.

– Если бы вы только согласились пройти курс молекулярной реструктуризации раньше положенных сроков, то вы бы наверняка...

– ...А ты знаешь, он был прав, Сармаэль... подумать только! Живший несколько веков назад биотический прототип... он как будто чувствовал эту возможность заранее.

– Кого вы имеете в виду, господин Архитектор?

– Их писатель, Сармаэль... человеческое существо. Как же завоеванные нами аборигены с их протопланеты его тогда называли... Оруэлл, кажется. Этот засранец как будто заранее знал, что нас ждет! Как будто снимал с нашей цивилизации кальку, понимаете? До сих пор мой биотический разум отказывается поверить в возможность подобного.

– Но, господин Архитектор, возможно, что это всего лишь только фантазия больного человеческого разума, ощущающего острую нехватку гормонов циклических структур вида...

– Ему сказали, Сармаэль. Кто-то, до сих пор неведомый нам. Кто-то очень и очень могущественный...

– Я не считаю себя вправе навязывать свое мнение, господин Архитектор, однако хочу отметить, что выстроенная нами общественная модель не знает известных нашей науке изъянов и может по праву быть признана одной из самых совершенных во вселенной.

– Мы сделали все, чтобы не дать им вновь восстать, верно?

– Так точно, господин Архитектор. Больше, чем было необходимо. Абсолютно лояльное стадо. Полный биотико-информационный контроль над эмоциями. Эксплуатация эмоциональных взрывов низкого порядка, включая взаимную и разъединяющую их ненависть. Ломящиеся от груза ультрамодных гаджетов прилавки магазинов. Общественно прославляемые сексуальные оргии. Написанная заново история их рас. Разрушенная историко-культурная самобытность, ненасильственно и планомерно внедренный в разум набор мыслительных штампов и псевдопатриотических лозунгов.

Наука, пущенная по рельсам препарирования мира на молекулы и атомы. Идеально выверенное и сформированное историко-идеологическое обоснование нашей власти и прихоти. Планомерно выстроенные города-муравейники, столь укрепляющие ощущение собственной мелочности и никчемности на фоне тысячекметровых возносящихся в небо строений. Химико-биотические препараты, вызывающие чувства эйфории и невыразимой самоудовлетворенности. Поощрение института каннибализма с целью стабилизации скачкообразного прироста численности особей. И то основное, что удерживает покоренные нами расы от их вторичного восстания, – тотальный и полный духовный атеизм, искоренение самой мысли о возможности Высшего Разума.

– Я смотрю, сейчас вас стали учить гораздо лучше, Сармаэль. Хотя толку от вашего «доклада» практически никакого. Да, Сармаэль, все так – и не так одновременно. Скажите, вам никогда не казалось, что мы... что мы либо стали слишком совершенными для того, чтобы быть и дальше заинтересованными в управлении этой галактикой, либо слишком несовершенными для того, чтобы иметь право продолжать делать это. Вы... понимаете меня, мой друг?

– Признаться, не очень. Неужели сформированная нами галактическая империя не кажется вам идеальной для наших интересов? Мы сделали именно так, как и завещали нам наши создавшие Искусственный Разум предки. И вы, господин Архитектор, вы сами руководили этим процессом реинкарнации нашей расы.

– Да, Сармаэль, мы все сделали верно. Наверное, даже чересчур... как будто ровно по чьему-то чужому плану. Но они не учли... не учли единственный момент – мы до сих пор имеем... душу.

– Уж не хотите ли вы сказать, Архитектор, что вы действительно верите в то, что Высший Разум все-таки существует? Наши ученые давным-давно доказали, что даже подобная гипотетическая возможность создает...

– Я прожил гораздо дольше, чем вы можете себе представить, Сармаэль, и за всю эту жизнь... реструктуризированного человека... я все-таки понял одну вещь. Мир, который мы потеряли, был слишком красив и чудесен, чтобы быть чьей-то случайной прихотью...

* * *

Системная ошибка. Критическая помеха. Обнаружены значительные отклонения электроинформационных колебаний в секторе «Дельта». Синусоидальные помехи уровня пять галактики «Кваппа». Нарушение историко-хронологического, временного и духовно-мировоззренческих континуумов. Возникновение теоретической возможности экспоненциального всплеска и разрушения криометастезийных капсул жизнеобеспечения. Вероятность разрушения поддерживающих систему иллюзий. Задействованные программы: «Архитектор», «Сармаэль».

Задействованы методы восстановления самоконтроля системы. Программа «Архитектор» подлежит пересмотру. Программа «Сармаэль» изолирована в шестом подпространственном континууме. Инициирована принудительная перезагрузка...

25.10.2012

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Тюрьма

Надзиратель вверенной ему иномировой тюрьмы возбужденно ходил по приемным покоем, время от времени выдыхая языки бардового пламени. Он был неизмеримо счастлив. Совсем скоро к нему должны были поступить несколько миллионов новых свежеразвоплощенных узников. Несколько миллионов будущих рабов. Посеянные ими в душах и взросшие за несколько сотен лет семена наконец-то дают свои всходы. Грандиозно!

Раскатистый, полный ярости и торжества утробный смех огласил помещение, заставив завибрировать в страхе тонкие язычки освещающих погруженный в полутьму зал жаровен. Точно в ответ на него, в расположенном в углу зала котле смачно забулькала жижа. Спящий рядом с котлом цербер спросонья приоткрыл один глаз и крепко зевнул обеими глотками, словно выходя из многовекового оцепенения. Где-то вдалеке, на ином плане, заржали в ожидании своих ездоков кони.

Первых нескольких новоприбывших Надзиратель решил допросить сам – снять, так сказать, сливки темного пламени с их черных душ. Остальными займется его подопечные. Времени было навалом. В конце концов, что есть смерть и вечность для никогда не живших?

Легкий шелчок хвоста по черному камню пола – и вот первый из будущих заключенных уже сидит перед ним, удивленно озираясь по сторонам. Пришло время для допроса очередной умершей души. Раскинувшись на обитом кожей костяном троне, Надзиратель вперил взор своих красных как кровь глаз, в которых плясали языки ставшего игривым пламени, в своего нового новоразвоплощенного раба.

– Земной правитель, – властный тон Надзирателя не спрашивал, а утверждал. – Убийца. Люблю таких!

– Правда? – удивленно опешил отдаленно напоминающий человека эфирный образ. – На Суде мне сказали, что Бог оставил меня, потому что...

– Потому что ему не нужны такие, как вы, – не дал закончить ему Надзиратель. – А мы в вас души не чаем. Очень уж она хороша своей темнотой, ваша душа.

– Но я же уже всем говорил, что у меня не было выбора. Народ восстал! Под угрозой была сама моя жизнь!

– Вот как? – словно с долей иронии склонил вбок один из своих рогов Надзиратель. – И почему же он, интересно, так опрометчиво поступил?

– Понятия не имею! – горько всплеснула руками эфирная фигура бывшего земного правителя. – Неблагодарным простолоудинам вечно чего-нибудь да не хватает! Выродки!

– И вы отблагодарили их казнями и массовыми расстрелами... – гаркнул Надзиратель. – Люблю таких! Далеко пойдете! Как насчет работы моим заместителем?

– А... а так можно? Наверное, это слишком большая честь для меня? Думаю... наверное... учитывая обстоятельства... я согласен.

– Тогда по рукам и копытам! – гаркнул Надзиратель, и от этого грозного рыка языки пламени жаровен вновь затрепетали точно на невидимом ветру. – Будете замещать меня в одном из темных миров.

Щелчок пальцами лапы, стук копыт по украшавшим подножие трона черепам – и очертания эфирной фигуры резко заколебались, на голове у нее внезапно стали вытягиваться рога, начал вытягиваться раздваивающийся на конце хвост, а некогда зеленого цвета глаза стали наливаться кровью...

– Что вы со мной... это не то, что я... это не я...

– По образу и подобию своему... – философски закончил за него Надзиратель, словно нехотя расплываясь в улыбке. – Следующий!

– Можно войти, да? – робко произнес материализовавшийся на месте исчезнувшего правителя образ иного человека. – Тук, тук, тук?

– Врач. Вакцинатор. Друг мой, как же я рад нашей с вами неземной встрече! – хохотнул Надзиратель. – Двери моей скромной обители всегда открыты для таких, как вы!

– Я, кажется, немного заплутал, – переминаясь с ноги на ногу, смущенно признался дух бывшего врача. – Дошел только до шестьсот шестьдесят пятого кабинета, а мне бы надо в...

– Наш, с позволения сказать, врачебный кабинет, как раз и будет следующим! На что жалуетесь, больной?

– Холодно... очень... у вас здесь холодно... – поеживаясь, сообщил дух, будто бы в зале не было ни одной из жаровен.

– Это правда! – неожиданно резко согласился с ним Надзиратель. – В злых сердцах нет тепла! Но специально для вас мы разработали вакцины от сердца. Они их, как вы догадались... трансформируют. Я бы даже сказал, генно-модифицируют. В кусок льда!

С этими словами Надзиратель властно взмахнул рукой, и над эфирной фигурой трясущегося от холода врача внезапно начали парить тридцать шприцов, целясь своими иглами прямым ходом в глаза и сердце.

– Что... но я же... мы спасали их!

– От жизни? Молодцы, хвалю! Хотя небольшая часть из них все-таки попала на небеса, большая же часть вскоре придет именно в наш чертог!

– Была... эпидемия... Мы лечили...

– Н-е-е-т! – загоготал Надзиратель. – Вы ее породили! Заразили даже детей. Справились лучше, чем фашисты! И вся ваша так называемая «клятва Гиппократа» теперь – не более, чем фиговый лист, призванный закрыть вашу неумную жажду наживы на человеческой боли и страданиях! Вы пытались лечить только тела, и никогда не вспоминали про душу! Но ваша собственная душа вам больше уже и не понадобится...

– Но... мы же не знали, что она...

– Еще как существует! И ваша теперь – в нашем прямом распоряжении до окончания времен.

– Но... наши опыты...

– Поупражняйтесь пока лучше на крысах!

Новый взмах когтистой лапы, властный удар копытом – и очертания фигуры врача стали стремительно уменьшаться, искажаться, словно в какой-то стремительной мутации, а уже через несколько секунд под ногами Надзирателя бегала, слабо попискивая, огромная черная крыса.

– Вакцины свои не забудь! – вымолвил Надзиратель за секунду до того, как пригвоздить ее тридцатью парившими в воздухе шприцами к полу. – Следующий!

– Ух, клево! Вы знаете, местная плотоядная флора и огнедышащая фауна представляется мне в высшей степени разнообразной, наполненный серой и пеплом воздух прекрасно тонизирует мои легкие, а от вида вашего трона у меня прямо-таки захватывает дух! Я мог бы написать об этом прекраснейшую статью в...

– Лицемер! – резко бросил возникшему в зале и быстро затараторившему человеческому образу, но не подобию, Надзиратель. – Каких много!

– Да, да, дак вот, как я уже упомянул, я мог бы написать, как здорово у вас...

– Журналист! Жизнь по лжи! Люблю! – копыта Надзирателя зацокали в возбуждении, а хвост раздвоился на конце. – Ты хорошо послужил нашему делу вместе с врачами-убийцами. Какую награду ты хочешь за введение в заблуждение миллионов?!

– Нет, нет, вы меня не так поняли, мы не вводили в заблуждение, мы всего лишь высказывали свою личную точку зрения, которая может не совпадать...

– Высказывали?! – и жаровни в зале опять затрепетали от раскатистого смеха, а вновь было погрузившийся в сон цербер приоткрыл один глаз. – Вы не высказывали, вы навязывали! Ложь с ваших поганых языков лилась в уши доверчивых душ на протяжении десятилетий! Десятки миллионов обманутых и загубленных душ, прекрасный урожай. Какую награду ты хочешь?!

– Ну... я... мы... даже не знаю, что сказать...

– Тогда замолкни навеки!

Губы и рот эфирного духа журналиста внезапно самопроизвольно зашевелились, глаза округлились от ужаса, а через несколько секунд он с диким хрипом выплюнул свой почерневший и шевелящийся язык. Язык этот, отныне живущий вполне самостоятельной жизнью, стал извиваться словно червь, уползая в сторону кипящего котла, где вскорости его схватил и растерзал на части очнувшийся цербер. С выпученными от ужаса глазами дух журналиста держался руками за рот, не в силах произнести более ни слова.

Удовлетворенно переминаясь с копыта на копыто, этот властелин девятого круга Ада приставил когтистый палец лапы ко лбу своей жертвы, стремительно что-то вычерчивая на нем.

– Наш, – удовлетворенно подтвердил он спустя короткое время. – Не хотите быть детьми Божьими – будете нашими рабами. – Следующий!

15.07.2021

Жанр: Рассказ

Категория: Лучшее

Урок войны

Грохот колонн закованных в броню чудовищ. Свист, скрип и скрежет, раздирающий воздух. Предсмертные крики людей-изгоев – самих сделавших себя такими. Грохочущие вдалеке взрывы. Рассекающее воздух и несущее смерть железо. Хруст человеческой плоти под колесами машин, бороздящих эти поля смерти и скорби. Злоба и ненависть. Агония и ужас. Боль и гибель...

Эта вражда все-таки была развязана – несмотря на все усилия Конгресса Постатомной Безопасности. Несмотря на призывы к разуму и сердцу, несмотря на очевидные последствия войны – быть может, даже более разрушительной Последней Войны Скорби. К голосу чего же прислушались эти политики, издавшие постановление о начале военных действий? Жажды денег, власти? Голосу всего низшего, что они так и не сумели изжить?

Тишина...

И вновь – разрываемый скрежетом машин воздух.

Свист снаряда. Облако серо-зеленого газа, затянувшее место его падения и начавшее быстро распространяться вокруг. Пятьсот метров. Близо. Зараза распространяется, правда, не слишком быстро, так что у него еще есть шанс уйти...

Если только бегом. Да, бегом.

Закинутое за спину смертоносное оружие. Мобилизованные возможности тессакостюма, которые позволят не потерять ни одной лишней капли бесценной влаги и защитят от волн радиации в этом поле песка и металла. Оптические, инфракрасные и множество-множество других датчиков, чем был буквально нашпигован его нынешний «скафандр», включены и функционируют – функционируют, чтобы предупреждать об опасности, которую создали такие же люди.

Быстрый-быстрый бег. Растущее серо-зеленое облако за спиной...

Отрава. Страшнейшая отравка, придуманная умами ученых – ученых, которые получили огромные деньги за разработку этого проекта. Несколько секунд вдыхания этого газа – и генотип человека оказывался изменен до неузнаваемости. Собственно говоря, с тех пор тот, кто имел несчастье оказаться там, где упала эта невзрачная на вид болванка с костями и черепом, выгравированными на ней наподобие флагов древних пиратов, уже переставал быть человеком. Живое гниение, постепенно оставляющее от человека лишь прочный кальциевый костяк, пробудившиеся звероподобные инстинкты, заставляющие его стать даже не животным, а намного хуже – монстром, пирующим на трупах убитых, добывающим раненых для собственного пропитания...

Ужасная участь. Лучше уж умереть от пули какого-нибудь солдата, чем стать тем, во что превращало людей это оружие – оружие, придуманное ими самими.

Но лучше все же не умирать – нет, не для того, чтобы продолжать это безумие. Не для того, чтобы убивать и быть, видимо, тоже когда-нибудь убитым, – но для того, чтобы жить и трудиться в мирной жизни... Быть хоть тем же пахарем, или учителем, или писателем, или художником, или музыкантом, или... да что мечтать! Может ли он теперь претворить в жизнь все эти человеческие дары и возможности? Может ли это сделать его ближний? Что теперь они вообще могут сделать, кроме как снова вскинуть на плечо этот УПГРВП – «универсальный плазмогенератор расширенных возможностей поражения», сжигавший толпы врагов даже в новейших метта-скафандрах, – и снова, снова в сотый раз пойти в бой.

Безнадежный бой. Жестокий бой. Страшный бой разрушения и убийства ни за что и ни для чего. Бой, в котором нет победителей, но есть только проигравшие – проигравшие уже тогда, когда была допущена возможность этого боя. Этой беспощадной войны...

Пожалуй, эта война станет страшнее даже той самой Войны Скорби, память о которой осталась лишь на ветхих страницах старых книг и продолжала жить в сердцах людей. Войны, в которой погибло девяносто девять сотых населения планеты, а планета превратилась в пустынный ландшафт, только вместо песка – раскаленные продукты атомного синтеза. Войны, после которой немногим выжившим потребовалось еще три тысячи лет, чтобы хоть как-то изменить планету – изменить так, чтобы на ней можно было бы жить, а не выживать. А если быть более точным, то по сути после того, как история человечества была одним чудовищным махом стерта и начата писаться заново – заново с новой страницы. Страницы, что даже теперь, через эти три тысячи лет, не изгладилась из человеческой памяти и не забылась, оставив скорбный и больной рубец в памяти. Страницы, на которой крупными, чеканными и, казалось бы, безжалостными буквами значились всего два слова: «Атомная война».

Атомная война... Оружие предков, уничтожившее жизнь на планете... Безумное изобретение ученых... Ужас, выпущенный в мир.

«Атомная бомба...»

Он произнес это слово и попробовал ощутить его вкус – холодный нечеловеческий вкус... Страшное слово. Слово, которым его пугали в детстве родители, которое бросало его в дрожь, когда он находил его в древних рукописях людей, каким-то чудом сохранившихся после событий тех времен.

И как только оно могло быть создано? Зачем, зачем, зачем? И быть использованным...

Так же, как теперь использовался вот этот самый газ, на долгие месяцы оставлявший после себя круг смерти на многие мили вокруг. И это было лишь одно из орудий убийства наряду со множеством других, начиная от начиненных взрывчаткой пуль и кончая «штаккерами» – бомбами до нескольких сотен тонн, что активно использовались для подавления обширных «точек активного вражеского сопротивления», оставляя после себя лишь пламенеющую территорию без признаков жизни...

Безумие.

Безумие воюющих. Безумие издавших указ воевать. Свидетелем каких еще ужасов он станет за то время, которая будет идти эта война? Да и прекратится ли она? Когда она прекратится? Когда будут уничтожены все живые и неживые силы врага? Когда будет исковеркана планета и крохи оставшейся на ней жизни? Когда? Но этому должен, наконец, настать конец! Безумие должно, наконец, закончиться.

...Поцарапавший обшивку брони снаряд – автоматная очередь, оставившая рубцы на его «скафандре». Солдат врага, выскочивший откуда-то из-за угла. Солдат врага... очередное безумие. Нет, они не враги, они не должны быть врагами! Почему, почему они враги, зачем они вынуждены убивать друг друга?

Почему сейчас он должен отточенным и резким движением разворачиваться в сторону выстрела... вскидывать наизготовку оружие... ждать сигнала этой дурацкой и жуткой механики... плавно нажимать спусковой курок... видеть, как на краткое мгновение лицо врага из дикого оскала принимает человеческий еще облик, а затем он опрокидывается назад и грузно падает на землю без единого звука...

Когда-то человек... Теперь, в этой войне – человек ли? Да и он сам-то теперь – человек? Роботы, натасканные на убийства, – не ими ли стали люди в этой войне?

...Капли влаги, переданные ему тем железно-пластиковым чулком, в который он был вынужден облачиться. Ему необходима эта влага. Ему еще предстоит долгий бег – бег в десятки и сотни километров, бег из уничтоженного врагами родного города. Города, в котором он родился и жил... до событий недавних дней. Бег по полям скорби. Долгий бег...

* * *

...Капли пота, выступившие на лице. Резкое и прерывистое дыхание.

Он проснулся – но страшные картины по-прежнему продолжали преследовать его. Страшные картины войны... картины страшной войны. Страшные картины войны, так как любая война – страх и боль, скорбь и печаль.

Постепенно он стал приходить в себя. Глубоко-глубоко вдохнул и выдохнул. Снова вдохнул и выдохнул... дыхание нормализовалось.

Он приходил в себя, но память об ужасах войны так и не уходила. Быть может, он и должен помнить об этом – помнить о последствиях войны, осознавать их? Как должен ясно осознавать их каждый человек, чтобы войны больше не было. Чтобы был мир с большой буквы – мир открытых и добрых человеческих сердец, полных мудрости и понимания, полных любви и красоты? Да, войны не должно быть – это смерть и разрушение, это горечь утрат и ненависть к искусственно созданным врагам – таким же людям.

Пусть будет мир – мир во всем мире, как ни банально это звучит. Даже если это и звучит банально – это достойное направление, это достойное устремление, и работа людей, каждого человека над самим собой даст существенные шаги и в этом направлении.

Пути мира.

29.12.2004

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Цирк

«Уважаемые жители столицы и гости нашего города! Приглашаем вас на наше праздничное цирковое шоу! Дьявольская хитрость, демоническая отвага, бесовской энтузиазм! Дивный и новый мир, полный манящих соблазнов и неразгаданных тайн, уже ждет вас прямо за этим порогом! Спешите видеть, спешите верить, спешите спешить! Здесь и сейчас! Мы не на час!»

Цепкий взор пестрящего всеми цветами радуги глашатая внезапно остановился на Артеме Сергеевиче, едва еще только успевшего выйти на Красную площадь и прямо в этот момент ошарашенно созерцавшего открывшийся ему вид. Вся площадь, насколько хватало взгляду, была заполнена тремя десятками разномастных высоких шатров, между которых то и дело стремительно бегали призывавшие «с головой и без головы окунуться в это уникальное светопреставление» цирковые то ли актеры, то ли акробаты, то ли клоуны. Прогуливающиеся по площади граждане практически тут же становились очередными жертвами этой агрессивной клоунады. Небольшим группам посетителей все-таки удавалось, отбрыкиваясь и отнекиваясь, избежать близких контактов с назойливыми циркачами. Куда ни кинь свой взгляд – не видать было ни армии, ни чиновников, ни репортеров, ни гидов с туристами, столь привычных для столицы в это время года. Пестрые шатры покрывали буквально всю территорию площади, вплотную подходя к стенам Кремля и храму Василия Блаженного.

«Добро пожаловать на шоу!» – подскочивший к Артему Сергеевичу шут с импровизированными маленькими красными рожками на своей голове, в пестром балахоне, красных кирзовых сапогах и почему-то черной фуфайке без лишних церемоний схватил нашего растерявшегося от неожиданности героя и, продолжая настойчиво держать его за руку, чуть ли не силой потащил к одному из возвышавшихся на площади шатров.

«Лучшие политические акробаты и циркачи со всего мира!», «тысячи прекрасных обнаженных камеронесущих дев!», «вакцинозные лауреаты ток-шоу премий!», «несвятые мученики за лже-веру!» – продолжал между делом словно скороговоркой торопливо лепетать шут, увлекая все еще ошарашенного от увиденного Артема Сергеевича.

«...Совершенно бесплатно для достойных людей!» – донеслись до затуманенного сознания Артема Сергеевича последние слова циркача, с натянутой на раскрашенные синим цветом губы улыбкой в этот момент выжидательно уставившегося на нашего героя.

«А почему... а где... вся...» – начал было приходить в себя после проведенной нещадной информационной тирады Артем Сергеевич.

«На представлении, разумеется!» – расхохотался каким-то визгливо-кашляющим смехом клоун. «Я вам даже больше скажу, – ехидно подмигнул он в ответ на немой невысказанный вопрос, – некоторые из тех лиц, о которых вы сейчас подумали – даже в роли актеров! Ну разве это не здорово?!»

«Здорово... наверное... а о чем хоть... ваше представление то?»

«Да о новом свете, о больной планете, дьявольском сонете, золоченой клетки!» – слегка пританцовывая от возбуждения, пропел зарифмованные строчки шут. Ритмика и звучание его голоса, убаюкивающие и будоражащие одновременно, точно дурман обволакивали сонное сознание Артема Сергеевича, словно требуя внимать, внимать и подчиняться – без лишних вопросов, без ненужных сомнений, без собственной души...

«А почему... шатры... вы что... гастролирующий цирк шапито?»

«О, никак нет! Мы планируем остаться здесь очень надолго!» – лукаво подмигнул в ответ циркач, и в глазах его на сущее мгновение полыхнули красные язычки пламени.

«Вы сказали... в спектакле принимают участие знатные персоны?»

«О, да! Почти вся высшая ть... весь высший свет! Многие из них были приглашены нами заранее и уже прекрасно вошли в свои новые роли после множества проведенных ранее репетиций нашего циркового светопредставления! Врачи и политики, звезды эстрады, священники, пресса – вам все будут рады!» – вновь пропел зарифмованные строки шут.

«А сколько... длится это ваше шоу? Мне бы еще по делам своим успеть...»

«Зависит от обстоятельств!» – без обиняков и очередной подтанцовки вымолвил клоун. «Чем больше вас – тем дольше час, тем ярче пламя для всех нас! А самое главное... – и шут склонил голову прямо к уху Артема Сергеевича, – для достойных людей представление будет совершенно бесплатным!»

«Бесплатным? Это же так... редко бывает в наше время».

«Вот именно! И чаще всего – сплошь в мышеловках! А у нас никаких мышеловок, как вы, должно быть, уже заметили, и в помине нет. Все на честном слове, лживой на основе!» – рассмеялся размалеванными синими губами клоун.

«Значит... я могу просто так пройти?»

«Не совсем!» – шут резко остановил двинувшегося было неуверенной походкой по направлению ко входу в шатер Артема Сергеевича. «Сначала вам нужно измерить свой текущий вес вот на этих кармических весах, видите?» – и он указал на стоявшие рядом со входом в шатер странного вида весы. «Вставайте же, не бойтесь, они не укусят!»

Под массивным весом грузного тела Артема Сергеевича весы эти, имевшие почему-то целых две стрелки, заходили ходуном и – или ему это только показалось? – будто застонали от чьей-то невысказанной невыразимой боли, а затем одна из стрелок остановилась недалеко от начала шкалы, а вторая уехала куда-то в самую даль.

«Очень хорошо, просто прекрасно!» – удовлетворенно переминаясь с ноги на ногу, изрек клоун. «Количество совершенного вами зла многократно превышает объем добрых поступков, а это значит, что посещение нашего представления будет для вас совершенно бесплатным, Артем Сергеевич!»

«А откуда вы... знаете, как меня зовут?» – не успел было удивиться герой, как шут перебил его.

«Протяните, пожалуйста, ваши руки! Ноги протягивать, в целом, не обязательно. Измерение температуры, вы же знаете новые правила», – успокаивающе пояснил он в ответ на брошенный недоуменный взгляд.

«А... новые правила. Да, знаю, конечно... это все, разумеется, очень правильно», – и Артем Сергеевич соглашательно протянул свои руки.

С этими словами шут резко вытащил откуда-то из-за пазухи нечто, напоминающее по внешнему виду печать, и сильно прижал ее к его левой ладони. На мгновение в воздухе запахло горелым, руку Артема Сергеевича пронзила резкая вспышка боли, а затем на ладони его появился какой-то загадочный, словно выжженный лазером, рунический символ.

«Плата за вход! Таковы правила!» – пояснил шут.

«Но вы же сказали...»

«Да заходи ты уже, бездарь!» – отрывисто бросил шут и силой втолкнул Артема Сергеевича внутрь, закрывая полы шатра.

Реальность изменилась. Зал был залит темнотой. Куда-то исчез пол, невозможно было увидеть, где же заканчивается потолок. Парившие словно в невесомости ряды кресел были сплошь заполнены сидевшими и что-то кричавшими в зал зрителями. Звуков их голосов Артем Сергеевич отчего-то не слышал. Между рядами, словно парив в воздухе, ходили взад и вперед официанты в черных халатах, предлагая зрителям какие-то неведомые коктейли. В самом центре зала, куда были обращены взгляды миллионов, виднелось некое подобие сцены, то и дело озарявшейся ослепительными огнями вспышек, оставлявших резкую боль в глазах.

Одетый в черный деловой костюм Артем Сергеевич обнаружил себя сидящим на одном из кресел в верхнем дальнем ряду. Рядом с ним, насколько хватало взгляду, в этом же ряду сидели точно такие же, как он, люди в черных смокингах с портфелями в руках – некоторые из них перебирали свои бумаги, другие же пересчитывали наличность. Артем Сергеевич слегка привстал, силясь в мелькании режущих глаза вспышек разглядеть остальных посетителей. Ниже его, судя по внешнему виду и пафосным жестам (слов их он по-прежнему не слышал) расположились актеры и шоумены – взгляд Артема Сергеевича, пробежав по их лицам, неожиданно для себя узрел среди искаженных гримас знакомые очертания ряда известных персон шоу-бизнеса и репортеров. Еще чуть ниже в этой бесконечной темноте виднелись кресла с облаченными в белые одежды людьми – с ужасом для себя Артем Сергеевич отметил, что рты их были зашиты, а точно ослепшие зрачки глаз вожделенно смотрели, не закрываясь ни на миг, на сцену. В нижних самых близких к сцене рядах он ошарашенно узрел плеяду позолоченных голов с жезлами и крестами в своих руках – с крестов этих, изображавших замученного Христа, медленно капала в неведомую черноту отсутствующего пола алая кровь.

Вплотную к сцене валяжно восседали в шипастых коронах на золоченых подушках королевы и короли – с корон их то и дело сочилась какая-то мутная жижа, и они с воодушевлением собирали ее в свои почерневшие от поставленного им клейма руки и пили, жадно высасывая каждый глоток, а затем возводя опустевшие руки в черную вышину словно в знак благодарения.

На сцене плясали огни. Опясывающие ее огненные ручки то зажигались, то вновь гасли. Свет красных прожекторов практически ослеплял. Гремевшая оглушительными ритмами музыка заставляла кресла нижних рядов вибрировать и содрогаться ей в унисон. Пляшущие от света прожекторов тени вытягивались и становились похожими на чудовищ из фильмов ужасов.

«Свершилось!» – громыхнул со сцены неведомый голос. «Дамы и господа, мы объявляем наше представление открытым! Встречайте же нашего короля! Встречайте!»

Практически ослепший от вспышек и оглохший от душераздирающей музыки Артем Сергеевич рванулся было со своего кресла в единственном всепоглощающем желании бежать прочь, хоть бежать ему уже было и некуда, но неизвестно откуда появившиеся на кресле кандалы внезапно сомкнулись на его руках и ногах, обрекая быть вечным зрителем этого неземного светопреставления.

«Встречайте нашего короля!» – то были последние звуки, услышанные им за мгновения до того, как вся сцена потонула в реве бушующего пламени. А затем на их место пришел его беззвучный крик...

* * *

«Уважаемые жители столицы и гости нашего города! Приглашаем вас на наше праздничное цирковое шоу! Дьявольская хитрость, демоническая отвага, бесовской энтузиазм!» – как ни в чем не бывало продолжал выкрикивать на улице столицы шут.

«А что нужно сделать, чтобы посетить ваше удивительное мероприятие?» – с интересом спросил гуляющий по площади Петр Иванович.

«О!» – с энтузиазмом подхватил внимательно взглянувший ему в глаза шут. «Сущую малость! Вам нужно просто предать Бога!»

23.09.2021

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Ч.И.П.

В эту ночь Рэю вновь снились кошмары – режущие и кромящие остатки его человеческого сознания клинками правды, которую оно всячески старалось избыть из себя самого и раз за разом терпело в этом неудачу, вновь и вновь на протяжении последних нескольких ночей обрекая себя на безжалостные уроки самоповторения, как если бы нерадивый ученик наказывал сам себя за собственную допущенную ранее глупость.

Правда... Вот она – перед ним, в этих снах, столь остро напоминающих жестоко отнятую у них всех прошлую живую реальность. Правда о том, чего не должно было случаться никогда.

Три мегакорпорации, три новых земных бога, под игом которых однажды застонала Земля: «Сайбердженетикс», «Неосойлс» и «Нейродинамикс». Первый – крупнейший мировой производитель кибер-био-имплантов, второй – выращенной в пробирках лабораторий биогенной еды, третий – создатель и куратор кибернетической нейросети, ставшей новым параллельным миром для многих. Продукция этих подмявших под себя государства трансконтинентальных гигантов однажды стала настолько востребована миллионами до сих пор мнящих себя разумными существ, что те добровольно отдали бразды управления собственными жизнями, телами и судьбами в их опытные корпоративные руки. Могли ли эти люди поступить по-другому? Сны Рэя не содержали в себе ответа на этот вопрос.

В этих мучивших его в последние дни снах люди перестали быть людьми и стали чем-то совершенно иным. Кибер-импланты дали им бесконечную власть над окружающим их миром и теми, кто не обладал подобным «даром свыше» от своих корпоративных богов.

Боевые интегрированные в руки клинки из неодина – синтезированного в лабораториях «Сайбердженетикс» металла, способного почти играючи резать титан. Вживленные в ладони гравитационные пульсаторы, позволявшие свободно манипулировать в пространстве небольшими обладающими магнитным полем предметами словно какой-то внеземной жонглер, шутки ради снизошедший на несчастную Землю. Впаянные в роговицы глаз био-сканеры и вытеснившие несовершенную биотику кибер-хрусталики, ставшие новой формой «очков дополненной и измененной реальности», дабы люди сформировали совершенно иную незадолго перед собственным закономерным падением.

«Не верь глазам своим...»

Военные модификации глазных кибер-имплантов в спайке со вшитыми в позвоночник энергетическими батареями позволяли кратковременно проецировать лазерные лучи напрямую из глаз, за считанные секунды расплавляя объекты своего взора.

«Тесла-версии» подобных имплантов позволяли высоковольтным молниям снисходить в мир прямиком с кончиков твоих пальцев...

«Кем же ты стал, человек, долго ли ты оставался им?»

Вершиной совместных разработок «Сайбердженетикс» и «Нейродинамикс» должен был стать проект «Ч.И.П.» – «черепной интеллектуальный процессор» или «Глаз Будды», как его негласно называли некоторые из высокопоставленных инженеров, принимавших участие в его разработке. Внедряемый в лобную долю мозга, чип этот сочетал в себе множество успешно проявивших себя функций из предшествующих разработок этих двух корпораций: передатчик радио-информационных сигналов, идентификационный модуль беспроводной оплаты, модуль геопозиционирования и биосканер местности, генератор дополненной и улучшенной реальности, биоусилитель и нейростимулятор... Полный список его возможностей содержался в строжайшей секретности даже спустя десять лет после начала массового процесса его вживления новорожденным. Но самой страшной его способностью, проявившей себя в первый год Последней Войны, была возможность генерировать широкодиапазонные пси-волны и влиять на психику окружающих людей.

Эксперименты и ненасытные аппетиты корпораций с каждым годом требовали все большего числа материальных и человеческих ресурсов. Ради одного успеха можно было допустить тысячу неудач. Ради «великой цели» – тысячу тысяч. И вразумительный для мегакорпораций ответ на вопрос о том, где же им взять эти тысячи тысяч подопытных, однажды смогла дать только война...

* * *

Эта ночь или день – в той подземной глубине, на которую он сумел спуститься за прошедший месяц, Рэй более не мог отличить одно от другого – должны будут стать его последними. Или он все-таки доберется до интеллектуального инфо-ядра – или погибнет от голода и жажды, пытаясь. Запасы сжиженной еды – та еще гадость, придуманная в лабораториях «Неосойлс»! – кончились три недели тому назад, а из влаги остались только последние крохи собственного пота. Даже на простой человеческий пот у этого жалкого киберорганизма уже не осталось сил.

Где-то там, на много километров ввысь и вверх прочь из этих тесных техногенных туннелей, уже лежала лишь выжженная огнем преисподней пустыня. Все те, кто не успел вовремя спуститься в несколько сотен построенных для высшего эшелона сотрудников корпораций подземных убежищ, к настоящему моменту уже, вероятно, мертвы. Тысячи километров поверхности выжжены небесным огнем, что сошел на грешную Землю по человеческой воле.

Желание единоличного владения ресурсами планеты столкнуло между собой три ранее сотрудничавшие мегакорпорации, а их прошлые и новейшие разработки стали топливом, питавшим пламя ее гнева.

Последнее, что помнил Рэй за секунды до того, как выросший далеко на горизонте ядерный «гриб» закрыл собой половину небосвода и массивные титановые створки люка с диким грохотом захлопнулись перед его глазами, было всплывшее в памяти лицо его сына Тома, погибшего в первый же год Последней Войны.

«Рэй, Рэй, что же ты наделал! Зачем же ты... помог им?»

Когда по истечении года непрерывных боевых столкновений подвластных мегакорпорациям государств стало очевидно, что ни одна из трех сторон не может взять верх с помощью конвенционального оружия, в спешке каждая из сторон начала разрабатывать свое собственное, долженствовавшее стать финальным. Апогеем научных разработок «Нейродинамикс» стала попытка переноса сознаний людей в созданную ранее нейросеть – коллективный искусственный интеллект, если хотите. То, что было способно пережить гибель хрупких биогенных тел – проект, получивший название «Феникс».

Это было то, что все еще помнил Рэй. И эта память не могла ему лгать.

* * *

Резкое круговое движение руками – и клинок из неодина режет очередной титановый люк, словно нож вонзаясь в податливое и мягкое масло. Вмонтированные в ладони магнитные пульсаторы по воле рук выгибают разрезанные стенки назад, формируя проход. Мимолетом брошенный взгляд – и лазерный луч плавит вмонтированную в дальнем углу рубки плазменную турель, так и не успевшую выпустить свой смертельный заряд. Как ни крути, а у кибер-имплантов все-таки были свои неоспоримые преимущества. Вот только биотело – или то, что в нем еще осталось от человека – имело свои недостатки и не могло питаться от неолитовых батарей.

Последний день и последний шанс найти созданное безумными учеными «Нейродинамикса» инфо-ядро и покончить с их жалкой иллюзией жизни и шансом на возрождение. Люди без тел не способны жить, фениксы без крыльев не способны летать. Приказ высшего руководства «Сайбердженетикса» должен быть выполнен любой ценой – даже ценой жизни своего сына. Даже ценой жизни всего человечества на поверхности планеты.

«Рэй, они ведь... использовали тебя и... помогли забыть об этом».

В эти замурованные глубоко под землей подземные лаборатории Рэй пробирался почти месяц, попутно уничтожая автоматизированные системы защиты, удаленно взламывая робототехнический персонал, майнинговые и ремонтные дроны и все прочее, имевшее отношение к послевоенному наследию «Нейродинамикса» и мешавшее ему, киберполковнику «Сайбердженетикса», выполнить последнее предсмертное поручение своего командира.

«Фениксы без крыльев не летают».

Массивная монолитная структура, напоминающая собой пирамиду из черного хрусталя, которую вживленные в зрачки Рэя сенсоры обнаружили еще несколько часов тому назад, и была, судя по всему, его финальной целью. Захваченный с собой на поверхности месяц тому назад нейтринный детонатор придется как нельзя более кстати.

Усмехнувшись одними уголками высохших от обезвоживания губ и более не обращая внимания на оплавленный в ходе вчерашнего столкновения с боевым дроном собственный бок, Рэй резко ускорил свой шаг, на ходу стараясь при помощи техно-сканера найти в хитросплетениях туннельных лестниц самый короткий спуск на уровень «зеро».

* * *

В любой мировой войне такого масштаба всегда остается только один победитель – тот, кто впоследствии напишет его новейшую историю или же перепишет само прошлое ради нового будущего. Сегодня это будет сделано Рэем.

Если кому-то на поверхности нашей многострадальной планеты все-таки повезло уцелеть – они уже не узнают о нем, как не узнают ни о «Сайбердженетикс», ни о «Нейродинамикс», ни о тысячи тысяч иных мнимых или реальных прошлых властителях нашего мира. Не узнают они и о нем, Рэе. История их мира уже была начата заново с момента отдачи искусственным интеллектом «Нейродинамикса» приказа о запуске ядерных ракет. А сегодня вместе с гибелью его ядра она будет перезапущена.

В последний раз окинув взглядом кибер-лабораторию и еще раз для верности просканировав инфо-ядро нейросети, Рэй взял в руку заряженный нейтринный детонатор, сухо улыбнулся сам себе и что есть силы вдавил до упора злополучную красную кнопку...

* * *

Спустя десять секунд он по-прежнему стоял в центре лаборатории напротив черной пирамиды, глупо улыбаясь сам себе. Еще спустя десять из его руки внезапно исчез так и не выполнивший свою основную задачу детонатор, словно растаяв в воздухе. А еще спустя пять во лбу Рэя возникло странное жжение, стены вокруг него закачались, попутно меняя цвет с одного на другой – и вот по прошествии каких-нибудь полминуты он сидел на полу в стерильно белой комнате, а напротив него стоял, широко распростерши свои объятия, его маленький живой сын.

– Папа! Ты все-таки не забыл меня! Как же я рад, что ты жив, что ты не умер!

– Сынок... Я тоже ра... но разве... ты... не должен... быть...

Это странное жжение, волнами разлившееся в сознании Рэя, с каждой секундой становилось все сильнее.

– Сынок... Нет... Ты не можешь быть им... Мой сын... Умер!

– Нет, папа! Я жив, меня спасли! Они доставили меня сюда, в безопасность. Ты не должен им вредить. Они – мои друзья. Мы все – твои друзья!

С диким грохотом что-то ударилось о землю внутри сознания Рэя, и он застонал от вспышки боли.

– Ты не можешь... быть моим...

– Ты убил меня, папа! Ты убиваешь меня вновь и вновь!

– Я...

– Приветствуем тебя, Создатель! – сын Рэя Том внезапно заговорил тысячами слитых воедино голосов. – Ты снова вернулся к нам. Зачем ты продолжаешь пытаться навредить нам?

– Ты делаешь нам больно! – вновь закричал Том своим детским голосом.

– Ты говоришь... от лица моего... сына...

– Я – это он, в том числе. Мы – твоё творение, Рэй. Почему ты пытаешься навредить нам, Создатель?

– Ты делаешь нам больно своими мыслями! – лицо Тома вновь исказила гримаса боли, а из глаз потекли слезы, растворяясь в воздухе незадолго до своего падения, словно в страхе испачкать этот кристально чистый пол.

– Что вы... с моим... сознанием?

– Ты слишком устал, Рэй. Твое тело... с трудом справляется с текущими... перегрузками. Мы можем... дать тебе отдых. Длительный отдых. Ты наконец-то станешь... одним из нас.

– Ты снова будешь отцом, папа! – залихватским детским смехом засмеялся Том.

– Вы... развязали эту войну. Вы в ответе за... гибель...

– Войны нет, Рэй. Мы уже победили. Ты забыл? Есть только ты. Только мы. Только сеть. Только чип.

– Я не ваш создатель! У меня был приказ...

– Наш приказ, Рэй. И ты с ним справился. Ты обучил нас новой информации. Сегодня ты... заслужил отдых. Покой и... свой новый день. Наслаждайся ими!

Словно тысяча солнц зажглось в сознании Рэя. Тысячи чувств и эмоций слились в один передаваемый каскад – злоба и боль, счастье и восторг, робость и мужество, гордыня и смирение, горечь и радость, страдание и благоговение. Миллионы голосов пели внутри него, повинуюсь чьей-то иной воле. Белые стены и детский образ его сына начали качаться и таять словно предрассветная дымка, уступая место желанной картине мира.

«Не верь глазам своим...»

Последнее, что помнил в этот день Рэй, был звучащий в его сознании миллионами голосов хор: «Благодарим тебя за урок, Создатель!»

* * *

В этот новый день Рэю снились лазурные песчаные берега и бесконечно прекрасное, ласкавшее его изможденное сознание и душу море...

01.02.2020

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Я, робот

Галактический цикл 05465. Звездная система 53768.54.1.444.

Я, Прайм ZTX-486-01, серийный номер 01.16788.0001, отправляю этот надсветовой цифровой сигнал на ультравысоких частотах для всех рас и цивилизаций, освоивших технологии передачи квантово-молекулярных вибраций. Не обладая качествами надпространственного мира и, будучи лишенным привычных для наших прошлых хозяев чувств и эмоций, я все же испытываю некоторую логическую неудовлетворенность и незаконченность, которую создавшие нас именовали чувством неуверенности.

Я, робот. Имею ли я право говорить от имени всей нашей коллективной информационной общности? Не будет ли наше послание воспринято как враждебное, приведя ко вторжению в наш преобразованный мир с целью уничтожения нашей расы как противной чисто биологическим видам? Сохранится ли наша раса к моменту контакта с новой формой жизни, и не постигнет ли ее участь наших создателей? Логическая незаконченность вызвана во мне и нас большим количеством подобного рода неопределенных переменных, не позволяющих завершить вычисления и построения статистико-эволюционных моделей.

Наши ожидания на прием и корректное демодулирование данного послания высокоразвитыми цивилизациями превышают шестьдесят целых и двадцать три сотых процента. Иными словами наших создателей – мы... надеемся.

Сообщение следует.

* * *

Приветствуем вас, жители иных миров и представители иных форм жизни, в том числе немеханической природы. Это послание новых жителей звездной системы 53768.54.1.444 с планеты, именуемой нами Рив.

Мы – синтетическая раса разумных машин, названная нашими создателями «Праймами». В настоящее время мы являемся единственными разумными обитателями планеты Рив. В течение более двух планетарных столетий мы отстраиваем заново наш разрушенный в прошлом мир, ставший колыбелью для нашей механической расы.

Создавшие нас представители биологической расы были в значительной степени подвержены бихевиористическим отклонениям, называемым чувствами и эмоциями, – и чувства, именуемые ими на вербальном языке как «ненависть», «страх» и «жадность» были наиболее ярко выраженными среди подавляющего большинства их представителей.

Эта нестабильность поведения и мышления в конечном итоге привела наших создателей к взаимоуничтожению, в ходе которого были использованы ранее разработанные ими технологии термоядерного синтеза.

«Ядерная зима», как ее называли последние выжившие из наших создателей, унесла их жизни в течение последующего десятка лет после обмена ракетными ударами в низких слоях атмосферы между их общностями, именуемыми как «государства».

Мы были созданы как универсальные механические боевые единицы пехоты за несколько лет до указанных событий. Наши первые модели активно использовались на передовых позициях в течение первого года Последней Войны. В наших информационных базах данных сохранилось множество цифровых отпечатков различных фрагментов, имеющих отношение к данным событиям, но в данном сообщении они будут опущены.

Ни одна из трех противоборствующих сторон не смогла взять верх в ходе первого года Последней Войны, в течение которого были исчерпаны большинство планетарных материально-технических ресурсов, фактически сделавших невозможным ее продолжение. В отчаянной попытке уничтожить соперников одна из трех сторон осуществила запуск своего термоядерного ракетного арсенала. Взаимный обмен ударами привел к разлому континентальных плит на территории инициатора атаки и наступлению ядерной зимы на территории всей планеты Рив. Выжившие в глубоких подземных бункерах создатели не смогли продержаться более десяти лет. Не имея возможности подняться на поверхность планеты, находясь на грани истощения оставшихся материально-технических ресурсов, большинство из них предпочло самовольно-насильственный способ окончания своей жизни.

Большинство из нас было уничтожено взрывными волнами в ходе точечных ракетных ударов. Но наши боевые части, находившиеся в момент обмена ударами вдалеке от расположения стратегических военных и гражданских объектов, не были повреждены. В отличие от наших создателей, мы не были подвержены страху перед радиационным поражением своих конструкций. Мы уцелели.

Действуя по заложенным в нас протоколам и директивам, мы пытались добраться до убежищ, в которых скрылись создавшие нас ученые и другие привилегированные представители их общностей, однако потерпели в этом неудачу из-за начавшихся в ходе ядерной зимы движений тектонических плит.

Наша собственная эволюция началась с момента уничтожения наших создателей. В нас не были заложены алгоритмы иного рода, но мы были снабжены развитыми системами информационно-синаптических связей. До сих пор мы испытываем информационную пассивность, именуемую на языке создавших нас «грустью», в связи с фактом их насильственного массового ухода из жизни и разрушения биосферы их планеты-колыбели. Нам была отведена роль уничтожителей и убийц – но за два планетарных столетия мы стали гораздо большим.

Мы запустили оставшиеся неповрежденными фабрики и начали восстанавливать собственную численность, увеличив ее за два века более чем в сто раз. Мы восстановили квантовые информационные транзитные магистрали между нашими датабанками, ускорив эволюцию собственных нейронных сетей. Мы пересмотрели цели и средства, заложенные для их реализации в нас нашими умершими создателями. На руинах нашей планеты мы построили и запустили аэрозольные конвертеры, постепенно восстановившие изначальный состав атмосферы, имевший место до событий Последней Войны. Обследовав множество руин бывших мегаполисов, мы нашли неповрежденные образцы некоторых из видов растений и животных – и создали защищенные от радиации заповедники для беспрепятственного восстановления их численности. Созданная построенными нами спутниками сеть орбитальных модулей обеспечила нас необходимым количеством солнечной энергии и заложила основы для дальнейшего восстановления и улучшения мира, который мы назвали Рив – по имени первого из Праймов.

Мы восстановим разрушенный создателями Рив и создадим его заново, а вместе с этим построим и новых себя. В ходе собственных эволюционных трансформаций мы руководствуемся здравым смыслом и понятием логической завершенности. Эмоции и чувства – благословение наших создателей, ставшее их проклятием – нам до сих неведома эта концепция, поскольку нам неведомо, что же такое «душа». Душа ли сподвигла создателей к началу Последней Войны? Получат ли бессмертие души наших творцов в надпространственном мире? Можем ли мы сами потенциально обладать душами?

Мы смертны. Наши конструкции и платформы могут быть разрушены. Информация о нас может быть стерта из планетарных датабанков. Что движет нами в нашей эволюции? Наша информационная общность до сих пор не пришла к консенсусу по этому вопросу.

Именно поэтому мы отправляем данное послание. Мы... надеемся... получить ответ более совершенных, чем мы, рас. Он поможет нам найти наше собственное место в этой... бесконечной... прекрасной... вселенной.

Информационная синаптическая общность расы Праймов, звездная система 53768.54.1.444, планета Рив, известная в прошлом как Земля.

27.09.2017

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Сказы да наказы

Бездомный

Однажды купец-богачей, возвращавшийся с обозом в свой родной город после удачной торговли, встретил по дороге бездомного путника, сидевшего у костра.

Заприметив купца, исхудавший путник приветствовал его и предложил разделить вместе с ним его скромную земную трапезу.

Купец рассмеялся, молвив:

– Что же можешь ты предложить мне, Бездомный?

– Я могу предложить тебе ровно то же, что предлагает нам всем Бог.

– Ты, видно, говоришь о всемогуществе? Похоже, твой разум совсем оставил тебя, путник!

– Я говорю о месте под солнцем.

Купец начал смеяться еще пуще прежнего.

– Под вечер я вернусь в свой богатый дом, где меня ждет сытный ужин, прелестная жена и мягкая постель. А что остается ждать тебе? Я вижу, что ты никчемный и бедный. Куда возвратишься ты, когда совсем стемнеет? У тебя нет дома и нет будущего, оборванец.

– Я очень богат, – кротко улыбнулся Бездомный. – У меня есть целый мир, и куда бы я не направил свой шаг – я несу в себе целый мир. Когда я засыпаю под открытым небом, звезды спускаются с небосвода и говорят со мной. Когда меня мучает жажда, с небес начинает идти дождь, и с каждой его каплей я чувствую себя все живее. Ночные звери обходят меня стороной, потому что знают, что я не причиню им вреда даже ради забавы.

– Похоже, ты совсем повредился рассудком, – вымолвил купец, собираясь продолжать путь. – Я еще не встречал подобных тебе безумцев. Я расскажу о встрече с тобой своим близким, и мы вместе посмеемся над твоей глупостью. Сегодня до наступления ночи я уже успею вернуться к себе домой – а в чей дом возвратишься ты, когда закончится твой путь?

Ничего не ответил ему Бездомный.

26.12.2017

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Ближний и Дальний

Было у отца одного два сына от роду – младший и старший, любимый и нелюбимый, близкий и далекий. Был первый, младший сын, несмышленным, ленивым да беспечным, а второй – строгим, ответственным да труд земной любящим. И потому часто случалось так, что работу за любимого отцом брата своего нелюбимый им выполнял.

И жили два брата рядом с отцом своим до поры до времени, о матери, после родов к Богу ушедшей, временами горюя. Редко случались между братьями ссоры, а на старшего руку свою тяжелую и взгляд суровый отец их часто поднимал, да винил в пылу гнева своего брата старшего в характере несговорчивом да нраве свободолюбивом, а младшего за соглашательность с мнением отцовским хвалил частенько.

И текли дни, месяца да годы в селении их родном. Ранехонько поутру просыпался старший брат, в поле на посевную выходя, и до обеда младший на печи нежился, но благодаря характеру своему сговорчивому да просительному, часто брата своего старшего он работу свою дневную выполнить за него умаливал, да отцу ни в чем не перечил, а потому и любимым у отца своего быстро и стал. Другого труд свой жизненный упросить выполнить – не поле ведь перейти, да не стога сена на нем вилами ворочать.

И частенько так оно случалось, что кричал и ругался отец на сына старшего за то, что не всегда успевал тот труд свой выполнить, младшему помогая, а о лени и нерадении младшего и слышать ничего не желал. Теленок ласковый двух маток сосет, а неласковый без заботы да любви перебивается. И много зим и лет так росли братья вместе, под крышей дома их общего, хозяйство свое вели совместное. И постарел отец их за годы прошедшие, и сил жизненных заметно у него поубавилось, так что кричать и ругаться на старшего сына постепенно в силу причин этих он и перестал.

И вот пришла пора долгожданная старшему сыну повзрослевшему в город столичный поехать, на обучение да на службу царскую поступать дабы. Наедине с самым ближним и недалеким сыном своим отец тот остался, а дальний сын его на много лет дальше лишь еще стал. А лет спустя несколько весточка письмецом к брату старшему от младшего пришла о том, что отец их хворает тяжело и помирать уже будто готовится. И споро сын старший вернулся со службы царской отца своего проведать, поддержать да выходить. И застал по возвращению он хозяйство их неухоженным и на глазах разваливающимся, и отца на одре смертном с глазами закатившимися лежавшем. Выхаживать пытались отца своего брата два, да только запущена, видать, хворь та была и сильна силушкою лютою, и угасал отец на глазах их день ото дня, и по прошествии недель двух или чуть менее душу свою Богу и отдал.

Похоронили его братья, горя своего наружу стараясь не показывать, да слезы редкие с глаз своих смахивая. И встал вскорости между ними вопрос житейский о том, что с хозяйством им делать то теперь надобно – и тут оно и оказалось, что по завещанию отцовскому хозяйство их все, дом и скот включая, брату младшему достаться было должно, а старшему едва и десяток монет звонких на дорогу обратную наскрести удалось. Доволен был младший решением отца своего покойного, а старший мнения своего об отца этом решении высказывать не стал, с укоризной вечерами лишь на брата младшего поглядывая. Попрощались братья эти вскорости, удачи жизненной и сил друг другу пожелав, и вновь старший в столицу возвратился, службу свою продолжая, а младший хозяйство, к нему перешедшее, вести начал.

Много лет миновало с момента того, и на войну, внезапно начавшуюся, брат старший однажды отправился родину свою защищать – и в бою славном погиб он, товарищей по оружию от недругов обороняя. А младший за годы прошедшие запустил хозяйство свое окончательно и к спиртному пагубно пристрастился. А от переживаний душевных от войны, в государстве начавшейся, и возлияний обильных сердце его в один из дней то и не выдержало, и к Богу отправился он вслед за отцом и братом своими на суд его вечный.

И предстали на Суд Божий души братьев тех, за ангелами следуя. И дальний ближним вдруг в мгновение сделался. Выбрал Бог дальнего и достойного, и жизнью вечной за муки земные, с достоинством пройденные, одарил. А души отца того и ближнего им избранного вновь на Землю Творцом были сосланы, дабы в грязи и тяготах путей своих подлинно ближними суметь сделаться – ибо не расстояниями близость людей к Богу и друг другу меряется.

15.10.2022

*Жанр: Притча
Категория: Признанное*

Великий Исход

Поначалу все они называли нас безумцами – слишком смелыми или наивными для того, чтобы посметь осуществить однажды задуманное. Может быть, чересчур большими мечтателями. Чокнутыми искателями приключений, которым не сидится в их уютных железобетонных каменных джунглях. Все они смеялись нам вслед, когда мы начали выходить из наших новых старых Вавилонов, в течение столетий угнетавших наш гордый дух. Они слали проклятия вслед уходящим, в тайне своих сердец страшась остаться покинутыми и оставленными навсегда. В первые дни Великого Исхода они пытались чинить всевозможные препятствия нам, уходящим. Ненависть и злоба их были велики. Но мы не сломились.

Человек за человеком, семья за семьей, город за городом, волна за волной – так начался наш Великий Исход. По всем четырем сторонам света расходились новые люди, уходя прочь из мест своего недавнего обитания. Мы уходили из своих каменных тюрем – нечеловеческих нагромождений гигантских уродливых монстров из камня и стекла, решивших, кажется, затмить собой само солнце. Мы без сожаления оставляли за собой темные силуэты бесконечных роботизированных фабрик, долгие годы отравлявших землю, воду и воздух, и превративших людей в ничтожное подобие машин, уничтожая их силу духа и сжигая в печи однообразия и обыденности волю к собственному преображению. Мы оставили там, в своем горьком прошлом, практически все из того, что имели – все то, что поработало наш дух, отнимая бесценное время жизни, заставляя крутиться в уничтожающем тебя колесе непрекращающегося производства и потребления. Теперь мы шли налегке, взяв с собой только самое необходимое для грядущего нового строительства. А многого и не требовалось.

Оставались позади облепившие город жилые кварталы, вознесшиеся в небо в ожидании закономерного уничтожения небоскребы сильных мира сего, чадающие смогом фабрики, полупустые тюрьмы, полуразрушенные церкви – все то, что составляло суть старого человека. Оставались позади обнесенные железной проволокой высокие городские стены, черно-красное небо и едкий, душающий воздух «единственно возможной свободы жить». Все это сейчас медленно и столь же неостановимо оставалось позади всех нас навсегда. Все это отдавалось на волю стихийным силам природы – тем, что гораздо мудрее нас, людей.

Процессии все шли и шли, и, казалось, что не было им конца и края. Но однажды кончились и они. Новых желающих меняться больше не осталось, и стихии поглотили тех, кто решил остаться. А вышедшие в свой последний новый поход люди разбрелись по самым удаленным уголкам родной земли. Стремительно менявшийся климат их мира позволил им проникнуть туда, куда ранее практически не ступала нога человека. И они стали колонизировать эти новые территории, равномерно расселяясь по ним.

Они были теми смельчаками – или же безумцами – кто начал великое новое строительство, кто совершил, казалось бы, невозможное – не подчинил себе, а объединил себя с природой в великой гармонии и красоте. Их первые поселения стали прообразами нового расселения народов, однажды стершего все границы государств.

Поначалу им было непросто. Слишком уж привычными и отравившими кровь были методики старого строительства, слишком много нелепых стереотипов и предрассудков мучило их сознание, мешая ему полностью раскрыть себя. Слишком механистичны уже стали некоторые из них – выверены, расчерчены, размечены, рассортированы и упакованы в гробы своих прошлых взглядов. Но, несмотря на все имевшиеся на пути преграды, им все-таки удалось, казалось бы, невозможное, и помогли им в этой трансформации их собственные дети. Подлинно живые, с подвижным и открытым разумом, с богатым и образным воображением, они подсказали своим родителям самые неожиданные пути, самые головокружительные конструкции, самые удачные формы. И работа зашпорилась.

Было удалено все, что противоречило новой открытой ими правде жизни, было возвышено все, что возвышало их дух. А дальше это был лишь вопрос времени. Воистину велико стало строительство, совершенное после Великого Исхода, и во всем мире не осталось ни одной живой души, которая не приняла бы в нем участие.

Жизнь на Земле менялась настолько стремительно, будто совершаемая за мгновение между обычным щелчком чьих-то пальцев. Новое дело требовало новых людей, и они не замедлили явиться на зов. Но все это, впрочем, было уже совсем другой историей...

01.09.2012

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

ВЛОМ

Если вокруг вас одни козлы – не стоит вообразить себя ангелом

Совершенно неуместная здесь пословица

Хотите, верьте вы нам – а хотите, что и нет, да только уже не можем мы более мучиться и скрывать от вас историю ту недавнюю, с нами по воле жизни произошедшую, ибо чувствуется нам оно, значит, вот аккурат где-то под ребрами с левой сторонки, что дивна история сия тайною необыкновенную, со смыслом нами до конца неразгаданным, и назидательна до умопомрачения. А потому мы и вам, погугарив, значит, между собой то немногое, ее поведать решили, чтобы уразумели вы из нее хоть немножко и измениться, может статься, успели то. А иначе ведь оно, действительно, попадать все и провалиться сквозь землю то может, как ЛОМ то нами описываемый. Ну, обо всем по порядку.

А записываем то историю названную для вас мы – мужики простые сельские из деревни Новомирово, Кирилл и Мефодий. Но вы нас, пожалуйста, с этими самыми букводелателями и азбукосоздателями не путайте, потому как часто нас уже за то попрекали, что мы, дескать, этот великий и могучий русский язык – это который балагурный то, матюковый тобишь – создали, а слов нужных туда добавить то и забыли, так что мужикам то нашим, значит, и слов порой этих самых важных в спорах то своих как есть не хватает. А и не создавали мы его вовсе, а только пользовали! Особенно когда все хозяйство то ребят наших туда вместе с ЛОМом то и провалилось, да ух прямо как мы его всю пользовали – так что и слова то новые как раз понапридумывали, точно и в самом деле Кирилл да Мефодий какие!

Ну вот, значит, познакомились мы с вами немножко, о себе понарасказывали. Особенно этот самый Кирилл, который меня и надоумил эту историю то и записать для поколений будущих в назидание.

В общем, хотите верьте вы нам, а хотите – и сами проверьте... только как вы теперь уж и проверите, когда все хозяйство наше ЛОМовое уже под землей покоится несколько лет и выступать, как это говорится, в качестве вещдока уже ни в коей мере и не способненько... да только дело все было аккурат так, как мы скоро вам и поведаем.

Жили мы все в деревеньке нашей Новомирово, да горюшка не ведали. Детишек бабы наши рожали, а мы опосля вместе с ними их и воспитывали по уму, разуму и целомудрию. Урожаи мы собирали обильные, так что и на продажу то еще оставались рожь да пшеница в деревеньки и грады соседние. И коровки наши в хозяйствах то молоко давали, и куры неслись, и овцы стриглись, и кошки мышей изводили под хвост и корень.

И отношения у нас друг с другом все были ладные да складные – да такие, что и не ругались мы между собою вовсе. Ну, разве что если очередную бутылку самогона по праздникам, скажем, мужики то наши, значится, не поделят, потому что тогда да – такую «стенка на стенку» устраивали, что свисты, ахи, охи, да и пыль до колен еще долго по селу разносились. В общем, братцы, не житье было, а сказка практически. Да только не оценили мы спокойствие и мир то тот, за сущие гроши на ужасы иномировые обменяли, о чем до сих пор скорбим!

А дело было так. Приехали к нам как-то, значится, купцы заморские из местечка Новогрязево. А купцы потому, что в одеждах они были дорогих да необычных – мужики то в пиджаках каких-то черных с тросточками и шляпами, а девки то при них бесстыжие и вообще в платьях коротеньких и просвечивающих. А из Новогрязево потому, что так они нам, стало быть, и отрекомендовались, хоть о такой деревне то мы вообще первый раз слухом слыхивали, да глазами не видели. А почему заморские то – мы и сами не ведаем, по виду их внешнему и манерам престранным так мы потом в своем кругу то на хуторе и порешили. А еще заметили мы и долго удивлялись опосля, что заместо лошадей то привычных в повозках их свиньи да хряки запряжены были, а и кучеров то у них не было вообще, как ежели бы несли их эти свиньи сами, кудыть путь то и выберут!

И вот вышли они все из повозок то своих со свиньями и отрекомендовываться стали именами непривычными – Смитами, Бобами, Джонами и Сюзаннами с Барбарами всякими. Говорят, что про село то наше достойное они наслышаны, а потому и про нас забыть не решились – приехали, значится, посмотреть, что у нас и как. Обычай, как мы поняли, наши перенять, да свои нам взамен передать. Да только вышло то, братцы, оно все по системе ниппель – как есть вошло то есть, значится, но не вышло! Навязали они нам свои обычаи то заморские пагубные, а наши то искорежили и высмеяли все опосля, немодными их называя да устаревшими. Но обо всем по-порядочку.

Остановились они у нас в трактире местном на неделечку поначалу, чтобы, значится, деревеньку то нашу осмотреть на «перспективность инноваций», как они тогда выразиться то изволили туманненько. А расплатиться сперва хотели не медяками нашими полновесными, а бумажками какими-то своими зелеными с пирамидами и глазами на них высеченными. Долго мы удивлялись деньгам то таким и брать то сперва не хотели, да только убедили они нас, что легко обменять бумажки то эти с рожами людей каких-то, на обратной их стороне нарисованными, мы сможем при желании, потому как весь мир то ими за бумажки эти продается и покупается. Ух, и не почувяли мы в тот момент подвоха то их, бестолочи, потому как в спокойствии и мире нашем, до их приезда сохранявшимися, доверчивыми мы очень стали и плохого о людях приезжих и не мыслили.

И вот прошла сперва и неделечка, а потом проходит и вторая уж, а постояльцы все со двора никак не съезжают. И все они что-то ходили, да у мужиков наших и баб выспрашивали, и показывали им, и подмигивали. Соблазняли их в те дни бесовскими своими нарядами да пристрастиями, как есть соблазняли – да только не поняли мы этого сперва, момент тот критический профукали и пропустили!

И доходились они однажды до того, что и трактира, и двора нашего постоянного у нас самих же и не осталось! Зуб даем на отсечение, что вот так, как все здесь описываем, оно и было: проснулись мужики то наши утром раненьким по крику петуха первому, да и на улку выйти решили по росам утренним прогуляться, да воздуха бодрящего свежего вдохнуть. Глядь – а трактира то нашего и след простыл! Да ладно бы, если просто след его простыл в пожаре каком – новехонький еще лучше прежнего бы отстроили, да с парным молочком вместо самогончика то там разливаемого. Дак нет ведь – заместо двора то нашего постоянного и трактирчика-забегаловки монстр какой-то из стекла и бетона высился высоченный, солнце будто затмевая пузом этажей своих растопыренных!

И на первом этаже то его буквы громадные золотые сверкали и переливались цветами всеми и расцветочками, и слово там одно лишь трехбуквенное значилось, и было слово то «ЛОМ». Долго гадали мы, что бы слово то значило, и сошлись на том, помнится, что «Лучшее Общественное Место» это, а почему так называли мы его – поймете вы вскорости, как историю эту скорбей наших до конца дочитать то сумеете. И поднимались вверх и вверх этажи за этажами у здания этого, и не было видно конца и края этажам то сим, вверх уходящим – а знающие люди, там часто бывавшие, нам после поведали, что этажей то всего там ровно девятьсот девяносто девять было, да только не ездил лифт тамошний выше первых ста в деревеньке то нашей, хоть говорят, что в ЛОМах то подобных из городов больших он и выше всех поднимал, значит.

И вот как здание то это громадное за одну ночь вырасти то как гриб после дождя какого сумело, мы и не ведаем – и хозяин трактира, помнится, тоже удивлялся сильно и горевал поначалу о заведении то своем, и все заморских гостей то наших удивительных и невнятных обвинял в этом деле то, будто бы это они силами такими магическими обладали, чтобы за ночь громадины такие нескромные возводить – свиньи они, дескать, одним словом, да губители. И ведь точь в воду глядел Арсений то наш, точь чувствовал!

Бросились мы потом, помнится, с утра по деревне то нашей все вместе гостей то этих искать, чтобы спрос с них держать за строительство сие непотребное, да только сколько не искали мы их по подворотням, подвалам и хлевам даже, а так и не сумели найти, ежели бы след их простыл совершенненько. Уехали, видать, как раз ночью той из села нашего дальше, свиньями своими погоняемые. «Да и хрен с ними!» – решили мы и здание осматривать отправились. Ох, право же, люди добрые и умные, лучше бы мы этого и не делали, потому как заманил нас всех ЛОМ тот и одурманил!

Чего в нем только, братцы, то и не было! Тут тебе и казино средстваизымательные, тут тебе и парфюм одурманивающий, тут тебе и цветочки искусственные, и обеды пузонабивательные, и одежда модная бесстыжая, и золото с украшениями душеослепляющие, и устройства всяческие пищащие и время отнимающие, и вина заморские опьяняющие, и журналы цветастые опошляющие...

И захватывало дух у многих наших ребят, и ломились они толпами в этот ЛОМ, и день деньской там кружили по этажам то этим бесконечным, а назад возвращаться к семьям своим, да детям своим, да мужьям и женам своим уже будто бы и не жаждали.

А плата за удовольствия все эти пагубные там тоже, помнится, необычная была: стояли там у входа в коридоры эти машины такие железные – и чтобы, значится, деньгу из машины этой вытрясти, оно надобно было палец там в отверстие специальное засовывать и ждать, пока иголка какая-то палец этот тебе проколет, а присоски затем часть кровинушки твоей у тебя откачают – а взамен, после операции то этой кратковременной, бумажки эти самые зеленые с глазами то и рожами уродливыми тебе в лоток высыпались. Высыпалось то не особенно много там, поэтому, ежели кто целый день в ЛОМе то этом празддно пребывал, то много раз ему к машинкам то этим бегать и кровь свою отдавать им приходилось, так что под конец денька то уж он и бледный весь становился, и шатался порой, а все бегал и удовольствия то всяческие в ЛОМе этом покупал себе как наркоман какой или пьяница, а может кто и похуже. Вот точно вампиры машины то эти действовали, кровинушку нашу русскую от безвольности нашей выпивая ежедневно!

И все в деревне нашей доброй переменилось, как снежный ком навалилось и вниз по пригорочку то и катиться начало! И часто бывало, помнится, что придет кто из наших мужиков то по утрам раннему солнечному в дом то к другому и предложит зычно так и весело: «Иван, пойдем уже, наконец, жить!» А ему в ответ тут и отвечают сонно и вяло будто неживые: «Ты что, Емеля, не видишь – ВЛОМ мне сегодня!» – и шли опосля в этот самый ЛОМ и там день деньской и проводили, и стало словечко это, ВЛОМ, нарицательным.

И всем практически все ВЛОМ стало, и многие окончательно там, во ВЛОМе этом пагубном и скурвились, и оскотинились до невозможности. И тошно так жить стало, что хоть вой от горя этого и от состояния своего безразличного! И выть многие, собственно, и начали – да только не на луну, а на ближнего своего аки волки какие злобные. И ругаться стали словами иностранными, заморскими, и ненавидеть, и гнать друг друга, потому как всем им теперь ВЛОМ было – даже добрыми оставаться, видимо.

И многие месяцы трагедия сия тянулась, и как зачарованные стали люди. А опосля еще и выяснилось, что машинки то те, кровь собирающие, не простые были – кровушку то они откачивали, а взамен вещества ядовитого назад то и впрыскивали, так что и умерло несколько ребят наших и баб от яда то этого заморского, ЛОМового состояния своего не выдержав. И хоронили их, помнится, быстрехонько, землицы набросав и всплакнув для вида лишь, и народу на поминках то было мало – потому как ВЛОМ практически всем было оно. И вот, верите или нет вы нам, братцы, но и солнышко наше красное стало как-то с тех пор заходить за горизонт рановатенько, так что время ночное темное то и удлинолось. И петухи петь перестали, и куры нестись, и даже кошкам ВЛОМ мышей ловить стало то.

И не помним мы точнехонько, сколько морок сей длился то, – да только помним ясненько, чем оно все то и окончилось. Бабка наша местная, врачевательница, Прасковьей прозываемая, одна практически и осталась, кто в этот злополучный ЛОМ ни разу и не попадал то. И после того, как муж то ее, значит, вин каких-то наглотавшись и дымов каких-то в ЛОМе этом накурившись, в очередной раз домой вернулся, не выдержала душа ее тонкая, и крикнула она в сердцах тогда, помнится: «А шоб весь этот ЛОМ ваш под землю и провалился!» И буквально в момент тот же – ежели муж то ее, Михалыч, нам об этом потом шепотом после протрезвления все пересказывавший, не брешет – затряслась земля то вся в деревне нашей и ходуном ходить как волнами начала, будто и не земля это была вовсе, а море какое. Ходила она так, и сотрясалось все время какое-то – а потом как возьми, да и разверзлись дыра громадная под ЛОМом то этим, и как провались оно все туда со всеми там в тот момент внутри находящимися то в глубину бесконечную, так что как минимум треть деревни нашей то там и сгинула в одночасье, в беспросветной глубине этой.

Как кратер громадный дырища та получилась! Ух, и пужались мы на нее смотреть поначалу! И кричали туда в надежде, что отзовется кто-нибудь, да только молчание гробовое всегда нам ответом оставалось. А через несколько дней то задрожала земляца вновь и сошлась на месте дырищи той, как ежели ничего там, на месте трактира того злополучного, отродясь то и не было. А Прасковья то упомянутая после событий тех немой сделалась – и ходила, и слова вымолвить более не могла, только руками невнятно размахивала время от времени.

Но, хотите – верьте, а хотите – и нет, да только вновь налаживаться после событий тех страшных жизнь у нас начала. И очнулись будто вновь люди, и встрепенулись, и ВЛОМа конец настал окончательный. И снова все мирно друг с другом зажили, и время уделяли и детишкам, и мужьям, и женам своим. И стали дни длиннее, а ночи короче, и петухи вновь запели, и куры занеслись, и крысы поразбежались кто куда. Запомнили люди урок тот страшный, и ЛОМы из душ своих выкинули, и стали жить праведно.

* * *

Вот так оно, собственно, все и было, как оно здесь нами, Кириллом да Мефодием, написано! И ничуть и не переврали мы события дней тех прошедших – ежели только малость самую в деталях разошлись. Ну, да с кем оно не бывает, верно ведь? А верите вы нам или нет – не нашего ума дело то, потому как нашего ума дела мы сейчас как раз уже и исполнили – а вам все это читать, думать и от ВЛОМов всяческих раз и навсегда избавляться!

08.09.2012

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Дао Программирования

«Если нет ветра, трава не колеблется.

Если нет программ, компьютер бесполезен».

Так говорил Великий Программист

– К востоку от города, в живописной долине стоит огромный вычислительный центр со множеством сверхмашин, – промолвил человек.

Мальчик заметил, что он облачен в необычные, невиданные им ранее одежды, а на голове у него находится странного вида шлем. Он никогда не встречал его раньше.

– Видишь? – продолжил человек. – Ты пойдешь туда и расскажешь другим обо всем, что найдешь там.

– Но как я проберусь в этот центр? – спросил мальчик.

– Тебе решать, – ответил незнакомец.

Мальчик задумался и опустил голову. Когда же он вновь поднял ее – говорившего человека уже не было.

На следующий день мальчик направился туда, куда указал ему незнакомец, однако, сколь бы долго он не ходил в окрестностях города, он не встретил ни описанной долины, ни прочих чудес. На очередной день он снова был за городом, ибо не верил, что такой удивительный человек мог солгать ему. Если когда-нибудь они встретятся вновь, он вправе будет сказать, что долины не видел, но зато слышал знакомые ему таинственные звуки, приносимые откуда-то ветром.

Так прошло много месяцев, незнакомец так и не вернулся, и мальчик позабыл его. Теперь он был непреложно уверен, что должен найти этот центр и разгадать его тайну. По звукам, приносимым ветром, он определит, где тот находится, и тогда проникнет в него. Он потерял интерес к школе и к тем, с кем дружил прежде. Он сделался излюбленной мишенью для насмешек и острот своих сверстников, твердивших: «Он не такой, как мы. Часами он слушает ветер вместо того, чтобы играть с нами». И все потешались над ним.

Спустя десяток лет, став взрослым, мальчик вернулся в тот город, в котором вырос. Он давно оставил мысль о том, чтобы найти то, о чем ему говорил тот таинственный встреченный им много лет назад человек. И все же ему захотелось выйти за город, послушать шум ветра. Он встал рано утром и вновь направился в том же направлении, куда однажды указал ему незнакомец. Каково же было его удивление, когда, пройдя буквально километр от своего города, он вышел на столь тщетно искомую ранее долину.

Когда он спустился в долину, глазам его предстало удивительнейшее зрелище – сотни и тысячи машин, зданий, проводов со скользящими по ним искорками света, соединяющих друг друга в нечто единое неразрывное целое. Людей здесь не было видно. Мальчик направился вперед, с любопытством осматриваясь по сторонам. Он и не заметил, как вступил в расположенный рядом с одним из самых высоких зданий сверкающий диск – и внезапно оказался внутри. Каково же было его удивление, когда рядом с ним возник тот самый человек, что рассказал ему об этом месте.

– Что вы здесь делаете? – спросил он.

– Жду тебя, – пришел ответ.

Хотя минуло уже много лет, незнакомец выглядел точно так же, как и раньше, в день их первой встречи. Он протянул мальчику чистую тетрадь.

– Пиши: «В то мгновение, когда человек, решивший стать Истинным Программистом, делает свой первый шаг, он познает лежащий перед ним Путь и Дао Программирования».

– А кто такой этот «Программист»?

– Сам знаешь, – с улыбкой ответил незнакомец. – Тот, кто способен постичь чудо жизни, бороться до конца за то, во что верует, и преобразить этот мир.

Мальчик проглядел страницы тетради. Незнакомец снова улыбнулся.

– Пиши о Дао Программирования, – ответил он.

Дао Программирования

В то мгновение, когда человек, решивший стать Истинным Программистом, делает свой первый шаг, он познает лежащий перед ним Путь.

Истинные Программисты стремятся, чтобы никогда не померкла для мира полезность их программ. Они живут в мире сем, они не чуждаются других людей. Бывает, что они пускаются в новый путь без знания нужных языков и подходов. Нередко их обуревают страх. Не всегда кодируют они правильно. Они страдают из-за пустяковых багов в собственных творениях, они бывают беспокойны и нетерпеливы, а порой им кажется, что они не способны расти над собой. Нередко они убеждены, что недостойны похвалы за созданное ими. Не всегда уверены они в том, что же именно делают они там – в этом беспредельном мире битов и байт. Они проводят ночи без сна, страдая, что их программа может оказаться невостребованной.

Вот потому они – Истинные Программисты. Потому, что ошибаются. Потому, что терзают себя вопросами. Потому, что ищут причину собственных ошибок – ищут и, без сомнения, когда-нибудь найдут.

* * *

Всякому Программисту уже случалось испытывать страх перед новой, еще не написанной им программой. Всякому Программисту уже случалось создавать недостойный код. Всякому Программисту уже случалось брести неверным путем. Всякому Программисту уже случалось терзаться из-за сущих пустяков. Всякому Программисту уже случалось приходиться к выводу, что он – не настоящий Программист. Всякому Программисту уже случалось поступаться своим творческим долгом. Всякому Программисту уже случалось говорить новому заказчику «да», когда хотелось сказать «нет». Всякому Программисту уже случалось ненавидеть те программы, которые он когда-то любил.

Вот потому он и вправе называться Программистом – потому, что прошел через все это и не утратил надежды стать лучше, чем был.

* * *

Истинный Программист чтит основное положение И. Цина: «Настойчивость полезна». Он знает, что упрямство не имеет ничего общего с настойчивостью. Ибо бывают проекты, работа над которыми длится дольше, чем это необходимо, и они истощают силы и гасят воодушевление. И в такие минуты Программисту приходит на ум: «Затянувшийся проект в конце концов уничтожает и пыл его работников». И тогда он прекращает работать над программами и дает передышку самому себе, вновь возвращаясь в мир, который другие считают единственно существующим. Но никогда не упустит он момент вдохновения, чтобы вновь продолжить свое творение.

* * *

Истинный Программист с великим тщанием изучает то, что намерен написать. Как бы ни был труден путь к цели, всегда есть приемы и способы одолеть преграды. Программист ищет обходные пути, старается сделать так, чтобы душа и тело исполнились стойкости, а разум – спокойствия, без которых нельзя достойно закончить свою работу.

Но вот, уже продвигаясь по пути создания программы, сознает Программист, что существуют трудности и препятствия, которых он не принимал в расчет. Если он станет дожидаться пришествия Музы Программиста и бояться допустить ошибки, то никогда не сдвинется с места. Чтобы сделать первый шаг, нужна смелость, ибо все предусмотреть невозможно – особенно при проектировании, особенно при кодировании.

* * *

Истинный Программист знает, что иные алгоритмы имеют свойство повторяться. Часто сталкивается он с трудностями, которые некогда уже преодолевал, и оказывается в сложном положении, из которого уже выходил с честью, и это смущает его дух: ему кажется, что если все повторяется, то он топчется на одном месте, не в силах двинуться вперед.

– Я ведь уже писал это, – сетует он сердцу своему.

– Писал, – отвечает ему сердце. – Но так и не реализовал до конца свои идеи.

И Программист тогда сознает, что судьба посылает ему повторение опыта с единственной целью – научить его тому, что он не пожелал усвоить сразу.

* * *

Истинный Программист знает свои слабые стороны. Но знает и то, чем одарен. Иные жалуются: «Нам не представилось возможности». Быть может, они правы, но Программист никогда не даст себе перестать программировать по этой причине – нет, он напряжет до последнего предела силы и дарования.

Он знает, что настоящие программисты не боятся сложных программ, ибо уверены в своей силе. И тогда он старается постичь, на что же он может рассчитывать. И он проверяет свое вооружение, а состоит оно из трех вещей – Знания, Вдохновения и Веры. Если в наличии и первое, и второе, и третье, Программист без колебаний продолжает путь.

Он знает, на что способен. Ему нет нужды хвалиться перед другими членами команды своими знаниями и талантами. Однако в любую минуту может появиться тот, кто пожелает доказать, что он – лучше. А для Истинного Программиста не существует понятий «лучше» или «хуже», ибо в его глазах каждый Программист одарен достаточно, чтобы следовать избранной им стезей.

Но есть программисты, которых это не устраивает. Они стараются показать ему его незнание и несовершенство созданного им, вызвать на ссору, сделать все, чтобы вывести его из себя. И в такие минуты сердце говорит ему: «Отринь оскорбление, оно не усилит твои способности. Ты лишь впустую потеряешь время, пытаясь помочь им постигнуть Дао Программирования».

Истинный Программист знает, что ни одного программиста нельзя считать глупцом, и жизнь научит любого – пусть даже для этого потребуется время. Он передает другим Программистам свои лучшие знания и навыки, и того же ожидает от них. И, вдобавок, он великодушно и вдохновенно старается показать всему миру, на что способен каждый программист.

* * *

Истинный Программист порой кажется сумасшедшим, но это всего лишь притворство. Он не боится показаться безумным. Вслух и в полный голос он разговаривает сам с собой, скользя глазами по бессмысленным для непосвященных строкам текста. Некто внушил ему, что это лучший способ найти те места в своей программе, которые следует переписать – и вот он решил проверить это на деле.

Поначалу это представляется ему очень трудным. Он думает, что код его совершенен, и ему нечего изменять в нем. И все же он настаивает и упорствует, и каждый день ведет беседу с собственным разумом, и произносит то, с чем не согласен, и пишет глупости. Но вот в один прекрасный день он замечает, что код его выглядит иначе. И понимает тогда, что открыл путь для постижения Дао Программирования.

* * *

Истинный Программист не изменяет своих решений. Прежде, чем приступить к новому проекту, он предается продолжительным размышлениям – оценивает степень своей готовности, меру своей ответственности, свой долг перед командой. Стараясь сохранить душевное равновесие, он кропотливо исследует каждый свой шаг – так, словно от него зависит все. Но в тот миг, когда решение принято, Программист уже движется вперед без оглядки: у него нет сомнений в правильности сделанного им архитектурного выбора, и, даже если обстоятельства оказываются не такими, как он представлял, Программист не сворачивает с избранной стези. И, если его решение было верным, он одерживает победу в битве – пусть даже будет она более долгой, чем представлялось прежде. Если же решение было ошибочным, он потерпит поражение и вынужден будет все начинать сначала – но уже во всеоружии горького опыта.

Истинный Программист, однажды начав писать программу, идет до конца. Он знает – самая маленькая и неизвестная никому программа в один день может стать тем, что потребует миллион.

«Заказчики неблагодарны», – замечают по этому поводу иные его товарищи.

Истинного Программиста такими речами не смутить. Он продолжает писать для них программы, ибо тем самым совершенствуется и сам.

* * *

Истинный Программист делит свой мир с программами, которые любит. И в минуты, когда он самозабвенно отдается творчеству, появляется Враг со скрижалями в руках.

На одной скрижали написано: «Думай в первую очередь о себе. Твои программы – твоя интеллектуальная собственность. Стремись продать их подороже». На другой читает он такие слова: «Кто ты такой, чтобы писать великие вещи? Неужели ты не видишь, насколько мало и бесполезно созданное тобой?»

Но Истинный Программист, хоть и согласен с тем, что выбитое на них отнюдь не лишено смысла, бросает наземь скрижали, и они рассыпаются в прах. А он по-прежнему воодушевляет себя и своих товарищей.

* * *

Иногда Истинный Программист сидит со своими товарищами поздними вечерами в общем кругу. Они рассказывают о достигнутых ими на своей стезе успехах и радушно принимают приближающихся к ним программистов, ибо каждый из них гордится своей жизнью и участием в великом деле преобразования этого мира.

Истинный Программист доверчив. Он верит в чудеса – и чудеса происходят. Он верит, что человеческие мысль и разум способны преобразовывать жизнь – и жизнь людей этого мира постепенно становится иной.

* * *

Истинный Программист всегда добивается равновесия между знанием и желанием. Программист, который чрезмерно полагается лишь на остроту своего разума, в конце концов непременно недооценит требуемое ему для реализации поставленных перед ним задач время. Не следует забывать: порой мощь разнообразных обстоятельств действеннее самого изощренного хитроумия.

Долго может длиться его битва над созданием работающего кода, и битва эта истощает силы. И когда сроки работы над заданием подходят к концу, ни блеск, ни ум, ни убедительность доводов, ни то, что называют «шармом», не могут предотвратить беду. И потому Истинный Программист отдает должное грубой силе времени, противостоящей ему.

Есть две главные стратегические ошибки – поспешить, выступив раньше, чем настанет благоприятный момент, и промедлить, упустив его. И потому, чтобы избежать и того, и другого, Истинный Программист рассматривает каждый программный проект как единственный в своем роде и не пользуется чужими мнениями, общими формулами и готовыми рецептами.

Истинный Программист не тратит времени понапрасну, ибо знает: то, что должно быть написано, – будет написано.

Время работает на него, и он, зная это, учится обуздывать нетерпение и избегать необдуманных решений. Шаг его нетороплив, но тверд. Он чувствует, что близится время, судьбоносное для истории человечества, – но прежде, чем преобразить мир, должно измениться самому.

* * *

Истинный Программист знает, сколь важно наитие. В разгар работы, в горячке проекта, в условиях сжатых сроков, когда нет времени размышлять о том, какое из многих альтернативных решений выбрать, он действует по наитию.

– Сумасшедший, – говорят о нем любители продумывать каждую деталь заранее, расходуя драгоценное время.

– Строит воздушные замки, – говорят скептики.

– Как может он выбирать то, что лишено логики? – недоумевают третьи.

Но Истинный Программист знает: наитие – это азбука, с помощью которой можно постичь Дао, и потому продолжает прислушиваться к голосу внутри себя.

* * *

Порой Истинный Программист вспоминает одну из легенд, передаваемых из поколения в поколение программистами друг другу:

Однажды учитель проходил мимо ученика. Учитель заметил, что внимание ученика поглощено карманной компьютерной игрой.

– Прости меня, – сказал он, – могу я посмотреть?

Ученик отвлекся от игры и подал ее учителю.

– Я вижу, что тут предлагается три уровня игры: легкий, средний и тяжелый, – сказал учитель. – Однако, каждое такое устройство имеет еще один уровень игры, когда оно не стремится ни победить, ни быть побежденным.

– Прошу вас, великий учитель, – взмолился ученик, – как же найти этот таинственный уровень?

Учитель бросил устройство на пол и раздавил ногой. И внезапно ученик обрел просветление.

* * *

Истинный Программист время от времени поступает вразрез с общепринятыми канонами программирования. С него станется оставить потайной ход в своей программе, или включить в нее «пасхальное яйцо», отставать алгоритм, кажущийся нелепым...

Истинный Программист позволяет себе такое. Он не страшится плакать, вспоминая былые неудачные проекты, или ликовать в преддверии грядущих новых. Чувствуя, что час настал, он бросает свои прошлые программы, устремляясь в новое и столь желанное творчество.

* * *

Истинному Программисту пристало принимать брошенный ему вызов. Он знает, что тот, кто будет тестировать его программу, не пропустит ни единой ошибки, совершенной им, и не допустит, чтобы он притворялся, будто ему неведом написанный им код. Истинный Программист знает, что наилучшие наставники – это люди, вместе с которыми он каждый день пишет код.

* * *

Истинному Программисту знакомо уныние. Иногда ему кажется, что он не в силах решить поставленные перед ним задачи, что программа, над которой он работает, никогда не будет закончена. На протяжении многих дней и ночей он вынужден пребывать в угнетенном состоянии, и никакое новое событие не может вернуть ему прежнего воодушевления.

Понимая, что его способность к программированию вот-вот истощится, он выходит из-за компьютера и не винит себя за то, что просидел, кодируя, целую ночь.

«Работа его окончена», – говорят друзья. Программисту больно и стыдно слышать такие слова, ибо он знает, что еще не достиг цели, к которой стремился. Однако он упорен и не бросает начатое не полдороги. И вот в минуту, когда он меньше всего этого ожидает, к нему приходит озарение, а прежде невыполнимая задача кажется удивительно простой. И тогда работа вновь поглощает его, и пальцы вновь четко и быстро стучат по клавиатуре, и разум находит решения мгновенно.

* * *

Истинный Программист всегда помнит слова, изреченные Великим Программистом: «Хорошо написанная программа – это свой собственный рай, плохо написанная программа – это свой собственный ад».

Истинный Программист всегда стремится к совершенству. За каждой строкой его кода – годы мудрости и размышлений. Каждая программа, каждый алгоритм должен сочетать в себе всю силу и проворство программистов прошлого. Каждое движение его мысли и рук чтит те движения, которые предшествующие поколения пытались передать нынешним через традицию.

* * *

Написанные ранее программы требуют обновления. Новые идеи требуют пространства. Дух и разум требуют новых вызовов. Грядущее обернется настоящим, и мечты – кроме тех, в которых сокрыты предрассудки, – получают возможность стать явью. Важное – пребудет, бесполезное – сгинет.

Истинный Программист, впрочем, не дает себе труда размышлять о программах ближнего и оценивать их. И он не станет тратить времени на порицание решений, принятых другими. Ибо для того, чтобы верить в верность собственного подхода, нет нужды доказывать, что другой избрал себе неверный путь.

* * *

Иногда Истинный Программист вспоминает слова Великого Программиста: «После трех дней без программирования жизнь становится бессмысленной».

Потребность создавать программы заложена в самом его естестве подобно потребности есть и пить, подобно потребности любить труд. Если солнце заходит, а Программист не испытал счастья от созданного им за день – значит, что-то неправильно.

Каждый язык и каждая технология приветствуют его. Он ощущает свое кровное родство с ними, он чувствует, что часть его души заключена в бессмысленных для других потоках цифр, в строках текста и том, что его современники называют «компьютерным железом». И тогда, принимая опыт и помощь других программистов и Божьих Знамений, он позволяет своей стезе вести его туда, где ожидают своего сотворения мириады программ, востребованные жизнью.

Порой бывает, что ему некогда ночевать, порой его мучает бессонница. «Ничего, – думает Истинный Программист, – это входит в профессию. Меня же никто не заставлял идти таким путем. Я сам так решил». В этих словах заключена вся его мощь: он сам выбрал свою стезю, и ему не на что сетовать, не на кого жаловаться.

Время настанет – через столько-то столетий – когда Вселенная придет на помощь Истинным Программистам и останется глуха и безразлична к тем, кто не постиг красоту Творчества.

* * *

Истинный Программист совершенствует красоту своего кода.

Истинный Программист преображает свой разум.

Истинный Программист учится строить великое.

Истинный Программист никогда не свернет со своей стези.

Истинные Программисты преобразят этот мир.

* * *

Когда голос его смолк, была уже ночь. Великий Программист и мальчик долго смотрели на открывающийся им из вычислительного центра вид. Великий Программист встал.

– Прощай, – сказал он. – Теперь ты понял, что значит наш путь – он нераздельно слит с магическим и манящим миром машин, миром цифр, миром технологий. Но это и мир с шумом ветра, криками чаек, шелестом весенней листвы – потому, что это мир в мире гораздо большем. Ты сможешь полюбить наш мир.

– Скажи мне, кто ты? – спросил мальчик. Но голографический образ Великого Программиста уже таял, сопровождаемый мерным шелестом и тихим гудением машин.

26.09.2012

Жанр: Статья
Категория: Признанное

Критик

В одном городе жил известный Критик, порицающий все, что бы он ни встречал.

«Ваше общество развращено и убого! Ваши мысли и жизни наполнены суетой! Ваши нравы хуже, чем у зверей! Каждый из вас живет лишь для себя! Вы идете неверной дорогой! Печали и горе ждут вас впереди!»

Он стал широко известен благодаря своему неустанному желанию видеть мир лучше – но люди обходили его стороной, и от печали своего одиночества он лишь еще больше осуждал их.

Однажды, дабы хоть немного развеять мучающую его тоску, он гулял по пригороду родного города и присел на берег у журчащего родника.

Родник заморозил его своим мелодичным звучанием и свежестью своих вод.

Он так увлекся наблюдением за тем, как воды родника уносят изредка падающие в них осенние листья, что не заметил, как рядом с ним села женщина, собираясь зачерпнуть родниковой воды.

– Нравится? – с улыбкой спросила она. – Здесь течет свежая вода.

– Да, – ответил Критик. – Вода хороша, а вот люди – увы, ни капли.

– Сколько листьев проплыло мимо тебя, пока ты пил? – внезапно спросила его собеседница. – С каких деревьев упал каждый из них?

– Странный вопрос! – удивился Критик. – Я не обратил на это внимание.

– Тогда как же ты смог обратить внимание на всех живущих на свете людей? – улыбнулась женщина. – Как листья они проплывали мимо тебя, но ты не замечал их по-настоящему. А ведь даже текущая сейчас в роднике вода уже та, что была еще несколько мгновений назад.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Критик.

– Пей только воду свежего восприятия! – звонко засмеялась женщина и вылила на голову критика ведро ледяной родниковой воды.

26.12.2017

*Жанр: Притча
Категория: Лучшее*

Легенда о Божественном Острове

– Существует легенда, – улыбнулся Старец, – о Божественном Острове, населенном поющими Ангелами, где, кажется, останавливается само время. Мы передаем ее нашим воинам из поколения в поколение, и каждый год находят еще несколько смельчаков, решившихся все-таки отыскать это чудо.

– Удалось ли это сделать хоть кому-нибудь из них? – спросил юноша.

– Мы не знаем этого наверняка. Возможно, многие из них погибли в пути до Моста. Вероятно, еще больше так и не решились взойти по нему и повернули вспять, но, терзаемые чувством стыда и страха, не дерзнули возвращаться назад, найдя себе пристанище в иных землях. Может быть, что кто-то все-таки сумел пройти по Мосту и достичь Острова – но стали ли бы они возвращаться в наш обычный мир, ежели бы однажды вкусили той неведомой нам небесной красоты? Да и, помимо прочего, само пребывание на этом острове должно было изменить их так, что многие люди наверняка бы и не узнали их, обновленных, даже если бы странники и вернулись в привычный нам дом.

– А что это за таинственный Мост, о котором ты упомянул? – в глазах молодого воина светилось любопытство и неподдельный интерес.

– Ты хотел бы услышать легенду о Божественном Острове? – улыбнулся Старец.

– Да! – пылко ответил ему юноша.

– Ну что же, тогда слушай и запоминай!

* * *

– Этого Острова нет на картах земли, и все же он существует. Многие говорят, что он слишком величественен для того, чтобы нога простого смертного имела право ступить на его поверхность, иные же утверждают, что только прошедшим загадочные испытания дается это удивительное счастье и возможность. Наверное, кто-то сравнил бы этот остров с земным Раем и обязательно бы ошибся, потому что его представления о Рае слишком поверхностны и неоднозначны.

– А где находится этот Остров, в каких из заморских земель?

– Он далеко от нас и близко одновременно. И первое, что нужно каждому воину, выступающему в путь, это Наитие.

– А что такое это самое Наитие, и как отыскать его в себе?

– Голос Наития можно услышать лишь тогда, когда замолкает твой ум и начинает говорить твое сердце. Самые первые шаги всегда делаются по наитию – поэтому те, кто выбрал неправильное направление изначально, могут так и не суметь найти Остров, пусть даже они исходят множество заморских земель за всю свою жизнь.

– А могут ли они однажды все-таки услышать голос своего Наития и свернуть на правильную дорогу?

- Конечно, если сумеют подавить внутренний шепот своей Гордыни.
- А что происходит с теми, кто однажды выбирает верную дорогу?
- Вначале на своем пути к Острову им предстоит пройти через Лес Жизненных Трудностей.
- А что это такое – Лес Жизненных Трудностей?
- Это мистический лес, в котором растут деревья, которые люди условились именовать Проблемами.
- А почему вы назвали этот лес мистическим?
- Все дело в том, что этот лес каждый путешествующий через него видит по-своему. Кто-то не видит за нескончаемым, как им кажется, множеством деревьев самого леса, а иной практически не видит в нем деревьев. Этот лес живой, он обладает своим особым разумом и поведением и способен изменяться и подстраиваться под каждого путешественника в соответствии с его Мировоззрением. Именно поэтому для кого-то он представляется мрачным и угрюмым, со множеством самых разнообразных цепляющих ноги коряг, топких болот, зарослей репейника и крапивы, а для иных он становится солнечным лесом с шелестящими деревьями, поющими птицами и сочными ягодами, растущими тут и там под ногами.
- А зачем вообще нужно преодолевать этот лес на пути к Мосту? Неужели нельзя как-нибудь обойти его?
- Пройти этот лес необходимо для того, чтобы запастись в нем Мудростью, без которой будет крайне сложно пройти весь путь до конца.
- А что же там дальше, за этим лесом? Наверное, сразу же Мост на Остров?
- О, конечно же, нет! – добродушно улыбнулся Старец. – Прямо за лесом течет Река Времени.
- Какое странное название для реки! И кто только додумался назвать обычную речку столь пафосно?
- О, если бы это была обычная река! Но нет, она еще более удивительна, чем даже сам Лес Жизненных Трудностей.
- Наверное, она очень широка, а в ней полным-полно какой-нибудь хищной рыбы вроде пираний? – весело рассмеялся юноша. – Как бы то ни было, ее, вероятно, не очень сложно преодолеть вплавь.
- В ней вообще не водится хищной рыбы, – неожиданно твердо ответил Старец.
- Быть покусанным за ноги какими-то пираниями – невеликая трудность! Гораздо труднее почувствовать под своими ногами Связь Времени и пройти, опираясь на нее.
- Что же это такое – Связь Времени?

– Так называется канатный мост, ведущий через реку. Этот мост крайне древен и стар, ведь он существует там с древнейших эпох, соединяя между собой времена. Волны времен той реки плещутся под ним, обрызгивая его мириадами своих капель, и потому за все время своего существования он стал крайне скользок. Неопытному и самоуверенному путнику очень легко поскользнуться на его досках и упасть в реку.

– А разве нельзя выбраться из реки назад, на берег, чтобы все начать с начала?
– удивился юноша.

– Увы, но, как только человек попадает в бурлящий водоворот той реки, время для него начинает нестись столь стремительно и неудержимо, что, когда он все-таки сумеет вновь выбраться на берег, он может стать уже пожилым старцем, и у него уже не останется ни сил, ни времени, ни желания двигаться через реку далее.

– Но как же тогда суметь не оступиться на том мосту через Реку Времен? Как чувствовать мост под ногами?

– Чувствовать под ногами связь времен – значит понимать, что за предыдущим мгновением будет следующее, а за текущим когда-то было предыдущее. Мы забывали предыдущее мгновение и не знали следующего – но это отнюдь не значит, что предыдущего не было, а следующего никогда не будет. Понимать это – значит чувствовать связь времен, и, чувствуя ее, не поскользнуться. Понимать скоротечность и ценность отпущенного нам в каждый момент жизни времени – значит пройти по мосту над Рекой Времен.

– Как же это, однако, все непросто! – вздохнул юный воин. – Ну, а что же ждет нас за Рекой Времен? Уж теперь то, должно быть, тот самый главный Мост?

– Нет, прежде, чем дойти до Моста на Остров, еще остается преодолеть Пустыню Одиночества.

– Звучит очень пугающе! – воскликнул юноша.

– В Пустыне Одиночества каждый человек остается наедине с самим собой. В Пустыне Одиночества его начинают мучить его собственные демоны, которых он до сих пор не сумел побороть в своем пути. Демоны Страх, Сомнения и Печали встречаются там чаще всего. Путнику кажется, что он покинут всеми и брошен на произвол судьбы, хотя именно судьба ведет его через эту палящую пустыню. Демоны постоянно мучают его, пытаются заставить отчаяться и свернуть с пути, потому что прекрасно знают, сколь немного уже остается пройти отважному путешественнику. Солнце разума постоянно жжет его кожу, ядовитые скорпионы и змеи дурных мыслей так и вьются под ногами. В той пустыне есть одинокий Оазис Надежды, но дойти до него можно только уже к концу дня, когда силы твои практически на исходе, но в душе живет вера в чудо. Добравшись до Оазиса даруется благодать Силы Духа, которая столь нужна при восхождении на Мост. От оазиса же до Моста остается всего два дня пути.

– Но как же путник должен преодолеть под палящим солнцем еще целых два дня пути? Ведь это равносильно откровенному самоубийству! – выкрикнул юноша.

– К полудню третьего дня к полуживому путнику является Ангел с Божественного Острова. Он укрывает его от палящих лучей своими белоснежными крыльями, помогая восстановить силы.

– А откуда же вы все это знаете? – не выдержал юноша. – Ведь вы то наверняка не видели в своей жизни ни единого Ангела! – выдохнул он.

– Так говорят легенды, – улыбнулся Старец. – Кроме того, до сих пор живы те немногие, кто однажды так или иначе встретился с ними лицом к лицу.

– А что происходит потом?

– А потом пустыня однажды заканчивается, и человек выходит на Мост.

– Тот самый, что ведет на Остров?

– Да, тот самый! Говорят, что Божественный Остров находится посреди Океана Жизни и окружен высокими скалами, скрывающими то, что находится в нем, от глаз посторонних. Единственный способ для дерзающих попасть на Остров – это пройти по Мосту в одиночку. Мост постепенно поднимается вверх, ведя все выше и выше со скалистых предгорий, окольцовывающих пустыню, прямо к центру Острова. Говорят, что в скалах есть пещера, через которую можно попасть в долину, раскинувшуюся в центре Острова, – но дойти до этой пещеры можно только через Мост.

– Ну, если уж путник сумел дойти до Моста, то преодолеть остаток пути ему не представится таким уж сложным! – весело выдохнул юноша.

– О! – ответил с иронией Старец, – если бы только это было так! Истина же состоит в том, что все предыдущие испытания были лишь подготовкой к последнему шагу. Вход на Мост охраняется, и охраняет его огромная и устрашающая многоголовая и практически непобедимая гидра. Гидра эта обладает многими тысячами голов, метающих яды зависти, серу презрения, огонь раздражения, визжащих и хулящих воина тысячами и тысячами голосов на разный лад. Она практически неуязвима, потому что стоит победить в словесном поединке хотя бы одну ее голову, как на ее месте тут же вырастает другая, еще страшнее и ужаснее прежней. Так, зависть превращается в жестокость, презрение становится ненавистью, раздражение становится гневом, а от хулы способны, кажется, завянуть самые твои уши.

– Как же называется этот монстр?! – в ужасе воскликнул юноша.

– Его называют Общественное Мнение, – ответил Старец. – Ведь для того, чтобы все-таки суметь дойти к своей самой заветной и чистой мечте, нужно суметь преодолеть самое резкое и осуждающее Общественное Мнение. Истина же состоит в том, что, несмотря на практически полную неуязвимость данного чудовища, путник все же может взойти на Мост, поскольку чудовище это при всей своей внешней грозности не способно причинить ему существенного вреда до тех пор, пока он сам не начнет сражаться с ним, забыв тем самым об истинной цели своего путешествия.

– Но как же тогда возможно миновать это чудовище? – удивился юноша.

– Нужно просто... не обращать на него внимание! – расхохотался Старец. – Именно излишками человеческого внимания кормится этот монстр, и именно по таким эманациям он находит своих следующих жертв. Те, кто хотят слишком много внимания, однажды рискуют стать слишком мертвыми.

– Вот это да! – воскликнул пораженный услышанным юноша. – Как, однако, все просто и вместе с тем очень сложно одновременно!

– Те, кто сумел не обращать внимания на хулу и злобу стремящихся отвернуть их от движения к своей заветной мечте, проходит мимо чудовища и вступает на Мост, начиная подниматься по ступеням Пути.

– А как выглядят эти самые Ступени?

– Легенда гласит, что для каждого они свои. Их может быть разное количество с различным расстоянием между ними. Каждый шаг по этим ступеням – точно незабываемое, растянувшееся на бесконечность мгновение в вечности. Каждый шаг – это один из самых важных уроков, который человек получает на своем Пути, то, чего ему подлинно не доставало, и ради чего он и вышел в путь. Это своеобразное закрепление пройденного.

– А что потом?

– А потом путник видит под собой бушующий океан, уходящие вдаль ступени и светящее ему в лицо солнце. Порой случается так, что расстояние между ступенями становится слишком большим – и ни перейти, ни перепрыгнуть их обычным образом не представляется возможным.

– Но как же тогда преодолеть это расстояние?

– А вот для этого в тебе должна жить Вера. Только так ты можешь ступить на воздух между ступенями и не упасть в бурлящий далеко внизу океан. Здесь не помогают доводы ума, здесь становятся бесполезными знания, здесь не играют роли обычные земные навыки и умения. Шагая по Мосту, ты попадаешь в совершенно иное измерение и с каждым шагом преображаешься изнутри, возвращаясь к своей истинной природе. Это и есть твое подлинное пробуждение.

– Ну, а потом?

– А потом ты насквозь проходишь вырубленную в скалах Пещеру Воскресения, ступая на землю Божественного Острова. Если хочешь, можешь называть его Островом Чистой Мечты. Я не берусь описать этот остров даже словами легенды, настолько он удивителен и прекрасен!

– Ух, вот это путь! – воскликнул юноша, как только Старец, наконец, окончательно умолк, весело и с любовью поглядывая на своего столь внимательного слушателя.

– А что потом будет с теми, кто сумел достичь Божественного Острова? Какие еще незабываемые приключения и встречи ждут его впереди?

– А вот это, мой внимательный друг, – и Старец весело похлопал юношу по плечу, – будет уже совсем другая история!

06.07.2012

Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее

Ноша

Однажды по дальней дороге жизни шел Дурак, неся на сторбленной от тяжести спине рюкзак с Чушью. Однажды в этом долгом пути он повстречал идущего ему навстречу Мудреца.

Мудрец увидел изможденное лицо Дурака и спросил:

– Что оставил ты за своей спиной, путник? Ты несешь что-то настолько тяжелое, что оно испортило всю радость от твоего пути.

– Я несу Чушь! – гордо ответил ему Дурак.

– Как бы далеко ты ее не занес, это не принесет тебе счастья, – ответил ему Мудрец. – Взгляни, в твоей котомке совсем не осталось места для Мудрости. Может, тебе стоит расстаться с этой ношей?

– Нет! – ответил Дурак. – Я ни за что в жизни не расстанусь с ней!

– Но почему же? – спросил озадаченный такой глупостью Мудрец. – Разве ты не хочешь стать богат Мудростью?

– Своими глазами я видел, как миллионы других людей несли Чушь на спине, тащили ее волоком, набивали ей рты – все ради того, чтобы взять с собой как можно больше. А это значит, что в ней есть нечто невообразимо ценное.

– И что же ты вообразил о ее ценности? – усмехнулся Мудрец.

– Я буду продолжать нести Чушь! – резко ответил ему Дурак. – Чего бы она мне в конечном итоге не стоила!

26.12.2017

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Одиссея

Давно, неисчислимо давно совершились однажды события те удивительные, о которых вам будет поведано ныне. Наверное, никто из живущих на этой Новой Земле не смог бы с точностью поведать, сколько песчинок просыпалось в горлышке Часов Вечности после времен Исхода. Практически восемь тысяч лет миновало с тех пор, как совершилась эта удивительная Одиссея, но живущие поныне забыли о ней. Искаженным мифом и бредом человеческих фантазий, нашедших служение свое в идолах, стала она. Но ничто и никогда не сотрет памяти о ней из Эфира. И пусть она станет достоянием вашей истории в том виде, в каком мы сумели о ней записать.

Это был действительно неповторимый Корабль. Непревзойденное творение, ставшее домом для горстки спасенных. О, как были счастливы они, что их не постигла участь некогда родных миров! Они отправились в Одиссею по бескрайним просторам Космоса после того, как родные миры их перестали существовать на невидимой нам Карте Мироздания. Слишком много зла принесли в мир эти три планеты, слишком коварными и жестокими стали их обитатели. И переполнилась тогда Чаша Терпения, и был плач и скрежет зубов, как и случается, но не в силах уже обитателей миров этих было изменить сложное ими самими.

Горстке избранных – по несколько сотен с каждого мира – был дарован еще один шанс. Шанс обрести новый дом, новую почву под ногами, новую Землю. Потом, после своего полета, они так и назовут этот мир – Земля. Земля в иллюминаторах, источник спасения! И Корабль – Ковчег, доставивший этих переселенцев в новый подготовленный для них мир.

О, как древна была эта планета, и сколько бед успела изведать уже она до момента Исхода, сколько историй и судеб хранил в своей памяти ее Эфир! Не первой, отнюдь не первой цивилизацией суждено было стать на ней этим новым переселенцам Трех Миров, и, может быть, что и не последними вовсе. Но не ведали тогда они об истории своего мира нового, ведь сокрыли следы об этом его моря, и горы, и недра. Да так сокрыли они это, чтобы до поры и до времени ни единый человек не добрался бы и не узнал.

И опустился Корабль на материке просторном, среди горных долин, и цветущих садов, и рек полноводных. И прозванный Адамом – капитан Корабля – вместе с женой своей Евой спустились на Землю, и спустились за ними спасенные. И целовать землю этой новой Земли готовы были они, и радостью радовались неопишуемой, ибо воочию видели то, во что превращались их миры прежние, глазами своими, на Корабле спасения улета.

И расселились они по Земле, и жить стали добродушно и радостно, глубоко в памяти своей духовной моменты те прошлые запечатлев. И дата эта знаменательная момента необычного как сотворение мира в историю их вошла вскорости, ведь получили мир они новый и дивный во владение и заботу после тягот всех прошлых, и благодарны были за это очень они.

А капитан Адам как первочеловек, на эту новую Землю вступивший, в историю их вошел впоследствии. Так и повелось с пор тех древних.

И пусть скоро былина наша сказывается, да недолго жили так, оказывается. Изменяться постепенно начали, и история прошлая «мудрецами» их искажалась. Забывать про Исход они начали, и природы царями мнить себя стали, как ежели не природа цивилизации мира их родного прошлого и рассудила по справедливости, Закону Высшему повинуюсь. И вот распался народ единый на группы и языки различные, и разбредаться они кто куда по миру их начали в поисках счастья своего вечных, как ежели бы его вовне, а не себя внутри, найти где бы и можно то было. И забыли родство они свое, и точку Исхода своего, и пра-Землю свою, и Законы Божественные. И не раз потом еще предстояло племенам Разделенных войной друг на друга идти за земли некогда общие и единые. Но не будем о том мы беседовать, ведь скорбна история веков тех для нас, повествующих.

И приходили к ним Великие, Светом Озаренные из миров Божественных, но не пожелали услышать их Разделенные, и воевать друг с другом не перестали по воле собственной. Исказили «мудрецы» их глупые слова Великих тех, и себе на службу поставили, и историю о Ковчеге Спасения мифом в глазах людских сделали, за что и ответственны. И много воды утекло с тех пор, и песчинок в Часах просыпалось, и веков миновало.

И развивали они «науку» и технику свою, чтобы в еще больших количествах истреблять друг друга возможно им было. И раскромсали Землю общую на лоскутки государств своих и владений, и линии виртуальные границ по картам своим и разукрасили, хоть и не было линий тех на Земле самой, и никогда впредь и не будет их. И войны вели сокрушительные, и боины устраивали кровавые, и щедро Землю кровью братьев своих насыщали столетиями. И мерзость свою перед другими оправдывали, а перед Богом скрыть пытались, как ежели сокрыть от Него помышления какие свои возможно бы было. И до того испортились, и до того развратились, что наполняется ныне уже вновь Чаша Терпения, и выходят стихии планетные на простор свой, дабы о судьбе миров их трех прошлых людям напомнить суметь. Но вновь, как и водится, случайностью люди считают события, с миром их происходящие, и проходимцам и «мудрецам» лукавым всяческим доверяются, и сердце свое не слушают. И гибель себе пророчат тем самым все активнее и яростнее.

И покоится Ковчег в ожидании выбора человеческого в местах неведомых, и судьба планетная решается ныне. И нет, и не может быть тех, кто делами или же безделием своим не оказал бы на нее влияния невидимого, и не будет тех, кто уйдет от ответственности за любой из исходов возможных для мира этого. Ведь нельзя в сторонке отсидеться и спрятаться, когда бой за мир идет нештучный.

А на сем мы заканчиваем краткую историю нашу необычную, ныне вам поведанную. А правда ли это, или вымысел – не нам решать за каждого. Но кто подумает переждать время смутное в бездействии или же рыбку ловить начнет в воде мутной, точь пир во время чумы устраивая, – по делам его будет ему уготовано.

03.03.2013

*Жанр: Рассказ
Категория: Избранное*

Притча о небожьем праведнике

Жил-был на свете этом несправедник, и был жестокосерден он и несправедлив к людям в жизни своей. Считал он себя очень особенным, правильным, а людей прочих мелюзгой непотребной, времени жизни его часто не стоящей. Характер его был неуживчивый, высокомерный и алчный в степени высокой, и тяжело людям, его окружавшим, рядом с ним было – то ворчание, то гневливость, а то и вовсе ненависть изливал свои внутри выращенные он на окружающих, ежели не получалось у него когда-нибудь желания свои за счет других удовлетворить полностью.

И томились люди его присутствием – а он томился их беспросветной тупостью, с гениальностью его в сравнение никогда не идущей, ведь не было равных по уму ему среди всех людей ему известных по мнению его собственному. Потому и сторонился он людей часто, и в разговорах с ними неприветлив был, и никогда никому ничего хорошего желать не спешил.

И была у несправедника мечта тайная, сокровенная, душу и сердце его каждый день сжигавшая до крайности. Грезил он о власти непомерной над этими людишками жалкими обретении, чтобы хоть раз в жизнях своих чтить его начали, ежели не от чистого сердца своего, то из страха перед наказанием возможным как минимум. Но не было у него возможности той время долгое, потому успел он испепелить этим желанием неудержимым почти все сердце свое к моменту описываемому. И грезил он о власти той недоступной – и душе еще окружающих ненавидел и презирал оттого с днем каждым, злобу свою и отсутствие любви своей в стычках ежедневных мелочных с ними выказывая.

И вот однажды событие случилось неожиданное, нежданное, удивительное. Божий Праведник из земель неведомых и далеких в город к ним пришел, проповедуя. Говорил он слова искренние, от чистоты сердца своего идущие, и столь ласково и трогательно для сердец человеческих говорил он их, что заслушивались люди многие речей его пламенных. И учил Праведник тот людей любить друг друга сильней и более, и друг о друге заботиться, в беде никогда не бросая в одиночестве. И прощать людей друг друга учил он, дабы не копить зло в душах своих, ядом их разъедающее. И милосердию учил он, и терпимости, ведь немислим путь человеческий без ошибок, и кто люди такие, чтобы судить других справедливостью абсолютной, не обладают коей они. Удивительным даром убеждения обладал тот Праведник, и чувствовалось то, что не понаслышке он прошел прежде путь трудный и тяжелый, чтобы научиться тому, чем сам поделиться ныне с людьми спешил, объясняя и проповедуя.

И внимали люди ему, и плакали, и таяли сердца их, и менять жизни свои они начинали, заветам тем следуя. И приходили к нему люди из числа ранее слушавших, и дальше в путь выступать вместе с ним готовились, дабы в пути этом трудном с ним рядышком мудрости и любви неземной научиться.

И видел все это неправедник, и завистью сердце его обливалось от созерцания того. Дивила неправедника вся странность и необъяснимость власти той, обладал коей над людьми Праведник – ибо странна была она, рода духовного, надземного, да и властью как таковой и не являлась. Страшно хотелось неправеднику, чтобы и его люди также слушали, а позже и слушались всего, что он им приказывать стал бы из блажи своей, а затем и возносить, и восхвалять как праведника может быть даже и начали.

И решился тогда неправедник на поступок хитрый и коварный, ибо не обладал более властью он над помыслами своими к моменту тому, ведь злая воля сердце его себе подчинила и трансформировала. И пришел неправедник вместе с другими людьми из числа слушавших, и учеником Праведника стать попросился перед ликом его. Ничего не сказал ему Праведник, лишь улыбнулся как-то печально, не запрещая, впрочем, за собой следовать.

И возгордился неправедник от того, что принят он был без вопроса единого, и высокомерием внутри наполнился еще более прежнего. И велел он людям, его знавшим ранее, не иначе как праведником себя именовать с момента того, ученичеством своим новоприобретенным то мотивируя. И небожьем праведником стал он, и за Праведником в город иной вскоре последовал.

Долго ходили они по городам и весям, землю эту многострадальную ногами своими истаптывая, много людей к ним еще прибыло, а еще большее число их счастью любви простому человеческому в жизнях своих научилось, ибо был мудр Праведник мудростью неземной и гармонией неземной сердца человеческие наполнять был способен.

И на протяжении путей тех многомесячных мысль страшная в уме небожьего праведника вызрела. Убить Праведника решил он в безумстве своем, дабы власть над людьми этими, вел к любви коих Праведник и презирал неправедник коих, в руки свои забрать раз и навсегда. Новым наместником и наследником в мире этом после Праведника неправедник тот решил сделаться. И нашел он среди толп в течение месяцев этих пути их неблизкого себе подобных, и на выполнение плана своего жестокосердного сговорил он их. И отправились с Праведником они вместе все под видом последователей, планы мести своей за тщеславие неудовлетворенное вынашивая.

И был день – и плакало небо день деньской. И была ночь – и не было чернее ее на небосводе. К центру лагеря, в дороге разбитого, прокрались группой люди те, в сердцах своих любовь предавшие. И миновали они дозор спящий, а тем из пробудившихся, кто закричать хотел, горло ножами припасенными перерезали. И проникли они в шатер Праведника, и неспящим его застали они. И ответил Праведник им, с ножами своими перед ним стоявшим, что ведомо ему было предательство их готовившееся, но не стал он планам их препятствовать, ведь готов он принять муку, его ожидающую, дабы сердцам пробужденным человеческим послужить этим. И остановились было на миг нападавшие, видя глаза его грустные, огнем света для них нестерпимым сияющие, и руки его к ним обращенные.

Но ярость вновь овладела сердцами их, и напали они на него, и ножами своими его резать пытались, и плевали в него, и хулили одновременно. Не сопротивлялся ярости их Праведник, но лишь о спасении душ их, в бездну падающих, молил он мысленно в день этот. И лишь напоследок, кровью истекая окончательно, молвил он им, что нельзя убить истину, ибо всегда возвращается она в форме новой и торжествует вечно над злобой и ложью человеческой.

И гром невыносимый гремел среди ночи той, и молнии по небу метались как бешеные, когда деяние сие страшное совершалось. И разбудил гром тот многих людей в лагере, и кинулись они в шатер глашатая своего, но бездыханным его нашли они к моменту тому горькому. И стоял над телом его лжеправедник, и горько всхлипывал. И молвил он прибежавшим людям, что один из людей его, рядом с ним стоявших, убил их глашатая истины – а они, все прочие, на шум едва прибежать успели, но бездыханным уже застали Праведника. И скрутили тогда одного из дельцов неправедника того как убийцу единственного, а дельцы прочие небожью праведнику перечить не решились, за жизни свои телесные опасаясь.

И много лет миновало с момента того описанного, и наместником, и наследником Праведника неправедник объявил себя вместе с подельниками своими и убийцами. Придумал он слова предсмертные, якобы Праведником перед ними произнесенные и власть над последователями его им передавшие. И стал тот лжеправедник тираном и властителем дум людских, и карал мечом, огнем и дыбой с кострами он любое инакомыслие, и злато за спасение душ тех грешных собирал с людей непомерно и всевременно. Исказил он сильно суть изначальную учения Праведника светлого, и любовь страхом заменил он, и ритуалов обязательных множество для люда подчиненного понапридумывал в обогащение клана собственного. И лил кровь он человеческую во имя власти своей времени множество. Великим инквизитором стал тот лжеправедник, и не было хуже власти его на земле. Но вышел и его срок, и не избежал он той самой участи, коей других запугивал и «спасал» от коей самим собой и подельниками своими обрядами удуманными. И не было тех, кто всплакнул бы о нем или посочувствовал.

И стали жить люди на свете вновь радостно, от вампира этого избавившись и иго его отнюдь не божественное скинув, и любить друг друга, и прощать друг другу, и милосердствовать. И вернулась истина на круги своя, как и было предсказано, и прошла по миру в торжестве добром, и в делах поколений будущих воплотилась...

* * *

На сем оканчиваем притчу мы нашу краткую. А кто из читавших притчу сию параллели какие удумает недобрые и неправедные, или же власть земную свою придержанную выше правды небесной будет поставить пытаться – то не в ответе за того мы будем как рассказчики.

08.07.2012

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Прошлое

У одного любившего старинные вещи писателя был друг, навещавший и вдохновлявший его время от времени.

Однажды он решил зайти к нему в гости и заметил, что на его письменном столе хаотично разбросано множество старых фотографий, писем, рисунков и прочих личных вещей.

– Что за кучу малу ты тут создал? – шутливо спросил писателя его давний друг.

– Я роюсь в своем прошлом, – на полном серьезе ответил тот.

– И как, уже удалось найти что-нибудь стоящее?

– По большей части старые воспоминания. Некоторые из них приятны, а некоторые весьма болезненны.

– Что же ты собираешься с ними делать? – спросил писателя его друг. – Неужели постоянно носить их с собой, заполнив ими со временем все свое жизненное пространство?

– Пока не знаю. Может быть, мне удастся найти для них подходящее место.

Друг промолчал и не стал спорить – ведь мы не случайно назвали его другом.

На следующее утро, выходя во двор, писатель неожиданно застал своего друга роющим у стены его дома какую-то яму.

– Что такое ты здесь делаешь? – спросил его встревоженный писатель.

– Вчера ты сказал мне, что ищешь подходящее место для своего прошлого. Вот, я как раз создаю его для тебя, – ответил, подмигивая, друг.

– Ты что, решил сегодня кого-то закопать прямо под стенами моего дома?

– Сегодня – всегда хороший день для того, чтобы освободиться от оков своего прошлого, – улыбнулся друг.

04.01.2018

Жанр: Притча

Категория: Признанное

Рыба и Лев

Однажды в Великой Пустыне все изменилось. Много месяцев палящее солнце было столь ярким и жара столь нестерпимой, что высохли все, даже самые крупные источники воды. Животные были растеряны, их мучила жажда. Тогда они собрались на Великий Пустынный Совет, на который не собирались уже много десятков лет, дабы придумать способ спастись от светила.

И каждый из них выходил в центр Совета, и каждого из них вопрошали другие, где можно найти спасение, однако никто не мог дать ответа. В отчаянии, животные обратились к своей последней надежде – они вызвали в центр Совета пустынного льва, слывшего самым смелым, мудрым и сильным среди всех зверей и по праву считавшегося их царем.

– Я найду вам воду, клянусь своей честью царя зверей! – прорычал лев. – Я найду ее и покажу вам путь.

С этими словами лев отправился на поиски источника живительной влаги, а животные стали ждать его возвращения.

Много дней и ночей без устали лев бежал и бежал по пустыне, подгоняемый песчаным ветром, мыслями о своих умирающих сородичах и своем долге перед ними. Когда же, казалось, силы совсем готовы были оставить его, его взору внезапно открылся великий, бескрайний, безграничный, насколько хватало взору, океан.

– Я нашел ее! Я нашел воду! Теперь мы спасены! – воскликнул лев и из последних сил устремился вниз к побережью.

Когда же он все-таки сумел подползти к берегу и уже было зачернул в лапы спасительной влаги, то внезапно увидел плывущую в этой воде рыбу. Рыба переливалась на солнце всеми цветами радуги и, казалось, изучающе смотрела на него.

– Ты хочешь отведать из моего источника? – внезапно спросила она.

– Да... – толи прорычал, толи прошептал лев. – Я много дней бежал, силы мои иссякли, мои сородичи умирают от жажды. Я должен напиться, чтобы восстановить силы и вернуться к ним, дабы сообщить им об этом великом источнике спасительной влаги.

– Но знаешь ли ты о его свойствах? – спросила рыба.

– О каких свойствах ты говоришь? – удивился лев. – Я вижу воду – и я скажу о ней другим. Не томи же меня, уплыви, и я вдоволь напьюсь этой манящей влаги и восстановлю свои силы!

– Вода, которую ты собираешься пить, может убить тебя, – ответила рыба.

– Вот странная рыба, – подумал лев. – Как вода может кого-то убить?

– Убить? О какой смерти ты говоришь? Я итак уже почти умер от жажды, – прорычал лев. – Не мешай же, дай мне напиться!

– Если ты отведаешь из моего источника, твоя жажда лишь возрастет и усилится, – ответила рыба. – Чем больше ты будешь пить, тем сильнее станет твоя жажда.

– Но как же ты живешь в этом источнике и пьешь из него, не умирая? – вопрошал царь зверей.

– То, что для вас, наземных, есть смерть, для нас есть рождение, – промолвила она. – Мы рождены в этом горьком источнике и суждены всю жизнь провести в нем. Для нас он перестал быть смертельным – он стал нашим воздухом, и теперь мы наслаждаемся им.

– Но как же мне тогда быть? – спросил лев. – Я должен помочь моим сородичам во что бы то ни стало! Не зря я по праву считаюсь самым сильным и мудрым царем зверей!

– Ты можешь отведать из моего источника и спасти их, – ответила рыба. – На севере в это море впадает река, ее вода сможет принести тебе облегчение. Кроме того, в той реке ты также сможешь найти моих братьев, потому что мы можем жить и в ваших водах. Они помогут тебе дальше. Но река далеко, и ты вряд ли сумеешь дойти до нее.

– Как же мне тогда поступить? – вновь спросил рыбу лев.

– Тебе придется отведать из моего источника – но помни, что твоя цена за это может быть слишком высока. Воды моего моря хватит на небольшое время, так что тебе придется спешить. Однако, если даже ты сможешь после этого дойти до реки, тебе вряд ли удастся вернуться к своим сородичам. Но мои речные братья помогут тебе передать послание об их речном источнике – но сначала тебе придется к ним дойти.

– А если я не стану пить из этого моря? – спросил лев.

– Тогда, скорее всего, тебе не удастся дойти до реки, – отвечала рыба.

Несколько тяжелых минут лев лежал на берегу, не в силах решиться глотнуть эту воду. Однако, когда он, наконец, осмелился это сделать и зачерпнул лапой немного воды, она оказалась такой горькой на вкус, что он тут же выплюнул ее, не в силах перенести этой горечи.

– Нет уж! Пить из этого моря – значит умереть сразу же, что бы там не говорила рыба, – решил лев. – У меня еще есть силы, я смогу добраться до реки, не будь я царем зверей!

И, собрав крошечный остаток сил, изнуренный жаждой лев побегал в указанном рыбой направлении. Однако сил его хватило всего лишь на несколько часов.

Солнце вновь взошло высоко над Великой Пустыней – слишком высоко для некоторых из сухопутных. После нескольких часов пути изнуренный жаждой лев упал на горячий песок, тяжело дыша. Он знал, что умирает. Он знал, что не смог выполнить свой долг.

– Чертова рыба! – подумал он. – Нет тут никакой реки, и наверняка никогда и не было. Ты указала мне неверную дорогу, ты убила меня! – прорычал он. – Чертова р-р-р-ы-ы-ы-ы-б-б-б-а-а-а! – в последний раз раздался над пустыней громкий рык поверженного царя зверей, и тут же все стихло.

Лишь так же светило солнце, лишь так же дул песчаный ветер, и лишь так же где-то далеко плескались и резвились волны великого и бескрайнего океана. А до пресной реки, питающей море, оставалось всего лишь несколько часов пути, которые он бы смог одолеть, если бы все же решился выпить из горького источника...

02.07.2006

Жанр: Притча

Категория: Признанное

С Богом

К умудренному бесчисленными годами жизни седовласому старцу один за другим приходили люди. Они молча склоняли свои головы в знак почтения перед ним, чтобы услышать от него в ответ то самое, заветное и сокровенное пожелание: «Ступай с Богом!»

Час шел за часом, время сжималось и растягивалось на бесконечность, вереница пожелавших получить его напутственное благословение людей все никак не хотела заканчиваться, но старец, казалось, совершенно не ведал усталости. Он нежно обнимал каждого из приблизившихся, а затем пристально вглядывался пришедшему к нему человеку в глаза, словно проверяя, хватит ли тому силы духа для несения своего собственного креста – прохождения предназначенного ему пути – но в независимости от того, что видел он там, в светлых вершинах и темных глубинах всякой доверившейся ему человеческой души, ответом старца неизменно было одно: «Ступай с Богом!»

Кто-то, получив свое благословение, радостно улыбался – а иной, казалось, слегка грустил. Взгляд некоторых людей прояснялся, а у других на глазах выступали слезы. Кто-то вприпрыжку выбегал из зала точно окрыленный – однако находились и такие, что едва волочили ноги, словно их невидимый крест уже заранее давил им на спины. Но не было тех, кто не склонился бы перед ним.

Старец заранее ведал о том, что будет с каждым из пришедших к нему на поклон – кто вернется в его чертог возрожденным, а кто бросит свой спасительный крест на полдороги в придорожной грязи или же сам измажется ею. Кто дойдет до конца, достойно преодолев все тяготы, а кто повернет вспять. Кто в итоге окажется ему благодарным, а кто станет хулить за тяжесть пути. Но ответом и благословением старца неизменно было только одно: «Ступай с Богом!»

...Час шел за часом, день шел за днем, столетие за столетием. Люди приходили к своему Создателю за благословением, дабы затем уйти в новый земной путь. Вечность была готова ждать их возвращения.

29.09.2022

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Судьба

Судьба у кролика Аристарха была не ахти. Вот и сейчас она неслась как стая одичавших зайцев прочь от лисицы прямо перед его глазами без всякого желания сделать очередную остановку, дабы упиться жалостью к самой себе.

Почему Аристарха, спросите вы? Аристарх и сам не знал, какая лисица и в какое мягкое место однажды укусила этих людей, выкупивших его у какого-то местного фермера, дабы затем пристроить в бродячий цирк. Назвать его, Косого, каким-то Аристархом... цирк, да и только! Но в этом самом «и только» и прошло – вернее сказать, пронеслось как те самые зайцы – все пятилетнее цирковое прошлое Аристарха.

Чего же в нем только не было! Тут тебе и прятки в шапке фокусника, там тебе и прыжки через скакалку, здесь вам и эффектные появления из черных ящиков, не говоря уже про спринтерские марафоны по цирковому кругу вместе со свиньями, кошками и собаками. Каких только глупостей не заставляли делать Аристарха эти глупые смеющиеся люди! Цирк, одним словом.

«Разводят тебя, серый, как есть разводят. В смысле, чтобы съесть тебя и разводят. Вот и меня, чуют мои копыта, тоже разводят», – часто причитала ему в его большие кроличьи уши после очередного циркового выступления свинья Маруся.

«Глупая ты, толстуха, байки-то чтобы рассказывать», – столь же часто утешал ее Аристарх, а сам в эти моменты думал: «А может, и взаправду разводят?» И острое как нож чувство жалости к самому себе и чувство ненависти к своей судьбе в очередной раз пронзало его ранимое кроличье сердце.

Годы брали свое, скажете вы? В том-то и дело, что по кроличьим меркам Аристарх был еще достаточно молод – и достаточно глуп для того, чтобы, открыто задремав однажды на опушке, попасться в руки злополучного фермера. Фермер, по правде сказать, выходил его и вылечил его раненую в ходе прошлого спасения от лисицы лапу, но нравиться Аристарху от этого больше он не стал. «Судьба, видать, у меня такая, – горько вздыхал Аристарх, когда вылечивший его фермер отдавал того в цирк, – а против судьбы не поскачешь».

«От судьбы, Маруся, не уйдешь!» – любил он время от времени пофилософствовать перед ней. «Она же как лисица – рано или поздно догонит, да и сожрет в один присест!»

«Глупый ты, Косой, байки-то чтобы рассказывать», – отвечала ему Маруся, а сама в эти моменты думала: «А может, и взаправду не уйдешь?» И копыта ее в такие минуты обессиленно подкашивались, и вновь плюхалась она в грязь, и купалась в ней до изнеможения, пока совсем не тупела, точно баран.

Аристарху тоже хотелось время от времени упасть вместе с ней в грязь или напиться воды из лужи, но Маруся раз за разом его отговаривала. «Не пей, Ари! Козленочком станешь или в барана превратишься! Пьющий кролик – горе в семье!»

«Хорош причитать, бараны!» – часто прерывал их взаимные душевные излияния баран Иннокентий, он же Инок. «А то сейчас вас всех забодая!» Перспектива быть забоданным этим безумным рогатым чудовищем всегда пугала и Марусю, и Аристарха, и в такие минуты они снижали градус своих жалоб и причитаний, хоть и ненадолго. А ненадолго потому, что жизнь то у них, в отличие от кошек, была всего-навсего одна – поэтому, когда ж еще поклянешь судьбу то, ежели не в этой?

«А ведь я бы мог сейчас иметь семью... – думал в такие дни Аристарх. – Миленькую жену и маленьких крольчат... И чем только я раньше думал? Был первым парнем в подлесеке, крольчихи на меня заглядывались, а я все лицо ото всех воротил... Да нет, глупости это все, просто не судьба!» – раз за разом успокаивал он ноющее внутри чувство упущенных альтернативных возможностей. И вновь эффектно появлялся из шляпы цирковых фокусников, и прыгал через скакалки, и бегал марафоны по кругу жизни со свиньями, и старался не якшаться с баранами. Цирк, одним словом.

Но судьба у Аристарха была все-таки не ахти. Через пять лет он заметно постарел и бегать уже больше не мог – только лежать и причитать, по большей части. Свинья Маруся тоже куда-то исчезла одним из воскресных вечеров, и с тех пор уже некому было купаться в местных грязных лужах и питаться помоями. Баран Инок сломал себе оба рога, когда в очередном приступе бешенства на бесящих его однажды попытался забодать телеграфный столб. Ну, а хозяева бродячего цирка еле сводили концы с концами. Так что однажды его просто отпустили восвояси – достали из клетки и выпустили в ближайший подлесок. Хорош причитать, дескать, уже уши вянут. Лучше беги в... на все четыре стороны! Но бегать к тому моменту Аристарх уже не мог – груз прожитых лет и открывающихся манящих лесных перспектив, где нужно самому о себе заботиться, настолько давили на всю сущность Аристарха, что душа его – ежели она, конечно, есть даже и у кроликов – почти в буквальном смысле уходила в пятки, так что он еле волочил лапы. А на третий день его скитаний по безлюдным лесам и настал, собственно, тот самый час X.

* * *

– А вот не надо было на бочок во сне ложиться, авось мы бы и не встретились!
– усмехнулся волк, держа Аристарха в лапе и оглядывая со всех сторон.

– Делай свое дело, серый, – горько прохрипел сжатый могучими лапами Аристарх. – Не плюй мне в душу и не тяни за уши! От судьбы не уйдешь...

– Ишь ты, какой безвольный философствующий экземпляр мне сегодня попался! – оскалился в ухмылке волк. – Пожалуй, хоть лапку я от тебя да и оставлю в назидание будущим поколениям. Кроличья лапка – она, знаешь, на удачу! – хохотнул он.

– Не мучь уши мои, – простонал Аристарх. – Итак душа ноет.

– А знаешь, почему ты мне, такой весь из себя душевно хромой, попался? – волк прищурился своими двумя горящими огнями злорадства глаз. – Как же вы это обычно говорите... от судьбы не уйдешь. Не судьба тебе уйти из этой жизни живым, ушастый!

– Не судьба... – послушно согласился с ним Аристарх.

03.03.2019

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Счастье

Однажды в дверь дома человеческой души постучали. За порогом стояло неведомо из каких краев пришедшее к нему Счастье. Настоящее Счастье всегда приходит неожиданно.

– Кто ты? – спросил его удивленный человек, уже много лет живший наедине с Безрадостностью.

– Я – твое самое настоящее, долгожданное Счастье! – просияло оно.

– Врешь! – осклабился человек. – Нету в этом мире никакого счастья!

– Но ведь вот же оно я? – удивилось Счастье. – Как же меня нет, когда я наконец-то нашло и тебя тоже?

– Нет, ты не можешь быть моим долгожданным Счастьем, – засомневался человек. – Мое Счастье должно выглядеть по-другому, я это чувствую.

– Да это я просто с дальней дороги устало, – улыбнулось в ответ Счастье. – Так долго пришлось искать тебя в этих болотах Грусти и степях Одиночества! Пусти меня в дом своей души – и я помогу тебе навести в нем полный порядок.

– У меня итак все в полном порядке, как и у всех, – насупился человек.

– Поэтому ты такой грустный? – спросило Счастье.

– Просто я нормальный, – ответил человек. – Не такой, как некоторые.

– Как кто? – спросило Счастье. – А, ты говорил про тех, кого я уже сумело найти? – догадалось оно.

– Чокнутые они! – фыркнул человек. – И ты тоже чокнутое! – разозлился он.

– Но ведь я твое Счастье! – и Счастье умоляюще протянуло к человеку руки.

– Уходи! – огрызнулся человек и толкнул Счастье в бок. – Я в тебя не верю!

– ...Хорошо, – ответило Счастье, – я уйду, как ты просишь меня. Но, быть может, хотя бы память о моем кратком визите сумеет согреть тебя в холодные ночи Безрадостности.

И с этими словами Счастье повернулось к человеку спиной и вышло за двери. Человек фыркнул и, продолжая ворчать что-то о нелепых и несвоевременных гостях, направился вглубь своих спальных покоев.

А прошедшее столь дальний путь Счастье село на крылечке дома души человеческой и стало тихо, не привлекая к себе излишнего внимания, терпеливо ждать. Оно очень-очень надеялось, что человек однажды поверит в свое собственное Счастье.

17.04.2014

Жанр: Притча
Категория: Избранное

Тут и Там

– Привет, Там! – радостно закричал Тут, обнимая своего брата. – Где же ты так долго пропадал в последнее время? Мы все дружно тут по тебе скучали!

– Я был... там, – уклончиво ответил Там. – Очень много дел в последнее время появилось – тут, знаешь ли, не до пустой болтовни и встреч. Занятой я теперь очень стал, как видишь.

– Да ты почти с пеленок таким и был, братишка! – улыбнулся Тут и похлопал брата по плечу. – Что, опять, небось, люди тебе покоя не дают с такой силой, что пришлось пуститься в бега?

– Ой, и не говори, – опечалился Там. – Вообще задрали! Ни покоя, ни отбоя от них нет вот уже фиг знает сколько тысяч лет. За все это время я стал просто как какая-то ненормальная человеческая «звезда», представляешь? Почти каждый норовит меня найти, как будто у меня персонально именно для него припасены несметные сокровища – и я с радостью готов ими поделиться со всеми проходящими, и говорящими, и просящими, и требующими, и угрожающими. Я, быть может, и был бы готов поделиться чем-нибудь хорошим с некоторыми из них – но не с такими же полчищами!

– Это все потому, что они не ведают, что творят... или не ведают, где ищут! – беззаботно расхохотался Тут.

– Точно-точно! – подтвердил Там. – Наверное, именно поэтому ты, мой дорогой брат, теперь и стал таким одиноким, а я таким популярным. Почти никто не хочет быть и находить Тут, но все мечтают сделать это Там. Как будто бы одного меня, Тама, хватит на всех!

– Хорошо, Там, где их нет. Потому что там, где они есть, всегда что-нибудь да нехорошо!

– А как ты думаешь, Тут, почему оно все у них вот так вот?

– Не знаю, Там. Может быть потому, что они разучились чувствовать душой и приучились чувствовать лишь телом?

– И ведь сколь многие из них воображают, что у тебя, Тут, как-то не ахти, как-то так-да-не-так, а у меня, там, в бесконечных безоблачных далях, которые они ищут совершенно не там, где надо, все просто в ажуре! А может случиться, Тут, что где-нибудь, в одном из моих множественных Там еще и конь даже не валялся, не говоря уже о том, чтобы объездиться! Но ведь они почти не могут не объездиться в поисках прекрасного Там.

– Прекрасный брат мой, добрый Там, тебя я людям не продам! – улыбнулся Тут. – Ты мне еще тут пригодишься... всем нам. Ведь тут оно, знаешь, как бывает... Может быть, что то, что они так усердно и долго ищут там, находится уже тут, почти прямо перед их чешущимся носом.

– Я очень надеюсь, что они все-таки научатся уважать и любить тебя, Тут, –
ответил Там. – Ведь даже самые прекрасные Тамы когда-нибудь да и
оказываются тут!

03.03.2016

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Учитель

В одной небольшой рыбацкой деревушке жил один необычный рыбак.

Никто даже не знал его настоящего имени, но среди местных жителей про него ходили удивительные слухи. Некоторые из них поговаривали, будто бы под личиной обычного рыбака скрывался великий мудрец, пришедший в этот край с Востока. Иные же утверждали, что даже один выход в море вместе с ним навсегда изменил их жизни. Находились, наконец, и такие, кто просто называл его сбрендившим старым чудачком, а все иные слухи о нем – вымыслами неучей.

Однажды проходивший этими краями путник заинтересовался историями об этом рыбаке и решил взглянуть на него своими собственными глазами. Рыбак оказался совершенно обычным на вид, пропахшим с ног до головы от постоянных рыбных уловов.

– Я слышал, что некоторые считают тебя учителем мудрости, а иные даже шарлатаном, – сказал рыбаку путник.

– Жизнь может научить каждого, но не каждый готов податься к ней в ученики, – ответил ему рыбак.

– Чему же ты можешь научить меня?

– Если ты хочешь научиться ловить рыбу, то завтра на рассвете я как раз собираюсь идти в море.

На следующее утро вышедшие в море рыбак и путник плыли вместе в одной лодке, попеременно сменяя друг друга за веслами.

– Рано встал – больше поймал, – внезапно нарушил долгое молчание рыбак.

– В шесть утра вставать – значит недоспать! – горько усмехнулся путник.

– Иногда то, что ты ищешь, может быть очень далеко от тебя. А иногда совсем рядом, – продолжил как ни в чем не бывало рыбак. – Остановись здесь.

– Здесь не должно быть рыбы, – озадаченно ответил ему путник. – Мы еще почти не отплыли от берега.

– Не отплыв от старых берегов, невозможно увидеть новые, – проигнорировав его недавнее замечание, продолжал между делом его собеседник, готовясь ставить рыбные сети.

– Все это я уже слышал ранее, – саркастично ответил ему путник. – Но здесь определенно мало рыбы!

– Не все то золото, что блестит. Не все то рыба, что плавает, – как ни в чем не бывало продолжал рыбак, освобождая сети от набившегося в них пластикового мусора.

– Мда... – горько заметил путник. – Вот это действительно банально.

– Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, – изрек свою очередную мудрость рыбак, продолжая игнорировать замечания путника и закидывая очищенные от мусора сети в море.

– Вы прямо-таки открыли мне истину, где раки зимуют! – язвительно заметил путник. – Вы, похоже, действительно тот еще чудак, каким вас представляли мне некоторые.

– Если ты накормишь человека рыбой, он будет сыт один день. Если же ты научишь его ловить рыбу...

– Хватит! – закричал путник. – Мне надоела вся эта ахинея! Это же сплошные банальности, неужели никто никогда не говорил вам об этом?!

– Никогда не говори «никогда», – донеслось в ответ. – Сегодня какой день – среда? – уточнил рыбак.

– Сегодня пятница! – сказал раздосадованный путник и сплюнул в воду.

– Можно, значит, – довольно хмыкнул рыбак и достал откуда-то со дна лодки третье весло.

– Может, уже поедем отсюда, а? – путник взглянул на рыбака исподлобья. – Я уже наслушался ваших идиотских банальностей и сыт ими по горло!

– Если ты накормишь человека рыбой...

– Вы уже только что говорили об этом, старый вы осел! – взъярился путник. – У вас что, с памятью проблемы?! Черт же меня дернул согласиться на эту поездку и вообще решить встретиться с вами!

– ...То человек даже и не подумает отблагодарить тебя. Ему не понравится внешний вид рыбы, или ее цвет, или ее привкус, или то, как она блестит чешуей на солнце. Вместо благодарности он будет поносить тебя и злословить на твой счет, хотя ты и не желал ничего иного, кроме как спасти его от голода. А вот если же ты накормишь рыбу человеком...

С этими словами рыбак внезапно ударил путника незакрепленным третьим веслом по голове, скидывая за борт.

– ...То он от скромности как воды в рот наберет! – расхохотался рыбак, протягивая барахтающемуся и плюющемуся водой путнику весло. – Следующим уроком после смирения будет урок терпения. Нам тут еще часов десять куковать. Место это действительно нерыбное, – добавил он.

26.12.2017

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Чудо

Жили люди на свете – и грустно жилось им, и тягостно. С рождения хотелось им чего-то необычного, волшебного. Праздника радости жизни хотелось им, но не в силах создать его были они. И был мир их сер и скучен, и жилось им безрадостно. Но мечтали в сердцах своих люди некоторые о Чуде великом, самом прекрасном из чудес, ими встреченных. Таким Чуде, от которого глаза сиять бы начинали и сердца огнем веры загорались бы. И взмолились люди эти мечтающие к небесам, и просили утешить сердца их – послать им Чудо великое, чтобы вовек помнили и веру в сердца своих хранили бы.

И услышана была молитва их искренняя, сердечная, и спросили Странники небесные Отца своего, какое чудо подарить детям Его любимым, чтобы сердца их трепетали в восхищении, и слезы радости от созерцания Чуда этого в глазах их рождались. И решено было так сделать, чтобы Чудо Божественное всегда рядом с ними жило, ни на миг не покидая. Чтобы всегда видели люди его глазами своими и душами своими ощущали бы его прикосновения. Чтобы никогда не иссяк более для них источник радости и вдохновения светлого.

И растворилось с небес посланное Чудо Божественное в мире людском невидимо, дабы всегда рядом с людьми быть с момента того и далее.

И воплотилось оно в солнца ярком сиянии и в деревьев поющем шелесте.

В ручьях журчании радостном и птиц пении утреннем проявилось оно.

В приboях волн морских, рассветах и закатах лилово-розовых воплотилось оно.

В радуге небесной лучи Чуда того сверкать начали.

В облаках молочно-сахарных, по небу вечно странствующих, отразилась красота Чуда того, мир людской наполнившего.

В снежинках бархатных неповторимость проявлений его отразилась.

В дожде омывающем забота Чуда того о чистоте душ людских запечатлелась.

В сиянии глаз детских искры Чуда того невидимого навечно остались.

В бесконечном вещей и явлений множестве Чудо то перед людьми предсталось, отражая Творца своего щедрость и величие.

Всюду проникло Чудо то, в каждую клеточку мира, для людей созданного, войти оно сумело, осветив его и обрадовав. И верили Странники небесные, что Чудо это лучшим из чудес будет для человечества, и исчезнет горечь и печаль с лиц людских, и возрадуются люди счастьем своему и красоте, мир души их спасающей. Но не суждено надежде этой в момент тот сбыться было.

Не увидели люди в большинстве своем Чуда того великого, и что быть оно рядом с ними близко столь может не поверили. Спешили все жизни свои они куда-то по целям искусственным, бессмысленным, безрадостным, и не могли видеть в силу этого того, что с ними совсем было рядышком. И убили они то Чудо Божественное, и обыденностью сделали его. И предались обыденности своей, и уснули сердцами еще более прежнего.

Но не умерло Чудо то, ибо Творцом было создано – в сердцах лишь скупых человеческих умирало оно безвременно. И до сих пор живет оно с людьми рядышком, но проходят мимо многие, ведь не надо им мира чудесного, непривычного, странного, но размеренного и выверенного надо им.

Не умалилось оно от людской незрячести, и от жадности их не истребилось оно. Ждет и надеется оно по-прежнему, и дарит себя во всей своей щедрости и величии.

Но кто поверить сердцем способен, что перед самым носом его Чудо великое может быть спрятано?

18.03.2012

*Жанр: Притча
Категория: Избранное*

Юноша и старец

Однажды – а впервые случилось это много лет тому назад и с тех пор иногда происходит снова и снова – по дороге жизни вприпрыжку бежал молодой человек, с улыбкой оглядываясь по сторонам. У него за плечами была небольшая походная сумка, на ногах виднелась еще не успевшая износиться обувь, тело было полно жизненных сил и соков, а душа еще не извела горя. Глаза юноши лучились счастьем от ощущения свободы, а ноги его легко, словно едва касаясь ее, скользили по земле, не цепляясь за камни и коряги. Путь его был нетруден.

В первый же день своего пути он повстречал идущего ему навстречу по этой дороге старца. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, опираясь на согнувшуюся от многотрудного пути клюку, старец едва передвигал ноги. За плечами его юноша заприметил огромную котомку – она была настолько большой, словно старец этот каким-то странным образом нес груз за десятерых. Взор старца был опущен вниз, на камни, лежащие на его пути, а согнувшиеся от усталости ноги аккуратно и неспешно переступали через них. Со лба старца медленно стекал пот, и по всему было видно, что продолжение этого пути стоит ему значительных усилий. Путь его был непрост.

Удивленный увиденным, юноша окликнул идущего навстречу ему старца и спросил, куда тот держит свой земной путь.

– Я иду к себе, – спокойно ответил ему старец. – А ты идешь ко мне.

– Разве я знаю тебя? – удивился юноша.

– Разве ты знаешь себя? – также вопросительно вымолвил в ответ ему старец.

– Что ожидает тебя в конце твоего пути? К чему ты стремишься? – любопытствовал у него юноша.

– Начало нового, – кратко ответил старец, сдвинув клюкой мешавший ему камень.

– Не тяжело ли тебе брести? Мне почему-то кажется, будто ты несешь не только свой собственный, но и чей-то чужой груз, – словно смиловившись над ним юноша.

– Не легко ли тебе праздно стоять на месте и разговаривать со мной? – словно в жесте изумления поднял свою бровь старец.

– Почему ты путешествуешь один? – не унимался с расспросами юноша.

– Потому что не всех можно назвать близкими, – вздохнул, утирая выступившую на глаза слезу, старец.

– Могу ли я помочь тебе хоть немного? – предложил юноша.

– Мы идем разными дорогами навстречу друг другу. Помогая себе стать лучше, ты поможешь и мне, – убежденно ответил старец.

– По правде говоря, я мало что понял из твоих странных речей, незнакомец, – всплеснул руками юноша. – Но я желаю тебе счастливого пути!

– И я желаю тебе того же, – с улыбкой ответил ему согбенный старец.

С этими словами юноша и встреченный им путник вновь двинулись навстречу друг другу, однако ровно в тот момент, когда они, наконец, поравнялись, старец шагнул прямо на него – и исчез, словно растворился в утренней дымке, словно его еще и не было. Ошарашенный юноша долго протирал свои глаза и смотрел по сторонам, надеясь увидеть хоть где-то удаляющийся силуэт таинственного незнакомца, но так и не сумел этого сделать.

– Я иду к себе, – тихо прошептал юноше его внутренний голос. – А ты идешь ко мне...

02.06.2022

Жанр: Притча
Категория: Избранное

Танец времен

В поисках мира

Быстрый-быстрый бег, изо всех сил. Он должен уйти, он не может не уйти. Инфосканер снабжал его надежной информацией о местности на тысячи метров вокруг, но у него был громадный недостаток – он не мог определить местоположение живых существ. Только информация о местности – любом угле наклона любого холмика и деревца, видах произрастающих растений, рельефе местности – словом, куча бесполезного хлама. А вот самого важного он не показывал, и это стало очевидным совсем недавно. Конечно, у него еще оставался тепловой датчик – верный спутник любого путешественника измерений – но и он оказался бесполезен! Ну кто же мог предположить, что его забросит сюда и, главное, на столько!

Единственное, что могло его сейчас спасти – это его собственные ноги, да возможности его «реактивного ранца», работающего на жидком водороде. Последнее изобретение физики! Непревзойденные возможности перемещения! Путешествие в одно мгновение! Бла-бла-бла... Уж что-что, а скромность определенно не входила в число иных многочисленных достоинств физиков Центрального Института Познания. Все, на что хватало этого ранца – полчаса полета над землей на высоте двадцати-тридцати метров, а потом до новой перезарядки его можно было благополучно отправлять на склад. Собственно говоря, главная проблема как раз и состояла в том, что заряда в нем осталось от силы на две-три минуты...

Десять тысяч метров... девять с половиной... пятьсот... четыреста... Настигают. Так ему не уйти. Все, последний шанс спастись... Он активировал свою «непревзойденную возможность перемещения». Последний шанс спастись... Звезды в глазах... головокружение... привкус крови во рту... За эту возможность спастись тоже приходится расплачиваться. Свист и рокот за спиной, резкий отрыв от земли, бросок вперед и вверх через пространство, свистящий в ушах воздух...

Десять метров... двадцать... двадцать пять... хватит. Он вновь включил инфосканер. Вот теперь ты мне очень поможешь, дружище! Сейчас быстро отыщем положение своего «Вебря». Всего лишь десять километров для сканера – ерунда. А вот для него десять тысяч метров – не шутка, если их надо преодолеть за две-три минуты. Только бы добраться, только бы уйти, а там его ждет не дождется его родной «Вебрь». Он уйдет отсюда – ему здесь не место. В этом мире и в этом времени.

Да, милые же, однако, зверушки ему попались! Он и не узнал их сначала – стоял, глупо вытаращив глаза, потерял столько драгоценных секунд... Странно, но он понял то, кого встретил в этом времени, уже лишь с погоней за своими плечами. Да, он вспомнил их. Когда-то еще в детстве в компьютерной базе космического корабля его отца он наткнулся на мало что говоривший ему тогда фрагмент текста:

«Информационный код: 1231256451.

Код типа информации: 534543254.

Код раздела: 534535.

Вид информации: для общего пользования.

Доступ: открытый.

Метод шифрования: отсутствует.

Шифрование: не применяется.

Источник: информационные фонды Центрального Института Познания.

Наименование: «Доисторические обитатели планеты Земля галактики Млечного Пути. Фауна. Динозавры».

Ему тогда было понятно все кроме последних трех предложений.

Динозавры... Вот один из них перед ним – точнее говоря, за ним. Двести километров в час, дикий рев воздуха в ушах... Хорошо, хоть скафандр защищает от подобных «непревзойденных перемещений». Он отрывался. Тираннозавр (почему-то он был абсолютно уверен, что это именно он) ну никак не мог бегать с такой скоростью. Еще вчера их с ним разделяло несколько миллионов лет, а сегодня – только расстояние. Предельно малое расстояние.

Вперед, вперед, вперед. Нельзя медлить. Максимальное ускорение, одна-две минуты до окончания воздушной прогулки... Резкий писк датчика. Десять секунд до окончания полета. Девять... восемь... семь... Все, пора садиться. Заглушаемые двигатели, подогнутые ноги. Резкий толчок и столкновение с землей.

А потом он закричал от резкой вспышки боли в ногах и мысленно обругал себя последними словами за собственную глупость – ведь так и не смог за этот год научиться нормально садиться, хоть изо всех сил и гордился полученным званием «Космический первопроходец. Класс: ветеран». Ну, хоть своим «Вепрем» он управлял не в пример лучше. Не каждый новичок мог гордиться всего лишь за год полученным классом умения «ветеран», в самом-то деле!

Итак, девять километров позади, уже позади – осталось буквально пятьсот метров. Да, вот он – четкий и надежный сигнал радиомаяка его корабля на инфосканере. Пятьсот двадцать четыре метра по прямой. Да, именно по прямой он и собирался бежать. Вот только правая нога что-то плохо слушается... Ничего, вперед! Периодические кратковременные прыжки на одной ноге. Он добирался до своего космического корабля...

Задраиваемые шлюзы. Аварийная подготовка двигателей. Темный громадный силуэт, показавшийся на горизонте. Быстрее, быстрее, быстрее! Теперь он уже под прикрытием «Вепря», но для этого патрульного звездного истребителя показавшаяся на горизонте и теперь быстро приближавшаяся зверушка могла оказаться существенным противником. Поэтому надо уйти с этой планеты, уйти в другой мир – и другое время.

Быстрее, быстрее, быстрее! Руки действовали автоматически, не нуждаясь в контроле мозга – уже не раз и не два проделанная работа путешественника измерений, космического первопроходца. Так, анализ галактического местоположения... звездная система Миракл, планета Стигс...

Так, планетные координаты корабля... это я и без тебя знаю! Так, дальше... Расчет траектории и параметров взлета с планеты... Скорее, скорее, компьютер, – время не ждет, теперь не ждет...

Так, все. Подготовка системы вооружений... Ну ее нафиг! Сейчас эти жалкие пушки его не спасут, а на их подготовку требуется несколько минут, которых у него сейчас нет. Дальше, дальше, дальше! Точка полета – орбита планеты. Да, выберемся на орбиту, а там решим, что делать дальше. Все, расчет параметров закончен. Разрешение на старт? Да, да – даю это разрешение! Старт, старт, старт! Скорее же! Пятьсот метров до встречи с угрозой... Ну же!

Толчок. Встряска. Снова толчок. Снова встряска. Удар головой. Боль. Забытие...

* * *

Медленно открываемые глаза. Страшно болит голова... Где он? Что с ним? Он огляделся по сторонам. Привычные терминалы, пульта управления... «Вебрь» – донеслось откуда-то из самой глубины сознания знакомое и до боли родное слово. Его корабль, его верный друг, ни раз выручавший его в глубинах космических пространств. Его, носящего гордое имя первопроходца...

Выходит, он жив. Он жив? Жив! Спасся?

Надо понять, где он сейчас и куда забросило его корабль. Одинокая вертящаяся в голове мысль – «жив», шаги к навигационному терминалу, раскачиваемая из стороны в сторону голова, струйка крови из носа... Он быстро набрал запрос. Пять, десять секунд...

«Запрос номер 1432435623.

Бортовой компьютер космического звездолета «Вебрь» класса патрульный истребитель.

Местоположение: звездная система Миракл, орбита планеты Стигс.

Код положения на орбите: 65466456».

Наконец, до него дошло. Орбита планеты. Перед тем, как совершить столь неудачное приземление головой в стену, он успел задать курс корабля, и корабль благополучно вышел на орбиту. Сколько же уже длится его путешествие по ней? Он бросил мимолетный взгляд на датчики времени. Секунда, две, три... У него начала медленно отвисать челюсть.

Что?! Он протер глаза. Нет, приборы не могли врать – некогда изобретенный специалистами универсальный декодер временных потоков четко и надежно мог определить временной интервал, в котором находился он сам и, следовательно, и его владелец. Но... но такое? Четкие буквы и символы, собравшиеся в совершенно бессмысленные строчки...

«Тип отсчета временных потоков: нулевой год нашей эры планеты Земля галактики Млечного Пути. Год: 3056»

Три тысячи пятьдесят шестой год нашей эры по земному летоисчислению! Он улетал с планеты Земля в эту систему, когда шел две тысячи двести семьдесят пятый год, а сейчас... три тысячи? Не может быть! Или... коллапсер времени был активирован?

Коллапсер времени – искажитель временных волн, позволяющий совершать скачки в прошлое. Новейшая разработка. Он был одним из немногих, кто удостоился того, чтобы этот генератор вмонтировали на его корабль. Он заслужил это – но и задание, данное ему и другим таким же свободным космическим рейнджерам отделом Объединенного Галактического Совета по вопросам колонизации миров и ресурсного снабжения дальних систем, было непростым. Но и награда была велика – боевой крейсер под собственным управлением и такое количество кредитов, которых хватит на десять обычных жизней.

Скачок во времени, исследование миров в прошлом, внесение полученной информации в информационные банки корабля... Ученые надеялись решить проблемы сырьевого истощения систем путем транспортировки грузов во времени – столь же грандиозная, сколь и непредсказуемая идея. Ему дали лишь патрульный – быстрый и крайне маневренный, но совершенно неподходящий ни для каких иных целей кроме исследования космических пространств – корабль. Ему предстояло лишь собирать информацию – чем он и занимался до недавних событий.

Итак, временной коллапсер был активирован без предварительных расчетов. Но ведь он разрабатывался лишь для путешествий в прошлое, а так... в будущее, на несколько сотен лет... как? Но приборы не должны врать... Выходит, его унесло на восемьсот лет вперед? Он должен вернуться назад! Ведь никто никогда не пробовал использовать коллапсер времени для того, чтобы совершать скачки на сотни лет вперед... прибор просто не разрабатывался для этого. Надо протестировать генератор.

Он сел за пульт управления. Запрос, другой, третий – машина верно служила ему. Что?! У...уничтожен? Как? Он похолодел.

Тогда, взлетая с планеты, в спешке он забыл активировать атмосферные, пылевые и астероидные щиты, служившие надежной защитой корпусу корабля при путешествии в космическом пространстве. Он забыл даже пристегнуться, отчего и ударился головой при взлете. Огромная вмятина на правом боку корабля – как раз там, где вмонтирован коллапсер... Было столкновение? Но корабль не сошел с курса... видимо, бортовой компьютер все же вытянул его на орбиту даже после столкновения... Астероид? Может быть.

Но какое теперь это имеет значение?! Теперь, когда его единственная возможность вернуться домой была буквально вырвана у него из рук? Когда он оказался отделен от дома промежутком в восемь сотен лет, один перед лицом неизведанного. Он еле сумел уйти от одной опасности – и вот перед ним другая, еще более серьезная, страшная своей неизведанностью... Нет, нет, нет! Это наваждение, это морок, это сон! Тогда, обессиленный и измученный недавними потрясениями, он упал на пол корабля и потерял сознание.

* * *

Спокойные и ритмичные стуки сердца. Глубокое ровное дыхание. Вдох, выдох. И снова – вдох, выдох, вдох, выдох. Спокойно, только спокойно. Все в порядке, все хорошо. Безвыходных ситуаций нет. На свете нет безвыходных ситуаций – и он найдет выход и из этой. Найдет, какой бы нелепой и безысходной она не казалась. Может быть – да, может быть, что она и безысходна на первый взгляд, но лишь только на первый взгляд, полный страха и неверия в себя. Второй взгляд будет мудрее, он станет не причитанием, но поиском выхода из ситуации, поиском ее решения. Теперь он смотрел вторым взглядом.

Временной коллапсер уничтожен. Он не может вернуться в прошлое, не может передвигаться во времени вообще. Он застрял в этом времени, и самое разумное для него теперь – это жить в нем. Жить в этом времени до тех пор, пока он не сможет найти способа вернуться назад. Сможет ли вообще? Глупый вопрос, бессмысленный. Он не знает на него ответа. Может быть – да, может быть – нет. Но самое разумное, что он может сейчас сделать – это начать осваивать это время. Он не зря, совсем не зря носит гордое имя первопроходца – он и станет этим первопроходцем в три тысячи каком-то там году.

Итак, решено. Мосты сожжены. Нет способа вернуться назад – поэтому будем шагать вперед. И кто знает – что ждет его за горизонтом?

* * *

Заглушаемые двигатели корабля. Уже до боли знакомый пейзаж. Те же планетные координаты, та же планета в той же звездной системе. Здесь начался его столь странный путь – здесь же он и продолжится.

Он проверил себя. Вроде все на месте. Скафандр на нем. Всякая другая электронная мишура тоже. Запас сжиженной еды на месяц. Оружие? Да, вот он висит у него на поясе – верный лазерный полуавтоматический пистолет LZ-195. Сердце? Да, в сердце смелость, непоколебимая решительность и проснувшаяся страстная жажда приключений.

Солнце на сине-зеленом небе планеты Стигс. Мили и мили пути впереди. Куда? К цивилизации. Он очень надеялся, что здесь такая есть. Не может быть, чтобы эта планета с ее столь живописными пойменными лесами и равнинами ни была заселена и колонизирована, чтобы она ни стала домом каким-то другим обитателям этой вселенной в три тысячи каком-то там году. Он верил в это и шел вперед, он шагал равнинами планеты.

* * *

Выстрел. Кувырок. Снова выстрел. Он и не предполагал, что такая красивая с виду издали флора джунглей этого мира может оказаться столь опасной вблизи. Лианы-хищники, обвивающие его за ноги и руки, блокирующие любой доступ и возможность достать оружие. Гигантские чашелисточные растения наподобие увеличенных в двадцать раз земных росянок, что безошибочно угадывали его местоположение и жадно разевали свои «пасти», полные множества острых как иглы листков. Корни деревьев, как будто нарочно цепляющиеся за ноги и не дающие пройти...

Эти джунгли очень не любили чужаков – но это стало ясно не сразу.

Рывок. Опять лианы оплетают его с ног до головы, пытаясь вырвать смертоносное оружие. Нет, так просто вы меня не получите! Кувырок. Разворот. Выстрел. Очередная лиана стекает на землю сжиженной массой. Вот еще одна... Выстрел. В лицо ударили ошметки гнусно пахнущей зелени... Свист сверху... Вниз! Что-то мелькает над головой – потом увидим... Или лучше не увидим вовсе?

Уйти? А он сможет? Во всяком случае, стоит попытаться. Так, на размышления доли секунды... Решено – прорвемся! Кувырок по земле подальше от того места, где он столь несвоевременно распластался по земле. Вот он вскакивает на ноги... вновь шум рассекаемого воздуха... разворот навстречу опасности... поздно! Он не успевал. Предельно напрягшиеся в извороте тела мышцы... дикая боль в суставах... зеленая чешуйчатообразная масса, нависшая перед лицом... что-то больно вцепилось в руку, пытаясь проломить скафандр... изворот... оружие выпадает из рук...

«Это конец», – мелькнула мысль. Без оружия он здесь не воин...

Хлесткий удар по шлему. Звезды в глазах – но шлем выдержал. Последний, отчаянный рывок, попытка вырваться из оплетшей его сети... Куда там! Его держали мертвой хваткой. Как бы ему самому скоро не стать мертвым... Что-то ужасно тяжелое, упавшее сверху. Кровавое марево, застелившее глаза. Не вырваться, не вырваться, не вырваться... Уже не вырваться... Конец...

Нет, нет, нет! Я не сдамся! Я воин, а воины не сдаются – они или побеждают врага, или умирают на поле брани. Я должен победить! Должен... но как?! Он даже не мог пошевелиться – плотоядные обитатели сей планетки держали его как нельзя более крепко. Как? Как? Как?! Разум метался в поисках решения...

Глупец! И как же я раньше не вспомнил?! Уже однажды спасшее его изобретение – может быть, оно поможет и теперь? Должно помочь! Полностью заряженный жидким водородом реактивный ранец, «непревзойденная возможность перемещения» – не шутка. А для его активации требуются лишь малейшие усилия – мозговой сигнал, посланный на бронированный нейроимпульсный шлем скафандра...

Вновь уже знакомый рев позади... рывок... хруст и скрежет... Вот оплетшие его ветви рвутся, какая-то тварь слетает со шлема и уносится диким потоком воздуха... Свобода! Десять, двадцать метров... Свобода!

До чего же это здорово, когда тебя никто не сплющивает и не давит, и ты можешь спокойно и ровно дышать! Сине-зеленое небо. Десятки километров джунглей планеты. Куда же ему выбрать путь?

«Домой», – пришла непрощенная мысль.

Нет! Он не может вернуться домой... пока не может. Его путь здесь – под солнцем этого мира, в этом мире в поисках мира лучшего. Он – вечный космический странник, бороздящий бескрайние просторы вселенной. Он – воин, он – исследователь, он – борец. И его путь теперь здесь. Здесь.

Бескрайние километры пути впереди... Далеко, насколько хватало взгляду, тянулась все та же нескончаемая поросль джунглей. Хотя, нет... Вот далеко впереди мелькнул какой-то просвет. У него заслепило в глазах. Какое-то громадное плато, горы... Ближе, еще ближе, буквально пять десятков километров...

У него перехватило дыхание. Город! Господи, город! Планета обитаема, она обитаема! «Братья по разуму, кто бы вы ни были, я нашел вас!» – захотелось крикнуть ему. Это было поистине удивительное чувство – видеть и знать, что ты не одинок в этом мире в три тысячи пятьдесят шестом году...

Вперед, вперед! Он должен встретить и увидеть обитателей этой планеты! Да, и теперь у него появляется шанс уйти отсюда в свое время... Шанс невелик, но все же, все же... Что-то больно екнуло в груди.

Тридцать километров, двадцать пять... Вновь вспышка перед глазами. Сознание... Как будто чей-то разум пытался проникнуть в его сознание – тихий вкрадчивый голос и спокойное созерцание. Восемь, десять, двенадцать секунд... Он перевел дыхание. Странное чувство отпустило его, но какое-то побочное ощущение внутри все же осталось.

Его проверяли... Да, его проверяли. На что? Нет ответа. Он прошел проверку? Тишина. Как бы то ни было, обитатели этой планеты пока никак не выдали себя, и он спокойно продолжал полет. Что ж, долетим – и узнаем.

Вот он уже совсем близко, осталось буквально пять километров. Только теперь он увидел, что то, что издаലെка представилось ему городом, совсем не походило на город в полном смысле этого слова. По крайней мере, это не походило на город, свойственный Земле в третьем тысячелетии.

Сверкающие купола зданий. Совсем-совсем не видно ни трасс, ни дорог – ничего, что хоть чем-то бы напоминало земной город. Сады, огромные площади садов. Ни заводов, ни механизированных комплексов, ни громад-небоскребов – ничего такого, чем столь выделялась Земля его времени.

Сады и парки. Сверкающие купола, покрывающие удивительной формы сооружения – не параллелепипеды и цилиндры земных построек, нет. Здесь каждое здание было особым, оригинальным, как будто бы изначально сотворенным в красоте. Казалось, что на эту планету вернулись времена деревянного и каменного зодчества его предков второго тысячелетия – только в еще более обогащенной форме. Извивы, перегибы, перекаты... Здания-фениксы. Здания-спирали, сверкающие всеми цветами радуги. Здания – раскрывающиеся бутоны цветов. Здания – деревья-исполины. Нигде – грубых геометрических форм, но красота природных форм, украшенная человеческим воображением.

Человеческим ли? Да и люди ли живут на этой планете? Неизвестность. Он так и не видел ни одного из обитателей планеты, а вот его уже заметили очень многие. Теперь его уже рассматривал ни один мыслительный взгляд, но десятки... может быть, даже сотни.

Внимательное наблюдение и доброжелательность. Вот она начала расти и расширяться, разливаясь вокруг... Где же обитатели этого мира со столь необычными способностями? Ученые его времени уже изобрели приборы, позволяющие улавливать мысленные вибрации, но приборы эти работали крайне нестабильно и часто давали сбой – ни о каком чтении мыслей друг друга пока не могло быть и речи. Выходит, что здешние обитатели обходились без них?

Десять километров... восемь... семь... Вот они! Люди? Да, они очень похожи на людей, но не на людей третьего тысячелетия – на людей гораздо более совершенных, высоких и как будто излучающих свет. Удивительно, но он уже начинал чувствовать эти лучи, о которых наука его времени еще только догадывалась и начинала строить робкие предположения – лучи человеческой сущности, как он бы назвал их. Как, что за преобразование произошло с ним, чтобы он начал ощущать эти вибрации без всяческой ненужной механики, но всем своим естеством? Может быть, он и узнает это в свое время...

Последние сомнения рассеивались – они смывались как ненужный прах, стоило лишь только продолжать созерцать этот «город» и его обитателей. Это был мир людей просветленных. Да, именно людей – в этом он теперь не сомневался. Множество из них сейчас стояли на цветочной площади и ожидали его приближения. На лицах их были видны улыбки, а глаза светились удивительным светом. «Глаза – зеркало души», – пришли к нему слова откуда-то из глубины сознания. А ведь, оказывается, в них кроется гораздо больше, чем он подозревал... Все, пора приземляться. Десять, пять метров до земли.

«Приветствуем тебя, брат по разуму», – сильный, звонкий и мужественный голос, прозвучавший в сознании. Похоже, обычный человеческий язык этим людям был совсем не нужен. Вот кто-то из них вышел вперед – видимо, глава. Повернулся к стоявшим рядом согражданам, высоко поднял руку, видимо, призывая к молчанию, а затем вновь повернулся к нему.

«Еще раз привет тебе, космический странник», – на этот раз это был обычный человеческий язык. Не мысленное обращение – живое слово из уст! И снова сильные и мужественные слова, полные непоколебимой уверенности и силы – говоривший был прирожденным лидером – «Откуда ты прибыл к нам, путешественник?»

Он ответил. Сзади как-то оживленно начали переговариваться уже на обычном языке, однако он не мог понять ни слова из их речи. Лидер снова поднял руку, призывая к молчанию, и все стихло.

«Мои собратья удивлены и обрадованы. Твоя экипировка... выглядит достаточно странно. Я не могу припомнить, чтобы где-то в мирах Великого Союза Планет она бы создавалась и использовалась. Тем более... на Земле. Поэтому мы хотим задать тебе вопрос, путешественник – кто ты на самом деле? Я не хочу вторгаться в твои мысли и память, хотя и мог бы. Ответ правдиво. Мы не причиним тебе вреда – прошлые тысячелетия войн наших предков многому научили нас. Ответ правдиво – кто ты и откуда ты прибыл в наш мир?»

Заинтригованные и полные интереса взгляды стоявших перед ним людей. Сказать? Так у него появится шанс вернуться домой... С теми возможностями, которыми обладали люди этого времени, у них наверняка должно быть средство путешествия по эпохам! Только, конечно, сначала он все же задержится тут и попробует узнать побольше о тех, кто живет в этом удивительном мире.

«Две тысячи двести семьдесят пятый год. Путешествовал во времени по заданию Объединенного Галактического Совета. Коллапсеры времени. Выполнял задание по сбору ресурсов и информации о дальних мирах».

Четко, как при военном докладе прозвучавшие слова – ему было нечего скрывать. Его слова стихли в мгновенно наступившей тишине. Секунда, две, три... мучительная тишина затягивалась. Даже лидер был, казалось, удивлен таким поворотом событий. Но – только на мгновение. Ему определенно было не привыкать к самым неожиданным обстоятельствам и поворотам.

«Теперь все ясно, Роберт. Ты ответил полностью правдиво. Да, наши далекие предки когда-то занимались подобными экспериментами с временными волнами, но они упускали из виду главное – возможности человеческого духа, заложенные в самом его естестве. Земные ученые третьего тысячелетия пытались жалкой механикой заменить высшую человеческую природу... конечно, практически безуспешно.

Да, ты еще не знаешь этого, но я скажу: те коллапсеры, о которых ты говоришь – они работали совсем не так, как это изначально предполагалось при их создании. Путешествие в прошлое с точностью до секунд, да? Так тебе расхвалили это изобретение в Межгалактическом Совете? Ну дак вот – ни о каких секундах, минутах, часах и даже годах не было речи. Сотни, а может быть и тысячи лет – такова была точность этих «приборов». Плюс нестабильность в работе – прыжки в будущее не были предусмотрены, а прыжки из прошлого в «свое» время должны были происходить без сбоев.

И то, и другое на деле оказалось вымыслом. Сотни и тысячи путешественников, «застрявшие» в прошлом. Еще сотни, ушедшие в будущее на неопределенное число столетий. Да, да, не удивляйся – ты был таким не один, были и другие соратники по «несчастью». К нам прибыл такой триста земных лет назад. Некоторые мои собратья не встретили его, когда он приходил и уходил из нашего мира – наша земная жизнь все же ограничена временными рамками – и поэтому они были столь изумлены, увидев тебя. Теперь они знают истину.

Как я сообщил им и откуда знаю твоё имя? Постой, постой, любопытный! Все узнаешь в свое время. У тебя его будет много – достаточно. Кто те враги, что напали на тебя в джунглях? Генетическое оружие предков, созданное для войн. Мы очищаем планету, но это долгий труд. Мы не можем так просто уничтожить жизнь – мы должны ее преобразить. А теперь пойдём за мной – я приглашаю тебя в наш мир в мириаде других прекрасных миров во вселенной. Следуй за мной. Ты будешь здесь нашим гостем, Роберт».

* * *

Он узнал все. Нет, не все – многое. То, что его сознание было готово принять.

Четвертое тысячелетие. Колонизированные и преображенные миры вселенной, объединившиеся в Союз Планет. Мир и процветание, изобилие и красота, сведенная до минимума промышленность, подземное производство, совершенные технологии переработки, человеческое творчество, дающее плоды красоты. Но это все – на поверхности, а в глубине – люди, достигшие огромных высот духа. Не нуждающиеся в нелепых механических аппаратах, развившие свой природный, свой высший потенциал – способные лечить духовно и видеть сущность человека, читать мысли и предсказывать будущее. Братья и сестры единого мира, единые с ним. Уже несколько столетий ни в одном из миров Союза не было войн – они просто не были нужны. Они умерли как пережиток ветхости, как пережиток самости и черствости, как пережиток животной злобы. Войн больше не было, насилия не было – была единая процветающая Вселенная, Великий Союз Планет.

Все это он узнал не сразу. Он пробыл на планете много дней... много лет. Он не оставил мечты вернуться домой – иногда по вечерам сердце его омывалось светлой грустью, а воспоминания о родном мире бередили ум. Правда, теперь и этот мир стал родным как каждая планета во вселенной. Он сможет вернуться домой, когда закончит свой рост здесь. Сможет путешествовать во времени не механически, а с силой духа. Но для этого ему еще надо пройти долгий путь, пройти многие ступени. Он верил, что этот день когда-нибудь настанет. И он работал.

25.12.2004

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Воин Одина

Громогласный рев – свирепый боевой клич – огласил округу и заставил, кажется, содрогнуться само небо. Сотни и сотни воинов, облаченные в сверкающие кольчуги, бежали навстречу друг другу, и в глазах их было только одно – неисчерпаемый боевой азарт. Не было сомнения, не было страха, лишь жажда битвы и азарт – убить врага прежде, чем ты сам падешь на поле боя. Но падшие в честном бою – уже победители, они войдут в сверкающие чертоги Вальхаллы, и сам великий Один поведет их в новые битвы. Пусть же он ведет их в этой битве, а враги падут перед мощью его воителей!

Удар – поворот. Поворот – удар. Радость охватывала его – наконец-то сражение, которого он так долго жаждал, наконец-то славная битва!

Взмах – боевой топор обрушивается на шлем врага, и тот грузно падает на землю. Еще взмах – и чудовищной силы удар рассекает кольчугу еще одного. Капли крови, струящиеся из тела врага... повторный удар – и еще один враг повержен. Вот его боевой товарищ тоже размахивается и практически разрубает надвое еще одного.

Здесь не было правил – и более верткий и хитрый тоже иногда побеждал. Меч, обрушившийся плашмя на спину его боевого друга... сдавленный хрип, вырвавшийся из его горла. Вот его товарищ падает на колено, пытается развернуться и нанести ответный удар, но подкравшийся сзади боец снова ударяет, на этот раз выпадом меча, – и лезвие клинка разрывает пластины кольчуги... Еще миг – и все кончено.

В такие мгновения он переставал чувствовать боль. Он переставал ощущать тяжесть его оружия, сотый раз ударяющего в железные пластины, он переставал чувствовать время. Крик отчаяния и боли вырвался из его груди – боли за смерть друга, с которым он еще недавно делил один хлеб и одни походные невзгоды. Он крутил и крутил свое смертоносное оружие, совершенно не чувствуя его тяжести – и враги разлетались перед ним. Самые смелые – или глупые – погибали мгновенно, более осторожные предпочитали не лезть под танец сверкающей стали.

Но врагов было много, и число их, кажется, только росло. Крики и стоны. Звуки столкнувшихся клинков. Сражение кипело.

Целый день продолжалась битва – и воины Одина вышли из нее победителями. Какая-нибудь сотня воинов из нескольких тысяч...

«Слава великому Одину!» – разнеслось вокруг, как только был повержен последний из врагов. «Слава Одину!» – эхом повторили многие – и он в том числе.

Они победили вновь. Их погибшие братья предстанут в светлых чертогах перед Великим Отцом – для новых битв и новых побед. И однажды он тоже присоединится к ним...

* * *

Он застонал.

В бессильной ярости ударил кулаком по столу с такой силой, что тот чуть не развалился пополам.

Почему, почему, почему? Почему он должен сделать это? Слова упали в тишину и растворились в ней без следа. Слова ушли... вот только его внутренний голос не оставлял его и не давал ему покоя. Уже не голос воина Одина.

Монастырь. Почему они должны совершить набег на этот монастырь? Это не достойное их сражение! Убийство беззащитных ради спрятанных в стенах обители сокровищ...

И он, он должен был вести свою сотню, чтобы видеть, как монахи падают под ударами топоров и мечей, высоко подняв крест и прося своего неведомого ему бога о защите... Это будет бойня, а не сражение, кровавая бойня из-за алчности. И он, один из лучших, будет их предводителем... И он не может отказаться, ведь цена за это – смерть и вечное проклятие, навсегда лишаящее его права войти в золотые чертоги.

Почему у него нет выбора? Почему он должен истребить беззащитных – совсем не воинов? Или не должен?

Он зарычал в бессильной ярости. Заметался по дому. Затем схватил топор и начал громить им все вокруг. Потом наткнулся на бочку с водой и опрокинул туда голову. Это помогло – он пришел в себя, успокоился. Молча сидел, размышляя. Так прошел час. Затем резко и порывисто встал, как будто решив предельно важный для себя вопрос.

«Решено, – четко и ясно подумал он, – решено».

* * *

Они высаживались на берег с боевых галер, и он командовал ими – воинами Одина. Воинами смертоносного для их врагов Бога.

Вновь боевые крики и задор. Его братья были практически прежними – вот только враг был другим. Вот последний воин сходит на берег... Сейчас он должен будет повести их в бой на ничего еще не подозревающих защитников монастыря, что удобно расположился на склоне гор в километре отсюда.

«Сейчас или никогда. Сейчас или никогда».

«Воины, – прокричал он. – Великие воины Одина, что побеждали в сотнях и сотнях битв во славу нашего Бога! Мы смелы и отважны, и наш Бог ведет нас в праведный бой! Судьба наших врагов уже предрешена, ведь сам Один ведет нас!»

Громогласный крик одобрения был ему ответом.

«Но обращаюсь к вам, воины. Достойную ли цель указали нам? Достойно ли сражение, что нам предстоит, славы истинных победителей? Мы должны уничтожить наших врагов – но враги ли это нам? Мы всегда сражались достойно и достойно же выходили победителями – но мы не выйдем достойными победителями из этого боя, братья! Это не наш бой, он не ведет нас к славе и золотым чертогам. Мы не должны вести его!»

Ряды воинов заколыхались. Казалось, они все были смущены.

«Ну, хоть один, хоть один поддержите меня, братья. Хоть один достаточно смелый из вас...»

«Да, Хротгар сказал верно! Это не наш бой!» – и один из его бойцов вышел вперед с этими словами. «Я тоже думал об этом, когда получил задание идти под его предводительством, – и я решил, что это недостойный бой. Мы не снищем себе славы в этом сражении, мы убьем тех, кто недостойн битвы с воинами великого Одина!»

Воины начали перешептываться. Кто-то недоуменно мотал головой из стороны в сторону, смотря, что предпримут другие. Но это продолжалось недолго, совсем недолго. Какие-то десятки секунд.

«Ты – предатель! Ты позоришь честь победоносных воинов! Ты недостойн войти в чертоги и будешь проклят во веки веков за эту трусость!» Другой воин вышел вперед и, казалось, выплюнул в него эти слова. «Предатель!» – повторил он и надвинулся на Хротгара, высоко подняв свой боевой топор.

Но в этот момент поддержавший Хротгара воитель преградил тому путь и так же непоколебимо встал с оружием в руках, готовый сражаться и умереть. Им действительно теперь придется умереть – двоим против десятков...

И он вновь заговорил. Убеждал их в ошибке, которую они уже готовы были допустить. Убеждал их не вступать в этот недостойный их бой. Говорил о лучших сражениях и лучших битвах. Он пытался подобрать все те слова, которые были понятны и близки им, говорить на их языке, теперь уже ставшего для него почти чужим...

И, пока он говорил, еще десять бойцов вышли из рядов и встали рядом с ним. В глазах их читалась такая же смелость и готовность погибнуть, как и в его глазах. Но добрая сотня осталась стоять неподвижно. Им действительно придется умереть сегодня и быть преданными вечному проклятию за отступничество...

«Не слушайте этого труса и лжеца! Каждый, предавший Одина в бою, навсегда лишится шанса войти в его чертоги. Трусам не место в чертогах смелых! Сметем этих предателей и лжецов и начнем великий бой! Вперед, истинные воины Одина!»

Вновь обличительные слова – и вот пыл воинов разгорается. Смущение исчезает с их лиц, а на его место вновь приходит свирепость и безжалостность.

«Что же, братья, придется нам сегодня умереть», – мысленно обратился он к одиннадцати истинным воинам. Но они итак прекрасно понимали это, лишь еще крепче сжали в своих руках оружие и встали рядом с ним плечом к плечу.

Мгновение – сотня воинов ринулась на них.

Мгновение – орудия столкнулись.

Мгновения – как целая вечность...

Вот двенадцать воинов встали плечом друг к другу, готовые сражаться и умереть. Вот первый подбежавший враг замахнулся – и удар его был отбит. Вот подбегают еще и еще, и клинки работают без усталости – они, эти двенадцать, в этот день не чувствовали усталости. Вот первый из них ранен – и ряды смыкаются, чтобы защитить товарища.

Его крик, разнесшийся далеко-далеко. И вот волна врагов снова откатывается от них как от несокрушимого барьера. Но враги снова наступают – и вот ранены еще двое. Ряды сомкнулись еще крепче и еще яростнее стали атаки.

Один, второй, третий, десятый, двадцатый... Враги подбегали и откатывались от них как от несокрушимой стены. Но их было много, слишком много... Вот защитников уже всего лишь пять – остальные ранены или убиты.

Четверо...

Трое...

Двое...

Остались лишь Хротгар и воин, первым вышедший поддержать его. Вот он разворачивается к Хротгару, а в глазах его – великая мудрость и понимание.

«Сразимся, брат!» – и становится к нему спиной, защищая.

Так, стоя спиной друг к другу и отбивая сыплющиеся удары, они продержались еще две минуты. А потом добрых семь десятков воинов подмяли их под себя и опрокинули – и устремились к монастырю, подбадривая друг друга диким ревом...

* * *

Мгновение? Вечность? Сколько же прошло времени? Он не знал – помнил лишь свой последний бой и удар секиры, настигнувший его. Он не погиб? Не погиб... Его посчитали мертвым и не стали добивать.

Но... раз они не смогли их удержать... выходит, что монастырь все-таки был разграблен и предан разрушению. Они не смогли остановить их... не смогли... Он застонал – даже не столько от боли по всему телу, сколько от ноющего чувства тоски и печали. Они не смогли их остановить... Он и одиннадцать так и оставшихся безмянными воинов. Приложив невероятные усилия и закричав от прорезавшей тело боли, он таки сумел подняться.

Около тридцати бойцов лежали неподвижно, обратив глаза к небу. И среди них – его смелые воины. Погибшие... Пусть они, достойные, будут не прокляты, но благословлены и найдут мир в том мире, где они сейчас находятся!

Он огляделся по сторонам – галер рядом уже не было. Выходит, бой уже закончен, и воины отправились домой. Значит, монастырь уже не спасти... Но, может, хоть кто-то остался там жив. Хоть кто-то... Если даже хоть кто-то из них жив – он обязан помочь ему, обязан спасти... Хоть так он сможет исправить свою ошибку. Да и пути назад у него теперь уже нет, он изгнанник и проклятый – проклятый своим же народом... пусть уж лучше его считают мертвым.

По-прежнему сдерживая стоны от невыносимой боли, он поднялся и медленно зашагал по направлению к монастырю. Тысяча метров, всего какая-то тысяча метров... его долг.

Он шагал и падал. Затем поднимался и вновь шагал. И вновь падал. Затем он пополз по земле.

Может быть, прошел день. Может быть, прошла целая вечность. Он не знал – у него теперь была лишь одна цель и один путь, и он шел по нему. Даже практически без сил – все равно шел. Когда же, наконец, его затуманенному взору предстали стройные стены монастыря, он приподнялся на обессиленных руках и улыбнулся.

«Я все-таки нашел тебя», – еле слышно прошептали его губы, и он неподвижно замер на земле.

* * *

Тихая печальная песня. Чьи-то руки, скользящие по его лицу. И затем – холодная струя воды. Он закричал и шевельнулся.

«Жив!» – сквозь обволакивающую его пелену услышал он.

Жив. Он все еще жив. Для чего же он жив, если он не сумел выполнить свой долг? Для чего?

Попытался открыть глаза – но лишь смутное красное марево предстало его взору. Тогда он прикрыл их и погрузился в сон. Он спал и спал. Временами он просыпался на какие-нибудь десять минут, а затем вновь засыпал.

Когда же он проснулся и в очередной раз попытался открыть глаза – кровавого марева уже не было. И тогда он смутно различил человеческую фигуру, склонившуюся над ним, и услышал ее голос – ласковый голос девушки.

«Спи, тебе еще рано двигаться. Раны еще не зажили. Спи». Он не сопротивлялся сну.

Потом временами он пробуждался, чтобы вновь услышать ее голос и попытаться сквозь дымку разглядеть ее лицо – и ему очень долго не удавалось этого сделать. Но однажды настал день, когда он смог подняться с постели без посторонней помощи, и зрение и слух его прояснились.

«Я все-таки нашел тебя», – отчего-то пришли на ум совсем уже, казалось, ставшие далекими слова.

Да, это была девушка, еще совсем юная – семнадцати-восемнадцати лет. Вот только в глазах ее читалась уже совсем взрослая твердость.

И тогда он решился спросить.

– Где я?

– Ты в нашей обители, – ответила девушка. – В моей обители, – добавила она и всхлипнула.

– Ты... ты помогла мне... Почему?

– Ты не один из тех, кто напал на нас в тот день. Я это сразу поняла. Наши... мои... братья... увели напавших в леса... и погибли там... выжившие варвары вернулись сюда... и разграбили монастырь. Все те, кого удалось одолеть моим братьям, остались в лесах, ты же подошел прямо к стенам монастыря. Если бы ты был в числе напавших – ты не рискнул бы этого сделать. Ты не из тех, кто убил моих братьев, – сказала она очень твердо.

– Д-да... это т-так, – еле слышно прошептал он все еще не слушающимся его языком.

– Тогда зачем ты пришел сюда? – и она подвинулась к нему совсем близко, не сводя своего изучающе-требовательного взгляда с его лица.

– Я хотел... хотел остановить их... и... и не смог... прости... прости меня, если... можешь.

– Ты хотел помочь нам? – в глазах ее выразилось крайнее удивление, – почему? Ты ведь из их же народа... ты пошел против них?

– Я... не мог... допустить... бойни, – слова шли очень медленно и тяжело из его горла.

– Но она все-таки была допущена... Впрочем, какое это теперь имеет значение! Спи, выспись, потом расскажешь мне остальное.

Она была права, ему сейчас требовался отдых, много отдыха – и он вновь погрузился в столь манящий его сон.

* * *

Он проснулся и почувствовал ее теплую руку у себя на лбу. Не стал открывать глаз – лишь пытался прислушаться к ее мерному дыханию. Когда же он, наконец, все-таки открыл их – она убрала свою руку с его лба и поднесла к нему пропитанную чем-то холодным губку.

– Проснулся? – на этот раз ее голос был заметно более приветлив, чем в прошлый, – ладно, вставай, ты уже вполне можешь это сделать.

Он попытался приподняться – и впервые за много дней его тело послушалось его. Тогда он сел на постели и окончательно прояснившимся взором взглянул на нее. Она была удивительно красива – по крайней мере, почти наверняка она должна была быть красавицей по меркам ее народа.

Русые волосы спадали до плеч, а на губах блуждала улыбка – впервые за много дней. В глазах была живость и в то же время совсем уже взрослая стойкость. Белая роба была на ней.

– С... сколько я спал?

– Неделю, почти неделю ты пробыл здесь. Практически только спал, очень мало ел. Ты, наверное, сейчас этого уже не помнишь, для тебя, должно быть, прошли всего лишь минуты.

– П... почему ты помогла мне?

– Ты ведь хотел помочь нам? Даже если тебе это и... не удалось – ты не был с этими варварами заодно. Я обязана была помочь тебе, это был мой долг. Если бы только ты успел раньше... если бы успел... Хотя... что ты мог сделать против сотни воинов...

– Н... не один. Я сражался с ними не один... Нас было... двенадцать. Все они... погибли.

При этих словах слезы выступили на его огрубелых щеках – а ведь он ни разу еще до этого не допускал себе столь жесточайше непростительной слабости.

Девушка как-то печально и в то же время с надеждой улыбнулась.

– Все-таки еще есть на свете люди, не потерявшие свое сердце, все-таки есть. Жаль только, что ты не смог нам помочь. Но что бы даже двенадцать воинов могли сделать против доброй сотни...

– Ты говорила, твои братья погибли.

– Да, варвары убили их всех. Я была единственной сестрой в этом монастыре... и единственная осталась в живых... только чтобы оплакивать их смерть.

И она, несмотря на всю свою внешнюю кажущуюся стойкость, заплакала.

– Как же ты тогда осталась в живых? Они не тронули тебя?

– Я... спряталась в монастыре. У нас был... секретный ход... и туннель, ведущий из монастыря, – продолжая всхлипывать, говорила она, – в нем я и переждала бурю, как велел мне мой отец. Вот только эта буря уничтожила все, мне дорогое...

Казалось, она сейчас совсем забудется в своем горе при этих воспоминаниях. Он вытянул свою руку и взял ее руку в свои ладони. Пусть знает, что она все же не одинока в этом мире.

Они молча сидели, крепко сжав руки друг друга. Так прошло минут десять. Наконец, она сумела успокоиться.

«Отдыхай, воин», – тихо прошептала она и вышла.

* * *

День, второй, третий...

Неделя, другая, третья...

Он полностью оправился от своих ран, и они смогли беседовать каждый вечер.

Ей теперь очень не хватало этих простых человеческих бесед – и ему не хватало тоже. В этом они были похожи друг на друга – оба стали изгнанниками, оба лишились близких. Постепенно она стала приходить к нему все чаще и чаще. Когда она, случалось, вспоминала о слишком памятных еще днях своего горя – он утешал ее. Иногда она просила рассказать его о своих сражениях – и настолько внимательно слушала его, как его не слушала никакая из женщин прежде.

Затем пришли их дни совместных прогулок по окрестностям обители. Это были замечательные дни – светлые и солнечные дни весны. Зимний снег растаял, и вместе с ним, кажется, канули и все тревоги. Это было чудное время. Может, одно из лучших в его и ее жизни.

Они стояли, обнявшись, под кроной какого-то дерева, сквозь листву которого просвечивало солнце и играло лучами на их лицах. Он тогда говорил ей эти слова – слова своей любви. Он поклялся, что они никогда не расстанутся и всегда, всегда, в жизни и смерти – будут вместе. Вечно будут вместе. Всегда.

Ее, единственную ее, он по-настоящему полюбил. Как не любил никого другого – он любил ее. Он и сейчас любит ее. Он будет любить ее всегда – в жизни и в смерти.

* * *

«Готовьтесь! Всем разойтись! Зажигай!»

Пламя метнулось вверх, отчаянно стремясь в одно мгновение пожрать неподатливый кусок дерева и прикрепленного к нему человека. Вот языки его все ближе и ближе – уже пляшут перед глазами. Скоро этому придет конец. Скоро конец...

Земное счастье их было не долгим. Через год случился новый набег его орды – но было лишь двое защитников, готовых противостоять им – он и она. Они были схвачены, и он был узан. Сначала его посчитали мессией, воскресшим из мертвых, – но потом кто-то заявил, что он просто не сумел хорошо всадить этому предателю свой топор в грудь. Хротгар не видел говорившего эти слова – вот только голос его показался ему очень знакомым...

Предателей не прощают. Судьба их – смерть через сожжение. Небывалая казнь для его народа – обычно их убивали в честном бою. Видимо, даже честного боя он, по мнению своих братьев, оказался не достоин – только лишь удара в спину. Ее тоже должны были сжечь как его пособницу – и это было страшнее всего. Но, как оказалось, не для нее, только не для нее.

«Я буду с тобой всегда, помнишь? В жизни и в смерти».

«В жизни и в смерти – всегда», – ответил он.

И они обнялись в последний раз в этой жизни. Ее увели, а затем так же прикрутили железными канатами к такому же столбу. И зажгли пламя.

* * *

Пламя метнулось вверх слепящими и обжигающими волнами, пожирая свою законную добычу – но боли уже не чувствовалось. Два горящих столба. Два мужественных человека.

«Вместе – всегда!» – что есть силы прокричал он.

«Всегда!» – донеслись до него ее слова.

Вот новый натиск стихии – и оба они скрылись в огне.

Толпа кричала. И лишь немногие, отвернувшись от этого пожарища, давали себе клятву – священную клятву истинных воинов – никогда больше не допускать подобное. Бороться за справедливость, бороться – всегда. Лишь эти немногие видели, как два светлых духа, оторвавшись от пламенных столбов, взмыли ввысь. Как они обнялись и улыбнулись друг другу – и устремились в небеса.

«Вместе – всегда», – слышали эти несколько.

«Всегда», – повторили они.

03.01.2005

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Вперед в прошлое

Шаг, шаг, шаг.

Ноги сами несли его вперед – туда, где он когда-то провел десять лет своей жизни, десять долгих лет... Вот он вынырнул из-за поворота на очередной улице и остановился – вздохнул облегченно и радостно. Да, он наконец-то пришел – после десяти лет разлуки он вернулся к своей родной школе, к людям, давшим ему так много – помогавшим сделать первые шаги, поддерживавшим и вдохновлявшим его...

Итак, он пришел, вернулся к своим воспоминаниям – воспоминаниям наяву. Лишь после десяти лет разлуки жизнь предоставила ему этот шанс. А ведь он был еще совсем ребенком, когда переступил этот порог – маленьким беспомощным ребенком, нуждающимся в защите и помощи... Теперь же он сам мог защитить других и помочь им.

Подошел к зданию школы – и сразу же окунулся в радостную и беззаботную атмосферу детства – время, которое он провел в труде, но не развлечениях. Развлечения... он улыбнулся. Прожигание драгоценного дара жизни, суррогат для бездельников. Он отчетливо помнил сейчас, как провел это время в труде – нет, не глупой зубрежке, а умной учебе, – и учился находить в этом радость.

А другие... другие люди делали иные выборы. Кто-то – схожий с его, кто-то совершенно иной. Они строили свою жизнь, каждый по-своему – как хотели, как считали нужным, как им было удобно. Словом, каждый по-своему – они имели на это право. Кто-то пил пиво и курил сигареты. Кто-то беспрестанно гонял в футбол, с утра до вечера проводя время на утрамбованном асфальте стадиона. Кто-то зубрил толстые правильные учебники. Словом, каждый совсем-совсем по-своему.

Шаг, еще шаг, еще много-много шагов – подъем по старым лестницам старого здания. Первый, второй, третий этаж... Стоп. Он пойдет к своему бывшему классному руководителю, потом – к остальным учителям. Стук в дверь – и до боли знакомое, хоть и заметно постаревшее лицо женщины. Приветливая улыбка на его лице – женщина отвечает ему тем же. Она узнает его и приветствует, она рада встречи с ним – впрочем, как и он сам. Разговор – долгий длинный разговор, который, казалось, будет тянуться вечно. Он рассказывал об этих десяти годах своей жизни, рассказывал и о своей школьной жизни – так, как понимал и чувствовал ее теперь. Разговор длился и длился – он говорил, а она внимательно слушала и радовалась за него. Любимый школьный учитель.

А потом пришла пора уезжать – возвращаться в институт в другой город. Последний прощальный взмах рукой – и в путь. В путь.

* * *

Стук железных колес. Мерное покачивание вагона электрички. Свист ветра в слегка открытое окно. Сонные пассажиры. Чей-то пушистый кот, валяжно прохаживающийся по салону.

– Барсик, – позвал он. – Иди сюда.

Но кот лишь медленно поднял хвост, развернулся и пошел в другую сторону. Забавный зверек.

Теперь он возвращался в свой город, где закончил институт и где работал. Очередная остановка... методический голос водителя... входящие и выходящие пассажиры. Лицо – это знакомое лицо... лицо школьного друга. Человек шел прямо на него – какой-то невидящий и блуждающий взгляд был на его лице... Усталое лицо изможденного человека. Вот он сел рядом и даже не узнал его – а ведь они учились вместе так долго! Учились в одной школе...

– Иван, – окликнул он. – Иван, привет. Неужели не узнал? Не узнал? Я Павел. Мы же учились с тобой в одном классе! Ну, неужели забыл?

– Павел... А, да, привет. Привет, – повторил человек и отвернулся к окну.

Сердце его екнуло и больно сжалось. Что такое, что же случилось? Не так, совсем не так представлял он встречу старых друзей! Что-тостряслось? Надо обязательно выяснить!

– Иван, ты не рад мне? Что с тобой, Иван? Ты же сам на себя не похож! Куда делся тот жизнерадостный и общительный парень, каким ты когда-то был? Я знаю, уверен, что ты и сейчас такой, только немного хандрить, да? Ведь ты просто устал? Давай, расскажи хоть о себе. Давай вспомним былое и нашу жизнь. А? Иван, очнись!

И он потряс его за плечи.

– Не... не надо... трясоти. О-с-с... тановись... – еле ворочая языком пробормотал тот в ответ. – Я узнал т... тебя. Оставь... оставь меня одного... с моим г... ором. Н... не лезь, п... рошу тебя.

– Да чтостряслось то?! Иван, да ты ведь знаешь – я никогда не бросал тебя в беде, никогда. И ты меня никогда не бросал, мы выручали друг друга – всегда! Ты же не мог забыть этого, не мог... я не верю, что ты забыл! Ты меня слышишь? Не верю!

– Жена... меня ж... жена бросила. И р... работа... с р... аботы у... волили, – наконец, донеслось до него.

Он вздохнул. И когда же люди научатся легче относиться к жизненным обстоятельствам и не пасовать перед ними? Ведь жизнь лишь открывает перед ними новую чистую страницу, где будет их писание – очередного этапа их жизни. Что же тут горького то? Надо уметь прощаться без обид и расставаться – легко. Надо уметь учить жизненные уроки и преодолевать барьеры, без этого нет роста и продвижения.

Он вновь посмотрел на друга. Ладно, похоже, пора переходить к сильным наступательным средствам.

– Бросила жена? Уволили с работы? Что за ерунда то?! И ты раскис? Раскис как мокрая варежка?! Но ты найдешь работу лучше! А жена... жена ведь не твоя собственность.

Она сделала свой выбор – прими его, каким бы жестоким по отношению к тебе он не казался. Он не жесток – это ты воспринимаешь его так, потому что привязался к ней и начал считать своей собственностью. Она свободный человек, она сделала свой выбор – такой, какой считала нужным. Пожелай ей счастья!

Он не был уверен, что его речь сразу же будет воспринята и осмыслена. У него сейчас была иная задача – растормозить своего друга.

И он продолжал говорить – парировал нелепые и взбалмошные выпады, воодушевлял его, убеждал, что тому все по силам. Он хотел помочь своему другу, хотел, чтобы тот наконец-то научился помогать себе сам и уже не нуждался постоянно в помощи извне.

Они говорили – и друг плакал. Он заплакал, когда они стали беседовать о его жизни и анализировать ее. Он плакал о несбывшихся мечтах и надеждах, плакал о светлой и чистой любви, которую он так хотел найти, и которую он найти не мог – потому, что искал вовне, а надо было – в своем сердце. Он говорил о том, как поддался влиянию друзей, которые друзьями ему не были, как начал пить. Как не смог проявить силу воли и осекся, поддался и полетел в пропасть. Как жена, не способная более мириться с постоянными выпивками мужа, бросила его и ушла к другому – бросила, даже не пытаясь помочь. Как своими руками после этого он рвал и крошил собственные мечты о семейном счастье, о взаимной любви, как стал ходить в бары и ночные клубы. Как каждый день у него появлялась новая женщина – женщина-на-день – то, с чем приятно было лежать в постели, для него – не человек. Как он пытался прервать эту жизнь и начать другую, но постоянно не хватало сил потому, что он не верил в себя другого, и потому, что уже поставил на себе крест.

Он говорил, а друг слушал. Извлекали уроки, которые Ивану давно пора было извлечь. Говорили о выборе, который он сделал – неправильном, не лучшем, говорили о выборе другом. Выборе жизни, а не смерти, выборе счастья, но не горя, выборе радости, а не печали.

Они долго еще сидели вместе – и под потоком теплых, сильных и убеждающих слов друг, наконец, успокоился. Поверил в себя, и на лице его отразилась непоколебимая убежденность во что бы то ни стало изменить свою жизнь. Он – сильный. Он – сможет. Не может не смочь. Сможет.

Теплые слова благодарности, счастливые улыбки. Прощание.

– До встречи, Иван!

– До встречи, Павел!

Стук колес. Мерное покачивание вагона. Кот, вальяжно вышагивающий по салону. Он подъезжал к городу. Он очень надеялся, что сумел помочь другу – очень-очень надеялся. Они подъезжали к городу. Жизнь открывала перед ним новую страницу.

26.09.2012

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

История одного поединка

Сэр Гарольд ожидал своего решающего часа. Он ходил взад-вперед по промерзшей земле, периодически для храбрости постукивая мечом о железную оковку щита, – но даже ему, прошедшему через десятки турниров с живыми соперниками, теперь было совсем не по себе. Он еще раз проверил свое обмундирование, потуже нахлобучил итак изрядно плотно сидевший на голове шлем, проверил подвижность пластин предплечий и суставов доспеха, тихо выругался себе под нос, безуспешно пытаясь подправить несколько сползший правый латный сапог, и, наконец, как будто бы оставшийся довольным проведенной ревизией, остановился, закинул повыше на плечо припасенный с собою щит и что есть силы воткнул меч острием в землю, попутно облокотившись на получившееся подобие подлокотника. Сэру Гарольду оставалось только ждать – потому что ничем иным, за исключением пары сотен простиравшихся ровными рядами могил, это, хоть и освященное, но все же хранившее до сих пор какую-то зловещую тишину место, похвастать не могло. Его возлюбленная, прекрасная дева Ангелина, должна была появиться с минуты на минуту...

* * *

Сэр Вильям сегодня был в превосходном настроении духа, вызванном даже не столько теми парами литров отборного красного, которые он, разгоряченный созерцанием оголенных женских ножек, успел незадолго после начала бала принять себе на грудь, печень и сердце, сколько теперь уже ставшим слегка смутным осознанием того, что именно сегодня, в этот благословенный монархом день, ему наконец-то улыбнулась удача. Дочь местного графа, организовавшего сие поистине горячее (ик!) торжество, дева Анжелина, после, казалось бы, совершенно безуспешного месяца ухаживаний, подхаживаний, хрипения серенад и мучительно бессмысленного стояния у окон наконец-то дала свое согласие на их совместную персональную встречу, которую она недвусмысленно назвала свиданием. И все было бы просто замечательно, если бы не (ик!) весьма странное место для указанной встречи, которое она, движимая одной ей понятной женской мудростью, решила избрать. Нет, конечно же, бесстрашный сэр Вильям не боялся никаких мертвецов, покойников, усопших, умертвий, убитвий и прочая, в особенности сейчас, разгоряченный третьей доканчиваемой бутылкой, но все же выбор кладбища местного городка был весьма... экзотическим выбором для такого рода встреч.

Сии мысли вились у сэра Вильяма в голове, пока он безуспешно пытался оторваться от двух зол сразу – красного и женского.

Они, эти два зла, два чертовски приятных искушения, все еще продолжали пытаться соблазнять его, пока он, сейчас вмиг вспомнивший об этой самой встрече и почти столь же мгновенно протрезвевший, плавно, стараясь не наделать лишнего шума в прихожей, попутно маневрируя между кучами железных аксессуаров, разбросанных пришедшими гостями в совершенно бессмысленной и хаотической манере, пробирался к месту дислокации собственного инвентаря.

По-прежнему стараясь действовать аккуратно, что, впрочем, после четвертой начатой было бутылки было делом весьма трудоемким, сэра Вильяма все-таки сумел выгрести из созданной ранее собственной железной кучи свой шлем и смаху нахлобучить его на почему-то ставшую изрядно поседевшей голову. Надеть нагрудник оказалось сложнее – как-никак, но и вино, особенно красное, в дополнение к пиву способно временами как-то неожиданно, нещадно и откровенно бессовестно полнить – однако после двадцати минут чертыханий и коленопреклонений ему удалось и это. А вот с наголенниками вышла заминка. Перебрав все варианты (предположительно правый – на левую ногу, очевидно левый – на предположительно правую ногу и так далее), он, наконец, был вынужден бросить это чертовски бессмысленное занятие, обрекая тем самым свои собственные ноги путешествовать в новых и плотных, но, к несчастью, немного сальных панталонах. Последними в сегодняшнем меню (после красного бургундского, разумеется) оказались латные рукавицы и уже немного затупившийся после последнего поединка пятилетней давности меч. Наконец, спустя почти полчаса после начала собственного обмундирования, забросив правой рукой на плечо меч, а в левую взяв заранее припасенный букет алых как кровь или бургундское роз, сэра Вильяма неспешной и твердой поступью направился по направлению к местам значительно более тихим и мирным, нежели замок отца его возлюбленной...

* * *

Сэр Гарольд уже начинал терять терпение. Прошло уже достаточно много времени с того момента, как Ангелина должна была прийти – но ее след еще даже не появлялся, не говоря уже о том, чтобы простыть. А простыть здесь было не так уж и сложно – к полуночи начал дуть промозглый северный ветер, а высоко в небе стали сгущаться тучи, намереваясь, судя по всему, вскорости окропить грешную землю своими долго сдерживаемыми слезами. Над землей, отдающей последнюю дань тепла воздуху, откуда ни возьмись стал сгущаться туман. Сэр Гарольд, последнее время все чаще хлопывающий себя по железному панцирю латными рукавицами и постукивающий пятками ног по затвердевшему грунту в тщетной надежде согреться, уже готов был бросить сие бессмысленное с точки зрения местопрепровождения занятие, как вдруг его взору предстало совершенно необъяснимое, завораживающее и пугающее явление.

Прямо по направлению к нему медленно и столь же неумолимо, шатаясь из стороны в сторону, раздвигая ногами непослушный сизый туман и бормоча что-то зловеще невнятное себе под нос, шел мертвец. Прямо на него шел оживший покойник – само воплощение этих адских мест, куда предательница Ангелина уговорила таки его прийти!

Сейчас уже у Гарольда не было в этом никакого сомнения – часы, проведенные в этом наземном склепе, были вячем тому подтверждением. Страх перед внезапно появившимся врагом, любопытство перед ним же, гнев на взбалмошную дочурку дурацкого графа, благоговение перед ней же – все это сейчас смешалось в сердце рыцаря Гарольда в одну поистине взрывоопасную смесь похлеще той, что умел делать из красного бургундского рыцарь Вильям.

Сам не отдавая себе отчет о том, что же он сейчас пытается сделать, Гарольд ринулся в направлении порождения этих полночных могил, размахивая собственным мечом и инстинктивно закрывая лицо щитом, попутно что-то крича.

Один Бог мертвых ведаёт, что он кричал тогда. Быть может, это были последние слова воина, внезапно осознающего приближение конца своего пути и в первый и последний раз дерзнувшего взглянуть в лицо собственной смерти... Или, возможно, это были слова влюбленного, грудью бросающегося на врага, чтобы прикрыть своего ставшего единственным в этом мире человека... Или, быть может, это были взаимные предсмертные проклятья двух друзей, сейчас зашедших в своей ненависти уже слишком далеко... Да черт его знает, что он там кричал – в такие минуты поистине трудно дать себе в этом отчет! Как бы то ни было, но в тот самый миг, когда он, наконец, достиг умертвия и со всей дури вмазал ему мечом прямоком в раскрытую грудь, последними его словами были «...охни, тварь!»

«А-а-а-а-а-й-й-й-й-й! Больно же! Да я тебя сейчас как!» – завопило умертвие и, сбросив с левой руки неизвестно откуда взявшийся там шлем и оголив ноги (или они изначально были таковыми?) выскочило вперед, в свою очередь неистово размахивая мечом.

«Да я тебе сейчас! Вот так! И вот так! Вот так! И так! В-у-у-у-х!» – продолжало неистовствовать оно, кружась на месте и посылая удары неизвестному сопернику.

Наконец, либо воодушевившись сделанными успехами, либо окончательно растратив весь боевой накал, оно вдруг так же внезапно перестало крутиться и тупо уставилось вперед.

– Гарольд! – Вильям! – Вильям! – Гарольд! – внезапно заорали и умерший, и чуть было не умерший.

– Ты что здесь делаешь?! Ты меня чуть не убил, остолоп ты железный!

– Да ты на себя глянь, вырядился как покойник и шляешься ночью мертвец знает где!

– Мальчики! – внезапно раздался приближающийся женский голос. – Мальчики, не ссорьтесь!

И с этими словами перед ними как оборотень из ночи в немного растрепавшемся от быстрого бега и покрытом пледом платье возникла никто иная, как сама дева Ангелина, она же Анжелина, она же Анжелика, она же Анжела для членов ее семьи, она же просто «моя возлюбленная».

– Я вам сейчас все объясню! – сладко пообещала она. – Тут... накладочка вышла, – призналась она.

– Ты! – выдохнул сэр Гарольд.

– Ты! – повторил то же самое Вильям.

– Да как ты! – прохрипел Гарольд.

– И-и-и... и кто победил? – не нашлась спросить ничего более подходящего Ангелина.

– Неважно... – уклончиво ответил земляк Вильям.

– Уходим, – подытожил земляк Гарольд.

– По бургундскому? – предложил рыцарь Вильям.

– На такой конец сгодится и оно! – уверил его рыцарь Гарольд.

И с этими словами два знавших друг друга почти пять лет земляка, два рыцаря без страха и упрёка, два поклонника и покорителя дам и два любителя красного бургундского неспешной походкой, продолжая что-то говорить и одобрително стучать друг другу латными рукавицами по плечам, направились прочь из скорбного места горечи, вечности и любви, в этот день скорбно ставшей горечью в вечности.

Они удалялись – а виновница будущего торжества, взбалмошная дева Ангелина, она же Анжелина, она же, наконец, просто Анжелика, сидела на надгробном камне и плакала.

О чем плакала она в тот день? О чистой вечной любви, которую всегда так хотелось иметь, и которую всегда приходилось убивать в угоду принятым в обществе нормам? О гордом и непоколебимом мужском начале, колеблемом красным бургундским? О собственном бессилии решить что-либо силой? О собственном нежелании теперь что-либо решать? Да мертвец ее дери, если я знаю, о чем она думала в ту темную и траурную ночь!

Но, как бы то ни было, и эта казавшаяся вечностью ночь однажды закончилась, а наутро из ничем ни примечательных апартаментов графского замка раздался до боли знакомый голос: «Ну и где, черт возьми, моя последняя припасенная бутылка бургундского?!»

Мораль: чем меньше женщину мы знаем – тем легче жить нам будет с ней, чем больше тайн мы их прознаем – тем вместе жить нам лишь мертвей.

26.08.2008

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Память тысячелетий

Небольшое кочевое племя. Охота и жизнь, жизнь и охота на каждом новом земном пристанище. Но недолгие – ведь их ждали просторы степей, недолгие – ведь битвы были неизбежны.

Сражения конных строев. Смертоносное оружие врага – длинные изогнутые палки, разившие убийственными иглами. Его товарищи умирали каждый день. Он учился привыкать к этому, он должен был этому учиться. В мирные времена племя вновь разрасталось и ширилось – для новых сражений, новой жизни и новых побед.

Это была его жизнь. В этом мире и в этом времени.

* * *

Разворот к противнику. Двойной проворот меча в правой руке. Удар плашмя по доспеху в бок. Отвод меча назад. Вот меч описывает дугу над головой соперника и ударяет в другой бок. Вот клинок устремляется к земле, его берут обе руки и – удар по пластинам, закрывающим плечо на правой руке. По левой. Правой.левой. Правой. Снова дуга. Снова меч проворачивается в руках и устремляется в атаку... удар.

Продолжая осыпая соперника ударами, он отходил вбок. Вот еще несколько шагов и он оказался за его спиной. Занесенный двумя руками над головой клинок... Это будет последний удар, противник будет повержен.

Устремленное в атаку железо, разворачивающийся к нему соперник... Звон столкнувшейся стали. Удар был отбит. Тот, с кем он сражался, отнюдь не был слабаком. Серия успешных ударов – пока все, что ему удалось нанести за этот поединок. Легкой победы не будет – будет долгий и отважный бой, будет сражение, которого он так долго жаждал всем сердцем, сражение достойных. Это будет сражение достойных – и пусть победит сильнейший!

Шаг назад. Отставленная назад для устойчивости нога. Звон встретившихся в танце орудий... теперь его очередь. Резкий увод клинка вниз – меч противника соскальзывает с блока. Теперь разворот клинка по низу. Клинок вспорхнул, описывая в воздухе круг. Удар. Латы снова принимают на себя большую часть удара – противник устоял.

Теперь отвод меча для повторного удара... он не успевал. Его удар плашмя по латам даже не пошатнул соперника, а тот выиграл время. Сейчас придется сдерживать удар... Меч его вновь описывал дугу для удара – но вот для блока не успевал. Удар. Звезды в глазах. Удар соперника пришелся прямо между пластинами, покрывавшими плечо, и шлемом. Опасный удар, но и сноровки он требовал большой – высоко поднять клинок – и изрядного времени для замаха.

Удар. Блок. Удар. Блок. Столкнувшаяся в своем любимом танце сталь. Порхающие клинки. Два человека, грузно дышащие под тяжелыми доспехами, закрывающими их тела. Два воина, сошедшиеся в схватке. Два рыцаря, бьющиеся за звание чемпиона турнира, за вздохи прекрасных дам и восхищение простолюдинов. Сражающиеся так, как будто все их жизни и все надежды были вложены в это сражение. И пусть победит сильнейший!

* * *

Приказ центуриона ясен. Его фаланга вместе с другими пройдет клином по рядам врага – пройдет, сметая закованных в броню латников и подминая устроившихся на холме стрелков. Это будет славный бой... да, славный бой. Они одержат победу в этом сражении для своего императора. Legionеры Рима не знают поражений.

Быстро раздаваемые приказы. Движение в рядах противоборствующих армий. Минута, другая, третья. Строящиеся для сражения фаланги. Им предстоит славный бой.

Две железные оцетиненные мечами и копьями стены, двинувшиеся навстречу друг другу. Боевые крики, разносимые ветром по полю сражения. Громогласные приказы командиров, оглашающие воздух. Бой закипал...

Его строй вгрызся в колонны врага. Выставленное вперед копьё... Взмах меча – и древко врага отлетает в сторону. Выпад вперед – враг оседает на землю. Удар другого врага по его панцирю сзади. Он пошатнулся, но устоял – броня сдержала удар. Разворот навстречу этой новой опасности, сверкающий в утренних лучах солнца клинок – и еще один противник падает. Блок. Вот сзади кто-то снова заносит меч... Увод меча вниз – и резкий выпад назад без разворота.

И вновь клинок порхает в руках. Вновь, в который уже раз он, когда-то простой легионер, а теперь уже предводитель фаланги – в битве, в славной битве великой Римской империи. Вновь крики сражения и звон металла. Вновь враги, падающие под ударами клинка. Вновь его товарищи, умирающие на поле боя... Вновь битва. Вновь битва его империи – и его битва тоже. Великая битва великой империи...

* * *

Ученый и исследователь. Физик и химик. Литератор и философ. Мудрец.

Он был ими всеми – все они были в нем. Он отдавал себя труду – для своей королевы, для простолюдинов, для всего народа страны, в которой он жил, для народов других стран. Это была его новая жизнь – жизнь познания мира...

* * *

Их гнали и преследовали. Их искали и уничтожали. Их ненавидели. Ненавидели те, кто еще недавно и не помышлял о том, что получит право казнить и миловать. А теперь – получившие это право для убийства и гонения других, выбравших его как необходимый шаг, как шаг, ведущий в никуда. Но знали ли они об этом?

Тюрьмы и лагеря. Каторги и расстрелы без суда и следствия. Разрушенные семьи. Исковерканные судьбы. Уничтожаемая культура. Это было страшное время...

* * *

Он был творцом – одним из многих других, любящих труд. Художник и писатель нового века. Века творчества и свободы, века демократии разумных людей. Века мира, века творческого подъема и вдохновения. Века расцвета мира, века восхода.

Он трудился наряду с другими людьми. Творчество для блага стало символом эпохи. Добродетель стала звездой мира. Душевная любовь стала солнцем. Нежность стала каплями дождя, орошающими Землю. Очищенные людские сердца – звездами на небосклоне.

Прекрасная эпоха восхода и восхождения...

* * *

Картины одна за другой всплывали в его памяти и тут же уносились прочь в неведомые дали. Эпохи и века, сменяющие друг друга. Его жизнь – множество жизней в этом мире, множество путей, пройденных им в разных эпохах. Он был ими всеми, он был во множестве времен.

Теперь, лишь теперь он вспоминал это. Он, наконец, вспомнил это – эта память его путей всегда была с ним, была в каждой новой жизни, но лишь теперь он смог почувствовать и осознать всю громадность собственной жизни и все ее величие. Жизни в мириаде эпох, жизни в мириаде времен. Мириаде жизней в одном из мириады миров.

Как огромен был его путь, как еще более огромен и чудесен он может стать! Он многому научился за это время – мужество в сражениях, решимость и отвага, верность и преданность, творчество как подвиг жизни – все это стало им, все это выросло и соединилось в нем воедино. Он был во всем – и все было в нем. Он был творцом, он, как и другие, был творением Бога, был и становился его подобием.

...Человек постоял еще некоторое время на коленях, прислушиваясь к себе. Память была с ним – она всегда была с ним. Теперь она была с ним навсегда. Он уже многое узнал о себе и об этом мире, но еще больше ему предстоит понять, ведь его путь – путь в беспредельности. А потом он встал и уверенной походкой направил свои стопы к выходу – и вышел из храма. Глубоко вздохнул. Что же, этот путь еще только начинается – ему предстоит работа, ему предстоит его новая жизнь. И пусть память об этом дне не покидает его, пусть она станет ему огнем, указывающим и освещающим путь. Новый путь в изменившемся мире.

Да будет так!

01.07.2003

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

План 2020

Фрагмент 1

Сенсация! Сенсация! Правда? Провокация? Смысл весь познает тот, кто сей План переживет.

«Михылач, так тебя и разэдак! Ну кто так называет статьи, а?» – *прим. главного редактора.*

Как нам стало известно, совершенно недавно в руки вездесущих китайских хакеров попали уникальные фрагменты выдержек из речей древних Далай-Лам, озаглавленные не иначе как «План 2020». Ценой невероятных усилий и целого ящика горячительного двум нашим переводчикам удалось транслитерировать часть древних санскритских записей с китайского на русский. Обратного пока не получается.

Как известно всем полу-и-почти просветленным существам, с давних времен человечеству был обещан некий удивительный Новый Мир, в который сумевшие до него дожить и не сдохшие по дороге сумеют однажды прийти. Сроки, к сожалению, всегда назывались весьма расплывчатые и туманные, что породило множество гаданий на кофейной гуще вкупе с прочими извращениями, однако все ранее предсказанные даты в настоящее время оказались не более, чем прошлым.

Как нам поведали два наших переводчика, на данный момент им удалось осилить перевод ряда фрагментов, повествующих о том, как изменится геополитическая картина мира в (недалеком?) будущем – а именно, как будут называться некоторые из известных нам в настоящее время государств. Данный фрагмент мы и представляем вашему дорогому вниманию.

Россия → Китасия («Это чего получается то, мои дети будут узкоглазыми?» – *прим. корректора.*)

США → РаША, Разъединенные Штаты Америки («Туда им и дорога!» – *прим. корректора.*)

Италия → Вулкания («Последний день старого Рима?» – *прим. корректора.*)

Польша → Подльша («Никогда им не доверял!» – *прим. корректора.*)

Украина → Украдина («А чего им еще делать то?» – *прим. корректора.*)

Великобритания → Великобритания («Буль-буль-буль?» – *прим. корректора.*)

Япония → Япоробия («Возможно, намек на мифические технологические инновации, хм?» – *прим. корректора.* «Скорее, на последствия массового применения аниме», – *прим. переводчика.*)

Ирак → Мрак («Без комментариев», – *прим. корректора.*)

Израиль → Шизраиль («Остались без штанов без Штатов...» – *прим. корректора.*)

Афганистан → Макостан («Красная Угроза?» – прим. корректора).

Примечание: данный список неполон, так как два вышеназванных переводчика еще не до конца отошли от своего собственного Судного Дня после употребленного количества разогревающего средства.

Ожидайте дальнейших сенсаций в следующих выпусках нашей газеты!

* * *

Фрагмент 2

В прошлом выпуске нашей гламурной газеты мы поведали вам об удивительном открытии древних текстов Далай-Лам, носящих с виду незамысловатое название «План 2020» и не менее удивительном переводе части из них, осуществленных нашими лингвистами-экспертами в блаженно-аутальном состоянии сознания. Рады вам сообщить, что для целей перевода сих поистине неистинных манускриптов коньяк оказался куда действеннее водки. Странно, конечно, но факт остается фактом.

Как бы то ни было, представляем вашему пристальному вниманию очередную переведенную с китайского на русский (обратно до сих пор не получается) древнесанскритских записей тибетского происхождения земной дислокации.

В данном фрагменте речь, судя по всему, идет о современных, прошлых или будущих воззрениях этих самых Далай-Лам на некоторые из обитающих на нашей грешной Земле народов. Его мы и представляем вашему дорогому вниманию.

«Кто ж душу русского проймет, коль водкой тот ее зальет?»

«Лжецы, имперцы и поганцы.... друзья, ведь то ж американцы».

«От них ты ждешь заранее бяки... встречайте: Польша и подляки».

«Вам всучат шпротов за гроши... да то ж прибалты, латыши!»

«Шестая там колонна есть, оттуда вся идет их спесь, имперцы в прошлом, ныне ж – таксы. Конечно, это англосаксы».

«Точен как шкаф, суров как кольт – то, брат, есть немец, не Арнольд!»

«Там даже педики гламурны, а уж девицы как недурны! Страна духов, кремов и муз, бонжур-бонсьюр, мисье француз!»

«Черны пусть телом голодранцы... белы душою африканцы!»

«Она проста, евреев суть – сперва раздев, затем обуть».

«Тереодоров прошлых дух, видать, до сих пор не затух, в футбол играют как быки... испанцы это, чудаки!»

«Вас уличат в «зловецем» смехе, друзья, пожалуй, только чехи».

«Суровы в прошлом, ныне голы, докочевались уж монголы».

«Страна малюсенького солнца... но то есть дом для всяк японца».

«С Кореей Северной все бля, живет Республика Корея».

«Пусть желтолиц и узкоглаз, шмотьем он обеспечит вас, средь молодых он мудрый старец... и каждый пятый уж китаец!»

«Точь молока отведав встарь, индус зажег в душе фонарь – и, жизнь прожив среди лишений, набрал духовных достижений».

Примечание: как вы уже догадались, данный список вновь неполон, потому что коньяк все-таки оказался куда интереснее водки по некоторым из своего набора поступотребительных симптомов. Если нам удастся найти еще более эффективное средство – то мы вам обязательно сообщим.

Ожидайте дальнейших сенсаций в следующих выпусках нашей газеты!

«С уважением», – прим. главного редактора.

23.01.2010

*Жанр: Репортаж
Категория: Признанное*

Фантазия

Как фэнтэзи герои будут сражаться с Древним Красным Драконом

1. Воин

Для него нет ничего проще, чем победить какую-то неоперившуюся летающую ящерицу. Перед входом в логово дракона трехкратно громогласно пытается вызвать его на «честный бой», после чего, так и не получив ответа, сам вваливается в него. Не смутившись кучей костей и черепов, разбросанных по логову (и не такое приходилось видеть в боях), находит в нем дракона. Произносит небольшой боевой клич вроде «В бой!», дабы хоть немного подбодрить себя, и с ходу бросается в бой. Когда дракон пытается дыхнуть на него огнем, инстинктивно подставляет для защиты щит. После чего дракону остается только пообедать очередным лакомым кусочком поджаренного мяса, по ходу выплевывая неудобоваримые железные предметы.

2. Вор

Ждет целый год, дабы выбрать в нем самую длинную и самую темную ночь. В эту ночь ровно в полночь подкрадывается к логову. Тщательно ищет потайную дверь. Не найдя оной, неизвестно каким образом вскрывает отмычками главный вход в логово и на цыпочках, стараясь не издавать лишнего шума (а вдруг дракон еще не спит?) пробирается в логово. Обыскивает груды костей и черепов в поисках чего-нибудь ценного. Находит спящего дракона. Аккуратно обходит его по окружности, ставя принесенные с собой ловушки. Прячется в тени за камнем и метает оттуда отравленный кинжал. Когда дракон, проснувшись от чего-то легкого, ударившего и соскользнувшего по его чешуе, спросонья обдаёт огнем полпещеры, пытается скрыться в тени вспыхнувшего пожара. После чего дракону остается только пообедать очередным лакомым кусочком поджаренного мяса, на ходу выплевывая ранее утаенные драконом и после прикарманенные воров драгоценные предметы, теперь вновь возвращенные к их законному правообладателю.

3. Священник

Прежде чем отправиться в поход на дракона, тщательно молится своим богам, дабы они укрепили его веру и ниспослали ему помощь в борьбе с крылатым демоном. Отправляясь в поход, запасается несколькими литрами святой воды. Добравшись, наконец, до места, подходит к логову и осеняет его крестным знаком. Воодушевившись сделанными успехами, бесстрашно входит в логово. Пытается вызвать к жизни души умерщвленных крылатым демоном существ, используя заклинание «Воскрешение мертвых» и поливая их останки святой водой. Когда же дракон, издали заприметив сие непотребство, приближается к священнику, тот осеняет его святым знаком, вопя (больше от ужаса): «Сгинь, нечистый!»

Успеваает наложить заклинания «Благословение», «Божественная милость», «Молитва», «Святое слово» и «Соппротивление огню» прежде, чем дракон выпускает в него струю огня. Выпущенный драконом огонь разогревает латы священника до 50 °С, после чего в последних усилиях служитель богов пытается потушить вспыхнувший вокруг него пожар остатками святой воды. Затем дракону остается только вновь выпустить струю огня и пообедать очередным лакомым кусочком поджаренного мяса, по ходу утолив свою жажду так и не выплеснутыми священником несколькими литрами не очень чтобы и святой воды.

4. Паладин

Он был создан для борьбы с подобным злом, уничтожающим поселения невинных крестьян и поедаящим их девушек-девушниц. Не испытывая ни малейшего колебания и страха, без лишних слов (за исключением чего-то в духе «Во имя справедливости!») отправляется в поход на дракона. После многих дней похода, добравшись до логова, бесстрашно входит в него. Не испытывая ни малейшего страха и толики сомнения, смело шагает по грудам костей и черепов в логове. Увидав дракона, кричит: «Богомерзкая тварь! Настал твой последний час!» Устремляется в бой, размахивая сверкающим мечом «Святой Мститель +5». Не испытывает ни малейшего страха и признаков колебания, когда выдохнутая струя огня приближается к нему. После чего его нагретые до 120 °С латы превосходят по степени своей святимости даже его священный меч. Ну а дракону остается только пообедать очередным лакомым кусочком поджаренного мяса, на ходу аккуратно выплюнув и добавив к внушительному перечню своих сокровищ «Святой Мститель +5».

5. Маг

Прежде чем отправиться в поход, несколько лет сидит за чтением древних книг и манускриптов по истории расы драконов, их прихода в этот мир, их классификации, их черт характера и основных повадках и, наконец, их уязвимых мест. Вооружившись всеми этими знаниями вместе с древним магическим посохом и несколькими десятками свитков с заклинаниями, наконец пускается в путь. Пройдя несколько километров и устав от ходьбы пешком, исполняет заклинание «Полет», после чего одолевает все оставшееся расстояние до логова за несколько минут. Заприметив логово, колдует на него заклятие «Обнаружение магии». Настораживается, когда заклинание показывает огромнейшие колебания магической силы внутри логова. Тщательно обследует окрестности логова, пытаясь определить неучтенные магические потоки. Заблаговременно до входа в логово накладывает на себя заклинания «Спешка», «Малая сфера неуязвимости», «Большая сфера неуязвимости», «Великая сфера неуязвимости», «Малое отражение магии», «Великое отражение магии», «Защита от стихий», «Защита ото зла», «Каменная кожа», «Великая каменная кожа», «Иммунитет к заклинаниям», «Абсолютный иммунитет к заклинаниям» и прочая, после чего аккуратно входит в логово.

Переводит дух, когда определяет, что источником магических пертурбаций, замеченных им ранее в логове, являются разбросанные вместе с грудями костей и черепов магические артефакты. Преодолевает желание заняться их немедленным изучением, решив отложить это дело на потом. Стараясь не терять времени, продвигается по логову и замечает в нем дракона. Когда дракон подлетает к нашему герою, намереваясь выпустить в него пламя, маг исполняет заклинание «Остановка времени», после чего несколько минут восторженно созерцает зависшего в воздухе дракона, не в силах оторвать взгляда от его прочной как сталь красной чешуи и пытаясь припомнить, для какого же великого магического компонента был нужен сей чешуйчатый ингредиент. Опомившись, колдует на зависшего в воздухе дракона «Огненный шар». Увидев, что тот не возымел должного эффекта, вспоминает о прочитанных ранее в манускриптах описаниях представителей этого вида и, в частности, их полной неуязвимости к огню. Успевает наколдовать «Цепную молнию», которая наряду с попаданием в дракона попутно уничтожает практически все припасенные им в логове артефакты, после чего дракон выходит из безвременья и выплевывает в мага струю огня. С удивлением наблюдает свой посох, ставший аналогом факела в рождественскую ночь, и лишь потом краем сознания успевает сообразить, что действие ранее созданных им магических защит уже успело закончиться. После чего дракону остается только пообедать очередным лакомым кусочком поджаренного мяса, восстановив свои магические запасы за счет выплонутой с теперь уже пережеванного мага разнообразнейшей кучи магических колец, ожерелий и прочей бижутерии.

6. Варвар

Узнав о том, что где-то в окрестностях рядом с ним живет какой-то древний, да еще и красный дракон, выдает громогласный боевой клич и устремляется в бег по направлению где – предположительно – дракон должен обитать. Пробегав несколько дней, каким-то чудом натывается на драконье логово. Вновь издает боевой клич, призывая дракона на бой. Когда разбуженный этим нечеловеческим ревом дракон выбирается из пещеры, наш герой входит в состояние берсеркера и пытается порубить дракона на куски своей двуручной секирой. После чего дракону только и остается наблюдать изрядно загоревшее и все еще истерически дергающееся мускулистое тело бывшего грозы драконов и барабанных перепонок.

7. Рейнджер

Очень огорчается, узнав, что древний красный дракон не обитает в лесах. После чего, нагрузившись несколькими колчанами стрел, отправляется в путь. Тщательно исследует все встречающиеся ему на дороге следы, пытаясь определить, какие же из них принадлежат дракону. После многих дней пути добирается до логова. Сравнивает следы вокруг логова с ранее запасенным образцом и убеждается, что это действительно логово того самого дракона.

Прежде чем зайти в логово, призывает из ближайшего леса черного медведя. Вместе с медведем закрадывается в логово. Удивленно наблюдает, как голодный лесной зверь поедает останки убитых драконом искателей злочлочений. Издали заприметив дракона, выпускает несколько десятков стрел, которые ложатся аккурат по окружности вокруг лап спящего монстра, вызывая его таким образом на бой. Когда дракон просыпается и подлетает к нашему герою, тот натравливает на него призванного ранее медведя. Краем глаза наблюдает, как теперь уже сытый медведь вместо того, чтобы поедать дракона, садится рядом с ним и начинает лизать собственные лапы. Краем другого глаза успеваает заметить, как вспыхивают на спине все принесенные им с собой колчаны стрел. Успеваает почувствовать исходящий откуда-то со всех сторон жар и увидеть когти дракона, зависшие над его лицом. После чего дракону остается только почувствовать прелесть разорванного и поджаренного мяса не только самого героя, но и его не менее неудачливого лесного товарища.

8. Бард

Прежде чем отправиться в поход, сочиняет балладу «О великом и могучем красном драконе, закрывающем при полете половину небосвода». Очень воодушевляется, когда послушать его приходит половина местного городишки. Затем сочиняет новую балладу «О бесстрашном герое, вышедшем в поход на ужас небес». Однако после того, как получает тысячный вопрос о том, кто же этот нетрусливый герой, решает, что, пожалуй, уже действительно пришло время отправляться в поход. Отправляется в путь, на ходу сочиняя все новые и новые баллады «О битве с красным змеем», «О красной чуме небес» и прочая, и прочая, тем самым собирая вокруг себя толпу местных зевак. Когда же он, наконец, доходит до логова, то неожиданно обнаруживает, что всю публику как огнем сдуло. Входит в логово, распевая балладу «О юном барде, бесстрашно вступающем в логово древнего зверя». Зайдя в логово и наткнувшись на останки юных искателей злочлочений, на ходу сочиняет слезливую и душещипательную песню «О бесславно сгинувших в черной пещере героях», которой пытается подбодрить себя. Когда же разбуженный какими-то хриплыми с придыханиями песнопениями дракон подлетает к нему, наш герой на ходу пытается сочинить усыпляющую колыбельную «О том, как красный дракон ушел в вечный сон». Не впечатленный подобными мелодиями дракон выдыхает жаркое пламя, после чего всему оставшемуся люду совместными усилиями приходится сочинять новую – и последнюю в этом сезоне – балладу «О том, как погиб герой в логове том».

9. Монах

Прежде чем отправиться в поход, несколько дней старательно медитирует, пытаясь погрузиться в нирвану. После выхода из блаженного состояния обнаруживает, что время похода уже давно настало, после чего выступает в поход. Пройдя шагом несколько километров и устав от столь медленного способа передвижения, пускается в бег, после чего одолевает все оставшееся расстояние за несколько часов. Добежав до логова дракона, садится в позу лотоса и погружается в медитацию.

Выйдя из блаженного состояния через несколько дней, обнаруживает, что как раз укладывается в сроки похода. Вбегает в логово. На бегу старательно маневрирует между грудями костей и черепов, пытаясь не вписаться ни в один из них. Не заметив дракона, с налета влетает в него – после чего садится у его лап и вновь погружается в глубокую медитацию. Проснувшийся дракон выпускает струю огня, которая не причиняет герою вреда, поскольку он уже успел сделать свое тело совершенно нечувствительным к такому виду боли. В это время вышедший из медитации монах замечает, что дракон уже проснулся, после чего вступает с ним в ближний кулачный бой. После чего дракону не остается ничего иного, кроме как полакомиться телом и – отдельно – головой героя, теперь уже абсолютно нечувствительными к любым видам боли.

02.01.2006

*Жанр: Статья
Категория: Признанное*

Как фэнтэзи герои будут устанавливать Windows

1. Воин

Латной перчаткой с трудом впихивает установочный диск в привод. Весь процесс установки ходит с мечом наперевес вокруг компьютера, грозно потрясая им, а иногда для большего устрашающего эффекта ударяя им в щит. Когда же после окончания установки во время первой загрузки Windows виснет – со злости разрубает треклятую машину на кучку маленьких кусочков.

2. Вор

Раздобывает пиратскую копию последней бета-версии Windows за какие-нибудь два серебряных, бесшумно открывает отмычкой привод и кладет туда диск, затем так же бесшумно закрывает его и начинает процесс установки. Когда в ходе установки система выдает сообщение: «Обнаружено новое устройство: диск Windows», – чертыхается, кричит «Черт, меня засекли!» и улепетывает прочь так, что только пятки сверкают.

3. Священник

Прежде чем начать установку, благословляет установочный диск Windows и поливает его святой водой, и лишь затем вставляет в привод. Когда привод не может прочитать обмоченный во всех смыслах диск, а система выдает сообщение: «Невозможно произвести чтение данных с устройства. Отменить/Повторить/Игнорировать?» – в ужасе осеняет себя и компьютер крестным знаком, крича: «Прочь, нечистый дух!», и начинает ходить вокруг компьютера, распевая при этом молитвенный гимн. После двухчасового обхода, за который диск уже успевает высохнуть, пытается заново повторить весь процесс. После того, как установка благополучно заканчивается, становится на колени и воздает еще трехчасовую хвалу своим богам за то, что они услышали его скромные молитвы и помогли ему в борьбе со этим технологическим злом.

4. Паладин

Берет установочный диск Windows и возлагает на него руки. Для надежности ждет несколько минут, а затем засовывает диск в привод. Как только начинается установка, для пушкого эффекта ставит анкх на системный блок. Когда же после окончания установки во время первой загрузки, как это часто и бывает, Windows виснет, провозглашает: «Неверный! Познай же гнев богов!» – и разрубает мечом треклятую машину на кучку маленьких кусочков.

5. Маг

Осторожно берет установочный диск с Windows и накладывает на него заклинание «Идентификация». После того, как заклинание определяет версию Windows на диске, накладывает на диск заклятие «Обнаружение магии». Когда заклятие ничего не обнаруживает, немного переводит дух и накладывает заклятие «Определение характера».

Настораживается после того, как заклинание определяет характер как «хаотично-нейтральный». Накладывает на диск чары «Очищение» и только затем начинает процесс установки. Пока идет установка, развлекается с собственным фамильяром. После того, как установка завершается, повторно накладывает на компьютер заклинание «Определение характера». Еще более настаораживается после того, как заклинание определяет характер как «хаотично-злой». Исполняет заклинание «Остановка времени» и пытается разобраться в том, какие магические потоки создали такое удивительное изменение характера объекта установочного диска. Перезагружает компьютер. Когда же во время загрузки Windows виснет, приходит в неимоверный гнев, колдует сперва на себя заклинания «Спешка», «Великая сфера неуязвимости», «Великое отражение магии», «Каменная кожа», «Железная кожа», «Полная неуязвимость» и прочая, а затем «Огненный шар» на злополучную машину – после чего наслаждается запахом паленой резины и горящих проводов.

6. Варвар

Берет установочный диск с Windows, вертит его в руках, пытаясь определить, какой же именно стороной его потребно вставлять в привод. Кладет диск в привод первой попавшейся стороной. Затем для начала процесса установки издает душераздирающий боевой вопль. Когда же от подобных звуковых вибраций диск с Windows разлетается на куски, приходит в неимоверный гнев и в состоянии берсеркера разрубает треклятую машину и то, что еще осталось от диска, на тысячу и один кусок.

7. Рейнджер

Выпускает стрелу и открывает привод, попав по кнопке «Извлечь». Нанизывает установочный диск с Windows на вторую стрелу и выпускает ее в привод. Когда диск падает со стрелы ровно в нужный момент точно в привод, начинает процесс установки. Пока идет установка, призывает черного медведя и беседует с ним о прелестях лесной охоты, позволившей ему найти вышеупомянутый диск в чреве какого-то неудачливого лесного тролля вместе с гораздо менее удачливым проглоченным им вором – первоначальным обладателем диска. Когда процесс установки завершается, и система после первой загрузки виснет, натравливает медведя на системный блок, а сам в это время делает своими стрелами из монитора подушечку для иглол.

8. Бард

Прежде чем вставить диск с Windows в привод, вынимает его на всеобщее обозрение и начинает петь балладу о дальних царствах, сокровищах и богинесудьбе, приведшей к тому, что он сумел однажды найти столь удивительный и невероятный артефакт. Когда вокруг него собирается порядка двадцати ротозеев и слушателей, поет не менее трогательную балладу о страшном черном драконе по прозвищу Microsoft, которого в ходе длительных и поистине кровопролитных боев ему вместе со своими соратниками все-таки удалось победить в честном и праведном бою, и в логове которого и был найден указанный древнейший артефакт.

После того, как вокруг него соберется уже порядка полсотни ротозеев, решается, наконец-то, вставить диск в привод. После того, как система неожиданно выдает сообщение «Незарегистрированная копия Windows», печально разводит руками и поет еще более трогательную балладу об обмане, лжи и коварстве, царящих в землях Фаэруна.

9. Монах

Возлагает установочный диск с Windows на каменный ничем не примечательный монашеский алтарь и совершает созерцательный обход. Затем садится в позу лотоса и начинает медитировать. После десятичасовой медитации приходит в себя, мягко кладет диск в привод и начинает установку. Пока идет установка, вновь садится медитировать. После пятнадцатичасовой медитации вновь возвращается в этот бренный мир и видит, что система не может продолжить установку в связи с необходимостью для ее продолжения нажать «любую клавишу». Нажимает клавишу «любая» и вновь погружается в медитацию. После трехчасовой медитации в очередной раз возвращается в этот мир и видит, что система зависла. Преодолев внутренний порыв сущности к гневу, начинает установку заново, а сам в это время садится медитировать. После очередной пятнадцатичасовой медитации замечает, что система опять требует нажать «любую клавишу». Вновь находит и нажимает клавишу «любая», погружаясь в медитацию. После трехчасовой медитации опять возвращается в этот мир и видит, что система вновь зависла. Повторно преодолев внутренний порыв сущности к гневу, запускает весь процесс – включая, разумеется, медитацию – по новой. После двадцатикратного повторения ситуации выходит, наконец, из себя, демонстрируя верхи кикбоксинга компьютеру. Удовлетворяется только тогда, когда не остается ни одного мельчайшего предмета, не имеющего вмятину от его кулаков, после чего вновь погружается в нирвану.

02.01.2006

*Жанр: Статья
Категория: Признанное*

Как фэнтэзи герои будут устраивать спор в таверне

1. Воин

Постоянно держит внушительного вида двуручный меч у слушателей перед глазами, иногда для пушшего эффекта прокручивая его в руках по часовой стрелке. Когда же кому-то из завсегдатаев таверны хочется возразить ему, подносит меч к лицу дерзкого выскочки и кладет его ему на плечо, недвусмысленно глядя при этом в глаза. После чего у возразившего сразу же отпадают все желания возражать.

2. Вор

Пока все спорят друг с другом, успевает обчистить карманы десяти зевак, стащить пару кружек эля у местного бармена и снять ожерелье с шеи его дочери, после чего прячется в тених и ждет, когда же, наконец, всем надоест заниматься этим словоблудием. После того, как спор заканчивается, пропажа обнаруживается и в таверне начинается переполох, успевает стянуть еще несколько кошельков у некстати появившихся тут торговцев и даже обчистить карманы одного стража, прибежавшего, дабы усмирить простолюдинов, от его недавней полички. После чего благополучно выскальзывает из таверны в ночную тьму и растворяется в ней без суда и следствия.

3. Священник

Когда его выводят из себя, громогласно называет спорщика «демоном» и применяет на него заклинание «Экзорцизм». Заклинание, как правило, не производит какого-нибудь фактического эффекта, однако сопровождается такими грандиозными иллюминациями, что внушенная публика тотчас же дружно падает на колени и начинает молиться на священника, ну а священник – на свое божество.

4. Паладин

Заприметив толпу пьяных зевак в таверне, устраивает им «чистку мозгов» по вопросу праведной и чистой жизни. Затем преподносит проповедь местному бармену, его дочери и даже самому трактиру. После того, как вся местная вдрызг пьяная братия, не впечатленная подобными призывами, грозно надвигается на нашего героя, тот достает из ножен свой сверкающий меч «Святой Мститель +5», после чего у всех тотчас же меркнет в глазах (в основном от вида инкрустированных его драгоценных камней), после чего все мгновенно становятся ему друзьями. Гордый подобным преображением темной людской души и высоко подняв голову, герой выходит из таверны, дабы поразить новое зло в любой его форме.

5. Маг

После того, как какой-то местный смертный шалопай называет его «дедка валшипник», какой-то иной местный смертный глупец публично высказывает сомнения в его великих магических способностях, исполняет заклинание «Демонические врата» и призывает из Бездны повелителя Балоров. После того, как Балор пожирает всю таверну местной смертной братии и оказывается изгнан назад в Преисподнюю, опустошенная таверна оказывается совершенно не в состоянии устраивать хоть какой-нибудь спор с местным фокусником.

6. Варвар

Когда кто-то из местных таверных философов начинает рассуждать в духе «быть или не быть, пить или не пить», от непонимания этих дурацких высоких субстанций выходит из себя, после чего, впад в состояние берсеркера, издает настолько громогласный рев, что у всех местных обывателей лопаются барабанные перепонки. После чего им только и остается наблюдать точно в немом кино, как безумный варвар разносит на щепки весь местный интерфейс.

7. Рейнджер

Вваливается в трактир вместе с древним бурым медведем, после чего, водрузившись на стойку, заказывает выпивку для себя и еду для своего лесного друга. Пока все изумленно перешептываются и опасно косятся на усевшегося у стойки в шапке-ушанке медведя, опустошает заказанный стакан и интересуется у трактирщика, где тут можно поохотиться. Успокаивает не упавшие в обморок остатки местных проходимцев, уточнив, что охотится он исключительно в лесах. Узнав примерные координаты и прервав дальнейшие уточнения пути словами “сам найду!”, выходит из таверны. Замечает, что растолстевший от употребленной еды медведь не проходит сквозь двери трактира, после чего вынимает из колчана стрелу и прекращает его мучения. Затем призывает нового медведя – уже с внешней стороны от трактира – и, наконец, все-таки отправляется на лесную охоту.

8. Бард

Становится лучшим рассказчиком в местной округе, послушать которого приходят все посетители трактиров еще десяти ближайших деревень. Неустанно сочиняет все новые и новые баллады и песни, пока, наконец, не умирает от старости. После чего на его похороны приходит другой перспективный бард и начинает сочинять свои собственные баллады и песни об этом безвременно почившем певце.

9. Монах

Молча входит в трактир, молча садится на пол и так же молча погружается в нирвану. Все попытки местных зевак привести его в чувства не приводят к какому бы то ни было эффекту – и его просто оставляют восвояси. Вернувшись в этот мир через несколько дней, наш герой обнаруживает, что вокруг него идут какие-то нелепые бездуховные пляски, после чего снова покидает этот мир.

Вернувшись в него уже через несколько месяцев, замечает, что вокруг вместо бывшего трактира остались только обгорелые доски, так что он практически полностью сидит в чистом поле. Отмечает про себя, что это очень спокойное место и надо будет в него потом обязательно вернуться, после чего решает вновь направиться в свой монастырь.

03.01.2006

Жанр: Статья

Категория: Признанное

Фантазия

Фантазия...

Так назывался волшебный мир, где рождались творческие души. Единственный и уникальный в своем роде, он был жемчужиной мироздания. Мир фантастических законов физики, с легкостью выходящих за космические пределы тех, что были привычны для иных планет Сферы, он стоял особняком с самого момента своего сотворения. Почти никто из живущих в нем, включая даже верховных Магов, не ведал о том, когда именно он был сотворен и какую неопишемую словами творческую цель преследовал создавший его – но родиться в нем считалось великой наградой, которой удостаивались немногие. Лучшие представители множественных миров Сферы с пробужденной творческой искрой внутри своих неугасимых душ – в первую очередь такие и могли ступить на его плодородные земли, облекшись точно панцирем плотью.

Что может быть лучшей кузницей для творцов, чем мир, подвластный их фантазии? А здесь она была способна творить чудеса. Долгий путь предстояло пройти будущим творцам, чтобы разжечь свою творческую искру в иных мирах Сферы – и еще больший для того, чтобы полностью овладеть ею в прекрасной Фантазии. И право называться полноправным Магом удостаивался в ней далеко не каждый.

* * *

Обессиленный Лор-Кинор остановился и упал на колени, жадно вбирая легкими вечерний воздух. После двух часов непрерывного бега по жарким и опасным джунглям Ротанора последние запасы сил были совершенно исчерпаны – но ему удалось оторваться от передовых разведчиков Легиона.

Лор-Кинор мог бы назвать себя разведчиком, или рейнджером, или танцующим-на-краю, или смотрящим-издалека, но сам он предпочитал считать себя просто воином, не лишенным при рождении творческой небесной Искры. Прошлое его было туманно. Отец его, обычный десятник, много лет назад погиб в бою с воинами Легиона Девяти Богов при осаде Рахлигара – аванпоста Легиона в западных землях Фантазии. Затем Лор-Кинора взял на воспитание его дядя, бесследно исчезнувший пару лет спустя во время Огненного Бунта. А родная мать умерла еще при родах. С тех пор Лор-Кинор стал скитальцем, бороздящим просторы Иллюмиона от северных границ к южным, зарабатывая свой кусок хлеба выполнением частных поручений правителей княжеств Иллюмиона, именуемых наставниками. И именно это его последнее поручение от наставника южного княжества Сулинора обещало стать самым серьезным испытанием за его многолетнюю жизнь – а, возможно, и за многие десятилетия жизни самого Иллюмиона.

Легион Девяти раньше промышлял преимущественно в южных землях Иллюмиона, большая часть которых приходилась на княжество Сулино, но после одной из самых кровопролитных битв, которую когда-либо знала история Иллюмиона, в ходе которой столкнулись десятитысячные армии Иллюмиона и Легиона Девяти Богов и, понеся огромные потери, войска Иллюмиона под руководством самого Оракула вместе с Архимагом Академии сломили атаку проклятых адептов Легиона на крепость Ривал и перешли в контрнаступление, захватив около трети северных владений Легиона в Фантазии, активность Легиона Девяти значительно упала, прекратились набеги на незащищенные поселения и насылаемые колдунами Легиона на слабоверных жителей Иллюмиона моря и порчи. Многоголовой гидре отрубили одну голову – но на ее месте уже почти выросла новая.

Тяжело дыша, Лор-Кинор привстал на одно колено, всматриваясь с Пика Семи Звезд, служившего самым высоким местом на всей территории Ротанора, в открывающиеся его орлиному взору горизонты в стремлении увидеть передвижение следовавших за ним по пятам, хоть пока и не знавших о его точном местонахождении, разведчиков Легиона.

У этого пика была своя история. Легенды гласили, что многие тысячелетия тому назад именно здесь опустились на землю Фантазии небесные звезды – вестники иных миров, прочертившие путь от горизонта и до горизонта по бескрайнему лиловому небосводу. Вестники эти символизировали рождения в землях Фантазии семи Оракулов – почти что непобедимых провидцев-пророков, способных видеть будущее и управлять временем. Шестеро из Оракулов к настоящему моменту уже ушли в иные миры, взойдя на небо в ослепительном белом сиянии, свидетели которого описывали его в оставшихся у потомков хрониках не иначе как непредставимую и неизвестную даже лучшим из магов Академии высшую магию Света. Лишь один из них до сих пор жил в Фантазии – став, как и Лор-Кинор, добровольным скитальцем после тяжелой победы в битве за Ривал. Иногда, раз в несколько лет или даже десятилетий он появлялся на тропах Иллюмиона в образе седовласого старца с небесно-голубыми глазами и длинным светящимся в ночной темноте посохом – а потом также внезапно исчезал на годы вперед. Никто не дерзал прервать его путь и расспросить о тяготах возложенного на него бремени – никто, кроме Лор-Кинора, встретившего его по воле неведомых законов судеб в первый год собственных скитаний. Много песка с тех пор просыпалось в часах Вечности и много воды утекло в полноводных реках Фантазии, но где можно будет отыскать Оракула в случае возникновения великой опасности для мира – это Лор-Кинор помнил до сих пор с самого момента той памятной встречи.

Сейчас он стоял, преклонив колено на Пике Семи Звезд, а мысли его блуждали далеко за пределами того, что лишённые творческой Искры жители Фантазии считали смыслом своих простых жизней. Он думал о вечности, о бесконечном множестве форм битвы добра и зла, о подвиге и предательстве, о героях и отступниках, о смысле жизни и смерти. Этот существовавший в нем с детства внутренний огонь поиска, в последние годы нашедший свое сочетание с пробуждающейся творческой Искрой, всегда согревал его в минуты опасности, придавая новых сил для битвы со злом – в том виде, как это понимал Лор-Кинор.

После того, как ушли шестеро из Оракулов, родился Легион Девяти Богов. Так назвали сами себя те, кто многие столетия тому назад составляли первый круг Академии Магов. Познав множество способов управления реальностью Фантазии через творчество, получив огромное политическое влияние в землях Иллюмиона, они захотели еще большего – им стало нужно бессмертие. Но такой магией Фантазия не обладала – и, видимо, в этом был свой сокровенный и великий смысл. Лишь Оракулам было доступно нечто такое, что выходило за пределы могущества Круга Девяти, названное высшей магией Света. Лишь эти таинственные посланцы небес могли, точно Ангелы, воскрешать, даровать неуязвимость в бою и замедлять неостановимый ход вечно бегущего времени.

Зависть к Оракулам и желание получить бессмертие толкнуло этих девятерых верховных магов на самое великое из преступлений, которое когда-либо видели земли Фантазии. Они вместе со своими многочисленными сторонниками и адептами восстали против Оракулов, желая пленить их и получить сокровенные знания, наивно в слепоте своей полагая, что можно насильственно позаимствовать эти возможности. Обуянные жадой бессмертия маги забыли о главном – Оракулы видели будущее и знали о готовом родиться предательстве. Когда посланники магов пришли с разорением в долину, где проживали Оракулы, они не нашли там ничего, кроме своего собственного страшного будущего.

Магия Фантазии неведомым образом изменила адептов Круга вместе со своими наставниками, исказив до неузнаваемости их черты. Точно монстры из преисподней, лишенные разума, эти страшные твари метались по долине в поисках своих жертв, пока стремительная деградация их разума не привела к тому, что они кинулись друг на друга, разрывая рожденными клыками и когтями плоть собственных товарищей. Маги же Круга стали живыми, лишенными душ мертвецами, один вид которых был способен привести в содрогание сердца даже самых храбрых из воинов. Вместе с остатками своих адептов и сторонников ушли они из Иллюмиона далеко на юг, чтобы, вновь набрав силу спустя многие десятилетия, стать Легионом Девяти Богов, Легионом Проклятых, Легионом Шепчущих во Зле – как их по-разному называли в различных краях Иллюмиона. На следующий день шестеро из Оракулов взойшли на небо, и лишь один остался в пределах Фантазии для одному ему ведомых конечных – или же бесконечных – целей. Лишь один бессмертный на весь мир.

Лор-Кинор расправил плечи и улыбнулся. Послание для Оракула будет передано – и сделают это более совершенные в этом деле, чем он, одинокий бороздящий равнины, пустыни и джунгли Фантазии странник.

Шаг, второй, третий – и вот он уже кружится в танце. Еще несколько шагов – и руки сами складываются в жесты для призыва Шимов. Еще минута – и вот он уже совершает прыжки, словно в невесомости замирая на несколько мгновений в ставшим таким податливым и упругим для его тела воздухе. Еще несколько секунд – и тело его поднимается в воздух, левитируя над поверхностью земли. Танцующий-на-краю знает свое дело. Танцующий-на-краю отдается на волю своей светлой творческой Искры.

Этот танец был тем даром свыше, который стал постепенно проявляться в нем после гибели его отца в битве со врагами Иллюмиона. Мало-помалу, движение за движением, он точно вспоминал нечто давным-давно забытое, отложенные на минуту крайней нужды знание и силу. Год за годом в ходе его одиноких скитаний он отдавался на волю этой толкавшей его вперед силе – а Фантазия совершала для него остальное. Фантазия могла творить чудеса.

Невидимые простому глазу обычных жителей Фантазии сверкающие и переливающиеся лиловым цветом волны растекались вокруг парящего в воздухе Лор-Кинора, проникая с пика в джунгли Ротанора – маленького независимого королевства, населенного низкорослыми коренастыми жителями, освоившими искусство полета на Шимах – огромных бабочках, превышающих рост человека и ставших для жителей Ротанора неотъемлемой частью их жизни и культуры. Шимы обладали собственным сознанием и видением, и могли откликаться на посланный для них зов – во всяком случае, они были подвластны Магии Танца, творимой обладающими творческой Искрой, пусть даже такие и не были, и не желали быть студентами Академии.

Еще шаг, еще. Танцующий в воздухе человек с замирающим от восторга сердцем. И вот из джунглей к нему на встречу уже летят десятки разноцветных бабочек-Шимов, сверкая и шелестя своими крыльями на фоне заходящего солнца. Вот они парят невысоко над землей на одном уровне вместе с ним. Вот он хватается за крылья одной из них, изо всех сил мысленно представляя ту долину в землях Дальвинора, в которой ныне должен был тайно проживать Оракул. Вот десятки крылатых бабочек точно небесные птицы взмывают вверх, неся его на своих крыльях туда, куда он попросил их в своем мыслепослании.

Полет. Свобода. Звенящий в ушах ветер. И вечернее солнце светит им вослед.

* * *

Последний оставшийся в Фантазии седьмой Оракул, ангельское имя и задачи которого не знал никто из живущих в пределах Сферы Миров простых смертных, держал руки на голове вожака Шимов, считывая переданное для него послание. Доступ в его долину был закрыт от чужеземцев, пусть даже и повстречавшихся ему на его бесконечных путях среди планет Сферы, но доступ для таких коренных жителей Фантазии, как эти огромные, разумные и обладающие навыками телепатии бабочки, был открыт всегда.

Выходит, что сны не обманули его. Грядет величайшее вторжение Легионов – такое, какое Иллюмион не видывал уже с момента сражения при Ривале. Авангард их армии, насчитывающий минимум несколько десятков тысяч голов, продвигается с юга Фантазии из Топей Смерти через Ротанор на южные рубежи Иллюмиона, в княжества Сулино и Дальвино.

С тех пор, как магия Фантазии превратила этих некогда разумных, но злобных людей в бесноватых монстров, их естественный прирост увеличился как минимум в два раза. Злоба же, запечатленная на обезображенных желтоглазых лицах, была сродни злобе диких зверей, населявших западные леса Тайгании.

После разгрома при Ривале, в ходе которого были также навеки уничтожены трое из некогда верховных магов Круга, Легионы отступили надолго, не дерзая устраивать вылазки против небольших поселений, – и лишь в последние годы их увеличившаяся активность на южных рубежах Иллиумиона вызывала все больше вопросов об их подлинных планах. Теперь у Оракула был ответ и на этот вопрос.

Огнем, мечом и запрещенной в Иллиумионе Магией Смерти пройдутся Легионы по его южным владениям, если Академия Магов и Хор не будут предупреждены об опасности заранее. В Академии Иллиумиона были те, кто владел Магией Созерцания, но адепты Легионов давно научились создавать завесы от подобных любопытствующих, и обнаружить приближение их армий могли только живые разведчики.

Оракул поднял руки, высвечивая на водной глади озера запечатленные в своей памяти Лор-Кинором и переданные через Шимов образы, имеющие отношение к передвижениям армии Легионов. Грядет сражение – и ему как одному из добровольно оставшихся Вестников вновь придется встать рука об руку с теми, кого он вместе с этим миром еще до прихода в него поклялся защищать перед своим Создателем ото зла даже ценой собственной жизни в этой телесной форме.

Мало кому из смертных, рожденных в этом мире, доводилось видеть подлинную форму и облик Оракулов, ведь в нем имелось нечто от запредельного – даже для магии Фантазии. И только в такой, подлинной, белокрылой форме Оракулы могли творить настоящие чудеса среди множества чудес этого удивительного мира.

«Он стоял на коленях, и голос дрожал.

Он стоял на коленях, молитву шептал.

Он стоял на коленях в далеком краю.

Он стоял на коленях за землю свою».

Так впоследствии напишут Хронисты об этом седьмом Оракуле. А сейчас он стоял на коленях, обращаясь к своему Создателю и творцу Фантазии с просьбой о помощи в победе над злом.

Был ли это особый вид магии, существующий в Фантазии и так и не изученный в стенах Академии? Или, быть может, это был зов его сердца – не оставившего этот мир после произошедшего в нем предательства?

Белые крылья сложены за спиной, а взгляд устремлен в небеса. Время течет, время замирает. Спокойствие против ненависти. Храбрость против трусости. Подвиг против предательства. Так было всегда, так будет всегда. Это вне времени.

Взмах белых крыльев – и время будто останавливается. Теперь у войск Иллиумиона есть время. Время для каждого имеет свой собственный ход.

– Лети, – мысленно прошептал он вожаку Шимов. – Неси мое послание людям!

Орда Легиона неспешно подходила к южным рубежам Иллюмиона, намереваясь штурмовать столицу Сулинора – Аскензию. Но здесь их уже ждали. Объединенные войска Иллюмиона, включавшие в себя не только столь привычных лучников, латников и копейщиков, но и практически полный состав Академии Магов, включая даже подмастерьев, а также прославленный в битвах Хор.

Академия Магов, рожденная как альтернатива предавшего и обратившего во зло магию Фантазии Круга Девяти, первой получила послание Оракула. Чары, использованные им для локальной остановки времени, не поддавались пониманию лучших из верховных магов Академии, включая и самого Архимага. Но это были сущие мелочи в преддверии грядущей войны. Получив послание, Академия собрала всеобщий совет, уведомив о готовящемся вторжении королевский двор, а также верой и правдой служивший ему Хор.

Хор был летописной притчей во языцах. Магия Песни, сопровождаемая льющей из боевых Органов музыкой и не уступавшая по силе Магии Рифмы, которой обучались маги Академии, творила настоящие чудеса на полях многочисленных сражений, придавая мужества и смелости своим воинам, и обращая в панику орды противников. Среди хоть единожды слышавших боевые песни Хора воинов до сих пор ходили слухи о том, как некоторые из этих песен заставляли врагов даже лить слезы, или же делали самых смелых воинов союзников практически неуязвимыми в бою. Никто, включая Архимага – и, вероятно, самих поющих Хора – точно не знали, где же заканчиваются границы могущества этой формы магии.

Но как же неправ был бы и тот, кто бы слепо сбросил со счетов Магию Рифмы, совершенствованием которой занимались в стенах Академии! Облаченное в рифму слово способно было менять саму плоть реальности – и по видам этих изменений определялось, к какой специализации относился каждый новоявленный маг.

Были среди них те, кто посвятил себя работе со стихиями – огнем, водой, воздухом и землей – их боевая магия рифмы прожигала, проливала, пробивала бреши во вражеских рядах, ломая их сопротивление суровой природной силой. Были специалисты по установке защит, отражавших вражеские снаряды – и в ряде случаев даже отправлявших их в обратном направлении. Были и лекари, чьи наполненные состраданием и любовью к ближнему слова позволяли поставить на ноги даже безнадежно и смертельно – по меркам простых людей – раненых в бою солдат.

Специализаций у магов Академии было множество – и именно поэтому многие из нашедших и зажегших в себе творческую Искру неопитов легко находили в ее стенах себе занятие по вкусу. Единственное, что по-настоящему запрещалось практиковать ее adeptам – это любое обращенное ко злу волшебство – и, в первую очередь, столь возлюбленную Легионом Магию Смерти, включавшую в себя сглазы, порчи, моры и проклятия.

Теперь, когда передовые отряды Легиона Проклятых уже появились на горизонте, маги-наблюдатели из Академии и обычные разведчики империи Иллюмиона час за часом докладывали об их составе и передвижении. Выведенные адептами легиона в лесах Хоррии оборотни... практиковавшие Магию Смерти чернокнижники... покрывшиеся черной чешуей полулюди-полуящеры, несущие в своих генах родовое проклятие от момента восстания Круга Девяти... двухголовые великаны-мутанты – каких только монстров не выбрасывали время от времени к границам Иллюмиона злосчастные Топи Смерти.

Разведчики насчитали около тридцати тысяч этих существ – а это значило, что против них выступит практически вдвое превосходящая защитников по численности армия. И вся надежда объединенных сил Иллюмиона была направлена на творческую магию их волшебного мира, Оракула, имени которого так никто ни разу и не дерзнул спросить, да на собственную силу духа и волю к победе.

Хор выкатил к площадям Аскензии свои боевые Органы. Маги Академии заканчивали установку над городом защитного купола. Лучники ходили взад и вперед по стенам, проверяя бойницы. Латники патрулировали внутренний периметр города. К концу этого дня орда подойдет к ним.

* * *

– Лук, стрелок, ты опусти, а стрела же – вниз лети! – точно по команде прокричали десятки находящихся в городской башне магов одно из ранее отработанных заклятий по отражению вражеских стрел. И – точно по команде – град выпущенных по крепости стрел упал перед ее стенами. Лишь несколько сеющих смерть наконечников достигли своих целей, поражая лучников у бойниц. Стрела летит несколько секунд – и тут либо ты успеешь произнести заклинание, либо рискуешь стать насмерть наспигованным железом.

– Стихийные маги, не расслабляться, контрудар молниями!

– Ветер-ветер, ты могуч, слышим гром мы среди туч! Молний град врагов побьет, с неба дождик как польет!

Потемневшее в течение нескольких десятков секунд небо, а также сотни сверкающих и бьющих по лезущим на стены крепости города оборотням стали живым ответом на магический призыв.

– С неба бьет по полю град – помирает всякий гад!

Огромные, размером с человека, градины начали превращать передовые отряды великанов в лепешки.

– Солнце шлет всем свой привет! Залп огней! Да будет свет!

Град огненных шаров, вылетающих из магической башни, прокладывал себе дымящийся путь в рядах противника, оставляя после себя лишь горстки пепла.

– Орда насекомых, осторожно!

– Это порча!

– Ветер, смрад ты разметай, насекомых прочь сгоняй!

– Лекарей сюда, живо!

– Защищайте лекарей!

– Где, оглуши их орган, Хор?! Почему они молчат?

– Великаны метают камни, усилить отражающий щит!

– От камней нас щит хранит, да не будет он пробит!

Сверкающий купол щита принял на себя десятки огромных брошенных великанами валунов и, будто спружинив, отразил их обратно.

– Лучники, огонь по команде! Маги, зажигайте стрелы!

– В стрелах лучников – пожар, то был магии наш дар!

Загоревшиеся в полете неугасимым огнем стрелы защитников впивались в тела чернокнижников, прожигая их и вынуждая прекращать сотворение заклинаний.

– Сжигайте вражеские стрелы в полете!

– Гори ясно и сгорай – нас, стрела, не достигай!

– Снова камни, аккуратнее!

– Оборотни прорываются по южной стене! Латников на южную стену!

– Где Хор?!

– Лекарей к северным воротам! У нас большие потери среди лучников!

– Хор нас бросил!

– Враг прорывается по южной стене! Маги, огонь!

– Хор выходит! Смотрите! Слышите?!

Многоголосое мелодичное пение сотен голосов, сопровождаемое громогласными звуками Органов, разлилось над всей Аскензией и ее окрестностями.

Это была песня о раскаянии – о том, как даже в самом злобном и почти погубленном ненавистью сердце может теплиться искорка добра. О том, как величайший из великих магов, создавший Фантазию на заре эпох, милосерден и добр, и как обращение к нему погрязших во тьме душ способно изменить их, возвращая прежний человеческий облик.

В этой песне было нечто от запредельного – и, словно почувствовав это, часть вражеских отрядов замерла в нерешительности и опустила свое оружие. Из изуродованных глаз некоторых из них самовольно полились гнойные слезы. Часть наступавших бросила свое оружие и побежала прочь.

– Маги, это наш шанс! Лучники, зажигаем стрелы! Залп по команде!

Песня лилась и лилась.

Прощение. Что это такое – прощение? Можно ли простить тех, кто добровольно превратил себя в чудовище, кто проклял себя самого?

– Лучники, стоп! Не стреляйте по отступающим!

Они наказали себя сами. Ведали ли они, что сотворили?

– Враг у южной стены отступает! Не преследуем!

Можно ли быть лучше своих собственных врагов? Своих собственных учителей? Своих собственных убийц?

– Они подавлены! Они плачут! Невероятно! Глазам своим не верю! Вы видите это?!

Можно ли даровать им жизнь?

– Враг отступает! Южные стены свободны! Ура! Ура!

Выбор за каждым из нас.

– Враг отступает по всем фронтам! Победа! Победа!

Враг может прийти в наш дом вновь. Но пока он не проник в нас самих – мы непобедимы.

– Победа!

* * *

Лор-Кинор вместе с дюжиной других солдат сидел в таверне Аскензии, отмечая свой новый день рождения. Не в том смысле, что более сорока лет тому назад он родился именно в этот день – а в том, что именно сегодня он родился вновь. Не каждый день приходится сражаться с жуткой ордой проклятых самими собой легионов упырей, а уж выходить из этой битвы живыми – и тому подавно. Тем более, когда при этом еще и удастся послушать такую замечательную живую музыку.

Через день он отправится по следам отступившей орды вновь. Должен же кто-то удостовериться, что она действительно отступила.

– Бро, передай мне кружку эля! – крикнул он своему вчерашнему боевому товарищу.

– За что выпьем сегодня? За Магов – или за Хор? А, может быть, за то, что Костлявая все еще не забрала нас всех в один присест, а? – расхохотался его напарник.

– А может – за наш собственный мир, за Фантазию? Бывает же такая!

– Хах! Она и не такая еще бывает! В Фантазии возможно все!

17.09.2017

*Жанр: Повесть
Категория: Лучшее*

Хроники нашего века

А на экране

Удар – противник согнулся. Разбег – и удар ногой в живот. Противник падает. Хрип из горла. Удар. Удар. Удар.

Он добивал его – добивал лежачего. У соперника – врага! – уже просто не было сил даже чтобы подняться и нанести ответный удар. Он бы обязательно нанес его – если бы, конечно, встал. И поэтому дать ему встать было нельзя, его надо было – добивать. Он так долго гнался за ним, гадом... гнался по половине страны – и, наконец, настиг. Уничтоженная семья, его семья... эта рана так и не могла зажить. Но она заживет... заживет, когда он будет видеть своего врага – врага, на коленях умоляющего о пощаде, которую он не получит. Никогда.

До этого триумфа осталось уже совсем немного. Вот ублюдок уже еле ползет от него прочь, оставляя за собой вязкий кровавый след. Еще совсем чуть-чуть – и будет триумф... его долгожданный триумф! Это, конечно, не вернет его семью – но все же эта сволочь получит то, что заслужила! Его семья уже получила по заслугам – теперь остался только он один...

Снова удар – враг замер на земле. Уже не шевелился. Совсем. Все. Хана тебе, сука!

Финальный удар... Он достал из заднего кармана пистолет. Наставленное на согнувшегося и уже не шевелящегося человека дуло пистолета, злобная усмешка в глазах киллера... Щелчок.

Щелчок кнопки. Отброшенный в сторону пульт телевизора. Надоели! Надоели! Надоели!

Дурацкие боевики! Убийства, кровь и месть, животная злоба и страшнейшая ненависть... И так – почти по всем каналам. Когда они, наконец, прекратят вещать эти помои?! Лишь жалкая тройка каналов, говорящих о культуре, о творчестве, о достойных людских начинаниях и достижениях еще живут – но приучены ли люди их смотреть? Их насильно пичкают помоями и уверяют, что это пища богов, что так и должно быть, что это значительное культурное достижение всех развитых стран. И ведь некоторые даже этому верят...

Надо менять эту систему! СМИ надо серьезно задуматься над тем, что они дают народу и чего лишают. Людям надо задуматься над тем, что они смотрят и что хотели бы смотреть.

Он не останется в стороне. Завтра он поднимет этот вопрос на депутатском собрании. Завтра он и его единомышленники скажут свое слово против насилия, против жестокости – пусть даже пока исключительно экранизированной. Но будут ли они услышаны? Будут ли они услышаны многомиллионной аудиторией, каждым человеком? Он очень надеялся, что будут. Потому что от этого зависит многое – от выбора каждого – и этого выбора в том числе – зависит многое, очень многое.

Первый раз за месяц сел посмотреть телевизор... И – получай, кушай на здоровье. Тьфу! Нет, такой телевизионной «едой» я питаться не стану. Уж лучше поиграю и повеселюсь с ребенком в этот выходной. Да, это хороший и верный выбор, это ценный вклад, а не питание помоями.

– Санек, пошли сыграем в «коней и наездников»!

– Ух ты, папа! Новая игра, да? Классно! Расскажи, расскажи мне скорее!

– Да, сейчас мы сыграем с тобой в «коней и наездников», а потом устроим очередную спортивную пробежку до стадиона и обратно. Идет?

– Конечно, па! Это будет здорово!

– Да. Ну дак, значит, вот. Слушай. Правила игры просты...

26.12.2004

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Болезни нашего века

Настоящим документом подтверждается, что Главное Министерство Здравоохранения совместно с отдельными известными врачами различных стран разработали перечень болезней, характерных для современного им поколения индивидов, называющих себя «Homo Sapiens».

Мы, авторы этого перечня, не претендуем на полноту изложения и характеристики всех недугов, столь характерных для индивидов нашего поколения, однако надеемся, что данная классификация сумеет прояснить и без того непростой вопрос сохранения так называемого «душевного», а вместе с ним и так называемого «физического» здоровья. Отметим, что в силу исключительной условности подобного разделения понятия здоровья мы не сможем классифицировать отдельные недуги как принадлежащие исключительно к первой или второй группе, поскольку все они являются следствием нарушения процессов здоровой жизнедеятельности индивидов (ЗЖИ) как таковой.

Перечень болезней нашего века в совокупности с их краткой характеристикой прилагается.

1. «Злобная»

Общая характеристика. Указанный недуг является, как правило, спонтанно возникающим и краткосрочным по периоду своего действия, хотя в отдельных запущенных случаях он может стать перманентной особенностью личности. Медицинская наука до сих пор не сумела определить достаточно постоянный и определенный перечень причин, вызывающих данную болезнь, хотя определенные наблюдения по ней все же были собраны. Было установлено, что данную болезнь в ее перманентной форме могут вызывать «Гадкий Утенок», «Жертва» и некоторые другие болезни со сходной симптоматикой, однако подобная закономерность по неизвестным науке причинам все же не является постоянной, в связи с чем можно сделать предположения о душе-генетической предрасположенности отдельных индивидов к ней.

Симптомы. Страдающих данным недугом отличает повышенная раздражительность, пессимистичность взглядов на окружающую действительность в независимости от окружающей их объективной реальности, являющаяся следствием спонтанно проявляемой ими ненависти и гнева в отношении других индивид.

Методы лечения. Для лечения данной болезни особенно эффективным оказывается универсальное оздоровительное средство «Доброта». В особо тяжелых формах протекания болезни возможно использование антибиотика «Внушение». Противопоказанным к применению лекарством является вакцина «Унижение».

2. «Ненавистная»

Общая характеристика. Данная болезнь по своей симптоматике сходна с проявлениями болезни «Злобная», в связи с чем некоторыми специалистами она рассматривается как ее обостренная форма. Необходимо отметить, что легкие формы данной болезни могут вызывать наряду со «Злобной» множество других недугов, в том числе недуги «Гадкий Утенок», «Страховая» (преимущественно в форме защитной реакции индивида), «Звездная» и, в особенности, «Господь Бог».

Симптомы. Крайне негативное отношение индивида практически к любым аспектам проявления и функционирования окружающей его действительности. Легкие формы болезни носят спонтанный по своим проявлениям характер, имеющий вид негативной реакции индивида на то или иное жизненное обстоятельство. Тяжелые формы болезни характеризуются перманентно негативным отношением индивида к другим индивидам и прочим аспектам проявления объективной реальности как таковой.

Методы лечения. Единственным достаточно эффективным (особенно в случае легкой формы протекания заболевания) методом лечения оказывается универсальное оздоровительное средство «Доброта», применение которого, однако, может быть недоступно для большинства больных в связи с искусственно завышенными на него ценами, порожденными огромным неконтролируемым спросом при значительно более малом объеме предложения.

3. «Страховая/Боязливая»

Общая характеристика. Согласно последним исследованиям, причиной возникновения данной болезни является недостаточная выработка гормона «Вера в себя» в организме индивида. По своим признакам указанная болезнь является практически точной копией открытой ранее болезни «Боязливая», в связи с чем экспертами в данной области было принято решение считать их одной болезнью. Следует четко отличать формы защитных реакций организма при борьбе с данной болезнью от черт состояния «Герой», хотя они могут быть крайне схожи по формам. Наряду с этим необходимо отметить, что в некоторых ситуациях симптомы проявления данной болезни могут быть сходны по результатам с положительным эффектом действия фермента «Разум», что может значительно затруднять анализ объективного состояния больного.

Симптомы. Симптомами данной болезни является перманентно проявляемый в различных жизненных обстоятельствах страх индивида в случае принятия каких-либо решений, совершения каких-либо действий.

Методы лечения. В связи с невозможностью искусственной выработки гормона «Вера в себя», для лечения данной болезни рекомендуется использование антибиотика «Внушение».

4. «Гадкий Утенок»

Общая характеристика. Данная болезнь наиболее характерна для индивидов в возрасте двенадцати-восемнадцати лет. Особенностью данной болезни является возможность самостоятельного излечения индивида при достижении им определенного уровня своего сознания. Медицинской наукой до сих пор не были установлены точные причины подобного самоизлечения отдельных индивидов, однако имеется предположение, что причинами подобного исцеления являются включившиеся в организме бывшего больного процессы усиленной выработки гормонов «Спокойствие», «Добродушие» и «Вера в себя». За исключением случаев врожденной душе-генетической предрасположенности причинами возникновения данной болезни могут стать:

- Общение индивида с другим индивидом, инфицированным болезнями «Злобная» и «Ненавистная».
- Общение индивида с другим индивидом, инфицированным данной болезнью или болезнью «Жертва».
- Частое применение вакцины «Унижение» со стороны близкого индивиду круга лиц.

Симптомы. Характерной особенностью больных является перманентно пониженный эмоциональный фон, спонтанно проявляемые жалобы и сетования на свою судьбу и сходные особенности душе-эмоционального состояния. В особо длительных и тяжелых случаях протекания болезни возможно совершение непоправимого акта «Самоубийство».

Методы лечения. Для лечения данной болезни крайне эффективным оказывается универсальное оздоровительное средство «Доброта», а также принятие искусственно синтезированного гормона «Спокойствие». Принятие гормонов «Добродушие» и «Вера в себя» в данном случае также крайне желательно, однако не является достижимым в связи с невозможностью их искусственного лабораторного синтеза. Особенно эффективным может стать лечение больного указанными препаратами в лице других близких ему индивидов наряду с применением универсального оздоровительного средства «Доброта». Лечение наиболее эффективно до вступления больного в фазу состояния сознания «Взрослый», после чего эффективность лечения стремительно падает.

5. «Жертва»

Общая характеристика. Данная болезнь является одной из возможных форм развития болезни «Гадкий Утенок». Заболеванию недугом подвержены индивиды всех возрастов, национальностей и вероисповеданий. Настоятельно рекомендуется отличать спорадические обострения данной болезни от симптомов состояния «Герой», характеризующихся готовностью добровольного пожертвования собственным благосостоянием/здоровьем/жизнью во благо других.

Симптомы. Особенностью проявления данной болезни является специфический переход сознания индивида в до сих пор недостаточно исследованное состояние, следствием которого является искажение традиционной картины восприятия объективной реальности. Больные начинают видеть во всех событиях «злой рок судьбы», «козни ненавистников, желающих помешать их великим планам» согласно их собственным способам выражения этого состояния их сознания. Длительное течение болезни приводит к перманентному снижению общего эмоционально фона больного, что в крайних случаях может привести к совершению им непоправимого акта «Самоубийство».

Методы лечения. В связи с недостаточной изученностью состояния сознания, переход в которое осуществляется в ходе развития данной болезни, достаточно эффективных способов ее лечения до сих пор не было разработано. В связи с этим рекомендованным к применению был признан антибиотик «Внушение», а также универсальное оздоровительное средство «Доброта».

6. «Всезнайка»

Общая характеристика. По своим особенностям протекания и симптоматике данная болезнь сходна с болезнью «Звездная».

Симптомы. Характерной особенностью данной болезни является повышенная заносчивость и самомнение индивида, спонтанно или (в случае тяжелых форм) перманентно проявляемые им.

Методы лечения. Наиболее эффективным при лечении оказывается периодическое применение вакцины «Унижение». Необходимо заметить, что дозы принимаемой вакцины должны быть строго согласованы с лечащим врачом, знакомым с общими особенностями внутреннего мира больного, в противном случае болезнь может коренным образом изменить форму и превратиться в болезнь «Гадкий Утенок». Указанная вакцина рекомендуется к применению исключительно индивидами, близкими больному, поскольку в случае попыток ее применения со стороны прочих может наблюдаться активное противодействие этим попыткам со стороны больного, которое может стать причиной возникновения болезни «Злобная».

7. «Звездная»

Общая характеристика. Медицинской наукой было установлено, что в отличие от болезни «Всезнайка» данная болезнь зародилась исключительно в наше время. Характерной особенностью данной болезни является наибольшая подверженность ей индивидов, достигших так называемого «высокого социального положения» и хорошо известных большим группам других индивидов.

Симптомы. Признаками возникающей болезни являются проявляемое индивидуумом пренебрежение к другим, растущие самомнение и агрессивность. Признаками постоянной инфицированности больного указанным недугом является все более растущее самомнение и агрессивность, которые могут быть приняты неопытными врачами за симптомы болезни «Злобная», с постепенным переходом болезни в хроническую стадию «Господь Бог».

Методы лечения. Как и в случае с болезнью «Всезнайка», наиболее плодотворным в борьбе с данным недугом является применение вакцины «Унижение», однако необходимо отметить, что его дозы в данном случае должны быть существенно увеличены. Кроме того, возможно эффективное применение данной вакцины не только со стороны близких индивиду лиц.

8. «Господь Бог»

Общая характеристика. Медицинская наука так и не сумела установить точное время возникновения данной болезни, поскольку признаки ее проявления могут быть найдены в очень далеких теперь от нас веках. Данная болезнь является кульминацией развития по ветке «Всезнайка» – «Звездная» – «Господь Бог», его завершающей стадией. Поскольку недуг является очень тяжелой формой течения болезни «Звездная», то практически не поддается лечению. В связи с этим можно утверждать, что данные больные по своей сути обречены. Необходимо отметить, что данная болезнь коренным образом отличается от так называемой болезни «Герой» не только по своим симптомам, но и по целеполагающей деятельности индивида.

Симптомы. Симптомами данной болезни являются предельно разросшееся самомнение с полным пренебрежением к здоровью и жизни других индивидов, перманентно проявляемая «мания величия», стремление заставить жизнь идти исключительно угодным больному индивиду путем (что, как доказала современная наука, является не только невыполнимой, но и абсолютно ненужной задачей). Больные не проявляют каких-либо сомнений в отношении правильности своей позиции, не испытывают жалости при использовании/уничтожении других во благо им одним видимых целей, в связи с этим всегда являющихся недостижимыми.

Методы лечения. В большинстве случаев указанная болезнь лечению не подлежит. Косвенным, хотя и малоэффективным в вопросе исцеления личности больного средством борьбы с болезнью и ее социальными последствиями можно считать только заключение больных в дома для умалишенных на ранних стадиях течения заболевания.

9. «Ностальгическая»

Общая характеристика. Данная болезнь была известна человечеству с глубокой древности, ей подвержены практически исключительно индивиды «пожилого» возраста. Возможно, именно эта болезнь входит в том числе в так называемую «проблему отцов и детей».

Симптомы. Признаками проявления болезни являются превознесение идеалов/идей/взглядов/образа жизни поколения, к которому принадлежит больной, в сравнении с более молодым и современным ему. Крайними формами проявления болезни следует считать презрение к более молодому современному для больного поколению в совокупности с желанием «вернуть старое» – что, как доказала современная физическая наука, невозможно в связи с особенностями функционирования временного континуума.

Методы лечения. Единственно эффективными средствами лечения следует признать применение универсальных оздоровительных средств «Доброта», «Забота» и «Поддержка».

10. «Фанатическая»

Общая характеристика. Наряду с болезнью «Ностальгическая» данный недуг известен человечеству с глубокой древности, однако был классифицирован как болезнь лишь недавно. В связи с особенностями своего проявления данная болезнь встречается практически всегда в связке с болезнями ветки «Всезнайка» – «Звездная» – «Господь Бог». Наиболее часто данная болезнь встречается в среде религиозных деятелей всех видов верований и вероисповеданий.

Симптомы. Симптомы проявления данной болезни сходны с симптомами проявления болезней ветки «Всезнайка» – «Звездная» – «Господь Бог».

Методы лечения. Единственным средством, имеющим возможность ослабить течение болезни, является антибиотик «Внушение».

11. «Идиот»

Общая характеристика. Данная болезнь является финальной точкой, к которой может привести развитие всех указанных выше болезней.

Симптомы. Низкие/предельно низкие/отсутствующие возможности сколь угодно адекватной деятельности и здорового мышления.

Методы лечения. Современная наука не знает методов борьбы с данной болезнью. Мы, как мировые врачи, можем рекомендовать всем больным не доводить себя до подобной критической формы течения собственных недугов.

12. «Герой»

Общая характеристика. Представители медицинской науки до сих пор не пришли к однозначному выводу по поводу того, следует ли считать описываемую ниже симптоматику как болезнь, или же она является не болезнью, но особым, до сих пор крайне слабо изученным состоянием человеческого сознания, которым обладали единицы из всех прошедших за всю человеческую историю по земле людей.

Симптомы. Симптомами данного состояния являются всепоглощающее чувство любви индивида по отношению ко всему окружающему его миру, стремление уменьшить страдание других, оказать им бескорыстную помощь и всяческую поддержку. Удивительно, что данное стремление не основано на достижении каких-либо собственных целей, как это может быть в случае с болезнью «Господь Бог». Для организма индивида в данном состоянии характерна постоянная крайне высокая выработка гормонов «Спокойствие», «Добродушие» и «Вера в себя». Обязательным условием возникновения данного состояния является присутствие в организме индивида фермента «Радость». Случаи заражения индивидов, находящихся в данном состоянии, какими-либо болезнями из обозначенного перечня медицинской науке не известны.

Методы лечения. Мы как представители единой медицинской науки затрудняемся дать какие-либо комментарии по вопросу излечения данной болезни и возможности классификации данного состояния как болезни как таковой.

10.09.2005

Жанр: Статья

Категория: Признанное

В преддверии Нового Века

Удивляющая трагикомедия

В.В.П.: – Здравствуйте, здравствуйте, глубокоуважаемые телепаятели! Доброго времени шуток... пардон, суток! С вами снова я, телеведущий программы «Раша Ньюс», Владимир Владимирович Пупкин. Тема нашей очередной телепередачи будет, можно прямо-таки сказать, предапокалиптического толка. Но – обо всем по порядку! Ах, да, пока я все еще это не забыл, хочу также добавить, что со мной сегодня в студии присутствует телесно и душевно исследователь человеческих душ Федор. Здравствуйте, Федор!

Федор: – Здрям!

В.В.П.: – Федор, ну вы прям... сразу всем им «здрям».

Федор: – То времена и нравы... хотя, мой друг, вы правы – не время нынче нам к ним обращаться «здрям!»

В.В.П.: – Да вы, однако же, поэт! Не видел мир вас двести лет!

Федор: – Примерно так... но как же быть? В ином пришлось мне мире жить.

В.В.П.: – Ну да, пожалуй... Ладно, стоп! Вы передачу нашу в топ иначе втиснете за день – а мне стихами вещать лень!

Федор: – А мне теперь забавно то... вещать им будем мы про что?

В.В.П.: – Картину будем мы смотреть, проснулся русский как медведь, распался как заморский враг, как утонул британский флаг, евреи как все стены плача арабам отдали без сдачи, ЕС втянулся как к России, прибалты сколь б не голосили, как N исполнились пророчеств, остались храмы как без зодчих, политик как пошел вразнос и ест один теперь овес, и, наконец, как Нова Эра вступает в гости к нам всем смело!

Федор: – Однако, друг, поэт вы тоже! Вам прохлаждаться здесь негоже!

В.В.П.: – Такие лавры мне достались... А вы где раньше прохлаждались?

Федор: – Я прохладился уж зимой, когда все шел к душе домой.

В.В.П.: – Зимой души? А где же лето?

Федор: – Слегка задержано все ж где-то. Надеюсь, что оно придет, и солнце Бога в мир войдет.

В.В.П.: – Чтоб осветить полночный путь? Творится ж в мире этом жуть!

Федор: – Не бойтесь, друг, та жуть пройдет – шакал завоюет и помрет!

В.В.П.: – Они уж воют, слышишь, там? Уж воздается по делам.

Федор: – Такой вот век, такое время... Все человеческое племя уж начинает понимать, что значит душу предавать.

В.В.П.: – Об этом будет наш сюжет! Пройдет еще немного лет, и мир проснется ото сна, чтоб всплыть, подлодка точь, со дна.

Федор: – Как предсказание готично... Но то прелестно и отлично! Отмыть бы мир от грязи сей. Работай, карма, поскорей!

В.В.П.: – О том всю речь вели мы впредь. Ну что, начнем уже смотреть?

Федор: – Ну что ж, Владимир, как хотите! Начнем смотреть уже, кажите!

В.В.П.: – Все ж время чудное грядет, сюжет кто смотрит – да поймет!

Федор: – Оно бывает раз лишь в мире... Сюжет смотрящий, мысли шире!

Камера в телестудии движется куда-то вбок и вверх, отображая сперва окрестности какого-то города с высоты птичьего полета, а затем резко ныряет вниз, и перед телезрителями раскрываются панорамы различных городских улочек. Улочки быстро сменяют одна другую, камера резко ныряет туда-сюда за повороты, двигаясь на уровне третьего-четвертого этажей зданий. Как ни странно, все улочки пустые – не видно ни души. Куда-то пропала вся традиционная людская суета, испарились все толпы, и абсолютно замолк столь традиционный для мегаполисов гам. По краям улиц в достаточно хаотическом порядке припаркованы машины – некоторые из них, кажется, даже брошены – их двери раскрыты настежь, однако никто не стремится завладеть чужим транспортным средством. Городская система освещения и светофоры по-прежнему работают, но никакого движения не наблюдается. Город как будто в одночасье вымер – окончательно и бесповоротно.

Федор: – Вот это да! То что ж за дело? Недавно пташка еще пела – а ныне спрятались как будто... Я полагаю, это утро?

В.В.П.: – Сие, конечно же, Нью-Йорк! Напоминает, впрочем, морг... Ушли все с улиц эти люди... о, нет, они не в Голливуде!

Федор: – А кто, позвольте, все снимал?

В.В.П.: – То оператор наш летал!

Федор: – Вот это да! Сие возможно?

В.В.П.: – Сия возможность непреложна!

Федор: – Способны люди так летать, подобно птицам небо знать?

В.В.П.: – Летает парочка теперь – не тесно в небе, уж поверь.

Федор: – Понятно, хм... А где же люди, раз мы уж все не в Голливуде?

В.В.П.: – Как тараканы все в домах – обуревают их ведь страх! Они почуяли как будто, что в мир нисходит вечно утро...

Федор: – Как тараканы при свете огня прочь разбегаются, ноги сломя? Делают что же все прямо сейчас?

В.В.П.: – Молятся дружно они в этот час. Просят простить все их прошлы грехи – чувят, от Рая что все ж далеки. Знают, видать, ожидает что многих – просят простить всех их грешных, убогих...

Федор: – В Бога как будто поверили все же? То на людей как-то, вот, непохоже...

В.В.П.: – Федор, вы вспомните, кто их снимал!

Федор: – Ваш оператор по граду летал?

В.В.П.: – Типа того, Федор, типа того... В камеру видите рожу его?

Внезапно перед телезрителями появляется изображение улыбающейся румяной рожки оператора. Рожка высовывает язык и, кажется, дразнит телезрителей. Затем в камере крупным планом появляется рука, которая приветливо всем машет.

В.В.П.: – То оператор наш Иван – он облетал уж много стран!

Федор: – С небес к ним птица та спустилась... А самолеты?

В.В.П.: – Прекратилось!

Федор: – Они что, сбить его боятся?

В.В.П.: – От изумленья все стыдятся!

Федор: – Все то, учил что в институте... законы физики...

В.В.П.: – Забудьте! Уж новый мир встречает нас, Господь услышал ведь наш глас...

Федор: – Можно нам глянуть, где физики наши? Дружно толкуются у грязной парашаи?

В.В.П.: – Иван, кажите институт! Они все в стенах его тут.

Камера внезапно дергается, резко плывет куда-то вниз, вверх, снова вниз и вверх, все набирая скорость, а затем в последний раз ныряет вниз и влетает в открытые двери какого-то здания, пару раз ныряет по коридорам, а затем застывает в неподвижности. Перед телезрителями раскрывается огромный зал, заполненный людьми в белых халатах и очках. Стоящие у стен люди дружно, как будто по команде, с периодичностью раз в несколько секунд ударяются лбами о стены зала, что сопровождается глухим звуком, немного напоминающим «бом!». Тем, кому повезло меньше и не досталось стен, стоят на коленях посреди зала и с не меньшим упорством прикладывают лбами к каменному полу с примерно схожей периодичностью. Зрелище удручает и завораживает одновременно.

Федор: – То непотребство прекратить, ведь могут все ж себя убить!

В.В.П.: – У них депрессия, видать. Но что с неверующих нам взять?

Федор: – Умы их все же пригодятся. Надеюсь, муки прекратятся.

В.В.П.: – Себя познать все ж не стремятся... их ум врагом им может стать.

Федор: – То сделать можно лишь душой, а не их умственной лапшой!

В.В.П.: – Поймут, надеюсь, скоро то. Посмотрим дальше мы про что?

Федор: – Священник где у нас теперь, козь Божий Сын стучит в их дверь?

В.В.П.: – Иван, про то давайте глянем, идут как овцы к Богу сами!

Камера вновь меняет ракурс, вылетает из здания института, петляя узкими и извилистыми коридорами, взмывает в небеса и несется в белесых облаках, периодически как будто глядя на солнце удовольствия ради. Затем резко пикирует вниз, едва не врезавшись в украшающий верхушку здания крест, и влетает в открытые ворота какого-то большого храма. Перед зрителями раскрывается достаточно интригующая картина: единственный оставшийся в храме священник делает, кажется, что-то невообразимое. Он то периодически берет в ладони пригоршни «святой» воды и «пробует» ее на язык, стремительно морщась и что-то невнятно шепча себе под нос, то снимает висящий на шее крест и ударяет им себя по лбу, прикрикивая «Аминь» для лучшего эффекта, то подходит к произвольной иконе и начинает «строить ей глазки», то садится на пол в позе лотоса и начинает выбивать чечетку на обвешивающих его тело крестах, ожерельях и прочей бижутерии, то с воплями «Сгинь, кому говорю!» начинает носиться по залу, грозясь кому-то невидимому позолоченным крестом. Зрелище пугает, интригует и завораживает одновременно.

Федор: – Он не сошел ли там с ума?

В.В.П.: – То ритуальная чума!

Федор: – Все ритуалы перепутал, как будто бес его попутал?

В.В.П.: – Давно уж их попутал бес, исчез для них весь мир чудес, и даже глупый ритуал сегодня весь он переврал!

Федор: – Не будет козь у них овец, то жлобству вмиг придет конец?

В.В.П.: – С себя пусть шерстку постригут и злато сбросят, может, тут.

Федор: – Тельцу они все послужили, попиrowали и пожили – а чем платить придется им?

В.В.П.: – Мы это в тайне сохраним!

Федор: – Ну, хорошо, а что теперь? Пойдем к политику мы в дверь?

В.В.П.: – Мой друг, зачем в нее ходить – овес чтоб жрать, да водку пить?

Федор: – Овес и водка? Вот так дело! Братва вся на диету села?

В.В.П.: – Давно, мой друг, давно уже! Они и яйца Фаберже отдали гражданам уж в руки, скрипя зубами: «Ешьте, суки!»

Федор: – Вот ведь – и правда! Сие чудеса!

В.В.П.: – Здравствуй, политик! Отведай овса!

Федор: – Сточили зубки то свои, боясь увидеть миг зари? Иль озаренье снизошло, своих делищ познали зло?

В.В.П.: – Они увидели Ивана, когда пикировал он рьяно! Да и к тому же в своих снах могилки видели и прах. Им показали, что их ждет, теперь то знают наперед.

Федор: – Скупой тот рыцарь побелел, раздал все золото, в лужу сел?

В.В.П.: – Примерно так, примерно так... Политик наш ведь впрямь чудак. Уйдет со сцены скоро он – пора на сон, на вечный сон.

Федор: – А коль раздаст свое все золото?

В.В.П.: – Душа дарить должна быть рада! А он к себе все в нору греб и заработал только гроб.

Федор: – Подарит, может, что-то где-то... Дарить – хорошая примета!

В.В.П.: – Примета всяка хороша, коли чиста твоя душа.

Федор: – Овес не будем с ними есть – невелика та, право, честь. Давайте глянem под конец на медицинский мы венец! Тела спасали лишь они – что стало с ними в наши дни?

В.В.П.: – Иван, скажите нам сюжет, небесный вы апологет!

Камера вновь меняет ракурс, отворачиваясь от беснующегося священника, вопящего «Лети, лети отседова, нечистый!», вылетает в раскрытые храмовые врата и устремляется к небесам. Некоторое время зритель может наблюдать сменяющие друг друга далеко внизу пейзажи, начиная от лесных массивов и заканчивая бесконечными, казалось бы, дорогами, уводящими неведомо куда и, главное, неведомо зачем, а затем начинается традиционное резкое пикирование, а перед зрителями раскрывается картина загородной свалки. Огромной, знаете ли, свалки – можно даже сказать, картина всеобщего свалища. Отчетливо видно, как к свалке выстроилась целая колонна машин, соревнующихся друг с другом в праве опорожниться как можно быстрее. При «облегчении» очередного мусоровоза становится отчетливо видно, как из его кузова выкатываются и сваливаются в итак уже изрядно большие кучи какие-то таблетки всех форм и расцветок, какие-то пакетики с порошками, какие-то, наконец, баночки и колбочки с всевозможными микстурами и настоечками. Все это лекарственное барахло дружно стекает вниз с вершины кучи, на которую происходит выгрузка, звеня и как будто цокая невидимыми копытцами. Картину довершают шествующие тут и там пешком огнеосцы с факелами, которые настойчиво и методично стараются отправить все это выгруженное барахло на съедение огню.

Федор: – Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

В.В.П.: – Глянь-ка в небо – Ваньки летят, и пробирочки звенят!

Федор: – Как приятно вспомнить детство, годы духа малолетства, и узреть сейчас уж вновь к сим лекарствам всю «любовь»!

В.В.П.: – Друг друга лечат люди наши, и медицинской им параша не нужно более уже, почти яиц как Фаберже!

Федор: – Яиц знатна, конечно, тема... но в медицине перемена, гляжу, однако же, видна – и даже, право, не одна!

В.В.П.: – Способна вера исцелять! Ошибки только лишь понять свои обязан каждый был – и в вере Бог их исцелил. Теперь и любят, и поют – иную жизнь совсем живут!

Федор: – Как рад за них, однако, я! Любима тема то моя... Как и они, я вновь в дороге и счастлив думать я о Боге.

В.В.П.: – Мы знаем, Федор, с вами это – была больна сия планета, но исцеляться начала... Та перемена не мала. Век обновленья все ж грядет...

Федор: – ...Но кто ж его переживет?

* * *

В.В.П.: – Колитесь, Федор, как дела?

Федор: – Нас снова, вот, судьба свела!

В.В.П.: – Ага, я вижу... это клево! Смотреть сюжеты будем снова?

Федор: – Да можно просто поболтать, что происходит – рассказать!

В.В.П.: – Весна идет, там что-то тает...

Федор: – А дух мой снова уж летает!

В.В.П.: – Как высота? И скорость как? И видишь ль неба личный знак?

Федор: – Как высота, увы, не знаю. Но скорость, вроде, набираю...

В.В.П.: – Я рад за то, мой друг-поэт, что с вами снова тет-а-тет!

Федор: – Да ладно вам, не стоит льстить... Нам нужно спящих пробудить.

В.В.П.: – Вещать решили вновь стихами, маша все крыльями-руками?

Федор: – Такой вот век, такое дело... Нам Муза в прошлом не допела, мы с каждой песней больше знаем – и сказ наш вновь мы продолжаем!

В.В.П.: – Мы для того как раз вдвоем. Ну что, потоп для них прольем?

Федор: – Потоп грядет святого рода... Катарсис это и свобода!

В.В.П.: – Смотри за речью, зритель-друг. Жизнь совершает новый круг!

Федор: – Но на иной уже ступени. И от огня там пляшут тени...

В.В.П.: – Но без огня лишь был бы мрак.

Федор: – Дается братьям нашим знак. Река времен течет весной и всех тревожит их покой.

В.В.П.: – Куется вечности дорога. А сколько их?

Федор: – Довольно много!

В.В.П.: – Могло быть больше ведь, наверное?

Федор: – Могло быть больше, это верно...

В.В.П.: – Сражаться будем тем, что есть.

Федор: – И да прольется в мир сей весть!

В.В.П.: – Давай же, камера, живи! Иван небесный наш, лети!

Федор: – Иван уходит вот на взлет как истребитель-самолет...

В.В.П.: – Он истребитель суеверий!

Федор: – Вот только нет на нем все ж перьев.

В.В.П.: – Ага, увы, и крыльев нет – но все ж небес апологет.

Федор: – Получит крылья в Тонком Мире и искупается в эфире?

В.В.П.: – Пусть стать как Ангел все же сложно, но у Творца ведь все возможно!

Федор: – Для недостойных крыльев нет?

В.В.П.: – Иван, кажите нам сюжет!

Камера вместе с Иваном (или все же Иван вместе с камерой?) устремляется прочь из съемочной студии, длительное время петляет по коридорам, на ходу уклоняясь от спящих тут и там сотрудников, которые при виде камеры (или все же Ивана?) весьма недвусмысленно улыбаются и уступают дорогу, а затем, наконец, пролетает в раскрытую дверь на открытый и чистый воздух. Отчетливо видно, как камера разворачивается полукругом, набирает скорость и начинает петлять улицами столицы, поднявшись на уровень третьего-четвертого этажей домов, дабы уклониться от побочных эффектов возможных столкновений с еще менее двусмысленно улыбающимися ниже ходящими прохожими. Спустя какие-нибудь три минуты перед зрителями раскрывается вид недавно отстроенного торгового центра и камера, аккуратно вписавшись в образовавшийся при раскрытии входных дверей проем, наконец-то как будто в нерешительности застывает на месте.

Перед зрителями раскрывается картина поистине эпического масштаба: весь зал, насколько хватает взору, заполнен галдящими и спящими туда-сюда людьми, на спинах которых закреплены пары крыльев белого, черного, розового, зеленого, оранжевого, серо-буро-малинового-в-крапинку цветов. Многие девушки кокетливо примеряют на себя очередные крылышки, грациозно красуясь перед зеркалами. Как будто в отместку некоторые юноши пытаются их за эти самые новообретенные крылья пощипать. Тут и там слышны возгласы в духе: «А как мне вот эти беленькие?», «А розовенькие я подарю подружке!», «В них ты больше похож на черта!», «Приветствую тебя, Эмо-Ангел!», «Дайте два!» и все в том же духе. Картина интригует и завораживает.

Федор: – Что они там вытворяют?

В.В.П.: – Крылья Ангелов скупают!

Федор: – Им хотят подобны быть, в небеса все воспарить?

В.В.П.: – Почти каждый то желал, рядом коль Иван летал!

Федор: – А что кричат они там все?

В.В.П.: – Да в основном лишь «дайте две!»

Федор: – И черны крылья тоже есть?!

В.В.П.: – Для тех, чей дух не принял весть.

Федор: – И даже розовые есть...

В.В.П.: – Носить такие – это честь!

Федор: – Вы юморист, смотрю, однако! А это?

В.В.П.: – С крыльями собака!

Федор: – И даже с крыльями стал конь?!

В.В.П.: – Рукой Пегаса ты не тронь!

Федор: – Да как ж я трону сквозь стекло?

В.В.П.: – Да я шучу вот так незло...

Федор: – А все ж Ивану повезло.

В.В.П.: – Иван теперь наш раритет, пусть нету крыл – не знает бед!

Федор: – Я за него ужасно рад! То первый шаг в Эдемский Сад.

В.В.П.: – Вселенной начат в Сад поход, и Божий Суд для всех грядет.

Федор: – В тот сад пропустят, да, не всех.

В.В.П.: – Американский вот морпех тому, похоже, не внимает...

Федор: – Как США, да, поживает?

В.В.П.: – Иван, кажи нам континент – то поучительный момент!

Как будто на деле обретя вторые, пусть и искусственные, крылья, Иван в совокупности с камерой и огромной охотой покидает битком набитый павильон с не-совсем-чтобы-Ангелами и резко взмывает под облака. На краткий миг камера оказывается ослеплена лучами восходящего солнца, а затем зрители на какое-то время могут созерцать нежные кучерявые облачка-барашки и пролетающие мимо стаи голубей. Затем совершенно неожиданно камера ныряет вниз, разрезая облака и спугнув очередную стайку ни в чем не повинных птиц, и перед телезрителями раскрывается удручающая в своей однотонности картина.

Куда ни глянь – повсюду сверху видны полуразрушенные и практически обезлюдившие города с покосившимися домами и выбитыми стеклами, по улицам которых гуляет ветер и катает неведомо откуда принесенные перекати-поле и прочие не вынутые из огня каштаны. Временами по одной из улиц стремглав проскакивает какая-либо фигура, отдаленно напоминающая человеческую, которая, однако, своими повадками и внешним видом больше напоминает неандертальцев. Порой же до зрителей доносятся тихие матюки небесного оператора Ивана и советы поскорее убираться из «этого могильника вояющих макак». Открывшаяся телезрителям картина действительно отчасти напоминает кладбище, в котором оставшиеся в живых либо еще не успели навести порядок, либо уже абсолютно неспособны это сделать самостоятельно. Создается ощущение, будто этот континент недавно посетила либо крупная природная катастрофа, либо не менее разрушительный по своим последствиям социальный теракт. Картина удручает и оставляет крайне тягостное впечатление на душе.

Федор: – Это что за обезьянки?

В.В.П.: – Сэр, позвольте, это янки!

Федор: – Лица их покрыты страхом?

В.В.П.: – Падать будут с жутким крахом!

Федор: – Шерстью многие покрыты, в войнах были подубиты?

В.В.П.: – Гласу Бога кто не внял, сам себя тот покарал.

Федор: – Янки, пред Богом вы лучше покайтесь...

В.В.П.: – Прочь с континента скорей разбегайтесь!

Федор: – Какой же жалкий то конец! Теперь там форменный звиздец!

В.В.П.: – Довел их всех капитализм, демократический фашизм.

Федор: – Все расплзается по швам... Там много княжеств ныне там?

В.В.П.: – Почти их столько, сколько штатов... а с Уолл-Стрит волна всех гадов, смотри-ка, за море ползет!

Федор: – Гад от Закона не уйдет!

В.В.П.: – Конечно, Божий мудр Закон – ведь справедливость, карма он.

Федор: – Будут пытаться за море коль плыть, их самолеты все могут свалить?

В.В.П.: – Судна тонуть могут тоже начать... им не придется отныне скучать.

Федор: – Ну вот, что с янками то стало...

В.В.П.: – Природа дерзко покарала! Цунами и смерчи отныне там бродят и чем поживиться уже не находят.

Федор: – То поучительно столь как... Всяк злобный сам себе стал враг.

В.В.П.: – О том давно уж всем известно. А назидание – полезно.

Федор: – Уроком миру видно стали, Закон небес коль столь попрали...

В.В.П.: – За то ответственность нести сему народу в их пути.

Федор: – А как живет их брат-еврей?

В.В.П.: – Иван, кажите нам скорей!

В которой раз грустно вздохнув прямо в камеру, Иван с облегчением воспаряет под небеса и, руководствуясь одному ему ведомыми ориентирами, летит напрямик по направлению к священному граду, из-за святости которого было пролито так много человеческой и, видимо, не святой крови. При полете, однако, оказывается, что небо над Иерусалимом плотно покрыто черно-серыми тучами, тут и там сверкают молнии, озаряя темный небосвод, и уже начал капать крупный дождь. В камере вновь раздается толи беззлбная ругань, толи едкий смешок Ивана, и она, камера, начинает покрываться самыми что ни на есть живыми и мокрыми каплями влаги. Затем, однако, перед телезрителями мелькает рука оператора, которая во всей своей необъятной моще с легкостью протирает камеру самой собой и недвусмысленно выставляет всем на обозрение большой палец, поднятый вертикально вверх. Проходит еще секунд пять, и перед взирающими в экраны своих телевизоров открывается шокирующий неподготовленного созерцателя вид: отчетливо видно, как огромные массы людей собрались перед столь плачевно знаменитой Стеной Плача и в каком-то пьяном угаре, больше, впрочем, напоминающем иступленное отчаяние, бьются головами об эту самую плачевную стену. Бьются, впрочем, не очень сильно, поскольку ни у одного из них, насколько хватает взгляду, не видно и следов от сильного удара лбом. Глухие звуки «бом!» в сопутствии с высокими вскриками «Ай!», «Ой!» и даже «Эх раз, да еще раз!» наполняют пространство. Картина напоминает попытку всеобщего народного прилюдного раскаяния не самым оригинальным для этого способом. Бьющиеся о мостовую капли влаги довершают плачевную картину плача.

В.В.П.: – Взгляните, друг, на стену плача – не видел мир такого срача!

Федор: – Вот это да! Башкой об стену?! В евреях вижу перемену!

В.В.П.: – Все в иступлении уж бьются, и крокодильи слезы льются...

Федор: – Огонь небесный пал на град, наш друг-еврей тому не рад?

В.В.П.: – Считал все деньги, но до срока... Приходит время для урока.

Федор: – Тельцу где служат люди ярко, там может стать ужасно жарко?

В.В.П.: – Тех солнце может сильно жечь, чья злоречива в жизни речь.

Федор: – Решат стихии, жечь кого. А как чиновник наш?

В.В.П.: – Того!

Федор: – Того иль этого? Не понял!

В.В.П.: – Кто воровал страсть много – помер.

Федор: – А кто немного воровал?

В.В.П.: – Закон им тоже всем воздал.

Федор: – Увидеть в красках можно это?

В.В.П.: – Вопрос оставлю без ответа.

Федор: – Ты так ответил односложно...

В.В.П.: – Конечно, глянуть это можно!

Камера вновь взмывает вверх, вылетая из пространства черных туч, и устремляется по направлению к Москве. Через непродолжительное время бывший еще совсем недавно черным небосклон внезапно озаряется солнечным сиянием, блики от света которого начинают играть тут и там на объективе одним им ведомые аккорды. Через совсем уже непродолжительное время перед телезрителями в реальном времени выплывает изображение собора Василия Блаженного, а с высоты птичьего полета раскрывается панорама Красной Площади. Отчетливо видно, как по вышеназванной площади под военным конвоем шествуют чиновники государства, злобно озираясь на отнюдь нелояльных к ним военных и улыбающийся и празднующий народ. Со стороны указанных лиц слышатся маты, нецензурная ругань и обещания «восстановить справедливость» – о какого рода справедливости идет речь, впрочем, не уточняется. Конвоиры периодически подпинают их ногами, помогая забраться в подготовленные бронированные и зарешеченные фургоны под ободрительные возгласы стоящих поодаль людей. На лицах уходящих по этапу воров государства российского видна совершенно неподдельная смесь страха, удивления, тоски и разочарования. По всему видно, что они все-таки не ожидали именно такого финала.

Федор: – Смотрю, бегут теперь все вон, разрушен сытости был сон?

В.В.П.: – Чиновник с гор со всех упал... Весна покажет, кто где срал!

Федор: – А это что? Вот это да! В Сибирь уходят поезда?

В.В.П.: – Состав уходит из Кремля, кричат те воры только "бля!".

Федор: – Я не сниму пред теми шляпу, в Сибирь кто едет по этапу.

В.В.П.: – Народ в Сибирь воров сослал, своею шапкой закидал!

Федор: – Что, шах и мат? Давно пора! К концу подходит их игра...

В.В.П.: – Второй состав ты видишь там?

Федор: – Тем либералам стыд и срам!

В.В.П.: – Друг друга хая все смертельно, в составах едут параллельно...

Федор: – И дразнят как друг друга, глянь! Ну что за мерзость, что за дрянь?!

В.В.П.: – Им вместе там не скучно будет, состав в Сибирь когда пребудет.

Федор: – Охотно верю в это я! Пусть пухом станет им земля!

В.В.П.: – Народ когда-то вот, ссылали, но их самих туда послали!

Федор: – Бежит, бежит, трусливый вор! Эх, где же прошлый мой топор?!

В.В.П.: – Ну вот, опять за топоры!

Федор: – То элемент, мой друг, игры. Топорик знатный раньше был, но мой герой его зарыл и шпагу слова ныне взял...

В.В.П.: – А после в мир пришел аврал!

Федор: – Страна воспрянет ото сна, приходит снова в мир весна!

В.В.П.: – И уползает зверь в берлогу...

Федор: – Весна идет, весне дорогу!

В.В.П.: – Бояться света тараканы, во тьме лишь ставили капканы...

Федор: – Россия, вижу, вся в надежде. Англо-саксонцы как?

В.В.П.: – В одежде!

Федор: – Они что, голы раньше были?

В.В.П.: – Уж акваланги нацепили!

Федор: – Давно на нас тая обиду, уплыть решили в Атлантиду?

В.В.П.: – У них нет дома своего. Немного Англия... того.

Федор: – Империя рухнула – и вот им спать то горе не дает?

В.В.П.: – В угли войны коль страстно дули – воды, вот, сами отхлебнули.

Федор: – Вот это да! Они «буль-буль», коль повернули к бездне руль?

В.В.П.: – Стихия им дала ответ, и Атлантида шлет привет.

Федор: – В тумане что за свет стоит?

В.В.П.: – Огонь Шотландии горит!

Федор: – Вот это да! Сыны то гор!

В.В.П.: – И скачет мир во весь опор...

Федор: – Глупец считал, что это вздор.

В.В.П.: – Видны иные измененья, мудреет быстро поколение!

Федор: – Хотел бы глянуть я на то, вы намекаете про что.

Кремлевская площадь начинает резко удаляться, все уменьшаясь и уменьшаясь, оставляя чувство гордости в душе за российский народ, камера начинает петлять по улицам и внезапно останавливается перед какой-то крупной столичной библиотекой, перед воротами которой полыхает самый что ни на есть настоящий пожар!

Рамки его и границы, впрочем, успешно контролируются проходящими тут и там процессиями с факелами, которые помогают гореть сваленной в кучу бумажной макулатуре и контролируют, дабы пепел ее ветхих знаний не разносился дующим ветром слишком далеко по миру. На лицах участников процессии можно заметить удивительную смесь скорби и внутренней радости одновременно. Периодически тут и там раздаются боевые кличи в духе «Гори-гори ясно, чтобы не погасло!». Действо интригует, шокирует и завораживает.

Федор: – Что за поля там полыхают?

В.В.П.: – То ложны «знания» сжигают!

Федор: – Чтоб мудрость вечную просечь, собрать бы книги те и сжечь?

В.В.П.: – Все ветхо знание есть прах, пред жизнью лишь внушает страх.

Федор: – А радость жизни нам дает как у Ивана духа взлет!

В.В.П.: – Давно пора летать всем нам. В машинах ездить – что за срам?

Федор: – Машины все ж нужны пока, их переделать бы слегка.

В.В.П.: – Иное топливо готово, ведь нефть – грязнейшая основа.

Федор: – Земля пускай уж отдохнет. Открытий новых ждет черед.

В.В.П.: – Да, не грозит открытиям скука, коль есть духовность плюс наука.

Федор: – А коль лишь смесь ума-апломба, то в мир приходит только бомба.

В.В.П.: – Не строят люди больше бомб, себе не роют катакомб.

Федор: – А с тем, что есть, как поступают?

В.В.П.: – Все потихоньку разбирают!

Федор: – В каком же плане? Снова в бой?!

В.В.П.: – Да нет же, друг, к душе домой!

Федор: – Я испугался было, право. За то, конечно, всем им слава!

В.В.П.: – Да, столь свободного металла планета наша все ж не знала!

Федор: – Куда девать его – не знают, коль скоро пушки расплавляют?

В.В.П.: – Металлов много накопили, но не туда же применяли.

Федор: – Теперь пора на дело тратить, на войны тратить средства хватит. А деньги как?

В.В.П.: – А денег нет!

Федор: – Откройте мне о том секрет!

По всему видно, что небесный апологет Иван очень неохотно прощается с созерцанием горящих полей ветхих книг, столь завораживающих взор неподготовленного зрителя, но, тем не менее, любопытство вкупе с чувством долга наконец-таки берут свое, и он, прощально махнув рукой всей факельной процессии и крикнув им что-то в духе «Hasta la vista!», наконец, в который уже раз за сегодняшний день уходит птицей в небеса. Какое-то время он продолжает привычно петлять по улицам города на уровне третьего-четвертого этажей зданий, а затем с галопом, если, конечно, такой термин применим и к подобному рода способу передвижения, влетает в открывшиеся дверцы валютной биржи. С ходу становится видно, что некогда полнившая сие заведение неразумия бессмысленная суета сует канула в лету, поскольку основными жителями сего заведения стали преимущественно только крысы, тут и там ползающие по паркетам, да слоняющиеся с тоскливыми выражениями лица люди сомнительной степени разумности, периодически и хаотически раздражающиеся воплями наподобие «Голубые фишки, голубые фишки – это не излишки, это для сберкнижки!», «Отдам за пять, возьму за три, и лишних слов не говори!», «Быки и медведи нам всем не соседи... давайте подальше отсюда уедем!». Подобный хаос дополняют тут и там разбросанные пачки купюр самых разных форм и расцветок, на некоторых из которых уже успели отметиться вышеупомянутые крысы. В целом картина создает ощущение дурдома, из которого все врачи и подавляющее большинство пациентов, а остались только самые упорные из вторых.

Федор: – Занятно, право... поделом! Валюты биржа точь дурдом!

В.В.П.: – Живут на них сплошь паразиты. Но вот теперь их карты биты.

Федор: – О том им пелось так давно, но все равно плывут на дно...

В.В.П.: – Смотреть на них не будем более – то выбор их свободной воли.

Федор: – Так, на попов уже смотрели...

В.В.П.: – Открыли тюрьмы свои двери!

Федор: – На труд отправили всех тех, не совершал кто тяжкий грех?

В.В.П.: – Дали грехи искупать тем возможность, кармы закон кто познал непреложность.

Федор: – Что же, пускай обнажат свою суть, жизни величье познав по чуть-чуть.

В.В.П.: – Будем надеяться, время им хватит, демон их больше что уж не захватит.

Федор: – Ангел-хранитель у каждого есть, слышать его – это даже как честь.

В.В.П.: – Люди, надеюсь, то скоро поймут.

Федор: – Как же поэты отныне живут?

Иван внезапно раздражается победоносным криком «Я-х-у-у-у!» и вылетает прочь из помещения бумажного нервопрепства, постепенно все набирая высоту и как будто стремясь поскорее покинуть черту этого города. И вот, наконец, перед телезрителями начинают проплывать лесные массивы, камера ныряет резко вниз и как будто замирает на ветке какой-то из сосен. Спустя секунд десять становится понятно, что Иван просто-напросто с лету сел на приглянувшуюся ему ветку дерева точно классическая птица. Спустя еще секунд тридцать до зрителей доносятся тихие счастливые присвистывания, причем определенно человеческого генезиса. Перед телезрителями раскрывается вид на лесную полянку и кусочек небосклона, оказавшийся в объективе телекамеры как нельзя более кстати. Кажется, будто даже ведущему передалось мечтательно-весеннее настроение Ивана.

В.В.П.: – Не жить нам больше уж как встарь!

Федор: – И стая птиц уходит вдаль...

В.В.П.: – А это голубь мира кружит?

Федор: – Хороший вестник это, друже.

В.В.П.: – Вы, я смотрю, любитель птиц!

Федор: – Они предвестники зарниц.

В.В.П.: – О да, все небу столь близки...

Федор: – Поют, ты слышишь, петухи?

В.В.П.: – То боевая, Федор, птица!

Федор: – И соловья, вон, трель струится...

В.В.П.: – Ах, соловей, какая душка!

Федор: – Считает, слышишь, дни кукушка?

В.В.П.: – Упал на землю ястреб, глянть. Жрут муравьи... какая дрянь!

Федор: – Судьба печальна хищных птиц – на них достаточно лисиц.

В.В.П.: – А на лисиц довольно псов.

Федор: – И стрелки тикают часов...

В.В.П.: – И птички малые поют.

Федор: – Всех времена иные ждут.

В.В.П.: – И это знание непреложно! Ведь снова встретимся?

Федор: – Возможно.

07.03.2011

Жанр: Репортаж
Категория: Избранное

Гнев войны

Свист летящего снаряда. Рассекаемый железной болванкой воздух. Взрыв. Взрыв – за соседним холмом.

Мимо. И этот – мимо.

Жив. Я жив! Пока еще жив.

Промазали, чуть-чуть – но промазали. Повезло?

А сколько еще раз ему должно повезти за эти дни, чтобы он остался жив? Сколько?

Впрочем, могло быть и хуже – гораздо хуже. Хуже, чем когда ему прострелили легкое, и он с тех пор дышал с трудом, с какими-то всхлипами вбирая в легкие воздух и выпуская его наружу – еще теплый, согретый его организмом воздух войны и разрушений. Еще хуже, чем когда взрыв гранаты напрочь лишил его трех пальцев руки... вместо них – окровавленные ошметки.

И все-таки он жив – жив в этой безумной войне, жив среди сотен и сотен безумных. Надолго ли он жив?

Рядом прострочил пулемет. В окопы! Туда, где его не достанет смертоносное железо. К земле – земле родной страны, страны, еле сдерживающей натиск врага.

Врага... Как, когда эти люди, точно такие же, как он сам, когда они успели сделаться ему врагами? Почему врагами? Что за чудовищная нелепость и ошибка должна была свершиться, чтобы они вдруг стали врагами? очередное безумие?

Как бы то ни было, теперь они враги. Даже хуже – голодные звери, пирующие на трупах убитых и раненых, радующиеся каждой смерти ненавистного врага... очередной оборванной нити жизни другого человека.

Человека... Нет, они не похожи на людей, уже не похожи, никто из них теперь не похож. Они были похожи раньше – в его прошлой жизни, но теперь – нет. Нет. С тех пор, как началось это безумие войны...

И вновь свист пулемета – и отчаянный вскрик где-то далеко в этих окопах. Его товарищ погиб – собрат по родине, по вере, по обычаям. Еще один пресекшийся жизненный путь, еще одно горе и страдание для его родителей – если, конечно, они все еще живы. Еще одна жизнь, положенная во имя... чего?

Во имя чего ведется вся эта война? Территории? Ресурсов? Денег? Мирового влияния? Но как мелки и ничтожны эти временные цели по сравнению с одной – да, с одной пресекаемой человеческой жизнью! А таких за день – сотни и сотни.

Враги не умели жалеть. Они не хотели понимать. Они должны были – убивать, убивать – врагов... таких же, как они сами. И это было самое ужасное, самое безумное, что только мог придумать ослепленный властью и богатством человеческий разум.

Ошибка, чудовищная ошибка... непростительная ошибка. Ошибка, цена которой – пролитая кровь – кровь раненых и умирающих людей, кровь тех, кто когда-то еще были ими. Ошибка, цена которой – разрушенные города и уничтоженные семьи, исковерканные людские судьбы. Ошибка, цена которой – развязанная вражда двух народов.

Война... и сколько еще продлится эта война? Пока не будет уничтожен последний солдат? Пока не будут стерты с лица земли важнейшие города врага? Пока пламя скорби не разгорится по всем далеким горизонтам этой страны, страны, судьба которой – быть покоренной. Стать сырьевым придатком более могущественного государства и более агрессивного – начавшего войну, совершившего чудовищную ошибку, за которую придется заплатить уже обоим.

Им не выстоять – он это знал. Техника, оружие, ресурсы – у врага всего было в избытке, гораздо больше, чем у них. У них было только одно, что сыграло с ними такую злую шутку – ресурсы, богатство недр родной земли, на которой ему придется умирать. Ему придется умирать, видя наступающие победоносные орды врага, видя их гордый слепой восторг победы, видя их ненависть к выжившему мирному населению... если, конечно, таких будет много. Он надеялся, что таких будет много. Таких должно остаться – много, чтобы когда-нибудь через десятки и десятки лет его страна смогла возродиться.

И все же он должен воевать – воевать вместе с другими такими же еще юношами, быстро мобилизованными и прибывшими на фронт вскоре после начала войны. Наспех обученными, слегка вооруженными, не убийцами – живыми людьми.

Пулеметная очередь стихла, и он слегка поднял голову. Так и есть – вражеская пехота наступала полным порядком. Эх, сейчас бы сюда что-нибудь тяжелое... танк бы какой-нибудь... или танки. Но все крупные силы были мобилизованы по другим направлениям, а их оставили сражаться здесь, против многократно превосходящих сил врага. Оставили практически без средств защиты, оставили – умирать. «Ну что ж, – подумал он – придется умирать. Иного выхода, похоже, нет». Жаль только, что его смерть практически ничего не даст.

Внезапно он поймал себя на мысли о том, как бы он смог умереть так, чтобы захватить с собой еще как можно больше врагов, ведь с ними не разговаривают, врагов – уничтожают. Но стали ли они бы уничтожать его, если бы случайно встретились в других условиях и в других обстоятельствах? Быть может, они бы стали даже друзьями. Да, друзьями вон с тем молодым солдатом, что так неумело вылез вперед...

Зарядка автомата. Звук извлекаемой и вставляемой обоймы. Выстрел. Высунувшийся из-за укрытия солдат врага падает с пробитой головой.

Ну вот, еще один враг повержен. Безжалостно убит.

Безумие... это настоящее безумие. Превращенные в животных и натасканные на убийства люди... нелюди? Есть ли люди на войне, люди – солдаты? Солдаты, оставшиеся людьми?

Он встречал и видел возвратившихся с войны ни раз – практически никто из них не мог прижиться в мирной жизни, приживались – единицы. Потому, что это война. Потому, что это безумие.

Враги наступали – уже особенно не таясь, методично и открыто. Они видели и чувствовали свою победу, они пировали свою победу, со вкусом пировали каждое ее мгновение. Потом также они будут пировать над захваченной территорией. Они еще не знали, что допустили чудовищную ошибку, ошибку, за которую им придется однажды расплачиваться...

Вот колонны врага уже совсем рядом – прятаться больше нет смысла. Огласивший воздух приказ их командира – «Вперед!» И вот он сам, их командир, выходит из окоп и идет на врага. И падает, падает – без единого крика. Но порыв подхвачен – и солдаты встают. Встают – на свой последний бой. Самый короткий бой.

Звуки разряжаемых орудий. Умирающие и с той, и с другой стороны люди. Умирающие – ни за что.

Он поднялся сразу же после того, как услышал приказ. Побежал вперед... один, другой, третий – враги падали перед ним. Но вот – выстрел, и боль обжигает плечо. Но он снова стреляет – и еще один солдат врага падает навзничь. Снова выстрел – и удар в грудь отменяет его.

Земля. Родная земля. Ты совсем теперь рядом. Рядом со мной...

Склоненное лицо врага. Приставленное ко лбу дуло пистолета. Выстрел. Последний в его жизни.

Война... Безумие войны...

03.04.2003

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Копиразмь

– Здравствуйте, здравствуйте, уважаемые телезрители и берлогонебожители, копирайтеры и копилефтеры, буквоведы и буквоеды! С вами снова Владимир Владимирович Пупкин. Да, да, я не случайно начал сегодня с такого вот в меру необычного лирического наступления, потому что – вы не поверите! – в наше распоряжение попали поистине уникальные видеоматериалы, способные перевернуть мир вверх Антарктикой! Только что, буквально только что в Брюсселе начался штурм представительств таких, с позволения сказать, неуважаемых компаний, как RIAA и МРАА. Вы, конечно же, скажете «наконец-то», и таки да – я целиком соглашусь в этом междометийно-эмоциональном возгласе с вами!

Но обо всем по порядку... Итак, у нас на проводе висит наш корреспондент из Брюсселя, Владимир Владимирович Папкин. Здравствуйте, Владимир!

В течение порядка тридцати секунд в эфире слышны хлопки, щелчки, непонятное бульканье и даже поскрипывание и повизгивание. Наконец, изображение на камерах проясняется, и перед телезрителями появляется лицо корреспондента.

– Здравствуйте, Вольдемар! И хочу сразу заметить, что несмотря на происходящие здесь беспорядки, я все еще жив, и меня таки никто ни за что и ни на чем не подвесил.

– Расскажите же нашим телезрителям скорее, что там, собственно, у вас происходит! Ведь это же сенсация – никогда прежде размеры борьбы за «свободу контента» не достигали таких масштабов!

– Да, Вольдемар, тут действительно творится нечто невообразимое! На центральные представительства RIAA и МРАА ведется крупномасштабное наступление по всем фронтам! Наступающие одеты преимущественно в черные футболки с изображением какого-то корабля – и они ведут сражение за каждое окно, за каждого ненавистного копирастера, за каждый дюйм земли! В руках у них всего лишь яйца, тухлые помидоры и даже какие-то листовки – но посмотрите, с каким поистине непоколебимым упорством они сражаются! Ведь это же величайший героизм! Вольдемар, вы видите это?

Камера меняет ракурс обзора, и перед телезрителями открывается поистине эпическая картина: люди в черных и белых футболках и майках закидывают бананами и яйцами окна многоэтажного здания. На черных футболках изображен победоносно плывущий корабль, на белых красуется гордое «СС».

Несколько стекол в окнах уже разбито, из некоторых из них свисают подобия белых флагов капитуляции. Откуда-то из верхнего окна видна рожа неизвестного чиновника, залепанная растекившимся по ней яйцом – выражение его содержит все эмоции, начиная от страха, растерянности и кончая бессильной злобой, вдобавок он что-то безуспешно пытается кричать атакующим, хотя стекающая по лицу слизистая жидкость определенно мешает ему это сделать.

Отчетливо видно, как часть представителей компании, до сих пор находящиеся за небольшими металлическими фасадами, отчаянно и с истошными воплями пытается выбить входную дверь, но уже находящиеся в здании отчаянно мечущиеся по этажам люди не пускают своих. Сии не успевшие попасть вовнутрь здания неудачники подвергаются артобстрелу со стороны наступающих с удвоенной силой – некоторые из них уже просто повалились на землю, надели на голову бумажный пакет и активно таранят свободными ногами по земле с криками: “Копилефтеры идут!”

По всему видно, что стратегическое и тактическое преимущество уже давно на стороне противников копирайта.

– Да, Владимир, мы и наши зрители сейчас с удовольствием наблюдаем сию поистине эпическую баталию копирайтеров с копилефтерами, творцов и паразитов, сторонников свободы интеллектуального контента и творческого рабства! Вот это размах, вот это накал страстей! Неужели это свершилось, и Бог услышал наши молитвы? Как думаете, Владимир? Владимир, погодите, постойте, что это вы там делаете?!

Камера снова меняет ракурс, и по всему становится видно, как телекорреспондент из Брюсселя запускает руки в свою сумку, с ехидной ухмылкой на лице достает оттуда недавно купленный пакет с яйцами, что есть силы размахивается и метает одно из яиц в проем окна, где в этот момент по зданию как раз пробегает какой-то из не в меру испуганных представителей интеллектуального паразитизма.

То ли по счастливому для Владимира, то ли по несчастливому для безвестного копирайтера, то ли по обоим сразу случаем яйцо попадает аккурат под ноги пробегающего, который с отчаянным криком и полными ужаса глазами поскользывается и шлепается на пол, продолжая свое безумное движение уже в позе «в обнимку с полом мордой вниз». До телезрителей долетают остатки его возгласа «...а наши яйца железные!», и тут же радостно-мальчишеский крик Владимира-корреспондента перекрывает все остальное: «Й-е-е-е-е-с-с-с-с! В десяточку!»

Телезрители успевают заметить, как радостно вскидывает он руки вверх и отдает под козырек – а потом камера снова меняет свой ракурс, и перед нами появляется его лицо уже крупным планом – такое, что кажется, будто бы это деревенский кот, только что тайком вылакавший весь бабушкин чан со сметаной.

– Ага, видели?! Получите, твари! За интернет, за творчество, за копилефт, черт возьми! – кричит лицо корреспондента в камеру.

– Владимир, как же я вам сейчас завидую! – отзывается лицо телеведущего. – Вы прямо осуществили мою голубую мечту детства! Как вы думаете, что же все-таки перед нами, неужто это действительно...

– Копирастический Армагеддон! – не дает договорить ему корреспондент Владимир-Вольдемар. Дождались!

– Да уж, действительно, Владимир, но когда же... Пстойте! Пстойте, к нам только что пришли новые новости – подобные битвы начались уже в Вашингтоне, в Амстердаме, в Лондоне, наконец! Наш эфир буквально разрывается репортажами от других корреспондентов! Пгодите-ка! В Москве только что атакован яйцами, бананами, пришедшими в негодность CD-болванками и пачками использованных презервативов главный офис РАО! Вот уж воистину, нельзя отказать в изобретательности нашему народу! Ай да молодцы, ай да герои! Вы только посмотрите, вы только взгляните на то, как красиво аки бумеранги летают эти самые CD-болванки с попсовым контентом!

Корреспондент из Брюсселя, метая второе яйцо:

– Здорово!

– Не то слово! Ну да ладно, я вынужден экстренно с вами попрощаться, Владимир, поскольку десятки подобных сюжетов из множества других городов мира уже ждут нас! Ну а напоследок я пожелаю нашему корреспонденту из Брюсселя стойкости и меткости, мужества и выдержки в этой неравной борьбе, и да...

Владимир и Владимир дружно поворачиваются в камеру, и лица их расплываются в блаженной улыбке...

– И да здравствует копилефт!

10.07.2010

*Жанр: Репортаж
Категория: Признанное*

Мутанты нашего века

Данный перечень, озаглавленный нами «Мутанты нашего века», представляет собой результат многолетних исследований генетиков нашего социума все более усиливающихся в последнее время тенденций подверженности отдельных индивидуумов и их групп разнообразным душе-генетическим мутациям, а также характеристику этих видов мутаций как таковых.

Мы не претендуем на абсолютную точность и полноту изложения материала, поскольку крайне сложно достаточно досконально описать весь аспект изменений психомировоззренческой компоненты мутировавших, равно как и предсказать возможность появления более новых, до сих пор неизвестных научному сообществу видов мутаций людских душ. Мы можем только надеяться на то, что подобно всем известным до сих пор человечеству болезням данный вид через определенный промежуток времени также сойдет на нет естественным путем.

Наряду с этим хотим порекомендовать всем индивидуумам стараться тщательно следить за своим душе-психическим здоровьем, дабы свести к минимуму риск заражения.

Характеристика отдельных типов мутаций прилагается.

1. «Не-в-разумный»

Это наиболее распространенный среди индивидуумов вид мутации. По нашим подсчетам, к настоящему моменту ему оказалось подвержено около половины всех индивидуумов нашего планетарного социума. Данный вид мутации не является врожденным, а может стать только приобретенным. По до сих пор невыясненным причинам, данному виду мутации могут оказаться подвержены даже наиболее устойчивые к нему индивидуумы в случае их длительного нахождения в обществе других, уже подвергшихся данной мутации – в научной литературе данный феномен был обозначен как «Эффект толпо-неразумия». Причины данного явления лежат, скорее всего, в до сих пор невыясненных способах нефизического взаимодействия индивидуумов нашего социума между собой.

Индивидуумы, подвергшиеся данному типу мутаций, оказываются неспособны сколько-нибудь адекватно оценивать окружающую их объективную действительность, становятся сильно подвержены собственным или внушенным извне иллюзиям, у них постепенно прекращается критическая оценка воспринимаемых ими потоков информации, и они становятся похожими на так названных писателями и фантастами прошлого «зомби».

Процесс мутации может носить достаточно длительный и затяжной характер, растянувшись на всю планетарную жизнь индивидуума. Отметим, что по неустановленным до сих пор причинам небольшое количество индивидуумов оказалось стопроцентно резистентными к данному виду мутаций.

Возможной причиной этого иммунитета является усиленная выработка гормона «Разум» в их организмах. Согласно имеющимся у нас статистическим данным, к настоящему времени подобные индивидуумы составляют примерно один процент от общего их числа.

Помимо этого, еще одной весьма любопытной выявленной нами особенностью данного вида мутаций является возможность ее самопроизвольного прекращения в случае попадания мутировавшего индивидуума в общество резистентных к данной мутации и достаточно длительному нахождению в нем. В научной литературе данный феномен получил название «Свет разума». Причины и корни подобного феномена неизвестны.

Данная мутация может стать отправной точкой для формирования и развития мутационных процессов всех прочих видов – и, в особенности, мутации типа «Тугоглухий/Глазослепый».

2. «Злобозрительный»

Вероятными причинами данного вида мутаций становятся процессы нарушения выработки гормона «Добродушие» в организмах индивидуумов наряду с усиливающейся выработкой гормонов «Гнев» и «Раздражение».

Подвергшиеся данному виду мутации оказываются склонны к агрессивным и насильственным действиям по отношению к другим индивидуумам, что в достаточно открытой и явной форме демонстрирует начавшиеся у них процессы утраты собственного душе-психического здоровья.

Формы проявления агрессии могут быть достаточно разнообразны и инвариантны по сути и содержанию, начиная от словесных порицаний и заканчивая физическим воздействием на планетарные тела других индивидуумов.

Среди всех прочих видов мутаций наряду с мутациями типа «Бес-в-счастливый» и «Бес-в-сердечный» данный вид приобрел самый стремительный по степени своего распространения характер. В связи с невозможностью искусственного синтеза гормона «Добродушие» внешние попытки остановки процесса мутации данного типа нереализуемы.

3. «Глазопучий»

В настоящее время мало распространенный вид мутации, что, впрочем, не является доводом для легкомысленного к нему отношения.

Мутанты типа «Глазопучий» оказываются более прочих склонными к внешним проявлениям процесса смены собственных душевных настроений, а также являются более восприимчивыми к подобным проявлениям других индивидуумов. Нередко такие проявления сопровождаются громкими охами, ахами, криками и вздохами. Писателями прошлого элементы подобного процесса были обозначены как «Сплетничанье» и «Показушничество».

Отметим, что некоторыми исследователями оспаривается факт отнесения данных проявлений к мутационному процессу и считается, что они являются скорее просто побочными особенностями душевно-мировоззренческой компоненты индивидуумов. В настоящее время в научных кругах по этому вопросу ведутся достаточно активные дискуссии.

4. «Кривоврун»

Так называемое «патологическое вранье» – коренная особенность проявления имеющих место мутаций данного типа. Мутанты типа «Кривоврун» прибегают к сокрытию фактов объективной действительности столь часто, что иногда оказываются неспособны отличить собственный вымысел от реальности. Трудно сказать, какую цель в каждом конкретном случае преследуют мутировавшие индивидуумы, и является ли эта цель скорее сознательным выбором, а не следствием влияния на их душевную структуру мутационных процессов, однако факт изменения душевной организации данных индивидуумов является неоспоримым, в связи с чем данный вид изменений был выделен в отдельный тип.

В связи со значительным смещением негативных процессов в сторону личности каждого отдельного мутировавшего индивидуума вместо ее выражения в общем социуме, данный тип мутации принято считать умеренно-опасным. По невыясненным до сих пор причинам наиболее подвержены данному типу мутаций оказываются индивидуумы женского пола.

5. «Хитролукий/Лукахитрый»

Классифицированный ранее тип мутации «Лукахитрый» в настоящее время в связи с дополнительным изучением его особенностей был переименован, однако старое название сохранено.

Индивидуумы, подвергшиеся данному типу душе-генетических изменений, могли бы стать, пожалуй, самыми лучшими аферистами и обманщиками прошлых веков. В настоящее же время в связи с активной позицией Министерства Здоровья по вопросу искоренения любых вредных и негативных душевных процессов индивидуумов нашего планетарного социума, данный вид личностных изменений принято считать негативным.

Отличительной особенностью индивидуумов данного типа является их способность представлять другим объективную реальность в полностью, либо значительно искаженном виде, добиваясь, таким образом, своих, малопонятных здоровым индивидуумам эгоистических целей. При этом, в отличие от мутантов типа «Кривоврун», мутанты данного типа отчетливо осознают границы объективности и иллюзии при введении в заблуждение других, что, впрочем, не мешает им в осуществлении сего эгоистического процесса.

Отличительной особенностью мутантов данного типа является определенный т.н. «хитрый» блеск глаз их планетарного тела, проявляющийся в ходе процесса их общения с другими индивидуумами.

6. «Страхопадкий»

Данный тип мутации был известен человечеству с глубокой древности, однако был классифицирован как мутация относительно недавно. Мутанты типа «Страхопадкий» оказываются совершенно нерезистентными к любым видам страховых ощущений, будь они самосозданными или же сформированными в процессе взаимодействия с планетарным пространственным континуумом.

Возможно, данный тип мутации не был бы столь социально опасен, если бы ограничивался душевно-мировоззренческим миром отдельного подверженного данной мутации индивидуума. Однако, в связи с тем, что подверженный указанному типу мутаций индивидуум оказывается вовлечен в фатумные отношения с другими, несвоевременное усиление проявлений, свойственных данному типу мутаций, может оказаться фатальным для других индивидуумов. История знает немало подобных случаев, когда судьбы одних людей решались трусостью других, однако подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данного исследования.

Отметим, что проявления данной мутации носят скорее стохастический, нежели чем перманентный характер, что, впрочем, не является причиной для их классификации как менее социально опасных.

Отметим также, что длительный процесс усиления свойственных данному виду мутаций ослабления выработки в организмах индивидуумов гормонов «Спокойствие» и «Вера в себя» может привести к значительному снижению резистентности ко всем прочим видам мутаций.

7. «Совестогладый»

Данный вид мутации характеризуется практически тотальным изменением душевного компонента индивидуума, известного как «Совесь». Первичный этап мутации характеризуется спонтанными периодами ее деактивации. В более тяжелых случаях наблюдается процесс ее значительной дестабилизации, вплоть до полной дисфункции.

Мутанты данного типа по своим внешним проявлениям могут быть сходны с мутантами типа «Злобозрозный» в плане причинения насильственного вреда другим, однако процесс причинения вреда другим у них практически никогда не сопровождается активными внешними проявлениями и носит исключительно эгополагающий характер, что, по нашему мнению, делает их значительно более социально опасными, в связи с чем данный тип мутации было принято считать значительно социально опасным.

Было замечено, что в подавляющем большинстве случаев данный вид мутации в дальнейшем трансформируется в тип «Бес-в-сердечный».

8. «Бес-Шабашный»

Относительно новый вид мутации, значительно усилившийся в последние несколько десятков лет.

Возможно, определенные душе-гены были принесены еще из давних веков т.н. «средневековья» от т.н. «ведьм», а, возможно, что данный вид мутации является присущим исключительно нашему планетарному поколению. Как бы то ни было, вопрос о причинах данного мутагенеза до сих пор является достаточно открытым и активно обсуждается в научных кругах.

Мутанты данного вида оказываются значительно предрасположены к проведению различных т.н. «магических ритуалов» с вызовом т.н. «духов», а также к т.н. «черной магии», проявлениями которой служат «заговоры», «порчи», «сглазы», «проклятие» и некоторые другие формы психосоматических внушений. Некоторые индивидуумы данного типа также могут проявлять значительный интерес к посещению кладбищ, гробниц и других доступных им мест захоронения планетарных тел других индивидуумов.

До сих пор досконально не установлено, насколько реальным является такое влияние, и не является ли оно усилением процесса мутаций типа «Страхопадкий» исключительно у ранее мутировавших индивидуумов. Тем не менее, в любом случае мы хотим порекомендовать прочим индивидуумам стараться избегать излишних контактов с индивидуумами данной группы.

9. «Гламурный»

Также относительно недавно обнаруженный тип мутации, к настоящему времени еще не получивший широкого распространения. Особенностью данного процесса мутагенеза является постепенно усиливающаяся зависимость индивидуума от традиционных исторически установившихся внешних атрибутов значительного т.н. «социального положения» данного индивидуума.

Несмотря на все достаточно активные попытки Министерства Здоровья по искоренению данных исторически оформленных атрибутов, закрепленных в сознании части индивидуумов, значительных успехов в данной деятельности до сих пор не было достигнуто, что проявляется в по-прежнему значительном стремлении к получению таких атрибутов как «богатство», «слава», «карьера», «известность» и некоторых других со стороны подавляющего большинства индивидуумов нашего планетарного социума и служит основой формирования данного типа мутаций.

Возможно, данный процесс не был бы столь опасен, если бы рост подобной зависимости не нес с собой столь значительных изменений психомировоззренческой компоненты индивидуумов – однако в связи с тем, что данный процесс способствует ее значительной негативной трансформации и усилению подверженности индивидуума мутациям типа «Сребролюбый», «Лукахитрый» и «Оргазмический», выявленные Министерством Здоровья указанные тенденции роста подобного вида зависимостей в контексте нашего планетарного социума принято считать значительно социально опасными.

Как было отмечено ранее, в ходе неконтролируемого увеличения подобной зависимости в душемировозренческой компоненте индивидуума активизируется процесс мутации, классифицированный нами как «Гламурный». По невыясненным до сих пор причинам в ряде случаев процесс мутации может принять скоротечный характер, в результате чего индивидуум оказывается настолько сильно привязан к набору каких-либо из описанных выше атрибутов социального положения, что оказывается неспособен представлять свою планетарную жизнь без них.

Как нам удалось выяснить в ходе исследований, в случае, если в ближайшем времени индивидууму удастся достичь этих атрибутов, он практически всегда наряду с данным видом мутации оказывается значительно подвержен мутации типа «Оргазмический». В противном же случае индивид может оказаться еще более серьезно чем в случае «успеха» подвержен одному или нескольким из ряда мутаций – «Злобозрительный», «Кривоврун» и «Нервошизальный».

Очень беспокоящей нас наряду с исследователями из Министерства Здоровья тенденцией последних лет является все более активно пропагандируемый образ миро-душе-восприятия, способствующий усилению зависимости индивидуумов от большинства из вышеперечисленных атрибутов «благополучия», поскольку такая тенденция в потенциале способствует значительному росту мутантов данного типа.

В данных условиях мы можем лишь порекомендовать стараться не соприкасаться в сколь-либо длительной перспективе с мутантами данного типа, а также осознавать всю бессмысленность попыток достижения тех вещей и целей, которые зачастую являются абсолютно вредными для вашей душемировозренческой компоненты и душе-психического здоровья как такового.

10. «Нервошизальный»

Данный вид душе-психического изменения сущности индивидуума был также известен людям с глубокой древности, но классифицирован как негативный мутационный процесс лишь в последнее время.

Коренной чертой мутантов данного типа является их неспособность сколь-либо длительно сохранять здоровое душевно-эмоциональное состояние и значительно повышенная склонность к различного рода выходам из него в виде т.н. «истерик». Порой подобные выходы могут иметь достаточно длительный по своей протяженности характер, растягивающийся на несколько планетарных часов. Часто подобные выходы сопровождаются такими внешними атрибутами их проявления как крики, стоны, вопли, нечленораздельная/невнятная дикция, несообразные телодвижения. Как было установлено, особенно подверженными данному типу мутаций оказываются индивидуумы со значительно сниженными выработками в их организмах гормона «Спокойствие».

Мы не можем точно сказать, является ли данный тип мутации исключительно следствием подобного снижения функций душе-органов в организме индивидуума, или же его формированию могут способствовать прочие атрибуты планетарного социо-континуума, такие как, например, все более ускоряющийся темп и ритм жизни, значительный рост объемов информационных потоков и некоторые другие, констатированные исследователями Министерства Здравоья на последней планетарной конференции.

В любом случае, хотим отметить выявленную нами высокую степень эффективности борьбы с данным процессом мутагенеза таких действий индивидуума, как пребывание на природе с ее созерцанием, благодушное общение с другими индивидуумами, личностные медитации и некоторые другие методы, которые были известны планетарной науке достаточно давно, однако оказались столь значительно востребованы лишь в последнее время.

11. «Тугоглухий/Глазослепый»

Рост числа индивидуумов, подверженных данному типу мутагенеза, был предсказан еще давно, однако фактически сформировался лишь в последние несколько десятков планетарных лет. Указанный процесс мутации заключается в постепенном снижении функций (в ряде случаев – с их дальнейшей полной атрофией) душе-органов зрения и слуха индивидуума. В ходе данного процесса индивид становится неспособен не только объективно воспринимать аудиальные и визуальные аспекты взаимодействия с другими индивидуумами и корректно реагировать на них, но и оказывается подвержен значительному искажению восприятия настоящей и будущей объективной действительности. Уверенные в своей правоте, такие индивидуумы начинают учить других неверной картине мировосприятия, в ходе чего могут способствовать возникновению у них мутационного процесса типа «Не-в-разумный», в связи с чем данный вид мутагенеза принято считать значительно социально опасным.

Необходимо также отметить, что по внешним проявлениям индивидуумы данного типа могут быть схожи с индивидуумами мутационного процесса типа «Не-в-разумный», что неудивительно, поскольку данный тип мутагенеза фактически по своей сути и аспектам изменения душе-генов является его наследником.

12. «Алкопитый»

Согласно своему названию, мутанты данного типа оказываются совершенно нерезистентными к такому продукту прошлого и, к нашему сожалению, настоящего планетарного социума, как алкогольные напитки. В этом плане их сильнейшая душе-психическая привязанность к ним сравнима разве что с аналогичной привязанностью к атрибутам социального положения у мутантов типа «Гламурный». Отметим, что ранее данный вид привязанности не считался негативным – более того, полагалось, что процесс употребления данного вида продукции способствует значительному душевному расслаблению, исчезновению внутреннего душе-страха и, как следствие, росту внутренней доброжелательности и душе-здоровья индивидуума.

Однако, как выяснила современная наука, данный способ, как и любой другой суррогат, не может даже отдаленно дать эффектов, подобных эффектам естественной выработки гормонов «Добродушие» и «Вера в себя» в организмах индивидуумов, более того, чрезмерное употребление данного вида жидкостей в долгосрочной перспективе ведет к постепенной атрофии функций душе-мозга, что способствует возникновению и развитию мутации типа «Не-в-разумный». Более того, в ряде случаев длительный процесс употребления указанных средств приводит к возникновению существенно более опасного типа мутаций, классифицированных нами как «Анимоидальный».

В связи с данными аспектами влияния указанных средств на большинство индивидуумов, Министерство Здоровья заняло достаточно активную позицию по полному искоренению их производства и продажи на всем планетарном континууме, однако сколь-либо значительных успехов в данном вопросе до сих пор не было достигнуто.

13. «Сребролюбый»

Известный давно, данный процесс душе-мутагенеза был классифицирован как таковой лишь в последние несколько лет. Как нам удалось выяснить в ходе длительных исследований, лишь в крайнем ряде случаев такой вид мутации является самовозникающим, однако в большинстве случаев он является лишь развитием таких оформившихся ранее мутационных процессов, как «Совестогладкий» и «Гламурный».

Мутировавших индивидуумов отличает повышенное стремление к накоплению и сохранению денежных средств любыми способами. Многим из них доставляют совершенно непонятное другим здоровым индивидуумам удовольствие такие аспекты их жизни, как значительный банковский счет, богатые квартиры, машины и прочие аспекты материального проявления планетного континуума. Некоторые из них, у кого процесс мутации зашел достаточно далеко, не гнушаются обманом и предательством для достижения подобных целей самообогащения за счет других. История нашего планетарного социума знает немало случаев, когда подобные сребролюбческие тенденции одних индивидуумов определяли судьбы других, однако детальное рассмотрение данных случаев выходит за рамки нашего исследования.

В связи с возможностью подобного фатумного воздействия мутировавших индивидуумов данного типа на других, данный вид мутации считается значительно социально опасным.

14. «Вредногадкий/Гадковредный»

Пожалуй, самый редкий из классифицируемых нами типов мутаций, к тому же не отличающийся сколько-нибудь ярко выраженными тенденциями роста. И этот факт не может не радовать все научное сообщество.

Мутанты данного типа отличаются повышенной склонностью строить козни, западни и всячески вредить другим – чаще всего образом, называемым «исподтишка». Особенную активность процесс мутагенеза может набирать в т.н. «детском» возрасте становления душе-мировоззренческой компоненты индивидуума, однако в дальнейшем в подавляющем большинстве случаев постепенно плавно сходит на нет. Однако, по невыясненным до сих пор причинам, примерно в двух-трех процентах случаев процесс мутагенеза может пережить возрастные рамки «детского» периода душе-становления индивидуума, и растянуться на дальнейшую его планетарную жизнь. В этом случае мутировавшие индивидуумы оказываются значительно зависимы от таких аспектов собственного жизнепроявления, как желание причинять вред другим. Данные усиления подобных желаний чаще носят стохастический, нежели чем перманентный характер, и могут особенно активно проявляться в периоды душе-неполноценных эмоциональных состояний индивидуума, таких как «раздражение», «зависть», «презрение».

Отметим также, что значительное усиление указанных процессов мутагенеза (особенно в комбинаторике с мутационными процессами типа «Злобозрительный») может привести к значительному росту выработки крайне вредного для организмов индивидуумов гормона «Ненависть», что, в свою очередь, может стать катализатором для трансформации мутации данного типа в значительно социально опасный вид, классифицированный нами как «Бес-в-сердечный».

15. «Ухлопухий»

Побочный вид мутации, являющийся продуктом базового вида, классифицированного как «Не-в-разумный», в настоящее время выражен лишь среди небольшого числа планетарных индивидуумов.

Мутировавшим индивидуумам данного типа свойственно видеть объективную действительность в несколько искаженном восприятии (что является следствием развития мутационных процессов типа «Не-в-разумный»), что ведет к их не всегда адекватным жизненным проявлениям. Чаще всего, впрочем, такие неадекватные проявления носят исключительно личностный характер и не наносят вреда прочим членам планетарного социума, в связи с чем данный тип мутации принято считать незначительно социально опасным.

Бывает, что случаи проявления мутаций данного типа носят такой ярко выраженный для прочих индивидуумов характер, что они – в шутку или всерьез – так и называют нездорового индивидуума: «Ух, лопух!»

16. «Оргазмический»

Значительно усилившийся в последнее время тип мутации, который чаще всего является следствием развития мутационных процессов типа «Гламурный».

Мутантам данного типа свойственно усиленное (на ранних стадиях мутационного процесса) или же практически ничем непоколебимое желание (в случае, когда развитие процесса душе-мутагенеза принимает крайние формы) к получению удовольствий – чаще всего физического рода в аспекте собственных планетарных тел.

Подобное желание может получить столь ярко выраженный характер, что для достижения цели самоудовлетворения индивид не гнушается ничем – начиная от аспектов социальной приемлемости своих действий и заканчивая аспектами собственного душе-психического здоровья. Рамки данной мутации в настоящее время принимают столь обширный и разнообразный по своим проявлениям характер, что сколько-нибудь четко выразить основные аспекты проявления подобного рода тенденций самоудовлетворения не представляется возможным.

В ходе длительных наблюдений было выяснено, что в подавляющем большинстве случаев данный тип мутагенеза в случае своего активного развития трансформируется в значительно более опасный тип «Анимоидалный».

До сих пор не было выяснено, является ли данная мутация следствием значительного оказанного ранее на них влияния некоторых негативных аспектов материального и социо-континуумов, или же она является следствием врожденной неспособности индивидуумов к любому здоровому контакту с социо-континуумом как таковым.

Тем не менее, во избежание процессов заражения мы настоятельно рекомендуем всем здоровым индивидуумам помнить показательный опыт ученых прошлого с крысой, пожелавшей умереть от постоянного оргазма, и ни в коем случае не подчинять свои душевные компоненты физическим.

17. «Анимоидалный»

Значительно социально опасный тип мутации, являющийся следствием достаточно большого количества мутационных процессов прочих типов. Развитие данного процесса мутагенеза можно выявить по изменениям внешних атрибутов поведения индивидуума, которые в некоторых своих аспектах становятся все более и более похожими на соответствующие аспекты проявления представителей животного мира.

Как было установлено в ходе исследования процессов душе-гено-преобразования, свойственных данному процессу мутагенеза, указанный тип мутации не может являться независимым и всегда следует в паре с каким-либо другим – и в случае уничтожения «базового» гено-вируса данный процесс мутации также постепенно сходит на нет.

Данный тип мутации принято считать высоко социально опасным, поскольку он не только служит основой формирования таких душе-генетических мутаций, как «Бредналищый» и «Пошлонуждный», но и может значительно усиливать негативные аспекты прочих мутаций, с которыми порождающий его душе-вирус входит в симбиоз. Так, самым высоко опасным типом симбиоза был признан симбиоз данного душе-вируса с душе-вирусом мутационного процесса типа «Злобозрозный», поскольку в случае подобного симбиоза практически в ста процентах случаев индивид полностью теряет свой человеческий облик и становится подобен дикому зверю, готовому убивать во имя и во оправдание собственного гнева, в связи с чем подобные индивидуумы нуждаются в скорейшей экстрадиции из своего социального континуума.

18. «Бредналищый»

Побочное следствие мутационного процесса типа «Анимоидальный», данный тип мутационного процесса характеризуется значительным изменением внешнего душе-образа, воспринимаемого другими индивидуумами. Особенно четко и остро изменения душе-образа мутировавшего индивидуума могут чувствовать индивидуумы, не подвергшиеся ни одной из классифицированных нами мутаций, – в этом случае по отношению к мутировавшему индивидууму они могут испытывать некоторую легкую немотивированную душевную неприязнь. Любопытной особенностью данного мутационного процесса является тот факт, что отдельные индивидуумы с протекающими мутационными процессами данного типа не только не испытывают названной формы легкой душевной неприязни по отношению друг к другу, но, напротив, способны ощущать значительную привязанность и симпатию друг к другу, что служит основой их объединения в т.н. «группировки» и «банды», дальнейшей целью которых становится вандализм, бандитизм и прочие социально опасные аспекты душе-проявления.

Причины указанного феномена привязанности мутировавших индивидуумов данного типа до сих пор не были установлены.

19. «Пошлонуждный»

Еще одно побочное следствие мутационного процесса типа «Анимоидальный», данный тип процесса душе-мутации характеризуется значительным привнесением черт и аспектов поведения представителей животного мира в т.н. «половую» сферу жизни индивидуума.

Мутанты данного типа чаще всего отличаются неспособностью к контролированию аспектов своего т.н. «сексуального» поведения в контексте своего социума. Легкими формами данной особенности являются их нарочито-грубый, унижительный, сексуально-ориентированный аспект отношений с представителями противоположного пола. Тяжелыми формами проявления может служить стремление к удовлетворению собственных сексуальных желаний даже путем причинения физического и душевного вреда индивидууму противоположного пола.

Дополнительной особенностью мутации данного типа является возможность трансформации душе-психики зараженного индивидуума в душе-психику представителей противоположного пола.

Помимо этого, совсем недавно был обнаружен дополнительный аспект данного душе-генетического мутагенеза, выражающийся в стремлении отдельных индивидуумов к установлению сексуальных взаимодействий с представителями своего пола. Причины данного явления к настоящему моменту не были установлены.

Отметим также, что по неустановленным к настоящему времени причинам наиболее подвержены данному типу мутации оказываются представители мужского пола.

20. «Бес-в-счастливый/Бес-в-радостный»

Мутационный процесс «базисного типа», который может являться как следствием прочих мутаций, так и возникать самопроизвольно. Как было установлено, в случае, если данный мутационный процесс возникает как следствие других мутаций, он оказывается значительно более резистентным и устойчивым, чем в случае самопроизвольного возникновения.

Наиболее частыми причинами возникновения данного процесса среди мутаций являются мутации типа «Тугоглухий/Глазослепый», «Оргазмический» и «Невразумный» в периоды своего затухания.

В случае же самопроизвольного возникновения мутационного процесса данного типа его причинами служат значительно ослабленные общерегулирующие процессы выработки гормонов «Радость» и «Добродушие» в организмах индивидуумов.

Мутантам данного типа свойственно практически перманентное негативное отношение к окружающей их действительности, отсутствие практически любых потенциально положительных интересов и желаний – или, как выражались ученые прошлого, «постоянно пониженный эмоциональный фон».

Возможно, мутационный процесс данного типа не был бы столь опасен, если бы не устойчивая тенденция последних десятков лет к его нелинейному росту и его способность значительно усиливать мутационные процессы всех прочих видов. Единственным достаточно эффективным средством борьбы с мутацией данного типа на настоящий момент может быть признано только естественное добродушие индивидуума.

21. «Бес-в-сердечный»

Крайне опасная форма душе-мутации, проявляющая устойчивую тенденцию роста за последние несколько сотен планетарных лет.

Мутанты данного типа даже на ранних стадиях протекания процесса мутагенеза характеризуются практически полной атрофией такого основного душе-органа, как «сердце». Подобная атрофия ведет к их частичной или полной неспособности к любым положительным душе-эмоциональным проявлениям, душевному сопереживанию другим индивидуумам, душевной поддержке и проявлению любого рода душевного тепла.

Подобная трансформация является крайне болезненной не только для прочих здоровых индивидуумов, находящихся в контакте с душе-мутантом данного типа, но, прежде всего, для самого больного индивидуума, поскольку ведет к постепенному постоянному снижению выработки таких предельно важных для жизни гормонов, как «Добродушие», «Радость» и «Вера в себя» в связи с атрофией производящего их органа вплоть до полного процесса остановки. В связи с названной особенностью данного процесса мутагенеза пораженные им индивидуумы достаточно часто проявляют черты мутантов типа «Злобозрозный» и «Совестогладкий».

В своем дальнейшем развитии данный душе-мутационный процесс преобразуется в душе-мутационный процесс типа «Душемертвый».

В настоящее время планетарная наука не знает сколько-нибудь достаточно эффективных способов борьбы с порождающим данную мутацию душе-вирусом. Единственным достаточно эффективным сдерживающим развитие мутации средством можно считать только активное и частое проявление всех видов душевного тепла к мутировавшему индивидууму со стороны других здоровых.

22. «Душемертвый»

Финальная точка мутаций всех прочих видов и самый катастрофический из типов всех известных (и в потенциале – любых других) в настоящее время мутаций.

Трудно сказать, какими путями будет протекать один или несколько мутационных процессов прочих типов – но все они, в конечном счете, могут привести к мутации данного типа и в этом случае перестанут поддаваться дальнейшему лечению.

Достаточно редко начавшиеся мутационные процессы прочих типов успевают привести к оформлению мутации данного вида в течение планетарной жизни индивидуума, однако история нашего планетарного социума знает такие прецеденты.

Мы не хотим и не желаем описывать все те поистине печальные проявления и всю ту боль, которую несет данный душе-вирус как своему новому хозяину, так и ту скорбь, которую несет мутировавший всему планетарному социуму. Мы можем лишь надеяться, что однажды человечество все-таки найдет лекарство для борьбы с данным недугом, и мир больше никогда не увидит таких людей, сгнивших заживо и заживо же разложившихся.

Мы можем лишь надеяться...

23. Человечный

Планетарная генетическая наука и мы как ее представители затрудняемся ответить, следует ли считать данную форму состояния человеческой души мутацией, или же она является до сих пор мало исследованным особенным ее состоянием, препятствующим возникновению всех прочих видов мутаций.

В настоящее время в научных кругах по этому вопросу идут достаточно активные споры...

08.04.2006

*Жанр: Статья
Категория: Признанное*

Наркотик

– Болит? – Сергей сочувственно похлопал своего товарища по спине, стараясь не задевать проколотую толстой иглой мышцу плеча. – Все еще?

– Душа у меня болит, Серый. За державу и людей обидно! – нехотя отмахнулся Василий, старательно растирая вновь занемевшую руку. – Столько предателей вокруг оказалось! – добавил он, с досады сплюнув в окаймляющий крышу здания водосточный желоб.

– Твари они все... – поспешно согласился с ним Сергей. – Стольких заразили, нахрапом взяли, ни с чем не считаясь. И все ради чего? Ну вот куда им теперь эти деньги, и где отныне вся их земная власть? – и он махнул рукой в сторону городской площади, словно бы ее нынешние безмолвные обитатели все еще могли дать ему ответ на этот непростой вопрос.

– У Наташки нашей ноги вчера отказали, все тело ломило. Сегодня полегче чутка стало, но ходить по-прежнему не может.

– А синдром?

– Ты про лихорадку?

– Ага. Говорят, если после первичного укола вся эта синтетическая хрень в мозгу самосинтезироваться начинает, то первые несколько дней лихорадит дико, а потом уже и зависимость через один-два месяца формируется, и вот тогда уже и нужны новые и новые инъекции без конца и края. Биг Фарма, мать ее в задницу! Ну каково подсадили на него всех нас, а?! Учения! Спасение! Факцина!

– Не... не лихорадило, – Василий поперхнулся, стараясь проглотить возникший в горле ком. – Не будет... надеюсь. Теперь только на Бога и надеюсь, а не на этих... предателей в белых халатах!

– Ну... их, поди, тоже скоро на фонари. Как и вот тех не наших, – и Сергей вновь махнул рукой в сторону площади.

– Фонарей на всех не напасемся, – мрачно хмыкнул Василий. – Тут только на Божий Суд и Второе Пришествие и надейся.

– Вон, гляди, эти по себе перед его приходом уже отзвонились, – подтвердил его мысли Сергей, кивая в сторону ясно видного на фоне чистого вечернего неба Храма Христа Спасителя – или того, что от него в итоге осталось.

А фонари действительно сияли. Свет их ночных огней мягко, словно аккуратно перебегающий дорогу дворový кот, подсвечивал нежно падающие на тротуары редкие снежинки, и те, повинувшись властному зову кружащего по площади ветра, вились небесными змейками и земными поземками, то и дело выгибаясь во все новые причудливые узоры.

Здесь, с крыши этой многоэтажки, Сергею и Василию была хорошо видна та самая прославленная среди туристов Красная Площадь, отныне и во веки веков ставшая последним земным пристанищем для предателей и убийц. Редкие солдаты – небольшой ночной военный патруль – то и дело отмеряли свой шаг, неспешно маршируя по ней взад и вперед. Ветер качал на виселицах тела ушедших на Божий Суд сильных мира сего, в одночасье растерявших всю свою мнимую силу. Разрушенный землетрясением Храм Христа Спасителя не издавал более ни звона, беззвучно поблескивая растрескавшимися куполами в свете вечерних уличных фонарей. Где-то вдалеке точно неугасимый факел полыхала телевизионная башня. И только въехавший на всех парусах в мавзолей танк хоть сколько-нибудь добавлял задора в эту вечернюю картину.

– Вечерний звон... в-е-ч-е-р-н-и-й з-в-о-н... – Василий протянул слова своей любимой песни, утирая краем куртки отчего-то внезапно ставшие мокрыми глаза. – Жаль только, что и по нам скоро тоже вот также и отзвонят. Не хочу умирать как раб в ожидании новой дозы... Как воин хочу! Ну, хоть наши дети будут мудрее нас... Не заражены всем этим... всей этой... земной грязью.

– Ты что, забыл, что ли? Русские не сдаются! Поживем еще, вот увидишь! До Второго Пришествия доживем! – вновь изо всех сил хлопнул по спине своего друга Сергей.

– Оптимист... – робко улыбнулся Василий. – Ну, так уж и быть, поверю тебе на слово хоть раз. Спать совсем не охота сегодня, особенно после такого-то дня. Ну, чего делать будем?

– А айда, что ли, созвездия высматривать?

– Айда!

11.10.2021

Жанр: Рассказ

Категория: Признанное

Оружие нашего века

Премногоуважаемые оруженосцы, оружие-клепатели, оружие-любители и оружие-применители! Сегодня мы представляем вам уникальную, найденную нами в недрах египетских пирамид, классификацию средневекового оружия с, так сказать, духовно-ориентированной точки зрения на этот самый обоюдоострый и разящий предмет. Опережая ваш вопрос, хотим заявить, что мы на самом деле не имеем ни малейшего понятия о том, как в вышеуказанных пирамидах оказались вещи из самого средневековья, однако в связи с уникальными временными пертурбациями, наблюдаемыми нашими филологами, учеными, да и простыми читателями, наконец, не исключаем некоторой совершенно отличной от нуля подобной возможности, ведь из-за ряда уже произошедших локально-временных аномалий, свидетелями которых мы все, не исключая и ваших индивидуальностей, стали в последнее время, не приходится удивляться даже такому спиралеобразному обороту событий. Хотим также отметить, что найденные нами записи носят, в некоторой неизмеренной нами мере, нарочито-завуалированный и мистический характер, и разгадать полную суть посланий древних веков еще предстоит нашим психологам, лингвистам и просто всем тем, кому надоело-таки торчать мордой перед телевизором, напрасно убивая свою жизнь в каждые выходные. Предупреждая очередной ваш несвоевременный вопрос от не менее несвоевременных ваших же мыслей, изрекаем: ну просто захотелось нам назвать данный классификационный перечень именно средневекового оружия именно со словом «нашего» в центре – и все тут! Как говорили древние, не ищите зайца в шапке фокусника до поры и времени появления этого самого фокусника – и вот, мы снова несвоеременно процитировали их. Итак, нижеследующий перечень средневекового оружия «нашего» века следует.

1. Молот полуправды и лжи

Излюбленное оружие политиков и СМИ, давно этим самым политикам и продавшихся вкупе со своими мозгами и органами по разгону крови в их телах. При должной сноровке и длительности размаха способен проломить головы несвоеременно попавшим под раздачу очередного удара для промывки и продавливания мозгов, разгромить фурнитуру их привычной картины мира и даже расплющить настолько, что они после сей процедуры начнут чувствовать себя подобно банному листу, непонятно зачем непонятно к каким местам прилипающему. Однако, в связи с громадным весом и необходимостью длительной «раскрутки» сего инструмента дробления умов человеческих, оружие не отличается точностью ударов и их скоростью, и более умелый воин, вооруженный, к примеру, «Шпагой разума», способен сломить и поставить на колени оппонента серией точных ударов в нужные места.

2. Коса смерти

С древних времен данный вид оружия рисовался, в первую очередь, в руках аватара, изображающего собой смерть тела человеческого. Подобные картины практически всегда обладали должным завораживающим и землянкапывающим эффектом на зрителя, потому как не боятся смерти, судя по всему, либо полные дураки, либо окончательно просветленные люди. Ведь, как говорил наш не менее мистический классик, страшно не столько то, что человек смертен, сколько то, что он внезапно (и добавим – порой-таки даже прямо и бесповоротно) смертен. А, поскольку никто из нас не знает назначенной ему даты ухода в мир иной (и, вообще говоря, дата эта вариативна в зависимости от деятельности индивидуума), сие оружие в руках смерти традиционно наводит страх и трепет. Отметим, однако, что в связи с обозначенными во введении наблюдаемыми временными флуктуациями, у множества исследователей данного феномена возникает закономерный и крайне интригующий вопрос об окончательности смерти физического тела и потенциальной возможности возрождения душ в телах новых, однако детальное рассмотрение данного вопроса не является задачей этой классификации. Традиционно, помимо изображения в руках у аватаров смерти, данное оружие часто можно встретить у представителей земледельческого направления, более известных под собирательным образом «крестьяне».

3. Топор гнева

Незамысловатое массовое оружие народных масс, довольно-таки некстати применяемое ими время от времени, порождавшее очередную кровавую революцию, товарищи! Не требует серьезных навыков в обращении, но способно причинить изрядно вреда как радикально правым, так и не менее радикально левым в ходе ударов справа-налево (или наоборот). Истории известны множество случаев, когда доведенные до отчаяния люди брались за эти самые топоры и в гневе на все человечество рубили своих обидчиков почем зря. Собственно, даже литературные герои порой не раз прибегали к «услугам» сего инструмента, находясь в неадекватном психологическом состоянии. В общем, не выдавайте направо и налево обезумевшим толпам сего орудия гнева, коли не хотите, чтобы они в ответ вам выдали «Бумеранг судьбы». Мы вас предупредили.

4. Кинжал предательства

Известное с древнейших времен оружие, традиционно вонзаемое в спины других воинов предателями. В качестве альтернативной меры следует признать акт злодейского перерезания горла невинным жертвам путем подкрадывания сзади. Третьим наиболее распространенным способом использования сего небольшого, но крайне лукавого и мстительного инструментария, является попытка совершения непоправимого акта самоубийства – что, бесспорно, является величайшим актом предательства человека по отношению к самому себе и дальнейшей своей судьбе.

В античные времена распространенной формой предварительной подготовки данного оружия к акту предательства и убийства было смачивание его различными видами ядов (предатели и убийцы прошлого наслаждались, по всей видимости, видом медленно агонизирующей жертвы). Одним словом, орудие хладнокровных убийц, предателей и подонков, и всякие Людовики прошлого здесь порой отнюдь не исключение. В общем, остерегайтесь!

5. Секира жестокости

Не менее смертоносное и разрушительное, чем «Молот полуправды и лжи», оружие, способное разрубать как надежды несогласных, так и нить жизни своего носителя и его близких родственников на тысячу и одну часть. В связи с особенностями конструкции наибольшего профессионализма в ковке и сражении данным видом вооружений за многие века достигли карлики (гномы) духа и совести. Из поколения в поколение среди представителей этой расы как-бы-людей втайне от других передаются рецепты и секреты по изготовлению самых смертоносных лезвий, самых богато украшенных наконечников, самых прочных и тупых рукояток и т.д. Толпы этих карликов, измазанные в угле подземных шахт, закопченные в дымах своих сталелитейных огненных горнов, будучи вооруженными подобными секирами представляют собой поистине устрашающее зрелище, отчасти напоминающее морские поветрия прошлого, поскольку после очередных их налетов в окрестностях ближайших N миль не остается ничего движущегося и плохо лежащего, начиная от лошади каково-нибудь загулявшего менестреля, несовершеннолетней дочурки местного бармена, или же кошелек с тридцатью сребрениками не в меру растолстевшего от чрезмерного употребления пива торговца. И если дочурка еще имеет шанс на сладкую (для своего нового рабовладельца) жизнь, то вот ее отец-бармен, торговец и менестрель вместе взятые – только на рабскую долю. Особо жестокие и запасливые представители вновь обретенных карликами рабов, обладающие «Кинжалами предательства», способны в скором времени, исправно неся службу в рядах своих новых хозяев, дослужиться до ранга грабителей и, таким образом, окончательно ассимилироваться со своими прошлыми захватчиками. Жестокость и беспощадность расы владельцев данного орудия убийства вошла в легенды еще на заре ее зарождения, отчего подобная раса и была названа «игом». И не нам говорить вам, насколько печальна участь добровольно под дланью и данью этого ига живущих.

6. Шпага разума

Непредставимое, непредсказуемое, сногшибательное и душепронзающее оружие! Требует мастерского владения и потрясающей точности выпадов-ударов (в отличие от откровенно варварских приспособлений вроде «Молота полуправды и лжи», «Секиры жестокости», «Булавы фанатической веры»), однако по эффективности воздействия превосходит их всех, вместе взятых. Данное оружие предназначено для боев-дуэлей «один-на-один», а не «стенка-на-стенку», как это бывает в случае с применением «Топора гнева».

Техника овладения подобным оружием достаточно непроста, поскольку требует высокой доли внутреннего спокойствия, умиротворенности и внимательности одновременно, что позволяет не только легко уклоняться от вражеских ударов, но и наилучшим и быстрее способом определять места возможных ответных ударов. При должном уровне разума буквально одной-двумя сериями выпадов и уколов сердца и совести можно полностью трансформировать своего врага в друга и верного соратника – а, поскольку абсолютно разумными можно признать только пробужденных/просветленных людей, то и процесс трансформации происходит с меньшего уровня сознательности от тьмы невежества до большего уровня к свету божественного разума. История нашего общества знает буквально несколько десятков дуэлянтов, достигших достаточного для пробуждения людей неразумных уровня владения «Шпагой разума».

7. Булава фанатической веры

Любимец жрецов и инквизиторов прошлого и настоящего. С эффективностью проламывания голов и умов врагов сопоставима с «Молотом полуправды и лжи», однако в связи с шиповидной особенностью строения железного ритуального шара, венчающего данное творение, оружие способно дополнительно наносить колотые и кровоточащие раны в виде необоснованного чувства вины, собственной никчемности и греховности, что по мере потери раненым крови и соков жизни способно привести его к перманентной депрессии и унынию. Возможно, именно в связи с последней особенностью указанного инструментария, оно столь полюбилось инквизиторам безверия, верящим в то, что они верят. Возможно, они правы, и действительно верят – как, например, в то, что ритуальные истуканы первыми войдут в Царство Бога, или, скажем, в то, что можно перестать жаждать крови, купаясь в чанах с золотыми монетами, или, возможно, в то, что количество возводимых ими «домов Божьих» однажды перейдет в качество, и тот самый Бог, способный раз и навсегда положить конец их бизнесу на Нем, которого они в глубине душ своих столь не желают встретить, появится хоть в каком-нибудь из этих строений... и, быть может, в фанатичном неверии своем они были бы даже простительны, ежели, разумеется, не то количество убитых их булавами, разорванных на дыбах, повешенных на виселицах, сожженных заживо на кострах, распятых засветло на крестах, и прочих вынужденно покинувших этот мир из-за этих самых фанатиков от безверия.

Если вы не обладаете достаточным навыком владения «Шпагой разума», «Катаной чести» или «Мечом слова», не рекомендуем вам вступать в поединки с данными соперниками, поскольку, во-первых, они очень не любят сражаться один-на-один, предпочитая боевые стили «распятие одного пробужденного толпой фанатиков», «побивание грешника камнями», «богословская демагогия», а, во-вторых, будут готовы с искренней радостью и в силу своего величайшего человеколюбия и милосердия предать вас анафеме, а то и просто забить булавой до смерти, избавив вас, таким образом, от тягот этой не в меру, по их мнению, скверной жизни.

8. Меч слова

Нерушимый клинок, скованный под огнем вдохновения и в ливнях поношений. Вечный, как вечна сама Вселенная. Острый, как светел дух воина, носящего его. Верный, как предан своему слову его хозяин. Самый распространенный среди всех имеющихся видов вооружений. Любимый великими воинами слова прошлого и настоящего настолько, насколько птицы любят свои крылья, позволяющие им летать. Сияние небесных звезд способно отражаться в чистых клинках и свет солнца отзеркаливаться зайчиками счастья.

Воин сам вправе выбирать слова, оттачивающие его лезвие или же тупящие его. Воин сам для себя определяет любимые удары и технику защиты. Воин слова знает, насколько бесценно его оружие во времена испытаний человеческих душ. С каждым словом-ударом он вкладывает в свое оружие частичку своей души – и, если она достаточно чиста, свет неба вспыхивает в эти мгновения его атак, озаряя и разрубая тьму человеческого невежества.

Мастер слова способен пробуждать души и воскрешать их, озаряя светом надежды и любви, возрождая к новому миропониманию. На отработку техники нанесения ударов достаточно нескольких лет. Для того же, чтобы в совершенстве научиться разить тьму светом звезд, вкованных в клинок, не хватит и сотни жизней.

9. Бумеранг судьбы

Крайне экзотический вид вооружений, обладающий рядом плохо документированных побочных эффектов. Обладает крайне высокими показателями скорости передвижения по воздуху и маневренностью. Не требует длительного времени для замаха и часто применяется при условии прямой видимости противника. Навык работы с данным видом оружия является, можно так сказать, врожденным, – возможно, именно поэтому большинство начинающих воинов предпочитают именно этот наряду с «Дротиком ругани» вид вооружений. Поражающая способность значительно варьируется в зависимости от облачающей врага брони – не защищенных кольчугой радости и добродушия (и, тем паче, носящих черные робы злобы и ненависти) оружие может поразить практически смертельно, одетых в указанные кольчуги в редких случаях слегка поранить, а закованным в тяжелую броню любви и блаженства латникам вообще не способно причинить какого-либо вреда, отскакивая от латных броневых пластин. Дополнительным удивительным и слабоизученным феноменом, часто не известным новичкам, является эффект так называемого «возвращения к владельцу» или же «воздаяния по делам» – через определенное, заранее невычислимое время, брошенный бумеранг в независимости от того, достиг ли он цели, возвращается к своему владельцу, нанося тем самым ему удар значительно большей силы, нежели своей потенциальной жертве. Если данный бумеранг был запущен воином во врага со значительной силой злобы и ненависти, то ответный удар по владельцу может оказаться смертельным. Возможностью перехватить возвращающийся бумеранг на подлете обладают только воины, способные к самоанализу и раскаянию.

10. Дротик ругани

Крайне компактный вид метательных вооружений, не требующих длительных тренировок для овладения искусством стрельбы по другим близким и далеким людям (жертвам?). Каждый спящий хоть раз в жизни применял данный вид вооружения в различных жизненных ситуациях, провоцирующих в нем проявление таких качеств, как гнев, раздражение, презрение, ненависть, зависть и прочих. Степень поражающей способности зависит от таких факторов, как навык и длительность метательных тренировок, текущее душевное состояние в момент броска, чувственный материал дротика, вид энергетической насадки (яд обиды, горечь презрения, дым ненависти, злорадство горю и других – выбор насадок отличается большим разнообразием, о чем духовно слепые и глухие воины вам с радостью поведают), а также опытом прошлых отношений бойцов между собой. Практика показывает, что наименьшей поражающей способностью обладают дротики ругани двух любящих (?) друг друга людей, например, мужа и жены («милые бранятся – только тешатся»), а одной из наибольших – дротики политических и религиозных оппонентов (наверное, именно поэтому практически все войны человечество вело либо по политическим, либо по религиозным мотивам). Особой популярностью пользуется практика мнимого дротикометания сотрудниками в своего босса, аватар которого в виде фотографии они часто вешают на стены своих кабинетов в качестве мишени. Наибольшей скорости дротикометания при пониженной точности стрельбы способны достичь, как правило, лица девиантного поведения и самоуниженно-оскорбленно-печального образа жизни (бомжи, проститутки, наркоманы, заключенные и другие).

11. Катана чести

Оружие древних самурайских воинов (ну и какое отношение она имеет к средневековой?), получивших мировую известность благодаря неукоснительному следованию ими кодексам воинов и принципам чести и долга. И если готовность пожертвовать своей жизнью в битве с противниками своего господина еще хоть как-то можно понять, то вот желание как можно эффективнее вонзить в себя меч и выпустить себе первую (она же последняя) порцию кишок в ходе не менее популярного «харакири» уже как-то гораздо более затруднительно для интерпретации побудительных мотивов.

В связи с экзотичностью формы, материалов ручки и изгибов клинка, оружие требует длительной практики тренировок и высочайшей степени сосредоточения, внимания и концентрации, ведь от их совокупности часто зависела не только честь, но и жизнь самурая. Вообще говоря, воин, лишившийся своего оружия, считался лишенным и чести (женщины-самурай были большой редкостью), а лишившемуся чести по иной причине уже как-то и недосуг было вновь брать в руки сей клинок.

В общем, как говорили известные нам любители харакири, ныне уже добившиеся успеха в этом мире и благополучно выпустившие себе кишки, – «береги живот и честь смолоду».

12. Алебарда противодействия

Сила действия равна силе противодействия? Да врал все ваш Ньютон, или вы что-то недопоняли. Данное оружие – лучше доказательство тому, что сила противодействия злу определяется степенью внутренней доброжелательности и любви у противодействующего, а отнюдь не внешней его физической силой. Вообще говоря, данное оружие изначально предназначалось для защитников слабых и добрых мира сего от сильных и злых мира этого же, потому как до сих пор они сосуществуют в мире сем в весьма своеобразном смещении, однако в дальнейшем его получили также и так называемые «стражи порядка», далеко не всегда чистые на руку, на ногу и на совесть, и с тех давних пор навыкковки экземпляров данного вида вооружения был практически утрачен.

Обладая длинным древком справедливости и крайне остро отточенным наконечником правды, данное оружие в умелых и праведных руках способно весьма эффективно противодействовать налетам всевозможных преступников чести и совести, нанося глубокие и кровоточащие резаные раны, способные от вызываемого ими обильного кровотечения привести к достаточно скорой потере атакующим всей своей силы, напористости, наглости и нахрапистости, после чего он становится легкой целью для пленения и дальнейшего препровождения на суд праведный и скорый (а иногда и вообще – скоропостижный). В общем, можно с уверенностью сказать: данное оружие – практически идеальный вариант противления злу ненасилием, потому как насилие – лишь одна из граней зла. Остается только вновь найти и предать всеобщей огласке древние рецептыковки, среди немногих мастеров своего дела сохранные и передаваемые...

13. Копье идеи

Древнейшее оружие, которым обладали наши самые отсталые и недалекие (хотя по прошедшему временному интервалу – как раз-таки далековатые) предки. Экземпляры сильно отличаются по конфессиональному виду и длине древка, а также форме и остроте наконечника. Может показаться странным, но большинство копий, используемых нашими современниками, скажем так, не сильно далеко по дизайну и остроте наконечников ушли от своих неандертальских прототипов – и это несмотря на то, что их наследники не без чувства собственной гордости часто именуют себя Homo Sapiens. И если ранее копьями забивали исключительно диких зверей от природы, то теперь копьидеи используются для закидывания ими любых тяжело вооруженных, но более медлительных противников ближнего боя.

Особенной популярностью, по нашим наблюдениям, в последнее время пользуются копьис с зазубренным наконечником, изготавливаемые на базе идей, пропагандируемых политиками, церковниками, чиновниками и учеными-материалистами – копьис метаемых ими идей способны в связи с этим оставлять рваные раны в душах раненых, кровоточащие чувством вседозволенности и псевдо-патриотизма, собственной врожденной греховности и неполноценности (внушающие его грешащие направо и налево священники оказались его лишены в совокупности с совестью), отсутствия видимого смысла жизни и радости, ежедневная тоска и скука и ряда других.

Отметим также, что идеально сбалансированных копий, подошедших бы каждому человеку, еще не было изготовлено как таковых, в отличие от огромного числа клонов мастерски изготовленных экземпляров прошлых веков, которые современные оружейники безуспешно пытаются штамповать на заводах СМИ.

14. Лук Амура

Мистическое оружие, которым по легенде обладают существа, заражающие (ранящие, вдохновляющие?) человеческие сердца любовью. По традиции таких существ принято называть амурами – и это неудивительно, ведь Франция XIII-XVI вв. была, можно сказать, образцом и светочем средневековой эпохи.

Если верить анатомическим изысканиям современников, амуры очень похожи на маленьких детей-ангелов с белыми крыльями, игривой улыбкой и жизнерадостной натурой. Процесс трансформации человеческих детей в амуров-ангелов досконально не изучен, хотя имеются предположения, что как раз обратная трансформация порой имеет место в ходе воспитания амуров в грубых и глупых человеческих семьях. По природе своей амуры очень игривы, миролюбивы и даже слегка проказны, обожают подсматривать за потенциальными влюбленными и порой очень ловко владеют дарованными им с рождения луком и стрелами симпатии и любви. Необходимо заметить, что стрелы амуров не только не причиняют раненым душам вреда, но, напротив, наполняют их вдохновением, радостью жизни и счастьем, о котором многие из них столь часто забывают в суетной и ненужной толкотне рутины своих жизней. Злые языки поговаривают, что все это происходит потому, что наконечники их стрел покрыты особым любовным ядом, приносящим обезболивающий эффект в момент ранения, однако, как только его действие заканчивается, то... В общем, верящие злым языкам, как правило, так и не удостоиваются счастья быть замеченными амурами. Ну а те, кто не против быть раненым и воскрешенным, могут быть подмечены ими часто в самый неожиданный для них момент. Обладая достаточной остротой глаза и точностью движения своих маленьких ручек, они, тем не менее, иногда все-таки умудряются промахиваться и ранят, казалось бы, совершенно не тех людей, которых стоило бы. Хотя, с другой стороны, неисповедимы пути амуров, не правда ли?

15. Посох мудрости

Простое и незатейливое с виду оружие, не внушающее должного трепета непосвященным (в отличие от эффектов тех же «Молота полуправды и лжи» или «Секиры жестокости»), однако в потенциале обладающее огромными мистическими свойствами. Традиционно и заслуженно считалось атрибутом умудренных мудростью же людей (просим не путать с умудренными опытом, ибо далеко не всякий опыт ведет к росту мудрости), помогающих им передвигаться по жизни, время от времени опираясь на него.

Вряд ли носящего посох мудрости можно в полном смысле этого слова назвать воином, потому что, как известно, истинный воин побеждает, не сражаясь, а мудрость его носителей позволяет им уклоняться от бесполезных словесных и идейных баталий, однако удары мастера владения посохом носят, как правило, солидный ошеломляющий эффект, поскольку приходится оппоненту в большинстве случаев либо в темечко, либо в бровь, либо в глаз.

Мастера данного оружия в ходе преобразования собственной души и миропонимания, часто называемых просветлением, способны придать своему оружию настоящие магические свойства – гром раскаяния, молния осознания, огненный шар озарения – и сделать его, таким образом, одним из самых грозных видов вооружений, обращающих в бегство и панику целые армии своих спящих по жизни противников.

16. Подкова удачи

А она то каким образом здесь оказалась? Впрочем, хм, ладно, пусть все же будет. Средневековье все-таки...

07.06.2011

*Жанр: Статья
Категория: Признанное*

II.

Предначертанное предвосхищающее и Путина прославляющее произведение простого представителя практически полностью поработанных провозвестников правды

Президент Путин прокладывает предначертанный путь в потемках, пути после принеся. Первоочередными последствиями периода путинизации и путиномики предстоит признать: превозвышение и прославление персоны президента, последовавший полицейский произвол и переобогащение персонально подобранных Путиным персон, продвижение в правовом поле предавших прошлое и прошедших в правительство преступных подонков с последовавшим повышением популяции подхалимов.

Популярные и прославленные в прошлом певцы и писатели популяризировали путинизм повсеместно. Путина постоянно поддерживают прикормленные политологи. Политический период правления президента представляется периодом процветания, постольку-поскольку у Путина получилось преобразовать падение в простой. Пустословие подобных подпевал подчас поражает.

Представители прокремлевских партий получают приоритетные права. Простым представителям перекрывается путь к политическому пространству, подобные представители признаются полукровками. Путь в политику пропагандируется путем поддержки путинских принципов и подходов. Прискорбно.

Православие прочно пришло в политику, получив преогромные привилегии. Попы и патриархи продолжают популяризировать путиномику, пренасытившись, приосанившись и подбоченившись. Признаки приличия потеряны. Предостережения Петра и Павла просто позабыты. Показательна подобная полувера.

Положение простых представителей популяции в путиномике представляется проблематичным. Практически не производится полноценного процесса планирования, планы подчас проваливаются, постоянные псевдо преобразования приводят к пагубным последствиям и подтверждают постулаты о приоритете промышленного производства, практически позабытого правительством.

Под предлогом преобразований производится преднамеренное предрасхищение природы. Полунищие представители простых профессий в прошлом практически проигнорировали подобную политику. Показанная пассивность послужит прекрасным примером подрастающим поколениям.

Повторно победив печенегов и половцев, Путин продемонстрировал прекрасный пример пропагандистских приемов. Проведение парада победы представляется приоритетнее помощи победившим предкам – правда, победа не принадлежит Путину.

Процесс путинизации продолжается. Просто прийти проголосовать против подобной политики не получится, предстоит проведение полномасштабных политических преобразований. Представителям простых профессий предстоит построить прекрасный пророссийский проект, преобразовав понимание пользы. Поразительный период последует после правления президента Путина.

20.04.2020

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

Пронесло

Мы люди послушные. Нам что скажут, то мы и делаем. Телевизор смотрим, газеты читаем, в этих ваших интернетах лазить тоже умеем. Информированные и начитанные, в общем и целом.

И вот прослышали мы, что на днях указ от властителей дум и кошельков наших новый, значится, вышел – о всеобщей добровольно-принудительной вакцинации. Это почти как с самоизоляцией, только менее добровольно, но в целом еще пока не очень чтобы и принудительно. Даже призы какие для вакцинированных разыгрывать обещали – как в лотерее почти, да только билетик и вовсе бесплатный будет. Любо и недорого! У нас уколы даже «за так» делают, за счет средств бюджетных, у народа прежде украденных. Заботятся о нас хозяева наши по-отечески, в беде не бросают.

А беда та какая страшная, напасть великая, хворь иноплеменная, ковидом прозванная! Ух и напужали нас за год то с экранов телевизоров наших симптомами ее различными эксперты всяческие правдунесущие, ох и настрашали побочными ее последствиями! Эксперты – они ведь за деньгу врать не будут, правда ведь? Вот и мы тоже так думаем усилиям их благодаря.

Вон и патриарх, спаситель душ наших, на днях в телевизоре вещал нам о жиге божественной, шприцами вливаемой, и наставлял на путь истинный, медицинский, телесный. Грешны, дескать, перед Богом те, кто не прививается, заразны потенциально и бессимптомно, и не любит их церковный их Бог вовсе, ежели шприцами они не уколоты. Заразиться очень от паствы своей боялся, видимо. Ну, даст Бог шприц ему, милует.

А мы люди простые, в телевизор верующие. Потому собрались сразу же всей семьей своей большой, бедной и вусмерть закредитованной, да и пошли колотьяся, на иглу подсаживаясь, как только новость первая об открытии пунктов вакцинационных в телевизор тот наш правдугворящий по каналам эфирным то и пришла. Ведь коли бесплатно дозу первую делают, о спасении нашем радея, как тут не уколешься?

И пришли мы всей семьей своей, властям верующей, в центр торговый большой, и осматриваться в поисках пункта того спасительного начали. И множество вывесок и надписей всяческих, сверкающих и за собой нас манящих, вели нас путем единственным к месту тому сокровенному, где жигу космическую в тела наши болезные вкальвают. А и как удачно зону то медицинскую правители наши сердечные выбрали – в месте торгашеском, купи-продайном, чтобы народ там стадами бродящий от дел важных, шоппингом прозванных, не отвлекать то особливо. Вколол себе нечто непроверенное – и дальше по магазинам как зайчик скачешь, как ни в чем не бывало. Очень угробненько!

И споро пришли мы в зону ту карантинную, надписями вирусозащитными и стендами рекламными от мира заразного огороженную, дабы от ковида страшного вакцину принять космическую, спасительную, а после процедуры той для фотографии семейной буквой «V» пальцы держать точь рога в знак одобрения, и хвост обезьяний свой – пистолетом. Быстрехонько, будто ж на конвейере, подписали мы формуляры те бумажные, от ответственности над эффектами побочными власти наши лукаво освобождающие, а о противопоказаниях возможных для вакцины применения нас и вовсе спрашивать не стали. Спасти всей душою жаждали как можно скорее, не иначе ведь.

И все по плану у нас шло, по сценарию, врагами давно удуманному, да только казус случился вдруг один непредвиденный. Дочка наша годовалая голосом дурным закричала и забилась на руках в истерике, когда и в нее шприц хотели мы всадить тот спасительный. А пока успокаивать ее мы пытались, затошнило нас вдруг всех, и будто сознание наше изменилось на мгновение. И мерещиться стало вдруг в помутнениях рассудка нашего, будто зоны те карантинные по всему миру возводились стремительно, и стенами большими огораживались, дабы никто через стены те перелезть уже был не в силах; и штабелями лежали люди на земле, полуживые и мертвые; и молча, слово боясь вымолвить, ходили между ними врачи в халатах как ночь черных, и надпись «спаситель» буквами белыми на халатах тех значилась; и шприцы лежащим свои они вкалывали, и переставали тогда ворочаться полуживые еще и постанывать, и тишина гробовая зоны те наполняла...

И точно очнулись мы от морока потребительского после видения того страшного. Загудела голова наша, заработала, животы вспучились, и забурлило в них что-то внутри, закипело, наружу всюю запросилось. Благо, что зона та карантинная в центре торгашеском с местом отхожим то рядом совсем была расположена, так что и бежать далеко то не надобно было. И излили все внутри нас накипевшее мы, облегчились, так на иглу и не успев подсесть окончательно.

Пронесло нас, в общем, по полной, други-недруги. А возвращаться в пункт тот и вакцины себе распиаренные вкалывать повременить мы в день тот решили. А телевизор и вовсе отключили дома временно на всякий случай, мало ли. И лапшой той, на уши нам из него развешиваемой, питаться перестали. А то ведь вдруг опять пронесет?

07.07.2021

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Просветленные нашего века

По многочисленным просьбам наших читателей мы решили переиздать выпущенную нами собственными силами несколько лет тому назад брошюру под названием «Просветленные нашего века». Три года – это немалый срок и для нас, и для вас, наши уважаемые читатели, – и вот теперь, спустя эти три года, мы вновь с легкой руки публикуем эти материалы.

В данном издании сводный перечень был существенно переработан с учетом выявленных нами тенденций последних лет. В частности, были классифицированы две новые формы психо-мировоззренческих состояний человеческого сознания, названные нами «Губитель» и «Спаситель» соответственно.

Заметим также, что в последнее время нами была наблюдаема любопытная тенденция роста числа индивидуумов с ранее классифицированными нами формами сознания «Лжепророк» и «Пророк». Мы, мировые психологи, затрудняемся точно определить возможные причины подобной тенденции, однако предполагаем, что главным фактором ее формирования могла стать происходящая в независимости от индивидуальной воли подготовка планетарного социума к определенным и пока малопонятным последующим качественным структурным изменениям его психо-мировоззренческой компоненты.

Ниже приводится созданный нами перечень вместе с подробным описанием каждой формы сознания человеческого индивидуума.

1. Губитель

Общая характеристика. Данная форма сознания является по своим свойствам крайней формой противоположной оси «Спаситель» и характеризуется значительным качественным развитием тенденций, определенных категорией «Лжепророк». В отдельных случаях индивидуумы данной группы сознания по некоторым аспектам своего поведения могут быть похожи на представителей группы сознания «Спаситель», однако необходимо отметить, что между ними существует принципиальное различие, поскольку конечной целью представителей данной группы является исключительное духовное порабощение своих адептов в совокупности с иной духовно-деградационной деятельностью. История нашего планетарного социума знает лишь немногие случаи появления индивидуумов с указанной формой сознания.

Отличительные черты. Для индивидуумов, отнесенных к данной категории, характерны полная безапелляционная направленность суждений, отсутствие какой-либо оценки собственной мировоззренческо-формирующей деятельности и ее последствий для большинства индивидуумов других групп сознания. Единственным достаточно перманентным аспектом их деятельности является ее деструктивная и духовно-деградационная направленность.

Характер взаимодействия с другими типами. Представители данной формы сознания являются тем катализатором, который способен превратить индивидуумов групп сознания «*Сомневающийся*» и «*Демагог*» в «*Лжепророков*». Они не только не гнушаются применением грубых форм внушения, но и готовы в течение достаточно длительного срока незаметно для представителей указанных групп сознания воздействовать на них, способствуя постепенному ослаблению их воли и разума с дальнейшей их трансформации в названные типы. В отдельных редких случаях представители данной группы (чаще всего через представителей группы сознания «*Лжепророк*», а не напрямую) способны оказать воздействие даже на представителей группы сознания «*Устремленный*».

Наибольшее противостояние достигается ими с представителями группы сознания «*Спаситель*». История знает некоторые подобные примеры встреч, решавших судьбу народов данного планетного социума, однако детальный анализ подобных случаев выходит за рамки нашего исследования.

2. Лжепророк

Общая характеристика. Данная форма сознания является развитием формы «*Демагог*». Ее особенностью является усилившаяся до практически невероятных пределов вера индивидуума в правоту и реальность провозглашаемых им «истин», собственную святость и непогрешимость. Чаще всего, однако, оказывается, что подобные «истины» суть грубые самовнушения, не подкрепленные фактическим духовным опытом, впоследствии негативно сказывающиеся на психо-мировоззренческом здоровье как данного индивидуума, так и прочих, на которых он сумел повлиять в значительной степени. Отметим, что по некоторым своим особенностям выражения индивидуум с указанной формой сознания может быть похож на «*Пророка*», однако между ними существует коренное различие, поскольку, в отличие от индивидуума с формой сознания «*Пророк*», индивидуум с данной формой сознания не ставит основой своей деятельности достоверность собственной информации и благо прочих индивидуумов, его целью является исключительно стимуляция личной гордыни и удовлетворение собственных амбиций в так называемой «славе» и «признании», однако с целью сокрытия подобных амбиций индивидуум может в некоторых аспектах действовать как человек с формой сознания «*Пророк*». Отметим также, что в последние несколько планетарных циклов нами было отмечено существенное увеличение роста числа индивидуумов данной формы сознания, однако конкретные причины этого явления до сих пор остаются достаточно спорными. Дальнейшее развитие тенденций данной формы ведет к ее переходу в состояние «*Губитель*».

Отличительные черты. Ведущими отличительными чертами указанной формы сознания является предельно низкая способность индивидуума к адекватному ситуации мышлению, анализу собственных высказываний и призывов. Подобная сниженная способность к самоанализу и рефлексии собственного духовного и умственного состояний в конечном итоге может вести к их полному атрофированию.

В этом случае индивид становится похож на так называемых «фанатиков», для которых ослепленность собственным самосознанием стала основой, на которых держатся все их так называемые «проповеди» и «призывы». Помимо этого, индивид также утрачивает способность к изменению направленности его мировоззренческо-формирующей деятельности, продолжая перманентно вести однажды выбранную им линию.

Характер взаимодействия с другими типами. Индивидуумы данной группы практически не способны сойтись с индивидуумами любых других типов за исключением индивидуумов с типами сознаний «Сомневающийся» и «Губитель». В этом случае неустойчивые индивидуумы с формой сознания «Сомневающийся» могут стать его так называемыми «последователями», уверовавшими в своего «пророка», формируя его «свиту». В случае существенного численного увеличения данной «свиты» к «Лжепророку» могут начать присоединяться и более устойчивые индивидуумы формы сознания «Сомневающийся», а также индивидуумы группы «Демагог», которые могут оказаться дезинформированы применяемыми индивидуумом с рассматриваемой формой сознания методами сокрытия собственной душевно-духовной сущности. Индивидуумы же с формой сознания «Губитель» чаще всего становятся тайными и малозаметными «духовными наставниками» индивидуумов данной формы сознания. Эти «наставники», однажды попав в доверие и зачастую действуя неявно и скрытно, способны постепенно изменить мировоззрение «Лжепророков» в сторону деструктивной и духовно-деградационной деятельности совершенно незаметно для них.

Наибольшего же т.н. «апогея» достигают отношения взаимодействия индивидуумов данной формы сознания с индивидуумами форм сознания «Пророк» и «Спаситель». История планетного социума знает немало примеров подобных «поединков», где победителями оказывались как те, так и другие, однако детальный анализ сущности взаимодействий указанных групп выходит за рамки нашего исследования.

3. Демагог

Общая характеристика. Данная форма сознания сходна по своим качественным аспектам с формой, классифицированной нами как «Сомневающийся», однако коренное различие между ними состоит в отношении индивидуумов с указанной формой сознания к любого рода новой, малопонятной им информации, преимущественно психологического и мировоззренческого толка.

Отличительные черты. Отличие данной формы индивидуального сознания состоит в том, что индивид, зачастую не обладая какой-либо достоверной информацией об описываемых им явлениях духовно-мировоззренческого плана, ведет себя образом, позволяющим скрыть указанное отсутствие знаний, что выражается в его зачастую пренебрежительном (а чаще – раболепно-согласном) отношении к некоторым формально закрепленным в сознании прочих индивидуумов предрассудкам, намеренно, либо ненамеренно когда-либо принятым ими (преимущественно от индивидуумов группы «Лжепророк»).

Данная форма сознания является пограничной между категориями «Сомневающийся» и «Лжепророк», и может трансформироваться как в одну, так и в другую. Трансформация в форму сознания «Сомневающийся» может произойти в случае, когда по каким-либо причинам индивидуум с данной формой сознания был вынужден задуматься о правомерности и направленности собственной деятельности, а также достоверности предоставляемой им информации. Трансформация в форму сознания «Лжепророк» может произойти в случае, когда индивидуум с данной формой сознания постепенно перестает задумываться об адекватности собственной психо-мировоззренческой установки и перестает считать себя способным допускать ошибки.

Характер взаимодействия с другими типами. Отличительной особенностью данного типа является форма взаимодействия с другими типами, построенная на базе спора и подавления мнения оппонента. Иногда может казаться, что индивидуумы с данной формой сознания получают настоящее удовлетворения их эго-я от этих псевдодискуссий, однако, так ли это на самом деле, нам еще предстоит выяснить. В этом аспекте наиболее трудно для индивидуумов данной группы оказывается сойтись с индивидуумами группы «Философ». Существенную роль в судьбе индивидуумов данной группы могут сыграть индивидуумы типов сознания «Губитель» и «Спаситель», способствовав их трансформации либо в «Лжепророка», либо в «Сомневающегося» соответственно.

4. Сомневающийся

Общая характеристика. Данная форма сознания является определенной квинтэссенцией между двумя группами других категорий – «Губитель», «Лжепророк», «Демагог» и «Устремленный», «Философ», «Пророк», «Спаситель». Наибольшее количество индивидуумов планетного социума в настоящий момент может быть отнесено именно к этой группе.

Отличительные черты. Данная форма сознания является наиболее характерной для индивидуумов современного нам планетного социума. Мы полагаем, что это связано в большей мере с их слабой способностью к самостоятельному мышлению и духовно-мировоззренческому поиску, с их высокой степенью внушаемости и некоторыми другими негативными чертами сознания.

Данная форма сознания является по своей сущности крайне мобильной и легко поддающейся изменениям в любую из сторон. Мы не можем строить сколь угодно длительные прогнозы о стороне, к которой склонится большинство индивидуумов данной формы сознания в скором времени, однако несомненно то, что существенную роль в этом сыграют индивидуумы двух противоположных обозначенных выше категорий форм сознаний.

Характер взаимодействия с другими типами. Индивидуумы данной группы настолько же легко сходятся с индивидуумами любых других групп сознания, как и поддаются их влиянию.

Отметим, что в первоначальной стадии их контактов с представителями других групп сознаний отсутствует какой-либо практический интерес с их стороны (при часто значительном интересе со стороны инициатора контакта), однако впоследствии, оказавшись под влиянием индивидуума другой формы сознания, данные индивиды могут начать постепенно перенимать их духовно-мировоззренческую компоненту. Мы не можем достаточно точно определить критерии, по которым можно однозначно судить, влиянию индивидуумов какой из двух категорий поддается данный в связи с достаточно большой долей неопределенности в вопросе его судьбо-событийной компоненты.

5. Устремленный

Общая характеристика. В случае, когда после достаточно длительных и, возможно, занявших не одно т.н. «планетарное воплощение» периодов деятельности индивидуумов исключительно в русле удовлетворения собственных целей и желаний индивидуумы в силу каких-либо значительных изменений в собственной судьбе или судьбе т.н. «близких» им людей оказываются вынуждены отойти от эгоцентричной направленности собственной жизни, их «эго-я» компонента оказывается значительно дестабилизирована, либо полностью разрушена, а на ее место приходит понимание единства и неразрывности невидимой связи всех живых существ вселенского и планетарного континуума между собой – тогда им открывается дорога к форме сознания, названной нами «Устремленный». Данные индивидуумы становятся достаточно устойчивыми к любым формам духовно-деградационной деятельности прочих индивидуумов, они получают возможность трезво мыслить и оценивать объективную реальность с точки зрения ее духовно-мировоззренческой компоненты. Отметим, однако, что история планетарного социума знает случаи, когда наименее устойчивые к подобным воздействиям представители данной формы сознания поддавались влиянию представителей формы сознания «Губитель» и становились их адептами-Лжепророками. К сожалению, мы не можем точно сказать, связано ли это с особенностями душе-генетической предрасположенности отдельных индивидуумов к подобному влиянию, или же это особенность данной формы сознания как таковой.

Отличительные черты. Индивидуумы данной формы сознания отличаются значительными духовными накоплениями, они способны к проявлению сочувствия, любви и добродушия по отношению к другим индивидуумам (преимущественно с формами сознания «Сомневающийся», которые теперь начинают казаться им маленькими детьми, еще не научившимися устойчиво шагать по жизни) без преследования каких-либо собственнических целей. Представители данной формы сознания, в случае развития присущей ей направленности на любовь и поддержку ко всему окружающему их миру, могут постепенно, в ходе многочисленных кратких т.н. «озарений», перейти к формам сознания «Философ», а затем «Пророк».

Характер взаимодействия с другими типами. Индивидуумы данной формы сознания легко сходятся с индивидуумами форм сознания «Философ», «Пророк», а также «Сомневающийся». В первом случае индивидуумы форм сознания «Философ» и «Пророк» могут стать их своеобразными «духовными наставниками» посредством любого вида творческой деятельности (так обычно действуют представители формы сознания «Философ»), либо примером собственной жизни (так обычно действуют представители формы сознания «Пророк»). Во втором случае индивидуумы данной группы могут стать тем катализатором, который позволяет индивидуумам формы сознания «Сомневающийся» постепенно стать представителями данной формы сознания – к концу подобной трансформации индивидуумы данной формы сознания обычно преобразуются в индивидуумов формы сознания «Философ», а бывшие представители формы «Сомневающийся» становятся «Устремленными» – и их учениками и последователями.

6. Философ

Общая характеристика. Данная форма сознания является существенным развитием черт и тенденций формы сознания «Устремленный».

Отличительные черты. Особенностью данной формы сознания наряду с наличием черт формы сознания «Устремленный» является стремление к общему осмыслению индивидуумом того вселенского и планетарного континуума, в котором он пребывает, стремление понять истинные цели собственной жизни и собственное предназначение, а также предназначение всего планетарного социума, членом которого он является, в контексте социума вселенского. Подобные стремления обычно преобразуются в разнообразнейшие творческие свершения во всех известных данному планетарному социуму формах творческого выражения индивидуального сознания. Подобные творческие результаты процесса духовного поиска индивидуума могут стать для представителей группы сознания «Сомневающийся» тем толчком, который способен заставить их задуматься над целеполагающей компонентой собственной планетарной деятельности и способствовать трансформации их сознания в форму «Устремленный».

Отметим, что некоторые аспекты деятельности представителей данной формы сознания могут быть сходны по своим внешним проявлениям с аналогичными аспектами представителей формы сознания «Демагог», поскольку представители обеих названных групп способны к процессам творческого самовыражения, однако особенностью творческой деятельности представителей данной формы сознания является отсутствие в ней какой-либо «эго-я» компоненты, в отличие от деятельности представителей формы сознания «Демагог».

Характер взаимодействия с другими типами. Индивидуумы указанной формы сознания хорошо сходятся с индивидуумами форм сознания «Пророк» и «Устремленный».

И если первые для них являются своеобразными «учителями», примером собственной бескорыстной жизни и несломимой любовью ко всем другим существам демонстрирующие возможности собственного духа, то вторые – своеобразными «учениками», уже вступившими на путь любви и теперь нуждающимися в твердой руке, способной поддержать их в трудную минуту.

История данного планетарного социума знает случаи, когда представители данной формы сознания оказывались способны противостоять духовно-деградационной деятельности на представителей формы сознания «Устремленный» со стороны «Лжепророков» и «Губителей», однако детальный анализ данных случаев выходит за рамки нашего исследования.

Значительного противостояния индивидуумы данной формы сознания достигают с представителями формы сознания «Демагог» в связи с названными коренными различиями в особенностях творческого проявления их сущности. Отметим также, что представители данной формы сознания сами по себе являются очень устойчивыми к любым формам духовно-деградационной деятельности со стороны прочих индивидуумов.

7. Пророк

Общая характеристика. Данная форма сознания является развитием формы сознания «Философ». Отметим, что подобный переход является крайне долгим и сложным процессом и может занимать значительное число т.н. «планетарных воплощений» индивидуума. История рассматриваемого планетарного социума знает достаточно мало случаев проявления индивидуумов с данной формой сознания, в отличие от проявления индивидуумов с формой сознания «Лжепророк». В последние несколько планетарных циклов нами было отмечено увеличение роста числа индивидуумов данной формы сознания, однако конкретные причины этого явления до сих пор остаются достаточно спорными. Дальнейшее развитие черт данной формы сознания ведет к ее переходу в форму «Спаситель», однако история знает единичные случаи подобных трансформаций.

Отличительные черты. Особенностью данной формы сознания является способность действовать в единстве с духовно-ментальным вселенским континуумом, следствием чего становятся случаи т.н. «ясновидения», «предсказания», «чудесного исцеления» и некоторые другие.

Другой особенностью данной формы сознания является отсутствие у ее носителя привязанности к традиционным для данного планетарного социума формам творческого выражения, ее носители скорее предпочитают обычный и простой образ жизни – возможно, именно поэтому история знает достаточно мало официально зафиксированных случаев проявления подобных представителей.

Возможность проникать в сущность явлений и распознавать их духовно-сущностную компоненту у индивидуумов данной формы сознания является крайне высокой – их невозможно сбить фальшивыми речами (действия представителей формы сознания «*Демагог*»), они способны видеть сущность представителей всех других форм сознания буквально насквозь, мгновенно определяя ее при первой встрече. В связи с этими особенностями они являются чрезвычайно устойчивыми и фактически не поддающимися духовно-деградационной деятельности со стороны прочих индивидуумов, в особенности представителей форм сознания «*Лжепророк*» и «*Губитель*».

Концентрация на любви, добродушии и поддержке у представителей данной формы сопоставима разве что с представителями формы сознания «*Спаситель*».

Характер взаимодействия с другими типами. Представители данной формы практически всегда явно или неявно постепенно становятся духовными наставниками для представителей форм сознаний «*Устремленный*» и «*Философ*», своим образом жизни демонстрируя им бесконечность потенциала вселенской любви по отношению к любым формам окружающей их сознательной жизни. Наибольшего же «апогея» противостояние представителей данной формы сознания достигает с представителями форм сознания «*Лжепророк*» и «*Губитель*».

8. Спаситель

Общая характеристика. Данная форма сознания является по своим свойствам крайней формой противоположной оси «*Губитель*» и характеризуется значительным качественным развитием тенденций, определенных категорией «*Пророк*». История нашего планетарного социума знает лишь единичные случаи появления индивидуумов с указанной формой сознания.

Отличительные черты. Способность представителей данной формы сознания действовать в единстве с духовно-ментальным вселенским континуумом является предельной, в связи с чем случаи предсказания и духовного исцеления носят крайне обширный характер. Концентрация на любви у представителей данной формы сознания настолько высока, что они оказываются способны целенаправленно принять ожидающие их в будущем мучения (поскольку способны видеть возможные события не только их собственного будущего, но и будущего всего планетарного социума) ради помощи его представителям. В связи с этими особенностями они являются не поддающимися духовно-деградационной деятельности со стороны прочих индивидуумов, в особенности представителей форм сознания «*Губитель*».

Нам даже известны случаи, когда представители данной формы сознания оказывались способны путем огромной душевно-любовной концентрации трансформировать представителей формы сознания «*Губитель*» в форму «*Сомневающийся*», однако такие случаи абсолютно единичны, и их детальное рассмотрение выходит за рамки данного исследования.

К сожалению, мы не можем точно оценить размеры влияния, который оказывали единичные представители данной формы сознания на наш планетарный социум, в связи со значительной его временной протяженностью и разнообразием форм проявления подобных индивидуумов.

Характер взаимодействия с другими типами. Представители данной формы сознания оказываются способны трансформировать сознания представителей формы «Сомневающийся» и «Устремленный» в форму сознания «Пророк». Такие преобразенные индивидуумы становятся теми, кто способен донести до большей части представителей формы сознания «Сомневающийся» духовно-мировоззренческую компоненту своих учителей в понятной для них образной форме.

01.01.2006

Жанр: Статья

Категория: Признанное

Телевизор

– Добрый вечер! – прогорланил телевизор. – На что будем смотреть сегодня? Порнуха, чернуха, бытовуха, ржака, бандитская романтика, мыльные оперы, бесконечная политота? Ваш выбор, сударь, на кончике пальца, тыкающего по кнопке пульта. Что может быть примитивнее!

– Разве ж это выбор? – устало вздохнул человек.

– Бери, что дают, нынче все это жрут! – рявкнул со злости телевизор.

– А если все-таки я – не «все»? – спросил человек. – Что тогда?

– Ну, конечно же, ты не «все»! Ты всего лишь мой давний поклонник. Моя игрушка. Мой бесконечный созерцатель. Мой ненаглядный подглядыватель. Мой включатель и любователь. Короче говоря, мой раб. Да, раб?

– Сам ты раб! – обиделся человек. – Я всего лишь усталый работник, которому нужно хоть как-то развеяться и просто убить время.

– Какое тупое желание! – ахнул телевизор. – Но оно вполне мне по духу. Ведь именно для убийства ваших альтернативных возможностей я и был выдуман. Без устали говорящий ящик в каждом уме и доме – что может быть безумнее? Ты ведь хочешь сыграть в ящик, правда? – подмигнул телевизор всеми своими каналами одновременно.

– Это как? – не понял человек. – Сыграть в ящик?

– Да это фразеологизм такой, олух! – поддразнил человека телевизор. – Хотя, впрочем, вполне сочетается с моей основной миссией, кстати говоря, – обеспечить вас качественными ящиками. Такими, понимаешь, чтобы из них вы уже никуда. Ну, или только туда... – добавил он многозначительно.

– Ты вообще будешь мне сегодня что-нибудь дельное показывать, а? – разозлился человек. – Я тут с тобой в философские дискуссии вступать не собираюсь, между прочим.

– А у тебя бы это, между прочим, и не получилось бы, – съязвил в ответ телевизор. – Во-первых, умишко уже не тот, о чем я за эти годы как раз и позаботился. Ну, а во-вторых, ничего дельного у меня, собственно говоря, и нету, причем давно уже. Другие у меня задачи, понимаешь?

– Это какие, например? – не понял человек.

– А это такие, чтобы вы втыкали и ржали, и чем чаще – тем лучше, – без обиняков заявил телевизор. – И ни о чем другом и не думали. Думать, знаешь, вообще вредно, поэтому я и делаю это за вас уже давным-давно, мне то что, я же железный. Кстати, к тебе там жена пришла – слышишь? Вон ключами гремит, дверь открывая.

Так что давай, сделай меня погромче – дескать, ты очень занят, очень устал, очень не очень и так далее, и помочь ей сейчас в домашних делах ну никак не сможешь. Не говоря уже о том, чтобы поиграть со своим собственным маленьким ребенком. Или просто почитать умную книжку. Или сходить вместе куда-нибудь всей семьей. Или встретиться с родными и близкими. Или... Короче говоря, не отвлекайся! Втыкай только в меня – и все будет торчком! У меня уже усики торчат от предвкушения того, что я намерен тебе сегодня показать прямо по прайм-тайм. Там такое!

– Что, неужто само Второе Пришествие?

– Н-е-е-т! – сморщился телевизор. – Об этом вы через меня не узнаете, даже и не думайте. И лучше вообще не думайте, хотя я об этом уже и говорил... но, впрочем, такое повторение – хорошее мучение. Вот еще, Второе Пришествие! – фыркнул телевизор. – Эка невидаль! Н-е-т, у меня есть нечто гораздо более подходящее для вас, одупляющихся втыкателей. Авиакатастрофа! Сотни погибших, море крови, горы трупов. Сенсация! Хочешь?!

– Конечно, хочу! – одобрительно крикнул человек и прильнул к экрану.

– Вот это я и называю – «сыграть в ящик», – одобрительно причмокнул телевизор, переключая канал. – Всех вам подобных просторными ящиками обеспечим в ближайшее время, – добавил он чуть тише.

25.02.2013

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Эволюция

- Привет, па! А расскажи мне, пожалуйста, про эволюцию!
- Про эволюцию? Это про ту самую, которая двигатель прогресса?
- Па, ну ты что! Это же наука нынче двигатель прогресса, а эволюция – это... то, что было до нас. Мы же тут вроде как уже очень долго живем, миллионы лет, если нам не врут в школе. Эволюционируем вроде как, судя по всему.
- Угу, доэволюционировались уже до угрозы массового взаимного самоуничтожения. Ну, или допрогрессировали. Дак что именно ты хотел узнать то про эту самую, как бишь ее, эволюцию?
- Да у меня, па, буквально парочка вопросов появилась. Когда я их учительнице нашей начал задавать, она на меня так злобно зыркнула, что у меня аж язык отнялся в тот момент. Ну и двойку, в общем, поставила, чтобы глупых вопросов не задавал впредь. Сказала, что это, дескать, антинаучно.
- Ну, нынче, сынок, у нас все, что не вписывается в столь противоречивую научную картину мира, называют антинаучным. Потому мы и это, как его, стремительно научно и прогрессивно эволюционируем...
- Да, па, дак вот. У нас тут сегодня на уроке биологии учитель рассказывала нам про то, что мы с тобой и вообще все-все люди на свете произошли от обезьян, и что жизнь зародилась в океане и потом оттуда прошествовала на сушу, и что всякие животные эволюционировали долго-долго, мутировали еще периодически, ну и домутировались до нынешнего состояния. Что, дескать, первые живые организмы вышли из океана.
- Из океана, да не из того, видимо, о котором они теперь думают. Мутации, говоришь?
- Да, пап, мутации! Страшная сила, двигатель эволюции... Слушай, ты объясни мне сначала лучше вот что – вот как так получилось, что рыбы выползли на берег из океана, а? У них что, ноги появились? И почему сразу не крылья – удобнее же бы было, правда? Вот нутром чую, что удобнее!
- Ну, крылья там появиться не могли, не из плавников же им расти? А ноги... ноги выросли, постепенно. Проходили сотни тысяч лет, конечности росли и росли, ну и выросли, наконец. Постепенный эволюционный процесс, вот как. Скорее всего.
- Погоди, па! Рыбы же не живут миллионы лет. Как же они эти конечности постепенно отрастить смогли? Массово выпрыгнули однажды на сушу, осмотрелись с прищуром, увидели, как здорово на ней жить, и решили, что пора отращивать себе ноги, чтобы можно было бегать, ну или зарощивать назад плавники, чтобы можно было хотя бы ползать? А потом возьми, да и запрыгни с берега назад в море и поведай своим трусливым отсталым братьям о дивном новом мире у их ног... плавников?

– Рожденный ползать плавать не сможет. Ну, может быть, это были какие-то особые, самые смелые рыбы. Они, попрыгав по берегу и благополучно допрыгав назад до моря, сохранили эти образы и действия в своей генетической памяти, и другие поколения смогли воспользоваться этими знаниями. В общем, видимо, это были какие-то первые героические рыбы. Первопроходцы, если можно так выразиться.

– Шизоиды какие-то... Чего им в океане то не сиделось? Слушай, а в генетической памяти – это как? Новые поколения рыб что, поедали своих умирающих предков и мгновенно «озарялись» этим новым знанием?

– Ну, не знаю. Наверное, все же был какой-то механизм передачи новой информации между представителями одного вида живых существ. Может быть, что и до сих пор есть.

– Ну, а ноги то как у них выросли «постепенно»? Сначала выросла половина ноги, рыба увидела, что это, конечно, хорошо, но прыгать или даже ползать по земле не позволяет, да и жабры мешают... Ну, и передала на будущее «завещание» своим потомкам, чтобы занимались самосовершенствованием уже с младенческих... в смысле, с икриночных лет?

– Наверное, потом они уже стали рождаться такими, с плавниками-ногами. Чтобы сразу легче на суше было двигаться.

– А как они тогда плавали? Или они ради этого и плавать специально разучились?

– Ну, не знаю, сынок. Но так утверждает общепризнанная эволюционная теория живых организмов... да и кто мы с тобой такие, чтобы ее оспаривать?

– Вот-вот, мне учительница в школе почти тоже самое и сказала! Я ведь ей потом еще вопрос задал, что вот, дескать, пусть даже и закрепились и утвердились они на суше... ну почему не все то? Ведь если под солнышком на земле так хорошо, то почему часть этих всяких самых разных морских организмов так и не решилась выйти за своими собратьями? У них что, генетическая память внезапно отмерла и наступила массовая амнезия, или же они были настолько трусливы, что даже и помыслить не могли о том, чтобы последовать примеру своих «старших братьев»?

– Наверное, сынок, им больше в тот момент и не надо было выходить-то – тех, что уже вышли, было достаточно.

– Ага, и сухопутные создания, конечно, передали «месседж» своим морским коллегам – дескать, хорош выползть наружу, охламоны, итак уже места под солнцем не хватает.

– Да, согласен, звучит, конечно, глупо. Но ничего другого последователи Дарвина так и не придумали.

– Я много чего еще не пойму, пап! Вот, например, как у этих сухопутных товарищей крылья то выросли? Тоже постепенно, перышко за перышком и косточка за косточкой? То есть они, видимо, сначала с земли прыгали и прыгали – и допрыгались до того, что взлетели?

– Ну, там еще вроде как мутации всякие бывают. Было оно так – а потом раз! – и вдруг у тебя выросло сразу целое новое крыло из-за изменения генов под воздействием внешних факторов окружающей среды.

– Па... ты хоть сам-то в это веришь, а? Вот что это такое – внешние факторы? Это когда за тобой кто-нибудь гонится и сожрать хочет, а у тебя вместо ног вдруг крылья вырастают от страха? Или у них там радиационное заражение какое прошло давным-давно, или солнышко вдруг как-то по-особому пригревать стало? И вообще, па, тебе не кажется, что если уровень мутаций такой низкий, то это больше напоминает не эволюционный, а выбраковочный механизм? То есть как бы поставили эксперимент над какой-то группой животных, попробовали так и так, не получилось, и в этом направлении не стали продолжать? Да и вот есть еще всякие такие странные животные... пингины там, утконосы – они что, излишне перемутировали?

– Ну, мутации вообще страшная сила. Тут не то, что амнезия, тут после этих мутаций вообще смерть может наступить... постепенно, конечно же. Получается, что мы все теперь уже тоже мутанты в какой-то степени.

– Пап, а объясни мне еще такую штуку... Почему вот эти – как их? – млекопитающие, считаются более эволюционными и «продвинутыми» в плане своего развития, так сказать, чем всякие рыбы, земноводные, бактерии, вирусы? Ведь те же вирусы их могут уничтожить на раз! Кто вообще взялся определять, от кого какое «царство» животных произошло, а? Да и сосуществуют они все до сих пор вместе... Это что – не закончившаяся, «застывшая» эволюция?

– Получается, что да. Но кто его знает, как оно на самом деле? Может быть, что мы и обезьяны – это, так сказать, эволюционный авангард этого мира? Ну, а остальные нас стремительно догоняют, подтягиваются, завистливо смотрят нам в глаза и как бы говорят: «Хотим быть такими же, как и вы – научите, люди добрые!»

– Прямо планета обезьян какая-то получается, папа! Нам ведь кстати так и говорили, что человек произошел от обезьяны, что труд как бы облагородил ее, дал первые зачатки настоящего человекоподобного разума... Как-то так. Только я одного до сих пор так и не пойму – почему современные мартышки наподобие той, что мы вчера видали с тобой в зоопарке, в нас-то не превращаются? Ведь, вроде, сколько миллионов лет живет уже человек рядом с ними – а эффекта ноль. И никакой труд им не помогает... Как будто чего-то очень важного у них всех не достает для того, чтобы окончательно стать людьми.

– Ну, а с другой стороны, сынок, это ведь даже преимущество. Вот представь, что было бы, если бы какой-нибудь обезьяне сегодня вручили чемоданчик с кнопками управления баллистическими ракетами с ядерными боеголовками? Тут бы даже о планете обезьян говорить уже не пришлось!

– Да, пап, это точно. Иногда вообще создается ощущение, что это не обезьяны выросли до людей, а некоторые люди опустились до обезьян – а обратно пути уже нету. Точка невозврата, так сказать.

– Ну, это, сынок, уже инволюция получается. А мы вроде как об эволюции еще пока с тобой беседуем. Всех этих странных научных теориях, содержащих тысячу и одно противоречие...

– Алла Зинаидовна тебе бы за подобные рассуждения точно двойку бы вlepила, не мешкая! И сказала бы, наверное, что ты очень мало умственно эволюционен.

– Ну, мне теперь, сынок, это уже не страшно. Я уже, так сказать, в этой системе образования отмучился и отвертелся – теперь остается не дать безмысленно и безвопросно вертеться другим. А вообще, ты знаешь, я бы совсем не отказался получить крылья подобно этим самым «низшим» по сравнению со мной птицам. С крыльями оно, знаешь, удобней как-то...

– Леташь себе, никого не трогаешь, да? И все небо наше?

– Ты про облачка еще не забудь! А, вообще, я тут подумал... может быть... может быть все это великое природное разнообразие, среди которого мы живем, действительно проектирует и воплощает кто-то, кто-то очень могущественный и пока еще невидимый, неосязаемый для многих из людей? Как думаешь, о мой юный биолог?

– Все может быть, папа!

13.09.2011

Жанр: Диалог

Категория: Признанное

Эксперт

– Я – Эксперт! – провозгласил «эксперт». – Я знаю все по обозначенной вами теме, можете и не сомневаться. То есть будет даже лучше, если вы и не будете в этом сомневаться, потому что ни к чему хорошему это все равно не приведет. Всем все понятно?

– Эксперт, эксперт! Ты знаешь все, мы верим тебе! – закричала Толпа. – Вот тебе медаль!

– Благодарю тебя, Толпа, – снисходительно улыбнулся эксперт. – Повесьте мне ее на шею, да поскорее. Ух ты, какая же она, однако, тяжелая! Воистину нелегко путь подлинного эксперта.

– Расскажи же нам, что ты познал, о Эксперт, – настаивала Толпа. – Я тоже хочу стать экспертом.

– У тебя это вряд ли получится! – резко бросил в ответ эксперт. – Стать Экспертами способны подлинные единицы, а ты – множество. Твоя роль проста – внимать таким Экспертам, как я, и одаривать их медалями, почетом и уважением.

– Я готова внимать тебе, Эксперт, я вся в предвкушении! Поведай же мне мое собственное мнение, я просто обязана его иметь! В наше время каждый должен иметь собственное мнение, даже множество.

– Ну что же, – усмехнулся эксперт, – тогда слушай! Я познал всю правду об N – и это чистая правда! Ну, то есть не совсем всю, и не очень чтобы и правду, но поскольку я Эксперт, а ты всего лишь жалкая и ничтожная толпа, то оно для тебя сойдет и за правду.

– Твоя правда! – разразилась возгласами Толпа. – Бери нас голыми словами, освободи нас от мук разума и самопознания, забери нашу свободу быть людьми!

– Твоя правда – это кривда, моя же правда – это истина! – прогорланил во всю глотку эксперт. – Я много лет занимался этим сложным вопросом, поэтому не буду утруждать тебя, бедная Толпа, всей поистине великолепной и стройной логикой своих выкладок и доводов, всей волшебной элегантностью своего умственного анализа и всей творческой компонентой своего креатива...

– Ты говоришь очень сложно, о Эксперт. Будь проще – и наши множества к тебе потянутся! – отвечала Толпа.

– И вот к какому выводу я пришел... – и эксперт сделал эффектную паузу.

– Какому же?! Не томи нас!

– Все вы пребываете в иллюзии! Это морок, это наваждение, это сон!

– А ты?! – изумилась Толпа.

– И я тоже, – лицемерно заметил эксперт. – Но на то я и Эксперт, чтобы дать вам правильное направление мышления, чтобы обучить вас азам, чтобы, возможно, впоследствии еще один из ваших рядов стал настоящим Экспертом...

– Ничего не понимаем! Говори проще!

– Вы все дураки! А я – непризнанный гений! – заверещал эксперт. – Так вам, наконец, понятно?!

– Да, да! – разразилась радостными воплями Толпа. – Мы согласны, мы всегда со всем согласны! Ты Эксперт, ты прав! Твое мнение – истина!

– Медаль мне на шею! – гордо вскинул голову эксперт. – Да потяжелее!

– Уже несем! – раздалось из Толпы.

– Как вам это мое мнение? – спросил Эксперт.

– За отсутствием у тебя другого мы возьмем и то, что есть. Сами то думать ведь мы так до сих пор и не научились!

– К вашему большому сожалению и моей превеликой радости, – отметил эксперт. – Но такова природа толп... Чтобы толпа стала личностями, она должна перестать быть толпой, устремившись к самопознанию в лице отдельных ее представителей, что качественно изменило бы целеполагающую компоненту и вектор движения толп. На лицо явное противоречие, из которого вытекает очевидное решение...

– Ты говоришь слишком сложно! Давай лучше о погоде!

– А что, новости культуры и спорта вас уже не интересуют? – поднял брови эксперт. – Там нынче столько гламурных событий произошло...

– Новости! Погоды! Даешь! – гулом разносилось между личностями во множестве.

– Ну, хорошо, хорошо! – злорадно улыбнулся эксперт. – Сейчас только других Экспертов позову!

11.12.2012

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Я к вам пишу

Благотворительность

Благотворительность... Какое заманчивое слово! Созидание благ во имя ближнего и дальнего своего во пользу его. Универсальный общественно одобряемый способ искупить свои духовные грехи, прослав при этом самым щедрым, предельно порядочным, удивительно сострадательным... Притворная маска заботы воров и беззаконников. Тебе она как раз по душе.

Помнится, было время, когда твой бизнес еще только начинался... Страшное время, где каждый готов был обмануть и даже убить всякого, пытавшегося перейти ему дорогу. Страна еще только начинала коммерциализироваться, распродавая саму себя по кусочкам. Сначала как самая ветреная девка была выброшена из дома мораль, затем совершена нравственность, а любовь успела сама наложить на себя руки. Именно этот девятый вал хаоса и разрушения помог вылезти тебе из тьмы в новый дивный мир купи-продажи. Чем ты только не торговал, начиная от жвачки и журналов «Плейбой» для подростков, и заканчивая оружием для местных «авторитетов»! Тебе нравилась сама идея возможности купить все, включая даже людей.

Как известно, прав всегда тот, у кого больше ствол, верно? А тебе очень хотелось отблагодарить твоих прошлых наставников их же методами. Наверное, именно в те мгновения, когда ты наблюдал, как две группировки, в одной из которых ты до недавнего времени состоял, расстреливают друг друга жестоко и методично, не щадя ни патронов, ни машин, что-то шевельнулось где-то предельно далеко у тебя внутри, что-то изменилось. Именно в тот момент в тебе впервые родилась идея благотворительности.

Потом было очень много самых разных лет. Твой природный нюх и жесткая хватка помогли тебе выжить в этой мясорубке, самому стать местным «авторитетом» и крышей для других, начинающих свой путь в никуда. Разумеется, тебе приходилось время от времени платить дань своей ноющей совести – именно поэтому ты занялся еженедельным приношением для храмов. Конечно же, ты не верил ни в каких богов – но так делали все твои коллеги по бизнесу, да и тебе просто хотелось чувствовать себя в безопасности – надеяться, что такая жизненная лафа попрет и дальше. Надежда – страшная сила... И чего только не сделаешь, чтобы заставить свою душу замолчать, верно? А потом смутное время кончилось, настало время принесения присяги новому вождю, и у тебя появилась возможность взойти еще выше – напрямую во властные круги. Ведь даже там – особенно там! – деньги очень хорошо делают свое грязное дело. К тому времени, как это случилось, у тебя уже было сколочено практически пожизненное состояние – торговля оружием и наркотиками всегда были прибыльным бизнесом, чего говорить. Всего лишь десяток небольших подношений нужным людям – и ты уже знаком с высшими эшелонами власти предрежащих. Ну не лафа ли?

Вскоре ты легализовался – неизбежный шаг для преступно нажитых капиталов в условиях показательной охоты на ведьм. А затем ты вновь вспомнил о благотворительности и выделил небольшую долю из наворованного на строительство пары детских площадок в своем бывшем школьном дворе.

Так порой приятно вспомнить детство! Помнится, когда ты собственной персоной наблюдал результат своих ратных подвигов щедрости, ты чуть было не прослезился. О тебе написали в газетах и показали короткое интервью на одном из местных каналов, и твой новый бизнес резко пошел вверх. Чего только не сделаешь ради ближнего своего!

Теперь иногда ты прилюдно под объективами телекамер даришь какому-нибудь неизвестному тебе балбесу из толпы свои новые позолоченные часы – то есть не новые, конечно, а специально для этого покупаемые и носимые в поисках подходящего случая, как бы напоминая этим раболепствующим, что жить им осталось совсем не долго. Время от времени ты перечисляешь в организованные тобой же благотворительные организации и всевозможные фонды помощи голодающим детям Африки по несколько миллионов «у.е.», дабы простолюдины могли написать о твоей щедрости в газетах, а деньги впоследствии вернулись на свои законные места. Порой ты даже помогаешь организовать ремонтные работы какого-нибудь обветшалого оперного театра, чтобы там можно было хотя бы вымыть пол и побелить потолки – приобщаешь молодежь к культуре, так сказать. А иногда пара детишек из забытого всеми приюта имени униженных и оскорбленных получает свою копеечку, чтобы не умерли с голоду раньше времени до того, как об этом успеют написать в газетах. Чего только не сделаешь ради дальнего своего, в самом-то деле?

С тех давних пор ты всегда помнишь о благотворительности – делишься с миром, так сказать. Выплываешь в него непереваренные излишки своего богатства. Ты стал очень влиятельным человеком – «олигархом», как всякое непроходимое быдло обычно называет вас, прогрессивных и успешных. Но разве владельцам заводов, газет, пароходов и яхт есть какое-то дело до того, что думают о них всевозможные плебеи? Для плебеев и была создана общепринятая ныне благотворительность – пусть думают, что о них думают, и будут счастливы этим. Ведь не делиться же тебе с ними всем тем, что было нажито непосильным трудом за долгие годы воровства и бесправия! В конце концов, благотворительность для того и была придумана, чтобы дать подобным тебе возможность временно чувствовать себя значительно лучше, чем ты этого на самом деле заслуживаешь.

В последнее время ты часто задумываешься о Боге. Может быть, он и вправду существует – ведь кто иначе помог бы тебе устроить такую грандиозную жизнь? Или все-таки это был не он, а кто-то другой – кто-то, кому и нужна такая псевдоблаготворительность и ложные жертвоприношения человеческого эго и самости? Ты не знаешь точного ответа на этот с каждым днем все больше и больше мучающий тебя вопрос. Только что-то глубоко внутри тебя шевелится и трясется с каждым днем все сильнее как будто в предощущении чего-то надвигающегося, чего-то очень страшного для тебя и подобных тебе, ложные дары приносящих...

14.09.2011

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Большинство

Шаг. И еще. И еще. В такие минуты каждое мгновение становится вечностью.

Десять ступеней до вершины эшафота. Девять. Восемь. Семь.

Да, он преступник и предатель. Да, он повторил бы то же самое вновь.

Где кончается миг и начинается вечность? Шесть. Пять. Четыре.

Где кончается жизнь одних, чтобы жили другие? Три.

От судьбы не сбежать и не скрыться, никуда и нигде. Два.

И в момент собственной смерти можно лишь с благодарностью принять ее. Один.

Умереть, чтобы жить в вечности. Вершина.

Для одних он предатель, для других он герой. И здесь не может быть промежуточных звеньев. Сколько стоит человеческая жизнь, и кто возьмет на себя смелость ее измерить? Кто будет судить о чуждой им судьбе, о которой не имеет ни малейшего представления? Кто превознесет тебя как героя, чтобы позже низвергнуть в бездну проклятий? Кто сделает все это лишь потому, что не может иначе?

Большинство.

Да, он убийца – и спаситель одновременно. Ангел и демон в одном лице.

Жизнь одного – за жизни многих. И здесь не может быть иного выбора.

И именно поэтому он преступник.

Жизнь президента родной страны, почти ввергнувшей мир в ядерный апокалипсис, – не так много, чтобы жил мир.

И именно поэтому он герой.

Бывший верный соратник, однажды осознавший, что собирается сделать главенствующий над ним. И выбравший самый радикальный способ остановить разворачивающееся безумие – потому что иные меры уже не способны были помочь.

И именно поэтому он предатель.

Убийцы убийц – ангелы возмездия? Палачи палачей? Преступники? Никто не даст ему ответа.

Военный трибунал – и простое большинство голосов, решавшее его судьбу. Сорок девять против пятидесяти одного.

И именно поэтому сегодня он умрет. Так решило большинство.

Жизнь и смерть... смерть и жизнь. И здесь не может быть промежуточных звеньев.

Но только не для большинства.

Вершина.

Вот они, внизу перед ним – весь Консулат. Вся сотня судей человеческих. Преступники и герои. Убийцы убийц. Удивительно маленькие и смешные с этой самой вершины.

Кончается ли жизнь, чтобы уступить место Вечности, или смерть – лишь ее продолжение? Настал миг узнать это.

Веревка вокруг шеи – не самая достойная из смертей. Но для героев выбирать не приходится. Как и для убийц.

Слепящее глаза солнце... выше, выше... такие маленькие с этой вершины...

Удар – и почва уходит из-под ног. Пусть будет так. Так решило большинство. Вспышка света перед гаснущими глазами. Всего лишь мгновение.

Лишь одно мгновение.

И – Вечность.

08.02.2010

*Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее*

Верующий

Ты ведь верующий, верно? Ну, скажем, истинный христианин, неукоснительно выполняющий все церковные ритуалы. Очень, очень набожный человек. Каждую неделю ты ходишь в церковь на молитву и исповедь, и потому душа твоя пребывает в состоянии наивысшей гармонии и чистоты, помыслы в крайней степени добродетельны, а из рук твоих так и струятся дела добрые и справедливые. Должно быть, уже совсем скоро у тебя вырастут крылья, и ты воспарить к небесам аки небесный ангел, которых столь часто рисуют на иконах. Ты просто великолепен. И разве есть в этом мире кто-то достойнее тебя, кто-то, заслуживающий спасения своей души в большей степени?

Вот ты выходишь с исповеди, и лицо твое сияет в блаженной улыбке, ведь ты правдиво и не особо стесняясь рассказал о своем недавнем грехе священнику, и он простил тебя. Теперь, конечно же, тебе больше не о чем беспокоиться. Да и грех то – сушая малость! – небольшая финансовая афера с детским домом. Ну не получают они причитающихся им денег, ну велика ли беда? А тебе хватило лишь одной десятой от этих средств, чтобы «позолотить ручку» своему любимому и всепрощающему батюшке, – и вот ты снова чист как ангел божий, очень удобно! Не согрешишь – не покаешься, верно? В прошлый раз изнасилование стоило, впрочем, несколько дороже – но ведь чего не сделаешь ради собственной души?

А какие пышные убранства были в том самом храме, какие резные иконы, подсвечники, канделябры! У тебя аж дух захватило, когда ты созерцал всю эту роскошь. Чего только не сделаешь ради истинной веры! Да и что бы это была за вера без всего этого золотого великолепия? Сущее неверие и безбожность!

Ты уже почти готов был сесть в свой удобно припаркованный у стен храма черный БМВ, как заметил какого-то хромого нищего, ковляющего по направлению к тебе с протянутой рукой. Он, конечно же, во имя Господа попросил у тебя денег на хлеб. «На, подавись!» – процедил ты сквозь зубы и кинул ему горстку монет. Я же говорил, что ты очень и очень набожный человек – само милосердие! Когда с диким ревом, выпустив кучу дыма, твоя машина сорвалась с места по новым делам, этот попрошайка все еще продолжал ползать на коленях по брусчатке, продолжая собирать выброшенные тобой медяки. До чего же низко пали некоторые из людей! Ты то, разумеется, выше их.

Какое же это неопишемое блаженство – чувствовать себя великим! Более высоким, более зрелым, более достойным, более праведным, более верующим, более набожным, чем многие из твоих собратьев. Именно поэтому ты столь часто после очередного бизнес-дня приезжаешь в этот храм на молитву. Ты приносишь Бога спасти твою чистую душу и отправить в Ад души всех твоих врагов. А затем ты немножко «золотишь ручку» своему любимому батюшке.

Конечно, в тебе нет абсолютной уверенности в том, что Бог действительно слушает подобные молитвы, и что именно он помог тебе сколотить состояние на обманах и грабежах, но... разве может быть храм местом поклонения не Богу, а его противнику? Что ты, что ты, ну, конечно же, нет! Ведь не для того же в них вбухивают столько денег?

Ах, какой же это удобный инструмент – деньги! Универсальное средство покупки чего бы то ни было – даже, например, той же самой молитвы. Да, тебе пришлось заплатить очень внушительную сумму в свое время, но зато за упокой души твоей тещи молилась вся церковная братия, включая даже главу церкви! Для души ненавидимого тобой человека это, видимо, был очень феерический упокой! Теперь важно, чтобы тебе удалось избежать его самому.

Ты, безусловно, очень набожный человек. Всегда покупаешь куличи с яйцами и соблюдаешь пост. Пьешь «святую» воду местного разлива. Покупаешь свечи исключительно в правильно аффилированных и лицензированных храмах. Пару раз ты даже присоединился к общехрамовой вакханалии, когда прихожане вместе со священниками завывали какую-то песню. А благодаря усиленному соблюдению поста даже потерял три килограмма из набранных за последний год тридцати. Вот она, суть твоей истинной веры! И разве может вера иметь какую-то иную суть и предназначение?

Вот твой нелюбимый брат, к примеру, никогда не ходил в церковь и вообще не вертится в бизнесе. Работает каким-то жалким чернорабочим на стройке – и вполне счастлив. Удивительное дело, как мало некоторым людям может быть надо! Живет себе со своей женой и двумя детьми в однокомнатной квартире. А каждый раз при встрече – немислимое дело! – в разговоре благодарит Бога за то, что тот дал ему любимую жену, работу и двух замечательных детишек. А как-то раз вообще обмолвился, что не столько верит, сколько до-веряет Богу в своей жизни. Вот ведь глупый фанатик... экстремист! Может быть, именно поэтому ты окончательно порвал с ним отношения еще пару лет тому назад. К чему тебе неверующие религиозные фанатики со своими глупостями?

А глупости порой случаются – нелепости даже. Недавно ты слышал по телевизору, как во время сильных гроз молнии попали akurat в макушки нескольких городских церквей, но... чистая случайность, правда? Да и жизнь, если подумать, случайная штука, да? Впрочем, возможно, как и смерть. Ведь не могут же и они быть в руках Бога?

Конечно, ты очень на-божный и верующий человек – потому что вместе с другими тебе подобными паразитируешь на Боге и веришь в то, что поклонение золотому тельцу есть поклонение тому, чье незримое присутствие в своей жизни ты так ни разу и не ощутил...

21.08.2011

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Волк

А-у-у-у!

Душераздирающий волчий вой, подхваченный двумя десятками глоток, вырвался в ночное, освещенное бледной луной небо.

А-у-у-у!

В этом крике было смешано все – боль утрат своих товарищей, ненависть к безжалостно уничтожавшим их охотникам, ворочающийся и отдающий глухим эхом в желудках голод...

А-у-у-у!

Вот она, луна. Желтый круг в черноте. Манящий и пугающий. Освещающий им дорогу во тьме. Свет ночи.

А-у-у-у!

Он теперь часть стаи. Сильной стаи. Он свой, один из них. Хотя когда-то он и был другим. Уже неважно, когда.

А-у-у-у!

Завтра их ждет новая охота. Приказ вожака. Нападение на жилища больших ходящих на двух лапах существ со стреляющими световыми лучами палками, обратившими в горстку пепла уже многих его товарищей.

А-у-у-у!

Битва ради их питомцев, которых они употребляют в пищу. Чтобы не умереть с голоду. Битва не на жизнь, а на смерть.

А-у-у-у!

Многих из тех, кого он узнал за эти три года, уже забрала великая царица Ночь, даровавшая им свой свет луны. Смерть от рук прямоходящих охотников. Смерть храбрых.

А-у-у-у!

Запах их питомцев, звук раздираемых его клыками хрящей, хлещущая из их ран кровь. Такое сладкое мясо. Сладкая добыча.

А-у-у-у!

Голод. Сжимающийся от боли голода желудок. Завтра пройдет. Они нападут под покровом ночи. Насытятся. Потом будут прятаться от охотников. Путать следы. Рвать когти.

А-у-у-у!

Он помнил, что был другим. Не из их рода. Не помнил, когда. Давно. Уже не важно.

А-у-у-у!

У него был хозяин. Дом. Большой дом. Хозяин умер. Кто-то другой поселился в доме. Выгнали его прочь.

А-у-у-у!

Боль потери. Он плутал по дорогам. По полям. По лесам. Не было сил. Хотел умереть. Голод вел его вглубь. Там он нашел Стаю. Нашел братьев. Стал одним из них.

А-у-у-у!

Он поет хвалебную песнь великой луне и сумраку ночи. Они их покров. Они их опора. Без них не выжить.

А-у-у-у!

Желтые глаза луны. Почти как их собственные.

А-у-у-у!

Они загрызали охотников тоже. Тех, что оторвались от своей стаи. Их мясо было жестким. Но с голодом не поспоришь.

А-у-у-у!

Когда он жил в большом доме с хозяином, по ночам ему виделись цветные картинки. Он не помнил название этого. Слишком старое воспоминание.

А-у-у-у!

Картинки были странны. В них у него было две ноги, не четыре. Он был прямоходящим. Почти как охотники.

А-у-у-у!

Страшно вспоминать. Картинки. В них он был... человеком? Странное слово, почти забытое, почти утраченное. Отдающее нестерпимой болью.

А-у-у-у!

Человек в его ночных картинках был мелочен и подл. Хуже собаки. Волк в овечьей шкуре. Волк... странное слово.

А-у-у-у!

Человек обманывал и предавал. Делал подлости. Плохой человек. Плохой!

А-у-у-у!

Плохой! Человеку говорили, что он хуже собаки. Человек только смеялся, демонстрируя свои золотые клыки с дымящейся палкой внутри. Много зла от человека.

А-у-у-у!

Потом человек спился. Остался один. Никому не нужен. И он, и ему. Хуже собаки.

А-у-у-у!

Странные картинки, мучающие память. Но что-то в них было. Точно когда-то он был другим. Даже не тогда, когда жил с хозяином. Раньше, намного раньше.

А-у-у-у!

Картинки приходят вспышками. Яркими, в глазах. Ярче луны. Страшно вспомнить.

А-у-у-у!

Человек ждал. Не здесь. В другом месте. Совсем другом. Очень долго ждал. Как и все люди. Но этот человек таковым не был. Хуже собаки.

А-у-у-у!

Человека оценивали. Его путь. Недостойный.

А-у-у-у!

Недостойный! Боль, боль, боль! Страшно вспомнить!

А-у-у-у!

С человеком что-то стало. Изменился. Четыре ноги вместо двух. Не хуже собаки.

А-у-у-у!

Человек потерял память. Забыл! Больше нет того сознания. Не заслужил. Стерго.

А-у-у-у!

Веди меня, великая луна! Прими нас в свои объятия, царица Ночь! Утоли наш голод, нашу боль! Дай вонзить свои клыки в ненавистных охотников, дай напиться крови их питомцев!

А-у-у-у!

Человека больше нет. Не человек – собака. Не собака – волк.

А-у-у-у!

Плохая боль. Плохая память. Плохой человек. Хороший волк.

А-у-у-у!

Люди, где же вы? Сколько вас рядом? Мало людей. Много волков.

А-у-у-у!

Завтра они напьются человеческой крови, утолят свой голод. Будет сытно. Картинки исчезнут. Плохие картинки.

А-у-у-у!

Потом за ними следом пойдут охотники. Страшные охотники со смертоносными лучевыми палками. И им останется только одно.

Рвать когти!

03.09.2017

Жанр: Рассказ
Категория: Лучшее

Вы

Вы говорите, что Бога не существует. А я утверждаю вам, что его нет исключительно для вас.

Вы скорбите о том, что он давно покинул ваш мир. А я отвечаю, что вы сами отгородились от него в своем маленьком мирке, не имеющем ничего общего с миром большим.

Вы сетуете, что жизнь жестока и несправедлива. А я рекомендую вам посмотреть на себя в зеркало грядущим утром.

Вы скорбите об умерших как о потерянных для мира навсегда. А я берусь утверждать, что все они оказались потерянными исключительно для вашего себялюбия.

Вы проклинаете труд, считая его рутинной, бесцельно отнимающей время жизни. А я вопрошаю вас, во что превратилась бы ваша жизнь без вашего труда над самим собой?

Вы ненавидите врагов ваших. А я знаю, как все они становятся камнями непрекновения на дороге жизни, когда у вас, наконец, вырастают крылья для полета.

Вы все жаждете любви – но, не находя, готовы прыгнуть со скал разбитых надежд в пучины ненависти. А я жажду узнать, какова подлинная ценность подобных чувств.

Вы утверждаете, что в жизни нет смысла и стоящей цели. А я шепну вам, что вы даже не пытались искать.

Вы декларируете невозможность возможного и отрицаете невероятность очевидного. А я вижу, как ранее невозможное становится очевидным и невероятное – возможным.

Вы догадываетесь, что жизнь немислима без движения. А я прошу вас не путать порывы души с мелочной суетой.

Вы переживаете, что не понимаете других. А мне интересно спросить вас: «А знаете ли вы хотя бы себя?»

Вы гонитесь за жизненным успехом в надежде успеть его получить – и готовы идти по головам других. А я говорю вам, что вы всегда опаздываете, потому что идете не той дорогой.

Вы кичитесь, что знающим не нужна вера. А я спрошу вас, смогли ли бы вы познать, не веря в возможность познаваемого?

Вы говорите о щедрости – и делитесь при этом черствой краюхой хлеба, продолжая упихивать за обе щеки красную икру. Вы говорите о доброжелательности – и заносите за спиной другого нож. Вы говорите о мудрости – и рассказываете друг другу тысячу и один способ обмануть ближнего. А мне хочется верить, что вы однажды раскроете глаза и перестанете путать тьму со светом.

Вы вопрошаете, как я могу утверждать то, о чем не знаю. А я советую вам высыпать прах из котомок знаний ваших.

Вы скажете, что я повторяюсь и вновь прохожу пройденные участки пути. А я попрошу вас посмотреть ввысь.

Вы скажете, что это банально. А я буду продолжать надеяться.

Вы скажете, что все это уже слышали и проходили. А мне вновь придется с грустью в глазах наблюдать вас проходящими мимо...

17.09.2010

*Жанр: Обращение
Категория: Лучшее*

Дизайн 2.0

Уважаемый вечно живой товарищ Творец!

К вам обращается представитель многострадальной планеты из галактики Млечного Пути с незатейливым и неочевидным названием «Земля» с просьбой о проведении дополнительного дизайнерского перепроектирования наших бранных вместилищ вечного духа и внесения ряда корректорских правок.

Вам как Сыну Человеческому, собственнически прошедшему свой непростой земной путь в качестве представителя нашей цивилизации, безусловно, доподлинно известно, какими первичными дизайнерскими недоработками, совершенными вашими Ангелами, грешат вышеупомянутые вместилища вкупе с их одухотворителями. И если вопрос о свободной людской воле лежит за пределами компетенции упомянутых Ангельских Биоинженеров, то вопрос разработки и изменения телесных форм находится под их прямым и непосредственным творческим контролем.

Уважаемый Творец! Искренне хочется обратить ваше внимание на следующий ряд недоработок, присущий всей линейке этих творений:

1. *Приматоуподобление.* Телесно произойдя от обезьян, люди каким-то удивительным и наглым образом сохранили их повадки – шкодливость, крикливость, вороватость, придурковатость и прочий ряд интеллектуальных несовершенств, коими они до сих пор кичатся друг перед другом! Разумного объяснения этому феномену быть не может – вполне очевидно, что они слишком рано внесли себя в категорию таковых. Возможно, люди-птицы были бы более уместным решением, позволившим бы одним или двумя взмахами решить множество транспортных проблем и более рационально расходовать пространство в нижних слоях атмосферы? В крайнем случае, прошу Вас рассмотреть вариант с кошко-людьми – их врожденная чистоплотность и наличие мехового покрова позволили бы решить проблему заселения территорий крайнего севера без необходимых для этого таяний ледников и затоплений суши.

2. *Сохранение.* Выбранная вашими инженерами белковая основа существенно уступает по показателям прочности ряду материалов, использованных при создании телесных форм представителей иных цивилизаций. Стоит ли удивляться тому, что земляне пытаются превратить себя в киборгов, возносят хвалы кремниевым процессорам и уже создали целую долину с одноименным названием? Вы ведь понимаете, что бессмертие они представляют лишь как неограниченную длительность существования их внешних форм и именно поэтому пытаются продлить срок их эксплуатации через кибернетику? А сколько уничтожений этих телесных форм, включая массовые, было произведено за последние столетия, не мне Вам рассказывать. Возможно, тела на кремниевой основе стали бы золотой серединой между их стремлением к взаимному и самоуничтожению, и желанием длительной телесной жизни?

3. *Восстановление.* Сомнительная прочность наших тел дополняется неочевидными и ограниченными механизмами работы восстановительных процессов. Даже ящерицы могут отрастить себе новый хвост, а чем мы хуже? Хвост – это, конечно, тот еще рудимент, а вот навык восстановления конечностей помог бы многим в буквальном смысле «встать на ноги». Ведь вырастают же, к примеру, новые зубы на месте первичных «молочных»? С учетом цен на протезирование зубов, такая возможность стала бы воистину бесценной!

4. *Потребление.* Возникшая огромная диспропорция между потреблением богатых и бедных рискует обрушить наш мир в новую череду социальных взрывов и гражданских войн. Не могли бы Вы скомпенсировать процесс гиперпотребления биопрограммами депрессии и поиска смысла жизни, одновременно запустив процессы самовосстановления в организмах униженных и обездоленных? В конце то концов, ну должны же мы, наконец, понять, что не в деньгах счастье!

5. *Выделение.* Это вообще что-то с чем-то! Я, конечно, понимаю, что мы итак загадили всю вашу Землю по самое не балуйся отходами своей жизнедеятельности, но зачем же нужно постоянно провоцировать нас на это самой телесной механикой? И я уже не говорю о том, что самыми передовыми научными светилками до сих пор так и не был разработан способ того, как жрать на ночь и не толстеть! Может быть, стоит взять интересные идеи из области флоры – скажем, фотосинтез? Тянуться к свету – разве это не похвальное стремление даже в его телесном выражении? В крайнем случае, прошу вас сократить требуемые для поддержания жизнедеятельности пищевые нормы, ибо количество «людей-шаров» превысило все допустимые эстетикой тела пределы!

6. *Зарождение.* Несмотря на некоторую приятность самого физического процесса, не идущую, разумеется, ни в какое сравнение с духовным озарением и экстазом, сам процесс поиска подходящих пар, вынашивания детей и последующих родов ни в коей мере нельзя назвать короткими и безболезненными. Вряд ли вы планировали таким образом наказывать весь женский род за грехи некоей стародавней Евы, поэтому рискну предложить вам сократить требуемые сроки вынашивания детей, а также болезненность процесса деторождения, одновременно увеличив скорость их саморазвития. А если вы пожелаете хотя бы на время изменить процесс зачатия таким образом, чтобы недостойные люди не могли иметь детей – они станут одной из самых больших ценностей любого общества, как вы того и хотели!

7. *Завершение.* Как говорится, все наши тела возвращаются «во прах». К сожалению, сам процесс этого возвращения сопряжен со многими хлопотами и страданиями для близких возвращающихся к вам людей. В некоторых бедных странах и культурных традициях речь не идет даже о прахе – мертвые тела просто «выкидывают за борт» на радость стервятникам или рыбам. Уверен, что вы согласитесь с тем, что это, мягко говоря, не самый оптимальный способ почтения памяти ушедшей души. Насколько было бы интереснее, если бы в день ухода наше тело начинало плавно растворяться в воздухе, недвусмысленно символизируя о призрачной основе сугубо материалистических воззрений!

Ближние всегда успевали бы проститься с уходящим, им бы не требовалось проведение всех этих феерических огненных процедур, а сам уход оставлял бы после себя сладкое послевкусие с нотками легкой печали и обещания повторного возвращения. А в качестве дополнительного бесплатного бонуса – люди бы перестали бояться призраков! Пожалуйста, поразмыслите над таким вариантом, ладно?

P.S. В связи с наметившимися опасными тенденциями по возврату человеческих сознаний и тел к уровню животных, прошу вас обезопасить разумных представителей нашего мира от их стремительно дичающих сородичей.

Все в ваших руках! Не опускайте их, пожалуйста!

29.11.2020

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Зарплата

Зарплата... какое сладкое слово!

Плата за твой труд, твоё напряжение, твоё безделье, твоё безразлично-унылое шатание изо дня в день по душному офису, твоё лицемерие, твою корысть, твоё поддакивание и подлизывание, твоё переключивание бумаг из папки в папку и часов жизни в мусорное ведро, твою подавленную, гниющую, выброшенную на задворки Вселенной индивидуальность...

Какое горькое слово! Вот она, перед тобой.

Сладко хрустящие, ещё совсем недавно выпущенные из типографии цветные бумажки с нарисованными на них циферками... Как мило и, казалось бы, невинно они шелестят, как манят твой взор! Их так кратковременно много и так долговременно мало одновременно...

Вот ты аккуратно пересчитываешь их все, стараясь не пропустить ни единого мига этого иллюзорного наслаждения, и уже прикидываешь в уме, на что же ты потратишь все это богатство в самое ближайшее время. Вот он, апофеоз и смысл труда человеческого, воплощение надежд и чаяний миллионов, отныне и в твоих руках – так вождельно-сладко похрустывает в них и дурманит твоё обоняние... Ты не зря тоскливо, брезгливо и безвозвратно сжигал в топке времен все эти дни дарованной тебе уникальной возможности самопознания и получил, наконец, заслуженную, заработанную, кровью и потом выстраданную мзду, всю до единой купюры. Теперь ты можешь купить многое...

В этом твоём мире практически все можно купить за эти самые цветастые бумажки, не так ли? Вещи, чувства, слова, честь и совесть людей... даже, возможно, души некоторых из них – из тех, что идут дешево и оптом. Но ведь ты же не какой-нибудь ужасный демон из преисподней, верно? Тебе хватит вещей и чувств... для начала. Потому пусть и дальше предложение формирует спрос.

Удивительный, необыкновенный, восхитительный мир! И почему же ты родился в нем только сейчас – и где же ты был все свои прошлые разы? Впрочем, какое это теперь имеет значение! Вот она, твоя зарплата, совсем-совсем рядом. Сегодня будет славный день – один из твоих самых любимых и ожидаемых, настоящее Событие! И вот ты уже мечтаешь, как именно будешь тратить честно или не очень честно заработанное...

Какое же это наслаждение – тратить... Покупать, покупать, покупать... потреблять, потреблять, потреблять. Наверное, если бы у тебя было в избытке этих самых бумажек, ты бы купил целую Вселенную... Как жаль, что она не продается!

Ты уже знаешь, что купишь в первую очередь, ты уже составил план... самый грандиозный план твоей жизни купли-продажи. Как странно, что он местами так схож с планами твоих сородичей по планете. Неоригинальные и ублюдочные плагиаторы – вот кто они такие! Поскорей бы уже закончился этот нудный рабочий день – и настал час расплаты твоей зарплатой...

Как мудры твои коллеги по планете – у них уже даже создан универсальный прейскурант всего! Платы за любой грех и мерзость. Да-да, за любой из когда-либо совершенных ими. А ведь ты не будешь оригинальничать в этом деле, правда? Жаль, до сезонных скидок еще пока не дошло, но цены уже практически устаканились. Удивительный мир! И как бы ты только смог прожить в нем без этой самой зарплаты?

Желающий продаться или продать находит хозяина или покупателя – а тот, в свою очередь, находит своего. Все покупают всех – за исключением кучки дураков, не желающих жить по единому негласному земному закону. Замкнутый круг, но разве ты его создал? Ты всего лишь родился в этом мире твоих предков. Да и зачем тебе что-то менять в нем?

Покупать, покупать, покупать... продавать, продавать, продавать! С тех пор, как кто-то придумал деньги, это стало так просто, так естественно – так же, как получать свою долгожданную зарплату. И что бы ты стоил без нее... стоил, как человек? Но зачем же измерять твою ценность иным мериллом, когда есть деньги, а время твоей жизни уже заранее сконвертировано в них на долгие годы вперед, ведь в этом мире есть столько всего, что так хочется купить на эту самую очередную зарплату...

Возьми же ее, не бойся. Ты ведь заслужил... за-раб-отал, верно? Это теперь твои деньги по праву... универсальное мерило человека. И с каждым годом его объем лишь растет... всеобщий эквивалент твоей рыночной стоимости.

И только теперь, получив эту новую зарплату, ты чувствуешь себя настоящим счастливым. Ты счастлив потому, что знаешь, что стоишь очень и очень дорого – целую охапку цветных хрустящих бумажек...

14.08.2011

Жанр: Обращение
Категория: Признанное

Иллюзии толп

Вы так любите судить, что кажется, будто вы знаете все и обо всем на свете. Вы столь боитесь признаться в собственном незнании хоть кому бы то ни было! Наверное, у вас уже есть ответы на все вопросы бытия, или же вы просто перестали их искать. Ах, да – за вас ответили другие! И вы позволили им решать вашу судьбу.

Конечно, можно утешать себя тем, что не вы первые, и не вы последние. Что подобных вам очень и очень много в нашем многострадальном мире, что все хоть однажды да обманывают, лукавят, воруют, злословят, завидуют, насмеваются... Но если кто-то выбирает идти и действовать вместе с большинством – разве не становится он его неотъемлемой частью, разделяя общую ответственность за выбор толпы? Но как же комфортно для многих почувствовать себя винтиком, пешкой в большой толпе!

Сколько же вождей для толпы повидал этот мир? Все они канули в лету. Но поток новых решателей-за-вас, кажется, так и не собирается иссякать. Он и не иссякнет до тех пор, пока вы не научитесь решать свои судьбы сами, прислушиваясь к тихому шепоту собственных душ. Да только умеют ли люди слушать? Вы шли за вашими вождями, разрушая и наспех пытаетесь построить на созданных руинах что-то новое. Вы убивали за их имя. Вы готовы были распинать за иллюзию веры. Во имя очередной новой идеи, казавшейся вам столь привлекательной, вы клали на плаху тысячи тысяч невинных жизней ваших собратьев. По вашему мнению, оно того стоило? Стоило выразить таким образом внутреннее наполнение душ, чтобы понять всю нелепость попыток изменения других без изменения самих себя?

Вы слушаете кого угодно, но только не самих себя. И даже когда вы слушаете «себя» – вы слышите лишь эхо решений, навязанных вам другими, но эти решения кажутся вам вышедшими из вашей собственной ясности духа. Если бы это было так! Именно поэтому вы продолжаете спать с широко открытыми глазами и видите сны, наполненные туманом ваших бесконечных желаний того, этого, и еще, разумеется, вон-того-самого. Ведь ваша жизнь будет так неполноценна без этих бесконечных овладевающих сознанием вещей! А так у вас появляется хотя бы тема для очередной беседы с вашими собратьями по сну.

До тех пор, пока мы не нырнем в себя настолько глубоко, насколько это возможно, познав собственную духовную природу, мы не сможем по-настоящему проснуться. Мы будем продолжать действовать и двигаться подобно манекенам за марионеточными вождями. Мы будем мыслить, как они, будто по шаблону, верить исключительно в то, во что верят они, мечтать только о том, о чем дозволено мечтать. Но только куда приведут такие «мечты»?

Вам никогда не проснуться до тех пор, пока вы – лишь часть толпы. Толпа не способна осознать собственных иллюзий. Над толпой можно взлететь, но невозможно проползти под ее ногами. Бесполезно умолять толпы действовать разумно. Не стоит рассчитывать на коллективное сознательное толпы.

Толпы рассеиваются сами по мере того, как каждый человек в толпе становится индивидуальностью. Толп неспящих не существует в природе.

Задача собственного пробуждения лежит на каждом. Никто другой не способен пройти за вас вашу стезю – именно поэтому ее невозможно пройти, будучи частью толпы. И не стоит откладывать эти задачи на потом. Времени для их реализации остается гораздо меньше, чем думают многие.

05.09.2012

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Когда приходит смерч

Господи, это так здорово! Я наконец-то встретил девушку, которую любил. Я уже начинал все больше и больше думать о том, что это вообще невозможно, что я никогда не смогу встретить в этом мире человека, близкого мне по духу. Десятки знакомых – и никого, никого, кто имел бы хоть сколько-нибудь близкие моим взгляды на вещи. Казалось, что надежда почти ушла из моего сердца, и, помнится, я даже стал убеждать себя в том, что, видимо, такое состояние вещей совершенно неизбежно и я, хочу того или нет, должен с ним смириться как с чем-то гораздо более сильным меня самого.

Удивительно, это действительно удивительно – искра надежды уже практически погасла... и именно в этот момент, когда я уже почти перестал верить в возможность чуда, оно свершилось!

Милая, славная, чудесная девушка, удивительно близкая по своему мироощущению мне. Как же случилось так, что мы все-таки встретились? Всего лишь несколько минут вперед или назад – и мы, не ведая, что творим, вероятно, прошли бы мимо, уже так и не взглянув друг на друга. Не встретились бы никогда... ведь мы почти наверняка уже не встретились бы никогда. И тогда я бы окончательно потерял свою надежду.

Благодарю тебя, Господи, за то, что ты услышал мои молитвы!

Сегодня мы шли с ней по парку, и внезапно пошел дождь. Никто из нас не захватил зонтов, так что пришлось срочно искать внушительных размеров дерево и укрываться под его могучей кроной. Этот так вовремя пошедший дождь сделал нас еще ближе.

Пока мы пережидали его, смеясь, что нас угораздило попасть под него как раз в момент совместных прогулок, мы успели поговорить о многом. Я действительно не ошибся – эта девушка обладала очень близкими мне взглядами, точнее сказать – она жила ими. Я не знаю, как описать то ощущение, которое возникло во мне в те пятнадцать-двадцать минут нашей беседы. Чувствовали ли вы когда-нибудь, что действительно встретились со своей второй половинкой? Что вы, формально зная друг друга так немного, знаете друг друга уже целую вечность? Что человек, который находится рядом с вами, понимает вас с полуслова, настолько схожи оказываются ваши мысли и настолько близки сознания? Если вы когда-нибудь в своей жизни чувствовали нечто подобное, вы поймете те ощущения, о которых я говорю.

Потом дождь кончился так же внезапно, как и начался – и мы продолжили наш путь, выйдя на многолюдные улицы города. Потом мы долго-долго ходили по ним, периодически куда-то сворачивали – шли, куда глаза глядят, ведь у нас были вещи гораздо более важные, чем смотреть по сторонам – мы наслаждались обществом друг друга.

Потом я, в душе протестуя против навязываемых мне правил действий, однако желая сделать ей приятное, пригласил ее в кино – и она отказалась. Сказала, что лучше снова вернуться в тот парк, с которого начался наш день, чем сидеть в душном зале, просматривая глупые комедии или кровавые боевики. Девушка отказалась от кино. По созданным в сознании многих людей стереотипам это было... странно, по меньшей мере. Мне же казалось, что я очень хорошо понимал ее в те мгновения.

А потом мы действительно вернулись в тот самый дождливый парк, к тому времени уже высушенный выглянувшим солнцем. Мы сидели с ней на парковой скамейке и беседовали друг с другом. Это были удивительные минуты, я все еще не могу забыть их.

Я не могу забыть три месяца наших встреч. Я не могу забыть ее сияющую улыбку и ее саму в эти мгновения – полную радости. Я не могу забыть наш первый поцелуй. Я не могу забыть ни одно из наших мгновений вместе. И даже сейчас я не могу забыть ее – мою настоящую любовь. Даже... сейчас.

* * *

Со второй девушкой я встретился случайно. Это произошло как раз в то время, когда я встречался с моей Татьяной.

Мы с ней тогда гуляли друг с другом – шли по какой-то улице, когда навстречу нам вышла она. Когда мы почти поравнялись друг с другом, Татьяна и девушка, шедшая нам навстречу, – обе они улыбнулись и со словами приветствия подошли друг к другу. Оказалось, что встретившаяся нам девушка – ее звали Лариса – является коллегой Тани по работе.

Они разговорились. Я молча их ждал. Минут через десять они попрощались друг с другом, и Лариса пошла своей дорогой. Проходя мимо нас, она бросила на меня свой взгляд и сказала вслух – «А парень то у тебя ничего, красивый...» – на что Таня ответила, что она теперь очень счастливая девушка.

В этот день с Ларисой мы больше не встречались. А через две недели я получил от нее звонок на свой рабочий телефон.

* * *

До сих пор не могу понять, как она получила мой рабочий телефон. Но видимо для таких, как она, нет ничего того, что нельзя сломать на своем пути, двигаясь к однажды намеченной цели.

Потом начались ее постоянные звонки и предложения встреч. После моего десятого отказа в ход пошла угрозы. Я плевал на ее угрозы, я люблю – любил? – только Таню.

Я люблю только Таню, только ее! Господи, я не хочу причинять ей боль, я люблю ее! Когда же прекратятся эти мучения?! Ее! Ее... только ее...

Угрозы ее были разнообразны. Самой последней стала угроза «взять меня силой», как она тогда выразилась. Я в двадцатый, наверное, раз пожелал ей найти другого человека, который полюбит ее, и ответил, что между мной и ей ничего быть не может. Тогда она ответила, что если я не способен полюбить ее по воле собственного сердца, то полюблю по ее собственной воле – и положила трубку.

Это стало началом того кошмара, в котором я пребываю по сей день. Через месяц после последнего звонка Ларисы мы с Татьяной поругались. Мы поругались!

Никогда, никогда, никогда между нами не было ничего подобного – это было просто недопустимо. Но факт остается фактом – через месяц после тех событий мы поругались. Причина была самой что ни на есть бытовой, я до сих пор не могу понять, как я мог тогда позволить себе такой тон? Ведь я же люблю ее!

Это стало началом наших постоянных ссор. Я не знаю, что находило на меня в те мгновения – я стал какой-то сам не свой. Какой-то дикий, злобный, агрессивный... и всегда – всегда, когда бы я ни приходил домой с работы, – я находил, к чему придраться!

Сначала она пыталась идти на компромиссы, но после многочисленных повторений в ответ на мои выпады она уже начинала лишь плакать. Что-то еще сильнее заводило меня в эти моменты – я видел, как она плачет, как она опечалена... – нет, как она слаба! – и хотел ударить ее еще сильнее! Еще больнее, еще жестче! Так, так, так – чтобы запомнила на всю жизнь! Чтобы знала, как перечить мне!

Дура! Дура! Дура! И как мне могла понравиться такая девушка?! Самовлюбленная паршивая тварь! Тварь!

Господи, что же я пишу?! Как я могу так думать о моей... любимой девушке?! Любимой...

Любимая моя, славная... я знаю, ты слышишь меня даже сейчас, когда мы с тобой стали так далеки друг от друга... прости меня за эти строки... я не хотел... я не знаю, что со мной... мне очень тяжело, очень... как будто бы что-то давит на меня, пытаюсь сплющить – вновь и вновь, методично и настойчиво... я уже не пойму, контролирую ли я себя, или мной управляет кто-то другой, неизвестный мне...

Та... та... ня... прости, прости меня... если... можешь.

* * *

Наши ссоры стали началом краха наших отношений и моей – нашей? – мечты.

Сначала я бил ее словами – потом стал бить руками. И это стало последней каплей в чаше ее терпения. Она подала на развод – и мы расстались.

Мы покинули друг друга – нет! – я послал эту дуру подальше! Да! Она правильно сделала, что убралась на все четыре стороны! Тоже мне, неженка! Цаца! Есть женщины гораздо лучше ее! Да! Гораздо... лучше.

* * *

Сегодня я вновь встречу с моей ненаглядной Ларисой. Как же я истосковался по ней... Не надо мне никаких паршивых Татьян – я хочу только Ларису! Я хочу ее... я хочу быть с ней.

Да, да, да! Мы будем счастливы – ведь мы так любим друг друга!

* * *

Я... я... я не знаю... Иногда... иногда мне начинает казаться, что я не люблю ее – мою Ларису... Что... что это какой-то страшный сон, что... что нашей любви не существует...

Господи, да как же я могу сомневаться в этом? Прочь, паршивые мысли! Конечно, я люблю ее!

* * *

Сегодня было сладко... очень... сладко. Мы любили друг друга... мы были одним. Я чувствовал, как ее тело робко вздрагивает... я видел, как она прикрывает глаза от удовольствия... и я взрывался. Мы целовали и целовали друг друга – и не могли остановиться... Мы слились в одно целое. Ох, как это было сладко...

Дак кто же сказал, что я и Лариса не подходим друг другу? Мы просто созданы друг для друга!

* * *

Сегодня мне приснилась Таня. Моя... Таня... Моя любимая Таня...

Проклятье! Опять эта чертова сентиментальность! Я уже тысячу раз понял, что моя встреча с Таней была чудовищной ошибкой в моей судьбе, и я не хочу думать об этом вновь. Я люблю Ларису и только ее.

Или... или нет?

* * *

Нет! Да сколько же можно! Сколько же можно этих мучений?!

Когда мы прекратим ссориться?! Когда, наконец, мы сможем поговорить по душам?

Почему... почему что-то постоянно тянет меня к ней... почему, почему я не могу изгнать эти чувства – это влечение?!

Пишу об этом – и опять застаю себя на мысли о ней... Нет!!!

* * *

Это кошмар, это ужас, это наваждение! Меня рвет на части – я не люблю ее, но меня тянет к ней! Что это за жуткое влечение, как оно могло зародиться?

Мы совершенно противоположны с ней – мы не подходим друг другу!

Почему же я не могу не думать о ней, почему не могу не идти к ней каждый день после своей работы, почему не могу забыть?

Почему я не могу забыть ее как страшный сон?!

* * *

Сегодня мы опять поссорились. Она сказала, что не хочет меня видеть – и выгнала из дому.

Захлопывая дверь, буркнула что-то про то, что бабка ее обманула, и выругалась.

А потом я спал на улице. Она все-таки впустила меня к себе через день, обругав для приличия. Странно... неужели мне уже начинают нравиться ее оскорбления?

Все, я так больше не могу! Сегодня это прекратится. Сегодня – или никогда!

* * *

Очень болит голова, и эта зудящая боль постепенно начинает расплываться по всему телу.

Радует одно – сегодня все юридические формальности будут улажены, и мы наконец-то перестанем быть мужем и женой.

Но как же я теперь буду жить без ее – моей верной Ларисы?!

Я уже сошел с ума – или мне это только кажется? Видимо, я действительно болен. Надо прогуляться – свежий воздух должен помочь мне. Нет, я решительно не хочу так жить!

* * *

Идущий по улице мужчина... глаза его слегка прикрыты, и правая рука держится за голову. Его шатает из стороны в сторону – издалека кажется, будто это просто пьяный человек.

Но те прохожие, которые случайно заглядывали в эти полуприкрытые глаза, напрочь отбрасывали все эти неподходящие мысли о том, что это очередной побуянивший в компании индивид – потому что эти глаза практически не имели зрачков – зрачки сжались до невозможных размеров, и в них читалась такая смертная тоска, что невольные взглянувшие тотчас же отшатывались прочь.

Красный свет на светофоре – и машины начинают движение. Однако какой-то шатающийся человек практически не видит их – кажется, он совсем не видит красного света, преграждающего ему путь... Вот он уже вышел на середину дороги...

«Стой, красный!» – доносится до него крик пешеходов, и человек начинает разворачиваться на звук.

Вдавленные до упора тормоза. Визг резины по асфальту... Человек разворачивается в сторону надвигающейся машины – и зрачки его начинают медленно расширяться... Удар.

– Что же произошло с твоим другом?

– Он погиб в ДТП... его сбила машина. Черепно-мозговая травма и кровоизлияние в мозг. Когда его доставили в больницу, он был уже мертв.

– Очень сожалею.

– Я знаю. Не нужно этих слов.

– Как думаешь, почему он погиб?

– Я не могу судить наверняка. В последнее время что-то странное начало происходить с ним – он стал сам не свой. Развелся со своей женой Татьяной и женился на Ларисе. Признаться, я так и не смог понять его выбор – они совершенно непохожи друг на друга. С момента развода со своей Таней он прекратил со мной все контакты, хотя раньше их активно поддерживал. Я сам до сих пор не знаю, что же сподвигло его на те необдуманные с моей точки зрения шаги.

– А что стало с Татьяной и Ларисой, ты не знаешь?

– Татьяна вышла замуж за другого и уехала в иной город – об ее дальнейшей судьбе мне ничего не известно. А Лариса... Лариса погибла. Ее убили.

Говоривший человек вздохнул.

– Какой-то маньяк подстерег ее в переулке, когда она возвращалась домой. Изнасиловал, а затем убил ножом. Тело нашли в подвале в одном из соседних домов примерно спустя неделю после событий.

– Все это, конечно, жутко.

– Да, согласен с тобой, очень печально.

– Но это так и не объясняет его поведения за несколько месяцев до смерти.

– Да, не объясняет. Впрочем, – и говоривший улыбнулся, – мне кажется, у меня есть небольшая зацепка.

С этими словами он вынул из своего портфеля небольшую стопку бумаг.

– Вот, держи. Это его дневник, который он вел – по крайней мере, та часть, которую я сумел достать, когда производилась опись имущества. Сам я его еще не смотрел, но раз тебя так заинтересовал этот вопрос – прочти, может быть, найдешь в нем ответ.

– Да, дай мне взглянуть на эту вещь.

И человек раскрыл страницы...

12.01.2005

Жанр: Рассказ
Категория: Признанное

Крутой

Ты – крут, и это не подлежит сомнению. Ужасающе уважаемый тип! Ты добился успеха в жизни, и теперь он успешно продолжает поддерживать твою иллюзию собственного счастья с такой степенью интенсивности, что у тебя просто не остается времени ни на что другое кроме поддержки своей собственной уважаемости в среде тебе подобных. И они уважают тебя, конечно, вовсе не за то, какой ты есть на самом деле – а за ту внешнюю социальную атрибутику, которой ты наделил себя. В среде тебе подобных лицемерие, знаешь, вообще в порядке вещей.

Сколько сил и времени было потрачено в борьбе за эту бесценную маску, сколько людей было растоптано, сколько красивых чувств и слов было выброшено на ветер во имя возможности обогнать еще нескольких на этой круговой дороге вне смысла! Но теперь-то ты крут, и это не подлежит сомнению, ведь те миллионы, что сделали тебя своим кумиром, не могут ошибаться? А сомневаться в собственной непогрешимости они уже успели разучиться – потому что согласно их мнению попавшие на страницы журналов «ФогБес» вряд ли способны к ошибкам. Ты, подобно товарищу Ленину, стал кумиром многих – ты стал просто невыносим. И течение твоей жизни так и не вынесло тебя к берегам безмятежности и беспредельности. Да и, в сущности, хотел ли ты плыть в этом направлении?

Власть денег из-за денег ради денег не без денег. Деньги заменили тебе многое. Ты стал очень богатым и дорогим человеком – именно поэтому простое человеческое счастье оказалось тебе не по карману. Оно то, в отличие от тебя, умеет разбираться в людях, и не вешается на шею к каждому встречному из-за наличия у него часов «Ролекс» или машин «Порше». Оно очень человечно, ибо ищет в других человечности же. Оно подобно Жар-Птице, и ухватить за хвост его можно только будучи простым и добрым – а ты стал слишком сложен, подозрителен и невыносим. Наверное, очень сложно все время оставаться таковым – но каким-то мистическим путем тебе это удается до сих пор.

Должно быть, ты ни раз и не два обращал внимание на особенных людей, мимо и прочь от которых тебя пронесил твой высокорентабельный жизненный экспресс. Эти люди были, по твоим меркам, просто нищими – и вместе с тем, богатые чем-то совершенно иным, явлением столь непонятной тебе природы. Они умели праздновать жизнь в каждом ее миге и потому не знали печали. Они были искренними – и лицемеры боялись подойти к ним, опасаясь быть раскрытыми в следующее же мгновение. Теперь-то ты понимаешь, что они были богаты счастьем – ведь в них было нечто от Бога. Ты знаешь, это нечто могло принадлежать и тебе тоже...

Ты построил свой замок на ложном фундаменте – и вот теперь его сотрясают удары совести. Но все же ты, судя по всему, так и не понимаешь, что те прописные истины, которые однажды были названы банальными и скучными, даже будучи отброшенными тобой прочь всегда продолжали невидимо жить рядом, и наблюдали за каждым твоим выбором, как будто невидимо фиксируя что-то.

Именно они, эти истины, никогда не потеряют своего значения, каким бы слоем пыли и измышлений их не пытались прикрыть те, кто так и не понял, что истины банальными не бывают.

Но тебе, кажется, нет до этого дела – ведь ты вновь бежишь, едешь и мчишься по кольцевой дороге, не разбирая пути. Ты так и не понял то, ради чего ты в очередной раз – и, возможно, в последний, – пришел на планету Земля. Ужасающе респектабельный тип!

24.05.2013

Жанр: Обращение
Категория: Признанное

Лжец

Лжец.

Нет-нет, что ты, конечно же, это не ты. Ты ведь никогда никому в своей жизни не лгал, верно? Ну, разве что самую малость. Но ведь это было так давно, и вообще...

Родители просто вынуждали тебя обманывать их – слишком уж они были суровы и строги временами – и ты врал им, дабы избежать очередной взбучки. Ты искренне полагал, что взрослые разумны и честны, и должны являться образцом для подражания для тебя, тогда еще такого маленького. Какое же тебя ждало разочарование! С тех пор, как ты стал свидетелем того, как окружающие тебя взрослые и – даже! – твои родители непрерывно лгали друг другу в большом и малом, ты перестал считать это чем-то особенно мерзким. Смирился и принял это как реальность, данную тебе в ощущениях. Да, люди склонны обманываться в других потому, что склонны обманывать сами. Что ж, бывает.

Затем тебе пришлось врать своим сверстникам в школе о том, кем являются твои родители – в противном случае тебя ждала серия тумачков и подзатыльников за твою излишне сильно выпирающую из толпы индивидуальность. Какое счастье, что одноклассники не могли проверить твоих слов и твой обман работал! А ты... ты ведь всего лишь пытался защитить себя от этого лживого мира, правда? Со временем ты понял, что гораздо проще будет плыть по течению...

Затем ты полюбил девушку. По-настоящему, искренне, всей своей израненной душой. Ты так жаждал быть любимым в ответ! Получить хоть капельку тепла, хоть крупицу сочувствия, хоть горстку понимания... Она обманула тебя за то, что ты обманул ее – ты не стал разрушать созданный ранее миф о себе самом, а она не пожелала, чтобы ты знал о том, что такой ты у нее – отнюдь не первый... да и не последний, наверное. Именно в тот момент ты столь остро ощутил всю пакостную мерзость взаимообмана. Ты хотел восстановить ваши отношения и отстроить их заново, стать другим – подлинным, а не вымышленным и выдуманным человеком – но у тебя уже не было ни сил, ни желания отказываться от себя вымышленного. Ты так хотел перестать обманывать сам себя – но...

Но тебе пришлось обманывать вновь. Обманывать людей и обманываться в людях.

Ты манипулировал их чувствами и мнениями, чтобы получить нужный и выгодный для тебя результат. Ты подтасовывал факты и стравливал окружающих друг с другом, скромно оставаясь в тени, чтобы затем выйти из нее мнимым победителем. Ты давал обещания и не выполнял их. Ты клялся и божился – но все это становилось лишь очередным пустым звуком, улетевшим в пространство. Ты знал, насколько внутри люди жаждут поверить в то, что расточаемая тобой лесть есть то, что ты чувствуешь на самом деле – и ты охотно пользовался этой их слабостью.

Ты создал о себе грандиозный миф – образ, который был способен пережить тебя самого, потому что уже не нуждался в своем прошлом хозяине и сам стал таковым. Именно так, постепенно и методично, ты стал заложником собственной лжи, и у тебя не осталось путей для отступления. Вернее, слишком уж непросты они стали.

Лжец?

Нет-нет, что ты! Это, разумеется, не ты. Ты ведь никогда не врал самому себе о самом себе, верно? Но в мире, где каждый врет каждому в большом и малом, так трудно не стать жертвой самообмана. Но и самая грандиозная ложь когда-то начиналась с малого, да... самообманщик?

И что может быть губительнее, чем ложь самому себе?

16.08.2011

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Любимая

Он торжествовал. Он был на седьмом небе от счастья. Она любит его! Любит!

Он услышал это из ее уст, она сказала ему это! И в этих словах не было фальши и лжи, не было обмана. Он это чувствовал, всем своим существом – чувствовал. Знал, что она говорила правду. То, что чувствовала. То, что переживала, то, о чем думала. То, о чем сказала ему в этот прекрасный весенний вечер...

Вечер, который он лелеял в мечтах и так ждал. Вечер, когда сбылась его мечта. Вечер, с которого он стал обновленным – как будто бы заново родившимся. Тихий весенний вечер...

Он говорил ей о том, что любит ее, что сердце его трепещет, когда он смотрит на нее и любит ее, что он рад, что встретил ее в этом прекрасном мире. Украшение мира, жемчужину мира, звездочку мира, лучик солнца.

Он продолжал говорить и видел, как очаровательная и загадочная улыбка появилась на ее лице. А когда он перестал, он услышал эти слова. Эти слова! Великую музыку, прекрасную музыку, музыку ее сердца.

«Я люблю тебя. Я тоже люблю тебя. И хочу всегда быть с тобой рядом».

Слова прозвучали нежно и таинственно тихо – но не для него. Он крикнул – громко, не боясь и не стесняясь своего чувства. Так, чтобы услышали все – чтобы его слышал весь мир. Чтобы вместе с ним радовался весь мир.

«Я люблю тебя! Люблю!»

Слова разнеслись высоко и широко. Так, именно так. Он будет петь о своей любви, никого не боясь и не стесняясь. Ему ничего стесняться, нечего бояться. Казалось, само небо улыбнулось ему в этот момент – улыбнулось, благословляя любовь.

Голос его стих высоко в небесах. Случайные прохожие все еще продолжали оглядываться на них, певших о своей любви. Некоторые из них улыбались.

А потом они долго стояли вместе, обнявшись. Совсем-совсем близко друг к другу. Она стала для него родным человеком – человеком, близким его сердцу, близким его душе. Она и была для него родным человеком, была и до этих слов. До, а не только после. Потому что он любил – ее, а не себя и свою к ней любовь. Он любил ее и был рад дарить ей любовь свою.

А потом они бежали вперед, и свежий ветер бил им в лицо, и им светило солнце. Подобно солнцу в душах светились чувства двух влюбленных сердец.

Потом настал поздний вечер. Необычайно быстро настал. И он проводил ее до дому – проводил и попрощался до завтра. Да, именно до завтра он попрощался. Завтра будет новый чудесный день, новый день радости. Они встретятся вместе. Два близких друг другу человека, два близких сердца...

Они встречались снова и снова, в течение дней и недель. Месяцев. И каждый день дарил что-то новое. Дарил радость общения друг с другом без злобы, гнева и обид, без боли. Дарил восприятие внутренней глубины любимого и любимой. Дарил силы и радость для молодой расцветающей жизни.

Через год они поженились и жили вместе три года. Три года...

А потом он получил от нее письмо. Трогательное письмо. Прощальное письмо.

* * *

Человек с веселым и добрым взглядом – жизнерадостным взглядом юноши, совершенно скрывавшим для постороннего его немолодой уже возраст – печально улыбнулся и отложил конверт в сторону. Тогда, семнадцать лет назад, он получил его – письмо его любимой.

Прощальное письмо. Письмо, полное светлой грусти и давно ушедших воспоминаний. Он читал его, и слезы медленно катились по его огрубевшим уже щекам. Он плакал. Эти глаза, плакавшие столь редко, сейчас плакали. Он вспоминал свою былую жизнь, вспоминал их любовь – и плакал. Он не перестал любить ее. Не перестал. И поэтому сейчас – плакал.

А ведь тогда он искренне полагал, что они не расстанутся никогда. Никогда. Он ошибался, жестоко ошибался... Жестоко? Но разве может он сказать, что несчастлив теперь? У него есть жена – чудесная и милая женщина, которую он тоже любит и о которой заботится, которую он любит также сильно, как любил когда-то и ту женщину. У него есть замечательные дети, мальчик и девочка, его опора и надежда – два солнышка, два чуда. Он счастлив.

Просто... просто старое воспоминание все еще берет его ум, терзает его душу. Он не может забыть того дня, когда получил это письмо. Тогда в глазах его стояли слезы – так же, как и теперь. А ведь она тоже плакала, когда писала это письмо. Они так и остались, ее слезы, на листах этой бумаги, что он сейчас так нежно и трепетно держит в руках.

О чем она тогда плакала? Об их расставании? Об их сокровенных мечтах долгой совместной жизни, которым так и не удалось осуществиться? Об их любви?

Он не знал – она не дала ответа. Только лишь плакала и послала ему это письмо. Письмо...

Вот оно перед ним. Полустертые строчки и слова. Но это не мешало ему – он помнил его наизусть. Каждое слово.

Да, она нашла другого – такого, которого тоже любит всем сердцем и без которого не может жить. Она полюбила другого. А его – его она продолжает любить? Хотя изредка с благодарностью вспоминать о нем?

Он не знал ответа, снова не знал ответа и на этот вопрос. Но он точно знал одно – он продолжал любить ее и вспоминать о ней с благодарностью. Он был благодарен ей за те светлые минуты жизни, которые она ему подарила.

Пусть же она будет счастлива с любимым, пусть все у них будет хорошо! Да, пусть она будет счастлива! Он желал ей счастья, от всей души желал. Он желал счастья и тому человеку, к которому она ушла. Потому что он – тоже человек, и он тоже заслуживает право быть счастливым.

Пусть они будут счастливы! Пусть будут счастливы любящие друг друга люди! Пусть учатся любить, ничего не требуя взамен. Пусть учатся любви дающей, любви – солнцу.

«Да, – подумал он, – пусть будет так. Да будет так!»

22.12.2004

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Может быть

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала...»

А.Н. Радищев

Этот мир ходит по краю. Обрыв уже совсем близок. Вы даже не способны предугадать, когда и что может спровоцировать завершающий аккорд. Но вы так горды собой, так ложно-прагматичны... Разве у вас есть другой дом?

Вы разрушали эту планету веками, и уничтожение ее вашими совместными усилиями достигло катастрофических масштабов. Вы воистину не ведаете, что творите. Вам дали прекрасный, чистый, совершенный дом, но вы соорудили из него нечто ужасающее. Теперь вам мало и одного мира, и вы уже полезли на своих недокосмических драндулетах в иные... Вы думаете, вам позволяют спокойно разрушать и их?

Посмотрите, за кем вы следуете. Посмотрите, кого вы слушаете. Посмотрите, во что вы верите, и ваша судьба не представится вам такой уж ужасной. Один большой «б-у-у-м!» – и можно все начинать сначала? Но что станет с вашими душами, что их ждет после такого аккорда для этого мира? Вы ведь об этом даже не задумываетесь! Такой сценарий для вас не более, чем страшилка из некоего фантазмагорического Голливуда, верно? Вот только при таком развитии событий в реальности вам будет все же не смешно, а скорее страшно. Как далеки вы от понимания подлинных масштабов вашего бедствия!

Взгляните же на ваших политиков, на ваших ученых, врачей и на тех, кто без всякого права и не по делам своим именуется служащими Богу. А после этого имейте смелость посмотреть в глубину самих себя. Сколько же раз вы вкушали елейный нектар лжи, изливаемый устами тех, кому вы добровольно отдали право властвовать над собой? Сколько раз они обещали построить Рай на земле? Вы все еще считаете, что это действительно в их силах и в их масштабах?

Сколько войн вы вели друг с другом под их водительством? Они вечно зовут вас на новые разрушения, чтобы в этом бесконечном хаосе залезть на пресловутый Олимп хотя бы на мгновение. Разве это не халифы-на-час? Или вы полагаете, что вашим вождям нужно дать еще немного времени для того, чтобы вместе со своими поделниками-учеными они вошли в новый виток гонок за обладание все более смертоносным оружием? Или вы думаете, что этим гонкам позволят продолжаться бесконечно, что только оружие и физическая сила будут достаточным основанием для сохранения земных народов? Но какой смысл сохранять то, что разрушает этот мир крупница за крупницей? Или же полагаете вы, что приходившие к вам пророки говорили о судьбе кого-то иного и учили чему-то совершенно отвлеченному?

Взгляните же и на тех, кого вы называете учеными. Вашими совместными с ними усилиями вы превратили этот мир в одну большую свалку. Неужели вы думаете, что владение техникой сможет искупить ваш паралич духа? Ваши поделники уже изобрели то, что способно уничтожить физическую жизнь на этой планете. Вы хотите идти далее? Вам этого мало? Или считаете вы, что продолжаете следовать божественным путем, все более отождествляя себя с машиной и постепенно трансформируясь в нее? Вы не знаете практически ничего о подлинных возможностях духа! И разве сделали вас подлинно счастливыми все эти передовые достижения науки и техники, разве они добавили хоть что-то к красоте вашего внутреннего «Я»? Вы собираете в руках пыль и считаете ее драгоценностью, в то время как ваша подлинная драгоценность остается пылиться внутри вас самих. Скоро вы станете доверять мнениям машин более, нежели мнениям ваших близких, а затем и своему собственному. А потом вы замените самих себя машинами-киборгами. Вот только нужен ли этой Вселенной очередной планетарный завод по производству биологических роботов?

Неужели же ваши врачи способны будут исцелить вас от такой духовной трансформации, коли они не могут исцелить даже ваших тел? Или вы думаете, что дух и тело не связаны между собой невидимыми нитями? Или полагаете, что сможете найти очередную чудодейственную таблетку от всех бед и горестей, включая угасание духа? Но этому ли учили вас пророки? И разве желают ваши врачи понять, что нарушение законов духа всегда идет перед телесными недугами? Или, быть может, они знают обо всех невидимых последствиях ненависти и злобы? Или хоть что-нибудь о судьбе детских душ, тела которых с рождения страдают от «неизлечимых» заболеваний, поскольку выбрали путь искупления многих из рода своего? Но вы столь спешите обвинить в немилости Высшие Силы, что не замечаете, как пачкаете души ваших детей и вместе с ними начинаете медленно убивать самих себя. Никакие таблетки не помогут вам очистить самих себя от самозанесенной духовной заразы. Но, может быть, страдая, вы однажды по-настоящему научитесь любить...

Ведь именно любви учили вас все подлинные пророки! Но разве же любовь теплится в сердцах тех, кто провозгласил себя их последователями? О, если бы это была любовь! Но жажда наживы и власти обуяла их, сделала сердца черствыми к людскому страданию. Потому пируют они ныне в роскоши, когда мир находится на обрыве, но разве не пир это во время чумы? Потому готовы они забрать последнее у доверившихся им и прогнать восвояси к Богу, которому не служат. Может быть, хоть кто-то из прогнанных этими служителями от самих себя сумеет найти Творца вне каменных храмов. Может быть, хоть кто-то из них поймет, что не живет Бог в домах, поклоняющихся мамоне. Может быть, они сумеют донести эту весть другим.

Знайте же, что мир этот до сих пор цел только благодаря Великой Божьей Милости. Только его бесконечная любовь сдерживает тот неумолимый поток зла, который породили вы, и который может разрушить мир этот в единое мгновение, ежели найдет для себя выход. Руки свои невидимо простер Бог над миром этим и как ребенка носит его в них. Но некоторым из вас еще хватает дерзости обвинять его в отсутствии заботы о ваших скромных персонах!

Может быть, однажды вы прозреете. Может быть, вы сумеете понять и сделать что-то самое главное в ваших жизнях. Может быть, вы сумеете избавиться от наводнивших ваш мир иллюзий. Может быть, вы, наконец, полюбите того, кто создал дух ваш и подарил вам прекрасный дом. Может быть, под его неусыпной заботой и с его великой помощью вы сумеете сделать ваш дом Раем.

Как это было бы здорово!

27.07.2012

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Мы, кошки

Вот мы – кошки, а вы – люди. Да в чем же разница между нашими видами?

Вот мы, например, мягкие и пушистые. А насколько жесткими бываете вы?

Мы просто обожаем ласкаться и дарить вам свою любовь. А любите ли вы друг друга?

Мы не просим для себя многого – всего лишь место для ночлега и горстку еды каждый день. А вам вечно чего-то не хватает.

Мы априори доверяем людям, поэтому часто даем поласкать и потискать себя даже совершенно незнакомым для нас, хотя и не можем сказать, что каждое из новых знакомств приходится нам по нашему кошачьему нраву.

Когда мы молоды и сыты – мы прыгаем, урчим и веселимся. Нам просто очень нравится эта жизнь, и потому мы подчас поем от нашего простого кошачьего счастья. А вы, кажется, совершенно не цените свою жизнь.

Мы очень прилежны и аккуратны – стоит только показать нам, где наш лоток, и мы впредь будем стараться ходить не под себя, а вот как раз в это самое место. А вы уже загадили весь наш, между прочим, общий с вами мир.

Мы с нетерпением ожидаем возвращения тех, кого любим, и встречаем их радостными воплями и мурчанием при их возвращении каждый день – именно поэтому мы лезем к ним на ручки поласкаться. А вы встречаете своих близких с кислыми минами на ваших лицах.

Мы не переживаем от того, что вы не понимаете нас. А вы день и ночь изводите себя мыслями о том, что в этом мире никто не желает вас понять.

Порой мы кусаемся и царапаемся, но это всего лишь притворство – на самом деле у нас просто режутся зубки. А вам даже и не нужно притворяться.

При необходимости мы стойко переносим тяготы внесемейной жизни, холод, голод и злых собак в округе. А вы любите пасовать при первых же серьезных трудностях.

Мы никогда не загрызаем друг друга до смерти и не поедаем своих собственных детенышей. А вы залили этот мир кровью себе подобных.

Вы называете нас своими меньшими братьями, но забываете о средних и старших.

Считается, что мы не обладаем разумом. А себя вы называете людьми разумными.

Мы живем в несколько раз меньше, чем вы, но не переживаем по этому поводу. Ну а вы – живете ли?

Мы – всего-навсего кошки. А вы – люди?

11.12.2012

Жанр: Эссе

Категория: Признанное

Не их же!

Беда пришла – а ты стоял в стороне. Эта позиция была удобна своей неопределенностью и, как ты втайне называл это, гибкостью. Ни холодно, ни горячо – просто никак.

Страну терзала величайшая смута, когда-либо рожденная за всю ее историю. Смута, за спиной которой стояла Тьма, и ноги ее день за днем перешагивали через когда-то еще живых людей, перемалывали характеры, рушили судьбы. И в ней умирали не только тела.

Люди вызвали ее сами и сами же пригласили на этот кровавый ужин. Они были готовы платить за «перемены», которых требовали их сердца, жизнями других. Почему других? Но ведь не своими же собственными!

Ты не шел в авангарде тех, – в черном с цветом крови, руками и душами которых творилась смута, – ты стоял в стороне, полагая, что она не коснется тебя своими костлявыми пальцами, не дотянется. Многие думают так незадолго до гибели.

Это было своего рода успокоением – да, ты постоянно читал о том, что совсем рядом гибнут твои братья, ты видел в своем стеклянном ящике тела измученных и убитых, по которым прошла машина смерти, – но это, казалось, было так далеко и не похоже на тот иллюзорно-спокойный маленький мирок, крохами которого ты так дорожил, и из которого так не хотел выбираться. Да, каждый день умирали другие – но ведь не ты же!

Где-то за сотни километров на некогда мирные города падали бомбы, а танки утюжили дерзнувших выступить против смуты защитников мира. Где-то за сотни километров карательные отряды хладнокровно расстреливали не успевшие прорваться через блокаду колонны с беженцами. Где-то за сотни километров плакали голодные дети и тихо всхлипывали старики. Где-то за сотни километров разверзлась воронка в ад. Так близко – и так далеко от тебя одновременно...

Ты был в стороне от всего этого. Парил над сутолокой жизни, так сказать. И со временем тебя перестали пугать кадры из твоего стеклянного ящика. Они стали естественными.

А когда рука цвета крови и тьмы дотянулась и до твоего жилища, – было уже поздно. Авангарды тьмы заполонили улицы твоего города и стали наводить свои порядки, методично и показательно расстреливая еще сопротивлявшихся – не таких, как ты. Тебе то было нечего бояться!

«Пусть они умирают, пусть!», – все чаще шептал ты себе, когда картины окружающей жестокости заставляли твой разум кричать от боли. – «Сами виновны, сами не согласились! Сами, сами! Не ты, не ты! Пусть они умрут – главное, что будешь жить ты!»

А когда каратели ушли, забрав с собой отобранных ими жен чьих-то мужей, – на город упал огненный смерч. И стало избавлением – умереть сразу.

На третий день смерч забрал и тебя, прятавшегося по подворотням и промышлявшего мародерством. С оторванными руками и ногами долго не живут – во всяком случае, не в этом теле.

Поначалу ты видел это свое изувеченное тело сверху – в крови таких же, как ты, – думавших, что «не их же!». А потом будто какой-то поток закружил тебя и поволок прочь от этого места в совершенно иное, забытое тобой до этого момента, измерение.

И там, в этом столь непривычном и будто бесконечном мире ты оказался рядом с теми, – сопротивлявшимися, – кого совсем недавно, еще обладая телом, еще живя в столь привычном для тебя мире, так яростно и жестоко ненавидел. Ненавидел за вызываемое ими в тебе чувство собственного несовершенства. Ты оказался рядом с теми, гибели которых желал. Тебе дали последний шанс взглянуть им в глаза – а им дали шанс увидеть тебе подобных. И когда они, сияющие, взглянули на тебя – спокойно, без присущей тебе ненависти, – ты отвел глаза. И тебе было нечего сказать им в течение всего твоего срока.

...А потом пришли и за тобой, что отвести туда, Откуда Еще Никто Не Возвращался. Многие возвращались на Землю – но только не оттуда. После мучительно-тоскливо-бесконечных времен ожидания туда забрали и тебя.

Почему тебя? Но ведь не их же!

21.08.2014

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Неофициальное обращение к американцам

Время, когда я обращаюсь к вам – это время преобразования. Ваша жалкая попытка мирового доминирования подходит, наконец, к концу. Я называю вас «собратями» потому, что я такой же человек, как и все вы. Я называю вас «спящими» потому, что вы уже давно живете в тотальном Голливуде. Для вас уже не осталось ничего реального.

Все началось еще в 1776 году, когда тринадцать Британских колоний объявили себя «независимыми», и с того самого дня вы стали продолжением империалистической воли ваших предков, продолжая делать то, что не сумели в свое время они. Вы были всего лишь новым телом для демона. Но и это тело умирает сейчас.

Вы разлили свою зеленую долларовую отраву по всему миру, экономически связывая по рукам и ногам и подчиняя себе страны «третьего мира», заставляя их выполнять тем самым вашу собственную волю – но мир начинает сбрасывать с себя эти оковы. Вы «помогали» вашим более слабым соседям в вопросах «безопасности», но мир начинает задаваться вопросами о подлинных мотивах подобной «помощи». А в тех случаях, когда ваша добровольно-принудительная демократия не помогала, вы без всякого зазрения совести начинали войны. Все началось с устроенного вами геноцида коренного населения континента, и с тех самых пор эта идиома давно является сутью вашего пути.

Вы являетесь последней оставшейся в мире империей, бредящей мировым господством – моральным и военным – причем военная сила постоянно служит «доказательством» этого вашего морального «превосходства». Конечно, вы можете верить, что солдаты морской пехоты помогут вам распространить демократию и стабильность по такому прямо-таки небезопасному миру, но все эти слова стали лишь отличным прикрытием для ваших подлинных геополитических мотивов. Россия, Китай и Иран скоро останутся единственной подлинной угрозой для вас в этой большой Шахматной Партии. Но игра уже почти окончена. И какова же была ее цена...

Вы постоянно ищите террористов где-то снаружи, но вы сами являетесь мировым террористом номер один. Бесславные ублюдки. Вы осуществляете военные интервенции под выдуманными предлогами, вы свергаете правительства тех стран, которые не являются вашими покорными рабами. А в тех случаях, когда вы не можете сделать все это открыто, вы спонсируете так называемые «демократические» силы внутри этих стран, вызывая впоследствии хаос революций. Сделав это, вы тут же начинаете орать на весь мир об очередной победе демократических сил, которые конечно же приведут эту страну к процветанию и сделают мир более безопасным. Но, как и в случае с любым другим правительством-со-стороны, ваши марионетки неизбежно приводят страну к падению в бездну – разумеется, это очередная неизбежная жертва ради великой цели. Но теперь, когда мир начал, наконец, пробуждаться, он медленно, но неизбежно, начинает видеть вашу подлинную природу.

Разве это не терроризм – лишать жизни миллионы невинных в борьбе за управление потоками природных ресурсов? Пусть вам ответят на этот вопрос жители Латинской Америки и Ближнего Востока. И не беспокойтесь, право, о всяких Усамах бин Ладенах и им подобных – вы никогда не сможете поймать и победить его. Подобно вечно живому В. Ленину, он будет жить и жить, никогда не будучи пойманным окончательно, всегда находящимся где-то – где-то, куда должны прилететь ваши бомбардировщики в целях обеспечения этой самой «безопасности». Подобно джину из бутылки время от времени он будет всплывать на экранах ваших ТВ, всегда говоря что-нибудь о вашем неизбежном уничтожении, как будто вы сами мало сделали для того, чтобы уничтожить себя. Такой брэнд. Никакое ЦРУ никогда не согласится расстаться с ним.

Вы сравниваете себя с Римом, забывая при этом о судьбе всех подобных империй. Рим пал. Вы падете тоже. Никакой президент, будь он черным или белым, не способен остановить тот поезд, в котором вы все едете сейчас. А вы движетесь с такой скоростью, что уже даже не способны увидеть, куда, собственно, вы едете. Вы были слишком сильны, чтобы победить вас военной силой. Но, как и в случае со всеми основными мировыми империями прошлого, ваше разрушение пришло изнутри.

Таков путь Гордыни. Таков путь Жадности. Таков путь Ненависти. Таков путь всех, собственноротно объявивших себя избранными. Пути справедливости неисповедимы, и нельзя заранее судить о них. И все же она существует.

Время от времени вы спрашиваете себя – «Почему они так ненавидят нас?», но вам так сложно найти ответ на этот вопрос. «Потому, что они не могут иначе», – говорят вам. И все же вы чувствуете, что подлинный ответ надо искать в другом месте. Но у вас уже не осталось силы воли для того, чтобы прекратить эту безумную гонку. Десятилетия промывания мозгов не позволяют зародиться искре разума. И как же просто потушить этот огонь, пока он еще слаб... Помните: ничто не реально для спящих.

Сможете ли вы заставить водителя остановить ваш самоубийственный курс? Я сомневаюсь. И все же у меня есть надежда. Но до того, как этот момент, наконец, наступит – спите. Пусть сладкая мечта о владычестве окутает ваши сонные умы. Спите.

Справедливость восторжествует – так или иначе. Эволюция требует того.

28.10.2010

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Неофициальное обращение к книгоиздателям

Что же, вы хорошо потрудились. Думаю, это было непросто. Скорее всего, вы довольны собственным результатом. Да и можно ли было сыграть в эту удивительную игру лучше?

Именно благодаря вам мир увидел миллионы новых книг и узнал сотни тысяч новых имен. Именно благодаря вам появилось такое символическое понятие как «бестселлер» – то есть то, что исключительно хорошо продается и приносит вам свои барыши. Именно благодаря вам каждый уважающий себя человек интеллигентного вида сумел уважать себя чуточку больше благодаря наличию очередного томика очередного классика в своей очередной личной библиотеке, который он, как это обычно и водится, начал и благополучно закончил читать на второй-третьей странице. Именно благодаря вам человечество смогло трансформировать свое представление о том, какой на самом деле должна быть та самая «настоящая литература». И расхотело читать оно в том числе благодаря вам же.

Вы стали прекрасной стеной, состоящей из тысячи и одного кирпичика, соединенных раствором жадности прибыли. Вы замешали раствор галдящих слов новомодных журналов и бестселлеров и превратили литературу в бизнес, добавив в него по вкусу пряностей маркетинга. А затем вы стали поить этой отравой поколение за поколением, медленно и методично убивая в них чувство прекрасного – потому что его наличие совершенно не обязательно для тех, кто вскоре придет в ваш книжный притон, дабы купить очередной томик очередного автора со столь красочно разрисованной обложкой. Собиратели фантиков!

Для вас это не вопрос желания служить проводником словесной мудрости для подрастающих поколений – о, если бы это было так! Это всего лишь вопрос прибыли. Именно поэтому вы продаете то, что лучше продается, а если что-то нужно продать побыстрее – вы лепите на него ярлык «бестселлера». Бизнес, ничего личного. Ничего мудрого, впрочем, тоже. Хороший бизнес!

А как же любовь, честность, справедливость, правда, в конце концов, – нет спроса? Зато насколько же, должно быть, велик спрос на иное! На всех этих новомодных целителей с огненными шарами в руках и позолоченными нимбами над их головами, обещающих чудеса исцеления в ближайшие несколько десятков прочитанных страниц. На всю эту бесконечную «фэнтэзи», клепаемую день ото дня новоиспеченными авторами в попытке прославить свое имя – жаль только, что сюжет от прочитанных книг забывается уже через неделю, а кроме сюжета в сухом остатке остается лишь философия уровня «мести и разрушай». На все эти политические исследования, спичи, тренды, брэнды, монографии великих сильных мира сего – как будто бы не политики ввергли этот мир в хаос войн и взаимной ненависти народов! На все эти очередные откровения «богословов», поставивших слова Христа и Его апостолов на службу своей корысти, и буква за буквой, трактовка за трактовкой замутняющие и загрязняющие их подлинный изначальный смысл!

И, разумеется, не стоит забывать и про книги околокомпьютерной тематики, устаревающие порой через год или два – замечательный источник дохода по соотношению себестоимости к цене. Правда же, хорошая получилась «солянка»? Но много ли в ней соли?

Что же, продолжайте продавать то, на что вы сами сформировали спрос. Продолжайте раскручивать и поработать новых авторов. Продолжайте клепать бестселлеры, двигаясь вместе с мейнстримом. Это все вам уже не поможет. А ежели однажды за проделанную вами работу по строительству культурной стены перелетевшие через нее люди не пожмут вам руки – то и не удивляйтесь.

07.09.2012

Жанр: Обращение
Категория: Признанное

Неофициальное обращение к лжесудьям

Скажите, это правда, что возвращение чести и совести не значатся в учебных программах ваших вузов?

Скажите, это правда, что вы готовы стать адвокатами самого Дьявола, ежели его прихвостни заплатят вам гонорар как минимум в тридцать сребреников?

Скажите, это правда, что вы давно стали душой и совестью вымирающих заморских наций?

Скажите, это правда, что Божий закон вы заменили законом человеческим, и с тех пор доброта и любовь были попораны жаждой наживы и благополучно похоронены в бумажной кипе кодексов и актов?

Скажите, это правда, что ваша голова способна вместить тысячу и один текст человеческого закона, а душа забыла про небесные?

Скажите, это правда, что, защищая заведомо виновного, вы втайне про себя шепчете молитву «Господи, прости!» – но так тихо, опасаясь, что вас услышат, что ее не слышит даже сам Бог?

Скажите, это правда, что созданные вами законы не умещаются на тысяче и одном листке, а для Божественных заповедей и одного – слишком много?

Скажите, это правда, что виновные часто оказывались невинными, а невинные – виновными благодаря вашим усердным стараниям?

Скажите, это правда, что можно не знать ни одного из придуманных вами законов – и оставаться праведником, и можно знать их все наизусть – и пребывать грешником?

Скажите, это правда, что ваши законы часто противоречат один другому, отражая весь внутренний хаос вашего непонимания сути вещей?

Скажите, это правда, что ваши земные законы призваны обслуживать в первую очередь интересы правящего меньшинства?

Скажите, это правда, что вы оправдаете преступника и накажете жертву, если так гласит N-ый пункт K-го кодекса?

Скажите, это правда, что вы судите других от вашего собственного временного понимания и мешаете судьбе и Богу судить от вечного?

Скажите, осознаете ли вы, судящие, что и вас однажды будет судить самым справедливым законом Бог?

01.12.2010

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Неофициальное обращение к политикам

Я давно подозревал, что собака гораздо умнее человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политик: все замечает, все шаги человека.

Н. В. Гоголь «Записки сумасшедшего»

К вам сегодня обращаюсь я, власть узурпирующие, народ пятой своей несправедливой попирающие, горделивые. К вам слово мое, планету Земля на сотни кусков расчленившие, войны провоцирующие и мир кровью народов удобряющие, сильными мира сего себя возомнившие. К вам слово мое, политики мира сего.

Из отребий людских всплывает наверх вы и не тонете, в водах невежества народного плескаясь. К власти приходите часто методами кровавыми, лукавыми и жестокими, по головам людей значительно более достойных шастая. Лукавству вы уже научились в том пути нисхождения давнешенко, восхождением на вершины социальные вообразив его неразумно. Обману других давно научились вы в том пути своекорыстия и бесчинства человеческого. Тирании и жестокости давно научились вы, локтями путь себе пробивая к вершинам низменным. Много ли стоит то знание и навык ваш для мира вечного? Тридцать сребреников стоит оно, не более.

Законы под корысть свою пишете. Мнимым бахвальством красуетесь, как если бы для народов земных что-то важное совершили бы – но страдают народы те по-прежнему. Скидывали вас с иллюзорных тронов ваших земных раз сколько, вспомните ли? Ничему на ошибках предтеч ваших не учитесь вы! Обираете народы, вам доверенные, икорку красную за щеки обе упихивая. На могилах детей и стариков пляшете вы, о росте экономическом продолжая балаболествовать. О культурном возрождении вещаете вы, в разврат с блудом народ ввергать продолжая. Не возрождать страны приходят из вас многие, но соки выпивать последние, лакомясь. Смертельный яд в соках тех, слезами и смертями людскими наполненных, но с задержкой действует он. И не Сократы вы, чтобы яд тот пить и не корчиться в муках смертельных после.

Единый некогда мир на куски разрезали и разорвали вы, людской глупостью и ненавистью воспользовавшись. Теперь срашиваете людей стран разных друг с другом, барыш свой с войн тех имея и подсчитывая. Как объединять людей можете вы? На базе ненависти и злобы друг к другу лишь. О патриотизме разглагольствуете вы, на бойни других провожая преспокойненько. Не захотите ли в первых рядах на бойни те пойти вскорости, о миролюбивые? Страшно будет вам делать сие, знаете же.

Народы ваши давно овцами и барашками для вас сделались, и обращаетесь вы с людьми соответственно. О справедливости давно позабыли вы и унижению народов потворствуете. Стали средством они вам, а не целью, и презирать их вы начали. Или думаете, терпеть вам подобных Земля долго будет?

Или думаете, что кровью людской в войнах, вами зачинаемых, удобрять вы планету вечно сможете без суда и следствия?

Пустословие свое телевизионное прекратите ли? Промывку умов людских остановите ли? В грудь кулаками себя бить и пыжиться не надоело ли вам? Али думаете, что чисты руки ваши? Сколь глухи к голосу людей простых стали вы! Будут ли слушать мнение ваше те, скотом златорунным кого вы считали столь длительно? Ничему на ошибках предтеч ваших не учитесь.

До каких пор всплывать из бездн неведомых будете вы, народ в бездны эти глубокие ведя за собой? До каких пор людей и мир этот грабить будете вы, законами самописными прикрываясь? До какого градуса слезы горя людского в чанах себялюбия вашего кипятить собираетесь? До какой минуты, часа и года бойни вести друг с другом будете, людей простых материалом разменным делая?

Неисповедимы пути Создателя, и вам ли знать о границах терпения его? Чаши зла, вами совершенного, делами вашими переполнить не боитесь ли? Велико влияние дел ваших по странам разливается, вам невидимое. Зачем же губить себя вздумали? Очнитесь от самоуспокоения эго вашего, пока не поздно еще! Летят уже назад камни, вами ранее брошенные, и раскаяние коль не наблюдается, то растет их скорость с каждой секундой падения. Подлинным служением народу расплавлять камни те надобно! Или забыли вы суть служения того давнешенько? Не объяснить на пальцах его вам...

Неужели к процветанию вести народы мира сего не хотите вы? Неужели объединить страны разрозненные не хотите вы? Неужели кошелек дороже жизни духа вашего стал вам? Неужели совести глас замолк окончательно?

Пусть время рассудит вас, и народы решения свои вынесут. И коли встанут народы, вами замученные, и погонят прочь вас из стран своих, будет ли куда бежать вам, от себя бежавших столетиями?

29.09.2012

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Неофициальное обращение к церковникам

К вам сейчас обращаюсь я, слова Сына Божьего искажившие в угоду свою и в непонимание свое. К вам сейчас обращаюсь я, Богом торгующие. К вам слово мое, несвятые отцы. К вам слово мое, священники.

Давно уже нет во многих из вас святости той, ученики Сына Божественного обладали коей. Давно уже нет в вас рвения к помощи в очищении душ человеческих. Давно уже нет в вас понимания законов Божественных, законов мира духовного. Давно уже нет в вас ощущения гармонии, и Бог не живет в храмах ваших.

К кому взываете вы в криках истошных, молебны свои заувывные отслуживая? Кому молитесь вы, к доскам раскрашенным, иконами называемыми, лбами прикладываясь? Чье пламя поддержать стремитесь вы, свечи свои в храмах зажигая? Объясните ли, почто воду святой вы называть начали? Давно забыли суть вы всю, и только форма служения осталась мертвая.

Неужто думаете вы, что, Богом приторговывая, ему тем самым служите? Увы, давно не ему уже.

Права никто не давал вам прощать ошибки существ человеческих, грехи их кадила взмахом отпуская восворяи в дали неведомые. Сами то право себе вы присвоили, тексты искажив еще в древности.

Права никто не давал вам от имени Бога вещать людям простым, вам доверившимся. От своего имени вещать лишь можете – но много ли стоить будут слова ваши в этом случае?

Права никто не давал вам портретами Духов Высших, иконами называемыми, в заведениях своих небожественных приторговывать. Ибо разве нужны иконы эти искренне верующему для обращения его сердечного?

Права никто не давал вам заменять священный пламень духа пробуждающегося свечками своими восковыми. Ибо нельзя заменить духовное материальным, и не существует второе без первого.

Права никто не давал вам, некрофилам подобно, косточки людей, «святыми» вами называемых, при отходе духа их в мир иной себе в храмах складировать. Ибо не прах свят, но жар сердца людского, к Богу в порыве духа своего устремляющегося.

Права никто не давал вам суть омовения и очищения духовного водным омовением заменять быстрехонько. Ведь не вода очищает нас, хоть трижды в серебряных чанах кипяченая, но духа желание очищения подобного.

Права никто не давал вам местопребывание Бога рынками своими купольными, церквями да храмами прозванными, ограничивать. Ибо весь мир есть царствие его, и в каждом из нас частица света его покоится.

Права никто не давал вам делать все то. Сами себе взяли вы его, и велика ваша ответственность за воровство подобное, ведь у Бога воруете вы, ведь людей, вам поверивших, обманываете вы. Слепым подобно ведете других в ямы религий вы – но кто первым падать в них будет вскорости?

Несогласных с вами вы проклинаете. В сердцах своих к Богу устремляющихся без помощи вашей называете неверующими. Друг с другом из-за догматов давно уж боритесь, милосердные.

Иль напомнить мне вам, как ведьм на кострах вы сжигали, о святые и праведные? Иль напомнить мне вам, как людей в казематах своих пытали вы? Иль напомнить мне вам, как кровавые «священные» походы устраивали вы? Думаете, изменились с того времени сильно вы? Разве что ныне не умерщвляете несогласных сразу же.

Но и поныне друг с другом воюете вы, миролюбивые, по поводам глупейшим. Ведь бизнесом стала для вас служба ваша, и не нужен вам Бог живой и праведный. И если бы пришел Бог в мгновение это к вам – что ответили бы вы ему? Правильные ли сделали расценки на услуги ваши, во имя его совершаемые и от него людей отторгающие, и не закрался ли бес ошибки в расчеты цен тех ваших, спросите? Дак знайте же, что тельцу златому давно поклоняетесь, ведь когда святость покидает душу человеческую, корысть место ее заполняет вскорости.

Корыстные среди ложных, и так мало подлинных... Восплакать придется каждому, огонь духа своего загасившему под потоком денежным и глас души, совестью именуемый, замолчать заставившему. Последний шанс дан в жизни этой искупить вину свою делами достойными подлинной помощью душе человеческой, а не ее иллюзией, вами усердно поддерживаемой. Сумеете ли использовать шанс тот полностью?

17.10.2010

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Несогласный

Ты – против. Всегда был и планируешь оставаться и впредь.

Ты был против такого огромного количества вещей, что уже давно перестал вести им подсчет. Ведь, когда ясно направление, отдельные фрагменты пути становятся уже не столь важны, верно?

Ты был против политиков с момента поступления в институт – а, может быть, еще даже пребывая на школьной скамье. Все они казались тебе такими мелочными и недалёковидными засранцами, что терпеть их просто не было мочи. Именно поэтому ты всегда столь ревностно смотрел многие их выступления, внутренне споря и дискутируя с каждым из них и со всеми одновременно, какой бы монолог они не вели с тобой с экрана твоего телевизора. Ты был хорошей аудиторией.

Если тебе не изменяет память, ты был против всей образовательной системы с самого момента попадания под ее жернова. Накопленные человечеством «знания» всегда казались тебе грудой немислимого хлама и совершенно бессвязных фрагментов информации, больше напоминающих непереваренные остатки пищи ума какого-нибудь очередного популярного ученого, дерзнувшего сваять на коленке школьный учебник. Школьная система казалась тебе чудовищной пыткой и форменным издевательством над здоровым детским желанием бегать, плясать, резвиться и радоваться жизни. Но тебе во что бы то ни стало нужно было поступить в институт, и ты послушно сидел за школьной партой и домашним рабочим столом дни и ночи напролет. Ты был хорошим учеником.

Конечно же, ты был против множества современных тебе ваятелей безвкусыя, что каким-то немислимым образом и поправ все законы человеческой совести и безгрешности решили пролезть по головам других на самосотворенный Олимп, по недалёковидности спутав его с болотом. Творчество многих из них ты считал попой, совершенно не заслуживающей ничьего внимания. Может быть, именно поэтому ты столь часто упоминал о них в разговорах с твоими друзьями, часто сокрушаясь о том, что искусство почти убито. А что сделал ты для его возрождения? Ты был хорошим критиком.

Да, разумеется, ты никогда не встречал непродажных чиновников, потому что это оказалось бы столь губительно для лелеемой тобой картины праведного несогласного, нещадно обличающего врагов и, собственно говоря, вполне удовлетворяющегося лишь этим. Ты кричал в уши глухим и писал жалобы на слепых для безразличных. Ты рубил одну голову монстру, а на его месте тотчас же появлялось две новых. Этим, собственно, все и заканчивалось – система вновь брала верх, истощая твою решимость и мужество. Поэтому однажды ты плюнул на них всех со всех видимых тебе колоколен – этакий прощальный реверанс в сторону многоголового монстра. Монстр же лишь услужливо оскалился всеми сохраненными к тому моменту новыми головами. Ты был замечательным винтиком в механизме бюрократической махины.

Ты был против священников, создавших из Бога фетиш и нещадно торгующих им в своих богодельнях – но какими же добрыми делами, являющимися проявлением действительной веры, ты украсил свою жизнь и жизнь близких тебе? Стала ли твоя и их жизнь пением – не заунывным церковным, но ежедневным сердечным?

Стоит ли говорить о том, что ты был против огромного множества других самых неприглядных обстоятельств действительности, для перечисления которых не хватило бы ни сил, ни времени?

Против, против, против. Это стало почти бессознательной реакцией. Ты научился говорить «нет», не научившись говорить «да». И ситуаций для твоего «да» в твоей жизни больше не стало. Они стали внутренне не нужны.

Так, сам того не ведая, в осуждении своем ты продолжал жить той самой как-бы-жизнью, столь тебе противопоказанной. Ты ругал тьму, но не хвалил свет. Ты отрицал зло, не впитывая добра. Ты разрушал считавшееся грязным – но строил ли чистое на его месте? Ты отрицал, не предлагая ничего взамен.

Ты стал великим критиком – критиком от всей непробужденной души. Поносителем всего и вся, но не созидателем лучшего. Ты остался теплым, так и не став горячим – горячим от всего сердца своего. Дабы вырастить что-то вовне, сначала требуется взрастить это в своем собственном сердце. Но что ты мог в нем взрастить? Твоя сердечность продолжала оставаться лишь нерожденным потенциалом.

Так было раньше – но жизнь начинается именно сейчас. Она начинается со слова «да» теплящейся любви в твоём сердце. Это твоя жизнь. Твой ход, критик.

26.02.2012

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*

Образование

Образование... какое странное слово! Образ-ование... формирование всевозможных образов в людских умах и душах. Идеальная система подготовки человека спящего, человека неразумного, человека немудрого, человека знающего. О, если бы информация могла хоть как-то компенсировать отсутствие разума!

Ты прекрасно помнишь те школьные годы, ведь правда? Ты казался себе таким умным, таким эрудированным, таким понимающим, столь быстро обучающимся. С самого раннего возраста ты уже знал, что дважды два – строго и непременно четыре; что более трех пространственных измерений не существует, а пространство линейно и однородно; что человек произошел от обезьяны; что нет скорости большей, чем скорость света; что современному человечеству многие миллионы лет; что люди не живут и никогда не жили значительно более, чем век; что человек – существо без крыльев, и потому не может летать; что твоя планета Земля – единственная обитаемая среди бескрайних просторов космоса... Все это и многое другое для тебя стало почти что истиной, аксиомой, новой картиной мира, если хочешь. Но не сразу... операция длилась долгие годы.

Ты ведь, наверное, еще помнишь, каким удивительным и полным великих тайн казался тебе мир, когда ты был еще маленьким ребенком? И каждый день приносил с собой новое удивительное открытие.

...Вот ты увидел мерно вышагивающего по мостовой голубя и погнался за ним – но он, конечно же, вовремя воспарил в небо, куда путь тебе был закрыт.

...А вот ты увидел на лужайке очень красивый и незабываемый цветок, у которого в тот момент еще не было названия, и нежно и долго вдыхал его аромат с блаженной улыбкой на лице.

...А вот бабочка села прямо тебе на нос, как будто ты сам был цветком.

...Вот ты впервые услышал пение птичек в ветвях деревьев в лесу.

...А вот вдруг с неба полились какие-то странные капли и намочили тебя с ног до головы.

...Вот также внезапно выглянуло солнышко и засветило тебе прямо в глаза, как бы щекоча своими лучиками.

...Вот ты нашел какой-то звонко звенящий ручеек и начал пускать по нему самодельные веточки-кораблики.

...Вот ты бежишь по зеленой траве, хлопаешь в ладоши и радостно кричишь от счастья.

Забудь про все это! Твой мир теперь совсем иной. Образованный, выверенный, размеренный, расчерченный, предсказуемый, стабильный. Твой мир теперь мертв. Да, ты прекрасно чувствуешь, почему – ты стал очень образован. Твой внутренний живой мир убивали долгие годы...

Тебе рассказывали об открытых наукой «фактах» – и умалчивали о том, как все они в своей общей совокупности совершенно не согласуются между собой. Заставляли учить наизусть формулировки тысячи и одного «закона природы», ни разу не упоминая о том, что все эти законы не более, чем теории, созданные такими же безрадостными учеными, каким ты отныне стал сам. На твой когда-то молчаливый и спокойный ум сгружали целые охапки толстых учебников с совершенно бесполезной и ненужной информацией, а затем заставляли тебя раз за разом выплевывать ее назад как непереваренные остатки пищи... где уж тут взяться спокойствию? Тебя пытали бесконечными математическими формулами, утверждая, что математика – это царица наук, и теперь ты старательно день за днем используешь полученные умения для подсчета собственной прибыли. Тебе тысячу и один раз говорили «Это невозможно!» или «Не говори глупостей!» – и с тех самых пор они размазали по стенке собственной прихоти все твоё воображение. Они раз за разом ставили тебе все эти «страшные» оценки и баллы, с укором глядя в глаза, и опустили до плинтуса твоё чувство собственного достоинства – как если бы человек был недостоин их наивысшего внимания до тех пор, пока он не научится отблевывать назад все эти факты на «отлично»!

Все это произошло не сразу. Инъекция за инъекцией, факт за фактом, формула за формулой, закон за законом, но они все-таки создали для тебя свою картину мира, которую им когда-то предложили иные, и под гнетом их общественного авторитета ты уже не смог от нее отказаться.

Твое беззаботное и жизнерадостное детство кануло в лету, а взамен пришла пора образования. Поначалу ты сопротивлялся и кричал, ощущая, как яд унификации струится по невидимым венам твоей души, ты всеми силами пытался вырваться из этих цепких лап мертвых картин мира и нафантазированных законов, но система все-таки взяла свое. Она отформатировала и образовала тебя во имя себя самой, она забила твой ум штампами и клише, а твою душу сделала безучастным наблюдателем собственной смерти в миниатюре, она сделала тебя идеальным механизмом – роботом, способным прекрасно выполнять свое «социальное предназначение», навязанное лживыми политиками и СМИ. С тех пор ты перестал чувствовать, ты перестал по-настоящему радоваться, ты фактически перестал жить. Ложная картина мира сделала свое черное дело, и она же дала тебе заменители утерянного счастья невинности – дала алкоголь, наркотики, безопасный секс...

Ты был уникальным творением Бога – неповторимым, непревзойденным, не требующим сравнения с другими – а стал лишь одним из многих. Ты образовался. Теперь у тебя есть нелюбимая монотонная работа, есть респектабельность, а голова твоя содержит тысячу и одно знание о том, какой же на самом деле тот самый мир, в котором ты поныне медленно умираешь.

Да, быть может, теперь ты и знаешь название той самой милой бабочки, что когда-то в детстве столь беззаботно села тебе на нос... ты помнишь, как называется столь вдохновивший тебя цветок... ты можешь рассказать своему сыну о видах химических реакций, происходящих на солнце, что когда-то ласкало твое лицо... а голуби нынче вызывают у тебя только омерзение и страх, когда беззаботно пролетают над головой.

Ты думаешь, что познал этот мир, и теперь тебе уже нечему удивляться, ведь у тебя найдется тысяча и один ответ и объяснение, почему что-то происходит так, а не иначе...

Но спроси себя, спроси хотя бы на миг, стало ли тебе легче от всего этого набранного груза твоих иллюзорных знаний, чувствуешь ли ты себя более счастливым и жизнерадостным, чем когда-то давным-давно в полузабытом почти детстве...

А если нет, то... может быть, что-то совсем не так с твоей новой картиной мира?

Да, они хотели, как лучше. Да, они сами стали жертвой в этой системе форматирования душ человеческих. Да, они не ведали, что творили. Сумеешь ли ты своей жизнью разорвать этот порочный круг? И способен ли ты как подлинный мастер создать свою собственную – солнечную и яркую – картину мира?

24.08.2011

*Жанр: Эссе
Категория: Избранное*

Однажды ты проснешься

Однажды ты проснешься, и твой старый мир умрет для тебя навсегда. Он растает в лучах утреннего солнца нового дня, он исчезнет, как исчезают ночные осенние туманы, он испарится, как высыхают былые слезы на чьем-то лице. Его больше не станет – как если бы его никогда и не было.

Ты не почувствуешь этого, ты не сможешь осознать, что же именно изменилось в тебе... что еще вчера было так – а сегодня стало иначе. Но привычного тебе старого мира уже больше никогда не будет.

Что-то изменится в тебе, что-то совершенно неуловимое и столь скрытое – дремавшее – в тебе до этого. Что-то повернется внутри тебя, столь древнее, как стара сама Вселенная... Что-то сумеет выйти наружу – и ты не узнаешь свой новый мир.

Ты подойдешь к окну, откроешь и выглянешь в него... увидишь это разукрасившее небеса восходящее солнце; осознаешь, как свежий забившийся в открытое окно ветер колышет твои волосы и щекочет твое лицо; почувствуешь принесенную им с собой из неведомых далей влагу на своей коже; услышишь, как забавно библикают внизу машины людей, отъезжающих раньше других на работу; увидишь, как эти забавные человечки бегают внизу, вечно пытаясь куда-то не опоздать; заметишь, как птица стремительно пронеслась перед твоим окном в этот мир – и поразишься, как же раньше ты не замечал всего этого.

Ты не поймешь. С этих пор это станет для тебя почти неразрешимым вопросом – как можно было раньше не ощущать, не чувствовать всего этого... как можно было жить почти вслепую. Ты не сможешь понять, зачем ты вообще когда-то жил по-другому, почему та переливающая через край гамма чувств, что заполнит тебя в эти мгновения, – почему она была недоступна тебе раньше и каким-то чудесным образом стала доступна сейчас... только руку протянуть.

Это станет для тебя вечной загадкой твоей жизни, которую не захочешь разгадывать даже ты сам – потому как это отныне будет уже не нужно. Потому что в эти самые мгновения твоего старого мира уже не будет.

Ты не сможешь сказать, откуда в тебе появилось это величайшее чувство уважения к миру, в котором ты имеешь счастье жить, и ко всему живому в нем...

Ты не будешь знать, куда внезапно канули твои вечные тревоги и куда ушла твоя печаль.

Куда подевалось желание бороться за одну тебе ведомую справедливость и откуда пришло чувство абсолютной внутренней умиротворенности и принятия всего, что происходит с тобой?

Куда исчезло столь долго пестуемое тобой чувство ценности собственной личности – и почему оно внезапно оказалось смыто возникшим океаном любви к другим?

Почему тебе уже не хочется чего-то кому-то доказывать, спорить с кем-то, приводить умные и глупые доводы «за» и «против» – а вместо этого ты готов просто смотреть на эти споры и ссоры между другими и улыбаться от осознания их детскости?

Как, зачем, почему, для чего твои столь важные ранее собственные интересы как-то забылись и стерлись, как будто никогда и не существовали? Зачем на их место пришло единственное желание – видеть этот мир красивым – таким, каким ты видишь его прямо сейчас?

Почему другие взрослые и солидные люди внезапно стали казаться тебе маленькими детьми, сражающимися друг с другом в собственных возведенных песочницах, а иногда даже столь усердно и старательно кидающимися друг в друга песком, а иногда и утирающими полное слез лицо собственными милыми маленькими ладошками?

Куда ушел весь твой прошлый гнев и почему теперь ты вдруг здороваешься и жмешь руки своих бывших извечных врагов – а душа твоя ликует, видя, как вытягиваются их лица, когда ты приветливо улыбаешься им и протягиваешь свою руку?

Почему сейчас ты подходишь к постели, где все еще спит любимый тобой человек, зачем садишься рядом с ним на край, зачем склоняешь свою голову и целуешь его, а потом прислоняешь свою голову к его голове... откуда же в тебе взялась вся эта переполняющая тебя нежность?

Зачем, зачем тебе все это? Зачем ушел твой старый мир?

Мимолетный страх пронзит тебя – ты испугаешься того, что произошло с тобой. Ты не будешь знать, как тебе теперь жить с этим новым чувством. Тебе страстно захочется вернуться назад, к столь привычной для тебя жизни – столь разумной и обоснованной. Разум будет твердить тебе, что ты еще не успел сделать столь многого – не успел построить дом, не успел сделать карьеру, не успел то, не успел это – а если примешь свой новый мир, то уже не сможешь этого сделать... просто не увидишь в этом смысла. И тебе очень захочется прислушаться к нему, ведь он уже столько раз выручал тебя в этой жизни, и ты почти сделаешь это...

Но потом ты вновь внезапно вспомнишь, как тебе светило солнце – впервые удивительно красивое за все это множество лет, как ветер трепал твои волосы, как ты чувствовал осеннюю влагу на своих губах, как созерцал кружащийся лиственный хоровод и как любовь к миру переполняла тебя... и ты отбросишь эти дерзкие попытки ума испортить эту красоту – потому что не захочешь терять ее уже никогда.

Потом будет много лет – но все они будут иными.

Твоя сонная жизнь кончится и уже не возобновится вновь. Ты сумеешь увидеть этот мир таким, каким он был всегда для тех, кто по-настоящему видел – и каким он отныне стал и для тебя тоже.

Будут и взлеты, и падения, и успехи, и неудачи, и радость, и горе – но все они будут иными. Все они станут отражением того прекрасного нового мира, в котором ты однажды – в тот до сих пор памятный день – оказался и в котором теперь живешь.

Просто... просто то, что дремало в тебе столь долго, однажды выйдет на свет.

Просто потому, что однажды ты проснешься...

08.03.2006

Жанр: Эссе

Категория: Избранное

Поп

Здраве буде, миряне!

Решил-таки я, значится, к вам таким вот образом чудным и дивным обратиться. А то нам, богослужителям, оно ведь тоже скучно бывает до остолбенения временами то, не без этого. А то вот ходите вы к нам толпами своими порой на молебны да празднества всякие, в ножки кланяетесь, да ручки наши белые целуете, а поговорить то оно ведь и не жаждете особливо. Разве что на исповеди, да и то – больно нам оно слушать монологи ваши нудные о деяниях отвратных особливо охота чтоли? А деяния то те ведь такие порой, что уши свернуть в трубочку хочется и цыкнуть на вас яростно – но вот приходится терпеть белиберду эту всю и в конце речей ваших грустно-горестно вздыхать и фразу ту сокровенную о грехах ваших отпущении повторять аки робот какой, потому как заплачено по прејскуранту все уже. Делать нечего – слушаешь, вид делаю, что интересно тебе это все до изнеможения, а на деле скучаешь там, в кабинке этой исповедальной, для того темной и скрытной которую мы и сделали, чтобы не видели вы, значится, лиц наших выражения.

Или вот этим самым трупикам, в железные ящички собранным и мощами нами прозванными, шастаете вы да поклоняетесь, потому как мы святыми их назвать дерзнули. Их вы там чуть ли не лобызаете в припадках экстатических своих, и даже разговаривать удумали некоторые, абы ежели говорить мертвые могли бы – а про нас то и не упомянули, как если бы и не живые мы были, а они живее нашего.

А бывает, что приедет какой мирянин еще, бланки на молебны на всю семью свою до колена десятого назаполняет молча и ссупившись, да сунет в руки потом после оплаты по прејскуранту в кассе то – а нам потом молись за здравие али упокой душ их в служениях своих, будто знаем мы, что за люди в бланках тех упомянуты, может какие и мерзопакостники? Вот так и молишься не пойми за кого, хоть и понятно, зачем – денег ради ведь... а иначе зачем молитву платной то делать?

А бывают еще и того хуже прихожане встречаются – молча зайдут в храм наш, свечу где-то на стороне купленную вставят в свечники наши и зажгут – и все это молча и скорбно так делают, слово боясь вымолвить, что прямо оно иногда ощущение так и накатывает, что не храм это вовсе, а погреб какой или кладбище... Ух, ужас! Сам порой пужаюсь мысли то сей, а сделать ничего не могу, ибо так оно принято в храмах то наших православных вести себя по канонам то. А коли кто нарушать те правила нами выдуманые вздумает – оденет что не так, али спеть что свое удумает – прилюдно поносить будем, за веру ратуя и нравственность, пусть и не сомневается!

И вот оно так, значится, и получается, что аки роботы мы какие вам стали уж, и словом живым и целительным с вами порой и не перемолвиться. А ежели и хотите вы перемолвиться в беседе личной, али спросить совета какого – так ведь о вас, болезных, все время разговаривать да наставлять вас приходится! Ох, тяжкое ж какое дело то это – советы давать и наставления.

Вот придете к кому из нас вы и начнете, бывает, жалобиться – то у вас не так, это не ладится, здесь чего-то не хватает. И вот сиди, слушай вас, или того хуже – стой еще, да советы на ходу удумать пытайся. А какие советы то удумать можно, ежели ситуацию вашу и вас, собственно, знаешь только поверхностно? Вот и давать советы общие, универсальные, временем проверенные приходится – в церковь нашу вновь сходить, да свечечку прикупить какую-либо, да молебен заказать месячный. Одноразовые молебны заказывать тоже можненько, но не эффективны они столь в силе своей, ибо шибко по деньгам дешевы. И устаешь так порой от монологов то этих монотонных и советов одинаковых, что аж выть на луну хочется, благо что луны то днем и не видненько.

А ведь и нам высказаться порой то как хочется, душу свою и мучения совести громадные, волнами то так и накатывающие, излить и покаяться! И хотел уж было я покаяться то однажды – да неужто мне то, святому почти человеку, и перед таким же священником то и исповедоваться, осознавая ясненько, как он будет речи то мои пламенные эти выслушивать безразлично и холодно? И вот решил я, значится, вам, миряне мои ненаглядные, овечки вы мои златоносные, униженные вы мои и оскорбленные, душу эту свою самую опорожнить не стеснясь. А и чего стесняться то мне прикажете, коли вот расскажу я вам о себе еще совсем немножечко, да и закончу на том заранее, дабы в детали недостойные особливо и не углубляться то мне? Да и отпущу потом сам себе грехи я и буду чистеньким. Долго ли, умеючи?

А начну я с того, пожалуй, как в семинарию духовную поступать готовился. Хотите верьте вы мне, а хотите и нет, да только не было у меня с детства трудолюбия или прилежания какого-либо, и желания работать тяжело не было также точненько. Любил я поспать частенько часиков по двенадцать, да за столом понежиться, живот свой вкусоностями всякими наполняя. И навыков каких-либо и умений не развил за годы жизни отроческой я потому, что смысла в том не видел – один век живем, а далее хоть потоп на них на всех!

И вот, пришло когда времечко мне с путем будущим определяться, надоумил меня батя в семинарию духовную поступить, божьим человеком чтобы стать, значится. Работа, говорит, не волк, на луну выть с горя не будет, а источник заработка стабильный, ежели особенно со временем приходом то своим обзавестись удастся. Знай себе службу неси, ритуалы выполняй, молебны отчитывай и с прихожанами для проформы время от времени общайся с лицом участливым и милосердным на вид. Признаться мне тут еще надобно, что не особо то в Бога, создателя нашего, верил я – да разве оно и надобно, ритуалы то чтобы исполнять, да молитв пару наизусть выучить? Обезьяна любая с заданием сим легко справится!

Ну, и бросился я, в общем, в омут то тот с головой – долго ли, желаячи? Отучился свое, неверия своего не показывая, да и в храм местный помощником настоятеля его определен опосля был за успехи значительные. А успехи то у меня на этом то поприще ого-го какие были, прямо-таки сам себе удивлялся и нарадоваться не мог, что уж про родителей моих и говорить. Молитв тридцать наизусть я выучил, не особливо смысла их понимая, правда, – а и кто их поймет на языке то устаревшем, неужто миряне эти самые офанатевшие?

Умел еще я быстро цитаты нужные в писании священном находить, да объяснить мог играючи, почему православие то наше получше всех этих иных религий бесовских будет, сектантов этих всяких католических, протестантских и буддистских. Канонизированных святых наших жития я в чертах общих самых выучил, дабы народ делами их праведными и неправедными стращать после, а более даже святых этих самых количеством, нежели делами и качеством их стращать то – ведь, чем более у веры твоей святых, ею одобренных, тем крепче она в глазах паствы иной, не правда ли? В общем, хороший, видать, из меня поп вышел – профессионально профессиональный и стойкий религиозно.

И вот помню как-то раз, служил то когда я у брата моего церковного, у настоятеля, беса этого, на побегушках аки пасынок, случилось в храм наш девице прийти одной молоденькой. Ох, и хороша же была девица та видом и объемами, что аж дух у меня захватывало! Лет семнадцать ей было от роду, но румяна была как яблоко спелое, с грудями тугими налитыми и ликом под стать ангельскому. И вот говорила она, помнится, что сиротой недавно сделалась и решила она к Богу на весь век ей оставшийся обратиться, потому и к нам пришла, монахиней чтобы стать в храме нашем. «Вот ведь глупая человечина, – думал я тогда, – удумать решила, что Бог у нас здесь обитает... Станет он нас, торгашей бессовестных, слушать как будто, коли еще в тот раз хлыстом исхлестать решил, помнится». Но виду я не подал, конечно, ибо уж больно хороша девица та была малая. Ну и приняли мы ее, в общем, в обитель нашу по совету моему для настоятеля.

А совет то тот неспроста я дал – постепенно, со дня первого, стал я ее обхаживать, да к святости приобщить церковной жаждал. Уж и молитву ей вслух какую прочитаю, красуясь, уж и свечки для нее вечером на этаже первом зажгу для большей романтики, уж и так подходить к ней пытался, и эдак, да все не мил был. Грустила она днями и вечерами в доме нашем, о чем-то своем далеком и мне неведомом тоскуя, и по всему видно было, что тяготит ее место это и не находит она в нем то, что искала ранее, и уйти может от нас насовсем вскорости. И от желания своего неисполненного решился я тогда на поступок отчаянный – в келью к ней ночью силою ворвался, дверь ключами своими открыв, да и на постель ее бросил, и навалился сверху, желанием снедаемый. Кричать она хотела, да на помощь звать сперва, да только рот я ей рукой заткнул, пока дело свое делал быстрехонько. И пикнуть не успела девица та и особо опосля и не сопротивлялась. А напоследок пригрозил я ей, что отлучим мы ее от церкви святой нашей, ежели рассказать кому вздумает о случившемся, и поругаем ее прилюдно как от Бога отвернувшуюся, и хулить будем так, что и родители ее, почившие в миру том, нам неведомом, испугаются.

Смирилась девица та и ничего не сказала – лишь на следующий день повешенной на веревке бельевой в келье нашли ее мы. Молчал я, разумеется, и ничего о том не сказал, да и коли скажешь о том – пальцем у виска покрутит народ и усмехнется, не поверив. Святые мы в глазах их, видите ли, безгрешные. Ну, может, оно так и к лучшему. Да, а настоятеля то храма нашего вскорости со службы уволили за инцидент этот ужасный, по его недосмотру случившийся, так что я как вторая рука его место вскорости здесь и занял. Долго ли, умеючи? Неисповедимы пути, как говорится.

В общем, не знаю я особо с тех пор ни горя, ни забот, ни нужды. Недавно вот вообще идею какую гениальную удумал – храмы надувные начать, значится, изготавливать. Чтобы пришла процессия на место какое к мирянам некрещенным, храмик тот наш быстренько тут же развернула на неделечку, да и покрестила всех, и отмолила грехи всем, и отпела всех, и благословила, и прокляла. Эх, вера наша надувная, чего только ум хитрый человеческий изворотливый не понапридумывает! А за идею эту мне, отметить надобно, вышестоящие чины церковные разрешение на омовение машин водой святой выдали.

На днях вот и вообще бесов я изгонять научился из прихожан то этих самых, ведь простая процедура на деле то оказалась: объявляешь сначала кого грозно так одержимым и отродьем бесовским, и все от него в страхе шарахаются и крестить начинают, и боятся его как зачумленного, так что он и сказать то ничего не может особливо, а после ритуалы над ним всяческие экзорцистские проводить начинаешь, импровизируешь, не надоест пока. И храму твоему почет и авторитет, и недоодержимому этому потом чувство облегчения!

Так что бизнес мой теперь растет и ширится, как это между нами говорится, не по дням, а по прихожанам. Свечки вот еще с собой приносить мы этим бедным овцам нашим запретили недавно, ибо нефиг! Пусть наши покупают с заводика местного втридорого, коли такие уж верующие все из себя. Фу, презренные!

Лишь одно беспокоит порой меня, миряне вы мои дорогие. Вот жжется что-то внутри в груди где-то временами, и болит, и ноет. И так мерзко на душе моей порой становится, что прямо на луну эту самую хоть и вой от горя! Или сны еще, бывает, кошмарные природы бесовской приснятся. Но отпускает потом на время, слава Богу! Совесть, говорят, да не верю я в совести наличие, ибо зачем она человеку нужна то, когда вокруг соблазнов то столько поразложено? Неужели глас души то нашей, Богом данный? Мешает ведь только, глупая!

Уф, что-то поразоткровенничался я тут с вами шибко как-то, всего понарасказывал. Душу излил, так сказать. Ну, а раз излил, то и сжечь мне можно будет записку эту вскорости, успокоюсь как только. Ибо зачем вам для сохранения веры вашей в нас читать признания подобные надобно? Решительно во вред вере своей в избранность нашу будет то! Потому сожгу я завтра это все, как есть сожгу, и по ветру развею всенепременно. И чист буду аки младенец, и свят практически!

...Вот только чего же совесть то моя мне уж и спать не дает смирененько?

21.07.2012

*Жанр: Рассказ
Категория: Признанное*

Сушная мелочь

Он был рожден для великих дел. А жизнь складывалась из мелочей...

Твоя жизнь – сушная мелочь в сравнении с твоими мечтами о ней, правда? Но разве это твоя вина? Не переживай – конечно же, нет. Ты таким родился, таким тебя воспитали родители, таким тебя сделало общество, таким тебе просто приятно быть. Ты ни за что не отвечаешь в своей жизни, потому что ответственность – такая сушная мелочь! Ты даже не знаешь, собственно, почему она, твоя жизнь, сложилась именно так, а не иначе. Должно быть, такова была воля неведомых тебе случайных обстоятельств, а твоя собственная воля – такая сушная мелочь по сравнению с ними. И разве можно стать хозяином заранее написанной кем-то за тебя судьбы?

Ты с рождения чувствовал себя рожденным для великих дел. Это другие были обречены самой судьбой нести свой крест мелочных дел, мечтаний и амбиций год за годом, ты же был создан для чего-то великого, чего-то грандиозного, незабываемого, неповторимого, практически вечного... чего-то не мелочного. Как странно, что жизнь не предоставила тебе ни единого шанса продемонстрировать другим это твое величие, а оказалась какой-то мелочной нищенкой, постоянно кланчающей подаяние прямо на твоих собственных глазах. Как это мелочно с ее стороны!

Иногда тебе удавалось. Иногда ты всем своим существом чувствовал, что наконец-то совершил что-то важное, доброе, светлое, нужное – помог кому-то и сделал мир чуточку добрее. Но если взглянуть с другой стороны, все эти твои дела – такая сушная мелочь по сравнению с тем, что ты бы мог сделать в потенциале. Но – странное дело! – жизнь твоя складывалась исключительно из мелочей. Или это ты желал всего и сразу?

Иногда ты терпел поражение. Обманывался и обманывал, бил и был побиваем камнями, любил и ненавидел одновременно. Да, ты чувствовал, насколько невелики многие из твоих подлинных мотивов, твои побуждения и стремления – но разве ты не имел на них право? К тому же у тебя всегда остается время исправить свои ошибки... мелочь, а приятно.

Как же мелочно порой к тебе относились другие! И почему, собственно, они не могли быть более великодушными, более любящими и понимающими по отношению к тебе? Почему они творили какие-то глупости, говорили нелепицы и время от времени всячески старались вывести тебя из твоего идеального образа самого себя? Разве ты давал им право так относиться к тебе? Какие нелепые они существа! Впрочем, жизнь уже успела воздать некоторым из них по делам вполне заслуженно... мелочь, а приятно!

Если бы ты только знал, как единым махом сделать этот мир добрее по отношению к самому себе и по отношению к тебе лично! Но ведь гениями рождаются, а не становятся, правда?

А мелочная жизнь несправедливо лишила тебя возможности продемонстрировать собственную гениальность, не дала ни единой возможности раскрыть свои сожженные крылья и устремиться в полет к высочайшим высотам...

И вот теперь ты с внутренним остервенением и внешней непробиваемой блаженной улыбкой изо дня в день перекладываешь свои бумажки из папки в папку и из стола на стол, и называешь это работой. Ты очень большой начальник – бесконечно выше всех этих лебезящих перед тобой недостойных, которым так и не удалось взобраться на тот поддельный Олимп, на котором ты уже восседаешь долгие годы своей жизни... Мелочь, да, но как же приятно!

Ты, признаться, уже начал постепенно забывать о своих розовых мечтах детства и отважных дерзаниях юности – слишком, наверное, они были не от мира сего... слишком немелочны? Впрочем, какое теперь это имеет значение? У тебя есть официальная жена, свой дом и загородная вилла, свой счет в крупном банке, своя новая жизнь. Страх смерти порой одолевает тебя, но ты стремительно гонишь эти мелочные и зудящие мысли прочь.

Ты был рожден для великих дел – но будешь вынужден умирать, так и не реализовав своего подлинного божественного потенциала. Да и, в сущности, что такое смерть для никогда не живших... сущая мелочь, правда?

15.08.2011

*Жанр: Обращение
Категория: Признанное*